

Американские индейцы, их история, состояние и перспективы, из оригинальных заметок и рукописей

Генри Роу Скулкрафт

THE
AMERICAN INDIANS.
THEIR HISTORY,
CONDITION AND PROSPECTS,
FROM
ORIGINAL NOTES AND MANUSCRIPTS.

BY HENRY R. SCHOOLCRAFT.

TOGETHER WITH AN APPENDIX, CONTAINING THRILLING
NARRATIVES, DARING EXPLOITS, ETC. ETC.

NEW REVISED EDITION.

ROCHESTER:
WANZER, FOOT AND CO.
1851.

Электронная книга американских индейцев проекта Гутенберга

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Американские индейцы

Автор: Генри Роу Скулкрафт

Дата выхода: 4 мая 2012 [Электронная книга №39607]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Джулией Миллер, Гэри Ризом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе сканов материалов, находящихся в общественном достоянии, подготовленных Microsoft для их сайта Live Search Books.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "АМЕРИКАНСКИЕ ИНДЕЙЦЫ" ***



Сарония и большая литургия. ул. Фултон, 117, Нью-Йорк.
КИНГ ХЕНДРИК

АМЕРИКАНСКИЕ ИНДЕЙЦЫ. ИХ ИСТОРИЯ, СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ - ИЗ ОРИГИНАЛЬНЫХ ЗАМЕТОК И РУКОПИСЕЙ.

ГЕНРИ Р. СКУЛКРАФТ.

ВМЕСТЕ С ПРИЛОЖЕНИЕМ, СОДЕРЖАЩИМ ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ, ДЕРЗКИЕ
ПОДВИГИ И Т.Д. И Т.П.

НОВОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

РОЧЕСТЕР: ВАНЗЕР, ФУТ И КО.

1851.

Введен в соответствии с Актом Конгресса в 1851 году компанией GEO. H. DERBY & CO.,

В канцелярии окружного суда Соединенных Штатов по Северному округу Нью-Йорка.

ДЖУЭТТ, ТОМАС И КО., ТИПОГРАФИЯ, БУФФАЛО.

ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ.

Прошло двадцать шесть лет с тех пор, как я впервые посетил район долины Миссисипи с целью изучения ее тогда еще плохо известных особенностей, географических и геологических. Двадцать два года из этого периода прошли с тех пор, как я приступил к исполнению обязанностей исполнительного представителя правительства Соединенных Штатов в их более высоких северных широтах среди индейских племен на западе. Посвятив столь значительную часть своей жизни активной деятельности, в которой промежутки между путешествиями предоставляли мне благоприятные возможности для изучения языков и истории этой ветви расы, я, по-видимому, справедливо ожидал, что, приступая к рассказу об этом народе, следует сделать несколько предварительных замечаний, чтобы разъяснить читателю, как и почему случилось так, что его внимание вернулось к теме, которую он, возможно, считал почти исчерпанной. Предлагается сделать это с помощью некоторых кратких личных воспоминаний, начиная с упомянутого выше времени.

1814 год стал кризисом не только в нашей политической истории, но и в наших коммерческих, производственных интересах. Гентский мирный договор, положивший конец войне с Англией, был благословением для многих людей и классов в Америке; но по своим последствиям он имел немалую долю последствий проклятия для того класса граждан, которые были заняты в определенных отраслях промышленности. Особенностью кризиса было то, что эти люди были побуждены двойными мотивами вкладывать свой капитал и навыки в совершенствование и создание упомянутых мануфактур, исходя из реальных потребностей страны и высоких цен на иностранные товары. Многие из них не жалели усилий и затрат, чтобы удовлетворить этот спрос; и это был еще один результат времени: как только они хорошо зарекомендовали себя и встали на путь процветания, наступил мир и сбросил их с вершины успеха. Этот удар пришелся тяжелее по некоторым отраслям, чем по другим. Наиболее фатальным он был для тех фабрикантов, которые брались за производство тканей высочайшего качества или принадлежали к передовому уровню промышленного процветания нации. Как бы то ни было, однако, он с сокрушительной силой обрушился на ту отрасль, которой я занимался. Как только американские порты открылись для этих тканей, иностранные производители, которые могли продавать нам дешевле, хлынули грузом за грузом; и когда первые требования были удовлетворены, эти грузы было приказано продать с аукциона; цены немедленно упали до самой низкой отметки, и люди, вложившие в одно предприятие свое рвение, мастерство и деньги, были разорены одним ударом.

Каждый человек, оказавшийся в таком кризисе, должен мысленно отшатнуться от самого себя. Привычки к трудолюбию, чтению и раннее желание быть полезным поддерживали меня в предшествующий период жизни, несмотря на опасности и очарование веселой компании. В этой привычке или настроении уединяться в комнате было приятное средство консервативного характера, которое заполняло промежутки моих самых напряженных часов; и когда дело само по себе зашло в тупик, это помогло мне уравновесить свой разум, пока я готовился выйти на более широкую сферу деятельности и, более того, изменить весь свой жизненный план. Если это и не воспитывало дух правильного мышления и самостоятельности, то, по крайней мере, придавало некоторую степень спокойствия в периоды заметных пауз и, возможно, льстило способности действовать.

К счастью, я был еще молод, обладал хорошим животным духом и крепким телосложением и решил, что так не поступлю. Результат семи лет напряженных усилий, применявшихся с неослабевающим усердием и успехом, был выброшен на ветер, но это были семь лет жизни молодого человека, и я думал, что это можно исправить с помощью времени и усердия. Я надеялся, что то, что утаил восток, может быть восполнено другой четвертью. Я обратил свои мысли к западу и старательно прочитал все, что смог найти по этому вопросу. Результат войны 1812 года (если бы это соперничество не принесло золотого дождя американским промышленникам, как я мог честно засвидетельствовать в моем собственном случае) открыл для эмиграции и предпринимательства обширные территории к западу от Аллегани. Армии, посланные сражаться с индейцами и другими врагами на берегах озер Уобаш, Иллинойс, Детройт, Изюм и Майами, открыли взору привлекательные места для поселения; и едва меч был отброшен в сторону, как эмигранты взялись за топор и плуг. Этот результат стоил затрат на все соревнование, включая честь и славу. Полная прострация денежной системы страны, последствия раздачи городских участков и других земельных спекуляций, в то время как система была в полном расцвете, и очень отсталые сезоны 1816 и 1817 годов, сопровождавшиеся поздними и ранними заморозками, которые значительно уничтожили урожай кукурузы в атлантических штатах, - все это помогло обратить внимание на запад и юго-запад, где за короткий период, к которому относятся эти воспоминания, были заселены и организованы семь новых штатов, а именно: Индиана, Иллинойс, Миссисипи, Миссури, Алабама, Арканзас и Мичиган, помимо южных штатов. процветающие территории Висконсина и Айовы и более медленно развивающаяся территория Флориды. Мне казалось, что информация, географическая и прочая, о таком широком и разнообразном регионе, границы которого были плохо определены, должна быть интересной в такой период; и я не терял надежды, что средства моего будущего продвижения будут найдены в связи с тем участием, которое я мог бы принять в его исследовании. С такими взглядами я решил отправиться на запад. Это чувство, как я нахожу, выражено на обороте старого листка с отчетом о том периоде:

"Я пойду к западному фонтану,
Я буду бродить повсюду;
Пока какое-нибудь солнечное местечко не позовет меня, Пока какой-нибудь хранитель не прикажет мне подождать.

"Снег или буря — равнина, самая страшная
, Встанет перед слабой преградой,
Поскольку я ухожу от самых дорогих друзей,
Тогда не имеет значения, как далеко.

-Вперед!— здесь бесполезно задерживаться;
Дальше! — Я могу только зарабатывать или уходить;
Поскольку мое состояние ведет к салли,
тогда не имеет значения, как далеко.

Из "семи лет", на которые был сделан намек, я провел четыре в Новой Англии - стране, которая по прошествии долгого времени вызывает у меня любовь благодаря воспоминаниям о гостеприимстве, добродетели и мужественном уме.

Работая в вышеупомянутом направлении бизнеса, я подготовил примечания и материалы для своей первой публикации, в которой я стремился продемонстрировать важность знакомства с химией и минералогией для получения и сплавления многочисленных веществ в царстве минералов, в результате чего получают различные стекла, эмали и т.д. С ранней юности я развивал вкус к минералогии, можно сказать, задолго до того, как узнал, что минералогия - это наука; и по мере того, как открывались возможности, мои расспросы (которым я следовал с энтузиазмом, но с очень незначительной помощью) побудили меня добавить к этому некоторые знания по элементарной химии и экспериментальной философии и снабдить себя из Бостона и Нью-Йорка книгами, аппаратурой и тестами. Я не знаю, проводились ли какие-либо публичные лекции по минералогии и т. д. В то время, скажем, с 1810 по 16 год; конечно, в пределах моей досягаемости не было ни одной. Я черпал информацию из лучших источников, какие только мог, и считаю, что покойный профессор Фредерик Холл был единственным человеком, которому я был обязан хотя бы эпизодическими инструкциями по этим кафедрам. Он был человеком, глубоко преданным некоторым естественным наукам, особенно минералогии; и был сведущ в старых авторах по этому предмету, которых любил цитировать; и я могу сказать, что продолжал пользоваться его доверием и дружбой до момента его смерти, которая произошла в 1843 году. Из таких источников, из прилежного чтения книг и из экспериментов, проведенных с преимуществом наличия в моем ведении обширных работ в разное время в штатах Нью-Йорк, Вермонт и Нью-Гэмпшир, я почерпнул принципы, которые легли в основу моего трактата по витреологии. С этой работой в руках я покинул Кин в Нью-Гэмпшире в начале зимы 1817 года; и, перейдя реку Коннектикут в Браттлборо, направился через Зеленые горы по дороге Беннингтона в Олбани, а оттуда вернулся в дом моего отца в западной части Нью-Йорка. Не теряя времени, я внес предложения по работе; и я с удовлетворением обнаружил, что опубликованные части и весь план и его достоинства были горячо одобрены пером покойного мистера Мейнарда из Утики и несколькими либерально настроенными и интеллигентными людьми. Прежде чем покинуть Новую Англию, я решил отправиться в долину Миссисипи и начал изучать ее географию; и теперь я решил приступить к делу без ненужных задержек.

Средства составляют первый объект заботы во всех подобных начинаниях. Отлив промышленного процветания, о котором я говорил, оставил меня очень бедным. Из осколков прежних приобретений, которыми, однако, я был обязан исключительно своему собственному трудолюбию, я собрал небольшую сумму денег — думаю, гораздо меньшую, чем большинство людей, решивших зайти так далеко, были бы готовы начать. По правде говоря, у меня было всего шестьдесят долларов; но я обладал очень хорошим гардеробом и некоторыми другими личными средствами, которые, как можно предположить, должны быть у человека, много лет жившего в достатке. Я собрал миниатюрную коллекцию минералогических образцов, которые послужат эталоном для сравнения на западе, несколько инструментов для анализа, несколько книг, которые, как я думал, будет трудно найти в этом регионе, и кое-какие чертежные материалы. Я каким-то образом связывал эти вещи со своим будущим успехом. В остальном, как уже упоминалось выше, у меня были средства для того, чтобы выглядеть респектабельно. Подготовившись таким образом, я попрощался со своими отцом и матерью, а также с тремя сестрами и братом, все младше меня, и двинулся в путь. Началась зима 1818 года, когда я добрался до дома моего брата в Женеве, на западе Нью-Йорка. С этого места я решил свернуть

с главной дороги, пролегающей через округ Дженесси на запад, и выйти к верховьям реки Аллегани, чтобы спуститься по ней с весенним половодьем.

Мой брат довез меня на своих санях до Анжелики. К тому времени, как мы добрались до этого места, он, не будучи путешественником и сильно утомленный сложностями и неровностями дороги, был рад отказаться от своего предприятия, и я расстался с ним, отослав обратно сани из Олеана, чтобы отвезти его домой.

Река Аллегани была скована льдом, когда я добрался до нее. У меня была возможность пересечь его пешком и изучить поблизости те свидетельства образования угля, которые обнаружены в массивах битуминозного сланца, глинистого угля и нефти. Река начала вскрываться примерно в середине марта. Я покинул Олеан на первом в сезоне "ковчеге", который несло вниз по широкой реке Аллегани в самый разгар разлива, часто по извилистым каналам, и однажды мне грозила опасность перелететь через мельничную плотину из-за того, что я выбрал не тот канал.

В другой раз, как раз когда мы подходили к разделению ла-манша во главе группы островов, высокий индеец Сенека, стоявший на носу очень длинного соснового каноэ, крикнул с особым акцентом: "Держитесь правее — я говорю". Мы последовали этому направлению и были спасены от еще одной неудачи. На ночь мы привязали ковчег к берегу, развели на берегу костер и приготовили ужин. Когда мы проходили мимо реки Коновонга, она была в разгаре своего разлива и, казалось, приносила столько же воды, сколько и Аллегани. Мы остановились в деревне известного главного плантатора Кукурузы, а также, чтобы удовлетворить любопытство, связанное с опасным приключением Вашингтона при посещении форта де Боеф, ныне Эри, в устье Френч-Крик. В Киттанинге на большом паром-шаланде гребли и управлялись две женщины или девушки с такой степенью мускульного напряжения или, скорее, непринужденности, которая заставила бы покраснеть многих мужчин к востоку или западу от Аллегани. Тон, осанка и мужская сила этих девушек-лодочниц ни о чем не напоминали мне в этой части описания амазонок Роллином - за исключением того, что то же самое не было заметно при натягивании лука. Отвесные холмы тянутся по обоим берегам реки вдоль ее верховьев и продолжают, действительно, на больших расстояниях друг от друга, почти до впадения Мононгахелы; но задолго до этого места поток приобретает величественные размеры, чистый, широкий и сильный. После захватывающего и живо интересного путешествия я добрался до Питтсбурга и приземлился в нем.

№ II.

Я думаю, это доктор Джонсон говорит, что мы пользуемся незначительными поводами для радости. По крайней мере, так мне показалось в данном случае; день моего приезда был днем моего рождения, и требовалось лишь немного напрячь воображение, чтобы превратить сцену, на которую я теперь попал, в новый мир. Это было ново для меня.—Теперь я находился практически в великой геологической долине запада, объекте стольких ожиданий.

Ковчег, в котором я спустился по Аллегани, причалил к берегу недалеко от мыса, образованного впадением Мононгахелы в этот прекрасный чистый ручей. Темные и медленно текущие воды одного сильно контрастировали со сверкающей скоростью другого. Я почувствовал

приподнятое настроение, когда спрыгнул на берег и подобрал несколько чистых камешков, чтобы посмотреть, какие геологические свидетельства они несут о действительном характере их материнских залежей в Апалачском хребте.

"Сколько мне заплатить вам за проезд из Олеана?" - спросил я джентльмена, с которым я спустился вниз и за чьим столиком-ковчегом я нашел свободное место с его семьей. "Ничего, мой дорогой сэр, — ответил он быстро и дружелюбно, - Ваша веселая помощь в пути, когда вы брались за веславский раз, когда этого требовали обстоятельства, с лихвой компенсировала любые претензии на этот счет, и я сожалею только о том, что вы не пойдете с нами дальше".

Передав свой багаж возчику, я со всем рвением взобрался на берег из разбавленной земли и гальки и направился к тому месту, где раньше стоял форт Питт (старый форт Дю Кен). Недалеко от этого места Аллегани и Мононгахела соединяются и дают начало благородному Огайо. Стоять у истоков такого ручья - это нечто. Очарование новизны превосходит все остальные. Я мог мысленно осознать, когда стоял здесь, глядя на великолепную перспективу смешивающихся вод и их выдающихся и разнообразных берегов, идею, которая, как говорят, воплощена в старинном субстантивном восклицании минго "О-хе-о!". термин, следует помнить, который ранние французские переводчики сразу же перевели, и, как полагают, действительно, под названием *La Belle Rivière*.

Пока, сказал я себе, все хорошо — сейчас я нахожусь к западу от великой позвоночной цепи. Все, что я знаю об Америке, сейчас находится довольно далеко от меня к востоку — яркие ручьи, теплые сердца и все такое. Я практически вырвался на волю в широких водах запада. Я уже проехал столько сотен миль, сколько дней в неделе, но я начинаю свое путешествие здесь. Я, так сказать, взял свою жизнь в свои руки. Отца и мать, возможно, я больше никогда не увижу. Бог знает результат. Я иду искать и исполнять неизвестное предназначение. Будь то счастье или горе, я смирюсь с результатом. Все ручьи текут на юг, и я отложил "время и возможность" для путешествия вместе с ними. Я всего лишь обломок на их поверхности — не более того! Суждено ли моим костям покоиться в этой великой долине, или к западу от Кордильер, или в Скалистых горах, я не знаю. Я буду часто думать о серебряном Иоско, чем дальше я от него удаляюсь. Используя местную метафору, моя нога на тропе, а слово - вперед! "Паук цепляется руками, - говорит Соломон, - и находится во дворцах царя". Поистине, человек должен достичь усердием не меньшего, чем паук.

Питтсбург уже тогда был оживленным промышленным городом, заполненным работающими машинами, паровыми двигателями, молотами, печами и угольным дымом. Я посетил мистера О'Хару и нескольких других ведущих производителей. Они производили стекло, прутки железа, гвозди, грубую керамику, литье и многие другие изделия, которые заполняли его лавки и склады и придавали ему городской вид. Каждый дымоход и труба, перпендикулярная или боковая, выпускали густой угольный дым, и требовалась некоторая сноровка, чтобы полдня содержать воротник в чистоте. Я встречал дам, которые переносили это впечатление города в свой утренний туалет. Я снял комнату у миссис Маккалоу, respectable отеля на Вуд-стрит, и посетил различные мануфактуры, которыми это место славилось тогда и славится сейчас. В ходе этих визитов я собрал точные данные о стоимости сырья, месте его получения, затратах на производство и цене готовой ткани. Таким образом, у меня была совокупность фактов, которые позволили мне, по крайней мере, с пониманием рассуждать на эти темы, предоставить моим друзьям на востоке подходящие данные и сравнить преимущества местного производства с

теми, которыми обладают восточные и средние государства. Однако в деловых перспективах запада все было на сравнительно низком уровне. Разрушительные последствия войны и *мира* ощущались одинаково. Мы завоевали Англию во втором сражении, но были измотаны приложенными усилиями. Страна так и не оправилась от жертв и утрат серии военных операций, которые наиболее тяжело сказались на населении запада. Его сельскохозяйственная промышленность была подорвана. Его финансовые дела были расстроены. Его местные банки были разорены; его мануфактуры были полностью разрушены. Доверия к бизнесу было мало, и кредит, государственный и частный, никогда не падал. Однако было одно дело, в котором запад открывал блестящие перспективы. Здесь было изобилие самых прекрасных земель в мире, и фактически, это обещало стать счастливым домом для сельскохозяйственной промышленности половины мира. Это была буквально земля обетованная для остального союза, если не для Европы.

Увидев в Питтсбурге все, что мне хотелось, я нанял лошадь и, переправившись через Мононгахелу, поднялся по ее южным берегам до самого Уильямспорта. Я обнаружил, что у деревенских жителей вошло в привычку называть город "Питт" или "Форт Питт", термин, восходящий, несомненно, ко времени капитуляции или, скорее, вступления во владение форта Дю Кен генералом. Forbes. Минеральный уголь (битуминозный) характеризует весь регион, насколько охватила моя экскурсия. По счастливому совпадению в его геологическом строении железные руды содержатся в серии угольных месторождений. По возвращении из этой поездки наступила ночь, очень темная: вечером я приблизился к вершине долины Мононгахела, называемой Угольный холм. Длинная и извилистая дорога вниз по этому крутому склону представляла собой одну массу движущейся грязи, различавшуюся только по своей консистенции топами, достаточными, чтобы увязнуть и человеку, и лошади. Я был вынужден позволить животному выбирать свой собственный путь и мог оказать ему помощь только тогда, когда вспышки молний на мгновение озаряли местность ярким светом, который, однако, часто не имел никакого другого эффекта, кроме как напоминать мне об опасности. Наконец он благополучно доставил меня на берег реки и перевез на пароме.

Оказаться в верховьях реки Огайо, в огромном промышленном городе Запада, само по себе было захватывающей мыслью. Я рассматривал Питтсбург как альфа на своем маршруте, и после того, как я ознакомился с его характеристиками и не нашел ничего, что привлекло бы мое дальнейшее внимание, я приготовился двигаться дальше. С этой целью я однажды спустился к берегам Мононгахелы, туда, где обычно соприкасаются ковчеги этого ручья, чтобы поискать проход. Я встретил на пляже молодого человека из Массачусетса, некоего мистера Бригема, который приехал с тем же поручением, и, оставшись довольными друг другом, мы вместе взяли билет и, немедленно погрузив наш багаж на борт, отправились в путь в тот же вечер. Плыть в ковчеге по одной из красивейших рек мира было, по крайней мере, в новинку, а поскольку всякое новшество доставляет удовольствие, мы продолжили путь очаровательно. На борту было около десяти или дюжины пассажиров, включая две супружеские пары. Мы прогуливались по палубам и с неподдельным восторгом разглядывали постоянно меняющийся пейзаж за каждым поворотом. Ночью мы ложились поперек лодки, ногами к камину, в ряд, почти не уменьшая гардероба, который носили днем, — женатые люди, как легкая пехота в армии, занимали фланги нашего ночного строя. Единственное возражение, которое я обнаружил против ночного отдыха, возникло из-за молчаливой обязанности каждого из них чиниться на палубе при глухом ночном крике рулевого "весла!". Это был крик, который, однако, раздавался редко, за исключением тех случаев, когда нам грозила опасность быть выброшенными течением на оконечность какого-

нибудь острова или на какую-нибудь хмурую "корягу", так что мы были обоюдно заинтересованы в том, чтобы вовремя отреагировать на этот крик. Из-за этого сном можно было наслаждаться лишь урывками, иногда вызываясь короткими, и наши сны о золотых долинах, усыпанных жемчугом и драгоценными камнями, странным образом перемешивались с реальным присутствием простых вещей, таких как бег по ярусу "старой мононгахелы" или то, что кто-то наступил на пальцы, карабкаясь по палубе. Мы ели на коленях, сидя вокруг на ящиках и бочках, и восполняли недостаток стиля или элегантности сердечным настроением и практической демонстрацией лучших принципов "товарищества". В этом способе плавания была еще одна приятная особенность. Два или более ковчега часто соединялись вместе по приказу их командиров, благодаря чему круг наших разговоров расширялся, и не было редкостью встретить и певцов, и музыкантов в сообществах, переезжающих на "запад", так что те, кто был склонен, могли буквально танцевать на ходу. Это, безусловно, был социальный способ покорения дикой природы, который дает некоторое представление о живучести американского характера. Как это отличалось от ощущений, которые испытываешь, плывя вниз по тому же самому потоку, теми же средствами, в эпоху Благоденствия — мрачную эпоху 1777 года, когда вместо скрипки или флажолета единственным звуком, которого можно было ожидать при каждом новом изгибе канала, был треск индийского ружья.

Отъехав, командир нашего ковчега пристал к более крупному кораблю с "Мононгахелы", который, помимо других знакомых, познакомил меня с покойным доктором Селлманом из Цинциннатти, который был хирургом в армии Уэйна. Это открыло передо мной целый ряд воспоминаний, которые были совершенно новыми для меня и придавали этой сцене исторический интерес. Примерно в дюжине миль ниже этого города мы приземлились на равнине Грейв-Крик-Флэтс, чтобы посмотреть на большой курган в том месте. Тогда я не знал, что это было самое большое искусственное сооружение подобного рода в западной стране. Он был покрыт местными деревьями, некоторые из которых достигали нескольких футов в диаметре, и действительно, по существу, имел тот же вид и характер, которые я обнаружил двадцать пять лет спустя, когда специально посетил этот замечательный мавзолей, чтобы убедиться в характере некоторых предметов старины, хранящихся в нем. Поднявшись на плоскую вершину кургана, я обнаружил вокруг очаровательную перспективу. Вершина была всего 50 футов в поперечнике. В его центре была чашеобразная вогнутость, наводившая на мысль о том, что здесь была какая-то внутренняя подструктура, которая дала трещину и заставила землю прогнуться. Эта идея, вынашивавшаяся более полувека, была окончательно подтверждена в 1838 году, когда мистер Абельяр Томлинсон, внук первого владельца, распорядился открыть его. Они обнаружили два замечательных склепа, построенных частично из камня, а частично из бревен, как можно было судить по отпечаткам в земле. Они располагались примерно в семнадцати футах друг от друга, один над другим. В обоих были найдены кости, остатки человеческих скелетов, а также медные браслеты, пластинки слюды, морские раковины, бусы из кованой раковины, которые многие называют "слоновой костью", и некоторые другие реликвии, большинство из которых были аналогичны изделиям того же рода, найденным в других древних курганах на западе. Это событие действительно не оправдало бы возлагавшихся на него больших надежд, если бы не обнаружение в одном из хранилищ небольшого плоского камня овальной формы, содержащего надпись древними письменами. Эта надпись, которая обещает пролить новый свет на раннюю историю Америки, не расшифрована. Ее копии были отправлены за границу. Ученые из Копенгагена считают, что это

кельтиберский алфавит. По их мнению, это не рунический алфавит. На нем, по-видимому, всего один иероглиф, или символическая фигура.

Это открытие камня с надписью вызывает большой исторический интерес. Томлинсон, дедушка, поселился на этих равнинах в 1772 году, за два года до убийства семьи Логана. Тогда равнины и насыпь покрывали большие деревья, не уступающие по величине любым в лесу. В упомянутом мною углублении, на вершине холма, рос большой бук, который мы посетили ранее, о чем свидетельствовали несколько имен и дат, вырезанных на коре. Среди них была одна с датой 1734 года нашей эры. Я видел, что это указано собственноручно мистером Томлинсоном. Это место продолжало активно посещаться с 1770 по 1790 год, о чем свидетельствуют более новые названия и даты, и действительно, продолжает оставаться таким до сих пор. Во время моего первого визита в 1818 году на самой вершине кургана стоял большой засохший белый дуб, который был срублен, по-видимому, около десяти лет спустя. При подсчете кортикальных слоев было установлено, что ему около 500 лет. Это означало бы, что разрушение кургана произошло примерно в начале 13 века. Допуская то, что кажется совершенно очевидным, что надпись европейского происхождения, разве этот факт не свидетельствует о том, что континент был посещен до эры Колумба? Кто его посетил? Народом или отдельными лицами, можно сказать, которые пользовались древним алфавитом, который широко использовался (хотя и был искажен, разнообразен и усложнен своим распространением) среди местного духовенства западных берегов и островов Европейского континента до введения латинского алфавита.

Следующим объектом антикварного интереса в моем происхождении был Галлиполис — место первоначального французского поселения на западном берегу, с которым связана очень интересная история в истории западных миграций. Это возвышенная и подходящая равнина, которая раньше была местом поселения индейцев или аборигенов. Некоторые предметы, найденные в кургане, такие как пластинки из слюды и морских раковин, а также бусы из кованой раковины, указывают на тот же отдаленный период существования этого древнего поселения, что и поселение в Грейв-Крик-Флэтс; но я никогда не слышал о каких-либо надписанных предметах или памятниках с буквенными знаками.

Весь остальной известный тогда интерес к этому предмету уступил тому, который проявился при осмотре антикварных работ в Мариетте. Как и многие другие, кто был до меня и многие, кто последовал за мной, во время моего визита я почувствовал, прогуливаясь по этим полувоенным руинам, сильное желание узнать, кто воздвиг сооружения, столь отличные от сооружений нынешней расы индейцев, и в какой период ранней истории континента? Очевидно, был проложен крытый путь от окраины Маскингума к возвышенной площади, демонстрирующий более чем обычную степень военного мастерства, проявляемого западными индейцами. Тем не менее, эти работы выявили одну черту, которая сближает их по характеру с другими работами аналогичного типа на западе. Я намекаю на защиту открытых ворот небольшим холмиком; это ясно указывает на то, что проход должен был быть оспорен мужчинами, сражающимися врукопашную, которые просто искали преимущества в применении силы рук за счет возвышенности позиции. Курганы Мариетта также по стилю совпадают с другими в долине Огайо.

Через несколько лет после этого визита недалеко от этого места была найдена свинцовая пластина, о которой сообщил губернатор. Клинтон в письме Американскому обществу антикваров в 1827 году, но надпись на нем, сделанная на латыни, но изуродованная,

доказывала, что оно относилось к периоду французского господства на Канадах. По-видимому, первоначально он был заложен в устье реки Венанго в 1749 году нашей эры, во времена правления Людовика XV.

Во время пребывания в Мариетте наша флотилия пополнилась еще одним ковчегом с "Маскингума", который познакомил меня с достопочтенным Дж. Джесси Б. Томас из Иллинойса, любезности которого я впоследствии был несколько раз обязан. Подкрепившись таким образом, мы двинулись дальше, восхищаясь пейзажем каждого нового поворота реки и расширяя круг наших попутчиков и знакомых за столом, если это можно назвать знакомством за столом, который собирается вокруг стола в деревенском стиле. Однажды ночью с нами произошел несчастный случай, который грозил полной потерей одной из наших флотилий. Случилось так, что в месте нашей высадки меньший ковчег, находившийся снаружи, был прижат большими ковчегами так далеко от берега, что противоположный борт опрокинулся в поток ниже заделанного шва. Она затонула бы через несколько минут, но удержалась, частично из-за крепления к другим лодкам. Чтобы усилить интерес, она была заполнена ценным оборудованием. На берегу собралось целое сообщество путешественников, одни бросали камешки, а другие проявляли более глубокий интерес к судьбе лодки. Была предпринята одна или две безуспешные попытки вычерпать его, но вода прибывала быстрее, чем ее удавалось удалить. Казалось, ничего другого не оставалось, как обрубить веревку и бросить ее. "Я чувствую удовлетворение, - сказал я своему массачусетскому другу, - что двое мужчин, вычерпывающих воду из всех сил, *могут* за определенное время вылить больше воды, чем пропускают эти швы; и если вы присоединитесь ко мне, мы проверим это, попробовав еще раз". С полным согласием и готовностью проявить добрую волю он откликнулся на это предложение. Мы сняли пальто, и каждый, взяв по ведру, ступил в воду, затем погрузился на половину ноги в ковчег и начал вычерпывать воду из всех сил. Проявив решительность, мы вскоре с удовлетворением увидели, что линия воды опустилась ниже, и, воспрянув духом, нам наконец удалось опустить ее уровень ниже заделанного пласта. Очко было выиграно. Теперь к нам на помощь пришли другие. Ковчег и его механизмы были спасены. Этот маленький инцидент был одним из тех, которые вызвали у всех приятные ощущения и, возможно, привели впоследствии к некоторым любезностям, которые были ценны для меня. Во всяком случае, мистер Томас, владелец "ковчеха", был так доволен, что заказал на берегу теплый завтрак из тостов, цыплят и кофе для всей компании. Это была приятная замена нашему обычному завтраку с беконом и чаем на борту. Такие маленькие происшествия служат новым источником вдохновения для путешественников: сами берега реки выглядели еще более восхитительно после того, как мы отчалили и тем утром отправились в путь. Удовлетворенный аппетит так много связан с внешним видом вещей, как снаружи, так и внутри.

Апрель месяц уже практически открылся. Сезон был восхитительный. Каждый сельский звук был радостным— каждое зрелище - новым, и тысячи обстоятельств объединились, чтобы сделать путешествие глубоким и безраздельно интересным. В это раннее время года ничто в растительном царстве не придает лесу более поразительного и приятного характера, чем часто встречающийся *celtis ohioensis*, или Красный бутон. Он представляет собой идеальный букет из красных или розовых лепестков, в то время как на его ветвях и во всем лесу нет ни одного облетевшего листа.

На спуске в Цинциннати, где мы благополучно приземлились, не произошло никаких инцидентов, еще более угрожающих благополучию нашей группы. Но задолго до того, как мы

достигли этого города, его *останцы*, выражаясь геологическим языком, были встречены длинными вереницами и плотами из досок и соснового бруса от истоков Аллегейни, а также ковчегами и плоскодонками из всех мыслимых мест, со всеми мыслимыми названиями, к северу от его широты. Затем пароходы, стоящие вдоль галечных или глинистых берегов, затем пара паровых мельниц, вздымающих свою израсходованную мощь до облаков, и, наконец, плотная масса кирпичных и деревянных зданий, выступающих прямоугольными улицами вниз — с высоких и чрезвычайно красивых и господствующих холмов в тылу. Все соответствовало высоким ожиданиям. Здесь действительно был город, на том самом месте, откуда Сент-Клер отправился в свою злополучную экспедицию в 1791 году против враждебных индейцев. Двадцать пять лет ушло на то, чтобы превратить дикую местность в сцены культивирования и элегантности, воплотив в жизнь без размытых очертаний веселые творения восточной сказки.

№ III.

В это время (1818 г.) Цинциннати представлял собой быстро растущий город, который, по-видимому, в силу каких-то общих причин внезапно приостановил свой рост. Рабочие оставили целые ряды недостроенных кирпичных зданий. Банки и офисы корпоративных и производственных компаний нередко оказывались закрытыми. Не потребовалось также долго искать или расспрашивать, чтобы узнать, что он знал и более процветающие времена. Филиал американского банка, недавно открытый там, подвергся многочисленным и горьким, но я не знаю, насколько справедливым, нападкам. Но если во всех департаментах не было прежней жизни и атмосферы, которые существовали раньше, то имелось множество свидетельств существования ресурсов в городе и стране, которые должны возродить и подтолкнуть его вперед в карьере и росте, чтобы он не уступал ни одному городу к западу от Аллегани. Я полагаю, что своим происхождением этот город обязан Джону Кливсу Саймсу, тестю покойного президента Харрисона, уроженцу Джерси, который, планируя его, взял за образец Филадельфию. Это придало его улицам и площадям регулярность, которую посетители сразу узнают как характерную для его происхождения. Он стоит на мощном разреженном пласте, состоящем из различных слоев глины, суглинка, песка и гравия, расположенных на двух больших плато, или первом и втором берегах, самое низкое из которых находится примерно на тридцать-сорок футов выше обычного летнего уровня Огайо. Тем не менее, было известно, что эта река иногда, но редко, преодолевала этот барьер и вторгалась в самые нижние улицы города. В этих диллювиальных слоях обнаружены некоторые любопытные антикварные реликвии, которые уводят мысли о своем происхождении дальше, чем индейская раса. Самым любопытным из них, если мне правильно доложили факты, было обнаружение маленькой железной подковы старинной формы, найденной на глубине двадцати пяти футов под поверхностью земли при разметке одной из улиц, и тупого конца, или обрубка дерева, в другом месте, на глубине девяноста четырех футов, вместе со следами зазубрины топора и железного клина. У меня не было возможности проверить эти факты, но я заявляю о них как о заслуживающих доверия на основании подтверждающих свидетельств, предоставленных им другими открытиями в большом геологическом бассейне запада, исследованными мной, которые указывают на присутствие человека в Америке до отложения последнего из неуплотненных отложений эоценовой серии.

Наша флотилия здесь распалась, и люди, образовавшие ее плавучее сообщество, разделились, каждый пошел своим путем и разделил взгляды. Я завел несколько знакомств, имена которых вспоминаю с удовольствием. Доктор С. пригласил меня отобедать с ним, представил меня своему молодому партнеру, доктору Мурхеду, и помог мне получить подходящее частное жилье. Три недели, которые я провел в этом городе, прошли приятно, хотя и были разнообразны короткими экскурсиями по окрестностям, включая Лик—вэлли - ручей, впадающий в реку со стороны Кентукки, прямо напротив города. Однажды я пошел посмотреть на экспериментальное сооружение, построенное у подножия Уолнат-хиллз, с очень длинной трубой или деревянной камерой, ведущей по их бокам и возвышающейся над их вершинами. Это было построено гениальным человеком на средства покойного генерала. Литтл, в уверенной надежде на то, что он получит практическую механическую энергию от *разрежения атмосферного воздуха*. По общему признанию, *мощность* существовала, но трудность заключалась в умножении этой мощности, чтобы сделать ее практически применимой для вращения механизмов. Заявленный коэффициент его увеличения, а именно длина трубы, показался мне совершенно ошибочным, и результат доказал это. Впоследствии от этой идеи отказались. Здесь был древний курган, который тогда еще не вскрывали, но на котором с тех пор обнаружен камень с любопытным орнаментом, украшенный чем-то вроде арабесок, не отличающихся по стилю рисунка от некоторых грубых скульптурных фигур Юкатана, о чем недавно рассказали мистер Стивенс и мистер Катервуд.

Однажды я получил записку от одного из директоров завода по производству Белого свинца, расположенного над городом, с просьбой посетить его и подробно ознакомиться с процессами производства. Последний, как я обнаружил, был неисправен в способе разъедания свинца уксусной кислотой; также было ненужное усложнение и количество оборудования для доведения оксида до состояния хорошего пигмента и разливки его по бочонкам, что было очень обременительно по своей стоимости и постоянно выходило из строя.

Именно во время моего пребывания здесь я впервые ощутил воздействие западных известняковых вод на желудок и кишечник и заплатил за приобщение к этой привычке, как и все незнакомцы, несколькими днями заключения. Доктор М. привел меня в чувство и остановил болезнь, не оказав какого-либо необратимого вредного воздействия на мое общее состояние здоровья.

Когда я был готов отправиться вниз по реке, я пошел искать проход вдоль пристани, но не нашел лодки (в те дни пароходов было мало). Прогуливаясь по пляжу, я встретил мужчину джентльменской внешности, который испытал такое же разочарование и желал продолжить свой путь. Он сказал мне, что нашел небольшую гребную лодку, хорошо построенную и оборудованную сиденьями, которую можно купить за разумную сумму; что в ней очень хорошо поместится наш багаж, и он подумал, что мы могли бы совершить в ней приятное путешествие до Луисвилля у Водопадов, где достаточно средств сообщения на пароходах. Осмотрев лодку и немного расспросив, я согласился с этим предложением, и у меня не было причин сожалеть об этом. Этот джентльмен, чье имя я забыл, но которое находится где-то среди моих бумаг, был уроженцем города Нанси, но проживал в Балтиморе. Он был, как, я полагаю, и сам город, франко-немцем, очень хорошо говорившим на этих двух языках и с особенностями на английском. У него было доброжелательное и честное лицо и общительные, приятные манеры, не слишком свободные и не чопорно замкнутые; и мы проделали путешествие без происшествий, хотя однажды нам едва удалось спастись от пыльника, одного из той коварной

группы этих речных вредителей, которые на западном жаргоне называются спящими пильщиками. Стоял май; атмосфера была мягкой и благоухающей, напоенной ароматами распускающейся растительности; мы попеременно брались за весла и штурвал; перед нами постоянно открывались красивые виды; мы высаживались на берег, чтобы поесть и поспать, и все путешествие, занявшее самое большее три-четыре дня, было совершенно восхитительным.

Мы сошли на берег в Вебе, где швейцарцы тогда только начали выращивать виноградную лозу, чтобы осмотреть виноградники и способы их выращивания. С тех пор я стал свидетелем этой культуры на берегах Рейна и обнаружил, что она очень похожа. Виноградные лозы тщательно подрезают, чтобы они не одревеснели, и приучают к тонким побегам, которые располагаются в порядке садовой грядки с фасолью, которую в соответствующее время года они очень напоминают. Мы также попробовали вино и нашли его невкусным.

В последний день путешествия мы взяли в нашу лодку молодого врача - голландца, недавно прибывшего в страну, сказав ему, что в качестве эквивалента мы должны ожидать, что он займет свою очередь за веслами. Это был мужчина небольшого роста, хорошо сложенный, довольно неряшливый, но довольно хорошо одетый, с голубыми глазами, румяным лицом и очень разговорчивым. Однако из всего, что он сказал, безусловно, самой поразительной частью был его рассказ о своем мастерстве в лечении рака. Было ясно, что он был странствующим врачом-онкологом. Среди прочего он сказал, что получил приглашение поехать и вылечить губернатора Индианы. Теперь по правую руку от нас была Индиана, а по левую - Кентукки.

Таковы основные происшествия поездки. Мы благополучно добрались до места назначения и приземлились на великолепной природной лесной стене, или парке, который образован впадением ручья Беарграсс в реку Огайо, прямо перед Луисвиллем или немного выше него. Здесь мы продали нашу лодку, сняли отдельное жилье и расстались. Через день или два я узнал, что у моего друга из Нанси есть процветающая школа военной тактики и упражнений с мечом, куда по его приглашению я отправился навестить его. От этого человека я узнал, когда мы спускались по реке Огайо, что *правый* и *левый* берега реки в военной науке определяются предполагаемым положением человека, стоящего у ее истока и смотрящего *вниз*.

Я обнаружил в известняковых породах, образующих русло реки между городом и Корн-Айлендом, аммонийную кору и некоторые другие виды органических остатков; и пока я оставался здесь, а это было несколько недель, я написал заметку для одной из газет о месторождении марганца на Сэнди-Ривер, Кентукки, и другие о некоторых других объектах естественной истории на западе, которые, как я понял, были скопированы на востоке и хорошо приняты. Это была моя теория, что в Атлантических Штатах ощущался общий интерес к информации с запада, и этот небольшой инцидент ободрил меня.

Пароходный канал, построенный с тех пор вокруг водопада в этом месте, был тогда проектом, о котором только говорили, и здесь он упоминается только для того, чтобы упомянуть, что при его фактическом последующем выполнении, как нам сообщили, рабочие подошли на глубине четырнадцати футов под поверхностью известковой скалы, к кирпичному очагу, покрытому тем, что, по-видимому, было остатками древесного угля и золы.

Я почти ежедневно совершал прогулки по прекрасной набережной, затененной высокими деревьями, увитыми их местными лианами, вдоль ручья Беарграсс, который является обычным

местом стоянки ковчегов и лодок. В один из таких случаев прибыл большой ковчег, который был погружен в Перриополис, на реке Иогани, примерно в тридцати милях от Питтсбурга. Двумя владельцами были К. и К., мэрилендцы, оба молодые люди или приближающиеся к среднему возрасту, которые собрали необходимые средства и в духе приключений решились на торговое путешествие. В облике и манерах обоих было что-то такое, на что, как мне казалось, я мог положиться в плане приятного путешествия, тем более что они видели во мне не конкурента в коммерции какого бы то ни было рода, а простого наблюдателя, — характер, который, как я не раз убеждался, ставил меня в нейтральное положение и давал преимущества. Пароходы - наихудшее транспортное средство, когда-либо изобретенное изобретательностью человека для наблюдения за страной, за исключением последнего усовершенствования локомотивов на железных дорогах. Особенно для натуралиста они действительно ужасны. Ни одно дерево или растение не может быть исследовано; ни одна раковина или камень не могут быть определенно идентифицированы. Сотни миль преодолеваются за несколько часов; эффект скорости заключается в уничтожении пространства; город сменяет город, а объект - объект с такой быстротой, что не остается времени для наблюдений или размышлений; и после того, как путешественник достигает пункта назначения, он часто серьезно сомневается в том, что он видел, а чего не видел, и так же сильно озадачен тем, чтобы собрать воедино точные особенности географии страны, как если бы его призвали заново привести в порядок разрозненные эпизоды ночного сна. У меня было еще одно возражение против этого класса лодок в упомянутую эпоху. Их котлы и механизмы не были сконструированы с особым мастерством и прочностью; их командиры часто были несдержанны, и существовал дух безрассудного соперничества, результаты которого нередко проявлялись во взорванных, потопленных или севших на мель лодках и гибели людей.

Согласно закону, лоцманы предусмотрены для всех лодок, спускающихся с водопада — спуск, кстати, который можно совершить только со стороны штата Индиана. Когда этот офицер поднялся на борт, владельцы сочли за лучшее отправиться по суше в Шиппингпорт. Я меньше, чем они, беспокоился о его безопасности, но все же испытывал желание стать свидетелем этого нового способа спуска; результат меня не разочаровал. Стоя на палубе, или, скорее, плоской крыше ковчега, вид был интересным и захватывающим. Первая точка, в которой масса воды прорывается, была главной опасной точкой, поскольку здесь имеется мощный обратный поток, или вихревое течение, с правой стороны, в то время как основная скорость течения ведет судно в направлении, которое, если не остановить большими размахами, неизбежно затопило бы его. Цель состоит в том, чтобы дать этот чек и сбросить ее в бурлящую воду. Это было сделано. Волнение прекратилось через несколько мгновений, и мы прошли остаток пути с меньшим напряжением для мужчин и спустились с оставшейся части водопада в полной безопасности. Вся эта опасность для растущей торговли на западе в настоящее время устранена каналом Луисвилл, который благодаря сооружению длиной всего в две мили, которое удерживает положение тетивы относительно носа, соединяет судоходные воды выше и ниже этих водопадов и позволяет проходить всем речным судам с наибольшей нагрузкой.

Около водопадов Огайо или чуть выше я впервые увидел веселого и шумного парокета, или маленького западного попугая; стайную птицу, чье эффектное зелено-желтое оперение делает ее достойным внимания и запоминания в отрывках о нижнем Огайо. Одна из этих птиц, которая была ранена, была подобрана из реки в нескольких милях ниже водопада. Из появления этого вида и других особенностей естественной истории страны было очевидно, что теперь мы быстро продвигались к югу. Красная почка, папайя, бакай и огуречное дерево - все они

привлекли к себе внимание среди лесных пород ниже Питтсбурга; хотя, я думаю, все они, как известно, простираются немного севернее этой широты; и вскоре мы пополнили наш каталог орехами пекан, кипарисом и тростником с неизменным спутником последнего - зеленым шиповником. У меня не было возможности осмотреть пекан, пока мы не добрались до устья Уобаша и Шаунтауна, где я отправился на охоту с молодым жителем Кентукки, который показал мне первый практический показ по уничтожению одиночных голубей и другой мелкой дичи из ружья, обычно попадая только в голову или шею. Я слышал об этом виде стрельбы раньше и был свидетелем нескольких великолепных неподвижных снимков, но здесь была демонстрация этого, в кустах и зарослях шиповника — запечатление зрелища как можно лучше. Пуля, использовавшаяся в этих случаях, была размером с крупную картечь.

Шаунтаун - это слово, которое наводит на мысль об одном из североамериканских племен, которое с 1632 года по настоящее время является одним из приграничных действующих лиц в нашей истории. За это время они, благодаря вездесущности одного из своих гениев, объехали половину Америки. Когда-то они, несомненно, обитали в Саванне, если не раньше, то на реке Суани во Флориде; затем бежали на север, часть спустилась по реке Кентукки, а часть - в Делавэр, а оттуда на запад. Сейчас они находятся на реке Конга, к западу от Миссури. Вот и вся ассоциация имен. История никогда не помнит ничего такого, что она могла бы забыть, и я нашел здесь по крайней мере одного человека с высокими чувствами, которому не понравилось, как я связал современный город с воспоминаниями о дикарях. "Ну, сэр, — сказал он, когда мы шли по палубе "ковчега", плывущего по Огайо и с каждой минутой приближающегося к месту назначения, — у нас там банк и здание суда; это место отправления правосудия округа Галлатин; и вот-вот будет установлен печатный станок; это очень процветающее место, и оно стремится оставаться непревзойденным ниже Уобаша". "Все это, право же, - ответил я, желая легким способом упрекнуть гордыню, - большое улучшение по сравнению с вигвамом и советом". огонь и бусины-монеты из вампума. Иногда лучше улыбаться, чем спорить, и в данном случае я убедился в этом. Я не хотел наступать на пятки восходящему величию или изливать на любовь к дому и местности, благородную и достойную похвалы в моем попутчике, леденящее влияние холодных исторических фактов. Мои аллюзии были простым результатом ассоциации идей, возникшей в результате использования имен. Если жителям Шаунтауна не нравится ассоциироваться с местной расой, которая не променяла бы хороший лук и стрелы на все придворные дома христианского мира, они должны наградить это место каким-нибудь эпитетом, который может разорвать связь.

№ IV.

После дневной или более остановки в Шаунтауне и разведки его окрестностей я направился к устью Камберленда, а оттуда, после многодневного пребывания в этом месте в ожидании лодки, к устью Огайо. Я обнаружил, что это в высшей степени интересный участок реки из-за его огромного простора и прекрасных водных перспектив. Живописные известняковые скалы на западном берегу представляют собой новую и привлекательную линию речного пейзажа. Река Огайо с самого начала вполне соответствовала своему древнему названию Прекрасной реки; но здесь она приобрела нечто большее, чем просто красоту — она была величественной. Следует иметь в виду, что этот поток на протяжении примерно семисот или восьмисот миль от Питтсбурга до Шаунтауна справа и слева разливался от Скиото, Маскингама, Кентукки, Майами,

Грин-Ривер, Уобаша и других рек, едва ли уступающих по размерам. С левого берега она еще более расширяется за счет тех благородных притоков, Камберленда и Теннесси, которые приносят собранный сток со средних хребтов Аллегани. Ниже Шаунтауна на западном побережье также видны утесы побережья "Пещера в скале", вызывающие ассоциации с ранней эпохой грабителей, увековеченной пером Чарльза Брокдена Брауна. Эти утесы имеют пещерообразную форму и принимают различные формы. Они возвышаются на крутых склонах, которые носят общее название Бугров, но которые вполне достойны названия гор. В отличие от того интереса, который они вызывают, отбрасывая на закате свои тени, похожие на замки, на чистый широкий ручей, они представляют собой своего рода Дербишир со своими прекрасными пурпурными шпатами, кристаллизованным галенитом и другими минералогическими достопримечательностями. Мне сказали, что немец по имени Шторх, претендовавший на оккультные знания, много лет назад руководил поисками денег и полезных ископаемых в отношении этих Выступов и что он был первооткрывателем тонких пластов извести, найденных здесь.

Вряд ли можно пройти мимо этих изломанных возвышенностей, зная, что по своей известковой структуре и положению они совпадают со скальными образованиями на границе штата Миссури, лежащими непосредственно к западу от них, не рассматривая их как очевидные памятники каких-то древних геологических изменений, которые затронули очень большое пространство страны к северу от их расположения. Барьер такого рода, который должен был соединить побережья Теннесси и Миссури у Гранд-Тауэра, превратил бы во внутреннее море основную территорию нынешних штатов Иллинойс, Индиана и Южный Огайо. Разделительная линия на этой широте невелика. Он представляет собой самое узкое место между противоположными скальными образованиями восточного и западного берегов, поскольку последние возвышаются над почвой.

Я все еще находился в плавучем ковчеге Мононгахела, когда мы приблизились к этому утесистому побережью. День был одним из самых мягких в июне, и поверхность воды была такой тихой и невозмутимой, что казалась идеальным зеркалом. Наш капитан приказал причалить к ялику, который служил ему прогулочной лодкой, и приказал людям высадить меня у Большой пещеры. Однако ее широкий зияющий вход вселял надежды, которые не оправдались. Она быстро закрывается, когда за ней гонятся вглубь скалы, и никогда не могла бы послужить надежным убежищем для банд грабителей, чьи места обитания были известны. Традиция утверждает по этому поводу, что его устье раньше было закрыто и скрыто деревьями и листвой, что означало, что ничего не подозревающие путешественники с их поднимающимся грузом попадали в засаду. Мы догнали медленно плывущий ковчег прежде, чем он достиг острова Харрикейн, и следующая наша высадка была в Смитфилде, в устье Камберленда. Находясь здесь, несколько уволенных теннессийских ополченцев или добровольцев из еще не завершенной войны с индейцами на юге высадились по пути домой. Они были экипированы по моде западных охотников, в охотничьих рубашках и с ружьями, и с явной гордостью заявляли, что сражались под командованием "старого Гикори" — термин, который с той эпохи стал привычным для цивилизованного мира. Здесь я впервые увидел этот необычный нарост в растительном царстве, называемый коленями кипариса. Участок суши между устьем Камберленда и Огайо был известным местом произрастания кипариса. Это дерево выпускает из своих корней тупую шишку разного размера и высоты, напоминающую сахарную буханку. Оно гладкое, без сучьев или листвы. Обычная шишка или колено имели бы восемь дюймов в диаметре и тридцать дюймов в высоту. Это могло бы показаться безуспешной попыткой дерева

вырастить еще одну поросль. Попугай был чрезвычайно многочислен в этом месте, вдоль берегов и в лесах. Мне сказали, что эта птица отдыхала, зацепившись верхней челюстью за ветку. Я совершил несколько охотничьих вылазок в соседние леса и помню, что в дополнение к более мелким трофеям, добытым во время этих ежедневных прогулок, я захватил сорокопута и истрикса.

Наконец из Иллинойсского соляного залива пришла килевая шлюпка под командованием капитана Энсмингера, американо-немца, смелого, откровенного человека, очень сведущего во всем, что связано с речным судоходством. Вместе с ним я взял билет до Сент-Луиса, что в Миссури, и вскоре мы под тяжестью весел направились к устью Огайо. Мы ненадолго остановились в новой деревушке на берегу Иллинойса, которая была заложена какими-то спекулянтами из Цинциннати, но не была примечательна ничем, кроме своего названия. В некотором роде банально в терминологии это называлось "Америка". Я наблюдал на берегах реки в этом месте очень недавнее образование пудингового камня, или, скорее, местный слой затвердевшей гальки и глины, в котором цементирующим компонентом был оксид железа. Мелкозернистые воды просачивались поверх и среди этой массы. Это был последний проблеск консолидированного вещества. Все, что находилось ниже, и даже намного выше, было аллювиальным или недавнего происхождения. Ничто не могло сравниться с плодородным характером почвы или ее буйной растительностью и зарослями леса, когда мы приближались к месту слияния; но это был регион, подверженный периодическим наводнениям, эпохи которых были очень отчетливо отмечены пучками травы, сучьев и другого плавающего вещества, которые застряли и остались в развилках и ветвях деревьев, находящихся сейчас в пятнадцати-двадцати футах над нашими головами. Был первый день июля, и я испытывал сильнейший интерес по мере того, как мы приближались к месту слияния. Я проследовал по Огайо со всеми его извилинами тысячу миль. Я провел более трех месяцев в этой прекрасной и разнообразной долине; и я испытывал нечто вроде привязанности старого друга к ее благородному объему, и мне не очень хотелось видеть, что она вот-вот затеряется в могучей Миссисипи. Однако, каким бы широким и обильным он ни был, вбирая в себя весь скопившийся сток западных склонов Аллеганских гор и плоскогорий Великих озер, исход конкурса вскоре был решен. В то время ручей опустился до своего летнего уровня и представлял собой прозрачно-голубой объем. Миссисипи, напротив, разлилась от таяния снегов Скалистых гор и находилась в своем весеннем разливе. Входя под довольно острым углом, она не сразу останавливает первую, а выбрасывает свои воды вдоль берегов Теннесси. Она течет с огромной скоростью. Её воды густые, мутные и изобилуют перемешанными и плавающими массами песка и других измельченных камней, а также плавающей растительностью, деревьями и мусором. На многие мили линия, разделяющая воды Огайо и Миссисипи, была видна по ее цвету; но задолго до того, как она достигла Айрон—Бэнкс, современное место Мемфиса — Отца Вод, как его поэтически, а не буквально называют, - одержало верх и продолжало свой путь к новым завоеваниям Святого Франциска, Уайта, Арканзаса и других благородных рек.

Наш капитан, хотя и не испытывал недостатка в уверенности в себе, казалось, не спешил вступать в схватку с этим новым врагом, сразу бросаясь в мутный поток, но решил попробовать это сделать на следующее утро. Это оставило меня на добрую часть дня в положении, когда не было ничего, что могло бы вознаградить за исследование. Я немного порыбачил с борта лодки, но в награду не получил ничего, кроме гара, разновидности меча, или, скорее, клюва рыбы, который, по-видимому, снабжен этим придатком для поднятия своей пищи или добычи с илистого дна. Его чешуя и кожа почти такие же твердые и плотные, как у акулы, а плоть столь же

бесполезна. Именно в этом месте с тех пор находится город Каир. В упомянутый период на более высоких берегах стояло несколько ковчегов и плоскодонок, где они были пришвартованы в половодье. Теперь они служили жилищами, и, прорезав двери в их сторонах, они образовали грубые бакалейные лавки и склады провизии. Однако, что бы еще ни было видно с такой низкой и зарождающейся точки, комар с наступлением ночи вскоре убедил нас, что он был истинным магнатом этих владений.

На следующее утро, рано утром, наш мужественный командир привел в движение своих лодочников и повернул судно килем навстречу потоку; но скорость воды, ее непрозрачность и густая муть были таковы, что я подумал, что нас понесло бы вниз по течению и швырнуло бы на затонувшие бревна. Те, кто поднимался по этому течению в современную эпоху пароходов, ничего не знают об этих трудностях. Казалось невозможным остановить течение. Предстояло опробовать новый способ навигации, по крайней мере для меня, и это был, очевидно, тот способ, который ни в коем случае не пришелся по вкусу самым опытным и храбрым сердцем людям. Эти лодки снабжены дощатыми настилами с каждой стороны, к которым прибиты рейки для опоры людей. У каждого мужчины есть шест из ясеня длиной около 16 футов с деревянным набалдашником на конце, который упирается в плечо, и тупым наконечником на другом конце, окованном железом. Укладывая их на дно у берега головами вниз по течению, мужчины прикладывают к ним всю свою силу, толкая лодку ногами в противоположном направлении. Это очень трудоемкий и медленный способ подъема, который в настоящее время полностью заменен на основных реках использованием пара.

Таковы ярость и скорость течения, что при каждом приливе оно угрожает сорвать свои берега и вырваться из них на части и беззаконно разгуляться по стране. Часто целые острова сметаются за короткое время. Однажды ночью у нас был подобный случай, когда остров, к которому мы были пришвартованы, начал заваливаться в канал, угрожая захлестнуть нас падающей землей и откатными волнами, и мы с большим трудом выбрались на главный берег, потому что наступила ночь, течение было яростным, а берег, к которому мы направлялись, был совершенно неизвестен. Удар о затонувшее бревно на таком ходу и при таких обстоятельствах, должно быть, был смертельным. Наконец мы выбрались на твердый берег, где поздно пришвартовались и повернули обратно; но странная причина тревоги снова подняла нас. Какое-то животное появилось на берегу ручья, недалеко под нами, и в полумраке ночи оно показалось медведем. Все, у кого было оружие, схватили его, и среди пассажиров возникла настоящая суматоха и немалое возбуждение. Самые знающие сказали, что это был белый медведь. Он издавал похожий на фыркание звук. Это казалось яростным. Оно, конечно, было *ибелым*, и *свирепым*, но после долгих проволочек, похвальной осторожности и отсутствия недостатка в проявлении мужества оказалось, что это большая раненая свинья, которой прострелили морду и голову, и ночью она спустилась в воды Миссисипи, чтобы успокоить свою воспаленную и гноящуюся плоть.

Чтобы остановить течение на этом участке реки, требовалась почти нечеловеческая сила. Часто за день можно преодолеть не более нескольких миль. В первый день мы прошли шесть миль, во второй - примерно столько же, а в третий - восемь миль, которые привели нас к первой обработанной земле в низменном районе западного побережья, называемом Тивапети Боттом. В этом месте было шесть или восемь небольших ферм; земля была богатой и, как говорили, вполне пригодной для выращивания кукурузы, льна, конопли и табака. Я наблюдал здесь папау. На следующий день мы поднялись всего на три мили и остановились, так как команда была

слишком слаба, чтобы продолжать движение. Когда мы были пришвартованы к берегу, мимо нас проплыли несколько лодок, направлявшихся в Сент-Луис, которые были загружены сосновыми досками и дощечками из Олеана, добытого в истоках Аллегани. Они сказали нам, что за них можно получить шестьдесят долларов за тысячу футов.

Наняв дополнительных людей, мы на следующий день двинулись вперед к точке, которая называется Малой цепью Скал, где из-за болезни некоторых матросов потребовался еще один привал. Именно в этом месте на берегах реки впервые появляется твердая чертовая глина, или разреженная почва побережья Миссури. Эта почва стерильного и минерального характера. Я заметил под первой возвышенностью, недалеко от берега реки, участок белой плотной земли, который называется мелом и фактически используется механиками в качестве такового. Когда я передал его образец после моего возвращения в Нью-Йорк в 1819 году мистеру Джону Грискому, он обнаружил, что в нем полностью отсутствует углекислота; по-видимому, это глинозем или почти чистая глина. Большие массы пудинг-камня, сдвинутые с их первоначального положения, были замечены лежащими вдоль берега в этой местности, будучи сходными по своему характеру с теми, что были замечены при приближении к устью Огайо.

В этот день мы поднялись по реке на десять миль и следующие пять миль, которые привели нас к мысу Жирардо, расположенному примерно в пятидесяти милях выше устья Огайо. В этом месте я был с вниманием принят одним из главных местных жителей, который, узнав, что моей целью является изучение естественной истории страны, пригласил меня к себе домой. Во время прогулки по окрестностям они показали мне несколько дополнительных, но ветхий и заброшенный дом, который был построен неким Лорами, испанским торговцем, оставившим свое имя на одном из рукавов реки Сент-Мэри в Индиане. Эта старая ткань вызвала у меня сильный интерес, когда я проходил через ее открытые двери и опустевшие комнаты, популярной историей, насколько правдивой, я не знаю, о том, что жилец был алчным и жестоким человеком, примкнувшим к индейцам в военных действиях против нашего западного народа; и что однажды он взял в плен женщину и собственными руками отрезал ей грудь.

Путешествие от мыса Жирардо до Сент-Луиса заняло девятнадцать дней и было полно интересных сцен и происшествий, которые я с удовольствием описал бы подробно, если бы это соответствовало моим возможностям. Действительно, ежедневное плавание вдоль этого разнообразного и живописного берега представляло собой объекты для замечаний, которые пришлось мне по вкусу и которые медленный способ подъема давал мне все возможности улучшить. Особенно это можно было бы сказать о его геологическом строении и минералогических находках — темах, которые тогда были свежими и новенькими, но которые потеряли большую часть своей привлекательности из-за прогресса, достигнутого естествознанием в стране за двадцать шесть лет. К этим темам нет необходимости возвращаться, поскольку они были учтены в результатах моей поездки, изложенных в моем *"Взгляде на рудники"*, опубликованном в 1819 году.

Предмет, неправильно называемый пемзой, который плывет вниз по Миссури во время разливов с горящих угольных складов в Блэк-Хиллз, я впервые подобрал на берегу при подъеме над мысом Жирардо, и это дало мне понять, что вода начала спадать. В ту же ночь мы подошли к хорошо известному фонтану под названием Источник Мокасин, обильному и прекрасному источнику кристально чистой воды, который вытекает из удлиненного отверстия в известняковой скале.

Когда мы стояли в устье реки Обрано, где нас задержали из-за рук, к тому месту причалило несколько лодок с эмигрантами из Вермонта и Нью-Йорка, чьим пунктом назначения были самые западные поселения на Миссури. На более высоких этапах восхождения мы столкнулись с эмигрантами из Мэна, Коннектикута, Пенсильвании, Северной Каролины и Кентукки, что свидетельствует о широком распространении духа миграции в ту эпоху. Казалось, что концы Союза были сведены воедино этим общим движением на запад. Нередко на этих случайных встречах можно было встретить представителей большого числа штатов; они всегда носили общительный и в высшей степени дружелюбный характер, и эффект такой системы общения и проживания в районах, расположенных на большом расстоянии друг от друга, не мог не быть весьма благоприятным для содействия единообразию манер и мнений, а также ассимиляции обычаев, одежды и языка. Если это будет продолжаться долго, это должно разрушить провинциализм и многое сделать для уничтожения местных предрассудков.

Каждый, кто поднимался вверх по этому ручью, помнит стоящий в его водах изолированный утес, называемый Гранд-Тауэр, с соответствующими береговыми зарослями на прилегающих берегах, которые достаточно ясно говорят путешественнику, что здесь произошел какой-то древний разрушительный процесс в физической истории долины. Течение набирает большую скорость, огибая это препятствие; и мы обнаружили, что по мере спада воды вдоль этого обрывистого берега образовались многочисленные водовороты и сильные струи или течения, для преодоления которых требовались дополнительные усилия. Однажды мы видели несколько пеликанов, стоявших на песчаной отмели. На берегу ежедневно встречались дикие индейки и перепела.

Нашему приближению к Сент-Женевьев предшествовал осмотр одной из характерных черт всех ранних французских поселений в этом квартале — большого общественного поля, простирающегося на несколько миль, я думаю, миль на пять, вдоль берега реки. Сама Сент-Женевьева находится примерно в миле от реки и скрыта неровностями поверхности. Это в высшей степени характерный старинный французский городок, который сильно напоминает стиль и манеру застройки провинциальных деревень и городков метрополии, существующих до сих пор. Тремя милями выше этого места мы подошли к известному месту переправы, называемому Литл-Рок-Ферри; место, достойное упоминания в то время как резиденция очень пожилого француза по имени *Ле Бретон*. Заявления, которые считаются правдой, дали ему 109 лет. По его собственному свидетельству, он был при осаде Берген-оп-зума во Фландрии; при осаде Луисбурга; при строительстве форта Шартр в Иллинойсе; и при поражении Брэддока. После увольнения он обнаружил обширные свинцовые рудники в округе Вашингтон, примерно в сорока милях к западу от реки, которые до сих пор носят его имя.

Побережье между Святой Женевьевой и Геркуланумом представляет собой почти один сплошной утес из отвесных скал, которые прорываются главным образом в местах впадения рек и ручьев. Сам Геркуланум расположен на одной из этих ограниченных территорий, окруженных скалами, которые в данном случае были сделаны еще более живописными благодаря своим возвышенным стрельчатым башням. Я высадился в этом месте около полудня моего двадцать второго дня восхождения и, обнаружив, что это удобная дорога в район шахт, решил оставить свой багаж в отеле до возвращения из Сент-Луиса, а оставшуюся часть пути до этого места проделать пешком. Именно в этот момент я был представлен мистеру Остину-старшему, который горячо одобрил мой план исследования рудников и предложил все, что в его силах, для его осуществления. Мистер Остин был, как он сообщил мне на последующем этапе нашего

знакомства, уроженцем Коннектикута. Он рано уехал в Виргинию и поселился в Ричмонде, где родился его старший сын, а затем переехал в округ Уайт. В 1778 году он отправился в Верхнюю Луизиану, претерпевая жестокие страдания и рискуя жизнью, пересекая страну через Венсенн в Сент-Луис, где был хорошо принят местным испанским губернатором. Он получил земельный грант на территории нынешнего округа Вашингтон, главного местонахождения старых шахт. Примерно в то время, когда я поехал в Миссури, или вскоре после этого, он решил посетить Сан-Антонио в Техасе с целью создания американской колонии в этом квартале. Этот план он привел в исполнение, я думаю, в 1820 году и вернулся с солидным грантом; но он не дожился до того, чтобы привести его условия в исполнение, внезапно скончавшись после возвращения в доме своей дочери, миссис Брайант, в Хейзел-Ран.

Мистер Остин был человеком большого рвения и пылкого воображения и очень тепло относился ко всем своим планам и взглядам, какими бы они ни были. Он был гостеприимным, откровенным, умным, и я с чувством неподдельного удовольствия возвращаюсь к своему знакомству с ним, равно как и с его талантливым сыном Стивеном и превосходной, доброжелательной и женственной миссис Остин и другие члены этой интеллигентной семьи.

№ V.

Геркуланум не имел ничего общего со своим мрачным итальянским прототипом, который был раскопан из пыли и пепла в наше время, кроме своего названия. Вместо погребенных дворцов и руин роскошного века мрамора, бронзы и серебра большинство домов были построены из прямоугольных дубовых бревен и имели громоздкие старомодные дымоходы, построенные снаружи с видом замка, какие можно увидеть в старых французских и голландских поселениях в Канаде и вдоль долин Гудзона и Мохока. Искусство живописи, позолоты и карнизов еще не распространило здесь свою империю. Резиденция мистера Остина, насколько я помню, была единственным исключением из этого правила. Суды довольствовались тем, что проводили свои заседания в одном из названных дубовых зданий; окружная тюрьма удивительно походила на просторную коптильню, а мой добрый хозяин Эллис, уроженец Южной Каролины, был доволен тем, что подавал сытные и бодрящие блюда, извлеченные не из города, погребенного под вулканическим пеплом, а из простых тканей Стаффордшира и Бирмингема. В дополнение к гостеприимному приюту, который путешественники неожиданно находили в его руках, в особняке, внешний вид которого не выдавал подобных признаков, он руководил управлением общественного парома, установленного в этом месте, через бурную и изменчивую Миссисипи; и если бы у него была записная книжка, он мог бы рассказать о многих людях из других стран, с золотыми надеждами дальнего запада, которых он благополучно доставил, несмотря на самые неблагоприятные наводнения, к берегу Миссури. Я нашел в его доме несколько старых книг, которые свидетельствовали о том, что в его семье были читатели, и которые помогали коротать моменты, которые каждый путешественник найдет у себя на руках.

Я уже упоминал, что в Геркулануме не было ничего похожего на античность, кроме ее названия. К этому я мог бы добавить, что не было никакого исключения, если только оно не было обнаружено в отпечатках предметов, в структуре горных пород в этом квартале, обозначающих предшествующую эпоху существования. Мне показали отпечаток на поверхности добытого здесь

известнякового блока, который, как считалось, напоминал человеческую ступню. Мне не показалось, что он имеет такое сходство, скорее его следовало отнести к каким-то органическим вымершим формам, которые еще недостаточно изучены.

Проведя здесь пару дней, я однажды рано утром отправился пешком в Сент-Луис в сопровождении двух молодых людей из Пенсильвании, с которыми я познакомился на предыдущих участках моего маршрута. Они прибыли сюда с приключенческим товаром из вод Иохагани и желали увидеть (тогдашнюю) столицу Территории. Ничего предосудительного не происходило, пока мы не достигли реки Мерримак и не переправились через нее, где нас настигла ночь и наступила густая тьма, как только мы достигли противоположного берега. Поблизости был всего один дом, и находился он не более чем в миле, но темнота из-за облаков и надвигающейся грозы была такой густой, что мы сбились с дороги, несколько часов блуждали по лесу, в течение которых начался дождь, и, наконец, были направлены к дому, который искали, по слабому и случайному позвякиванию коровьего колокольчика.

На следующее утро мы проехали двенадцать миль, чтобы позавтракать в старинной деревушке Карондалет. Маршрут пролегает по возвышенности, удачно расположенной на правом берегу Миссисипи, где широкие промежутки между деревьями заросли дикой степной травой и цветами. На маршруте не было видно ни одного жилья — стоячий родник под выступом скал, примерно на полпути, был единственным местом, где мы могли набрать воды, чтобы утолить нашу жажду — поскольку стоял жаркий августовский день. Мы встретили нескольких оленей и, судя по частому появлению их следов, сочли такое явление обычным. Именно на этом возвышенном и воздушном участке расположены казармы Джефферсона, которые с тех пор были благоразумно установлены правительством.

За Карондалетом местность похожа на заросшую вереском пустошь. Это заросшая кустарником непривлекательная местность без взрослых лесных деревьев. Наиболее интересная особенность, которую мы видели, состояла из ряда правильных углублений или чашеобразных вогнутостей в почве, образовавшихся в результате прохождения родников по глинистому основанию, на котором отложился тяжелый разреженный слой песка, смеси земли и гальки. Примерно в трех милях от города эта поросшая вереском и пустынная местность начала приобретать окультуренный характер; вскоре на смену ей пришли жилые дома и сады, и мы почти незаметными переходами оказались в городе, куда добрались около четырех часов пополудни. Войдя в его древние испанские заграждения, мы заметили одну из старых каменных башен, или оборонительных сооружений, которые составляли часть ограды. Этот город, как я узнал впоследствии, регулярно обносился стенами и укреплялся во время владения страной испанской короной. Как только я снял квартиру, я навестил Р. Петтибоуна, эсквайра, бывшего друга Вернона в западной части Нью-Йорка, который обосновался в этом центральном городе запада юридической практикой; в данный момент его не было дома, но его семья приняла меня с радушием. Вечером он нанес мне ответный визит и настоял на том, чтобы я поселился в его доме. Время, которое я провел здесь, было посвящено наиболее выдающимся объектам, которые город и его окрестности представляли интерес для постороннего человека, таким как частный музей покойного генерала У. М. Кларка, содержащий множество предметов богатой и ценной индейской одежды; большие естественные насыпи над городом и характер скальных образований вдоль берегов реки, на поверхности которых, как говорили, остались отпечатки человеческих ног. Последних я не видел до лета 1821 года, когда каменную глыбу с ними исследовали в саду мистера Рэппа в Хармони, на Уобаше.

Поскольку в то время мои склонности побудили меня посетить обширные свинцовые рудники к юго-западу от этого города, на водах Мерримака, я, не теряя времени, вернулся в Геркуланум, спустившись по Миссисипи.

Когда я был готов спуститься по реке, два джентльмена, которые были моими попутчиками по пути вверх, завершили свое приключение и предложили мне место в маленькой лодке, находящейся под их управлением. В тот день, когда было предложено эторешение, было уже далеко за полдень, и перед тем, как мы сели, наступили сумерки; но считалось, что до деревни Кахокия, расположенной примерно в пяти или шести милях ниже, можно добраться в хорошее время года. Влажная и туманная атмосфера сделала ночь довольно темной, и вскоре мы оказались на плаву по широкому течению реки, не зная своего местоположения, так как было слишком темно, чтобы различить очертания обоих берегов. Находясь в легкой открытой лодке, мы не только подвергались некоторой опасности наткнуться на дрейфующие деревья, но и стало неприятно холодно. Направляясь к берегу Иллинойса, мы наткнулись на низкую песчаную отмель, но один из моих товарищей, высадившихся на берег, прибежал обратно с рассказом о медведице и ее детеныше, что заставило нас пройти еще около мили, где мы провели ночь без постелей и огня. При свете дня мы узнали, что миновали Кахокию; затем мы переправились на берег Миссури и, позавтракав в Карондалете, продолжили путешествие без дальнейших приключений и в полдень достигли Геркуланума.

Я, не теряя времени, приготовился посетить рудники и, распорядившись, чтобы мой багаж последовал за мной, пешком отправился в Потоси. В первый день я проехал восемнадцать миль и рано утром достиг Стиплса в верховьях реки Цвошау, или Иоахима. День был чрезвычайно жаркий, и дорога большую часть пути пролегла по горному хребту, на котором не было воды и очень мало укрытия от солнечных лучей. На пути я не встретил ни одной особи, и, за исключением маленькой быстроногой ящерицы, обычной на обочине дороги, и единственной дикой индейки, ничего из животного царства. Однако рога оленя, часто видимые над травой, указывали на изобилие этого животного. Проезжая по этому сухому участку, я был вынужден утолить жажду у пруда в колее, однако не без того, чтобы не потревожить дику индейку, которая, по-видимому, пришла сюда с той же целью.

На следующий день я пересек долину Гранд, или, как ее обычно называют, *Биг Ривер*, и на расстоянии двенадцати миль от Иоахима въехал в шахтерский поселок Шибболет — так сказать, феодальную резиденцию знаменитого "Джона Смита Т.", слухи о странностях которого уже донесли до меня. Это была необычная сцена. Проезжавшие мимо повозки с грузом рудоплавильных печей и приспособлений, а также наполовину охотничьи, наполовину фермерские костюмы группы мужчин, собравшихся у главного магазина, очень ясно говорили мне, что я сейчас нахожусь в шахтерском районе. Добыча и открытие свинца, а также странные случайности людей, которые внезапно разбогатели, обнаружив богатые залежи руды, и внезапно обеднели из-за какой-то глупости или расточительности, придавали сильную окраску всему тону разговоров в этом месте, которые велись не самым мягким или ненавязчивым образом; на меня обрушился целый словарный запас новых технических слов, значение которых было необходимо понять правильно. Я и раньше слышал о красивом термине "минеральный цветок", как местное название лучистого кварца, но здесь были tiff (сульфат баритов), glass-tiff (известковый шпат), "минеральный знак" и дюжина других слов, которых нет ни в одной книге. Во главе этих новых терминов стояло популярное слово "минерал", которое неизменно означало галенит, и ничего больше. Добывать полезные ископаемые, добывать

полезные ископаемые и выплавлять полезные ископаемые - так много операций было связано с восстановлением галенитных руд.

Вскоре я обнаружил, что группа мужчин около деревенского магазина - это рота ополченцев, и что я нахожусь в разгаре того, что жители Нью-Йорка называют "тренировкой", что объясняло тот охотничий аспект, который я заметил. Они были вооружены винтовками и одеты в свои повседневные кожаные или хлопчатобумажные охотничьи рубашки. Офицеры ничем не отличались от солдат, либо потому, что мечи было нелегко достать, либо, что более вероятно, потому, что они не хотели появляться с таким неэффективным и бесполезным оружием. "Пища для пороха" - был первый термин, пришедший мне в голову при первом осмотре этой группы людей, но ничего не могло быть более неподходящего; ибо, хотя, подобно людям "худощавого Джека", они мало умели стоять в правильном строю, никогда еще люди не были так искусны в личном бою, — судя по приведенным образцам, я полагаю, что вряд ли среди присутствующих был человек, который не мог бы загнать пулю размером с доллар с расстояния ста ярдов. Никто не был так искусен в этом искусстве обращения с ружьем или пистолетом, как дон из деревни, упомянутый Джон Смит Т., или его брат по прозвищу "майор", ни один из которых не путешествовал, не ел и не спал, как я впоследствии убедился, без оружия. Во время моих последующих прогулок по стране рудников я сидел за тем же столом, спал в той же комнате и наслаждался беседой то с одним, то с другим, и могу сказать, что их необычная привычка ходить во всеоружии сочеталась у обоих с вежливыми манерами, благородными чувствами и высокими рыцарскими представлениями о личной независимости; и я имел случай заметить, что не кто иной, как их личные враги или противники в бизнесе, обрушивались на них с бранью. Джон Смит Т., несомненно, был человеком со странным и капризным чувством юмора и самым пылким духом, когда его возбуждали; о нем ходит множество анекдотов. Он был не в ладах с несколькими своими наиболее заметными соседями, и, если его сравнить со львом из леса, будет совершенно справедливо добавить, что большинство мелких животных боялись его.

Моя остановка здесь заняла некоторое время, но, подумав, что я все еще могу добраться до *Мине-а-Бертон*, я двинулся дальше, но проехал всего пару миль, когда был вынужден поспешно искать укрытие от надвигающегося ливня. Было уже поздно, а гроза продолжалась, и я остался на ночь на ферме в Олд-Майнз. Они накормили меня ужином из жирного свежего молока и отличного кукурузного хлеба. Утром прогулка в три мили привела меня в Потоси, где я снял комнату у мистера Фиклина, владельца главной гостиницы этого места. Мистер Ф. был уроженцем Кентукки, человеком с открытыми манерами и самыми добрыми чувствами, который многое повидал в пограничной жизни, прожил несколько лет в Миссури и теперь, в довольно преклонном возрасте, обладал запасом местных знаний и опыта, общение с которыми делало время, проведенное мной в его доме, полезным и приятным.

Я добрался до Потоси второго августа. На следующий день были выборы в округе [1], которые собрали ведущих шахтеров и фермеров региона и дали мне благоприятную возможность завязать знакомство и сообщить о цели моего визита. Я был особенно обязан любезности Стивена Ф. Остина, эсквайра, за это представление. Во время моего пребывания в стране он интересовался моими успехами, не упускал ни одной возможности развить мои взгляды и расширить мое знакомство с геологическими особенностями и ресурсами страны. Он предложил мне квартиру в старом фамильном особняке Дарем-Холл для приема и накопления моих коллекций. Мистер Бейтс и сыновья, мистер Джонс и сыновья, мистер Перри и братья, мистер Эллиот, мистер Брики, мистер Хани и другие поддержали эти любезности.

Действительно, дружелюбное и услужливое расположение, с которым я постоянно встречался у жителей шахт и рудничного края в целом, неизгладимо запечатлелось в моей памяти.

[1] В городе Потоси было опрошено около 70 голосов. Мистер Остин-младший был возвращен округом в законодательный орган территории.

Теперь я находился в столице рудников и в положении, наиболее благоприятном для получения правдивой информации об их характере и ценности. За три месяца, посвященных этой цели, в стране не осталось ни одного уголка, который я не исследовал бы лично и о котором не получил бы достоверной информации. Я обнаружил сорок пять основных рудников, или, как некоторые из них называют, *залежей* полезных ископаемых, в радиусе менее сорока миль. Потоси и его окрестности ежегодно добывали около трех миллионов фунтов свинца и обеспечивали работой, по оценкам, от одиннадцати до тысячи двухсот рабочих рук. Однако бизнес находился в упадке, как и почти любая другая отрасль отечественного искусства или промышленности, после заключения мира 1814 года из-за большого притока и низких цен на иностранные товары, а также общего ослабления валюты и кредита. Подготовленная руда, доставляемая в печи, стоила два доллара за тонну, оплачивалась в основном товаром. Свиной свинец продавался на рудниках по четыре доллара и всего на полдоллара выше на берегах Миссисипи, а в Атлантик-сити котиrowался по семь долларов. Судя по этим данным, не было, по-видимому, достаточной причины для предполагаемого спада; поскольку в дополнение к прибыли обычного торговца при передаче его запасов оперативному рудокопу или добытчику руды оставалась прибыль в размере полутора центов за фунт сверх стоимости транспортировки на восточный рынок; кроме того, разница в обмене между юго-западными и восточными городами. И было очевидно, исходя из рассмотрения всего предмета, что бизнес можно было бы не только вести с прибылью при соблюдении экономических мер, но и что общественное достояние, на котором расположено большинство рудников, можно было бы сделать так, чтобы оно приносило казне доход, по крайней мере равный количеству этой статьи, необходимой для национального потребления, сверх расходов, надзора и управления. Кроме того, было много возможностей для более совершенных и экономичных способов добычи полезных ископаемых; и едва ли была хоть одна манипуляция, от изготовления обычного бура или кирки до возведения плавильной печи, которая не допускала бы благотворных изменений к лучшему. Извлечение простого отработанного свинца в его сублимированной форме в открытых дровяных печах по всей стране обещало добавить ценный элемент к прибыли бизнеса. Самая расточительная, поспешная и неряшливая из всех систем применяется при разведке и добыче руды, при которой поверхность страны изрыта ямами самым случайным образом; рыхлые и рассеянные отложения в почве поспешно собираются, а настоящий свинец и жилы металла остаются, во многих случаях, нетронутыми. Таким образом, тысячи квадратных акров земли были частично лишены своих богатств, испорчены и осуждены, но при этом не были исчерпаны. Из-за отсутствия научных знаний о минеральных жилах и геологической структуре, как это практически принято в Европе, все правила в процессе добычи и поднятия руды выродились в простую игру догадок, и тысячи долларов были потрачены впустую в некоторых местах, где применение некоторых из самых простых принципов добычи полезных ископаемых не оправдало бы выемки полной земли лопаты. Короче говоря, здесь наблюдалось смешение характера шахтера и фермера. Почти каждый фермер был шахтером. Плантаторы, у которых были рабы, нанимали их часть года на добычу полезных ископаемых; и каждый шахтер в какой-то степени был фермером. Поскольку руда, обнаруженная в глинистых пластах, не залегала ни на востоке, ни на западе, ни на севере, ни на юге, или правила ее залегания не были определены путем тщательных наблюдений,

предполагалось, что весь успех разведки является результатом случайности. И тот, кто исследует минерально-сырьевые округа Миссури, будет готов прийти к выводу, что при беспорядочной системе копания было выброшено больше рабочей силы, чем когда-либо применялось для хорошо направленной или прибыльной добычи полезных ископаемых. Если бы абсолютный монарх потребовал от своего народа такого огромного количества труда для возведения какого-нибудь памятника, он был бы объявлен величайшим тираном.

Действительно, я не знаю ни одного примера в Америке неправильного применения такого огромного количества бесплатного труда — труда, с радостью отданного и выброшенного без сожаления. Ибо проигравшим в добыче полезных ископаемых, как авантюристам в лотерее, некого винить, кроме самих себя.

Мне показалось, что заявление о фактическом состоянии рудников будет воспринято в Вашингтоне с вниманием и что система для лучшего управления ими не могла не быть одобрена, если бы она была должным образом представлена. Я решил предпринять эту попытку. Однако мне не казалось, что природа ограничила залежи руды одним видом или столь ограниченной территорией, и я искал средства расширить свои личные исследования дальше на запад и юг. Чтобы осуществить это и собрать необходимую информацию для обоснования заявлений способом, соответствующим моим пожеланиям, потребовалось время и систематический способ фиксации фактов.

Этой цели, связанной с естественной историей страны, я посвятил остаток года и часть следующего. Вскоре, добравшись до рудников, я обнаружил, что у меня было много помощников в деле сбора образцов среди простых шахтеров, некоторые из которых имели привычку откладывать для меня все, что они находили в своих шахтах и выработках, что приобретало новый или любопытный характер. Запросы и заявки, касающиеся минералогии и структуры страны, поступали устно и по письмам из многих стран. Я обосновался в Потоси, но время от времени совершал экскурсии в различных направлениях. Некоторые из этих экскурсий были полны происшествий, которые стоило бы записать, если бы беглый характер этих воспоминаний позволял это. Однажды я убил лошадь, переплыв ее через реку Иоахим в ее устье, когда она была теплой и покрытой пеной после тяжелого дня верховой езды. Его поместили в конюшню и ухаживали за ним, но на следующий день, как и предполагалось, он умер от этого внезапного перехода. В округе на сорок миль не было ни одной шахты, которую я бы не обследовал лично; и мало было людей, уделявших внимание этому предмету, от которых я не почерпнул бы кое-какую информацию.

Общее гостеприимство и откровенность жителей страны рудников не могли не произвести благоприятного впечатления на незнакомца. Обычай ездить верхом в местности, предоставляющей для этого большие возможности, делает каждого всадником и лесным жителем и привил ему что-то от кавалерийского вида и манер. Но ничто так не впечатлило меня в этой связи, как галантная манера, которую я наблюдал здесь, когда дама садилась верхом на лошадь. Она стоит лицом к вам, держа уздечку в правой руке, а левую протягивает вам. Затем она кладет одну из своих ног в вашу левую руку, которую вы наклоняете, чтобы принять, когда одновременным усилием и прыжком она запрыгивает назад в седло. Не знаю, передался ли это испанский обычай, но я не наблюдал его во французских или американских поселениях к западу от Аллеганских гор.

Известно, что землетрясения 1812 года, которые были столь катастрофическими для Южной Америки, распространились на север, и они оказали некоторое поразительное воздействие в нижней части долины Миссисипи, сбросив в русло последней большие участки делювиальной земли, как это было замечательным образом продемонстрировано в Нью-Мадриде. Участки леса за этим городом затонули, и на их месте образовались озера и лагуны. Эти эффекты также наблюдались, хотя и в более мягкой форме, в более твердых образованиях страны рудников. Вскоре после прибытия в Потоси я посетил Минерал-Форк, приток Мерримака, где был свидетелем некоторых из этих эффектов. Я спустился в карьер и расщелины Старых шахт. Эти шахты были разведаны в металлоносных породах. Все имело старый и разрушенный вид, поскольку было заброшено. Раньше на этом руднике добывалось большое количество руды, которая уходила в глубокую трещину в известняковой породе. Я спустился в эту расщелину и обнаружил среди мусора и жильных камней большие вытянутые и округлые массы известкового шпата, внешние поверхности которого имели сильные следы геологического истирания. Они распадались на ромбики, очень прозрачные, медово-желтого цвета. Мистер Эллиот, интеллигентный владелец этой шахты, сказал, что характеристики руды были лестными, хотя сейчас все было остановлено. В этой местности были замечены массы сернистого цинка в виде обманки. Мистер Эллиот пригласил меня пообедать и наполнил время интересными местными воспоминаниями. Он заявил, среди прочих фактов, что обильный источник в этих шахтах пересох во время значительных землетрясений 1812 года. Эти землетрясения, по-видимому, разряжали свои толчки в направлении расслоения с юго-запада на северо-восток, но они израсходовали свою силу к западу от Миссисипи. Их главные акты насилия были совершены в Начиточесе и Новом Мадриде, в последнем из которых они уничтожили огромную площадь наносных земель. Их воздействие в долине Огайо, расположенной точно в направлении их действия, было незначительным. Некий мистер Уоткинс из Цинциннати сопровождал меня на этом экзамене и поехал со мной обратно в Потоси.

9 августа я обедал с Сэмюэлем Перри, эсквайром, у себя в Бертоне, одного из главных жителей графства, и проводил вечер у мистера Остина, когда внезапно вошли мистер и миссис Перри. Едва они расселись, как толпа людей с колокольчиками и рожками окружила дом и подняла шум, который сделал бы честь одному из самых буйных праздников Святого Николая, возглавляемому самим Бромом Боунсом. Нам сказали, что это Чиравири. А что такое чиравири? Я недостаточно хорошо знаком с местными французскими обычаями, чтобы дать удовлетворительный ответ, но говорят, что этому обычаю население может следовать всякий раз, когда в деревне происходит свадьба, которая не совсем соответствует их мнению о ее пристойности. Этот инцидент сформировал у меня представление о недавней женитьбе мистера Перри, и, более того, я должен заключить, что при выборе партнерши он проявил как вкус, так и рассудительность. Говорят, что дело Чиравири было подстроено какими-то злобными людьми.

Ближе к середине месяца (12-го) я отправился верхом в сопровождении мистера Джеймса Б. Остина в Геркуланум, через Хейзел-Ран, маршрут, показывающий более южную часть страны рудников, чем я когда-либо видел. Поездка верхом по шахтным холмам открывает одну из самых восхитительных перспектив живописной лесной красоты, которую только можно себе представить. Холмы, за редким исключением, недостаточно крутые, чтобы сделать поездку утомительной. Они поднимаются длинными и пологими волнами, напоминающими морские, при которых судно легким движением оказывается попеременно то на вершине жидких холмов, то на дне жидких долин. С этих холмов открывается вид на поверхность, покрытую вереском и цветами прерий, с открытой порослью дубов, что придает всей стране вид скорее парка чем

дикой местности. Время от времени между ними возникает гряда сосен, и везде, где есть ручей, вода приобретает прозрачность горного хрусталя. Иногда ряд холмиков из красной глины, на которых растут разросшиеся кустарники и лианы *неизвестных ранее* видов, указывает на заброшенные раскопки или шахту. Ферм и фермерских домов тогда было немного; и каждый путешественник, которого мы встречали верхом, имел более или менее осанку сельского кавалера, с прекрасной лошастью, хорошим снаряжением, возможно, с кобурами и пистолетами, иногда с винтовкой, и всегда с чем-то военным, свидетельствующим о мужественности и независимости. Где бы мы ни останавливались и кого бы ни встречали по пути, везде проявлялся вежливый и гостеприимный нрав.

Мы покинули Потоси только днем. Был жаркий августовский день, и уже смеркалось, когда мы вошли в глубокую тенистую долину Биг-Ривер. Возникла некоторая задержка в ожидании паромщика, который должен был переправить нас через реку, и было девять часов вечера, когда мы добрались до дома мистера Брайанта в Хейзел-Ран, где нас радушно приняли. На следующее утро наш хозяин не позволил нам покинуть свой дом до окончания завтрака. Мы поехали обедать к Маккормику на Платтене и добрались до Геркуланума перед заходом солнца. Расстояние по этому маршруту от Потоси составляет сорок пять миль, и дорога, за исключением пары миль, представляла собой совершенно новый участок страны.

Миссисипи теперь стояла низко, обнажив большую часть своего берега и покрывшись тяжелыми отложениями ила, которые при высыхании на солнце превращались в лепешки. Я не знаю, повлияли ли на меня эти выдохи, но во время этого визита я испытал временную болезнь на несколько дней. Я вспоминаю, что за это время у нас было несколько сильных и проливных дождей с яркими и обильными молниями и сильными раскатами грома. Эти проливные и стремительные ливни превращают ручьи и речушки в районе шахт в настоящие потоки, и это объясняет одну из причин размыва дорог и улочек, столь примечательных на западном берегу Миссисипи. Моя болезнь заставила меня отказаться от поездки верхом; и я отправился в путь 18 числа того же месяца в Дирборне в сопровождении миссис Остин. Когда я спускался с длинного холма, недалеко от дома Доннелла, за Иоахимом, вечер был таким темным, что я понял, что, должно быть, сошел с дороги. Несколько мгновений я ехал более осторожно и остановился. Попросив миссис Остин подержать поводья, я выпрыгнул и осмотрел землю. Я очутился на заброшенной, сильно утопанной дороге, по которой повозка вскоре опрокинулась бы; но, ведя лошадь под уздцы, я медленно вернулся на прямую дорогу, спустился с холма и добрался до дома без дальнейших происшествий. На следующий день мы въехали в Потоси к четырем часам пополудни. Это был мой второй визит, и теперь я снял комнату для своей коллекции в их старой усадьбе под названием Дарем-Холл.

С этого периода до середины сентября я с неослабевающим усердием проводил исследование и к тому времени собрал коллекцию, полностью иллюстрирующую минералогию и, в некоторой степени, геологическое строение страны. Я соорудил небольшую химическую печь для проведения анализов. Было обнаружено, что некоторые глины в этой стране выдерживают высокую температуру, и, закаляя их с помощью измельченного гранита, состоящего в основном из полевого шпата, я получил тигли, которые подходили для любых целей. В некоторых образцах свинца, обработанных сухим способом, содержание его составляло от 75 до 82 процентов.

25 августа случайность столкнула меня с фактом, который привел к открытию примитивного участка на южных границах страны рудников, истинная геологическая связь которого с окружающими вторичными образованиями поначалу представляла собой довольно сложную головоломку. В тот день я поехал верхом с мистером Стивеном Ф. Остином к Миллеру на Минерал-Форк, чтобы осмотреть месторождение марганца, и увидел возле его мельниц несколько больших глыб красного сиенитового гранита, которые, по-видимому, были только что взорваны. Он отметил, что они были получены на "Святом Франциске" и оказались лучшим подручным материалом для изготовления жерновов. При осмотре порода состояла почти исключительно из красного полевого шпата и кварца. Присутствовало немного роговой обманки, но почти не было слюды. Этот вид сиенитового гранита, большие части которого, если посмотреть в полевых условиях, полностью состоят из сиенита, и все они практически лишены кристаллов, я с тех пор находил в верховьях Миссисипи и повсюду в северо-западных регионах выше средних широт. Намек, однако, не был утерян. Я воспользовался первой же возможностью посетить истоки Святого Франциска: получив письма к джентльмену, живущему в тех краях, я отправился верхом в те края, прихватив пару прочных седельных сумок для хранения своих коллекций. Я проезжал через поселения Мерфи и Кук, которые в настоящее время являются центральными районами округа Сент-Фрэнсис. *Рудник ла Мотт* позволил узнать некоторые новые факты о его минералогических особенностях. Впервые я увидел этот красный сиенит на месте, на Блэкфорд-Форк. Самые западные границы этого древнего рудника простираются на милю или две от этой примитивной формации. Пласт красной глины простирается до гранитных возвышенностей и скрывает их соединение с более новой породой. Ближайший из каменноугольных отложений находится на берегу Рок-Крик, на расстоянии нескольких миль. Там находится кристаллический песчаник. Как далеко простирается этот примитивный район Святого Франциска, точно не установлено. Реки Святого Франциска и Гранд-Риверс берут здесь свои истоки. Вероятно, Озав-Форк реки Мерримак начинается у ее западных границ. От ее северной и южной границ можно отвести не менее двадцати или тридцати миль. В ее пределах находится Железная гора Бельвье. Окрестности перевала, называемого Нарроуз, по-видимому, были местом бывшей вулканической деятельности. Было бы трудно найти место более грубого разрушения, отмеченное огромным скоплением битой породы. Действительно, весь этот урочище представляет высокий геологический, а также живописный интерес. Если бы наблюдатель этой сцены внезапно оказался в одном из самых диких, изуродованных, примитивных районов Новой Англии или в северо-восточной части Нью-Йорка, он не смог бы найти область более высокой физической привлекательности. Трапповый и зеленокаменный породы составляют заметные участки и существуют в виде даек в сиените, или полевошпатовом граните. Я тщетно искал слюду в виде отдельных пластинок. Часть зеленого камня имеет красивый порфоровый состав и содержит зеленые кристаллы полевого шпата. Отдельные участки этой породы усеяны массами яркого сернистого железа. Действительно, железа в нескольких его формах предостаточно. Безусловно, большая его часть находится в форме слюдянистого оксида. Я безуспешно искал радужную зеркальную разновидность, или руду Эльбы. Возвращаясь из этого путешествия, я обнаружил, что река Вулф сильно разлилась из-за дождей, и мне пришлось переплыть ее с большим риском, с моими седельными сумками, тяжело нагруженными результатами моего обследования. Было уже темно, когда я добрался до противоположного берега: мокрый и усталый, я направился к единственному дому в поле зрения. Когда я подошел к нему, двери были открыты, заборы опущены, вокруг царила совершенная атмосфера запустения. Там не было обнаружено ни одного живого существа; и массы зияющей тьмы, выставленные напоказ незанятыми

комнатами, казались подходящим жилищем для гения романтики. Однако ни я, ни моя лошадь не были в настроении для приключения такого рода, и бедное животное, казалось, было так же приятно, как и я, вырваться из столь безрадостного места. Проехав четыре мили по ненаселенному лесу и темной слепой дороге, мы добрались до мистера Мерфи, спонсора поселения Мерфи.

СЦЕНЫ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

В ГОРАХ ОЗАРК.

1818 И 1819 гг. н.э.

Из ОРИГИНАЛЬНЫХ ЗАМЕТОК И ДНЕВНИКА.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Предполагается, что необходимо совсем немного, чтобы читатель мог определить положение автора на крайних юго-западных границах в 1818 году. Лето того года он провел, пересекая рудничный район, который простирается вдоль правого берега Миссисипи, между устьем Маромега и дилювиальными утесами к югу от мыса Жирардо, простираясь на запад и юго-запад до истоков Святого Франциска. В этих минералогических прогулках, которые совершались иногда пешком, а иногда верхом или на колесах, он познакомился со многими уважаемыми людьми, среди которых он может назвать Остинов, отца и сына, покойного полковника. Эшли, Джон Райс Джонс, эсквайр, и многие другие, которые все еще живы, всеми кем цель его посещения страны была сердечно одобрена и поощрялась во все времена. Он также познакомился с опытными шахтерами и предприимчивыми людьми, которые были не только знакомы с устоявшимися границами, но и время от времени проникали за их пределы, в обширные просторы высокогорья, ныне географически известного под названием цепь Озарк. С геологической точки зрения страна рудников - это всего лишь восточный край этой цепи, которая простирается вплотную к берегам Миссисипи и заканчивается в той возвышенной гряде скал-панно, которые образуют столь поразительное и часто живописное зрелище, между Сент-Женевьевой и Сент-Луисом. В то время охотники и другие люди, проникавшие в эти дебри в поисках оленей и буйволов или селитры в известняковых пещерах, испытывали общее опасение перед хищническим племенем осейджей — народом, который в течение многих лет пользовался дурной репутацией воров и грабителей. Однако все были согласны с интересным характером местности, простирающейся в общем направлении на юго-запад от слияния Миссури с Миссисипи. Он испытывал горячее желание проникнуть в эту *terra incognita*. Он не мог узнать, что со времен хорошо известных экспедиций Льюиса и Кларка в направлении Скалистых гор было предпринято какое-либо исследовательское путешествие вверх по Миссури и лейтенанта. Пайк, через верхнюю часть Арканзаса, к Санта-Фе и Чиуауа. Брекенридж впоследствии опубликовал отчет о поездке в Каунсил Блаффс. [2] Но ни один из

этих маршрутов не пересекал упомянутые широкие горные массивы и не давал какой-либо определенной информации о них. Если смотреть на карту, эти маршруты формировали общие внешние очертания, но они оставляли за собой возможность дополнить внутреннее наполнение — или, если вообще дополняли, то слишком часто такими расплывчатыми фразами, как эта— "Вот соляные горы". "Предполагается, что... берет начало здесь". "Вулканические холмы" и так далее. Геология страны не дала никаких указаний на вероятность последнего замечания. Льюис и Кларк заявили, что вид псевдопемзы, найденный плавающим по Миссури в половодье, имеет гораздо более отдаленное и местное происхождение. Описание каменной соли в горных массивах долгое время считалось в народе причудливым творением захватывающей политической эпохи; и вместе с вулканами на западе оно вошло в число тех старинных слухов, которые в качестве основного аргумента утверждают существование живого мамонта "за большими озерами".

[2] Правительство Соединенных Штатов уже в следующем, 1819 году, направило полковнику Дж. Долгий путь к Желтому Камню.

Если автор заметок и дневника, в которых представлены эти наброски, не был подвержен влиянию каких-либо конкретных теорий подобного рода, все же он не был свободен от ожидания найти изобильные материалы в природных явлениях, пейзажах и происшествиях путешествия, которые щедро вознаградят его за его опасности. Он получил от охотников несколько предметов из минералогической и геологической коллекции, которую он собрал, живя в Потоси, *идобывал в Бертоне*: на этих диких границах, и, не претендуя на то, чтобы оценить силу каждого конкретного предмета, который составлял сумму его мотивов, он решил организовать экспедицию со всеми доступными ему средствами и исследовать регион. Остины, которые относились к нему с подчеркнутой добротой и вниманием с того самого момента, как он впервые высадился в Миссури, в то время готовились к своему первому выступлению в Техасе, и предоставили ему прекрасный театр для антрепризы; но он не соответствовал его конкретным средствам или вкусу. Его ужаснула утонченность испанского характера, и он волен признаться, что считал эти широты гораздо более привлекательными для выращивания кукурузы в Зее и хлопка, чем для тех занятий, которые побудили его предпочесть более суровые возвышенности Озарка. Они, в конце концов, основали республику, а он всего лишь совершил полное приключений путешествие.

Таким образом, напомнив об эпохе и мотиве следующих набросков, смысл этих замечаний исчерпан.

Нью-Йорк, 1844 год.

ГЛАВА I.

О чем следует подумать, прежде чем углубляться в лес — Состав отряда и причины, по которым он был немногочисленным — Разбивка лагеря на первую ночь — Предварительные приготовления — Ночевка в заброшенном индейском домике — Особая разновидность лисицы — Белки — Вьючная лошадь сбегает — Пересечь возвышенность, называемую Сосняком — Добраться до окраин поселений в долине Фурш-а-Куртуа.

Тот, кто отважится отправиться в дикую местность, должен обеспечить себя такими предметами личного комфорта или безопасности, каких требуют привычки, прогноз или конкретный объект преследования или наблюдения. Каждый подумает об оружии и боеприпасах, но есть и другие вещи, необходимые для того, чтобы сделать жизнь в лесу приятной или даже сносной. Этому меня уже научили предыдущие экскурсии, но этот урок был повторен теми, у кого больше опыта. Было два человека, которые согласились пойти со мной и оставаться рядом до конца, — один уроженец Массачусетса, а другой из Коннектикута, оба, как и я, новички в этой области и незнакомые с жизнью в лесу. Я думал, что то, чего им не хватало в этом искусстве, они с лихвой восполнили интеллектом, предприимчивостью и ресурсами. Первого звали Бригам. Другой, на которого я буду ссылаться, известен под именем Энобитти. Еще три или четыре человека, уроженца этого региона, согласились отправиться в качестве охотников или искателей приключений на новое поприще эмиграции, но случилось так, что, когда все было готово - когда все возражения против поездки были устранены, а все нужды удовлетворены, и когда двое моих восточных друзей спустились на землю, все эти люди спокойно и легко объяснив причины, отступили. На самом деле, мой друг Бригем также был вынужден отказаться от поездки после того, как он достиг точки встречи, то есть Потоси. Предыдущим летом, проживая на американском дне в Иллинойсе, он заразился малярией в этом привлекательном в других отношениях сельскохозяйственном районе, а перемежающаяся лихорадка, которой он таким образом заразился, не позволяла ему выходить за пределы поселений. Так что, когда настал назначенный день, Энобитти, я и мой добрый домовладелец Фиклин — добросердечный кентуккиец, который в юности был охотником и пограничным шпионом, - были всеми людьми, которых я мог перечислить, и последний прошел лишь небольшое расстояние по доброте своего сердца и любви к лесным приключениям, чтобы, так сказать, наставить нас в пути и приобщить к некоторым необходимым лесным искусствам. Был ясный, благоухающий день — 6 ноября 1818 года. Листья быстро опадали с деревьев, устилая дорогу и музыкально шелестя в ветвях, когда мы проезжали вершины майн-хиллз, отделявших долину Майн-а-Бертон от соседнего ручья. В воздухе было ровно столько осенней свежести, чтобы сделать его вдохновляющим; и мы шли вперед с двойным воодушевлением - здоровьем и надеждой. Когда мы проезжали через леса, где в изобилии рос гикори, часто можно было увидеть лису и серую белку, готовящих свои зимние запасы, что придавало происходящему дополнительное оживление. Было уже далеко за полдень, когда мы вошли в долину Бейтс—Крик - она действительно находилась всего в нескольких милях от нашей отправной точки, где, как сказал нам наш добрый Наставник, лучше всего было разбить лагерь; ибо, во-первых, это было единственное место, где мы могли добыть воду на долгое расстояние, а во-вторых, и это важнее всего, нам было необходимо переложить поклажу на нашу вьючную лошадь, получить урок искусства разбивки лагеря и сделать некоторые другие надлежащие приготовления, прежде чем мы отправимся прямо в дикую местность. Это был превосходный совет, подходящий не только новичкам, но даже посвященным в искусство лесника. Цель всегда заключается в том, чтобы посредством этого инициатического движения сделать то, что технически называется *началом*.

Я купил в Потоси лошадь — недорогое животное, довольно старое и костлявое, чтобы нести наши одеяла, легкие кухонные принадлежности и несколько других предметов первой необходимости, а также кое-какую провизию. Он носил не очень подходящее имя "Мясник", то ли от бывшего владельца, то ли как приобретенное, я не знаю, но он не отличался кровожадным нравом, или, по крайней мере, единственной склонностью к драке, которую он когда-либо

проявлял, было как можно быстрее вернуться в Потоси, потому что он сбежал в первую же ночь и часто, пока мы не забрались довольно далеко на запад, повторял эту попытку. Бедное животное, казалось, инстинктивно знало, что оно удаляется от земель, где кормят кукурузой, и ему придется добывать себе пищу из сухой травы, часто на каменистых местах или в каком-нибудь густом, увитом лозой тростнике, где его задние лапы часто были крепко связаны зеленым шиповником, в то время как он тщетно тянулся вперед, чтобы откусить зеленый лист.

Здесь мы получили первый урок правильного стреноживания лошади — очень необходимый урок: если ее не *стреножить*, она сбьется с пути и утром будет сильно задержана, а если стреножить ее не *хорошо*, то она повредит ноги. Недалеко от берега ручья мы нашли заброшенный индейский вигвам, который, по-видимому, при небольшом усилии мог послужить нам очень удобным ночлегом, а кроме того, в случае дождя, оказался бы отличным убежищем. К этому устройству мы немедленно приступили: лошадь распаковали, ее ношу уложили в вигваме, лошадь стреножили и забили колокольчиками, и разожгли костер. Пока мой спутник обустроивал лагерь и готовился вскипятить чашку чая, я взял ружье и без особых хлопот подстрелил несколько прекрасных лисиц и серых белок — первых плодов наших усилий на охоте. Среди них был один явно беспородный вид. Если нет, то разнообразие было своеобразным. У него было серое тело и рыжий лисий хвост, а брюхо, нос и кончики ушей были черными, объединяя таким образом признаки трех разновидностей. Один или два из них были добавлены к нашему ужину, который мы приготовили с большим удовольствием, а в назначенное время расстелили одеяла и крепко проспали до рассвета.

Выйдя на прогулку, я обнаружил, что лошадь пропала, и пустился в погоню за ним. Хотя его передние лапы были привязаны, так что ему приходилось поднимать обе вместе, таким прыжковым способом он добрался обратно до двери своего бывшего владельца в деревне Майн-а-Бертон. Однако он не до конца придерживался тропинки, и, потеряв его след после того, как он ступил на траву, мое ухо уловило звук колокольчика далеко слева, который я принял за его, и последовал за ним. Я шел на звук этого колокольчика, который был слышен лишь время от времени, пока, пересекши холмы и долины, не свернув с направления звука, я не вышел на двор фермы, в четырех милях ниже Потоси; где я обнаружил колокольчик, прикрепленный к шее величественного загнанного быка. Владелец (который знал меня и обстоятельства моего похода в экспедицию) сказал мне, что Мясник добрался до рудников и был отправлен обратно сыном своего бывшего владельца в мой лагерь. Мне ничего не оставалось, как вернуться на то же место, где я нашел беглеца, и позавтракать чаем, хлебом, ветчиной и белками. Целое утро было потеряно из-за этого злоключения. Было десять часов, когда мы упаковали животное и отправились в путь.

Наш второй день путешествия мало что дал ремарку. Мы старательно продвигались по неровной горной тропе, пересекая бесплодную местность под названием Сосновый Бор. Это урочище ценно только своим сосновым лесом. Здесь нет ни сельскохозяйственных угодий, ни полезных ископаемых. Мы не миновали ни одного жилья. Мы не видели ни птиц, ни животных. Тишина запустения, казалось, сопровождала нас. Было явным облегчением от однообразной стерильности почвы и однообразия перспективы увидеть наконец долину перед нами. Это была ветвь Маромега, или Мерримака, который в оригинале называется французским термином *Фурш а Куртуа*. Мы преодолели расстояние в четырнадцать миль по этим каменистым возвышенностям. Появились первые признаки человеческого жилья в виде огороженных полей. Солнце опустилось за холмы, когда мы вошли в эту долину, и вскоре мы увидели

очертания жилища. Несколько вальдшнепов взлетели, когда мы поспешили вперед, и нам не пришлось долго ждать официального объявления о нашем появлении под громкий и продолжительный собачий лай. Потребовались строгие команды их хозяина, прежде чем они попятились и затихли. Это был небольшой бревенчатый дом обычной постройки на границе, который предоставил нам обычное гостеприимство и готовое жилье. Они угостили нас теплыми лепешками из кукурузного хлеба и отличным наваристым молоком. Мы расстелили одеяла перед вечерним костром и насладились хорошим ночным сном. Здешний мясник, я думаю, в последний раз поел кукурузы и больше не делал попыток вернуться. С первыми проблесками дневного света мы поправили его рюкзак и снова двинулись в путь.

ГЛАВА II.

Добираемся до охотничьей хижины на окраине дикой природы — Он соглашается сопровождать нас—Поднимаемся на холмы Озарк- Встречаем лагерь индейцев Делавэра — Характер страны - Ее альпийский воздух и чистота ее вод.—Подняться к истоку Мерримака —Добраться до охотничьего уголья, Покинутого охотником и проводником и предоставленного индивидуальным упражнениям в этих искусствах.

Каждый совместный труд, основанный на теории, что каждый человек, участвующий в нем, должен оказывать какую-то личную услугу, должен, для того чтобы он мог протекать приятно и успешно, иметь определенный порядок или правило продвижения; и это так же необходимо в путешествии по дикой природе, как и в любом другом месте. Нашим правилом было вести вьючную лошадь и брать с собой компас и проводника вперед, поочередно, день за днем. Считалось, что я лучше всех владею искусством разводить костер, и когда мы останавливались на ночлег, я всегда делал это, пока мой спутник добывал воду и ставил ее кипятиться для чая. Мы разносили чай, поскольку он был легче и его легче приготовить, чем кофе. Таким образом, мы разделили, насколько это было возможно, поровну повседневные обязанности и приятно продолжили. Теперь мы достигли последнего поселения на границе, и через пару часов ходьбы от нашего последнего пристанища мы достигли последнего дома на внешней границе дикой местности. Это была небольшая, недавно построенная бревенчатая хижина, занимаемая охотником по имени Робертс и расположенная примерно в 20 милях к юго-западу от Потоси. О нашем приближении сюда также возвестили собаки. Будь мы волками или пантерами, пробравшимися на территорию в полночь, они не смогли бы выполнять свой долг более шумно. Действительно, это было очень примитивное жилище, построенное столь же недавно, сколь и первобытным. Вокруг лежали большие поваленные деревья, в том виде, в каком их срубил дровосек, и частично сгоревшие в огне. Результатом этого частичного сожжения было только то, что огромные стволы почернели и стали отвратительными. Один из них лежал перед коттеджем. В других местах были видны олени шкуры, растянутые для просушки; тут и там валялись олени лапы и рога. Там не было ни фута возделанной земли. С первого взгляда было совершенно очевидно, что мы добрались до жилища пограничного охотника, а не земледельца. Но хозяин отсутствовал, как мы узнали от его жены, худощавой, пронизательной темнокожей маленькой женщины, одетой в оленью шкуру, которая вышла из двери прежде, чем мы подошли к ней, и приветствовала нас обращением "Незнакомцы". Хотя это западный термин, заменяющий слово "друг" в других частях союза, и сама она, похоже, была полностью

уроженкой этих широт, ни один янки не мог бы быть более любознательным в одном конкретном отделе исследований, а именно в отделе, связанном с охотой. Она поинтересовалась нашей целью — курсом и расстоянием, которые мы предполагаем преодолеть, а также общим расположением конского снаряжения, экипажей и так далее. Она рассказала нам об опасности встречи с Осейджами и внимательно осмотрела наше оружие. Такой экзамен действительно, благодаря своей тщательности, поставил бы в тупик парня, который приехал подготовленным к экзамену за первую четверть в сельской академии. Она сказала нам, *con amore*, что ее муж скоро вернется, как только мы сможем позавтракать, и что он был бы рад проводить нас до пещеры Эшли, а может быть, и дальше. Это была возможность, которой нельзя было пренебречь. Мы согласились подождать и приготовить утренний ужин, к которому она добавила несколько хорошо пропеченных кукурузных лепешек. К этому времени, и действительно, не успели мы пробыть там долго, как вошел Робертс. Говорят, что жизнь охотника - это жизнь пиршества или голодания. Похоже, для него это был один из последних сезонов. Он отправился прочесать территорию в поисках мясного завтрака, но вернулся домой с пустыми руками. Ему очень хотелось отправиться в том направлении, куда мы направлялись, где, как он утверждал, изобиловала дичь, но он боялся далеко заходить в одиночку из-за негодяя Осейджа. Он не боялся делаваров, которые были поблизости. Он с готовностью принял наше предложение сопровождать нас в качестве охотника. Робертс, как и его напарник по лесу, был одет в оленью шкуру. Это был довольно коренастый, упитанный мужчина среднего роста, с румяным лицом, хитрыми чертами и блестящими неуверенными глазами. Конечный пункт назначения такого человека не был бы слишком двусмысленным, будь он жителем обширного района Синг-Синг или "милого Оберна": но здесь он был человеком, которому, возможно, можно было доверять в подобном случае, и мы, во всяком случае, были рады воспользоваться его услугами на оговоренных условиях. Пока мы разговаривали, он начал чистить свое ружье и приводить в порядок кожаное снаряжение: затем он положил в мешок несколько больших лепешек кукурузного хлеба и очень скоро вывел крепкую маленькую лошадку из бревенчатого загона, служившего сараем; и, повесив на спину старое седло, сел на него верхом, держа винтовку в одной руке, сказал: "Я готов", - и уехал. Теперь у нас был не только охотник, но и проводник, и мы полностью возложили это бремя на него. Наш путь лежал вверх по длинному гребню твердой глинисто-кремнистой почвы в направлении истоков Марамега, или, как его теперь повсеместно называют и пишут, Мерримак. Проехав около четырех миль, мы внезапно спустились с откоса в поросшую травой безлесную долину, по которой извивался быстрый чистый ручей, а по ее границам было разбито несколько индейских вигвамов. Наш гид сказал нам, что это был Озав-Форк реки Мерримак (на современном географическом языке Озарк.), И здесь мы нашли потомков и остатки того некогда могущественного племени, у которого Уильям Пенн купил участок Филадельфии, и чье древнее владычество простиралось в самую раннюю определенную историческую эпоху вдоль берегов реки Леннапихиттук, или Делавэр. Двое из них были дома, поскольку в это время года и суток мужчины уходят на охоту. Судя по особенностям черт лица, манер и одежды, казалось бы невозможным, чтобы какой-либо народ так долго оставался в контакте с европейскими расами или соседствовал с ними и так мало изменился во всем, что составляет национальную и личную идентичность. Робертс не очень дружелюбно взирал на этих древних владык леса, вся сумма его философии и филантропии измерялась весьма ощутимым кругом прерий и лесов, которые сужали его собственные охотничьи угодья. Даже тогда разумные люди на западе сочли, что они были расположены неразумно, и с тех пор они уже давно переместились на постоянное место жительства за пределы корпоративных границ Штатов и Территорий, на слияние реки Конга с

Миссури. Я был бы рад продлить наш короткий привал, но у него и Энобитти слово, казалось, означало "вперед", и мы двинулись вперед. Теперь мы были почти в пределах цепи Озарк — широкого и почти безграничного тракта, о котором можно сказать, что только долины пригодны для будущей обработки. Промежуточные хребты и горы почти лишены леса, часто совершенно лишены, и почти во всех случаях бесплодны и непригодны для пахоты. Вполне вероятно, что на некоторых из этих возвышенностей могли разводить овец, которые обладают достаточным количеством почвы для посева трав. Геологически его основание состоит из известняков, опирающихся на песчаники. К сожалению, из-за своего сельскохозяйственного характера поверхность была покрыта инородным слоем красной глины, заполненным осколками рогового камня, кремня и битого кварца, которые делают почву твердой и уплотненной. Деревьев здесь мало и они чахлые, трава жесткая. В поисках происхождения такой почвы представляется вероятным, что она образовалась в результате разрушения сланцев в верховьях Миссури и ниже хребта Скалистых гор, в которых эти разрушенные и внедренные вещества первоначально составляли жилы. Только в долинах и редких равнинах скопилась более богатая и углеродсодержащая почва. Чистейшие источники, однако, бьют из его холмов; его атмосфера прекрасна и целебна, и он представляет собой театр альпийских развлечений, который, вероятно, в будущем превратит его в курорт пастухов, любителей горных пейзажей и валетудинариев. Следует сделать еще одно замечание о высокогорных районах хребта Озарк. В своем естественном состоянии они выглядят более стерильными, чем есть на самом деле, из-за последствий осенних пожаров. Эти пожары, которые туземцы продолжали на протяжении веков, чтобы расчистить землю для охоты, привели не только к сокращению и уничтожению обширной растительности, но и к сжиганию всех углеродистых частиц верхнего слоя почвы, в результате чего осенью поверхность становится шероховатой, красной, сухой и твердой. Когда плуг погружается в такую поверхность, он выбрасывает совсем другую почву; и, как я заметил в других частях запада, воздействие света и солнечного тепла часто приводит к образованию темной и сравнительно богатой почвы.

Мы потратили целый день на то, чтобы подняться и пересечь горный хребет, который отделяет маленькую долину Оза от долины Мерримак. При приближении к последнему в почве обнаружились следы чего-то похожего на железную руду, но несколько своеобразного по своему характеру и темного оттенка. Вскоре, при прохождении небольшого расстояния, это проявилось в изобилии черных и цветных оксидов марганца — залегающих в массах в засушливой почве. Индейская тропа, по которой мы шли, вела через долину. Мы перешли реку вброд пешком. Не было обнаружено ни стоянок индейцев, ни каких-либо совсем недавних их следов; и мы начали думать, что сообщения о набегах осейджей и грабежах, должно быть, несколько преувеличены. Река разливает свои прозрачные горные воды по широкому руслу, усыпанному галькой и небольшими валунами, и в это время года она не представляла особых препятствий ни для лошадей, ни для нас самих при переправе через нее. Солнце клонилось к закату, когда мы достигли противоположной стороны долины и разбили лагерь на ее границе, милей или двумя выше. Здесь мы должным образом позаботились о наших лошадях, приготовили вечернюю трапезу, обсудили дневные приключения, с удовольствием посидели у нашего походного костра, любуясь дикой природой перед нами и вокруг, а затем погрузились в глубокий сон на наших тюфяках.

Новички в искусстве лесоруба и неопытные в путешествиях, мы спали крепче и больше походили на смерть, чем Робертс. Днем и вечером в его глазах читалось беспокойство. Теперь мы были в охотничьем уголье, олени и лоси стали попадаться часто, а их свежие следы на

нашем пути свидетельствовали об их изобилии. Ночью они бродили по нашему лагерю, чтобы потревожить слух усталого охотника, да и мой собственный. Он встал и обнаружил, что обе лошади пропали. Память Мясника о моем корме из кукурузы "Бертон" не покинула его, и он взял с собой лошадь охотника. Я вскочил и последовал за ним в погоне. Их обоих настигли примерно в трех милях назад на трассе, когда они ехали домой со всей возможной скоростью, какую позволяли их привязанные передние ноги. Мы проводили их обратно, не потревожив моего спутника, и затем он вышел со своим ружьем и быстро принес нам на завтрак прекрасную жирную лань. Каждый нарезал отличные куски бифштексов и поджарил для себя. Мы съели его, слегка посолив, и остатки охотничьих кукурузных лепешек, а завершили трапезу, выпив по пинтовой чашке лучшего чая Энобитти, каждому. Оказалось, что это был *заключительный* ужин с нашим человеком из Фуршета а Куртуа, Робертсом, потому что негодяй через несколько часов бросил нас и уехал обратно. Если бы он хоть как-то намекнул на недовольство или желание вернуться, мы были бы в какой-то мере готовы к этому. Вероятно, его страхи перед распространенным в то время пугалом этих пограничников, Осейджами, были сильнее наших собственных. Вероятно также, что у него не было никакой другой мысли, покидая Фурш-а-Куртуа, кроме как воспользоваться нашим покровительством, пока он не доберется до местности, где за одно утро сможет настрелять оленей столько, чтобы нагрузить свою лошадь отборными кусками и отвести ее домой. Это событие, по крайней мере, делалось вероятным; и парень не только подло бросил нас, но и унес мой лучший новый охотничий нож вместе с ножнами и поясом — потерю, которую нелегко исправить в таком месте.

Чтобы скрыть свой план, он отправился с нами утром: во второй половине ночи прошел небольшой дождь, и все утро было пасмурно и темно. Проехав около десяти миль, мы свернули с тропы Осейдж, которая начинала забираться слишком далеко на северо-запад, и направились через лес на юг, рассчитывая добраться до пещеры Эшли в одном из верховьев реки. Вскоре после того, как мы покинули эту тропу, Робертс, который шел впереди слева от нас, примерно в полумиле, выстрелил в оленя и убил его, и немедленно перезарядил ружье, погнался за ним и выстрелил снова; сказав нам продолжать наш курс, поскольку он, будучи верхом, мог легко обогнать нас. Мы больше не слышали и не видели его. Ночь застала нас у берегов небольшого озера, или, скорее, ряда маленьких озер или прудов, сообщающихся друг с другом, где мы разбили лагерь. Покончив с ужином и обсудив в беседе довольно насыщенные событиями события дня и план марша на завтра, мы решили отдохнуть, но не успели погрузиться в забытие, как неподалеку от нас подняла вой стая волков. Нам сказали, что эти животные не подходят близко к огню, и их не следует опасаться в стране, где водятся олени. Они идут по следу охотника, чтобы разделить ту часть туши, которую он оставит, и это в их природе - собираться в стадо и загонять это животное как свою естественную добычу. Мы хорошо выспались, но стоит отметить, что, когда мы проснулись на рассвете, вой волков все еще был слышен, и примерно на том же расстоянии. Вероятно, они пели нам серенаду всю ночь. Наш костер почти погас; мы почувствовали некоторый озноб и решили снова разжечь его и приготовить завтрак, прежде чем отправиться в путь. Теперь было ясно, что Робертс ушел. К счастью, он не унес наш компас, так как *это* стало бы несчастным случаем со смертельным исходом для "Энтерпрайза".

ГЛАВА III.

Более глубокий обзор цепи Озарк. Пройдите по склонам высокогорья, откуда берут начало Черные, Одиннадцатые точки, Течения и Весенние реки. Доберитесь до романтической долины пещер. Увидите птиц и животных. Земля из селитры; сталактиты. Поднимитесь на альпийскую вершину западного Озарка. Авария у истока реки Гасконда при переходе вброд реки Литтл-Осейдж.—Разбейте лагерь на одном из ее притоков.

Когда мы начали собираться за дровами для разжигания костра, выяснилось, что мы отдыхали недалеко от стаи диких уток, которые ночью искали травянистый край озера и при первой тревоге обратились в бегство. Имея не столь готовый способ передвижения, мы в свое время последовали их примеру, а также взяли курс на юг. На расстоянии пары миль мы пересекли небольшой ручей, текущий на юго-восток, который, по нашему мнению, является истоком упомянутых небольших озер и который, вероятно, является истоком Черной реки, или Одиннадцатого мыса. Наш курс вел нас в противоположном направлении, и вскоре мы оказались у бесплодных холмов, окаймлявших романтическую долину течений. На более мягкой почве были видны следы колес, которые вели в этом направлении к селитровым пещерам, но мы полностью потеряли их, когда добрались до этих засушливых и неровных круч и поднялись на них. Некоторые из этих круч поднимались в головокружительные и романтические утесы, увенчанные соснами. Мы осторожно пробирались среди них, чтобы найти какое-нибудь ущелье или впадину, через которые можно было бы попасть в долину. Что касается нас самих, то мы не должны были так выбирать путь, но у нас была вьючная лошадь, которую нужно было вести, и если бы она упала в пропасть, мы должны были попрощаться с нашим походным снаряжением. Наши руки и единственное одеяло - это все, что мы могли унести. Наконец эта вершина была достигнута. Вид был очаровательным. У подножия вершины простиралась извилистая лесистая долина с ее чистой светлой рекой. Пышные массы листвы нависали над прозрачным ручьем и отражались в его прозрачном течении с удвоенной красотой. Осенний мороз, лишивший горные деревья их одежды, казалось, прошел над этой глубоко уединенной долиной без особого эффекта, и этот эффект должен был только усилить интерес к пейзажу, придавая частям его листвы живейшие оранжевые и малиновые оттенки. И это делалось вдвойне привлекательным из-за контраста. Позади нас лежали унылые и бесплодные холмы, по которым мы пробирались с трудом, без тени, без ручья и даже без простейшего представителя животного мира. Ибо это правда, что в разгар дневной жары и птицы, и четвероногие укрываются в уединенной тени ручьев и долин. Оттуда они совершают вылазки на равнины в поисках пищи на раннем рассвете и снова перед наступлением ночи. Весь остаток дня равнины и высокогорья погружены в тишину запустения. По мере того как мы осторожно спускались со скал, начал приближаться вечер, и первое, что мы сделали, добравшись до ручья, - это сделали большой глоток из его хрустального сокровища и позволили нашей лошади сделать то же самое. Следующей целью было найти место для брода— что было выполнено без труда. Поднявшись на южный берег, мы снова нашли тропу, потерянную утром, и с готовностью пошли по ней. В этот день была моя очередь идти впереди в качестве проводника, но соблазн поймать мелкую дичь, когда мы поднимались по долине, отвлек меня в сторону, пока Энобитти выбирал подходящее место для ночлега. Было темно, когда я присоединился к нему со своей охотой на белок и голубей. Он держался поближе к тропе. Вскоре тропинка вывела его из долины, вверх по длинному, поросшему кустарником гребню, а затем через открытую сосновую рощу на возвышенности, которая резко обрывалась отвесным обрывом. От него, примерно на расстоянии восьмисот ярдов, отделял противоположный обрыв из известняковой скалы,

изрезанный зубчатыми выступами и массивными стенами с темными проемами, которые придавали всему этому сходство с архитектурными руинами. Ручей, протекавший между этими утесами, был небольшим, и он был таким глубоким и хорошо утопал в вечерних тенях, что с этой высоты был отчетливо виден как колышущаяся яркая линия на темной поверхности. Тропа вела в эту глубокую, темную, ужасающую долину, и здесь мы разожгли наш костер, наскоро разбили лагерь в кустах и, совершив должное омовение в маленьком ручье, устроились на ночной отдых. Еще до того, как мы закончили трапезу, небо быстро затянулось тучами, и наступила ночь, полная непроглядной тьмы, угрожавшей бурей. Когда мы сидели у нашего костра, его отблески на огромных выступах нависающих скал придавали пейзажу дикий и живописный оттенок; и мы ожидали возвращения дневного света с тревожным желанием узнать и увидеть наше точное местонахождение. По беспокойному топоту нашей лошади и позвякиванию ее колокольчика мы поняли, что она нашла лишь безразличный урожай.

Дневной свет оправдал предсказания вечера. Прошел дождь. Он также показал наше положение в этой узкой и романтической долине. Высокая стена скал окружала нас с обеих сторон, но они были не такими, какие могли бы образоваться в вулканической местности из расщелины долины. Какой бы узкой и глубокой ни была долина, сразу было очевидно, что это долина обнажения, обязанная своим существованием изнурительному воздействию протекающего внутри нее пустякового ручья, уносящего частицу за частицей вещество, разрыхленное дождями, морозами и механическим истиранием. Скалы состоят исключительно из известняка и сложены, как каменные, горизонтальными слоями. Одна из самых поразительных картин, которые они представили, была обнаружена в огромном количестве, размере и разнообразии пещер, которые открывались в это известковое образование. Эти пещеры самых разных размеров, некоторые из них очень большие, и немало из них расположено на возвышенностях над дном долины, доступ к которым запрещен.

Одной из наших первых целей, после осмотра окрестностей, было перенести наш багаж и расположиться выше по долине, в одной из этих пещер, которые на расстоянии около мили обещали нам надежное укрытие от непогоды. Покончив с этим, мы решили дожидаться установившейся погоды и исследовать окрестности. Безусловно, самым заметным объектом среди пещер была та, в которую мы так бесцеремонно забрались. Очевидно, его посещали и раньше люди в поисках селитряной земли. В его трещинах в изобилии имелись высолы азотистой земли, и эта соль также присутствовала в массах красноватой разбавленной земли, которые залегали в нескольких местах. Вход в эту пещеру представлял собой грубую неправильную дугу, крайняя высота которой составляла, вероятно, тридцать футов, а линия основания - девяносто. Дно этого отверстия находится на высоте около сорока футов над ручьем. И этот размер сохраняется примерно на двести футов, когда он расширяется в высокий купол, примерно восьмидесяти или девяноста футов в высоту и, возможно, трехсот в диаметре. В его центре из скалы бьет прекрасный источник воды. От этого купола в разные стороны расходятся несколько проходов.

Один из них открывается в долину в недоступном месте, чуть ниже. Другой проходит назад почти под прямым углом ко рту, оставляя более мелкие проходы, которые, однако, не имеют большого значения в его продвижении. Столь великолепный и благородный вход вселял в нас самые большие надежды на то, что мы обнаружим, что это всего лишь вестибюль естественного лабиринта; но результат разочаровал нас. Эти обширные пространства вскоре уменьшились, и, пройдя около пятисот ярдов по главному, или южному, проходу, мы обнаружили, что наш

дальнейший вход прегражден горами упавших камней, у подножия которых небольшой ручей просачивался сквозь обломки и находил свой путь к устью. Есть ли у нас веские основания приписывать этому небольшому потоку силу, достаточную для того, чтобы считаться эффективным средством для выноса известковой породы, так что в течение длительного периода времени образовалось отверстие? Тогда откуда, можно спросить, взялись массы плотной красноватой глины и галечного разбавления, которые существуют? По-видимому, они скорее указывают на то, что эти пещеры были открытыми отверстиями на поверхности Озаркса в период океанической активности, и что масса воды, насыщенная такими материалами, стекала в ранее существовавшие пещеры. Этот дилувий, по правде говоря, относится к той же эпохе, что и широко распространенный поток подобного рода, который отложился в металлоносном регионе Миссури. Однако, если это вопросы, вызывающие геологические сомнения, то мы наткнулись на другой вопрос, который занимал наше внимание при проведении этого исследования, а именно, есть ли в его трещинах какие-либо дикие звери. Убедившись, что в этом отношении мы в безопасности, мы вернулись по своим следам к нашему костру и совершили вылазку, чтобы посетить другие пещеры. Большинство из них находились на такой высоте, что доступ к ним был закрыт. В одном случае дерево упало на скалу таким образом, что, взобравшись по нему до развилки и взявшись за одну из последних, можно было добраться до отверстия. Положив в карман маленький молоток для минерализации, я взобрался на это дерево и обнаружил, что пещера доступна. В ней оказались несколько восково-желтых и белых полупрозрачных сталактитов, а также очень нежные белые кристаллы селитры. Размеры этой пещеры были невелики и лишь немногим превышали те, что позволяли человеку стоять прямо.

В каждой из пещер этой долины, в которую я входил, во время нескольких дневных остановок в этих окрестностях я внимательно осматривался в поисках ископаемых костей, но ни в одном случае не добился успеха. Единственным предметом такого рода, который был замечен недавно, были кости голени и позвонки *bos musarius*, которые, по-видимому, обитали в самых верхних расщелинах этих известковых утесов, но я никогда не видел живых существ, хотя в разное время обходил их вершины и основания со своим ружьем и молотком. Некоторые из плотных известняков в русле ручья имели полосатую яшмовую текстуру. Лесная утка, утка и кряква иногда посещали этот уединенный ручей, и это было обычное пристанище дикой индейки в определенный вечерний час. В такие моменты казалось, что эта птица прилетает, испытывая жажду, со своих пастбищ в поисках желудей на возвышенностях, и ее единственной целью, по-видимому, было напиться. Сидя у входа в нашу пещеру, мы часто имели прекрасную возможность увидеть стаи этих шумных и красивых птиц, слетающих со скал и садящихся на деревья под нами. Если они пришли переночевать, а также утолить жажду, что вполне вероятно, то это было несвоевременное движение, пока мы обитали в долине, ибо они избежали когтей только одного врага, чтобы пасть под огнем другого. Эта птица, действительно, оказалась нашим лучшим ресурсом в путешествии, поскольку мы путешествовали слишком шумно и вообще без всяких предосторожностей, чтобы убивать оленей и лосей, которые, однако, в изобилии водились на высокогорных равнинах.

Мы провели в пещере Глен три дня, в течение которых было несколько дождей; целый день лил дождь, и мы использовали время этого заточения для подготовки к более сложным и неизвестным участкам нашего путешествия. До сих пор большую часть пути мы шли по тропе, и на нашем пути нас подбадривали, когда мы иногда замечали следы человеческого труда. Но с этого момента нам предстояло погрузиться в совершенную пустыню, без единого следа. Перед

нами была та часть хребта Озарк, которая справа и слева отделяет воды Миссури от вод Миссисипи. На основании достоверных сведений предполагалось, что, держась юго-западного направления, через эти возвышенности, мы нанесем удар по долине реки Уайт, которая находилась между нашими позициями там и Арканзасом. Чтобы вступить на этот тракт, руководствуясь только компасом, и с уверенностью, что мы не найдем питательной травы для нашей лошади, требовалось, чтобы мы максимально облегчили и сократили наш багаж и поместили все наши пожитки в наиболее компактную и переносимую форму. Сделав это и убедившись, что погода установилась, мы прошли небольшое расстояние вверх по Пещерной долине; но, обнаружив, что она ведет слишком прямо на запад, мы вскоре покинули ее и поднялись на холмы, окаймляющие ее южную границу. Ряд последних долин, покрытых густым кустарником, делали этот труд отнюдь не легким. Поверхность была неровной; растительность сухой, и каждая чаща, расстилавшаяся перед нами, представляла собой препятствие, которое предстояло преодолеть. Мы могли бы проникнуть во многие из них, через которые лошадь не смогла бы пробраться. Те части нашей одежды, которые не состояли из оленьей кожи, часто отдавали дань уважения этим зарослям ежевики. Наконец мы миновали эти отроги и вступили на высокую волнистую плоскогорную местность, где путешествовать стало сравнительно легко. Первый вид на эту панораму высокогорных равнин был великолепным. Он был покрыт пожухлой травой среднего размера и сухими семенными коробочками, которые шуршали, когда мы проходили мимо. Едва ли здесь был хоть один предмет, заслуживающий названия дерева, за исключением, время от времени, одинокого ствола мертвой сосны или дуба, который был иссечен молнией. Иногда встречался выбеленный череп буйвола, доказывающий, что это животное когда-то здесь обитало. Редко мы проезжали мимо низкорослого дуба; иногда группа молодых деревьев венчала вершину пологого холма; олени часто проносились перед нами; иногда мы вспугивали зайца, выпрыгнувшего из укрытия в кустах, или обращали в бегство перепела или степную курицу. Не было ни одной заметной черты, на которой мог бы остановиться глаз. Однообразная перспектива вызывала пресыщение. Мы особым образом ощущали одиночество дикой природы. Мы путешествовали молча и старательно. Это была сухая и мучительная от жажды пустошь. С утра до захода солнца мы не встретили ни капли воды. Это стало поглощающим объектом. Холм за холмом, долина за долиной терпеливо осматривались и старательно обходились пешком, но ожидаемого блага это не принесло. Наконец мы, сами того не ожидая, добрались до небольшого бегущего по равнине ручья, где с радостью разбили лагерь. Было также немного травы, которая сохранила зеленоватый оттенок и которая позволила нашей лошади тоже набраться сил.

Рано утром следующего дня мы снова упаковали его и продолжили наш путь, двигаясь строго с запада на юго-запад. Пройдя пять или шесть миль, мы достигли берегов чистого ручья шириной в двадцать футов, протекавшего по руслу, усыпанному галькой и небольшими второстепенными валунами. Этот ручей тек на северо-запад и дал нам первое представление о том, что мы пересекли вершину и находимся на стоке Миссури. Мы предположили, что это исток Гасконады или, в крайнем случае, какого-нибудь восточного притока Литтл-Осейджа.

Через несколько часов пути мы вышли к берегу другого ручья, гораздо большего размера и глубины, но текущего в том же направлении. Нам было трудно перейти этот ручей, и мы провели несколько часов, нагромождая груды камней и соединяя их сухими ветвями деревьев, снесенных наводнением. У него было быстрое и глубокое течение, по обе стороны которого было широкое пространство мелководья и пережатые валуны из известняка и песчаника. Нам удалось благополучно переправить лошадь. Энбитти шел впереди по нашему хрупкому

мостику, но потревожил последнее его звено, когда спрыгивал на южный берег, так что он повернулся под моими шагами и пропустил меня внутрь. Падение не представляло никакой опасности, поскольку происходило на мелководье ручья, но, вытянув руки, чтобы предотвратить падение, я так и не смог удержаться на ружье, которое опиралось на два камня, только на приклад и дуло; в результате ствол вывернуло. Я дал ему встречный ход, как только мы разбили лагерь, но впоследствии так и не смог полностью доверять ему. Мы не прошли и трех-четырех миль от этой реки, когда вышли к берегам третьего ручья, текущего на запад, но также уходящего ниже, на северо-запад. Этот ручей был меньше первого, и перейти его вброд было нетрудно. Продолав это, мы прошли по нему небольшое расстояние и расположились лагерем на его южных берегах.

ГЛАВА IV.

Информация охотников, основанная на слухах, оказывается ложной—Мы меняем курс—Охота на медведя—Несчастный случай—Еще одно столкновение с медведями—Попадаем в исток Грейт—Норт—Форк реки Уайт—Путешествие по этой долине—Ее характер и произрастания—Большой источник—Происшествия на маршруте—Вьючная лошадь скатывается с обрыва—Нырять в реку—Пещера-Домики Осейджей-Хижина охотника.

Теперь, после того как мы пересекли последние два ручья, стало очевидно, что мы забрались слишком далеко на север — что мы фактически находились в долине собственно Миссури; и что на информацию, полученную охотниками об истоке Мерримака, нельзя было безоговорочно полагаться. Маловероятно, что кто-то из лиц, предоставивших эту информацию, когда-либо был здесь. Это был регион, куда их не пускали из-за страха перед Осейджами, как показал наш собственный опыт в случае с Робертсом. Однако, желая проверить это дальше, мы проследовали несколько миль вниз по последнему названному ручью в надежде, что он повернет на юг или юго-запад, но он уходил в другом направлении. Затем мы остановились и, посоветовавшись, направили наш курс строго на юг-юго-запад, таким образом изменив наш общий курс в сторону от пещер. Это привело нас на длинную полосу лесистого нагорья. Лес здесь разросся очень густо. Мы прошли по тропинке среди раскидистых дубов с вкраплениями гикори и достигли вершины поросшего лесом хребта, когда, как только достигли самой высокой точки, обнаружили четырех медведей на большом дубе в долине перед нами. Трое из этого числа, вероятно, были детенышами, и вместе со своей матерью они лакомились спелыми желудями, не замечая нас. Мы не искали возможности поохотиться и не тратили на это особого времени, но это было слишком серьезное испытание, чтобы им пренебрегать. Мы надежно привязали нашу лошадь к молодому деревцу, а затем, осмотрев наши фигуры и положив дополнительный шар, отправились спускаться с холма как можно осторожнее. Неудачный промах Энобитти с силой швырнул его вперед и вывихнул лодыжку. Некоторое время он лежал в агонии. Этот шум встревожил медведей, которые один за другим быстро перебежали с кончиков ветвей на ствол, по которому спустились головой вперед и неуклюже побежали вверх по долине. Я погнался за ними, не обращая внимания на своего спутника, на самом деле не зная, насколько серьезно он был ранен, но был вынужден прекратить погоню, так как высокая

травянистое место для лагеря, распряг лошадь, развел костер и уложил моего пациента поудобнее на его тюфяке. Но в медицинском отделе Потоси было мало припасов. Весь мой аптечный запас состоял из нескольких пилюль и мазей, а также нескольких простых предметов. Единственная вещь, которая, на мой взгляд, могла пригодиться, была в нашем кулинарном наборе — это был мешочек с солью, и я развел ее в теплой воде и промыл лодыжку. Затем я подбросил дров в костер и нарубил немного дров, чтобы подновить его. Было еще рано, и, оставив моего спутника отдыхать, я взял ружье и прогулялся по соседним холмам в надежде добыть немного голубей или другой мелкой дичи. Но это было время дня, когда и птицы, и четвероногие закончили свою утреннюю трапезу и удалились в рощи или крепости. Я не видел ничего, кроме маленькой серой овсянки и шумной сойки. Когда я вернулся в наш лагерь в долине, я обнаружил, что моему спутнику стало легче. Купание ощутимо уменьшило боль и отек. Поэтому его старательно обновили, и на следующее утро ему стало настолько лучше, что он согласился снова испытать вьючную лошадь. Однако мы не успели отъехать далеко, как перед нами показались два больших медведя, игравших в траве и так увлеченных своим занятием, что не заметили нас. Теперь мы были на одном уровне с ними и быстро приготовились дать им бой. Мой спутник спешил настолько легко, насколько это было возможно, и, привязав лошадь и осмотрев наше оружие, мы заняли позицию на расстоянии выстрела. Только в этот момент они заметили наше приближение, и первое, что они сделали, пробежав несколько ярдов, это сели в траве и уставились на нас. Выбрав каждый свое животное, мы выстрелили в одно и то же мгновение. Оба животного убежали, но, добравшись до места, где была моя метка, на траве было обильно обнаружено пятно крови, и следствием этого стала погоня. Я последовал за ним вверх по длинному гребню, но он перевалил через вершину так далеко передо мной, что я потерял его из виду. Я подошел к большому дуплистому черному дубу в том направлении, где он исчез, на котором были видны следы когтей какого-то животного, которое, как я полагал, принадлежало ему. Пока я более внимательно рассматривал эти признаки, появился мой спутник. Как он туда попал, я не знаю. Волнение почти вылечило его лодыжку. Он стоял у отверстия, пока я ходил за топором в наш лагерь, и когда я устал рубить, он взялся за него. Мы рубили поочередно, и каким бы большим оно ни было, в конце концов дерево рухнуло с таким грохотом, что лес зазвенел. Несколько мгновений мы смотрели на огромный и частично сломанный ствол, как будто из него мог выскочить медведь; но все было тихо. Мы тщательно обыскали дупло, но ничего не нашли. Я перевалил через другой лесной хребет, завел благородного лося, но больше не видел своего медведя. На этом мое приключение закончилось. Мы вернулись по нашим следам обратно в долину и продолжили наш маршрут. Этот инцидент увел нас немного к югу от нашего истинного курса; и так получилось, что это произошло в точке, где, по расчетам, миля или две в ту или иную сторону значительно отличали место нашего выхода в долину Уайт-Ривер; ибо мы находились на высоком изломанном гребне вершины, из которого вытекало несколько важных ручьев. Погоня за медведем привела нас почти к началу долины, и, перевалив через промежуточную вершину, мы оказались у истоков важного ручья, который, как мы со временем узнали, был Большим Северным ответвлением Белой реки. Этот ручей начинает образовываться в заводах или стоячих источниках, которые просачиваются сквозь гравий и валуны, и проходит много миль,

прежде чем он приобретает характер непрерывного потока. Даже тогда она протекает плато или ступенями, на которых вода имеет уровень, а следующий за ней уровень соединяется с ней через стремнину. Фактически, весь ручей, вплоть до его устья, представляет собой один ряд таких озерных уровней и коротких порогов, каждый уровень опускается все ниже и ниже, пока, подобно шлюзам в канале, последний не вытекает на одном уровне со своим конечным реципиентом. Но как бы ни собирались его воды, все они чисты и бесцветны, как горный хрусталь, и вполне оправдывают свое первоначальное название *la Rivière Blanc*. Все они берут начало в горных источниках, прохладны и искрящиеся, и это дает уверенность в том, что они принесут здоровье будущим обитателям долины, через которую они протекают. С первыми веснами начинает видна небольшая поросль тростника, который постоянным видом встречается на его нижних участках. Это растение становится высоким в более южных широтах и, будучи переплетенным с зеленым шиповником, как мы вскоре обнаружили, очень затрудняет проникновение в него, особенно лошади. Человек может пережить тысячу приключений и лишений, в которых погибла бы лошадь; и не потребовалось бы никаких дополнительных свидетельств, кроме этого путешествия, чтобы убедить меня в том, что провидение создало лошадь для цивилизованного состояния.

Мы прошли по течению этих вод около шести миль и разбили лагерь. Очевидно, это был исток какого-то примечательного ручья. Она текла в нужном направлении, и хотя тогда мы не знали, что это долина Большого Северного ответвления Белой реки, мы убедились, что это приток последней, и решили следовать по ней. Так мы делали в течение двенадцати дней, прежде чем встретились с человеком, белым или красным. Она быстро развивалась по мере того, как мы продвигались, и перед нами открылась обширная долина с богатой почвой, густо заросшая лесными деревьями и окруженная с обеих сторон высокими известняковыми утесами. Ничто не могло сравниться с чистотой его вод, которые журчали в обильных источниках из скального или галечного слоя. На большом расстоянии поток увеличивался только от таких притоков, без крупных и независимых притоков. На второй день путешествия мы подошли к источнику такого кристального вида, который, по нашим оценкам, имел около пятидесяти футов в поперечнике в месте его выхода из скалы и почвы. Его исток, пробежав около тысячи ярдов, соединяется с основным потоком, в который он вносит полностью равный ему объем. Этот источник я назвал Лосиным из-за того, что нашел большую пару рогов этого животного, частично зарытых в листья, в том месте, где я наклонился напиться. Я взял рога и повесил их в развилках молодого дуба.

Мы обнаружили в этой долине изобилие дичи. Я думаю, не проходило и целого дня, пока мы не приблизились к лагерям охотников, чтобы мы не увидели ни медведя, ни лося, ни оленя, ни их недавних признаков. Стаи диких индеек были обычным явлением. Серая белка часто резвилась на деревьях, а по мере того, как ручей увеличивался в размерах, мы находили утку, брант и лебедя.

Однако было два серьезных препятствия при спуске по лесистой долине. Кустарник был таким густым и чахлым, что продраться сквозь него выючной лошади было практически невозможно. Везде, где изобилует тростник, и это включает в себя все его истинные намывы, он оказывается как бы переплетенным с зеленым шиповником и виноградной лозой. Во всяком случае, эта попытка сопровождалась таким шумом, что дичь обычно убегала перед нами, и если бы не мелкая дичь, нам часто хотелось бы поесть. При всех усилиях мы не могли проходить в среднем более четырнадцати миль в день. Река к тому же была такой извилистой, что мы не могли

рассчитывать преодолеть больше половины этого расстояния по прямой. Чтобы исправить это зло, мы иногда выезжали из долины на открытые голые равнины. Это было облегчением, но в конце концов столкнулось с такими трудностями, что, хотя равнины подвергали нас большей жаре во время путешествия, на них не было воды, и мы часто теряли много времени из-за необходимости ближе к ночи возвращаться в долину за водой. Также не было признано безопасным путешествовать далеко порознь, поскольку существовало множество причин несчастных случаев, которые делали желательной взаимную помощь. Однажды, когда Энобитти вел лошадь под уздцы и вел ее с высокого хребта, чтобы спуститься в долину, животное споткнулось и покатилося вниз. Мы думали, что каждая кость в его теле была сломана, но он был защищен своим рюкзаком, и мы обнаружили, что он почти не пострадал и, когда его снова упаковали, все еще способен двигаться вперед. В другой раз я вел его в течение нескольких часов вдоль высокой террасы утесов на левом берегу, где эта терраса была как бы внезапно оборвана пересечением боковой долины. С вершины перекрестка открывался величественный вид; но спуститься было невозможно, и пришлось проделать долгий—долгий путь обратно по моим следам. В качестве примера очень извилистого характера этого ручья я упомяну, что скалистый полуостров, образующий изгиб, на преодоление которого моему спутнику потребовалось около двух часов с лошадью, я пересек менее чем за двадцать минут со своим молотком и ружьем. Когда мы, как и предполагали, познакомились со всевозможными препятствиями и задержками при спуске в долину, однажды при переправе через ручей с левого на правый берег возникло новое, очень серьезное и неожиданное препятствие. В тот день была моя очередь погонять мулов, и я выбрал брод, где река была неширокой, а глубина воды, по-видимому, составляла около двух-трех футов. Я судил по чистоте гальки на дне и их очевидной близости к поверхности. Но прозрачность воды была такова, что была допущена серьезная ошибка. Мы чуть не потеряли лошадь, она нырнула в воду с головой, не могла коснуться дна, и когда с большим трудом мы вытащили ее на крутой берег с другой стороны, она была совершенно измучена. Но это было не пределом зла. Наши сахар и соль растворились. Наша еда, от которой немного еще оставалось, была испорчена. Наш чай был испорчен, — наши одеяла и одежда намокли, — весь наш рюкзак промок. Лошадь так долго пробыла в воде в наших часто бесплодных попытках дотащить ее до какой-нибудь части берега, достаточно углубленной, чтобы вытащить ее наверх, что ничто не избежало ее последствий. Мы разбили лагерь на месте и провели остаток дня, суша наши пожитки и удаляя излишнюю влагу из нашей запасной одежды.

На следующий день мы вышли на высокогорные равнины на правом берегу и проделали хороший дневной путь. Местность была почти ровной, без деревьев, с пожухлой осенней травой. Часто вскакивала степная курица, но с наступлением вечера мы не видели рядом ничего из животных, кроме нескольких зайцев. Чтобы найти воду для лошади и для себя, мы снова были вынуждены спуститься в долину. Наконец мы вошли в сухое и безлюдное ущелье, где не было ни травы, ни воды. Наступила ночь, но не было слышно ни звука, ни вида воды. С каждым шагом мы все глубже и глубже погружались в скалистую структуру местности и вскоре обнаружили, что по обе стороны от нас высокие утесы. Произошло то, чего мы больше всего боялись. Стало темно, облака угрожали плохой погодой, и теперь пошел дождь. Если бы не пещера, открывшаяся в одном из этих известковых утесов, мы, должно быть, провели бы ужасную ночь. Войдя в нее, мы нашли источник воды. Утес был слишком высок, чтобы втащить туда лошадь, но мы носили ей воду в сосуде. Потом его стреножили и оставили перебираться самому. Когда в пещере разожгли костер, его лучи осветили скопления сталактитов и темную

аллею в глубине скалы. Приготовив чашку чая и покончив с трапезой, мы решили исследовать пещеру, прежде чем лечь отдыхать, чтобы до утра на нас не напал какой-нибудь дикий зверь. Вскоре был сделан факел из соснового дерева, который направил наши шаги в мрачную нишу, но мы не нашли ничего подобного. Вернувшись к нашему костру у входа в пещеру, мы обнаружили, что дождь усилился до сильного ливня, а яркие вспышки молний на мгновение осветили темные и хмурые обрывы этого романтического ущелья. Возбуждение и новизна нашего положения прогнали сон, несмотря на долгий дневной переход, и было уже поздно, когда мы захотели отдохнуть.

Утро принесло ясное небо, но лошадь исчезла. Он пошел по проселочной дороге вверх по долине в поисках чего-нибудь съедобного, и его нашли только тогда, когда мы достигли окраины равнин. Действительно, все утро ушло на то, чтобы вернуть его, а затем мы снова двинулись в путь и вернулись в долину Норт-Форк. Мы обнаружили, что в момент нашего возвращения он приобрел большую площадь, которую сохранял и увеличивал по мере того, как мы преследовали его вниз. На левом берегу простирались широкие дубовые равнины, которые казались очень подходящими для заселения. На дубе в этом месте мы заметили несколько отметин, которые, вероятно, были сделаны каким-то предприимчивым исследователем суши. Благодаря этим улучшенным свидетельствам того, что местность пригодна для будущего заселения, нам стало легче передвигаться. Проехав несколько миль, мы заметили приток, впадающий с левого берега, а в более низком месте еще один слева. У первого ручья была такая особенность, что его воды входили под прямым углом к материнскому потоку и с такой скоростью, что проходили прямо по его руслу к противоположному берегу. В этих окрестностях мы видели множество заброшенных лагерей поляков Осейджей, однако ни один из которых, по-видимому, не был недавно заселен. Действительно, до сих пор мы не встречали никаких препятствий или раздражения со стороны этого народа; мы даже не встретили ни одного представителя племени и были уверены, что полученные нами рассказы об их жестокости и ненасытности были сильно преувеличены, или, если не совсем приукрашены, они, должно быть, относились к периоду их истории, который теперь был уже далеко в прошлом. Мы не смогли узнать, что они охотились на этих землях в последние годы, а впоследствии им дали понять, что они уступили их Соединенным Штатам по договору, заключенному в Сент-Луисе. Однако, по каким бы причинам в округе не было их бродячих отрядов, было ясно, что после такого прекращения охоты дичь восстановилась. Черный медведь, олень и лось водились в изобилии. Мы также часто видели следы трудов бобра в долине. Однажды мне посчастливилось, когда я шел впереди со своим ружьем, увидеть двух этих животных, игравших в ручье, и понаблюдать за их грациозными движениями. Моя позиция была на расстоянии выстрела в упор от них, но я был скрыт от их взглядов. Я сидел со взведенным курком, намереваясь подстраховать одного из них, когда они подойдут к берегу. Оба животных вышли вместе и сели на берегу у кромки реки, позади них был каменный выступ. Новизна зрелища заставила меня остановиться и полюбоваться ими, как вдруг они нырнули в расщелину в скале.

На второй день после возвращения в долину мы заметили, спускаясь по длинному склону возвышенности, охотничью хижину, обшитую узкими дубовыми досками, расколотыми с изломами; и были в восторге от мысли, что обнаружим ее занятой. Но это оказалось обманчивой надеждой. Год назад, судя по виду, он был заброшен. Среди окружающих сорняков мы обнаружили несколько случайно оброненных стеблей хлопчатника, которые выросли из семян. Коробочки раскрылись. Я выбирал хлопок, чтобы использовать его в качестве материала для разжигания костров в моем лагере ночью, поскольку я взял на себя

исключительное руководство этой работой. Место для этого лагеря было выбрано удачно. Впереди протекал небольшой ручей, а за ним поросшее густым тростником дно, простиравшееся до берегов реки. К северу от него, от непосредственного входа в лагерь, простирался красивый лесной массив. И хотя было еще довольно рано, мы решили разбить лагерь и вскоре почувствовали себя хозяевами этого места и уселись перед веселым костром, имея право на размещение, которое никто не оспаривал.

ПТИЦА.

ПЕРЕВЕДЕНО С НЕМЕЦКОГО ГЕССНЕРА: 1812 ГОД.

Проходя через рощу, юноша
поймал на веточку молодую птичку —
Какой подарок, воскликнул он, ради всего святого,
Какой красивый, обаятельный и веселый.

С восторгом рассматривал он честный приз,
И с радостью прислушивался к его болтовне,
Спеша на луг, чтобы спрятать его под своей соломенной шляпой.

.

Я сделаю из этих веселых ив
Клетку для моего узника, чтобы он оплакивал меня,
Затем я передам подарок Делии,
И попрошу поцелуя в ответ.

Я уверен, что она подарит мне его,
В качестве такого редкого и веселого подарка,
И я легко смогу украсть еще несколько
И унести их в восторге.

Он вернулся, но представьте себе его горе:
ветер сорвал с него шляпу,
И птица, обрадованная облегчением,
Улетела с его поцелуями.

HRS

ЛИЧНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОБ ИНДЕЙСКОЙ РАСЕ, ПОЧЕРПНУТЫЕ ИЗ ЗАМЕТОК О ПУТЕШЕСТВИЯХ И ПРОЖИВАНИИ НА ИХ ТЕРРИТОРИЯХ.

ХАРАКТЕР КРАСНОГО ЧЕЛОВЕКА АМЕРИКИ.

Запрос I.—Что за существо североамериканский индеец?—Правильно ли мы судили о нем?—Каковы его особые черты, привязанности и интеллектуальные качества?— На него сильно повлияли его религия, способ правления и сложный язык.

Мои самые ранние впечатления об индейской расе были почерпнуты из репетиций у камина инцидентов, произошедших в опасные времена американской революции; в которых мой отец был ревностным актером, и все они были неразрывно связаны со страшными представлениями об индейском крике, томагавке, ноже для снятия скальпов и огненной головне. В этих рассказах индеец изображался как само воплощение зла — своего рода дикий демон, который ничему так не радуется, как крови и убийствам. Обладал ли он разумом, руководствовался ли какими-либо причинами или даже имел какую-то душу, никто не спрашивал, и никому не было дела. В старых революционных воспоминаниях убийство одного из них в пограничных войнах и, таким образом, помощь в избавлении страны от жестокой и противоестественной расы, в которой, как предполагалось, должны были быть уничтожены все чувстважалости, справедливости и милосердия, всегда представлялось как достойный поступок. Эти ранние идеи подкреплялись печатными рассказами о пленении и отчаянных побегах мужчин и женщин из их когтей, которые время от времени попадали мне в руки, так что задолго до того, как мне исполнилось десять лет, в моем воображении сложилась самая определенная и потрясающая идея о том, что в моих родных краях иногда называли "гонкой лука и стрел".

Чтобы дать определенное представление об индейце, скажу, что в моей родной долине жила семья индейцев ирокезского происхождения, которые часто уходили к своему народу на западе и так же часто возвращались снова, как если бы они были отрядом гениев или призраками ушедших, которые приходили, чтобы обитать в ореховых лесах и долинах лесной Тавасенто, которыми раньше владели их предки и на которые они все еще заявляли какие-то права. В этой семье, которая принадлежала к племени онейда и состояла из мужа и жены с двумя взрослыми сыновьями, я впервые увидел эти характерные черты расы, а именно: красную кожу, яркие черные глаза и черные прямые волосы. Они были мягкими и послушными в своих манерах и были в дружеских отношениях со всем поселением, которое они снабдили аккуратно сделанными корзинами из липового дерева, расколотыми очень тонко и раскрашенными для придания разнообразия, а также красивыми ясеневыми вениками. Эти ткани сделали их желанными гостями каждой хорошей хозяйки, которая забыла ужасные истории революции и которая всегда была готова подарить бедным старым Исааку и Анне стул, тарелку и ночлег у кухонного очага, ибо так их называли. Каковы были их первоначальные имена, никто не знал; они так долго жили в долине, что говорили на голландском языке и никогда не пользовались своим собственным, кроме как в разговоре между собой; и я помню, мы удивлялись, когда они разговаривали по-индейски, может ли такой гортанный жаргон быть средством передачи каких-либо очень определенных идей. Казалось, это была одна неразличимая ткань твердых звуков, смешивающая все части речи воедино.

Если бы мальчики моего возраста, и я могу сказать, взрослые люди, остановились поразмыслить и были вынуждены рассмотреть эту семью и их расу в Америке, независимо от их грубых поступков, под сильным влиянием войны и мести, подстрекаемые несправедливостью и ведомые классом революционных тори, более непримиримых, чем даже они сами, мы должны были бы увидеть в мирной жизни, спокойных манерах и доброжелательном поведении этих четырех людей противоречие, по крайней мере, некоторой части, общим выводам, отмеченным выше. Но ничего подобного в голову не приходило. Слово "индеец" было синонимом тогда, как, возможно, и сейчас, половины оскорбительных эпитетов в словаре. Я припоминаю, что в молодости сам написал несколько строк на эту тему, которые звучали так:

Индейцами они были до того, как Колон пересек море,
И спустя века они будут всего лишь *индейцами*.

К счастью, я был еще молод, когда сфера моих наблюдений расширилась, поскольку я видел множество их в их родных лесах; и через несколько лет я занял должность правительственного представителя при одном из ведущих племен, в том возрасте, когда мнения еще не слишком прочно укоренились, чтобы допускать перемены. Однако мои взгляды во многом остались такими же, какими были в детстве. Я смотрел на них как на настоящих каннибалов и кровожадных парней, которые только и ждут удобного случая, чтобы стукнуть кого-нибудь по голове. Но я рассматривал их как любопытный объект наблюдения. Воспоминание о бедном старом Исааке показало мне, что в их сердцах было какое-то чувство и человечность. Я видел многих из них во время своих путешествий по западу, и мне захотелось узнать о чертах характера людей, среди которых меня поместили мои обязанности. С ранней юности я испытывал удовольствие от изучения естественной истории и думал, что индейцев, по крайней мере, в их языках, можно изучать примерно с такой же точностью. В тот период жизни у меня была сильная склонность к анализу, и я верил, что нечто вроде аналитического процесса может быть применено к исследованиям, по крайней мере, на филологическом факультете. Всякий раз, когда в ходе выполнения моих официальных обязанностей происходил какой-либо факт, который я считал характерным, я отмечал его и таким образом сохранял своего рода свод дат и событий, который, как считалось, послужит источником полезной информации в будущем. По правде говоря, именно с таких преимуществ и начинаются эти замечания.

Автор отбросил эти замечания в качестве отправной точки. Он сделал наблюдения, которые не во всех отношениях совпадают с общепринятыми мнениями, и сделал некоторые выводы, прямо противоположные им. За двадцать четыре года проживания и путешествий по дебрям Америки он побывал в сценах и обстоятельствах, представляющих различный интерес, и встретился со многими персонажами, которые произвели бы впечатление оригинальных и интересных на любого наблюдателя. Со многими из них у него завязалось близкое знакомство, а с некоторыми - прочные дружеские отношения. Связанный с ними долгим пребыванием, исполнением официальных обязанностей и еще более тонкими и священными узами, он считался ими человеком, отождествленным с их историей, и получил множество знаков их доверия.

Индейцы, рассматриваемые как отдельная ветвь человеческой расы, обладают некоторыми особыми чертами и институтами, на основе которых можно с пользой изучать их историю и характер. Они придерживаются некоторых мнений, которые нелегко обнаружить постороннему

человеку или иностранке, но которые, тем не менее, оказывают мощное влияние на их поведение и жизнь. В некоторых из их способов мышления и верований в жизнь и существование духовной и творческой силы есть тонкость, которая, казалось бы, была устранена в каком-то интеллектуальном тигле, за пределами их нынешней сферы. Тем не менее, по отношению ко всем обычным заботам жизни есть многое, что ей свойственно. Автор был свидетелем многих практик и обрядов, которые часто замечали путешественники, но, как и другие, приписывал их случайности или какой-то причине, сильно отличающейся от истинной. Постепенно он проникся их мнениями и, если можно так выразиться, философией их сознания; и жизнь индейца больше не кажется ему тайной. Он видит, что тот действует так, как действовали бы другие люди, если бы оказались в его положении, получили образование, данное ему лесом, и были окружены теми же желаниями, искушениями и опасностями.

Нежные чувства проявляются у индийской расы гораздо шире и сильнее, чем принято считать, хотя они неизбежно развиты с меньшей утонченностью, чем в цивилизованном обществе. Издавна было известно, что их отцовские привязанности и братские чувства очень сильны, так же как и их почитание мертвых. В его обязанности в этих департаментах входило привести несколько поразительных примеров их интенсивности чувств и привязанности, а также правдивости по отношению к природе.

Самым мощным источником влияния на красного человека является его религия. Вот истинная основа его надежд и страхов и, как полагают, плодотворный источник его мнений и действий. Это дает ему систему мышления, в соответствии с которой он живет и умирает, и это действительно составляет основу индийского характера. Благодаря этому он сохраняет свою идентичность варвара, и когда этого лишают и заменяют истинной системой, он по-прежнему остается краснокожим, но уже не *индейцем* в популярном смысле этого слова - варваром, язычником.

Индийская религия представляет собой своеобразный комплекс обрядов, доктрин и обрядов, которым с раннего возраста обучают детей посредством наставлений и примера. В этом отношении каждая построенная из коры дерева является храмом, а каждый лес - школой. Любой человек был бы удивлен, познакомившись с разнообразием и степенью влияния на индейца его религиозных взглядов и суеверий. Он не делает ни одного важного шага, не ссылаясь на это. Это его руководящий мотив в мирное время и на войне. Он следует за гонкой под ее влиянием, и даже его развлечения черпают из нее свой оттенок. Для автора факты развивались сами по себе в течение многих лет, и, хотя он способен объяснить особые различия между поведением индейцев и белых людей, в данных случаях он может легко понять, почему последние так часто были неспособны просчитать действия первых и даже дать им отчет, когда они имели место. Здесь можно заметить, что цивилизованный человек является не менее таинственным и необъяснимым существом для индейца, потому что мотивы его действий также непонятны ему самому.

Если следующие страницы предоставят публике возможность судить о Красной расе с большей точностью, он надеется, что они приведут к тому, что мы будем относиться к ним с большей добротой и более развитым духом справедливости. Перемена, произведенная в его собственном сознании фактами, свидетелем которых он стал, сопровождалась еще более важной переменой, касающейся их интеллектуальных способностей и моральной восприимчивости, а также их вытекающих отсюда притязаний на филантропию того времени.

Считается, что как класс людей их носители, не имеющие ни грамоты, ни образования, обладают более широким размахом мышления и иллюстрации, чем *соответствующий класс* в цивилизованной жизни. Возможно, это можно объяснить очевидными внешними причинами, не ставя под сомнение действительные врожденные способности низших, хотя и образованных классов к цивилизованной жизни. Тем не менее, это очень поразительный факт, который очень часто привлекал внимание автора. Старая идея о том, что индийский ум не восприимчив к высокому или выгодному развитию, основывается на сомнительных данных. Две основные причины, которые так долго сохраняли свое существование в состоянии варварства на этом континенте, - это ложная религия и ложные взгляды правительства. Первое сдерживало социальное процветание и препятствовало росту добродетели. Что касается правительства, то все то время, пока они были нашими соседями, можно сказать, что у них вообще не было правительства. Личная независимость удерживала мелких вождей от создания конфедераций ради общего блага. Отдельные лица не отказались ни от какой части своих первоначальных частных прав, чтобы обеспечить соблюдение остальных. Не было никакой публичной социальной организации, явной или подразумеваемой. Следствием этого стало то, что возобладал закон частного возмещения ущерба и мести. В единственных двух случаях, когда от этой системы отходили в Северной Америке, а именно в империи ацтеков и конфедерации ирокезов, недостатка в энергии для улучшения не было. Результатом было постоянно растущее могущество и расширение знаний вплоть до соответствующих эпох их завоевания. Не столько недостаток умственных способностей, сколько отсутствие моральной силы и доктрин истины и добродетели сдерживало их; и особенно это касалось наших собственных кочующих племен с луком и копьем в руках. Он считает, что на их ошибки в этих деталях можно указать, не делая выводов, неблагоприятных для их политического или социального процветания, при более благоприятных условиях и не приписывая такие неудачи умственному слабоумию.

Способ записи мыслей у этих племен с помощью графических знаков и мнемонических символов привлек особое внимание и вселяет в автора надежду, что ему удалось собрать и выдвинуть на первый план совокупность фактов в этой области, которые зарекомендуют себя своим интересом и новизной. Уверенность, внушенная долгим пребыванием на их территории, открыла ему еще одну черту характера - существование среди них традиционного образного предания, которое передается от отца к сыну и оказывает немалое влияние на их социальное положение. Он считает, что именно в этих двух областях он открыл новые и важные средства для оценки индийского характера и обнаружил источники взглядов по многим предметам, которые ускользали от предыдущих исследователей.

Есть еще один момент, на который он здесь ненадолго обратит внимание и который, хотя обычно его и не относят к числу практических причин, повлиявших на индийское общество и характер, все же считается, что он оказывает сильное, хотя и молчаливое влияние как на вопрос об умственном характере, так и на его истинное развитие. Автор намекает на тему их языков. Некоторые из наиболее почитаемых авторов представляют теорию происхождения национальных государственных языков и институтов, которую трудно или невозможно согласовать с природой человека в обществе и которая не подкреплена такими доказательствами, каких требуют их доктрины. Таковой, по его мнению, является теория "общественного договора", за исключением того, что ее следует рассматривать в самом неопределенном и общем смысле, какой только возможен. Такова также теория происхождения и совершенствования языков. Система управления генералли бытующих среди индейских племен, это действительно настолько просто и естественно, под свои обстоятельства, что он

думал, что никто не будет долго искать следы каких-великий законодатель, давая им законы в любой прошедший период. Когда, однако, мы рассматриваем любопытную структуру их языков, мы обнаруживаем изобретательность и сложность, намного превосходящие любую теорию, которую можно обнаружить в современных языках Европы, за, возможно, некоторыми исключениями в баскском и майерском, и даже превосходящие все, что существует в греческом. Поскольку последний долгое время считался образцом, а превосходство его плана приписывалось какому-то неизвестному, но великому и проницательному, образованному и утонченному уму, мы могли бы чувствовать себя оправданными, приписывая богатство форм, исключительную гибкость и характерную красоту и совершенство индийских языков уму, обладавшему гораздо большей мудростью, изобретательностью и опытом. И все же насколько это было бы совершенно беспричинно! Вся история свидетельствует против изобретения человеком и преднамеренного изменения языка; и никто, кроме простого теоретика, никогда не сможет принять идею о том, что во власти любого человека изобрести и ввести новый язык или произвести фундаментальное изменение в основе существующего. Таково, по крайней мере, решительное мнение автора; и он твердо верит, что всякий, кто будет размышлять на эту тему среди таких сцен, к которым он привык, неизбежно придет к тому же выводу. Он видел начавшиеся и прогрессирующие изменения в диалектах и признаки продолжения других, но они были вызваны случайным стечением обстоятельств и не были результатом какого-либо плана или замысла. Они были результатом необходимости, удобства или каприза. Эти три причины, то есть необходимость, удобство и каприз, если их должным образом изучить и оценить их влияние, а также тщательно проследить их последствия, откроют происхождение многих вещей, существование которых искали на слишком большом расстоянии или среди слишком большой утонченности.

Книги и их читатели многое сделали для того, чтобы сбить с толку изучение индийского характера. Меньше теорий и больше наблюдений, меньше фантазий и больше фактов могли бы привести нас к гораздо более правильным мнениям, чем те, которые сейчас распространены. В конце концов, считается, что индеец - это человек, гораздо более подверженный влиянию представлений здравого смысла и очевидных повседневных мотивов мыслей и действий, надежды и страха, чем он за себя выдает. Если он не приходит к тем же выводам по мимолетным вопросам, что и мы, то это именно потому, что он видит предпосылки при совершенно других обстоятельствах. Признанные ошибки варварства и признанные истины цивилизации - это два совершенно разных кодекса. Ему не хватает почти всех источников истинных знаний и мнений, которыми мы располагаем. У него очень несовершенные представления о многих из тех отраслей знания, в которых, как мы полагаем, он наиболее информирован. Он находится в полном неведении относительно других. Его смутные, обширные и мечтательные представления о Великом Творце Бытия и способе его проявления человечеству, а также широкая и сложная система суеверий и трансцендентального идолопоклонства, которую он вырастил на этой основе, сразу же выводят его со всеми его симпатиями и теориями за пределы великой черты истины и цивилизации. Это одно из главных обстоятельств, которое мешает ему делать свои выводы так, как делаем их мы. Оказавшись в точно таких же обстоятельствах, мы, возможно, должны были бы совпадать в его мнении и суждениях. Но если отвлечься от этих ошибочных взглядов и сделать справедливую поправку на свое невежество и моральную подавленность, индеец - это человек, руководствующийся простым здравым смыслом, действующий на основе того, что он знает, видит и осязает о предметах, находящихся непосредственно перед ним или осязаемых его взглядом. Если он иногда использует в высшей

степени образный стиль для передачи своих мыслей и даже опускается до того, что, как мы *теперь* знаем, он делает, чтобы развлечь свой кружок у камина рассказами об экстравагантных и часто диких демонических фантазиях, он очень далек от человека, который в своих земельных делах, торговле и бизнесе меняет трезвые мысли о самосохранении и пропитании на воздушные концепции фантазии. Узы кровного родства крепко связывают его. Семейные отношения глубоки и хорошо прослеживаются среди самых диких племен, и один этот факт служит основой для возвращения человека ко всем его первоначальным обязанностям и реорганизации индийского общества. Автор, по крайней мере, попадал в сцены и положения, в которых эта истина отчетливо представала его уму, и он верит, что факты носят характер, который заинтересует читателя, и могут быть в некоторой степени полезны самим людям, поскольку влияют на благие планы эпохи, если они не представляют собой приращение к совокупности свидетельств наблюдений практического характера, по которым следует судить о характере расы.

ЛИЧНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ О КРАСНОЙ РАСЕ, ПОЧЕРПНУТЫЕ ИЗ ЗАМЕТОК О ПРОЖИВАНИИ И ПУТЕШЕСТВИЯХ ПО ИНДИЙСКИМ ТЕРРИТОРИЯМ.

ДОМАШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПЛЕМЕН И КОНСТИТУЦИЯ ИНДЕЙСКОЙ СЕМЬИ.

Вопрос II.—Каковы бытовые условия и организация индийской семьи? Сильны ли узы кровного родства и какие характерные факты об этом можно привести? Как организованы домашние обязанности? Каковы права каждого обитателя ложи? Как поддерживается порядок в столь ограниченном пространстве и сохраняются общие отношения в семье? Разделены ли обязанности и труд охотника и его жены поровну или неравномерно? Кто и как строит вигвам?

Среди всех племен, о которых я знаю лично, в Северной Америке существует поразительное согласие в отношении условий жизни, относительных обязанностей и обяза¹ний индейской семьи. Климат и местоположение, изобилие или недостаток средств к существованию и другие случайные причины создали градации условий в различных племенах, некоторые из которых превосходят другие в мастерстве, в охоте, войне и других искусствах, но эти обстоятельства мало изменили общие характеристики или ограничили или расширили первоначальные права и притязания каждого обитателя ложи. Племена, выращивавшие кукурузу в богатых долинах и равнинах Огайо и Миссисипи, имели более широкие возможности как для физического, так и для умственного развития, чем те, кто был и до сих пор вынужден добывать скудное пропитание среди холодных и наполовину морских регионов в широтах к северу от великих озер. У племен прерий к западу от Миссисипи есть некоторые своеобразные черты нравов, которые преследуют бизона верхом на лошади и в значительной степени зависят от его мяса и продажи шкуры. Упитанные мускоги, чероки или чокто, жившие в солнечных долинах верхней Джорджии, Алабамы и Теннесси, крепкие осейджи, упивающиеся изобилием кукурузы и дикого мяса к югу от Миссури, и худощавые и суровые монте²нь, Маскего и Кенистено, которые ведут свои каноэ по водам, заросшим водными сорняками и диким рисом, представляют на пороге своих домиков совершенно разные картины домашнего уюта. Но на самом деле они выражают

одну и ту же идею, одни и те же чувства и один и тот же круг обязанностей отца и матери, сестры и брата, жены и мужа. Первоначальный тип человеческой семьи среди них сохранился хорошо, даже лучше, чем можно было ожидать в состоянии варварства и среди ветвей расы, которые были так долго разделены и подвергались таким суровым превратностям. С этой точки зрения было бы бесполезно проводить параллель между относительным положением членов семьи в черте цивилизации и за ее пределами. Ничего подобного нельзя было бы сделать, не выявив картины нужды в жизни охотников, которые совершенно неизвестны в сельскохозяйственном штате. Возможно, справедливости ради нельзя сказать, что узы кровного родства у лесного человека сильнее, чем в цивилизованной жизни. Но в соответствии со всеми наблюдениями следует сказать, что она очень сильна, что ее импульсы бьются с заметной силой и более свободны от переплетенных связей интересов, которые часто ослабляют узы взаимоотношений в утонченном и богатом обществе.

Истинная идея брака в индийской жизни также хорошо изложена и признана, хотя она дошла до нас через века грабежей и скитаний, деградировала в своих условиях, была лишена своих справедливых церемоний и ослабла в своем священном характере. Я заметил, что полигамия среди северных племен встречается главным образом среди групп, которые находятся в выгодном положении и имеют лучшие средства к существованию. Но даже здесь это не пользуется уважением; часто это может усилить влияние человека в племени или нации, но в самых диких лесах всегда находятся люди, которые не считают эту практику правильной или заслуживающей уважения. В самом худшем состоянии индийского общества всегда есть какие-то проблески истины. Если совесть краснокожего человека можно сравнить с лампой, то можно сказать, что она скорее низко опустилась в свое гнездо, чем на самом деле погасла. Отношения между мужем и женой в лесу складываются при обстоятельствах, которые, как правило, одинаковы. Различные инциденты или мотивы определяют союз. Иногда это вызвано вмешательством друзей; иногда внезапным порывом восхищения; иногда с желаниями более серьезных и благоразумных родственников участников конфликта, а иногда и вопреки им. Если муж приемлем и ранее не был женат, что относится к большинству случаев, он некоторое время после вступления в брак переезжает жить в ложу своей тещи; и эти отношения обычно продолжаются до тех пор, пока увеличение числа детей или другие обстоятельства не заставят его основать ложу для себя. Подарки по-прежнему являются обычным способом для молодого охотника сделать себя приемлемым в охотничьем домике. Есть несколько случаев, когда первый прием жениха в вигваме сопровождался значительными церемониями и приглашением друзей; но в большинстве случаев это то, что мы бы назвали государственными или целесообразными браками, в которых храбрость или другие общественные заслуги вождя или вожака склонили его деревню к мысли, что его заслуги заслуживают награды в виде жены. Как правило, принятие посетителя наиболее заинтересованной стороной, а именно ее матерью и отцом, и их выраженное или молчаливое согласие, является единственным предварительным, и это делается частным образом. Единственный церемониал, о котором я когда-либо слышал, - это предоставление жениху так называемого *abbinos*, или постоянного места в ложе. Когда это было сделано матерью или хозяйкой ложи, которая управляет этими вещами, он был принят и отныне утвержден в качестве составного члена ложи и семьи. Простое правило заключается в том, что тот, кто имеет право сидеть рядом с невестой, является ее мужем.

Сама ложа, со всеми ее устройствами, является местом правления жены. Она выделяет каждому участнику его или ее обычное место для сна и размещения вещей. Эти места являются постоянными и меняются только по ее желанию, когда днем или ночью приезжает гость. В таком

маленьком помещении, как сторожка, эта система поддерживает порядок и, находясь все время под ее собственным присмотром, обеспечивается личным наблюдением. Муж не имеет права голоса в этом вопросе, и я никогда не слышала о случае, когда он настолько далеко отступил бы от своей позиции, чтобы вмешиваться в эти незначительные детали. Сторожка - ее территория, лес - его.

Нет ни закона, ни силы, которые помешали бы индийцу самому объявить о своем разводе, то есть оставить одну жену и взять другую, когда он увидит причину. Тем не менее, часто случается, что для такого шага есть какой-то благовидный предлог, например, если бы это было правдой, это послужило бы некоторым оправданием этой меры. Лучшая защита для замужних женщин проистекает из уз детей, которые, вовлекая в игру сильные естественные привязанности сердца, сразу же апеллируют к тому принципу в изначальной организации мужчины, который является самым сильным. Среднее число детей, вынашиваемых женщинами и достигающих совершеннолетия, невелико и вряд ли превысит двух. В платежных ведомостях оно не превышало этого значения. Во многом этот экстраординарный результат обусловлен их беспорядочным образом жизни и ограниченными средствами к существованию. Другую причину следует искать в несчастных случаях и воздействиях, которым подвержены маленькие дети, но еще в большей степени в их шокирующем невежестве в медицине. Однажды я знал трехлетнюю девочку, которая погибла при попытке восстановить нарушенное состояние кишечника в результате сильной передозировки вяжущей настойки коры болиголова, введенной ее отцом. Этот человек, которого звали Аттук, обладал сильными природными привязанностями, но он был очень невежественным даже в глазах индейской расы, будучи одним из тех людей, живущих к северо-востоку от озера Верхнее, которых по-разному называют землянами, горцами и маскигами. Везде, где законы воспроизводства освобождаются от этих удручающих обстоятельств, наблюдается увеличение числа детей.

Увожда Иаба-Ваддика, жившего в небольшой бухте у подножия озера Верхнее и имевшего в достатке средства к существованию, от одной жены было четырнадцать детей. Он был превосходным охотником и большую часть своей жизни придерживался строгого воздержания; он рано женился и всегда имел средства обеспечить свою семью достаточной одеждой и едой. Ни один из этих детей не умер в младенчестве. Он дожил до старости и умер скорее от недуга, вызванного конституциональным строем, чем от естественного упадка жизненных сил.

Считается, что обязанности и труд в индийской жизни распределяются поровну, а не неравномерно, как обычно считалось, между мужчинами и женщинами. Это разделение также является наиболее естественным из возможных и таким, какое когда-либо должно быть результатом состояния человека как простого охотника. Обязанность самца - добывать пищу, а самки - готовить ее. Такое устройство переносит на долю мужчины все, что относится к внешним заботам, и все, что относится к внутренним, относится к заботе о женщине в той же полноте, в какой это делается в цивилизованной жизни. Мужчине принадлежит не только занятие охотой, поскольку это *занятие* а не *времяпрепровождение*, но и уход за территорией, отпугивание незваных гостей и врагов, подготовка каноэ для путешествий, а также оружия и орудий ведения войны. Обязанности по приготовлению и разделке мяса и птицы, и всего остального, что добывается на охоте, с другой стороны, возлагаются на жену охотника, на которую ложится вся забота и управление вигвамом, включая его устройство и перестановку, а также поддержание его в порядке со всей его утварью и приспособлениями. Хорошая и бережливая жена охотника делает все это предметом своего честолюбивого интереса и

гордится тем, что содержит все в порядке для приема гостей своего мужа. Она чисто подметает землю вокруг костра метлой из кедровых веток, сделанной специально для этой цели. Следует помнить, что этот вигвам сделан не из балок и столбов и тяжелых плотницких изделий, а из тонких жердей, которые может поднять ребенок, воткнутых в землю по кругу, согнутых и связанных наверху и обшитых длинными листьями белой бересты. Ободок из кедрового дерева внизу уподобляет эти листья бересты ролику карты, к которому в штормовую погоду прикрепляется камень для ее прочности. Эта палка также имеет точное назначение картографического валика, потому что, когда нужно снять вигвам, на него наматывают кору и в таком виде переносят в каноэ, чтобы установить в другом месте. Круг из палок или раму всегда оставляют стоять, так как было бы бесполезно загромождать каноэ тем, что легко можно достать в любом месте в лесной местности.

Таков, по крайней мере, охотничий домик, да и вообще, домик, обычно используемый племенами к северу от 42 ° широты. По своей форме это полусфера, а по своей легкости и плетеной структуре, можно сказать, напоминает перевернутое птичье гнездо. Все количество его транспортабельных материалов часто укладывается примерно в полдюжины хороших рулонов коры и столько же циновок из тростника, которые может легко поднять самая простая девушка. Циновки, заменяющие половые тряпки, а также нижний слой спального ложа, изготавливаются из обыкновенного озерника, или камыша, или флага, срезанного в надлежащее время года и сотканного из тонкой пеньковой сетки, такой, какой снабжают торговцы при нынешнем состоянии индийской торговли. Часть этого мягкого растительного гав окрашена и соткана в различные цвета. Построенные таким образом хижины до сих пор часто встречаются летним туристам на верхних озерах, во всех основных местах, к которым прибегают индейцы в разгар лета. Таковы посты в Мичилимакинаке, Су-Сент-Мари и Грин-Бей. Мари. В Мичилимакинаке, где теперь трудно раздобыть новые шесты для вигвама, не пройдя некоторого расстояния и не нарушив права частной собственности, туземцы, которые прибегают туда в последние годы, внедрили остроумное изменение, благодаря которому две задачи выполняются одновременно и не требуется труд женщин по изготовлению новых шестов. Известно, что каноэ из коры, будучи само по себе лишь увеличенным видом плетеных изделий, не обладает достаточной прочностью для перевозки груза без предварительного использования ряда шестов, уложенных продольно на дно в качестве своего рода опоры для позвоночника. Эти шесты при высадке на каменистый берег этого острова устанавливаются *или складываются*, используя военную терминологию, то есть связывают верхушки вместе, а затем вытягивают другие концы так, чтобы они описали круг, и таким образом получается идеальный конус. Гобелен из коры обвешивается вокруг этих шестов так же, как это было бы вокруг шарообразных закрытых домиков; и благодаря такому расположению индейский домик возводится и готов к заселению через столько минут после приземления, сколько самые опытные солдаты смогли бы поставить палатку.

Прежде чем мы сможем утверждать, что труд по приготовлению этих кор и циновок, установке и сносу вигвама непропорционально велик или тяжел для самок, необходимо будет изучить другие особенности, как со стороны самца, так и со стороны самки. Большая часть времени индианки проходит в безделье. Это справедливо не только для части каждого дня, но и, особенно, для определенных сезонов года. Ей не нужно, как жене фермера, доить коров, готовить масло и сыр, прясть лен. Ей не нужно каждое утро мыть, расчесывать и готовить своих детей к школе. У нее нет обширного или изысканного гардероба, о котором нужно заботиться. У нее нет книг для чтения. Она мало ценит время, что характерно для всей расы. То, что она

делает, - это либо очень простое шитье, либо какая-нибудь очень трудоемкая декоративная вещь. Когда обшивки и пол домиков однажды сделаны, они становятся постоянной собственностью и не требуют частого обновления. Когда кожа выделана и из нее сшита одежда, ее носят до тех пор, пока она не износится. Частое омовение и смена одежды - в высшей степени черты высокой цивилизации, а не охотничьего домика. Предметы, которые входят в тайну стирки, мало что добавляют к заботам лесной хозяйки. При каждом производственном усилии, а такое иногда бывает, остается много свободного времени, в то время как ее муж вынужден из-за своих потребностей пересекать большие пространства и переносить большую усталость в любую погоду в поисках пищи. Он должен защищать свои охотничьи угодья, в мирное и военное время, и его жизнь ежедневно находится в его руках. Из-за этого часто необходимы длительные отлучки. Именно в такое время, в разгар сезона, индианка проявляет свое усердие. Осенью она берет своих детей в каноэ или, если у нее их нет, приглашает спутницу отправиться с ней вдоль ручьев, срезать камыш, из которого зимой на досуге изготовят циновки. В ее обязанности также входит в любое время года добывать топливо для камина в вигваме, что она тщательно делает, чтобы должным образом принять своего мужа по возвращении с охоты и иметь возможность высушить его мокрые мокасины и уютное местечко, где он может раскурить трубку и восстановить душевное равновесие, пока она готовит ему еду. Сама мысль о том, что женщина рубит дрова, в какой-то степени ужасна. Но совершенно верно, что индианка *does* колет дрова или, по крайней мере, прикладывает неоправданный труд, добывая этот необходимый предмет домашнего обихода. Говоря о женском роде, мы сразу же устремляемся к поэтической идее утонченности, подобной женственности, мягкости и деликатности. Не только природа дикой жизни и мускульная выносливость, выработанная веками лесных превратностей, придают жене охотника, но и слабые притязания на этот особый оттенок характера, но и сам вид предполагаемого труда сильно отличается от представления цивилизованных людей о "рубке дров". Переселенец непрестанно, день в *out* году, колотит тяжелым топором в шесть фунтов весом по огромным деревьям в самом густом лесу, пока не откроет землю для лучей солнца и не проделает множество циклопических работ, используя силу огня и вола. Охотник не вырубает леса, границы которых, напротив, он тщательно оберегает, чтобы в них могли пастись его олени. Он садится со своим домиком на границе естественных полей или лугов, чтобы посадить несколько холмов кукурузы. До 1492 года у него не было металлического топора, способного срубить дерево, и он так и не научился обращаться с тяжелым топором вплоть до 1844 года. Его жена всегда разводила огонь в своем домике, собирая хворост, и она делает это до сих пор. Она берет топорик весом в один или два фунта и, собрав в лесу сухих веток, ломает их на куски длиной около 18 дюймов, связывает в вязанки или хворост и на досуге относит в свою хижину. Какими бы маленькими ни были эти палочки по длине и диаметру, их требуется совсем немного, чтобы сварить ее в кастрюле. Вигвам имеет небольшую окружность, но для прогрева воздуха требуется мало тепла, и если повесить котелок на веревке сверху, над небольшим очагом, то цель достигается без того экстраординарного расхода дров, который, к совершенному изумлению индейца, характеризует ревущий костер из поленьев у эмигрантов. Те немногие поля, которые индейцы расчистили и подготовили под кукурузные в северных широтах, как правило, ведут к какому-нибудь случайному открытию, и расширялись они очень медленно. Следовательно, я заметил, что, когда они стали оцениваться, чтобы установить их стоимость в качестве улучшений на земле, согласно положениям договора, чтобы их сумма могла быть выплачена владельцу, они неизменно устанавливали высокую оценку этим древним расчисткам и иногда оценивали их стоимость, как можно было бы подумать, в обратной пропорции к этим пределам. Как будто

действительно была какая-то заслуга в том, что у него было всего пол-акра расчищенной земли, на которой, можно было бы предположить, владелец возделал бы десять акров. И эти пол-акра следует рассматривать как промышленную сумму сельскохозяйственных работ всех возрастов и полов, возможно, на протяжении десяти поколений. Таким образом, если бы все эти физические усилия были связаны с женскими руками, что сомнительно, поскольку старики и мальчики часто что-то делают, это не было бы очень суровым испытанием. По крайней мере, считается, что такой взгляд на домашнее положение женщин в значительной степени смягчает суровость суждений, с которыми иногда сталкиваются гордые и ненавидящие труд охотники. На наш взгляд, ему приходится выполнять самую важную часть относительных обязанностей индийской жизни. В вигваме он мягкий, внимательный человек, не вмешивающийся и не бранящийся. На него действительно можно смотреть скорее как на гостя своей жены, чем как на того, кем его часто представляют, ее тирана, и часто он известен только как лорд ложи, благодаря вниманию и уважению, которые *она* проявляет к нему. Он немногословен. Если она раздражена, он улыбается. Если он недоволен, он уходит. Это область, в которой его действия признают ее право править; и это та область, в которой его гордость и мужественность возвысили его над безумием ссоры.

ДЕРЕВО МАНИТО.

В окрестностях Су-Сент есть выдающийся холм. Мари, у выхода из озера Верхнее, называется французами *Ла-Бют-де-Террес*. Индейская тропинка раньше соединяла этот холм со старым французским поселением у тех водопадов, от которого он удален примерно на милю. На промежуточном участке, недалеко от тропинки, раньше стояло дерево, большая рябина, от которой, как гласит индийская традиция, в один из самых спокойных и безоблачных дней исходил звук, напоминающий звук их собственных боевых барабанов. Это произошло задолго до появления французов в стране. Следовательно, это место считалось местной резиденцией духа и считалось священным.

С того времени они начали класть у его подножия подношения из маленьких зеленых веточек и сучьев всякий раз, когда проходили по тропинке, так что со временем накопилась высокая куча этих лесных подношений. Казалось, что с помощью этой процедуры каждое из других деревьев сделало подношение этому дереву. Наконец, дерево повалило во время сильной бури, и с тех пор оно полностью сгнило, но о том месте вспомнили, и жертвоприношения сохранились, и они продолжались бы по сей день, если бы случайное обстоятельство не положило этому конец.

В июле 1822 года правительство направило военные силы для занятия поста в этой древней точке французского поселения, у подножия водопада, и одним из первых действий командира было приказать отряду усталости перерезать дорогу для фургонов от выбранного места расположения поста до холма. Эту дорогу было предписано прорубить шириной в шестьдесят футов, и она проходила по тому месту, где росло дерево. Таким образом, груда подношений была убрана так, что люди и не подозревали, что она когда-либо имела суеверное происхождение; и таким образом, сама практика подошла к концу. Я высадился с войсками и пробыл на месте всего девять дней, выполняя свои соответствующие обязанности Представителя правительства в племени, когда мне упомянули об этой черте характера, и таким

образом я лично познакомился с местностью, перерезанием дороги и окончательным прекращением обряда.

Наши индейцы довольно склонны рассматривать пришествие белого человека как исполнение определенных неясных пророчеств их собственных священников; и что они, в лучшем случае, являются для них предвестниками зла; и со своей обычной верой в фатальность они молчаливо отказываются от таких обрядов, как вышеупомянутые. В таких случаях они могут извиниться перед своей совестью за отказ от поклонения местному манито, сказав: "это поступь белого человека осквернила землю".

СКАЗКИ О ВИГВАМЕ.

КАНОЭ ИЗ БЕЛОГО КАМНЯ.

Жила-была очень красивая молодая девушка, которая скоропостижно скончалась в тот день, когда должна была выйти замуж за красивого молодого человека. Он тоже был храбрым, но его сердце не выдержало этой потери. С того часа, как ее похоронили, для него больше не было ни радости, ни покоя. Он часто ходил на то место, где женщины похоронили ее, и сидел там в задумчивости, когда, по мнению некоторых его друзей, ему лучше было бы попытаться развлечь себя охотой или отвлечь свои мысли на тропе войны. Но война и охота потеряли для него свою прелесть. Сердце его уже умерло. Он отложил в сторону и боевую дубинку, и лук со стрелами.

Он слышал, как древние люди говорили, что есть путь, который ведет в страну душ, и он решил следовать по нему. Поэтому однажды утром, закончив приготовления к путешествию, он отправился в путь. Сначала он с трудом представлял, в какую сторону идти. Он руководствовался только традицией, согласно которой должен был идти на юг. Некоторое время он не замечал никаких изменений в облике страны. Леса, и холмы, и долины, и ручьи имели тот же вид, что и у него на родине. Когда он отправился в путь, на земле лежал снег, и иногда было видно, что он лежит кучами на толстых деревьях и кустах. Наконец он начал уменьшаться и, наконец, исчез. Лес приобрел более жизнерадостный вид, на листьях распустились почки, и, прежде чем он осознал полноту перемен, он обнаружил, что окружен весной. Он оставил позади страну снега и льда. Воздух стал мягким, темные зимние тучи сошли с неба; над ним раскинулось чистое голубое поле, и, идя по нему, он видел цветы у своей тропинки и слышал пение птиц. По этим знакам он понял, что идет правильным путем, поскольку они соответствовали традициям его племени. Наконец он заметил тропинку. Она привела его через рощу, затем вверх по длинному и возвышенному хребту, на самой вершине которого он подошел к сторожке. В дверях стоял седовласый старик, в глазах которого, хотя и глубоко запавших, горел огненный блеск. На нем была длинная мантия из шкур, свободно наброшенная на плечи, а в руках он держал посох.

Молодой чиппевайянин начал рассказывать свою историю, но почтенный вождь остановил его прежде, чем он успел произнести и десяти слов. - Я ожидал вас, - ответил он, - и только что встал, чтобы поприветствовать вас в моем жилище. Та, кого вы ищете, прошла здесь всего несколько дней назад и, утомленная путешествием, остановилась здесь отдохнуть. Входите в

мой вигвам и садитесь, а затем я удовлетворю ваши запросы и дам вам указания относительно вашего дальнейшего путешествия. Сделав это, они оба направились к двери вигвама. "Ты видишь вон тот залив, - сказал он, - и широкие голубые равнины за ним. Это страна душ. Ты стоишь на его границах, и мой дом - входные ворота. Но ты не можешь взять свое тело с собой. Оставь его здесь вместе со своим луком и стрелами, своим узлом и своей собакой. Ты найдешь их в безопасности по возвращении. С этими словами он вернулся в хижину, и освобожденный путешественник прыгнул вперед, как будто его ноги внезапно обрели силу крыльев. Но все предметы сохранили свои естественные цвета и формы. Леса и листья, ручьи и озера были только более яркими и привлекательными, чем он когда-либо видел. Животные перебежали ему дорогу со свободой и уверенностью, которые, казалось, говорили ему, что здесь не было пролито крови. Птицы с прекрасным оперением обитали в рощах и резвились в водах. Была только одна вещь, в которой он увидел очень необычный эффект. Он заметил, что его проход не был остановлен деревьями или другими объектами. Казалось, что он проходит прямо сквозь них. На самом деле они были всего лишь душами или тенями материальных деревьев. Он почувствовал, что находится в стране теней. Когда он проделал полдня пути по стране, которая с каждым днем становилась все привлекательнее, он вышел к берегам широкого озера, в центре которого находился большой и красивый остров. Он нашел каноэ из блестящего белого камня, привязанное к берегу. Теперь он был уверен, что выбрал правильный путь, потому что старик рассказал ему об этом. Там также были блестящие весла. Он немедленно сел в каноэ и взял в руки весла, когда, к своей радости и удивлению, обернувшись, увидел объект своих поисков в другом каноэ, во всем точь-в-точь похожем на него. Она в точности повторила его движения, и они оказались бок о бок. Они сразу же оттолкнулись от берега и начали пересекать озеро. Его волны, казалось, поднимались и на расстоянии казались готовыми поглотить их; но как только они достигали их побелевшего края, они, казалось, таяли, как будто были всего лишь изображениями волн. Но не успел миновать один венчик пены, как поднялся другой, еще более угрожающий. Таким образом, они пребывали в постоянном страхе; и что добавляло к этому, так это *прозрачность воды*, сквозь которую они могли видеть груды существ, погибших раньше, и чьи кости были разбросаны по дну озера. Хозяин Жизни, однако, постановил пропустить их, поскольку действия ни одного из них не были плохими. Но они видели, как многие другие боролись и тонули в волнах. Там были старики и юноши, мужчины и женщины всех возрастов и рангов; некоторые прошли мимо, а некоторые утонули. Только маленькие дети, чьи каноэ, казалось, не встречали волн. Наконец, все трудности исчезли, как в одно мгновение, и они оба выпрыгнули на счастливый остров. Они чувствовали, что сам воздух был пищей. Он укреплял и питал их. Они вместе бродили по блаженным полям, где все было создано так, чтобы радовать глаз и слух. Не было бурь - не было ни льда, ни пронизывающих ветров — никто не дрожал из-за отсутствия теплой одежды; никто не страдал от голода — никто не оплакивал мертвых. Они не видели могил. Они не слышали ни о каких войнах. Там не было охоты на животных; ибо сам воздух был их пищей. Молодой воин с радостью остался бы там навсегда, но он был вынужден вернуться за своим телом. Он не видел Хозяина Жизни, но слышал его голос в легком дуновении ветерка: "Возвращайся, - сказал этот голос, - в страну, откуда ты пришел. Твое время еще не пришло. Обязанности, для которых Я создал тебя и которые ты должен выполнять, еще не закончены. Возвращайся к своему народу и выполняй обязанности хорошего человека. Ты будешь правителем своего племени много дней. Правила, которые ты должен соблюдать, тебе сообщит мой посланник, который охраняет ворота. Когда он вернет тебе твое тело, он скажет тебе, что делать. Прислушайтесь к нему, и впоследствии вы воссоединитесь с духом, который сейчас вы должны оставить позади. Ее приняли, и она всегда будет здесь, такой же молодой и

счастливой, какой была, когда я впервые позвал ее из страны снегов ". Когда этот голос смолк, рассказчик проснулся. Это было причудливое порождение сна, и он все еще находился в суровой стране снегов, голода и слез.

РЫСЬ И ЗАЯЦ.

БАСНЯ алгонкинов-оджибва.

Однажды, зимой, почти умирающая от голода рысь встретила в лесу зайца, но заяц был отделен от своего врага скалой, на которой он стоял. Рысь заговорила с ним очень ласково. "Вабоуз! Вабоуз!" [3] сказал он: "Иди сюда, мой маленький белый, я хочу поговорить с тобой". "О нет, - сказал заяц, - я боюсь тебя, а моя мать говорила мне никогда не ходить и не разговаривать с незнакомцами". "Ты очень хорошенькая, - ответила рысь, - и очень послушный ребенок своим родителям; но ты должна знать, что я твоя родственница; я хочу передать кое-что в твой домик; спустись и навести меня". Зайчихе было приятно, что ее называли хорошенькой, и когда она услышала, что это родственница, она спрыгнула с того места, где стояла, и тут же рысь набросилась на нее и разорвала на куски.

[3] Это слово, по-видимому, является производным от основы WAWB, белого цвета. Окончание на e является объективным признаком. Термин сделан уменьшительным в s.

ПОКЛОНЕНИЕ СОЛНЦУ.

ТРАДИЦИЯ ОТТОВА.

Давным-давно на берегу озера Гурон жили пожилой Оджибва и его жена. У них был единственный сын, очень красивый мальчик, которого звали О-на-вут-а-кут-о, или тот, кто ловит облака. Семья принадлежала к тотему бобра. Родители очень гордились им и думали сделать из него знаменитого человека, но когда он достиг нужного возраста, он не подчинился ни Ве-кун-де-вин, ни посту. Когда пришло это время, они дали ему древесного угля вместо завтрака, но он не стал чернить свое лицо. Если они отказывали ему в еде, он искал птичьи яйца на берегу или подбирал выброшенные рыбы головы и жарил их. Однажды они грубо отобрали у него приготовленную таким образом еду и бросили вместо нее несколько углей. Этот поступок привел его к решению. Он взял угли, вымазал лицо сажей и вышел из вигвама. Он не вернулся, но спал без сна; и ночью ему приснился сон. Ему приснилось, что он увидел очень красивую женщину, спустившуюся с облаков и вставшую рядом с ним. "О-но-вут-а-кут-о, — сказала она, - я пришла за тобой, ступай по моим следам". Молодой человек так и сделал и вскоре почувствовал, что поднимается над верхушками деревьев — он поднимался, ступенька за ступенькой, в воздух и сквозь облака. Его проводница, наконец, прошла через отверстие, и он, следуя за ней, обнаружил, что стоит на прекрасной равнине.

Тропинка вела к великолепному домику. Он последовал за ней. Дом был большой и разделен на две части. На одном конце он увидел луки и стрелы, дубинки и копья, а также различные боевые приспособления с серебряными наконечниками. На другом конце были вещи, принадлежащие исключительно женщинам. Это был дом его прекрасной проводницы, и он увидел, что на раме у нее был широкий богатый разноцветный пояс, который она ткала. Она сказала ему: "Мой брат идет, и я должна спрятать тебя". Поставив его в угол, она накинула на него пояс. Вскоре вошел брат, очень богато одетый и сияющий так, словно весь был усыпан серебряными иголками. Он снял со стены великолепную трубку вместе со своим мешочком с "а-па-ко-зе-ган", или курительной смесью. Когда он закончил потчевать себя таким образом и отложил трубку в сторону, он сказал своей сестре: "Немисса" (то есть моя старшая сестра), "когда ты прекратишь эти занятия? Неужели ты забыл, что Величайший из Духов повелел тебе не забирать детей снизу? Возможно, вы полагаете, что скрыли О-но-вут-а-кут-о, но разве я не знаю о его приходе? Если вы не хотите меня обидеть, немедленно отошлите его обратно". Но это обращение не изменило ее намерений. Она не отослала бы его обратно. Поняв, что у нее на уме было определенное намерение, он заговорил с молодым человеком и позвал его из своего укрытия. "Выходи из своего убежища, - сказал он, - и гуляй, и развлекайся. Ты проголодаешься, если останешься там". Затем он подарил ему лук со стрелами и трубку из красного камня, богато украшенную. Это было воспринято как согласие на его брак, так что с того времени они считались мужем и женой.

О-но-вут-а-кут-о находила все вокруг себя чрезвычайно прекрасным, но он не находил других обитателей, кроме ее брата. На равнинах росли цветы. Там были яркие и искрящиеся ручьи. Там были зеленые долины и красивые деревья. Там были веселые птицы и красивые животные, но они были не такими, каких он привык видеть. Там также были день и ночь, как на земле; но он заметил, что каждое утро брат регулярно покидал сторожку и отсутствовал весь день; и каждый вечер сестра уходила, хотя обычно это происходило лишь на часть ночи.

Его любопытство было возбуждено желанием разгадать эту тайну. Он получил согласие брата сопровождать его в одном из его ежедневных путешествий. Они ехали по гладкой равнине без границ, пока О-но-вут-а-кут-о не почувствовал аппетита и не спросил своего спутника, нет ли дичи. "Терпение! брат мой, - сказал он, - мы скоро доберемся до того места, где я буду обедать, и тогда ты увидишь, чем я обеспечен". После долгого блуждания они пришли к месту, устланному прекрасными циновками, где сели освежиться. В этом месте в небе зияла дыра, и О-но-вут-а-кут-о по просьбе своего спутника посмотрел вниз, на землю. Он увидел внизу великие озера и деревни индейцев. В одном месте он увидел военный отряд, пробиравшийся в лагерь их врагов. В другом он увидел пиршество и танцы. На зеленой равнине молодые люди играли в бал. Вдоль ручья женщины собирали а-пук-ва для циновок.

"Видишь ли ты, - сказал брат, - эту группу детей, играющих рядом с домиком?" Посмотрите на этого красивого и подвижного мальчика, - сказал он, одновременно бросая в него чем-то из его руки. Ребенок немедленно упал, и его отнесли в сторожку.

Они посмотрели еще раз и увидели людей, собравшихся вокруг сторожки. Они услышали шешегван из мита и песню, которую он пел, прося сохранить жизнь ребенку. На эту просьбу спутник О-но-вут-а-кут-о ответил— "Пошли мне в жертву белую собаку". Родители ребенка немедленно устроили пир, белая собака была убита, ее туша зажарена, и все мудрецы и знахари деревни собрались, чтобы засвидетельствовать церемонию. "Внизу есть многолюдей, -

продолжал голос брата, - которых вы называете великими врачебными искусстваами, но именно потому, что их уши открыты и они прислушиваются к моему голосу, они способны добиться успеха. Когда Я поражаю кого-нибудь болезнью, они велят людям обратиться ко мне; и когда они посылают мне приношение, о котором я прошу, я снимаю с них свою руку, и они здоровы ". После того, как он сказал это, они увидели, что жертва разложена по тарелкам для тех, кто был на пиру. Затем хозяин пиршества сказал: "Мы посылаем это тебе, великий Манито", - и тотчас же появилось жареное животное. Таким образом, их ужин был накрыт, и, поев, они вернулись в сторожку другим путем.

Так они прожили некоторое время, но в конце концов это место стало им надоедать. О-но-вут-а-кут-о подумал о своих друзьях и захотел вернуться к ним. Он не забыл свою родную деревню и отцовский вигвам; и он попросил разрешения у жены вернуться. Наконец она согласилась. "Поскольку тебе больше нравятся заботы, беды и нищета этого мира, - ответила она, - чем мирные прелести неба и его бескрайних прерий, уходи! Я даю тебе разрешение, и поскольку я привела тебя сюда, я провожу тебя обратно; но помни, ты все еще мой муж, у меня в руке цепь, с помощью которой я могу вернуть тебя обратно, когда захочу. Моя власть над тобой ни в коей мере не уменьшилась. Поэтому остерегайся, как бы ты не рискнул взять жену среди людей внизу. Если ты когда-нибудь сделаешь это, именно тогда ты почувствуешь силу моего недовольствия".

Когда она произнесла это, ее глаза заблестели — она слегка приподнялась на цыпочки и величественно потянулась; и в этот момент О-но-вут-а-кут-о очнулся от своего сна. Он обнаружил себя на земле, рядом с хижинкой своего отца, на том самом месте, где он прилег поститься. Вместо светлых существ высшего мира он обнаружил, что его окружают родители и родственники. Мать сказала ему, что его не было целый год. Перемена была настолько велика, что некоторое время он оставался угрюмым и рассеянным, но постепенно к нему вернулось хорошее настроение. Он начал сомневаться в реальности всего, что слышал и видел выше. В конце концов, он забыл предостережения своей супруги и женился на красивой молодой женщине из своего племени. Но через четыре дня она превратилась в труп. Даже устрашающее предостережение было утрачено, и он повторил преступление, вступив во второй брак. Вскоре после этого однажды ночью он вышел из сторожки, но так и не вернулся. Считалось, что его жена отозвала его в область облаков, где, как утверждает традиция, он все еще обитает и совершает ежедневные обходы, свидетелем которых он однажды был.

Местные племена - народ без правил: одно из немногих, на которое обратили внимание, таково: не рассказывай сказку летом; если ты это сделаешь, к тебе придут жабы.

ШИНГЕБИСС.

ИЗ ПЛЕМЕНИ оджибва-алгонкин.

Жил-был шингебисс (название вида уток), живший один, в уединенном домике, на берегу глубокого залива озера, в самую холодную зимнюю погоду. На воде образовался лед, и у него

было всего четыре полена дров, чтобы поддерживать огонь. Однако каждая из них должна была гореть месяц, а поскольку холодных зимних месяцев было всего четыре, их было достаточно, чтобы продержаться до весны.

Шингебисс был выносливым и бесстрашным, и ни о ком не заботился. В самый холодный день он выходил на улицу и искал места, где сквозь лед пробивались флаги и тростник, и, подбирая их клювом, нырял в отверстия в поисках рыбы. Таким образом, он находил вдоволь еды, в то время как другие умирали с голоду, и каждый день возвращался домой, в свой вигвам, волоча за собой по льду связки рыбы.

Кабобоничка [4] наблюдал за ним и был немного задет его упорством и удачей, несмотря на самые сильные порывы ветра, которые он мог наслать с северо-запада. "Ну и ну! это замечательный человек, - сказал он. - Он не боится холода и выглядит таким счастливым, как будто на дворе июнь месяц. Я попробую, нельзя ли с ним совладать". Он обрушил на нас в десять раз более холодные порывы ветра и снежные заносы, так что жить на открытом воздухе было почти невозможно. И все же огонь Шингебисса не погас: на нем была всего одна полоска кожи вокруг тела, и его видели в самую плохую погоду, когда он обыскивал берега в поисках камыша и таскал домой рыбу.

[4] Олицетворение Северо-Запада.

"Я пойду навестить его", - сказал однажды Кабобоничка, увидев, как Шингебисс тащит за собой большое количество рыбы. И соответственно, в ту же ночь он подошел к двери своего вигвама. Тем временем Шингебисс приготовил рыбу, покончил с едой и лежал, частично на боку, перед огнем, распевая свои песни. После того, как Кабобоничка подошел к двери и постоял там, прислушиваясь, он запел следующее:

Ка	Neej	Ка	Neej
Быть	В	Быть	В
Бон	В	Бон	В
ОУ	УО.	ОУ	УО.
Ка	Ве-йя!	Ка	Ве-йя!

Количество слов в этой песне небольшое и простое, но они состоят из соединений, которые несут в себе все их первоначальные значения, и скорее наводят на мысль об идеях, витающих в голове, чем о реальном выражении этих идей. Буквально он поет:

Дух Северо—Запада - ты всего лишь мой собрат.

Будучи разбитыми на слоги, соответствующие простому распеву, и благодаря силе интонации и повторения, с припевом, эти слова расширяются до мелодичного звучания, если нам будет позволен этот термин, и могут быть переданы следующим образом:

Бог ветра, я знаю твой план,
Ты всего лишь мой собрат,
Пусть дует твой самый холодный ветер,
Шингебисс, ты не можешь замерзнуть,

Пускай дует самый сильный ветер, какой только можешь,
Шингебисс все еще твой мужчина,
Хей! ради жизни — и хо! ради блаженства,
Кто так свободен, как Шингебисс?

Охотник знал, что Кабобоничка у его двери, потому что чувствовал его холодное и сильное дыхание; но он продолжал петь свои песни и изображал полное безразличие. Наконец Кабобоничка вошел и занял свое место на противоположной стороне ложи. Но Шингебисс не обратил на него внимания. Он встал, как будто никого не было рядом, и, взяв кочергу, подтолкнул полено, отчего огонь в камине разгорелся ярче, повторяя, когда снова сел:

Ты всего лишь мой собрат.

Очень скоро по щекам Кабобонички потекли слезы, которые так быстро увеличивались, что вскоре он сказал себе: "Я этого не вынесу — я должен выйти". Он так и сделал и оставил Шингебисса наедине с его песнями, но решил заморозить все отверстия во флаге и сделать лед толстым, чтобы он больше не мог добыть рыбы. И все же Шингебисс, благодаря большому усердию, нашел способ вытаскивать новые корни и нырять за рыбой. В конце концов Кабобоничка был вынужден отказаться от состязания. "Ему должен помочь какой—нибудь Монедо, - сказал он. - Я не могу ни заморозить его, ни уморить голодом, он очень необычное существо - я оставлю его в покое".

У проникновения саксонской расы в Северную Америку было три решительных противника, жизнь каждого из которых составляет отдельную эпоху. Это были Powhatan, Metakom и Pontiac. Каждый преследовал один и тот же метод для достижения своей цели, и каждый был непримиримым врагом расы.—Возможно, к этому числу следует добавить Сассака. Брант был всего лишь партизаном и сражался за одну ветвь против другой. Текумсе также был скорее врагом американского типа расы, чем всей расы в целом. То же самое можно сказать и о людях поменьше, таких как Маленькая Черепаха, Баканджахила и Черный Ястреб. Ункас также был партизаном, а не ненавистником белой расы, и, подобно Ваубу Оджигу на севере, боролся за то, чтобы одно племя одержало верх над другим. Если саксонская раса извлекла из этого выгоду, он ничего не мог с этим поделать. Тускалуза сражался за превосходство своего племени; Оцеола - за месть.

РАННЯЯ ИНДИЙСКАЯ БИОГРАФИЯ.

ПИСКАРЕТ.

Во второй половине 16 века на северных берегах реки Святого Лаврентия жил известный вождь, которого ирокезы называли Пискарет, но истинное произношение имени его собственного народа было Бисконас, или Маленькое Пламя. Индейцы часто произвольно присваивают себе

имена из-за каких-то тривиальных обстоятельств в домашней жизни или на охоте в качестве простых прозвищ, которые заменяют настоящие имена: ибо у этого народа принято скрывать свои настоящие имена из тонкого, суеверного представления, что, если они станут известны, они окажутся под властью священнического заклинания или какого-либо другого злого влияния.

Каково было настоящее имя этого человека, если оно отличалось от приведенного выше, неизвестно, поскольку это было его единственное прозвище. Он был адирондаком, то есть принадлежал к той расе людей, которых ирокезы называли адирондаками, а французы - алгонкинами. И поскольку алгонкины и ирокезы недавно стали смертельными врагами и были таковыми тогда, отличие, которого достиг Бисконас, заключалось в ведении войны, которую его народ вел против ирокезов, или Пяти наций.

Судя по рассказам как английских, так и французских авторов, алгонкины в период первого заселения реки Святого Лаврентия были, безусловно, самыми развитыми в искусстве и знаниях и наиболее отличались искусством ведения войны и охоты из всех народов Северной Америки. По крайней мере, несомненно, что ни один вождь, далекий или близкий, не пользовался такой высокой репутацией за отвагу и мастерство, как Бисконас. В этом свете о нем говорят все, кто называет его по имени; он был таким свирепым, утонченным и неукротимым, что наводил ужас на своих врагов, которые вздрагивали при одном упоминании его имени. Бисконас жил на северных берегах реки Святого Лаврентия, ниже Монреаля, и вел свои войны против индейцев, населявших северные районы нынешнего штата Нью-Йорк, часто проходя по течению реки Сорел.

Период господства Адирондаков охватывал конец 15-го века и начало 16-го, и в это время люди начали черпать огромную силу и смелость из владения огнестрельным оружием, которым их снабдили французы, прежде чем их южные и западные соседи стали участниками этого великого усовершенствования, этой поразительной эры красного человека в военном искусстве. Считается, что Голден немного преувеличивает в той высокой оценке, которую он дает о силе, влиянии и достижениях этой великой семьи Красной Расы. Французы, естественно, сильно раздували их; но мы можем признать, что они были самыми опытными воинами и охотниками и с большим мастерством изготавливали оружие и каноэ. Они были главными врагами Пяти наций; и, как у всех врагов на расстоянии, у них было грозное имя. Слово "адирондак" имеет ирокезское происхождение; но французы, которые всегда давали племенам свои собственные названия и проводили при этом определенную политику, называли их алгонкинами — термин, происхождение которого окутано некоторой неизвестностью. Какое-то время они одерживали верх над своими врагами к югу от реки Святого Лаврентия, но последние вскоре были снабжены оружием голландцами, которые вошли в Гудзон в 1609 году, а их союзники, иракосоны, или ирокезы, вскоре заняли то военное положение, которого у них раньше не было, но которое подняло их на столь высокую ступень превосходства. Именно в тот ранний период истории этих народов Бисконас проявил свою власть.

Там, где у народа нет ни истории, ни биографии, мало надежды на то, что традиция надолго сохранит память о событиях. Некоторые из деяний этого вождя известны благодаря более ранним колониальным писателям. Так велика была уверенность, вселенная в грудь этого вождя применением огнестрельного оружия, что он вторгся в страну ирокезов как сумасшедший и совершил несколько поразительных подвигов против народа, вооруженного только луками.

Однажды, имея в помощниках всего четырех вождей, он покинул Труа-Ривьер в единственном каноэ с пятнадцатью заряженными мушкетами, выдав, таким образом, по три ружья каждому человеку. Каждое орудие было заряжено двумя шариками, соединенными небольшой цепью длиной в десять дюймов. Вскоре после входа в реку Сорел он встретил пять каноэ ирокезов из коры, в каждом из которых было по десять человек. Чтобы скрыть свою уловку, он притворился, что считает себя погибшим, принимая во внимание такое неравенство в численности; и он и его товарищи начали петь свою предсмертную песнь. Однако не успели они приблизиться к своим врагам, как начали поливать их цепной дробью, изрешетив хрупкие каноэ противника, которые упали в воду и затонули под активными ударами своих противников. Некоторых он спас, чтобы украсить свое триумфальное возвращение, и они были замучены на костре.

В другой раз он предпринял предприятие в одиночку. Будучи хорошо знакомым со страной ирокезов, он отправился в путь примерно в то время, когда начал таять снег, предусмотрительно выставив заднюю часть своих снегоступов вперед, чтобы ввести врага в заблуждение на случай, если его след будет обнаружен. В качестве дополнительной предосторожности он избегал простых лесных тропинок, держась вдоль хребтов и высоких каменистых участков, где таял снег, чтобы его след часто терялся. Когда он приблизился к одной из Деревень Пяти Народов, он прятался до ночи. Затем он прокрался вперед и вошел в вигвам, где нашел всех спящими. Убив их всех, он снял с них скальпы и вернулся в свое убежище. На следующий день жители деревни тщетно искали преступника. Ночью он снова совершил вылазку и повторил то же самое в другом домике с такой же скрытностью и успехом. Жители деревни снова искали, но не смогли найти никаких следов его шагов. Однако они решили установить наблюдение. Пискарет, предвидя это, собрал свои скальпы и хитро прокрался вперед, но обнаружил, что обитатели всех вигвамов настороже, за исключением одного, где заснул часовой. Этого человека он прикончил и снял скальп, но встревожил остальных, которые бросились в погоню. Однако он не очень опасался, что его настигнут. Одна из причин его огромной уверенности в себе заключалась в том факте, что он был самым быстрым бегуном из известных. Он часто ускользал от них, иногда, однако, задерживаясь, чтобы привлечь их внимание и утомить. Проделав этот трюк, он спрятался. Его преследователи, обнаружив, что позволили ему сбежать, разбили лагерь, думая, что находятся в безопасности, но не успели они заснуть, как он выкрался из своего укрытия и расправился со всеми до единого. Он добавил их скальпы к своей куче трофеев, а затем вернулся.

Подобные концерты передавались из деревни в деревню и снискали ему славу храбреца, ловкого и быстротечного.

Однако Пять наций рано прославились своим искусством в военной стратегии и были обязаны ему своим ранним возвышением. В ту эпоху они были вовлечены в свою долгую, ожесточенную и в конце концов победоносную войну против алгонкинов и виандотов, или, пользуясь древними терминами, адирондаков и куатоги. Этих последних они разбили в большом сражении, которое произошло в двух милях от Квебека. В этом сражении французы, которые на самом деле были малочисленны, соблюдали нейтралитет. Их нейтралитет в данном случае проявился следующим образом. Они настаивали на приеме священников у Пяти наций, с помощью влияния которых они надеялись одержать верх над этим народом и вырвать западный Нью-Йорк из-под власти голландцев и англичан. Как только некоторые из этих миссионеров меча и креста проникли в среду Пяти наций, последние схватили их в качестве заложников и под угрозой их казни заставили французов замолчать в этом решающем сражении. Этот план

оказался настолько успешным, что научил Пять стран ценности переговоров, и они решили в следующем году попробовать другой. Притворившись, что теперь они вполне удовлетворены своим триумфом на "Святом Лаврентии", они сообщили, что намереваются нанести внушительный визит в Йоннендио, поскольку это официальное название они присвоили губернатору Канады. Такие визиты они всегда совершали с большой помпой и показухой; и в этот раз они пришли с 1000 или 1200 людьми. По пути в Квебек, недалеко от реки Николе, их разведчики встретили Пискарета, которого они задобрили и держали в полном неведении о крупных силах, стоявших позади, пока не вытянули из него важную информацию, а затем предали его смерти. Они отрубили ему голову и отнесли в армию ирокезов. Убить его считалось гарантией окончательной победы. Эти разведчики также донесли до армии добытую ими информацию о том, что адирондаки разделились на два отряда, один из которых охотился на реке Николе, а другой - в местечке под названием Вабмеке, на северном берегу Святого Лаврентия. Они немедленно разделили свои силы, напали на каждого врасплох и изрубили их обоих на куски.

Это великий триумф, на который ссылается Шарлевуа в своей "Истории Новой Франции". Это был поворотный момент в войне против виандотов и алгонкинов, вошедших в конфедерацию, и, в конце концов, они фактически изгнали обе нации из долины Святого Лаврентия. Первые бежали к озеру Гурон, которому они дали свое название. Часть адирондаков укрылась близ Квебека под опекой иезуитов; большая часть ушла вверх по Утаве в район озера Ниписинг; атавайро бежали на большую цепь островов в озере Гурон, называемых Меналулинами; другие группы рассеялись в других направлениях. У каждого из них было какое-нибудь местное название; и все, вероятно, были достаточно довольны, чтобы скрыть свое поражение от Пяти наций под местными и географическими обозначениями. Но в их убежище не было покоя. Дух мести горел в груди ирокезов, особенно против их родственного племени вайандотов, которых они преследовали до озера Гурон, изгнали их из их убежища в Мичилимакинаке и оттеснили даже к озеру Верхнее, где в течение многих лет продолжало обитать это древнее племя.

Пагубные примеры белых людей, которые вели торговлю с индейцами, их аморальные привычки, несправедливость, пренебрежение истиной и открытая распущенность создали в умах краснокожих глубочайшее предубеждение против всей европейской расы.

Индеец думает только тогда, когда обстоятельства вынуждают его думать. Страх, голод и самосохранение - вот три основные причины его мыслей. Далее следуют привязанность и почтение к умершим.

Абстрактное мышление - характерная черта цивилизации. Если бы учителя могли побудить индийцев размышлять о предметах, ранее им неизвестных или известных недостаточно, они бы взяли на вооружение одно из самых эффективных средств их цивилизации.

Христианство для индейца - это ультраизм. Оно настолько противоречит его естественным желаниям, что поначалу он ненавидит его и порицает. Противоположные состояния чувств, однако, влияют на него точно так же, как на белых людей. То, что он сначала ненавидит, он может так же внезапно полюбить и принять.

Христианство распространяется не путем рассуждений, оно является результатом чувств и привязанностей к воле и пониманию. Следовательно, индеец может стать христианином.

САУСТАВРАЙТЫ, ИЛИ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПЛЕМЕН ВАИАНДОТОВ И СЕНЕКА. ТРАДИЦИЯ ВАИАНДОТОВ.

Ближе к середине семнадцатого века группа индейцев, состоящая из вайандотов (или, как их тогда называли, племен саус-тау-рэй-тси) и сенека, населяла границы озера Онтарио. Нынешние вайандоты и сенеки являются остатками этого сообщества, а о причине их разделения и о беспощадных военных действиях, в результате которых оно сменилось, следующие подробности приведены в традиционной истории вайандотов.

Девушка-вайандотка, чье имя для пущей ясности будет *Ун-яй-сти*, и в которой, по-видимому, сочеталось редкое сочетание нравственных достоинств и необычайной личной красоты, имела в качестве поклонников почти всех молодых мужчин своего племени. Однако, столь же бесчувственные, сколь и прекрасные, знаки внимания ее любовников не производили благоприятного эффекта, ибо, хотя ни один из них не был отвергнут, все же ни один не отличался ее пристрастием. Эта необъяснимая апатия со временем стала предметом не только всеобщего внимания, но и общего интереса для молодых вайандотов. Совет, состоящий из тех, кто заинтересован в рассмотрении этих многочисленных и назойливых просьб о ее благосклонности, был созван с целью разработки какого-либо метода, с помощью которого можно было бы выяснить ее намерения в отношении них. При этом, когда эти любители по отдельности признали, каждый, что он не может похвастаться никакими признаками предпочтения, оказанного Ун-яй-сти ему самому, на чем основывалась разумная надежда на конечный успех, было окончательно решено, что их претензии должны быть отозваны в пользу Военного вождя их ложи. Это было принято не столько с целью продвижения интересов другого в ущерб их собственным, сколько для того, чтобы избежать унижительной альтернативы уступить объект столь интенсивной конкуренции какому-нибудь более удачливому сопернику, не связанному с их группой.

Здесь, возможно, необходимо отметить, что почти все претенденты принадлежали к одной ложе и что каждая из них представляла собой большое продолговатое здание, способное вместить 20 или 30 семей, бытовым устройством которых руководил военный вождь, признанный главой этой конкретной подчиненной группы.

Вождь выдвинул множество возражений против задачи, возложенной на него этим предложением, главными из которых были огромная разница в возрасте и полная тщетность любых дальнейших попыток повлиять на чувства человека со столь упрямым сердцем. Первое было устранено некоторыми хорошо применяемыми похвалами в адрес его персоны, а второе привело к предположению, что женщины часто бывают капризными, не всегда поддаются влиянию наиболее естественных соображений или могут быть разрешены по причинам наиболее очевидным.

Затем вождь раскрасился и оделся как для битвы, снабдив свою персону некоторыми небольшими дополнительными украшениями, которые помогали ему в этом виде ведения войны, с которым он был не совсем так знаком, как с тем, в котором он приобрел свою репутацию; его практика ограничивалась скорее использованием стрел с каменными наконечниками, чем любовных дротиков, а его ловкость в обращении с сердцами проявлялась скорее в нанесении кровавых надрезов, чем в нанесении нежных впечатлений. Прежде чем он покинул вигвам, его слуги поклялись, что, если продолжение этого приключения вынудит их вождя совершить какой-либо подвиг, чтобы сделать его более достойным признания Ун-йя-сти, они помогут ему в его совершении и будут поддерживать его в борьбе с последствиями до последней крайности. Оно было предназначено для столь предприимчивого духа, что он должен был быть столь же успешен в любви, сколь до сих пор был неуязвим на войне.

После нескольких дней ухаживания он предложил себя и был условно принят, но в чем заключалась природа этого условия, помимо того, что оно было обязательным, Ун-йя-сти отказывалась говорить ему, пока он не должен был дать ей самые убедительные гарантии, что оно должно быть выполнено. После некоторых колебаний и консультации с влюбленными, которые убеждали его дать обещание, он заявил, что готов принять условия договора. Под ее руководством он дал слово воина, что ни опасность для человека, ни жертва привязанности никогда не заставят его отказаться, навлекая мечь *Хау-мен-ди-чжуу* и преследование *Дайр-шу-у-ру-но* на его голову, если он не доведет предприятие до конца, если только его выполнение будет возможно.

Она велела ему принести ей скальп вождя племени Сенека, которого она назвала объектом своей ненависти, но который по какой-то причине, которую она предпочла не раскрывать.

Вайандот слишком поздно понял, что его предали. Он умолял ее подумать о том, что этот человек был его закадычным другом, они вместе ели, пили и выросли — и как тяжело будет у него на сердце при мысли, что его друг погиб от его руки. Он упрекнул ее в жестокости такого изъятия, в подлости такого надругательства над доверием и в проклятии, которое вечно будет преследовать автора столь отвратительного поступка. Но его упреки остались без внимания. Она велела ему либо выкупить свое обещание, либо согласиться быть выданным за лживую собаку, чьи обещания недостойны того, чтобы их когда-либо слышали, а затем оставила его.

Едва ли прошел час, как разъяренный Вайандот вымазал себе лицо сажей, вошел в деревню Сенека, ударил томагавком и снял скальп со своего друга, а когда тот выбежал из вигвама, закричал "ура!". В ночной темноте его личность была неразличима, и он был брошен вызовом Сенеке, которому он назвал свое имя, цель и бросил вызов, а затем продолжил свое бегство. Но прежде чем он закончился, долгий скорбный вопль сенека, требующий снять скальп, разнесся по деревне Вайандот; и едва вождь присоединился к яростному конфликту, который разгорелся между мстителями за его убитую жертву и его собственными слугами, как поплатился жизнью за свое предательство.

После смертельного и упорного боя, продолжавшегося три дня и ночи с переменным успехом, вайандоты были вынуждены отступить, покинув свою деревню и бросив свои семьи на милость разъяренного врага. Те, кто остался, пали под ударами томагавка и скальпеля — деревня была опустошена — и сама несчастная виновница кровавой трагедии погибла среди этой сцены беспорядочной резни и опустошения.

Говорят, что эта война продолжалась более 30 лет, за это время вайандоты были вынуждены отступить до озер Гурон и Мичиган. Здесь они заняли упорную позицию, с которой все усилия их безжалостных врагов выбить их были безрезультатны. Их закоренелая ненависть друг к другу подогревалась воинственными отрядами соответствующих племен, чьи мстительные чувства побуждали их охотиться и уничтожать друг друга, подобно множеству лесных зверей. Результаты в целом были в пользу вайандотов, которые, вдохновленные этими частичными успехами, подготовились к более активным операциям. В один и тот же день произошло три столкновения, два из которых были на озере Мичиган и одно на озере Эри, и которые из-за своего дикого и истребительного характера завершили это долгое и беспощадное состязание. Несколько примечательно, поскольку ни в одной другой традиции не упоминается о битве индейцев на воде, что одна из таких битв, которая, как говорят, произошла на озере Эри, между Лонг-Пойнтом и фортом Талбот, велась на каноэ. Об этом приводится следующая подробная информация.

Большой отряд вайандотов в сопровождении двух оттава покинул озеро Гурон на березовых каноэ, отправившись в военную вылазку в страну сенека, которые в то время поселились недалеко от истоков реки Ниагара. Они высадились на берег в Лонг-Пойнте, чтобы приготовить еду, когда один из оттавов и вайандот были посланы в качестве шпионов на разведку. Они прошли совсем небольшое расстояние от лагеря, когда встретили двух сенека, которые были посланы их отрядом для тех же целей и от которых они немедленно убежали. Оттава, обнаружив, что преследователи настигают его, спрятался в ветвях ели, где оставался до тех пор, пока Сенека не прошел мимо. Вайандоту, более быстроногому, удалось добраться до своего лагеря, и он поднял тревогу, когда все войско погрузилось на борт и оттолкнулось в озеро. В следующее мгновение была обнаружена группа сенека, которые на деревянных каноэ поворачивали к ближайшей точке суши. Немедленно раздались боевые кличи, и враждебные группы начали распевать свои соответствующие песни. Пока они медленно приближались друг к другу, вайандоты разожгли костер и приготовили смолу и кору, чтобы исправить любые повреждения, которые могли возникнуть с каноэ. Битва велась с помощью луков и стрел, и после яростного и упорного сражения, длившегося несколько часов, в ходе которого произошла ужасная резня, а каноэ начали наполняться кровью, водой и искалеченными телами, сенеки начали уступать. Ободренные вайандоты сражались с удвоенным пылом, оттеснив сенеков к берегу, где конфликт возобновился с неослабевающей яростью. Вайандоты одержали победу, и лишь немногие из выживших сенека сбежали, чтобы рассказать историю своего поражения. Один из пленников, мальчик, был спасен и усыновлен нацией. Сейчас живы два вайандота, которые утверждают, что видели его, когда были уже очень далеко в преклонных годах.

Двум другим нападениям, на которые был сделан намек, поскольку они произошли на границах озера Мичиган, повезло не больше. Сенеки были отброшены с большой резней.

Так, говорят вайандоты, началась эта долгая, кровавая и разрушительная война, и так она закончилась, едва не приведя к гибели нашу нацию.

ХО-ТШУНГРА.

Аппер-Сандаски, 1 марта 1827 года.

РАННИЕ ЗАРИСОВКИ ИНДИАНОК.

Имеющиеся у нас древнейшие книги, написанные первыми исследователями наших индейцев, представляют огромный интерес. Среди них небольшая работа Уильяма Вуда, который посетил Плимут и Массачусетс вскоре после их заселения и опубликовал свою *"Перспективы Новой Англии"* в Лондоне в 1634 году.

Мы приводим здесь следующую выдержку из этой книги (сейчас ее очень мало) отчасти с той целью, которую, как заявляет автор, он имел в виду при ее написании, а именно: вызвать особый интерес наших читательниц, хотя хорошее настроение и остроумие, а также доброжелательность автора, несомненно, понравятся лицам обоего пола. Чтобы мы не рисковали утратить эффект причудливого, старомодного стиля оригинала, мы позаботились о сохранении орфографии и пунктуации автора, а также длинных предложений, которыми он, как и многие его современники, отличался. Мы опустили короткие и неважные отрывки в нескольких местах, отмеченных звездочками.

ВАСБАШАС, ИЛИ ПЛЕМЯ, ВЫРОСШЕЕ ИЗ СКОРЛУПЫ.

ЛЕГЕНДА ОБ ОСЕЙДЖАХ.

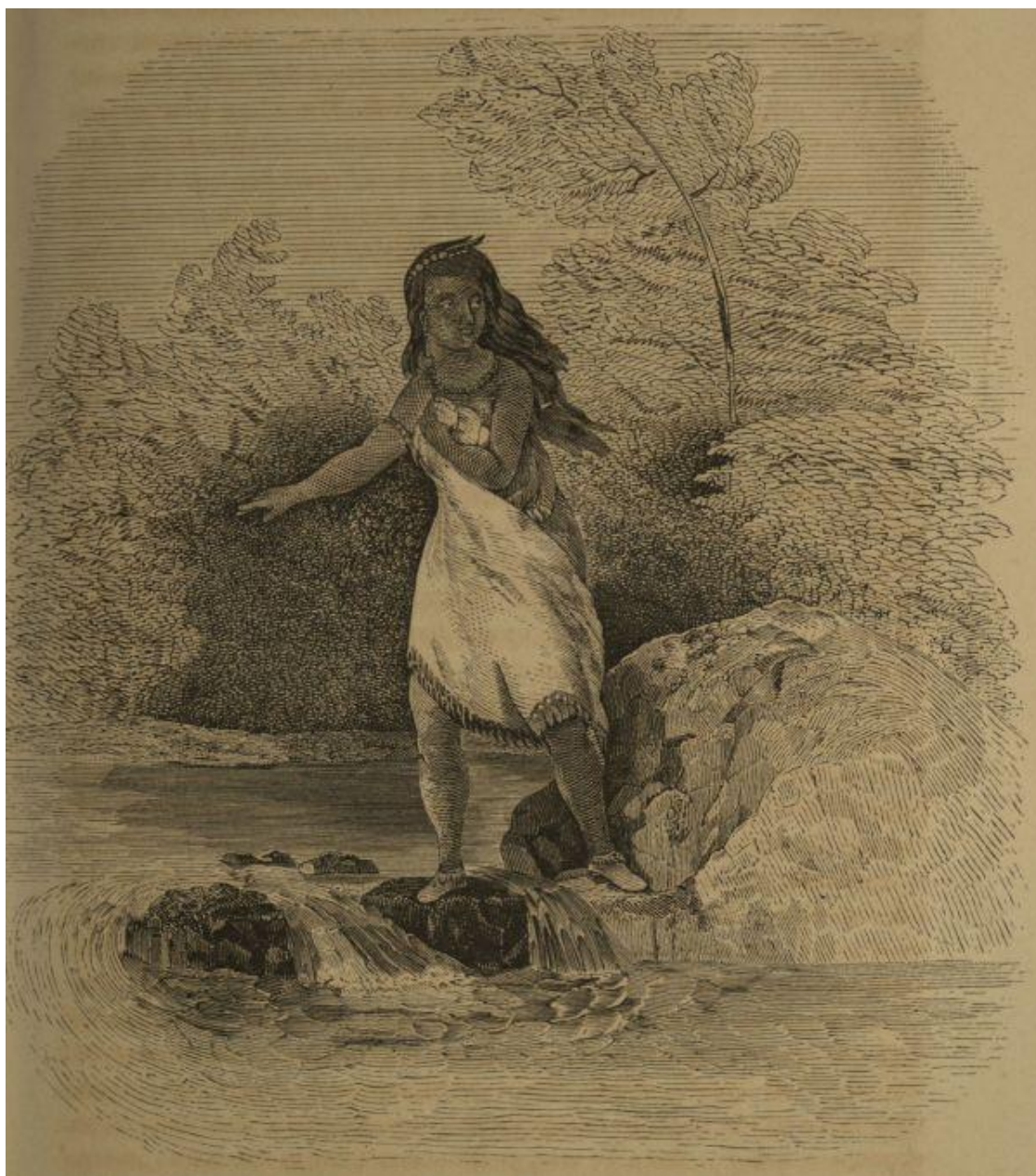
На берегу реки Миссури жила улитка, где она находила вдоволь еды и ни в чем не нуждалась. Но наконец вода начала подниматься и вышла из берегов, и хотя маленькое животное цеплялось за бревно, поток унес их обоих: они плыли много дней. Когда вода спала, бедная улитка осталась в грязи и иле на берегу. Солнечный жар был таким сильным, что вскоре она увязла в иле и не могла пошевелиться. Он больше не мог получать никакой пищи. Его угнетали жара и засуха. Он смирился со своей судьбой и приготовился умереть. Но внезапно он почувствовал прилив новых сил. Его панцирь лопнул, и он начал подниматься. Его голова постепенно приподнялась над землей, он почувствовал, что его нижние конечности приобретают форму ступней. Руки вытянулись по бокам. Он почувствовал, как их конечности разделяются на пальцы. В конце концов, под воздействием дневного солнца он вырос в высокого и благородного мужчину. Некоторое время он оставался в унылом и бестолковом состоянии. У него было мало активности и отсутствовали ясные мысли. Все это приходило постепенно, и когда к нему вернулись воспоминания, он решил вернуться на родину.

Но он был наг и невежественен. Первое, что он почувствовал, был голод. Он видел зверей и птиц, когда шел, но не знал, как их убить. Он снова пожелал стать улиткой, потому что знал, как *в таком* виде добывать себе пищу. В конце концов, он так ослабел от ходьбы и голодания, что лег умирать на поросшем травой берегу. Он пролежал недолго, когда услышал голос, зовущий его по имени. "Был-бас-хас", - воскликнул голос. Он поднял глаза и увидел Великого Духа, сидящего на белом коне. Его глаза блестели, как звезды. Волосы на его голове сияли, как солнце. Он не мог смотреть на него. Он дрожал с головы до ног. Снова голос обратился к нему мягким тоном: "Был-бас-хас! Почему у тебя испуганный вид? "Я дрожу, - ответил он, - потому что

я стою перед Тем, Кто поднял меня с земли. Я ослабел и голоден — я ничего не ел с тех пор, как наводнение выбросило меня на берег, — только маленькую ракушку.

Здесь Великий Дух поднял руки и, показав лук со стрелами, велел ему посмотреть на себя. Поодаль на дереве сидела птица. Он приложил стрелу к тетиве и, с силой натянув ее, сбил прекрасный предмет. В этот момент в поле зрения появился олень. Он приложил к тетиве другую стрелу и пронзил ее насквозь. "Это, - сказал он, - твоя пища, а это твое оружие", - вручая ему лук и стрелы. Затем он проинструктировал его, как снять шкуру оленя и приготовить из нее одежду. "Ты нага, - сказал он, - и должна быть одета; сейчас тепло, но небо изменится и принесет дожди, снег и холодные ветры". Сказав это, он также наделил его даром огня и проинструктировал, как поджаривать мясо. Затем он надел ему на шею ошейник из вампума. "Это, - сказал он, - твоя власть над всеми животными". Сделав это, и конь, и всадник поднялись и исчезли из виду.

Был-бас-освежился и теперь продолжал свой путь в родные края. Он сел на берегу реки и размышлял о том, что произошло, когда из протоки поднялся большой бобр и обратился к нему. "Кто ты такой, - спросил бобр, - что пришел сюда нарушить мое древнее правление?" "Я человек, - ответил он. - Когда-то я был оболочкой, ползущей оболочкой; но кто ты?" "Я король народа бобров", - ответил он. "Я веду свой народ вверх и вниз по этому ручью; мы люди занятые, и река - мои владения". "Я должен разделить это с тобой", - возразил Уас-бас-хас. "Великий Дух поставил меня во главе зверей и птиц, рыб и фауны; и дал мне силу отстаивать свои права". Тут он поднял лук со стрелами и продемонстрировал ошейник из раковин на своей шее. - Ну-ну, - сказал Бобр, меняя тон. - Я вижу, мы братья.— Пройдемте в мой вигвам и подкрепитесь после дороги, - с этими словами он пошел впереди. Человек-Улитка охотно подчинился его приглашению, и у него не было причин раскаиваться в своем доверии. Вскоре они въехали в красивую большую деревню, и хозяин привел его в хижину вождя. Это была хорошо построенная комната конусообразной формы, а пол был красиво устлан циновками. Как только они сели, Бобр приказал своей жене и дочери приготовить еду для своего гостя. Пока все это готовилось, вождь Бобров подумал, что он воспользуется предоставленной ему возможностью, быстро подружившись со столь выдающимся существом, которое, как он видел, в то же время было всего лишь новичком. Он рассказал ему о том, как они вырубают деревья зубами и перекадывают их поперек ручьев, чтобы запрудить воду, и описал метод возведения плотин из листьев и глины. Он также наставлял его в том, как возводить вигвамы, и другими мудрыми и уместными беседами коротал время. В этот момент вошли его жена и дочь, неся сосуды со свежим очищенным тополем, ивой, сассой и ольховой корой - самым изысканным блюдом, известным им. Из этого Уас-бас сделал заслугу дегустации, в то время как его конферансье с удовольствием проглотил это блюдо. Он был доволен скромной внешностью и манерами дочери вождя, ее чистой и опрятной одеждой и ее усердным вниманием к командам отца. Визит, который он нанес ей, перерос в уважение. За этим последовала взаимная привязанность. Отцу был предложен союз, который был рад найти такую выгодную партию для своей дочери. Был приготовлен большой пир, на который были приглашены все бобры и другие животные, находившиеся с ними в хороших отношениях. Так объединились Человек-Улитка и Девушка-Бобриха, и от этого союза произошли Осейджи. Так говорят древние люди.



Индийская

девушка

МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ РАССТАВИЛ СИЛКИ ДЛЯ СОЛНЦА; ИЛИ
ПРОИСХОЖДЕНИЕ КУГ-И-БИН-ВА-КВА, [5] ИЛИ СОНЯ.

ИЗ АЛГОНКИНСКОГО ПЛЕМЕНИ оджибва.

[5] Слепая женщина.

В то время, когда на земле царили животные, они убили всех, кроме девочки и ее младшего брата, и эти двое жили в страхе и уединении. Мальчик был совершенным пигмеем и так и не вырос выше роста маленького младенца; но девочка росла с годами, так что забота о пропитании и жилье полностью легла на нее. Она каждый день ходила за дровами для костра в их вигваме и брала с собой своего маленького брата, чтобы с ним не случилось несчастья, потому что он был слишком мал, чтобы оставлять его одного. Большая птица могла бы улететь вместе с ним. Она сделала ему лук и стрелы и однажды сказала ему: "Я оставлю тебя там, где я рубила — ты должен спрятаться, и ты скоро увидишь Гит-ши-гит-ши-гаун, ай си-уг, или снежных птиц, приди и собери червей в лесу, где я рубила" (потому что это было зимой). "Застрели одного из них и принеси домой". Он послушался ее и изо всех сил пытался убить одного, но вернулся домой безуспешно. Она сказала ему, что он не должен отчаиваться, а попробовать снова на следующий день. Соответственно, она оставила его в том месте, где раздобыла дрова, и вернулась. Ближе к вечеру она услышала его маленькие шаги по снегу, и он, ликуя, вошел и бросил на землю одну из убитых им птиц. "Сестра моя, - сказал он, - я хочу, чтобы ты освежевала его и размяла шкуру, а когда я убью еще кого-нибудь, я прикажу сшить из них пальто". "Но что мы будем делать с телом?" - спросила она, потому что тогда люди еще не начали есть животную пищу, а питались одними овощами. "Разрежь его пополам, - ответил он, - и добавляй в наш суп по одной половинке за раз". Она так и сделала. Мальчик, который был очень маленького роста, продолжал свои усилия и преуспел в убийстве десяти птиц, из шкурок которых сестра сшила ему маленькое пальто.

"Сестра, - сказал он однажды, - неужели мы совсем одни в этом мире? Неужели больше никого нет в живых?" Она сказала ему, что те, кого они боялись и кто уничтожил их родственников, жили в определенном квартале, и что он ни в коем случае не должен идти в этом направлении. Это только разожгло его любопытство и подняло честолюбие, и вскоре после этого он взял свой лук и стрелы и отправился в указанном направлении. Пройдя долгое время и ничего не встретив, он устал и прилег на холме, где солнце растопило снег. Он крепко заснул; и пока он спал, солнце палило так жарко, что опалило и задрало его куртку из птичьей шкуры, так что, когда он проснулся и потянулся, он почувствовал себя как бы связанным в ней. Он посмотрел вниз и увидел, какой ущерб нанесен его пальто. Он пришел в ярость, упрекнул солнце и поклялся отомстить ему: "Не думай, что ты слишком высоко забираешься, - сказал он, - я отомщу сам".

Вернувшись домой, он рассказал сестре о своем несчастье и горько посетовал на то, что его пальто испортилось. Он не хотел есть. Он лег, как человек, который постится, и не шевелился и не менял позы в течение десяти дней, хотя она делала все возможное, чтобы разбудить его. По прошествии десяти дней он перевернулся, а затем десять дней пролежал на другом боку. Когда он встал, он сказал своей сестре сделать ему силок, потому что он хотел поймать солнце. Она сказала, что у нее ничего нет, но в конце концов вспомнила о маленьком кусочке сушеного оленьего сухожилия, оставшемся у ее отца, из которого вскоре сделала веревку, пригодную для петли. Но в тот момент, когда она показала ему это, он сказал ей, что это не годится, и попросил ее купить что-нибудь другое. Она сказала, что у нее ничего нет — совсем ничего. Наконец она вспомнила о своих волосах и, вытянув часть их из головы, сплела нитку. Но он тут же сказал, что это не подойдет, и раздраженно и властно попросил ее сделать ему петлю. Она сказала ему, что делать это не из чего, и вышла из сторожки. Выбравшись из вигвама и оставшись совсем одна, она сказала себе: "Неов послушный индапин". Она так и сделала и, скрутив их в тоненький шнурок, протянула брату. Увидев эту необычную косу, он пришел в восторг. "Этого хватит", -

сказал он и немедленно поднес его ко рту и начал протягивать через губы; и так же быстро, как он вытягивал его, превратил в красный металлический шнур, который он обмотал вокруг своего тела и плеч, пока у него не набралось большое количество. Затем он приготовился и отправился в путь немногозаполночь, чтобы застать солнце до того, как оно взойдет. Он установил свою ловушку в том месте, где солнце должно было касаться земли, когда оно поднималось над земным диском; и действительно, он поймал солнце так, что оно крепко держалось на шнуре и не поднималось.

Животные, правившие землей, немедленно пришли в сильное волнение. У них не было света. Они созвали совет, чтобы обсудить этот вопрос и назначить кого—нибудь пойти и перерезать веревку - ибо это было очень опасным занятием, поскольку солнечные лучи обжигали любого, кто подходил к ним так близко. Наконец соня взялась за это дело — ибо в то время соня была самым крупным животным в мире. Когда она встала, то была похожа на гору. Когда он добрался до места, где попало в ловушку солнце, его спина начала дымиться и гореть от сильного жара, а верхняя часть его туши превратилась в огромные кучи пепла. Однако ему удалось перерезать веревку зубами и освободить солнце, но оно уменьшилось до очень маленьких размеров и с тех пор остается таким. Мужчины называют это Куг-и-беен-гва-ква.

АМПАТА САПА; ИЛИ ПЕРВАЯ ЖЕНА.

ТРАДИЦИЯ ДАКОТОВ.

Ампата Сапа была женой храброго молодого охотника и воина, от которого у нее было двое детей. Они жили вместе в великом счастье, которое менялось только из-за перемен в лесной жизни. Иногда они жили в прериях; иногда они строили свой вигвам в лесу, на берегу ручья, и плавали на своем каноэ вверх и вниз по рекам. В этих походах они добывали рыбу, когда им надоедало дикое мясо. Летом они держались на открытой местности; зимой они разбивали свой лагерь в защищенном месте, в лесу. Сама смена лагеря была источником удовольствия, потому что они всегда были в поиске чего-то нового. У них всего было вдоволь, и они ни в чем не нуждались.

Так прошли первые годы их брака. Но случилось так, что с годами репутация ее мужа в племени возросла, и вскоре его стали считать Уитшахстши Атапи, или вождем. Это открыло новое поле для его честолюбия и гордости. Хорошо известно, что слава вождя часто увеличивается за счет количества его жен. Теперь его вигвам был полон посетителей. Кто-то приходил посоветоваться с ним, кто-то - завоевать его расположение. Все это несколько не беспокоило Ампату Сапу, потому что краснокожие любят принимать гостей и проявлять гостеприимство. Первое, что привело ее в замешательство, был слух о том, что ее муж собирается взять новую жену. Это было подобно яду в ее венах, потому что у нее было большое сердце. Она была очень привязана к своему мужу, и ей была невыносима мысль о том, чтобы разделить его привязанность с другой. Но она обнаружила, что эта идея уже прочно завладела разумом ее мужа, и ее увещевания не принесли никакой пользы. Он защищался на том основании, что это дало бы ему большее влияние в племени, если бы он взял в жены дочь известного вождя. Но прежде чем он успел привести ее в свой вигвам, Ампата Сапа сбежал из него, прихватив двоих ее детей, и вернулся в вигвам ее отца. Ее отец жил поодаль, и здесь она ненадолго затихла. Вскоре вся банда двинулась вверх по Миссисипи, в свои охотничьи угодья. Она была рада пойти с ними и,

действительно, была бы рада пойти куда угодно, лишь бы оказаться подальше от хижины своего неверного мужа.

Здесь зима заканчивалась. Когда открылся источник, они снова вернулись на берег реки и починили и оснастили каноэ, которые оставили осенью. В них они надели свои меха и спустились к водопаду Святого Антония. Амбата Сапа ненадолго задержался утром в день их отплытия, когда они начали приближаться к порогам, предшествующим большому погружению. Затем она спустила каноэ на воду и села в него вместе со своими детьми. По мере приближения к водопаду увеличивающаяся скорость течения делала весла бесполезными. Она отдыхала, держа свой меч в руках, пока не встала и не произнесла свою жалобу:

- Я любила только его, всей душой. Именно для него я с радостью приготовил свежее мясо и подбросил сучьев в костер моего жилища. Именно для него я выделал шкуру благородного оленя и своими руками изготовил мокасины, которые украшали его ноги.

Пока солнце совершало свой ежедневный обход, я ждал его возвращения с охоты и возрадовался в душе, когда услышал его мужественные шаги, приближающиеся к сторожке. Он бросил свою ношу у двери — это была ляжка оленя; — Я побежал приготовить мясо для него.

Мое сердце было связано с ним, и он был для меня всем на свете. Но он оставил меня ради другой, и жизнь теперь - бремя, которое я не могу вынести. Даже мои дети усугубляют мои горести — они так похожи на него. Как я могу поддерживать жизнь, когда все ее моменты горьки! Я возвысил свой голос к Хозяину жизни. Я попросил его вернуть ту жизнь, которую он дал и которой я больше не желаю. Я плыву по течению, которое спешит исполнить мою молитву. Я вижу белую пену на воде. Это мой саван. Я слышу низкий ропот снизу. Это моя похоронная песня. Прощай".

Было слишком поздно менять курс. Она подошла слишком близко к пропасти, прежде чем друзья обнаружили ее цель. Они видели, как она вошла в пену, — они видели, как каноэ на мгновение оказалось на краю, а затем исчезло навсегда. Таков был конец Амбата Сапы; и говорят, иногда при лунном свете можно увидеть, как ее каноэ ныряет в водопад.

Внутренние разногласия сделали больше для уничтожения власти индейцев в Америке, чем меч белого человека. Если бы племена научились мудрости конфедерации, они все еще могли бы спастись. Эта проблема сейчас находится в интересном процессе решения.

МУКАКИ МИНДЕМОЯ, ИЛИ ЖЕНЩИНА-ЖАБА.

СКАЗКА ОДЖИБВЫ.

Однажды большая удача постигла молодую женщину, которая жила совсем одна в лесу, и рядом с ней не было никого, кроме ее маленькой собачки, потому что, к ее удивлению, каждое утро она находила у своей двери свежее мясо. Ей очень хотелось узнать, кто же это ее снабдил, и однажды утром, очень рано, она увидела, как красивый молодой человек кладет мясо. После

того, как она увидела его, он стал ее мужем, и у нее от него родился сын. Однажды, вскоре после этого, мужчина не вернулся вечером, как обычно, с охоты. Она ждала до поздней ночи, но все было напрасно. На следующий день она укачала своего ребенка спать в тикенагуне, или колыбели, а затем сказала своей собаке: "Позаботься о своем брате, пока меня не будет, а когда он заплачет, позови меня". Колыбель была сделана из тончайшего вампума, и все ее бинты и украшения были из того же дорогого материала. Через короткое время женщина услышала крик своей верной собаки и, побежав домой так быстро, как только могла, обнаружила, что ее ребенок исчез и собака тоже. Но, оглянувшись, она увидела, что собака откусила кусочки вампума от колыбели ее ребенка, которая пыталась удержать ребенка и помешать старухе по имени Мукаки Миндемоя, или Женщине-Жабе. Мать следовала за ней во весь опор и время от времени натыкалась на домики, где жили пожилые женщины, которые сообщали ей, в котором часу прошел вор; они также давали ей туфли, чтобы она могла идти дальше. Там было несколько таких пожилых женщин, которые казались пророчицами. Каждый из них говорил ей, что, когда она прибудет в погоне за своим украденным ребенком в соседнюю сторожку, она должна направить носки мокасин, которые они ей одолжили, в сторону дома, и они вернутся сами. В дальнейшем она пригласит других своих артистов, которые также дадут ей указания, как поступить, чтобы вернуть ее сына. Так она следовала в погоне, от долины к долине, от ручья к ручью, месяцами и годами; когда она, наконец, добралась до вигвама последней из дружелюбных старых ноко, или бабушек, как их называли, которые дали ей последние указания, как действовать дальше. Она сказала ей, что находится недалеко от того места, где был ее сын, и велела ей построить шалаш из шингуба, или кедровых ветвей, рядом с шалашом старой Женщины-Жабы, а также сделать маленькую посудину из коры и выжимать в нее молоко. "Тогда, - сказала она, - твой первый ребенок (имея в виду собаку) придет и найдет тебя". Она так и сделала, и через короткое время услышала, как ее сын, теперь уже взрослый, выходя на охоту со своей собакой, зовет его: "Монедо Пьюобик (то есть Сталь или Спиртовое Железо), Тви, Тви!" Затем она приготовила миску и наполнила ее молоком. Вскоре пес почуял его и вошел в домик; она поставила миску перед ним. "Посмотри, дитя мое, - сказала она, обращаясь к нему, - какую еду ты получал от меня, своей матери". Пес пошел и сказал своему молодому хозяину, что он нашел свою *настоящую* мать; и сообщил ему, что пожилая женщина, которую он *называл* своей матерью, не была его матерью, что она украла его, когда он был младенцем в колыбели, и что он сам последовал за ней в надежде вернуть его. Затем молодой человек и его собака отправились на охоту и привезли оттуда огромное количество мяса всех видов. Откладывая его, он сказал своей мнимой матери: "Пошли немного незнакомцу, который недавно приехал". Старая карга ответила: "Нет! почему я должен посылать к ней... Шиговиш?" [6] Он настаивал; и она, наконец, согласилась взять что-нибудь, бросив это у двери со словами: "Мой сын дает тебе или кормит тебя этим". Но оно было такого оскорбительного характера, что она тут же выбросила его вслед за собой.

[6] Шеговисс, вдова, и мауиг, что-то мерзкое.

После этого молодой человек нанес визит незнакомке в ее жилище из кедровых веток и отведал ее миску молока. Затем она сказала ему, что она его настоящая мать и что его украла у нее отвратительная Женщина-Жаба, которая была ведьмой. Он был не совсем убежден. Она сказала ему: "Притворись больным, когда придешь домой, и когда Женщина-Жаба спросит, что тебя беспокоит, скажи, что ты хочешь увидеть свою колыбель; потому что твоя колыбель была из вампума, и твой верный брат, собака, откусил кусочек, пытаясь задержать тебя, который я подобрала, идя по твоему следу. Это были настоящие вампумы, белые и голубые, блестящие и

красивые ". Затем она показала ему кусочки. Он пошел домой и сделал так, как велела ему его настоящая мать. "Мама, - сказал он, - почему я так отличаюсь внешне от остальных твоих детей?" "О, - сказала она, - когда ты родился, было очень яркое, чистое голубое небо; вот в чем причина". Когда Женщина-Жаба увидела, что он болен, она спросила, что она может для него сделать. Он сказал, что ничто не принесет ему пользы, кроме вида его колыбели. Она немедленно побежала и принесла кедровую колыбель, но он сказал: "Это не моя колыбель". Она пошла и взяла одну из колыбелей своих собственных детей (потому что у нее было четверо), но он повернул голову и сказал: "Это не мое". Затем она достала настоящую колыбель, и он увидел, что по сути она ничем не отличается от тех, что показывала ему другая; и он был убежден, потому что мог даже разглядеть на ней следы собачьих зубов.

Вскоре он поправился, отправился на охоту и убил жирного медведя. Затем он и его брат-собака сорвали с высокой сосны все ветви и прикрепили тушу к верхушке, взяв обычный признак того, что он убил животное, — язык. Он сказал Женщине-Жабе, где оставил его, сказав: "Это очень далеко, даже на краю земли". Она ответила: "Это не так далеко, но я смогу это сделать", - и отправилась в путь. Как только она ушла, молодой человек и его собака убили детей Женщины-Жабы и проткнули их кольями по обе стороны двери, сунув им в рот по куску сала, а затем пошли к его настоящей матери и ускорили ее уход вместе с ними. Женщина-Жаба потратила много времени на поиски медведя и с большим трудом взобралась на дерево, чтобы снять тушу. Подойдя поближе к дому, она увидела детей, выглядывающих наружу, по-видимому, с жиром во рту, и рассердилась на них, сказав: "Зачем вы уничтожаете помаду своего брата". Но ее ярость была поистине велика, когда она увидела, что они убиты и посажены на кол. Она побежала за беглецами так быстро, как только могла, и была почти настигла их, когда молодой человек сказал: "На нас сильно давят, но пусть это задержит ее продвижение", - бросая за спину свой огненный меч, из-за чего Женщина-Жаба несколько раз поскользнулась и упала. Но она все равно погналась и настигла их, когда он бросил позади себя свой кремень, что снова задержало ее, потому что из-за него она поскользнулась и оступилась, так что у нее кровоточили колени; но она продолжала следовать дальше и уже набирала ход, когда молодой человек сказал: "Пусть выскочит Ошау шоу го мин ун (змеиная ягода), чтобы задержать ее", - и сразу же эти ягоды алым цветом разлились по всей тропинке на большое расстояние, и она не могла не нагнуться, чтобы сорвать их и съесть. Она все шла вперед и снова приближалась к ним, когда молодой человек, наконец, сказал собаке: "Брат, разжевай ее в мумие, потому что она досаждаст нам". Тогда собака, обернувшись, схватила ее и разорвала на куски, и они убежали.

Смерть ужасна или желанна, согласно теориям людей о ней. Для индейца это приятное и желанное событие. Он верит, что будущее государство будет государством наград и восстановлений, а не наказаний.

Индийское представление о рае - это представление жителей Востока. Оно состоит из чувственности, а не из духовности. Он ожидает, что сцена доставит ему легкость и изобилие. Легкость и изобилие составляют счастье индейца здесь, и его рай - всего лишь яркая копия его земли.

Язычество и идолопоклонство требуют для своей поддержки больше тайн, чем христианство. У христиан есть только один Бог, существующий в трех ипостасях. Было бы ниже истины сказать, что у индейцев сто тысяч богов.

Индусы *поклоняются* своим разнообразным богам земли, воздуха и моря. В них *верит* только североамериканский индеец. Он поклоняется Великому Духу.

Дикие мысли часто бывают светлыми, но, подобно диким скачкам горного потока, они мимолетны и неравномерны. Нас поражает одна-единственная фигура в индийской речи, но слишком часто она подобна искре среди дождя пепла.

БЕГСТВО ШАУНИ С ЮГА.

МОГЕГАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ.

Метоксон утверждает, что в древние времена, когда шауни жили на юге, они потерпели поражение от конфедерации окружающих племен и были под угрозой полного отрезания и уничтожения, если бы не вмешательство мохиганцев и делаваров. Союз между ними и могеганцами произошел таким образом. Пока мохеганы жили в Шодаке, на реке Гудзон, молодой воин из этого племени посетил шауни, их южную резиденцию, и завязал тесную дружбу с молодым воином своего возраста. Они стали как братья и поклялись навсегда относиться друг к другу как таковые.

Воин-могиганец вернулся и несколько лет жил со своим народом на берегах Чатимака, или Гудзона, когда разразилась всеобщая война против шауни. Беспокойный и воинственный нрав этого племени постоянно приводил их в замешательство со своими соседями. Они нарушали свои договоры, и это было причиной постоянных смут и войн. В конце концов народы юга общими усилиями решили избавиться от столь беспокойного народа и начали войну, в которой шауни терпели поражение за поражением с большими потерями. В этой чрезвычайной ситуации могиганец подумал о своем брате-шауни и решил спасти его. Он собрал военный отряд, и к нему присоединились ленапи, с тех пор называемые делаваарами, они выступили им на помощь и увели остатки племени в страну ленапи. Здесь они были отданы под опеку последнего, как и их дед.

Теперь их, по выражению индейцев, посадили между колен дедушки и обращались с ними как с маленькими детьми. Их руки были сцеплены и связаны вместе — иными словами, они были взяты под свою защиту и заключили тесный союз. Но все же иногда ребенок выползал из—под ног старика и попадал в беду, подразумевая, что шауни никогда не могли забыть о своих воинственных наклонностях.

События последующей истории этого племени после заселения Америки хорошо известны. Вместе с ленапи, или делаваарами, они мигрировали на запад.

Вышеупомянутая традиция была получена от уважаемого и достойного вождя, названного выше, в 1827 году, во время переговоров по *Бьютт-де-Мортскому мирному договору* на реке Фокс. На этом договоре присутствовали его соплеменники, носящие современное название Стокбриджес, которые в течение нескольких лет мигрировали со своего прежнего места жительства в округе Онейда, штат Нью-Йорк, к водам реки Фокс в Висконсине.

Метоксон был человеком правдивым, с рассудительными и умеренными привычками, сочетавшимися с вежливостью манер и достойными уважения качествами ума и сердца, как я имел возможность убедиться за несколько лет знакомства с ним до того, как он и его люди уехали из Вернона на запад, а также после того, как он мигрировал туда.

Традиция, возможно, с естественной пристрастностью члена племени, придает слишком большое значение благородному и великодушному акту индивидуальной и племенной дружбы, но не противоречит другим отношениям, давнему положению на юге и вспыльчивому нраву племени шауни. Само их название, которое является производным от О-ша-ван-онг, места на Юге, является убедительным предполагаемым доказательством прежнего проживания на крайнем юге или происхождения с него. Г-н Джон Джонстон, который в течение многих лет был правительственным представителем этого племени в Пикуа, штат Огайо, прослеживает их в статье в *Archæologia Americana* (том 1, стр. 273) до реки Сувани во Флориде. Г-н Галлатин во втором томе той же работы (стр. 65) указывает их путь из исторических источников, пользующихся несомненным авторитетом, до берегов верхней Саванны, в Джорджии; но отмечает, что они были хорошо известны нам только с 1680 года. Впервые они упоминаются в наших разрозненных индийских летописях Де Лаэтом в 1632 году.

Далее, в связи с традицией Метоксона, можно сказать, что есть основания утверждать, что во время бегства шауни с юга часть их спустилась по реке Кентукки на запад, в долину Огайо, где в последующие времена шауни Пенсильвании и Нью-Джерси скорее объединились с этой частью своих сородичей, чем проложили им путь.

Отойти на один шаг от варварства - значит сделать один шаг к цивилизации. Покинуть шалаш из коры, отбросить одеяло, прекратить пользоваться красками или пренебречь ночными оргиями вабено — это такие же несомненные признаки зарождающейся цивилизации, какими, несомненно, являются замена грубых иероглифов буквами алфавита или предпочтение правильных ритмов гаммы дикому пению чичигвунов.

БОШ-КВА-ДОШ, ИЛИ ЧЕТВЕРОНОГОЕ ЖИВОТНОЕ С ОБОДРАННОЙ ШЕРСТЬЮ.

Жил-был человек, который оказался один-одинешенек в целом мире. Он не знал, ни откуда он пришел, ни кто были его родители, и он бродил с места на место в поисках чего-либо. Наконец он устал и заснул. Ему приснилось, что он услышал голос, произносящий: "Носис", то есть мой внук. Когда он проснулся, то действительно услышал, как повторяется это слово, и, оглядевшись вокруг, увидел крошечное животное, едва заметное на равнине. Сомневаясь, мог ли голос исходить из такого миниатюрного источника, маленькое животное сказало ему: "Мой внук, ты будешь называть меня Бош-ква-дош. Почему ты такой опустошенный? Послушай меня, и ты найдешь друзей и будешь счастлив. Ты должен взять меня на руки и привязать к своему телу, и никогда не расставаться со мной, и успех в жизни сопутствует тебе". Он повиновался голосу, зашив маленькое животное в складки бечевки или узкого ремня, который обвязал

вокруг своего тела, у пупка. Затем он отправился на поиски кого-то, похожего на него, или другого объекта. Он долго бродил по лесу, не встречая ни человека, ни животного. Казалось, он совсем один в мире. Наконец он добрался до места, где был срублен пень, и, перевалив через холм, увидел большой город на равнине. Широкая дорога проходила через середину его; но что казалось странным, так это то, что с одной стороны в домиках не было жителей, в то время как другая сторона была густо заселена. Он смело вошел в город.

Жители вышли и сказали: "Почему здесь находится существо, о котором мы так много слышали, — это Аниш-ин-а-ба? Посмотрите на его глаза и зубы полукругом — посмотрите на Вайокенавведенного! Посмотрите на его внутренности, как они сформированы"; — потому что, кажется, они могли смотреть сквозь него. Сын короля, муджекеви, был особенно добр к нему и, назвав его шурином, приказал отвести его в вигвам его отца и принять с вниманием. Король отдал ему одну из своих дочерей. Эти люди (которые считаются людьми, но чей ранг на шкале бытия остается неопределенным) проводили большую часть своего времени в играх, спорте и испытаниях различного рода. Когда прошло некоторое время и он снова стал свежим и отдохнувшим, его пригласили присоединиться к этим видам спорта. Первым испытанием, которому они подвергли его, было испытание морозом. На некотором расстоянии находился большой водоем с замерзшей водой, и испытание состояло в том, чтобы лечь голышом на лед и посмотреть, кто дольше продержится. Он вышел с двумя молодыми людьми, которые начали с того, что сняли с себя одежду и легли ничком. Он сделал то же самое, только сохранив на себе узкий волшебный пояс с нашитым на нем крошечным зверьком; ибо он чувствовал, что только в нем может быть его опора и спасение. Его соперники смеялись и хихикали в начале ночи и забавлялись мыслями о его судьбе. Однажды они окликнули его, но он не ответил. Он почувствовал явное тепло, исходящее от его пояса. Около полуночи, обнаружив, что они затихли, он окликнул их в ответ: "Что? - сказал он. - Вы уже окоченели, а я только начинаю немного мерзнуть". Все было тихо. Он, однако, оставался на своем месте до раннего рассвета, когда встал и подошел к ним. Они оба были совершенно мертвы и замерзли так сильно, что плоть у них под ногтями лопнула, а зубы торчали наружу. Когда он присмотрелся повнимательнее, каково же было его удивление, когда он обнаружил, что они обе превратились в буйволиц. Он связал их вместе и понес в деревню. Когда он появился в поле зрения, те, кто желал его смерти, были разочарованы, но муджекеви, которые действительно были его друзьями, обрадовались. "Смотрите! - сказал он. — но приближается один человек - это мой шурин". Затем он с триумфом сбросил туши, но оказалось, что их смертью он вернул двух обитателей в ранее пустовавшие хижины, и впоследствии он понял, что каждое из этих существ, которых он убил, произвело такой же эффект, так что обезлюдившая часть деревни вскоре наполнилась людьми.

Следующим испытанием, которому они подвергли его, было испытание на скорость. Его вызвали на ипподром, и он начал свою карьеру с человеком, которого считал мужчиной; но здесь все было очаровано, потому что вскоре он обнаружил, что его соперником был большой черный медведь. Животное обогнало его, разорвало землю, порезвилось перед ним и выпустило свои большие когти, словно желая напугать его. Он подумал о своем маленьком духе-хранителе в поясе и, желая обладать быстротой Какаке, то есть ястреба-перепелятника, обнаружил, что поднимается с земли, и со скоростью этой птицы обогнал своего соперника и выиграл гонку, в то время как медведь подошел измученный и с высунутым языком. Его друг Муджекеви стоял наготове со своей боевой дубинкой у ворот и, как только медведь приблизился, расправился с ним. Затем он повернулся к собравшимся, которые желали смерти

его другу и брату, и, упрекнув их, поднял свою дубинку и начал рубить их со всех сторон. Они падали кучами со всех сторон; но в тот момент, когда они падали, было ясно видно, что это не люди, а животные — лисы, волки, тигры, рыси и другие виды, густо окружавшие муджекеви.

Жители деревни все еще не были удовлетворены. Они думали, что испытание морозом было проведено несправедливо, и желали, чтобы оно повторилось. Он согласился повторить это, но, утомившись от гонки, расстегнул свой защитный пояс и, положив его под голову, заснул. Проснувшись, он почувствовал себя отдохнувшим и уверенным в своих силах, он пошел вперед, чтобы возобновить испытание на льду, но совершенно забыл о ремне, и это даже не пришло ему в голову, когда он проснулся или когда лег, чтобы повторить испытание. Около полуночи его конечности одеревенели, вскоре кровь перестала циркулировать, и утром его нашли окоченевшим трупом. Победители подняли его и отнесли в деревню, где поднялся самый громкий шум победоносной радости, и они разрезали тело на тысячу кусков, чтобы каждый мог съесть по кусочку.

Муджекеви оплакивал его судьбу, но его жена была безутешна. Она лежала в состоянии частичного рассеянного сна в сторожке. Когда она лежала здесь, ей показалось, что она слышит, как кто-то стонет. Это повторялось всю ночь, а утром она внимательно осмотрела место и, проведя пальцами по траве, обнаружила потайной пояс на том месте, где в последний раз покоился ее муж. "Aubishin!" — кричал пояс, то есть развяжи меня. Внимательно посмотрев, она обнаружила небольшой шов, закрывавший крошечного зверька. Он закричал еще громче: "Обишен!" - и когда она осторожно разорвала швы, то, к своему удивлению, увидела крошечного голого зверька, меньше самой маленькой новорожденной мыши, без каких-либо признаков шерсти, за исключением кончика хвоста, он мог проползти несколько дюймов, но отдыхал от усталости. Затем он снова двинулся вперед. При каждом движении он *онкукловодился*, то есть встряхивался, как собака, и с каждым встряхиванием становился больше. Это продолжалось до тех пор, пока она не приобрела силу и размеры собаки среднего размера, после чего убежала.

Таинственный пес побежал к хижинам по деревне в поисках костей своего друга, которые он отнес в тайное место и так быстро, как только нашел, разложил все в их естественном порядке. Наконец он полностью сформировал весь скелет, за исключением пяточной кости одной стопы. Случилось так, что две сестры, согласно обычаю, находились вне лагеря в то время, когда тело было разрезано, и этот каблук был отправлен им. Собака обыскала каждый вигвам и, убедившись, что в лагере ее не найти, стала искать ее за пределами лагеря и нашла вигвам двух сестер. Младшая сестра обрадовалась, увидев его, восхитилась хорошенькой собачкой и погладила ее, но старшая сидела, бормоча про ту самую пяточную кость, которую он искал, и была угрюмой и кислой, и оттолкнула собаку, хотя он с тоской смотрел ей в лицо, пока она обсасывала косточку из одного уголка рта в другой. Наконец она держала его так, что у нее оттопырилась щека, когда собака быстрым прыжком схватила ее за щеку, оторвала щеку вместе с костью и убежала.

Теперь он закончил скелет и, встав перед ним, издал глухой, низкий, протяжный вой, когда кости плотно сошлись вместе. Затем он смоделировал свой вой, когда кости срослись и напряглись. От третьего воя на них натянулись сухожилия, а от четвертого - плоть. Затем он поднял голову вверх, глядя в небо, и издал вой, от которого все в деревне вздрогнули, а сама земля задрожала, отчего дыхание вошло в его тело, и он сначала вдохнул, а затем поднялся.

"Хай-кау!" "Я сам проспал", - воскликнул он. "Я опоздаю на суд". - Суд! - воскликнул пес. - Я говорил тебе никогда не позволять мне разлучаться с твоим телом, но ты пренебрег этим. Ты был побежден, и твое замороженное тело было разрезано на тысячу кусочков и разбросано по деревне, но мое умение восстановило тебя. Теперь я заявлю о себе тебе и покажу, кто и что я такое!"

Затем он начал КУКСИТЬСЯ, или встряхиваться, и с каждым встряхиванием он рос. Его тело стало тяжелым и массивным, ноги толстыми и длинными, с большими неуклюжими концами, или ступнями. Он все еще встряхивался, поднимался и раздувался. Из его головы выросла длинная морда, а изо рта - два огромных блестящих зуба. Его кожа осталась такой, какой была, обнаженной, и только на хвосте рос пучок волос. Он поднялся над деревьями. Он был огромен. "Я бы наполнил землю, - сказал он, - если бы приложил все свои силы, и все, что есть на земле, не насытило бы меня. И это не могло бы откормить меня или принести мне пользу. Я должен хотеть большего. Следовательно, это было бесполезно, и я передам тебе тот дар, который у меня есть. Животные отныне будут *вашей пищей*. Они не были созданы для того, чтобы питаться человеком, и впредь они не будут этого делать, но будут *кормить* его, а он будет охотиться только на зверей. Но ты будешь уважать меня и не станешь есть мой *вид*."

[Предыдущее - традиционный рассказ о Мейдосиджи, пожилом и уважаемом охотнике из Су-сент-Мэри, который был правящим вождем племени чиппева у тех водопадов и прародителем нынешней линии правящих вождей. Это сохранилось в семье Джонстонов, где он был частым гостем до 1810 года и был счастлив скоротать многие зимние вечера в обмен на радушный прием, который, несомненно, ожидал его в доме друга индейца.]

МАШ-КВА-ША-КВОНГ, ИЛИ ТРАДИЦИОННАЯ ИСТОРИЯ О РЫЖЕВОЛОСОМ И ЕГО ДВУХ СЫНОВЬЯХ.

АВТОР: НАБИНОИ, ПРЕСТАРЕЛЫЙ ВОЖДЬ ОДЖИБВА.

Маш-ква-ша-квонг был первоклассным охотником, он чрезвычайно любил охоту и преследовал ее с неослабевающей бдительностью. Однажды, по возвращении домой, придя в свой домик, двое его сыновей, которые тогда были еще совсем маленькими, сообщили ему, что им очень одиноко, потому что у их матери вошло в привычку ежедневно оставлять их одних, и это произошло, как только он приступил к своей ежедневной охоте. Это обстоятельство было известно Маш-ква-ша-квонгу, но он, казалось, полностью осознал это; он обнял своих мальчиков, поцеловал их и сказал им, что их мать вела себя неподобающим образом и вела себя как злая и вероломная женщина. Но Маш-ква-ша-квонг вел себя по отношению к своей жене так, словно не подозревал о ее мерзком поведении. Однажды утром, поднявшись очень рано, он сказал своим сыновьям набраться мужества и что они не должны быть одиноки, он также строго-настрого запретил им отлучаться и не покидать свой вигвам; после того, как мальчикам было дано это предписание, он занялся приготовлениями и, отправившись гораздо раньше обычного, прошел совсем небольшое расстояние от своего вигвама, после чего остановился и спрятался. Подождав немного, он увидел, что его жена выходит из их вигвама, и сразу же после того, как появился мужчина и встретил жену Маш-ква-ша-квонга, они поприветствовали друг друга. Теперь его подозрения подтвердились, и когда он увидел, что они вступают в противозаконные сношения, его охватил гнев, он подошел к ним и убил их одним

ударом; затем он притащил их обоих к своему домику и, связав их вместе, вырыл яму под камином в своем домике и похоронил их. Затем он сказал своим сыновьям, что ему необходимо уехать, так как он наверняка будет убит, если останется, и их безопасность будет зависеть от их способности сохранить это дело в секрете. Он дал своему старшему сыну маленькую птичку (Кичиг-и-чиг-ав-на-ше), чтобы тот зажарил ее для своего младшего брата на золе и углях там, где была похоронена их мать, он также дал небольшую кожаную сумку, а затем сказал своим сыновьям о необходимости его немедленного полета на небеса. И что для них было бы целесообразно улететь и отправиться на юг, и таким образом подготовить свои умы к предстоящему расставанию. "Скоро, - сказал Маш-ква-ша-квонг своим сыновьям, - к вам придут люди и будут расспрашивать обо мне и о вашей матери, вы скажете им, что я ушел на охоту, а ваш младший брат тем временем будет постоянно указывать на место у костра, это побудит людей, на которых я ссылаюсь, расспросить о причине такого указания, и вы скажете им, что у вас есть маленькая птичка, запеченная для вашего брата, это заставит их на время воздержаться от дальнейших расспросов. Как только они уйдут, бегите! Пока вы будете следовать моим указаниям, я буду взирать на вас с высоты, я буду вести вас, и вы будете слышать мой голос изо дня в день". Маш-ква-ша-квонг в это время дал своим сыновьям шило, зуб бобра и заточку, а также сухой уголь и велел им каждый вечер, как только они разобьют лагерь, класть на землю небольшой кусочек угля, из которого добывать огонь и раздавать им; он велел своему старшему сыну положить своего брата в кожаную сумку и таким образом нести его на спине; затем он попрощался с ними.

Два мальчика, таким образом, остались одни в хижине, и пока они жарили приготовленную для них птичку, вошел мужчина, а затем еще один, и еще, пока их не набралось всего десять; младший мальчик время от времени указывал на огонь, и мужчины поинтересовались причиной, старший мальчик сказал, что он жарил птицу для своего брата, и, разгребая золу, получил ее. Они спросили, где их отец и мать, мальчик ответил им, сказав, что их отец отсутствовал на охоте, а их мать ушла рубить и собирать дрова; получив эту информацию, мужчины поднялись и обыскали окрестности сторожки, пытаясь найти следы мужчины и его жены, но они не преуспели и вернулись в сторожку. Однако перед этим, во время отсутствия десяти человек, старший сын Маш-ква-ша-квонга положил своего младшего брата в кожаный мешок (Ускемуд) и убежал на юг.

Один из десяти мужчин заметил, что самый маленький мальчик неоднократно указывал на место пожара и что они могли бы что-нибудь найти, покопавшись; они принялись за работу и обнаружили женщину и мужчину связанными. При этом открытии их гнев возгорелся, они размахивали оружием, осыпая проклятиями Маш-ква-ша-квонга, которого, конечно же, подозревали в совершении этого деяния.

Десять человек снова возобновили свои поиски, чтобы отомстить виновнику этого темного деяния, но Маш-ква-ша-квонг, чтобы избежать мгновенной смерти, отыскал большое дуплистое дерево и, войдя в нижнюю часть или корень, прошел сквозь него и достиг его вершины, откуда он взлетел в небо. Преследователи, наконец, выследили его и последовали за ним до самого дерева и до самого неба с громкими и непрерывными проклятиями мести и своей решимостью убить его. Дух матери в одиночестве следовал за своими детьми. Около полудня мальчики услышали на бегу шум в небесах, похожий на раскаты далекого грома. [7] Мальчики продолжили свой путь на юг, когда шум прекратился; ближе к ночи они разбили лагерь; они положили небольшой кусочек угля на землю, затем с неба им сбросили полено дров, откуда

разожгли хороший пылающий костер. Это делалось ежедневно, и когда разжигался костер, енот падал с высоты на огонь, и таким образом мальчиков кормили, и эту непреодолимую заботу они испытывали ежедневно. По вечерам в их лагере, а иногда и днем, был слышен голос Рыжеволосого, который разговаривал со своими детьми и поощрял их приложить все усилия, чтобы убежать от преследования своей матери. Чтобы помочь им сбежать, им было велено выбросить свое шило, и сразу же на их пути выросла прочная и почти непроходимая изгородь из колючих кустов, через которую преследующая мать едва могла пробраться, и таким образом она препятствовала ее продвижению, разрывая все ее тело и не оставляя ничего, кроме головы. Так что они сбежали в первый же день.

[7] Записка мистера Джорджа Джонстона, от которого был получен этот рассказ. Любая вещь подобного рода или слышимый подобный шум индейцы и по сей день считают признаком раздора между Маш-ква-ша-квонгом и его преследователями и, следовательно, прелюдией к войнам и раздорам между народами мира.

На следующий день они возобновили свой поход и отчетливо слышали шум битвы в небе, как будто это был раскат грома; они также слышали позади себя голос своей матери, которая просила своего старшего сына остановиться и подождать ее, говоря, что она хотела бы дать грудь его брату; затем снова голос Маш-ква-ша-квонга, который призывал своих сыновей бежать, спасая свои жизни, и говорил, что если их мать догонит их, она наверняка убьет их.

Вечером второго дня мальчики приготовились разбивать лагерь, и шум боя наверху прекратился; положив на землю небольшой кусочек угля, они, как и предыдущей ночью, подбросили бревно и немного дров, разожгли костер, а затем положили на него енота для еды. Это было выполнение обещания, данного их отцом, что они будут обеспечены во время полета. Зуб бобра был здесь выброшен, и это причина, по которой северная страна теперь изобилует бобром, а также бесчисленными маленькими озерами и болотами и, следовательно, трудными и утомительными путешествиями, которые мы сейчас переживаем.

На третий день мальчики возобновили свое бегство и выбросили свой хон, и он превратился в высокий скалистый горный хребет, такой же, какой сейчас можно увидеть на северном берегу этого пролива (Сент-Мэри), который был большим препятствием на пути женщины с Головой, ибо так теперь ее звали, потому что от всего ее тела осталась только эта часть, и с ней она непрестанно высказывала намерения убить своего старшего сына; мальчики, наконец, добрались до места ловли рыбы, известного как водоворот Ва-за-жавинг, на порогах Баватинга, расположенный на северном берегу реки. Здесь Маш-ква-ша-квонг рассказал своим сыновьям, что преследователи настигли его во время бегства и убили, и он явился им в образе рыжего дятла, или *мамы*. Это птица, на которую редко или никогда не нападают хищные птицы, поскольку индейские охотники никогда не видели и не находили никаких следов ее останков. "Теперь, сыновья мои, - сказал рыжеволосый дятел, - я привел вас к этой реке, теперь вы увидите своего дедушку, и он перенесет вас на противоположный берег". Затем мальчики посмотрели на южный берег реки и увидели посреди порога Ошуггая, стоящего на скале; мальчики обратились к Ошуггаю и называли его своим дедушкой, прося перенести их через реку Баватинг. Ошуггай, вытянув свою длинную шею над рекой к тому месту, где стояли мальчики, велел им забраться ему на голову и шею и, снова потянувшись к южному берегу, посадил мальчиков в безопасности в прерии: было видно, как журавль величественно расхаживал взад и вперед по прерии.

Настойчивая мать вскоре прибыла в вахзахавинг и немедленно попросила Ошуггая перейти ей дорогу, сказав, что она защищает своих детей и заявляет, что хочет обогнать их; но Ошуггай, казалось, хорошо знал о ее характере и возражал против того, чтобы переправлять ее через реку, давая ей понять, что она развратная и плохая женщина; он продолжал читать ей длинную нравоучительную лекцию о том, какого курса она придерживалась, и о плохих последствиях для человечества, таких как ссоры, убийства, смерти и, следовательно, вдовство.

Женщина-Глава настаивала на своей просьбе переправиться через реку. Последовали возражения и мольбы. Она говорила так, словно все еще была женщиной, чьей благосклонности следовало добиваться, а он - так, словно был выше подобных милостей. После этого диалога Ошуггай сказал, что он перенесет ее через реку при условии, что она будет строго придерживаться его указаний; он сказал ей не прикасаться к обнаженной части его головы, а встать на впалую или искривленную часть его шеи; на это она согласилась и пошла дальше. Затем Ошуггай вытянул свою длинную шею примерно до половины, когда почувствовал, что она забыла о своем обещании, и ударил ее головой о камни, и маленькие рыбки, которых было так много, мгновенно съели мозг и фрагменты черепа и превратились в больших белых рыб. "Рыба, - сказал ошуггай, - которая с этого времени будет в изобилии и останется в этих порогах, чтобы кормить индейцев и их потомство из поколения в поколение". [8]

[8] Маленькие белые раковины, которыми питается белая рыба, и белое вещество, содержащееся в ее желудке, по сей день считаются индейцами мозгом и черепом женщины с Головой.

После этой сделки Ошуггай, благополучно высадившего мальчиков на берег и разбившего голову женщины о камни, он обратился к Журавлю, и, посоветовавшись друг с другом относительно сыновей Маш-ква-ша-квонга, они согласились пригласить двух женщин с востока, из племени Вассиг, и двое парней взяли их в жены. Ошуггай вырвал одно из своих самых больших перьев на крыльях и отдал его старшему мальчику, и Журавль сделал то же самое, отдав свои перья младшему; им было сказано считать перья своими сыновьями, после этого одно перо стало похоже на Ошуггай, а другое - на молодого Журавля. Мало-помалу они стали казаться ребятам людьми. Таким образом, был заключен союз с вассигом, и то обстоятельство, что ошуггай и журавль проявили интерес к мальчикам, подарили им свои перья и в результате получили в дар индейский *тотем*.

Здесь сыновьям Маш-ква-ша-квонга сказали, что они будут рассматриваться как вожди и что эта должность будет передаваться по наследству в их поколениях. После этого они чрезвычайно размножились и стали сильными и могущественными. Примерно в это же время обинанго (или Тотем Медведей) пришли из Шауга-ва-миконга, недалеко от оконечности озера Верхнее. По пути на восток они были удивлены, достигнув Баватинга, обнаружив такое многочисленное население людей: они не знали о его существовании; обинангоев охватил страх, и они разработали план закрепления дружбы с ошуггями и крейнками, усыновив их и заявив о родстве с ними, и назвав их своими внуками. Это требование было удовлетворено, и им было разрешено остаться в Баватинге в связи с счастливо достигнутыми таким образом отношениями. В конце концов обинангои эмигрировали на восток и поселились на северном побережье озер Гурон и Онтарио.

Население Бавайтинга росло так быстро, что возникла необходимость в создании новых деревень: одни поселились на реке Гарден, другие - на реке Пакайсаугауэган, третьи - на острове Святого Иосифа, а также в заливе Менашконг и на реке Машкотай Соги.

Примерно в это время с неба спустился человек в облике человека; его одежда была чрезвычайно чистой и белой; он сидел как бы в гнезде, к нему был привязан очень тонкий шнур, с помощью которого этот таинственный человек был спущен вниз, и шнур или веревка достигла небес. Он обратился к индейцам очень гуманным, мягким и сострадательным тоном, сказав, что они очень бедны и нуждаются, но сказав им, что они постоянно *спят*, и это было вызвано Маче Монедо, который был среди них и привел их к смерти и разорению.

Этот таинственный персонаж сообщил им также, что наверху, откуда он пришел, ночи не было, что жители никогда не спали, что был постоянный день и они не нуждались во сне; что Кежа Монедо был их светом. Затем он пригласил четырех индейцев подняться с ним наверх, пообещав, что их доставят обратно в целости и сохранности; что таким образом представится возможность полюбоваться красотой неба или небес. Но индейцы сомневались и боялись, что веревка порвется, потому что она казалась им такой маленькой. Они не верили, что она выдержит их вес. С этим возражением они извинились и удалились. Однако их снова заверили, что веревка была достаточно прочной и что Кежа Монедо обладал достаточной силой, чтобы сделать ее такой. И все же индейцы сомневались и боялись и не сопровождали посланного к ним гонца. После этого отказа таинственный человек достал маленький лук и стрелы, из которых он стрелял в индейцев в разные части их тел: результатом было убийство множества маленьких белых червей, которых он им показал; сказав им, что это были Маше Монедо, которые заставляли их спать и не давали им выйти из состояния, подобного смерти.

Затем этот божественный посланник дал индейцам законы и правила, которыми они должны руководствоваться: во-первых, любить и бояться Кежа Монедо, а затем, что они должны любить друг друга и быть милосердными и гостеприимными; и, наконец, что они не должны желать собственности своих соседей, но приобретать ее трудом и честным прилежанием. Затем он учредил танец великой медицины, или "метай, мы побеждаем": эта церемония должна была проводиться ежегодно и с должной торжественностью, и индейцы, по словам Набинои, извлекли из этого много пользы; но, к сожалению, глупые молодые люди были обмануты Маче Монедо, который заставил их перенять танец Вабано и его церемонии. Это последнее, безусловно, является учреждением *мудрецов*, или злых духов, и в конце концов это было введено в *metay we wining* (то есть танец врачевания) и тем самым исказило его.

Старый вождь продолжил свое моральное напряжение следующим образом: хотя индейцы получали наставления от небесного посланника, им было сказано, что снег будет идти непрерывно в течение пяти лет, зимой и летом, и тогда конец будет близок; и снова, что будут идти непрерывные дожди еще столько же зим и лет, что приведет к поднятию уровня воды и затоплению земли, уничтожая деревья и всякую растительность. После этого последовали бы десять засушливых зим и летних периодов, иссушивших землю, и в основном озера и реки; в течение этого периода не было бы видно ни облачка. Земля стала бы настолько сухой, что затем она сама по себе сгорела бы огнем, и это также выжгло бы воды на определенную глубину, пока не достигло бы первой сотворенной земли и вод. Тогда добрые индейцы восстанут из мертвых, чтобы насладиться новой землей, наполненной изобилием всевозможных живых существ.

Единственное животное, которого не будет видно, - это бобр. Плохие индейцы не получают никакого удовольствия от новой земли; они будут осуждены и отданы злым духам.

- Четыре поколения, - продолжал он, - уже ушли из жизни с тех пор, как братская любовь и милосердие, известные ранее, все еще существовали среди индейцев. В те древние времена у индейцев существовал ежегодный праздник, напоминающий французский Новый год, который обычно отмечался в день первого появления новой луны, Гитчи Монедо джезус. Индейцы из нашей деревни посещали их в другой деревне и иногда встречались друг с другом, танцуя; и в таких случаях они обменивались луками и стрелами, своими грубыми топорами, шилами и котелками, и своей одеждой. Это был ежегодный праздник, который они должным образом соблюдали. В те дни индейцы жили счастливо; но теперь в сознании индейцев все изменилось, что указывает на приближение конца времен. Индейцы, которые все еще придерживаются законов небесного посланника, испытывают счастье; и, напротив, заключил старик, те, кто нечестив и придерживается института Вабано, обычно получают свою награду; и странно сказать, что они обычно заканчивают жизнь несчастными случаями, такими как утопление или жалкая смерть.

Затем он вернулся к предыдущей части своего рассказа. Ошугги и Журавли поссорились, и эта ссора началась из-за пустяка. Похоже, что Журавли без разрешения взяли шест у Ошуггаев и сломали его; это обстоятельство привело к разделению. Ошугги эмигрировали на юг и теперь известны как шауни.

ВА-ВА-БЕ-ЗО-ВИН, ИЛИ КАЧЕЛИ НА БЕРЕГУ ОЗЕРА.

ИЗ ТРАДИЦИЙ ПЛЕМЕНИ ОДЖИБВА.

Там жила старая карга со своей невесткой, сыном и маленьким мальчиком-сиротой, которого она воспитывала. Когда ее зять возвращался домой с охоты, у него был обычай приносить жене лосиную губу, почку медведя или какие-нибудь другие отборные кусочки разных животных. Она поджаривала их с хрустящей корочкой, чтобы при поедании издавать звук зубами. Такое доброе отношение охотника к своей жене, наконец, возбудило зависть старой женщины. Она хотела иметь такую же роскошь и, чтобы получить ее, в конце концов решила уступить место жене своего сына. Однажды она попросила ее оставить своего маленького сына на попечение мальчика-сироты и пойти с ней покататься на качелях. Она привела ее на берег озера, где была высокая гряда скал, нависающих над водой. На вершине этой скалы она соорудила качели. Затем она разделась, обвязала вокруг тела кусок кожи и начала раскачиваться, при каждом раскачивании падая над пропастью. Она продолжала это недолго, когда велела своей дочери сделать то же самое. Дочь повиновалась. Она разделась и, завязав кожаный шнурок, как ей было велено, начала раскачиваться. Когда качели пришли в полное движение и хорошо раскачались, так что при каждом взмахе они вылетали далеко за край пропасти, старуха хитро обрезала веревки и позволила своей дочери упасть в озеро. Затем она надела одежду своей дочери и, переодевшись таким образом, отправилась домой в вечерних сумерках, подделав свой внешний вид и обязанности. Она обнаружила, что ребенок плачет, и дала ему грудь, но он не тянул. Мальчик-сирота спросил ее, где его мать. Она ответила: "Она все еще качается". Он

сказал: "Я пойду поищу ее". "Нет!" - сказала она, - "Ты не должен— зачем тебе идти?" Когда муж пришел вечером, он отдал желанный кусочек своей предполагаемой жене. Он скучал по своей теще, но ничего не сказал. Она с жадностью съела лакомство и попыталась успокоить ребенка. Муж выглядел несколько удивленным, увидев, что его жена старательно отворачивает лицо, и спросил ее, почему ребенок так плачет. Она сказала, что не знала, что это не сработает.

Тем временем мальчик-сирота отправился на берег озера и никого не нашел. Он упомянул о своих подозрениях, и пока старуха ходила за дровами, он рассказал ему все, что слышали или видел. Затем мужчина выкрасил себе лицо в черный цвет, воткнул свое копье вверх тормашками в землю и попросил Великого Духа послать молнию, гром и дождь в надежде, что тело его жены поднимется из воды. Затем он начал поститься и велел мальчику взять ребенка и поиграть на берегу озера.

Теперь мы должны вернуться к качелям. После того как жена нырнула в озеро, она обнаружила, что ее схватил водяной тигр, чей хвост обвился вокруг ее тела и потянул ее на дно. Там она нашла прекрасный вигвам, и все было готово для ее приема, и она стала женой водяного тигра. Пока дети играли на берегу, а мальчик бросал камешки в озеро, он увидел чайку, вылетевшую из его центра и полетевшую к берегу, и, оказавшись на берегу, птица немедленно приняла человеческий облик. Когда он посмотрел снова, то узнал пропавшую мать. На ее чреслах был кожаный пояс и еще один пояс из белого металла, который на самом деле был хвостом водяного тигра, ее мужа. Она покормила младенца грудью и сказала мальчику: "Приходи сюда с ним, когда бы он ни заплакал, и я буду кормить его грудью".

Мальчик отнес ребенка домой и рассказал обо всем отцу. Когда ребенок снова заплакал, отец тоже пошел с мальчиком на берег озера и спрятался в зарослях деревьев. Вскоре было замечено появление чайки с длинным блестящим поясом или цепочкой, и как только она подплыла к берегу, она приняла облик матери и начала кормить ребенка грудью. Муж захватил с собой копье и, увидев сверкающую цепь, смело ударил по ней и разорвал звенья. Затем он забрал свою жену и ребенка домой, вместе с мальчиком-сиротой. Когда они вошли в сторожку, старуха подняла глаза, но это был взгляд отчаяния, она тут же опустила голову. В сторожке послышался шорох, и в следующее мгновение она вскочила и вылетела из сторожки, и больше о ней никто никогда не слышал.

Именем Бога у древних мексиканцев было Тео - слово, редко встречающееся, за исключением сложных фраз. Среди могавков и онондага это нео. С западными сенека, как указано Смитом, овейно. С оджибва - монедо; с оттова - Мането. Среди родственных диалектов встречается множество модификаций слова с помощью приставок к его основанию эдо. Примечательно, что существует столь поразительное сходство в главном слого, и любопытно заметить, что "Эдо" по звучанию является как греческим термином "Део", так и ацтекским "Тео", перенесенным. Есть ли что-то абсолютно *фиксированное* в звуках языков?

ТАКОЗИД, ИЛИ КОРОТКОНОГИЙ.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.

Большинство людей, которые фигурировали среди красной расы в Америке, появились при обстоятельствах, которые исключают что-либо вроде полной и последовательной биографии. По правде говоря, в жизни дикарей очень мало такого, что могло бы послужить материалом для подобных биографий. Это определяется самой скудостью событий. Среди этих племен внезапно появляется человек как воин, переговорщик, оратор или пророк, с именем, о котором никто никогда прежде не слышал. На короткое время он привлекает к себе внимание, а затем снова погружается в массы индийского общества, и о нем больше ничего не слышно. Его мужество, его красноречие или его дипломатическое мастерство рассматриваются как свидетельства таланта и энергии мысли или действия, которые при более благоприятных условиях могли бы создать блестящий и последовательный характер. Но события оставили его, и он затерялся в массе. Он казался скорее беспорядочным телом или вспышкой, чем постоянным светом среди своего народа. Обстоятельства, которые привлекли к нему внимание, миновали. Победа одержана, произнесена речь, подан благородный пример. Дело уладилось, племя возобновило охоту, или посев кукурузы, или кочевье, или внутренние раздоры, и новое имя, которое на какое-то время обещало возвысить Тамерлана, или Типпу Саиба, на западе, закрепилось в народном сознании; и если оно не было полностью утрачено, о нем слышали только время от времени, как об одной из подписей к какому-нибудь земельному договору. На самом деле численность населения, военная мощь или важность *делбольшинства* наших племен недостаточны для составления подробных биографий о происшествиях. Даже самые значительные личности прошлых времен, удостоенные столь пристального внимания, слишком похожи на крепкого мальчика в отцовском мундире. Они свободно болтаются на нем. Самое большее, что можно сделать — собственно, все, что требуется для данного случая в целом, — это набросок таких конкретных событий в истории аборигенов, с которыми индивид связал свое имя. В ходе этой работы предлагается привести некоторые из таких набросков из неписаных летописей запада и севера.

Среди этого класса вождей и актеров-аборигенов, которые не достигли высочайшего положения и не приобрели широкой известности вне круга своих собственных племен, были такозиды, или коротконогие; мукундва, или мародеры; свирепое, воинственное и хищническое племя алгонкинской породы оджибва, которые в незапамятные времена обосновались у истоков Миссисипи, устроив свою штаб-квартиру на озере Лич. В это место, как утверждают их предания, они пришли из Чагоимегона, или еще дальше на восток, до открытия страны европейцами. Следовательно, они были вторгшимися в страну или завоевателями и изгнали оттуда несколько других людей. Представляется столь же вероятным, что этим народом были дакоты, наддоусси, или, как это сокращенно называется, сиу, у ранних французских писателей. Сиу - многочисленный и воинственный народ, населяющий части берегов Миссури и Миссисипи на широте водопада Святого Антония и около него. Наследственная война, о которой "память человеческая не говорит об обратном", была следствием этого древнего вторжения. Обо всем этом регионе страны мы можем говорить на основании личных знаний, путешествуя по нему в разное время и в разных направлениях. В местных воспоминаниях это немногим больше, чем широко распространенная сцена сражений с индейцами, засад и убийств. Едва ли найдется видный ручей, равнина или лес, который по мере продвижения путешественника не упоминался бы как конкретное место какой-нибудь битвы, трагедии или

отчаянного бегства краснокожих. Олимпийские игры не были более надежным испытанием славы в успешном соперничестве, чем эта обширная область боевых действий аборигенов, для противоборствующих народов сиу и чиппева. Война - это главный путь к отличию в сознании индейца. Как только охотник приобретает какое-либо отличие и начинает смотреть на себя как на человека храброго и решительного, он обращает свои усилия на тропу войны. Чем бы еще он ни был знаменит, это главное испытание и печать его репутации. И никто не добивался этого с такой непрестанной преданностью, как чиппева.

Такозид с самой ранней юности решил принять участие в борьбе за варварскую славу. Он рано присоединился к военным отрядам, отправлявшимся на великие равнины. Он изучал их искусство, повторял их песни и стал экспертом во всех воинских искусствах. Он завоевал репутацию храброго молодого человека. Следующим шагом было самому возглавить военный отряд. Он добивался популярности благодаря щедрости, самоотречению и вниманию к их религиозным обрядам и церемониям. Все это можно проделать в меньшем масштабе, с таким же успехом среди банды дикарей, как в зале или на форуме. Ему это удалось. Он собрал военный отряд, повел его на равнины, обнаружил своих врагов, хитро подобрался к ним, напал на них, победил и с триумфом вернулся с их скальпами в свою деревню. Его глубокий и глухой ЧЕ КВАН ДУМ, или предсмертный крик победы, когда он поднялся на возвышенность, возвышавшуюся над его деревней, возвестил обо всем этом еще до того, как он ступил в свою деревню, и о количестве его скальпов.

Эти подвиги вознесли его на вершину славы. Любопытным фактом из жизни наших краснокожих является то, что война является стимулом к полигамии. Одной из первых вещей, о которых он подумал, как о достойной награде за свою храбрость, было взять другую жену. В этом его друзья и партизаны были с ним согласны, хотя у него не было причин для недовольства своей первой женой, на которой он был женат совсем недолго и которая родила ему сына. Время подтвердило этот план. Об этом говорили и даже обсуждали вожди. Было признано, что это произошло из-за его храбрости. Действительно, казалось, все одобряли это, кроме его жены. Она с тревогой услышала об этом слухе и с болью восприняла сообщение о его подтверждении. В этом больше не могло быть сомнений, поскольку был назван человек, который должен был делить с ней ложе, более того, управлять ею, и было получено согласие ее родителей.

Монон, или Маленькое Железное дерево, как ее называли, была женщиной с необычной твердостью характера. Она была горячо привязана к своему мужу, не в меньшей степени из-за его растущей славы, ревниво относилась к своим правам и, движимая сильными чувствами, отстаивала их. Во всех этих вопросах она была выше большинства деревенских женщин. Однако, как и другие в сообществе, где полигамия была обычным явлением, она могла бы, в конце концов, покориться своей судьбе, если бы ее соперница в лице Такозида не возвала к более глубокому принципу и не пробудила в груди оскорбленной жены чувство мести: принцип, достаточно безрассудный в сообществах, где существуют гарантии образования и христианства, сдерживающие и регулирующие его; но ужасный в диких и бродячих бандах варваров. Верность Монон была оклеветана. Она была чистой и благородной женщиной, и обвинение задело ее за живое.

Когда эта клевета впервые достигла ее ушей по обычному каналу деревенских сплетен, была задета струна, которая вибрировала в каждом вздохе и укрепляла ее сердце для какого-то

экстраординарного поступка; хотя никто не мог предвидеть кровавого деяния, которым была отмечена брачная ночь. Бракосочетание в Индии часто сводится к небольшой церемонии. В этом случае все было не так. Чтобы придать событиям внушительности, были приглашены многие. Невеста была одета в свое лучшее платье. Присутствовал ее отец. Множество молодых и старых, мужчин и женщин либо присутствовали, либо толпились вокруг сторожки. Широкие чистые голубые воды озера, усеянные зелеными островами, расстилались перед дверью. Широкая травянистая лужайка, служившая деревенской площадкой для игры в мяч, простиралась до самого края. Это было общественное мероприятие. Вокруг собралась толпа. Такозид должен был жениться. Он должен был взять вторую жену, дочь Обегвуда. Там был сам Такозид. Внутри и снаружи царило веселье. Действительно, все были там, кроме удрученной и покинутой Монон, которую оставили с ребенком в собственном домике вождя.

Но в ее груди пробудился дух, который не позволял ей оставаться в стороне. Она пересекла лужайку тихо, крадучись. Она немного постояла, глядя на озеро. Она приблизилась к домику для новобрачных. Она легко прошла среди группы. Она вошла в домик. Ни у кого в тот момент не возникло и мысли о подозрении или тревоге. Невеста восседала на своем завидном аббиносе; рядом с ней был ее обрученный муж.

Внезапно раздался пронзительный крик на языке чиппева. "*Это*, - вопила разъяренная Монон, - *Это* ублюдку!" - и при каждом повторении этих слов она поднимала в руке индийский кинжал. Внезапность ее движения парализовала все попытки арестовать ее. Изумление было написано на всех лицах. Она вонзила острый нож в грудь своей соперницы.

К такой катастрофе мало что можно добавить. Сама ее внезапность и жестокость потрясли всех. Ее никто не арестовал и никто не преследовал. Она вернулась тем же путем, каким пришла, и вернулась в свой домик. Ее жертва так и не произнесла ни слова.

С этого момента слава Такозиды пошла на убыль. Это событие, казалось, лишило его сил. Он больше не ходил на войну. Его боевой дух, казалось, покинул его. Он снова погрузился в массы индийского общества, и о нем почти никогда не упоминали. На самом деле, нам не следовало бы вспоминать его имя, если бы оно не ассоциировалось в воспоминаниях индейцев о Лич-Лейк с этим кровавым деянием.

Несколько лет назад у меня был такой рассказ от торговца, жившего на озере Лич, который лично знал участников и в правдивости которого у меня не было никаких оснований сомневаться. Это один из элементов, составляющих сумму моих личных наблюдений за жизнью дикарей, и как таковой я включаю его в эти статьи. Чтобы правильно судить о Красной расе, мы должны рассматривать ее во всех ее проявлениях, и если мы хотим выполнять свой долг по отношению к ней, как христиане и мужчины, мы должны собирать информацию как о малых, так и о великих событиях, как издалека, так и вблизи. Когда все будет сделано в виде таких сборов и исследований, мы думаем, будет обнаружено, что их ошибки и преступления, какими бы они ни были, приобретают не более глубокую окраску, чем филантропия имела основания предполагать, что они могут принять, без знания принципов Евангелия. "*Не убий*" - это закон, который еще предстоит ввести в действие среди более чем двухсот тысяч душ, носящих отпечаток краснокожести, в признанных пределах Американского союза.

МАШИНИТО, ЗЛОЙ ДУХ; ИЗ ЛЕГЕНД ИАГУ.

АВТОР: МИССИС Э. ОУКС СМИТ.

"Языческий мир не только верит во множество богов, но и поклоняется им. Особенность североамериканского индейца в том, что, хотя он *верит* во многих, он *поклоняется* только одному, Великому Духу". (Скулкрафт.)

Чеманиту, будучи хозяином жизни, в свое время стал источником духа, который с тех пор причинял себе и всем другим своим созданиям большое беспокойство. Его рождение произошло в результате несчастного случая. Так оно и было.

Метувак, или, как его теперь называют белые люди, Лонг-Айленд, изначально был обширной равниной, настолько ровной и свободной от какой-либо растительности, что выглядел как часть великого моря, которое внезапно отступило, позволив появиться песку внизу, что и было на самом деле.

Сюда обычно приходил и сидел Чеманиту, когда хотел воплотить в жизнь какое-нибудь новое творение. Место было просторным и уединенным, со всех сторон была вода, и ему не только хватало места, но и никто не мешал.

Хорошо известно, что некоторые из этих ранних творений были очень большого размера, так что очень немногие могли жить в одном месте, и из-за их силы Чеманиту было трудно даже управлять ими; ибо, когда он дал им определенные элементы, они могут пользоваться законами, которые управляют этими элементами, пока он не пожелает забрать их обратно к себе. Соответственно, у Шеманиту был обычай, когда он хотел испытать действие этих существ, приводить их в движение на острове Метовак, и если они ему не нравились, он лишал их жизни до того, как им позволяли сбежать. Он устанавливал мамонта или другое крупное животное в центре острова и строил его с большой тщательностью, примерно так, как строят хижину или каноэ.

Даже по сей день можно найти следы того, что делалось здесь в прежние годы; и то, как земля иногда проседает (здесь даже колодцы выпадают на дно), показывает, что этот остров - не что иное, как большая земляная лепешка, своего рода блюдо, положенное в море для удобства Шеманиту, который использовал его как стол, за которым он мог работать, никогда не предназначая его ни для чего другого; берега Шатимака (величественного лебедя) или реки Гудзон лучше приспособлены для жилья.

Когда владыка жизни хотел слепить слона или мамонта, он клал на землю на нужном расстоянии четыре глиняных лепешки, которым придавали нужную форму и которые становились ногами животного.

Иногда они оставались незаконченными; и по сей день зеленые кочки, виднеющиеся как маленькие островки вокруг болот, показывают, где были сложены эти глиняные лепешки.

По мере того, как Чеманиту продолжал свою работу, Нибанобайги (или духи воды), Пак-вуд-джинни (феи [9]) и, действительно, все меньшие манитто приходили посмотреть и задаться вопросом, что это будет и как это будет действовать.

[9] Буквально "маленькие человечки, которые исчезают".

Когда животное было совсем готово и долго сохло на солнце, Шеманиту открыл в боку лаз и, войдя внутрь, оставался там много дней.

Когда он вышел, существо начало дрожать и раскачиваться из стороны в сторону так, что сотрясался весь остров на протяжении многих лиг. Если его появление нравилось хозяину жизни, ему разрешалось удалиться, и обычно обнаруживалось, что эти животные ныряли в море на северной стороне острова и исчезали в больших лесах за его пределами.

Одно время Шеманиту очень долго строил животное такой огромной массы, что оно походило на гору в центре острова; и все манитто со всех концов пришли посмотреть, что это такое. Особенно веселились Пак-вуд-джинни, прыгая за его большими ушами, сидя у него во рту, каждая на зубе, и забегая в глазницы и вылезая из них, думая, что Чеманиту, который приканчивал другие части животного, не может их видеть.

Но он видит насквозь каждую вещь, которую создал. Он был рад видеть их такими оживленными и, наблюдая за их движениями, придумал множество новых творений.

Когда Хозяин Жизни закончил это большое животное, он побоялся давать ему жизнь, и поэтому оно было оставлено на острове, или рабочем столе Шеманиту, пока его огромный вес не заставил его проломиться насквозь, и, частично погрузившись, оно прочно застряло, голова и хвост удерживали его таким образом, чтобы оно не упало.

Затем Чеманиту поднял кусок спины и обнаружил, что в нем образовалась очень хорошая полость, в которую можно было бы бросить старые творения, которые ему не понравились.

Иногда он забавлялся, создавая очень маленьких и подвижных существ, с которыми некоторое время забавлялся, и, обнаружив, что от них очень мало пользы в мире и они не так привлекательны, как маленькие Исчезатели, он забирал жизнь, удерживая ее в себе, а затем бросал их в пещеру, образованную телом незаконченного животного. Таким образом, в этом *Ронкомкомоне*, или "Месте фрагментов", было нагромождено огромное количество очень странных фигур.

Он всегда был осторожен, чтобы сначала лишить жизни.

Однажды Хозяин Жизни взял два куска глины и вылепил из них две большие лапы, похожие на лапы пантеры. Он не сделал четырех — их было всего двое.

Он наступил на них сам и обнаружил, что поступь очень легкая и пружинистая, так что он мог идти с большой скоростью, не производя при этом шума.

Затем он отрастил пару очень высоких ног, по форме своих собственных, и заставил их некоторое время ходить - ему понравилось это движение. Затем последовало круглое тело, покрытое крупной чешуей, как у аллигатора.

Теперь он увидел, что фигура сгибается пополам, и привязал длинную черную змею, которая скользила мимо, к задней части тела и позволил ей обвиться вокруг ближайшего молодого дерева, которое удерживало тело вертикально и образовывало очень хороший хвост.

Плечи были широкими и сильными, как у буйвола, и покрыты шерстью, шея толстой и короткой, а сзади полной.

До сих пор Чеманиту работал, почти не задумываясь, но когда дело дошло до главы, он долго думал.

Он взял круглый глиняный шарик к себе на колени и с большой осторожностью обработал его. Размышляя, он похлопал мяч по макушке, отчего тот стал очень широким и низким, потому что Чеманиту думал о лапах пантеры и шее буйвола. Он вспомнил, как джинны Пак-вуд играли в глазницах огромного незаконченного животного, и ему пришло в голову расставить глаза, как у омара, чтобы животное могло видеть со всех сторон.

Он сделал лоб широким и насупленным, но низким; ибо здесь должна была быть мудрость раздвоенного языка, подобного языку змеи, который должен был находиться у него во рту. Он должен все видеть и все знать. Тут Чеманиту остановился, ибо понял, что никогда раньше не думал о таком создании, о существе всего с двумя ногами, о существе, которое должно стоять прямо и видеть все вокруг.

Челюсти были очень сильными, с зубами цвета слоновой кости, и жабрами по обе стороны, которые поднимались и опускались всякий раз, когда через них проходил воздух. Нос напоминал клюв стервятника. Пучок игл дикобраза застегивал волосы на голове.

Чеманиту вытянул голову на длину вытянутой руки и повернул ее сначала в одну сторону, а затем в другую. Он быстро провел им по воздуху и увидел, как поднимаются и опускаются жабры, вращаются глаза омара, а нос стервятника кажется острым.

Шеманиту очень опечалился; но все же он вобрал голову в плечи. Это был первый раз, когда он держался прямо.

Казалось, это была первая мысль о мужчине.

Была уже почти ночь; в воздухе летали летучие мыши, и стал слышен рев диких зверей. С океана налетел порывистый ветер и прошел над островом Метовац, раскидывая легкий песок туда-сюда. Тяжелая туча неслась вдоль горизонта, в то время как выше в небе было темное густое облако, на краю которого на мгновение зависла луна, а затем скрылась за ней.

Мимо прошла пантера и на мгновение остановилась, подняв одну лапу и согнув ее внутрь, пока он смотрел на изображение и нюхал лапы, которые были похожи на его собственные.

Стервятник спикировал вниз с громким шумом крыльев и попытался вцепиться в клюв, но Чеманиту удержал его.

Затем появились дикобраз, ящерица и змея, каждый из которых был изображен в своем роде.

Чеманиту много часов закрывал лицо вуалью, и дул порывистый ветер, но он не шевелился.

Он увидел, что каждый зверь на земле ищет себе подобного; и то, что подобно, привлекает к себе его подобие.

Хозяин Жизни все думал и думал. В его голове возникла идея, что когда-нибудь он создаст существо, которое должно быть создано не по образцу земных вещей, а по образу самого себя.

Он должен связать этот мир с миром духов — будучи создан по подобию Великого Духа, он должен быть привлечен к его подобию.

Много дней и ночей, целые сезоны прошли, пока Чеманиту размышлял об этих вещах. Он видел все.

Затем Повелитель Жизни поднял голову; звезды смотрели на изображение сверху вниз, а на лоб уселась летучая мышь, расправив свои огромные крылья по бокам. Чеманиту взял битую и расправил все ее кожистые крылья (и с тех пор летучая мышь, когда отдыхает, позволяет своему телу свисать вниз), чтобы он мог опробовать их над головой изображения. Затем он лишил летучую мышь жизни и скрутил тело, таким образом, вся тонкая часть упала на голову и по бокам, образовав уши и прикрыв лоб, как у змеи в капюшоне.

Шеманиту не стал вырезать лицо изображения ниже, он продолжил и сделал подбородок и губы, которые были твердыми и круглыми, чтобы они могли закрыть раздвоенный язык и зубы из слоновой кости; и он знал, что с губами и подбородком оно будет улыбаться, когда ему будет дана жизнь.

Теперь изображение было готово полностью, кроме рук, и Чеманиту увидел, что вместе с подбородком должны быть и руки. Он стал еще серьезнее.

Он никогда не подавал руки ни одному существу.

Он сделал руки очень красивыми, на свой собственный манер.

Теперь Шеманиту не получал удовольствия от проделанной работы — на его взгляд, она была нехорошей.

Он пожалел, что отдал ему руки; не могло ли оно, получив жизнь, не начать творить? не могло ли оно помешать планам самого хозяина жизни!

Он долго смотрел на изображение. Он увидел, что оно будет делать, когда ему будет дана жизнь. Он знал все.

Теперь он вложил огонь в изображение, но огонь - это не жизнь.

Он поместил внутрь огонь, и красное свечение проходило сквозь него. Огонь высушил глину, из которой оно было сделано, и придавал изображению чрезвычайно свирепый вид. Он просвечивал сквозь чешую на грудке, жабы и уши, похожие на крылья летучей мыши. Глаза омара были похожи на горящие угли.

Шеманиту открыл боковую часть изображения, *но не вошел*. Он подставил ему руки и подбородок.

Он мог улыбаться, как сами манитто.

Он заставил его обойти весь остров Метовац, чтобы посмотреть, как оно будет действовать. Он сделал это с помощью своей воли.

Теперь он вложил в это немного жизни, но не погасил огонь. Чеманиту понял, что внешность этого существа будет очень ужасной, и все же это он мог улыбаться так, что переставал быть уродливым. Он много думал об этих вещах. Он чувствовал, что было бы не лучшим решением оставить такое существо в живых; существо, состоящее в основном из полевых зверей, но с

сильными руками, подбородком, поднимающим голову вверх, и губами, удерживающими все в себе.

Размышляя об этих вещах, он взял статуэтку в руки и бросил ее в пещеру.

Но Чеманиту забыл лишить его жизни!

Существо долго лежало в пещере и не шевелилось, потому что его падение было очень сильным. Он лежал среди старых созданий, которые были брошены туда безжизненными.

Теперь, когда прошло много времени, Чеманиту услышал сильный шум в пещере. Он заглянул внутрь и увидел, что изображение стоит там, и он пытался собрать воедино старые сломанные вещи, которые были брошены как не представляющие ценности.

Чеманиту собрал огромную кучу камней и песка, потому что больших камней на острове не водилось, и завалил вход в пещеру. Прошло много дней, и шум в пещере становился все громче. Земля затряслась, и из-под земли повалил горячий дым. Манитто собрались в Метоваке, чтобы посмотреть, в чем дело.

Шеманиту тоже пришел, потому что он вспомнил образ, который он создал там, и забыл забрать у него жизнь.

Внезапно произошло сильное поднятие камней и песка — небо почернело от ветра и пыли. Огонь заиграл на земле, и вода хлынула высоко в воздух.

Все манитто разбежались в страхе; и изображение вышло с великим шумом, и зрелище его было ужасным. Его жизнь окрепла в нем, потому что огонь сделал ее очень яростной.

Все бежало перед ним и кричало —Machinito—Machinito — что означает бог, но злой бог!

Приведенная выше легенда почерпнута из преданий Ягуу, великого индийского рассказчика, который, похоже, глубже погрузился в философию, чем большинство его коллег. Язык аборигенов изобилует историями, рассказанными этим замечательным персонажем, которые мы надеемся представить широкой публике в будущем. Оправдают ли последующие события индейца в превращении Лонг-Айленда в арену производства Машинито или Злого Духа, белому жителю покажется более чем апокрифическим. Однако нам ничего не остается, кроме как изложить факт так, как он был изложен.

Что касается этой примитивной метафизики, то она по меньшей мере любопытна; и хладнокровие, с которым принимается тот факт, что происхождение зла было случайным в процессе развития совершенного человечества, в прежние времена привело бы схоластов в ужас.

Е.О.С.

УПОКОЙ ДУШУ.

У племен озерных алгонкинов, когда труп индейца кладут в гроб, крышку *завязывают*, а не прибивают гвоздями. При опускании его в могилу веревка или шпагат ослабляются, и для удержания его в фиксированном положении полагается только на вес земли. Причина, которую они приводят для этого, заключается в том, что душа может свободно покидать тело.

Поверх могилы кладется покрытие из кедровой коры, защищающее от дождя. Это сооружение имеет форму крыши, и все оно немного напоминает дом в миниатюре. У него двускатные концы. В одном из них, являющемся головкой, вырезано отверстие. Когда чиппева спросили, зачем это было сделано, он ответил: "Чтобы позволить душе выйти и войти".

"Я думал, - ответил я, - что вы верите в то, что душа покидает тело в момент смерти и попадает в страну счастья. Как же тогда она может оставаться в теле?"

"Есть две души", - ответил индийский философ.

- Как это может быть? друг мой.

- Это легко объяснить, - сказал он.

"Ты знаешь, что во сне мы проезжаем по обширным странам и видим холмы, озера и горы, а также множество сцен, которые проходят перед нашими глазами и воздействуют на нас. Но в то же время наши тела не шевелятся, и вместе с телом остается душа, иначе оно было бы мертво. Итак, вы понимаете, что это, должно быть, другая душа, которая сопровождает нас".

Этот разговор происходил в стране индейцев. Я очень хорошо знал индейцев и обратил внимание на обычай, теперь уже не распространенный на границах, - *завязывать* крышку гроба при похоронах. Именно в упомянутом отверстии в листовой коре устанавливается порция пищи, освященная на праздниках в честь умерших. Не могло не случиться, что пищу съела истрикс, волк или какое-либо другое животное, которое, как известно, крадется по ночам; и не могло не случиться, что индийское суеверие, всегда готовое объяснить незначительные явления такого рода, приписало бы их отвлечение духу умершего.

МАЛЕНЬКИЙ ДУХ, ИЛИ МАЛЬЧИК-МУЖЧИНА.

СКАЗКА ОДЖИБВА.

ВЫПИСАНО ИЗ УСТНОГО РАССКАЗА ПОКОЙНОЙ МИССИС Х.Р. СКУЛКРАФТ.

Жил-был маленький мальчик, примечательный своим маленьким ростом. Он жил один со своей сестрой старше его. Они были сиротами, они жили в красивом месте на берегу озера; вокруг их жилища было разбросано много больших камней. Мальчик так и не вырос с годами. Однажды зимой он попросил сестру сделать ему мяч, чтобы играть с ним на берегу по чистому льду. Она приготовила один для него, но предупредила, чтобы он не заходил слишком далеко. — Он ушел в приподнятом настроении, бросая мяч перед собой и бегая за ним на полной скорости; и он летел так же быстро, как и его мяч. Наконец его мяч улетел на большое расстояние: он последовал за ним так быстро, как только мог. Пробежав некоторое время, он увидел четыре

темных предмета на льду прямо перед собой. Когда он подошел к этому месту, то с удивлением увидел четырех крупных мужчин, лежащих на льду и насаживающих рыбу на копыя. Когда он подошел к ним, ближайший поднял глаза и, в свою очередь, был удивлен, увидев такое миниатюрное существо, и, повернувшись к своим братьям, сказал: "Тиа! смотри! посмотрите, что за малыш здесь". После того, как все они посмотрели немного, они вернулись на свои места, прикрыв головы, намереваясь найти рыбу. Мальчик подумал про себя: "Они считают меня слишком незначительным для обычной вежливости, потому что они высокие и рослые; несмотря ни на что, я научу их, что со мной нельзя обращаться так легкомысленно". После того, как они были накрыты, мальчик увидел, что рядом с каждым из них лежит по большой форели. Он хитро схватил того, кто был к нему ближе всех, засунул пальцы за жабры и, подбросив мяч перед собой, убежал со всех ног. Когда человек, которому принадлежала рыба, поднял глаза, он увидел, что его форель ускользает как бы сама по себе, с огромной скоростью — мальчик был таким маленьким, что его нельзя было отличить от рыбы. Он обратился к своим братьям и сказал: "Посмотрите, как этот крошечный мальчик украл мою рыбу; какой позор, что он это сделал". Мальчик вернулся домой и сказал своей сестре сходить за рыбой, которую он принес домой. Она воскликнула: "Где ты могла ее достать? Надеюсь, вы его не украли." "О нет, - ответил он, - я нашел его на льду". "Как, - настаивала сестра, - ты могла достать это там?" — "Неважно, - сказал мальчик, - иди и приготовь это". Он побоялся снова отвечать ей, но подумал, что однажды покажет ей, как его ценить. Она пошла туда, где он ее оставил, и там действительно нашла чудовищных размеров форель. Она сделала, как ей было велено, и приготовила ее для дневного употребления. На следующее утро он снова ушел, как и в первый раз. Когда он подошел к крупным мужчинам, которые ловили рыбу каждый день, он бросил свой мяч с такой силой, что тот закатился в прорубь человека, у которого он украл накануне. Когда он случайно поднялся в этот момент, мальчик сказал: "Ниджи, пожалуйста, передай мне мой мяч". "Конечно, нет, - ответил мужчина, - я не буду", - и засунул мяч под лед. Мальчик схватил его за руку и в одно мгновение сломал ее надвое, отшвырнул в сторону, подобрал свой мяч, который выпрыгнул из-под льда, и, как обычно, бросил его перед собой. Обогнав его по скорости, он добрался домой и оставался там до следующего утра. Человек, которому он сломал руку, криками позвал своих братьев, рассказал им о своем деле и оплакал свою судьбу. Они поспешили к своему брату и так громко, как только могли, ревели, угрожая мстью завтра, зная, что при такой скорости мальчика им не догнать его и он почти скрылся из виду; однако он слышал их угрозы и ждал их прихода с совершенным безразличием. На следующее утро четверо братьев приготовились отомстить. Их старая мать умоляла их не уезжать — "Лучше, - сказала она, - чтобы пострадал только один, чем чтобы погибли все; потому что он должен быть монедо, иначе он не смог бы совершать такие подвиги". Но ее сыновья не захотели слушать; и, взяв с собой своего раненого брата, отправились к вигваму мальчика, узнав, что он живет в месте скал. Сестре мальчика показалось, что она слышит шум приближающихся снегоступов по покрытому коркой снегу. Она увидела крупных, рослых мужчин, идущих прямо к их хижине, или, скорее, пещере, потому что они жили в большой скале. Она вбежала туда в большом страхе и рассказала об этом своему брату. Он сказал: "Почему ты обращаешь на них внимание? дай мне чего-нибудь поесть". "Как ты можешь думать о еде в такое время, — ответила она, - Делай, как я прошу, и побыстрее". Затем она подала ему его блюдо, представлявшее собой большую *ракушку* неправильной формы, и он приступил к еде. Как раз в этот момент мужчины подошли к двери и собирались приподнять поставленную там занавеску, когда мальчик-мужчина перевернул свое блюдо вверх дном, и дверь тотчас же была закрыта камнем; мужчины изо всех сил пытались своими дубинками взломать ее; наконец им удалось слегка приоткрыть. Когда один из них

заглянул внутрь одним глазом, мальчик-мужчина пустил стрелу ему в глаз и мозг, и он упал замертво. Остальные, не зная, что случилось с их братом, сделали то же самое, и все пали подобным образом; их любопытство было так велико, чтобы увидеть, что из себя представляет мальчик. Итак, всех их постигла одна и та же участь. После того, как они были убиты, мальчик-мужчина сказал своей сестре выйти и посмотреть на них. Она открыла дверь, но испугалась, что они живы, и поспешно вернулась обратно, и рассказала о своих страхах брату. Он вышел и разрубил их на мелкие кусочки, сказав: "Отныне пусть никто не будет больше, чем вы сейчас". Так люди стали нынешнего размера. Когда наступила весна, мальчик-мужчина сказал своей сестре: "Сделай мне новый набор стрел и лук". Она повиновалась, поскольку он сам никогда не делал ничего такого, что требовало ручного труда, хотя и обеспечивал их пропитание. Сделав их, она снова предупредила его, чтобы он не стрелял в озеро; но, несмотря на все предостережения, он нарочно выпустил свою стрелу в озеро и прошел некоторое расстояние вброд, пока не оказался в глубокой воде, и принялся плавать в поисках своей стрелы, чтобы привлечь внимание своей сестры. Она поспешила к берегу, зовя его вернуться, но вместо того, чтобы позаботиться о ней, он крикнул: "Ма-мис-куон-дже-гун-а, бе-нау-ва-кон-чжэ-шин", то есть: *"ты из красных плавников, приди и проглоти меня"*. Тотчас же эта чудовищная рыба подплыла и проглотила его; и, увидев свою сестру, стоящую на берегу в отчаянии, он крикнул ей: "Ме-зуш-ке-зин-анс". Ей стало интересно, что он имеет в виду. Но, поразмыслив, она решила, что это, должно быть, старый мокезин. Соответственно, она привязала старый мокезин к веревке и прикрепила к дереву. Рыба спросила мальчика-мужчину под водой: "Что это там плавает?" мальчик-мужчина сказал рыбе: "Иди, возьми ее и проглоти так быстро, как сможешь". Рыба метнулась к старому ботинку и проглотила его. Мальчик-мужчина рассмеялся про себя, но ничего не сказал, пока рыба не была изрядно поймана; тогда он взялся за леску и начал подтягиваться вместе с рыбой к берегу. Сестра, наблюдавшая за происходящим, была удивлена, увидев такую большую рыбу; и вытащив ее на берег, она взяла свой нож и начала разрезать ее. Когда она услышала голос своего брата внутри рыбы, говорящий: "Поторопись и освободи меня из этого мерзкого места", его сестра так спешила, что чуть не ударила его ножом по голове; но ей удалось проделать отверстие, достаточно большое, чтобы ее брат смог выбраться. Выбравшись из сил, он велел сестре нарезать рыбу и высушить ее, так как ее надолго хватит им на пропитание, и сказал ей, чтобы она никогда, никогда больше ни в чем не сомневалась в его способностях. Так заканчивается история.

АЙНГОДОН И НАЙВАДАХА.

ИСТОРИЯ СЕМЬИ НАДОВА, ИЛИ ЛЮДЕЙ ШЕСТИ НАЦИЙ ТОРОНТО, СОСТОЯЩЕЙ ИЗ ШЕСТИ БРАТЬЕВ, ИХ МЛАДШЕЙ СЕСТРЫ И ДВУХ ТЕТУШЕК. ИХ ОТЕЦ И МАТЬ УМЕРЛИ, И ОНИ ОСТАЛИСЬ СИРОТАМИ, ОДНАКО ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ БЫЛО ИЗ ПЕРВОГО КЛАССА ВОЖДЕЙ В ИХ СТРАНЕ.

ПЕРЕДАНО ИЗ УСТНОГО СООБЩЕНИЯ НАБАНОИ МИСТЕРОМ ДЖОРДЖЕМ ДЖОНСТОНОМ.

Во времена, описанные в этой истории, войны, убийства и жестокость существовали в стране, которая сейчас включает провинцию Верхняя Канада, или ту часть, которая граничит с озерами Симко, Эри и Онтарио, на которую претендовало могущественное племя восьми народов

Наутоуэев и которая принадлежала ему. Однажды молодые люди отправились на охоту: вечером вернулись только пятеро братьев, один пропал без вести. При обыске было найдено тело, и оказалось очевидным, что он был убит: это нанесло большой удар по семье, но особенно сильно огорчило сестру, которая была младшей в семье. Она оплакивала смерть своего брата и плакала не переставая.

В следующем году был убит еще один, и так далее, пока не погибло четверо. Оставшиеся два брата делали все, что могли, чтобы утешить свою тоскующую сестру, но она не желала утешаться: они делали все возможное, чтобы отвлечь ее от столь сильного горя, но все их усилия оказались безрезультатными: она почти ничего не ела, а того, что она съедала, едва ли было достаточно для поддержания природы. Два брата сказали, что пойдут на охоту, что они и делали изо дня в день. Они приносили своей сестре уток и птиц всех видов, чтобы возбудить у нее аппетит, но она упорно отказывалась от еды или ела очень мало. По истечении года, когда был убит четвертый брат, двое молодых людей отправились в погоню; один из них вернулся вечером, другой пропал без вести и был найден убитым таким же образом, как и остальные. Это снова усилило страдания молодой девушки; она была очень хрупкой, но теперь превратилась в скелет. По истечении года единственный и последний из ее братьев, сжалившись над своей тоскующей сестрой, сказал ей, что пойдет и зарежет ей свежей оленины, чтобы побудить ее поесть. Он отправлялся в путь ранним утром, и его сестра в течение дня время от времени выходила посмотреть, не возвращается ли ее брат. Наступила ночь, и никаких признаков его прихода — она не спала всю ночь, демонстрируя страх и дурные предчувствия, граничащие с отчаянием — появился дневной свет, а он не пришел — были проведены поиски, и в конце концов его нашли убитым, как и всех остальных братьев. После этого события девочка впала в совершенное уныние, почти не ела и целый день бродила по лесу, возвращаясь по ночам. В то время о ней заботилась одна из ее тетюшек. Однажды во время одной из своих прогулок она не вернулась; ее тетя очень встревожилась и стала искать ее, продолжая поиски каждый день. На десятый день тетя в своих поисках сбилась с пути, пришла в замешательство и, наконец, оказалась во мраке. Лежа, измученная усталостью, она подумала, что слышит чей-то голос; она встала и, направившись к тому месту, наткнулась на маленькую хижину, сложенную из кустов, а в ней лицом к земле лежала ее племянница. Она уговорила ее вернуться домой. Не доходя до их домика, девочка остановилась, и ее тетя построила для нее небольшой домик, в котором она и жила. Здесь ее тетя ухаживала за ней ежедневно.

Однажды, когда она лежала одна в своей маленькой хижине, ей явился человек с небес: на нем была необычайно чистая белая одежда; он не касался земли, но оставался на некотором расстоянии от нее. Он заговорил с ней мягким тоном и сказал: "Дочь, почему ты остаешься здесь в трауре?" Я пришел утешить вас, и вы должны подняться, и я отдам вам всю землю и передам в ваши руки людей, которые убили ваших братьев. Все живое и сотворенное принадлежит мне, я даю и забираю. Итак, встань, убей и съешь мою собаку, которая лежит здесь. Ты отправишься в свою деревню и сначала расскажешь своим родственникам и народу об этом видении, и ты должен действовать в соответствии с моим словом и разумом, которые я тебе дам, а твоих врагов я предаю в твои руки. Я снова буду с тобой.

После этого он вознесся ввысь. Когда девушка посмотрела туда, куда указывало небесное существо, она увидела медведя. Она встала, пошла домой и рассказала своим родственникам о видении, которое она видела, и попросила, чтобы люди собрались, чтобы принять участие в ее празднике. Она направила своих родственников к тому месту, где должен был быть найден

медведь; его убили и принесли в деревню, и опалили на костре, и был устроен пир, и природа видения была объяснена. Немедленно были начаты приготовления, к каждому племени шести народов были отправлены гонцы и им было передано приглашение прибыть в определенный день в деревню Торонто. Также были разосланы гонцы по всему северному побережью озера Гурон в Бавитинг, приглашая индейцев заключить союз и сражаться против врагов молодой девушки, потерявшей стольких братьев.

Среди племени надова жили два вождя, братья-близнецы. Они также были надова из племени Медведей, совершенными дьяволами по характеру, жестокими и деспотичными. Они стояли во главе двух народов надова, правили вместе, держа другие народы в великом страхе и благоговении и поработав их; особенно индейцев с тотемом Оленя, которые проживали в одной части их большой деревни. Индейцев, связанных с чиппева, также держали в рабстве два тирана, которых звали *Айнгодон* и *Найвадаха*. Когда чиппева приняли посланцев молодой девушки, им сказали, что они должны спасти своих родственников и тайно сообщить им о своем намерении и о великом бедствии, которое постигнет деревни и поселки Айнгодона и Найвадахи. Поэтому многие сбежали; но один остался со своей семьей, сославшись на то, что не подчинился призыву, поскольку у него было припасено большое количество кукурузы и что он должен позаботиться о своем урожае. Индейцы по всему северному берегу озера Гурон и Бауитинга сели на корабли, чтобы присоединиться к общему делу; они прошли через озера и достигли Торонто поздней осенью. В начале зимы собравшиеся союзники выступили маршем во главе с молодой девушкой. Она прошла через озеро Симко, и шеренга покрыла все озеро, лед треснул, когда они прошли по нему. Они разбили лагерь у истоков озера. Тут молодая девушка достала украшенный мешочек, повесила его и сказала собравшимся, что приготовит *чингодам*; и после этого она послала охотников, приказав им добыть восемнадцать медведей, и прежде чем солнце поднялось высоко, все медведи были принесены, их опалили и устроили жертвоприношение. В этом месте человек свыше явился девушке в присутствии собравшейся толпы, и он протянул свою руку и пожал ее только ей одной. Здесь Он приказал ей послать тайных гонцов в страну, чтобы предупредить индейцев, у которых был тотем оленя, чтобы они вывесили свои тотемы на шестах перед дверью своих вигвамов, чтобы их можно было узнать и спасти от приближающегося уничтожения; и им было приказано не выходить из своих вигвамов, ни мужчинам, ни женщинам, ни детям; если они это сделают, то наверняка будут поглощены и уничтожены; и человек наверху сказал: "Не приближайтесь к открытой равнине до восхода солнца, тогда вы увидите, как гибель постигнет ваших врагов, и они будут переданы в ваши руки".

К Тотемам Оленей были отправлены гонцы, и они вошли в город ночью и передали им свое послание. После этого все индейцы, носившие этот знак, были проинформированы о приближающемся бедствии, и они немедленно начали приготовления, расставив шесты перед дверями своих вигвамов и прикрепив к шестам оленьи шкуры в качестве знаков спасения от мести, которая должна была обрушиться на Айнгодона и Навадаху и их племена. На следующее утро при свете дня айнгодоны и навадахи встали и, увидев шесты и оленьи шкуры, развешанные перед дверями вигвамов, с насмешкой сказали, что их друзьям, Тотемам Оленей, снились или, должно быть, снились дурные сны, раз они водрузили свои тотемы на шесты. Индейцы с тотемами оленей оставались тихими и безмолвными и не осмеливались выходить из своих жилищ. Молодая девушка была со своим войском у опушки леса, граничащего с равниной; и как только взошло солнце, она выступила в поход, и когда она и ее союзные войска приблизились к деревне тиранов-близнецов, она превратилась в пламя пожара, уничтожившее

всех ее жителей. Тотемы оленя сбежали. Айнгодон и Навадаха не были съедены. Союзные индейцы натянули свои луки и выпустили в них стрелы, но они отскочили, и нанесенные им удары были бесполезны, пока не подошла молодая девушка, не усмирила их, не взяла живыми и не сделала пленниками.

Все города и деревни Айнгодона и Навадахи были разрушены таким же образом; и земля перешла во владение молодой девушки и шести оставшихся племен надова. После того, как этот сигнал о мести был дан, молодая девушка вернулась со своим войском и снова разбила лагерь у истоков озера Симко, на своем прежнем месте стоянки; и двух тиранов спросили, с какой целью они изготовили чингодам и какой вес он мог иметь? В ответ они сказали, что их орудиями для войны являются боевые топоры, и если им будет позволено, они сделают чингодам, и, сделав это, они убили каждого по два человека. Они были немедленно связаны, и их плоть была срезана с тел ломтиками. Один из них был вскрыт, и при осмотре обнаружилось, что у него не было печени, а сердце было маленьким и состояло из твердого кремня. На перпендикулярном выступе скал в нэрроузе, или верховье озера Симко, по сей день видны следы, изображающие двух связанных людей, в которых индейцы нынешнего поколения признают двух тиранов, или братьев-близнецов, Айнгодона и Навадаху. Одного из тиранов держали связанным до тех пор, пока французы не обнаружили Канаду и не овладели ею, и он не был доставлен в Квебек. После этого юную девушку забрал бог света.

ГЕО. ДЖОНСТОН.

Су-Сент-Мари. 12 мая 1838 года.

Индейские воины, живущие на равнинах к западу от истоков Миссисипи, перед вступлением в бой жуют горький корень, который, по их мнению, придает храбрость и делает их нечувствительными к боли. Это называется жиговак.

ЗАРИСОВКИ ИЗ ЖИЗНИ ИЗВЕСТНЫХ КРАСНОКОЖИХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН, ПОЯВИВШИХСЯ НА ЗАПАДНОМ КОНТИНЕНТЕ.

ВАБОДЖИГ, ИЛИ БЕЛЫЙ РЫБАК.

Этот человек навсегда вплел свое имя в историю народа чиппева во второй половине 18 века. Его предки с незапамятных времен занимали главный пост вождя на озере Верхнее. Его отец, Ма-монгазида, был правящим вождем во время войны за завоевание Канады британской короной. Как и его племя и северные народы в целом, он был близким другом французского правительства и присутствовал со своими воинами под командованием генерала. Монкальм

участвовал в потере Квебека в 1759 году. Он передал короткую речь этого прославленного офицера своему народу на севере, которая, как говорят, была произнесена устно незадолго до того, как он отправился на поле боя.

Период падения французской власти на канадских островах - одно из самых заметных событий в памяти индейцев по всей северо-западной Америке. Они называют дни французского господства своего рода золотой эпохой, когда все в их делах было лучше, чем сейчас; и я слышал, как они сетовали на перемены, которые во всех отношениях нанесли ущерб их могуществу и счастью. Ни одна европейская нация, как видно из этих аллюзий, никогда не нравилась им так сильно. Французский характер и манеры превосходно приспособились к существующим обычаям лесной жизни. Простые люди, отправившиеся в глубь страны торговать, усвоили их обычаи с такой пластичностью, веселостью и полным согласием, которых не проявлял ни один другой иностранец, по крайней мере в такой же степени. Этим *Курьерам дю Буа* самим было нечем похвастаться в плане строгой морали. У них было почти столько же суеверий, сколько у самых диких индейцев. Фактически, по крайней мере, девять десятых из них были такими же неграмотными. Очень многие из них значительно уступали по своему умственному развитию и способностям смелым, красноречивым, хорошо сложенным и атлетически сложенным северным вождям и охотникам. Они уважали свои религиозные и праздничные церемонии. Как однажды сказал мне один вождь, они никогда не *смеялись* над ними. Своих старых друзей, ежегодно возвращавшихся из Монреаля, они встречали поцелуем. Они брали дочерей краснокожих в жены и растили большие семьи, которые, таким образом, образовывали крепкие узы союза между двумя расами, которые остаются нерушимыми и по сей день.

В этом истинный секрет напряженных усилий, прилагаемых северными и западными индейцами для поддержания могущества Франции, когда ей в войне 1744 года угрожали флоты и армии Великобритании. Они свободно пришли им на помощь в Детройте, Венсенне, нынешних Питтсбурге и Эри, в форте Ниагара, Монреале и Квебеке, и они с бешеным рвением бродили по окраинам северных и западных поселений во время многочисленных и кровопролитных войн, которые вели между собой англичане и французы. И когда французы были разбиты, они все еще были верны своему делу, и их вожди побуждали французских местных командиров продолжать и возобновлять борьбу даже после падения Ниагары и Квебека с героической последовательностью в достижении цели, что делает честь их дальновидности, храбрости и постоянству. Мы надеемся в будущем номере представить очерк человека, который поставил себя во главе этого последнего усилия, который объявил, что сбросит саксонскую расу в море, который осадил *двенадцать* и взял *девять* западных укреплений, окруженных частоколом, и который в течение четырех лет и более поддерживал войну после того, как французы спустили свои знамена и уступили страну. Мы имеем в виду великого алгического лидера Понтиака.

В настоящее время наше внимание привлечено к современному вождю, безусловно, обладавшему равной личной храбростью и поведением, но который жил и осуществлял свою власть в более отдаленном месте и не имел в своем распоряжении таких же сил и средств. Эта точка, так долго скрывавшаяся в бескрайних лесах севера и которая, действительно, лишь недавно была обнаружена в нашей позитивной географии, является районом озера Верхнее. Именно здесь мы обнаруживаем, что индийская традиция изобилует именем Вабоджига, его войнами и его современниками. Одним из прямых последствий столь отдаленного положения

было то, что оно еще больше отвлекло его внимание от реальных конфликтов между французами и англичанами и сосредоточило их на его западных и южных границах, которым угрожали многочисленные банды дакотов и вероломные родственники его народа, утагами и соу. Он также вступил в активную жизнь как выдающийся военный лидер как раз в ту эпоху, когда Канада попала под британскую власть, и, ревностно участвуя в защите границ своей страны на западе, он дал время смягчить и скорректировать те чувства и привязанности, которые, насколько это касалось государственной политики, следует считать, сформировали индийское сознание в соответствии с британской властью. Вабоджиг был решительным защитником владений чиппева от попыток других ветвей Красной расы. Поэтому он не повел свой народ сражаться, как его отец Ма-монгазида и почти все великие индийские военачальники, чтобы дать возможность одному типу чужеземной расы одержать победу над другим, но собрал свои отряды и повел их вперед, чтобы сохранить свое племенное превосходство. Таким образом, можно предположить, что у него была более патриотическая цель для его достижения.

Озеро Верхнее во времена нашего первого знакомства с этим регионом, как и по сей день, было занято расой чиппева. Главное местопребывание их власти, по-видимому, находилось недалеко от юго-западной оконечности озера, в Чагоимегоне, куда отцы Маркетт и Аллоез нашли свой путь и основали миссию еще в 1668 году. Другое их главное и, вероятно, более *древнее* пристанище находилось у больших порогов на выходе из этого озера, которое они называли Суде-Сент. Мари. Надеясь на свое пребывание здесь, они называли это племя *Saulteur*, то есть люди прыжка или стремительности.

Индийская традиция делает чиппева одним из главных, безусловно, наиболее *многочисленных и широко распространенных*, представителей собственно алгонкинского племени. Это означает, что они мигрировали с востока на запад. Достигнув окрестностей Мичилимакина, они разделились в сравнительно умеренную эпоху на три племени, называвших себя соответственно оджибва, одава и подав-думеи. Как их называли до нашей эры, неизвестно. Очевидно, что термин оджибва не очень древний, поскольку он не встречается у самых ранних авторов. Вероятно, они принадлежали к ниперцинскому или истинно алгонкинскому племени и прошли по реке Утавас из долины Святого Лаврентия в озеро Гурон. Сам термин явно происходит от *Bwa*, "голос"; и его приставка в *Odji*, вероятно, была предназначена для обозначения особой интонации, для обозначения которой *собраны* мышцы.

Каковы бы ни были факты об их происхождении, они прошли по проливу Святой Марии к озеру Верхнее, оба берега которого и далеко за его пределами они занимали в эпоху открытия Франции. Очевидно, что их курс в этом направлении должен был быть агрессивным. Они продвигались на запад и северо-запад. Племя, известное как Кенистенос, прошло через Лесное озеро, через великое озеро Нипесинг и дошло до верховьев Саскачевина и волока Миссинипи в Гудзоновом заливе. Военственный отряд Лич-лейк, называемый мукундвас, распространился по всем истокам Миссисипи и расширил свои охотничьи вылазки на запад до Ред-Ривер, где они вступили в контакт с ассинобойнами, или Каменными сиу. Центральная власть в ту эпоху все еще оставалась в Чагоимегоне, на острове Супериор, где, как утверждает сила ранней традиции, действительно сохранялось нечто вроде структуры как гражданского, так и церковного государственного устройства.

В преданиях, переданных мне чиппева, говорится, что утагами, или лисы, предшествовали им в той особой части страны, которая в общем простирается от истоков реки Фокс в Грин-Бей к водопадам Святого Антония, доходя в некоторых местах почти до границ озера Верхнее. Помнят, что они населяли внутренние озера дикого риса, которые лежат у истоков рек Висконсин, Отонагон, Чиппева и Сент-Круа. Они были связаны с саусами, которые поднялись по Миссисипи на некоторое расстояние выше водопада Святого Антония, где жили в дружеских отношениях с дакотами или сиу. Эта дружба распространялась и на утагами, и это было средством сохранения хорошего взаимопонимания между дакотами и чиппева.

Племя лисиц тесно связано с чиппева. Они называют друг друга братьями. Они имеют одинаковое общее происхождение и говорят на одном общем языке, главное различие в звучании которого заключается в том, что лисы используют букву l, тогда как оджибва используют букву n. Конкретная причина их разногласий неизвестна. Чиппева говорят, что они были неверны и вероломны. Индивидуальные ссоры и посягательства на их охотничьи угодья привели к убийствам и, в конце концов, к войне, в которой меномони и французы объединились, и таким образом они были изгнаны с райс-лейкс, а также из Фокса и верхнего Висконсина. Чтобы сохранить свое положение, они заключили союз с сиу и сражались на их стороне.

Именно в этом состязании Вабоджиг впервые отличился, своей храбростью и решительностью подтвердил былую репутацию своей семьи и заново заложил основы своего северного вожества. Услышав упоминания об этом человеке при моем первом посещении тех краев много лет назад, я навел особые справки и обнаружил живущую сестру, пожилую седовласую женщину, а также сына и дочь примерно среднего возраста. Из этих источников я почерпнул следующие факты. Он родился, насколько я мог подсчитать время, примерно в 1747 году. По странному и романтическому случаю, его отец, Ма-монгазида, был сводным братом отца Вабашоу, знаменитого вождя племени сиу, который всего несколько лет назад умер в своей деревне в верховьях Миссисипи. Связь произошла таким образом.

В то время как сиу и чиппева жили в дружбе друг с другом и часто встречались и угощали друг друга на своих охотничьих угодьях и в своих деревнях, выдающийся вождь сиу восхищался девушкой из племени чиппева и женился на ней, от которой у него родилось двое сыновей. Когда разразилась война между этими двумя народами, те представители враждебных племен, которые взяли в жены чиппева и жили в стране Чиппева, ушли, некоторые забрали своих жен с собой, а другие расстались с ними. Среди последних был вождь племени сиу. Он оставался там еще некоторое время после начала военных действий, но, поняв, что этого требует его положение, был вынужден с большой неохотой оставить свою жену, поскольку она не могла безопасно сопровождать его на территории сиу. Поскольку в жилах двух ее сыновей текла кровь сиу, для нее также не было безопасно оставлять их среди чиппева. Однако им, по обоюдному согласию, разрешили вернуться вместе с отцом. Старший из этих сыновей стал отцом Уобашоу.

Мать, таким образом, разведенная по обоюдному согласию всех сторон, некоторое время оставалась безутешной. Она была все еще молода и красива и через несколько лет стала женой молодого вождя племени чиппева из Чагоимегона, почитаемого тотема Аддика, или северного оленя. Ее первым ребенком от этого второго брака был Ма Монгазида, отец Вабоджига. Таким образом, существовала связь между двумя семьями отдельных враждебных наций, каждая из которых отличалась храбростью и искусством в войне и совете. Уже говорилось, что Ма Монгазида присутствовал на стороне французов в великой битве, в которой пали и Монкальм, и

Вольф, и он продолжал исполнять обязанности вождя до своей смерти, когда ему наследовал его второй сын.

Одним из последствий враждебности индейцев к английскому правлению стало то, что многие отдаленные племена на какое-то время остались без торговцев, которые могли бы удовлетворить их потребности. Традиция утверждает, что так было с Чагоимегоном, который на два года после захвата олд-Макино остался без торговца. Чтобы возразить против этого, Ма Монгазида посетил сэра Уильяма Джонсона, генерального суперинтенданта по делам индии, который был хорошо принят и подарил ему широкий пояс вампум и горжет. Этот акт заложил основу прочного мира между чиппева и англичанами. Добавляется, что пояс был из синего вампума с белыми фигурками. И когда Вабоджиг пришел к власти вождя, он забрал оттуда вампумов, нанятых им для сбора своих боевых отрядов.

Проводя традиционные исследования, я обнаружил, что индийские рассказчики старались сохранять и отмечать любой факт из ранних жизней своих выдающихся людей, который, по-видимому, предвещал их будущее возвышение или носил какой-либо чудесный или предвещающий характер. Следующий инцидент подобного рода был замечен в отношении этого начальника. Ма Монгазида обычно отправлялся на осеннюю охоту в срединные земли, на территорию сиу, беря с собой всех своих ближайших родственников, которых обычно насчитывалось двадцать человек, не считая детей. Однажды рано утром, когда молодые люди готовились к погоне, они были напуганы звуком нескольких выстрелов, направленных в сторону сторожки. Поскольку они считали себя в безопасности, первым чувством было удивление, и едва они успели схватиться за оружие, как раздался еще один залп, ранивший одного человека в бедро и убивший собаку. Ма Монгазида немедленно сделал вылазку со своими молодыми людьми и, громко произнеся свое имя на языке сиу, спросил, были ли среди нападавших Вабаша или его брат. Стрельба мгновенно прекратилась — последовала пауза, когда высокая фигура в военной форме, с обилием перьев на голове, выступила вперед и протянула руку. Это был старший Вабаша, его сводный брат. Сиумирно последовали за своим вождем в хижину, по которой они за мгновение до этого стреляли. В тот момент, когда вождь сиу вошел, ему пришлось немного пригнуться, проходя мимо двери. Когда он наклонился, он получил удар боевой дубинкой, которой владел маленький мальчик, который специально встал там для этой цели. Это был молодой Вабоджиг. Вабаша, довольный этим ранним проявлением храбрости, взял маленького мальчика на руки, приласкал его и объявил, что он станет храбрым человеком и окажется заклятым врагом сиу.

Пограничная война, в которой постоянно участвовал отец маленького воина, рано приобщила его к искусствам и церемониям, связанным с войной. С присущим молодежи живым интересом и любовью к новизне он слушал их военные песни и рассказы о войне и мечтал о том времени, когда он станет достаточно взрослым, чтобы присоединиться к этим отрядам, а также сделать себе имя среди воинов. Будучи совсем юным, он вызвался пойти с компанией и вскоре привел убедительные доказательства своего мужества. Он также рано научился искусству охоты на оленя, медведя, лося и всех более мелких животных, распространенных в этой стране; и в этих занятиях он брал обычные уроки индийских юношей воздержания, страданий, опасности и стойкости к переутомлению. Таким образом, его нервы были натянуты и подготовлены к деятельности, а разум усвоил те уроки осторожности, которые являются результатом местного опыта в лесу. Он обладал высоким и властным лицом, с черными пронзительными глазами и обычными чертами лица своих соотечественников. У него был чистый и полновзвучный голос, и

он говорил на своем родном языке с изяществом и беглостью. К этим достоинствам он рано приобрел репутацию храбреца и искусного охотника, и в возрасте двадцати двух лет он уже был военачальником.

Походы одного индейского племени против другого требуют предельной осторожности, мастерства и секретности. Есть сотни способов сообщить информацию такой стороне или повлиять на ее действия, которые неизвестны цивилизованным нациям. Сломанная ветка, малейший отпечаток ноги и другие подобные обстоятельства определяют остановку, отступление или наступление. Самое пристальное внимание также уделяется небесным знамениям, полету птиц и, прежде всего, снам и предсказаниям джоссакида, священника или пророка, который сопровождает их и которому доверен священный мешок. Теория, по которой проводятся все эти вечеринки, заключается в секретности и военной хитрости: подкрасться к врагу врасплох; устроить засаду или приманку; убивать и, насколько это возможно, избегать опасности быть убитым. Глубокое географическое знание страны также требуется успешному военачальнику, и такой человек гордится тем, что знает не только каждый видный ручей, холм, долину, лес или скалу, но и конкретные виды, животных и растительность на месте боевых действий. Если учесть, что такого рода знаниями, проницательностью обладают обе стороны, и что воюющие нации следят друг за другом, как рысь за своей добычей, то можно предположить, что многие из этих пограничных боевых действий представляют собой либо легкие стычки, внезапные наскоки, либо полные неудачи. Редко бывает, чтобы велась близкая, хорошо оспариваемая, долго продолжающаяся тяжелая битва. Убить несколько человек, в спешке сорвать с них скальпы и отступить с этими трофеями - их храбрость и честь, которыми они могут похвастаться во время своих триумфальных танцев и воинственных празднеств.

Чтобы узнать подробности этих перемещений, следовало бы ознакомиться с современной историей племени; это побудило меня направить свои расспросы на этот предмет; но по прошествии даже сорока или пятидесяти лет традиция стерла большинство этих подробностей и часто оставляла в памяти только результаты. Чиппева рассказали мне, что этот вождь семь раз водил их в успешные сражения против сиу и утагами и что он был трижды ранен — один раз в бедро, один раз в правое плечо и третий раз в бок и грудь, поскольку стрелял скользящим выстрелом. Его боевые отряды состояли либо из добровольцев, которые присоединились к его штандарту на танцах войны, либо из вспомогательных войск, которые приняли его послания о вампуме и табаке и всем скопом выступили к назначенному месту встречи. Эти отряды сильно различались по численности; его первый отряд состоял всего из сорока человек, его самый большой и прославленный - из трехсот, которые были собраны из деревень на берегах озера, вплоть до водопада Святой Марии.

Именно событиям этой последней экспедиции, оказавшим важное влияние на ход войны, мы можем посвятить несколько минут. Местом встречи был *Ла-Пуэнт* Чагомьегон, или, как его называют в наши дни, Ла-Пуэнт озера Верхнее. Ареной конфликта, который был долгим и кровопролитным, стал водопад Сент-Круа. Эти два места удалены друг от друга примерно на двести пятьдесят миль по самому прямому маршруту. Этот район охватывает территорию вершины между озером Верхнее и верховьями Миссисипи. Ручьи, текущие в обе стороны, сливаются, что позволяет туземцам подниматься по ним на своих легких каноэ и, перевалив последние через волоки, спускаться на противоположную сторону. По этому случаю Вабоджиг и его партизанская армия поднялись по Мускиго, или реке Мове, к перевалу, соединяющему ее с Намакагонским ответвлением Сент-Круа. Перевалив через вершину, они сели в свои

маленькие и легкие боевые каноэ и начали спуск на запад. Этот участок маршрута был пройден с максимальной осторожностью. Теперь они быстро приближались к границам противника, и к каждому знаку относились с глубоким вниманием. Прошло семь дней с того момента, как они впервые достигли вод Сент-Круа, пока они не обнаружили врага. Каждый день они проходили небольшое расстояние и разбивали лагерь. Вечером седьмого дня разведчики обнаружили большой отряд сиу и утагами, разбивший лагерь на нижней стороне перевала Грейт-Фоллс на реке Сент-Круа. Это открытие стало неожиданностью для обеих сторон. Наступающие чиппева высадились на верхнем конце волока, намереваясь разбить там лагерь. Сиу и их союзники только что опередили их из нижней части ручья с той же целью. Лисы или утагами немедленно открыли огонь, и завязалась битва. Это действительно место, из которого отступление в любом направлении практически невозможно перед лицом врага. Это всего лишь перешеек в скалистом выступе. Река прокладывает проход через этот темный и прочный барьер. Река одинаково быстра и опасна для каноэ как вверху, так и внизу. Ее нельзя пересечь напрямую. После начала стрельбы Вабоджиг приземлился и вывел своих людей. Он приказал части из них укрыться в лесу вокруг небольшого перешейка, или полуострова, волока, откуда только и было возможно спастись бегством. Обе стороны сражались храбро; лисы - с отчаянием. Но они были в меньшинстве, подавлены и побеждены. Некоторые пытались спуститься по порогам и погибли. Спаслись лишь немногие. Но чиппева дорого заплатили за свою победу. Вабоджиг был легко ранен в грудь: его брат был убит. Пало много храбрых воинов. Это была самая кровавая сцена. Традиция этого сражения является одним из самых выдающихся и широко распространенных событий в их современной истории. Я беседовал не с одним вождем, который еще в юности приурочил свои первые воинские почести к этой сцене. Это положило конец их вражде с лисами, которые покинули промежуточные рисовые озера и бежали вниз по реке Висконсин. Это подняло имя вождя чиппева на вершину его известности среди своего народа, но Вабоджиг, столь же гуманный, сколь и храбрый, скорбел о потере своего народа, павшего в бою. Это чувство было выражено трогательно и характерно в военной песне, которую он исполнил после этой победы и которая была сохранена покойным мистером Джонстоном из Сент-Мэри в следующих строфах.

В тот день, когда наши герои залегли на дно — залегли на дно,
В тот день, когда наши герои залегли на дно,
я сражался рядом с ними и думал перед смертью,
чтобы отомстить врагу,
чтобы отомстить врагу.

В тот день, когда наши вожди лежали мертвыми — лежали мертвыми,
В тот день, когда наши вожди лежали мертвыми,
я сражался врукопашную во главе своего отряда,
И здесь, на моей груди, у меня текла кровь,
И здесь, на моей груди, у меня текла кровь.

Наши вожди больше не вернутся — больше нет,
Наши вожди больше не вернутся,
Ни их боевые братья, которые могут показывать шрам за шрамом,
Как женщины, будут оплакивать их судьбу — оплакивать,

Как женщины, будут оплакивать их судьбу.

Пять зим на охоте мы проведем — мы проведем,
Пять зим на охоте мы проведем,
Пока наша юность, став мужчинами, мы снова не поведем на войну,
И наши дни, как у наших отцов, мы закончим,
И наши дни, как у наших отцов, мы закончим.

У этих племен есть обычай отправляться на войну весной и летом, которые для них не только сравнительно свободные периоды, но и именно в это время года они скрыты и защищены лесной листвой и могут незаметно подойти к врагу. В эти ежегодные дни возвращения тепла и растительности они также участвуют в празднествах и танцах, во время которых поются и декламируются события и подвиги прошлых лет; и пока они черпают новую храбрость и стимул к новым усилиям, молодежь, которая является слушателями, учится подражать своим отцам и получает первые уроки военного искусства. В летние месяцы ничего не делается для охоты. Мелкие пушные зверьки меняют шкуру, что не по сезону. Самка удаляется со своими детенышами с равнин и открытых территорий в густые леса. Это общий сезон размножения, и красный человек на время прерывает свою войну с животным миром, чтобы возобновить ее против человека.

С приближением осени он готовится к своей осенней охоте, удаляясь с окраин поселений и с открытых озер, берегов и ручьев, которые были сценами его летних празднеств; и после короткой подготовительной охоты направляется к местам своей зимовки. Этот цикл охоты, праздников и войн заполняет год; все племена придерживаются этих общих обычаев. Зимой военные отряды не собираются. Этот сезон посвящен исключительно добычанию средств к существованию и одежды путем добычи ценных шкур, на которые можно приобрести одежду, а также амуницию, ловушки и оружие.

Охотничьи угодья вождя, жизнь которого мы рассматриваем, простирались вдоль южного берега озера Верхнее от реки Монреаль до впадения Мисакоды, или реки Бернтвуд, в Фон-дю-Лак. Если он поднимался на одну из них, то обычно делал указанный широкий круг и выходил на другой. Он часто проникал центральным путем вверх по Маскиго. Этот регион по-прежнему изобилует медведями, лосями, бобрами, выдрами, мартышками и ондатрами, но в меньшей степени, чем раньше. Среди более мелких животных также следует отметить норку, рысь, зайца, дикобраза и куропатку, а ближе к южным и западным границам - виргинского оленя. На этой обширной территории охотились индейцы Ла-пуэнт, или чагоимегон. Охотничье правило гласит, что за каждым охотником закреплена часть местности, на которой он один может охотиться; и существуют общепринятые законы, которые решают все вопросы права и приоритета при ловле дичи. В этих вопросах вождь пользуется надлежащей властью, и, таким образом, во власти одного из этих лесных губернаторов и магистратов, где они оказываются людьми здравого смысла, рассудительности и мужественной независимости, заявить о себе и стать настоящими благодетелями для своих племен. И такие вожди производят впечатление на своих последователей и оставляют за собой репутацию, которая ценнее, чем их военные достижения.

Вабоджиг преуспел в обоих характерах; он был одинаково популярен как гражданский правитель и военный вождь; и хотя он вершил правосудие над своим народом, он был опытным охотником и должным образом обеспечивал свою семью. Обычно за сезон он добывал с помощью своих капканов и карабина четыре комплекта меховых изделий, которых было достаточно, чтобы обеспечить одеждой всех членов его семьи, а также пополнить запас боеприпасов и других предметов первой необходимости.

Однажды у него было необычное состязание с лосем. Однажды рано утром он вышел из дома, чтобы расставить ловушки для Мартина. Он поставил около сорока и возвращался к своему домику, когда неожиданно встретил на своем пути большого лося, который выказывал желание напасть на него. Будучи безоружным и не имея при себе ничего, кроме ножа и небольшого топорика, которые он взял с собой для изготовления своих ловушек, он попытался увернуться. Но животное в ярости бросилось на него. Он укрылся за деревом, меняя позицию от дерева к дереву, отступая. Наконец, убегая, он подобрал шест и, быстро развязав шнурки от мокасин, привязал к концу шеста свой нож. Затем он занял выгодную позицию за деревом и, когда лось подошел, нанес ему несколько ударов ножом в горло и грудь. Наконец, животное, обессиленное потерей крови, упало. Затем он прикончил его и отрезал ему язык, чтобы отнести домой в свой вигвам в качестве победного трофея. Когда они вернулись на место за тушей, то обнаружили, что снег широким кругом вытоптан и обильно забрызган кровью, что придавало ему вид поля битвы. Это оказался самец необычных размеров.

Редко можно получить информацию о внутренней истории местного вождя. В данном случае приведенные ниже факты могут быть с интересом рассмотрены как полученные от жителей Чагоимегона или от его потомков. Он не женился примерно до тридцати лет, а затем женился на вдове, от которой у него родился сын. Он рано приобрел известность как воин, что, возможно, и привлекло его внимание. Какие причины сделали этот союз неудовлетворительным и были ли вообще, неизвестно; но по прошествии двух лет он женился на четырнадцатилетней девочке с тотемом медведя, от которой у него была семья из шести детей. Он представлен как человек с характером и манерами ласкового и терпеливого. Он проявлял вдумчивость и усердие в управлении своими делами, а также в порядке и расположении своей семьи. Когда охотничий сезон закончился, он использовал свободные минуты для того, чтобы улучшить удобства своего домика. Его хижина была продолговатой формы, десяти саженей в длину, и сделана из двух рядов прочно вбитых в землю столбов, а стены и крыша обшиты гладкой березовой корой. В центре возвышался столб, увенчанный резной фигурой совы, которую он, вероятно, выбрал как птицу с добрым предзнаменованием, поскольку она не была ни его собственным тотемом, ни тотемом его жены. Эта фигура была расположена так, что поворачивалась вместе с ветром и соответствовала назначению флюгера.

Лично Вабоджиг был высоким, шести футов шести дюймов, с прямой осанкой, и стройного телосложения. Он обладал властным выражением лица, сочетавшимся с непринужденностью и достоинством манер. Он был готовым и беглым оратором и лично вел переговоры с народами фокс и сиу. Примерно через двадцать лет после битвы на реке Сент-Круа, установившей границу Чиппева в этом квартале, и когда его дети были еще маленькими, в его деревню приехал в качестве торговца молодой джентльмен из уважаемой семьи с севера Ирландии, у которого сложилось возвышенное представление о его характере, выправке и воинских подвигах. Этот визит и его последующее пребывание на озере зимой стали важной эпохой для вождя и связали его имя и память со многими людьми в цивилизованной жизни.

Мистер Джонстон попросил у вождя севера его младшую дочь. - Англичанин, - ответил он, - моя дочь еще молода, и ты не можешь забрать ее, как белые люди слишком часто забирали наших дочерей. У вас будет достаточно времени подумать об удовлетворении вашей просьбы, когда вы снова вернетесь на это озеро летом. Моя дочь - мое любимое дитя, и я не могу расстаться с ней, если ты не пообещаешь признать ее с помощью тех церемоний, которые используют белые люди. Ты всегда должен беречь ее и никогда не бросать. На этой основе был заключен союз, можно сказать, союз между расами эрсов и алгонкинов, и он верно соблюдался до самой его смерти, в течение тридцати семи лет.

Вабоджиг подорвал свое здоровье во время многочисленных военных походов, которые он проводил через широкую вершину, отделявшую его охотничьи угодья от долины Миссисипи. Стройное тело, прожившее жизнь в постоянных нагрузках, привело к преждевременному увяданию. Чахотка проявилась у него в сравнительно раннем возрасте, и он заболел этой коварной болезнью через несколько лет, в раннем возрасте около сорока пяти лет. Он умер в 1793 году в своей родной деревне Чагоимегон.

Упомянутый инцидент не преминул познакомить лесного вождя с главной истиной христианства в том откровении, которое оно делает спасителем для всех рас. Напротив, это истина, которая была доведена до его сведения и объяснена. Конечно, неизвестно, с какими конкретными последствиями. Видя приближение своего конца, он попросил, чтобы его тело не хоронили с глаз долой, а поместили, согласно обычаю, распространенному в отдаленных племенах этого племени, на форму, поддерживаемую столбами или эшафотом. Эта черта, возможно, естественна для состояния охотника.

Друзья мои, когда мой дух улетучивается — улетучивается
Друзья мои, когда мой дух улетучивается,
Ах, не связывайте меня в темной и холодной земле,
Где свет больше не будет проливаться — улетучиваться,
Где дневной свет больше не будет проливаться.

Но вознесите меня на эшафот высоко—очень высоко,
Вожди вознесут меня на эшафот высоко,
Где мое племя все еще будет говорить, указывая на мою глину:
Он никогда от врага не стремился улететь — улететь,
Он никогда от врага не стремился улететь.

И дети, которые играют на берегу — берег,
И дети, которые играют на берегу,
Когда они отбивают боевой танец, мое имя будет повторяться,
И судьба их вождя оплакивается—оплакивается,
И судьба их вождя оплакивается.

СПОСОБ НАПИСАНИЯ ИНДИЙСКОГО ЯЗЫКА.

Правила произношения этих племен, после всего, что было сказано и написано по этому вопросу, очень просты и определяют орфографию, по крайней мере, пока это касается различий в долгих и кратких гласных. Если в индийском письме слоги разделяются дефисом, не должно быть никакой неопределенности в отношении их звуков, и мы будем избавлены от мира несколько излишне приятных рассуждений. Гласная, перед которой стоит согласная, всегда долгая, гласная, за которой следует согласная, всегда короткая. Гласная между двумя согласными - короткая. Гласная, стоящая сама по себе, всегда полная или долгая. Несколько примеров хорошо известных слов укажут на это.

На та ри о.

Ни аг ар а.

О мы идем.

Ти о га.

Куда мы идем.

Я о ва.

Мудрый против греха.

Чи ка го.

Мы победили.

Ре ó ri a.

Tí con de ró ga.

Неправильно написанный ip ri.

О neí da.

Алабама.

О компании.

Или e gon.

Напишите слова с использованием любой системы орфографии, какой бы вы ни выбрали, французской, английской или немецкой, и гласные звуки подтвердят это различие. Если дифтонги использовались для простых гласных из-за ранней ошибки или избыточности, правило остается тем же. Если они появляются как правильные дифтонги, они следуют правилу дифтонгов. Этот принцип произнесения, по-видимому, является общим и незыблемым законом в индийских языках в отношении звуков e, i, o, u и двух главных звуков a, 1 и 3 тональности Уокера. Поскольку буква a имеет четыре различных звука, как и в английском языке, основные расхождения, замеченные выше, проявятся в использовании этой буквы.

ЗАРИСОВКИ ИЗ ЖИЗНИ ИЗВЕСТНЫХ КРАСНОКОЖИХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН, ПОЯВИВШИХСЯ НА ЗАПАДНОМ КОНТИНЕНТЕ.

БРАНТ, КРАСНАЯ КУРТКА, УНКАС, МИОНТОНИМО.

КРАТКИЙ ОБЗОР БИОГРАФИЙ ПОКОЙНОГО полковника УИЛЬЯМ Л. СТОУН, ПОДГОТОВЛЕННЫЙ
ДЛЯ ЖУРНАЛА "ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ" За 1843 ГОД.

Египтяне бальзамировали своих умерших миррой и благовониями, но благословенное искусство книгопечатания дало нам более надежный и менее отвратительный метод сохранения и передачи потомству всего, что действительно ценно в проявлениях добродетели, достоинства и почестей. Книги, таким образом, становятся более постоянным памятником, чем мрамор, и благодаря своему распространению распространяют среди всего человечества те уроки, которые в эпоху курганов и иероглифов, камня и папируса ограничивались табличками в шахте или темными тайниками гробницы или пирамиды. Никогда не следует забывать, что в развитии этой новой фазы в истории человечества именно книгопечатание первым зажгло светильник истины и продолжало эксперимент, пока границы букв почти не стали такими же обширными, как мир. Если мы не сильно ошибаемся, то нет ни одной части земного шара, где книги всех видов стали бы такими дешевыми и обильными, как в настоящее время в Соединенных Штатах, и, отбросив все другие соображения, мы можем найти доказательство изложенной позиции в том факте, что наша народная литература больше не ограничивается выпуском школьных учебников, "Анналов права и богословия", эпохи грязных брошюр или пестрых газетных полос. У нас нет намерения развивать эти предположения, показывая, насколько изучение естественных наук, обсуждение политической экономии или достижения художественной литературы привели к такому результату; и еще меньше - выявлять те причины в прогрессе западных искусств и торговли, которые в совокупности привели к снижению цен на книги и распространению благ свободной прессы среди всех классов. Для нашей цели достаточно сказать, что даже жизни наших выдающихся местных вождей привлекли к себе внимание современников, и, мы с гордостью можем добавить, внимание, которое, насколько это возможно, достойно данной темы. И если наш вклад в эту тему за последние несколько лет будет столь же хорошо продолжен в течение нескольких последующих лет, то даже унылые слова одного из выданных за себя героев больше нельзя будет повторять с абсолютной правдивостью:

"Они тонут, они проходят, они улетают, они уходят,
Как пар на утренней заре,
Или вспышка света, чей внезапный блеск
видят, им восхищаются и он исчезает.

"Они умерли; но если храбрый человек истекает кровью,
И заполняет могилу без сновидений,
Неужели никто не повторит его имя, его подвиги
И не скажет, что он был храбрым?"

Никому в наших литературных анналах публика не обязана так сильно за спасение от забвения черт и характеров четырех знаменитых вождей, чьи имена стоят в начале этой статьи, как талантливому автору этих биографий Уильяму Л. Стоуну. Одаренный острым пониманием вопросов добра и зла, которые касаются основания колоний среди варваров, которые более чем праздно проводили свои дни на земле, которую они не возделывали, с глубоким сочувствием к их судьбе и удачам, с одной стороны, и первостепенными требованиями литературы и христианства - с другой, он поставил перед собой задачу вершить правосудие, которому принадлежит правосудие, с пылом филантропа и исследованиями историка. Похоже, он запланировал серию биографий, которые, если будут завершены, дадут связный взгляд на ведущие племена, населявшие Нью-Йорк, Коннектикут, Род-Айленд и Массачусетс, с анализом современных людей и сопутствующих тем, охватывающих широкий круг. И на данный момент он пополнил контуры своего плана таким образом, что на пути, по которому он прошел, остается лишь немного, что можно почерпнуть. Если расширение этого круга и большое количество привлеченных материалов того времени, по мнению некоторых, отвлекли слишком много внимания и сделали биографии менее цельными и сжатыми, чем они могли бы предположить в противном случае, то это исключительно вина их плана, насколько это признано, а не исполнения. И в пользу такого расширения можно сослаться на природу предмета, при рассмотрении которого часто стремились восполнить скудость материала за счет введения сопутствующих, а иногда и посторонних материалов.

Мы предлагаем кратко ознакомиться с серией этих биографий в порядке их публикации. В своей первой работе о Бранте он живо представил великого вождя 1776 года, восставшего, чтобы сокрушить конфедерацию, поддерживать которую Вашингтон и его коллеги поклялись своими жизнями. Брант был человеком силы и способностей, умственных и физических, превосходящих его племя; и в настоящем соревновании он находился в таком положении, что бросал на чашу весов против нас больший вес, чем любой другой или все враждебные вожди Красной Расы, вместе взятые. Если он не мог, подобно Ариэлю, вызвать "духов необъятных глубин", он мог, по своему желанию, созвать не менее злобных духов лесов, которые обрушивались на наши спящие деревушки с яростью демонов. И будь то в Джонсон-Холле или на Ниагаре, в Черри-Вэлли или Шохари, на водах Орискани или Чемунга, он был правящим и информирующим духом соревнования. Такова была власть, которой он обладал как командующий наиболее эффективным отрядом легких войск (ибо таковы все индийские воины), которых поддерживали большие и хорошо оснащенные армии, что, подобно электрическим вспышкам надвигающейся бури, он предварял более сильную вспышку, громко произнося дикие ноты ужаса и растерянности. Именно таким образом его имя стало талисманом на границах, вызывающим в воображении злые дела, и таким же образом, несомненно, оно стало наполнено упреками, некоторые из которых, как указал автор, были адресованы другим участникам состязания. Трудно, однако, опровергнуть суждения предшествующей эпохи о характере индивидов, давно вышедших из стадии действия, независимо от того, благоприятны эти суждения или неблагоприятны; и, фактически, изменить их невозможно. Достаточно лишь ненадолго оглянуться назад, на биографический путь, чтобы понять, что потомство никогда не пересматривает мнения, однажды сложившегося об индивидуальном характере, героическом или литературном. Оно пытается забыть все, что может, и каждое тело, которое может, и никогда не запоминает надолго ни одного имени, которое можно забыть. Мы должны заключить, что оно готово кое в чем уступить великим людям среди варварских народов, чьи имена часто поражали цивилизованное общество пугающей привлекательностью метеора или

кометы, вызывая восхищение у зрителей, не останавливаясь, чтобы выяснить истинную причину. Таковы были Тамерланы и Типпу саибы восточного мира предшествующей эпохи, а также Мехемет Алис и Абдель Кадерс настоящего. Такими же, с ограниченными средствами действия, были вожди американских аборигенов, которые со времен Манко Капака и Миканопи фигурировали в истории западного мира. Большинство из этих людей обязаны своей знаменитостью тому простому факту, что они ослепляли, изумляли или, подобно самому Бранту, вызывали ужас у тех, кто им противостоял. В случае с последним изменение мнения о тех конкретных чертах, которые влияют на его человечность, менее легко осуществить на основании того факта, который, однако, обычно запоминается, что он получил христианское образование; что он был, будучи простым мальчиком, принят в лучшее общество, выучил английский язык и обучался сначала в академии Новой Англии, а затем в одном из ее наиболее практических колледжей. Потомки возлагают на вождя племени ирокезов ответственность за то, что он принес полученные таким образом заповеди в лес и распространил их благословения среди тех, кто, возможно, обладал его храбростью, но не обладал его талантами или знаниями. Мы признаем, что те, кто боролся против него, были недостаточно квалифицированы, чтобы быть его судьями. Он не только поддерживал неправильное дело, неправильное потому, что оно противоречило прогрессу национальной свободы и тем самым принципам, за которые боролся его народ; но он сражался за это рукой мастера и дал почувствовать силу своей энергии, как автор указал более полно, чем было известно ранее, от берегов Мохока и Ниагары до Огайо, Майами и Уобаша. И все же, если и была ошибка в том, до какой степени он не соблюдал заповеди цивилизации и христианства, то на это следовало указать, хотя и следует признать, что общественность имеет право искать наиболее убедительные из этих доказательств доброго и благожелательного отношения к своим открытым врагам вне пределов его домашнего круга. Его семья слишком высоко ценила зарождающиеся принципы цивилизации, которые он им передал, — они явили следующему веку слишком яркий пример культуры и утонченности во всех смыслах, — чтобы не чувствовать глубоко порочащего его имя поэтического духа времени; и не желать, чтобы тот, кто действительно обладал столькими высокими и благородными качествами, как в совете, так и на поле боя, также не был без пятнышка человечен. Мы считаем это чувство столь же почетным для всех, в жилах кого течет кровь вождя, сколь оно достойно похвалы у его биографа. Однако мы не можем согласиться забыть, что историческая правда очень сурова в своих требованиях, и ни друзья, ни враги не должны отмахиваться от нее свидетельствами с чужих слов или правдоподобными догадками.

Бранта, подобно Ксикотенсалу, нельзя обвинить в том, что он присоединился к захватчикам своей страны, которые были безрассудно настроены на ее порабощение; но он упустил из виду тот факт, что *изахватчик*, и *захваченные* в долгой и кровопролитной пограничной войне революции были, во всем, что составляет характер, одними и теми же людьми. Они были одной крови и происхождения, говорили на одном языке, имели одни и те же законы и обычаи, одну и ту же литературу и религию, и он не видел, что единственная реальная разница между ними заключалась в том, кто должен владеть скипетром. Какая бы сторона ни одержала победу в таком состязании, литература и христианство должны восторжествовать, и как неизбежный результат, варварство должно прийти в упадок, а могущество индийской нации пасть.

В Бранте варварство и цивилизация демонстрировали сильную и своеобразную борьбу. В один момент он был дикарем, а в другой - штатским, в один момент жестоким, а в другой гуманным; и на протяжении всего героического периода своей карьеры он проявлял постоянные колебания и борьбу между хорошим и плохим, благородными и низменными чувствами, и, по мере того как

одно из них брало верх, он становился ангелом милосердия или демоном разрушения. В этом отношении его характер существенно не отличается от того, что, как было установлено, характеризует других ведущих краснокожих, которые, от Филиппа до Оцеолы, появлялись на сцене боя. Как и у них, его мыслительные способности были гораздо менее развиты, чем его физическое восприятие. И попытка следовать или найти что-либо похожее на незыблемый принцип человечности, основанный на высших обязательствах, которые движут человеческой душой, мы опасаемся, превратилась бы в поиск того, чего не существовало в его сознании; или, если зародыш и был там, он был слишком слаб, чтобы стать преобладающим. Мы не считаем необходимым, комментируя его жизнь, вдаваться в какой-либо приятный ряд рассуждений или мотивов, объясняющих эту характеристику, или примирять жестокость самого шокирующего рода, когда она противопоставляется чертам мягкости и учтивости. Это были разные настроения человека, и, возвращаясь назад к богатым событиями годам его жизни, становится ясно, что цивилизация никогда не овладевала его разумом и сердцем настолько полно, чтобы не покинуть его без предупреждения в тот момент, когда он услышал звук военного клича. Тот факт, что он умел пользоваться ручкой, не давал непреодолимых оснований против того, чтобы он держал в руках боевую дубинку. Его томагавк и его Завещание лежали на одной полке. Худшая черта его характера проявляется в том, что он не спешит совершать акты *преднамеренного* милосердия. Слишком часто возникало какое-нибудь препятствие, которое служило оправданием, например, когда ему нужно было пересечь вспаханное поле, чтобы спасти Уэллса и его семью, или он хромотал, или вообще отказался от замысла, как в случае с Виснером, которого он истолковал как акт милосердия к томагавку.

Однако то, что он был человеком необычайной твердости, мужества и решительности характера, не вызывает сомнений. Но его судьба и везение были не таковы, чтобы сильно поощрять вождей местной расы в оказании своего влияния европейским или англоевропейским державам, которые, возможно, ведут военные действия друг против друга на этом континенте. Понтиак понял это раньше него, а Текумта понял это после него. Ни один из них не достиг цели, к которой стремился. Один из этих вождей был убит, другой пал в битве, а сам Брант пережил только поражение своего дела, чтобы провести последние дни в тщетных попытках добиться справедливости от власти, которой он наиболее преданно служил и которая принесла ему огромную пользу. Если бы он был посвящен в рыцари по окончании состязания, вместо того чтобы переходить от одного великого человека к другому, дома и за границей, это было бы примером благородного применения этой власти. Но Георг III. казалось, ему ни в коем случае не было суждено воздать должное ни своим друзьям, ни врагам.

Таков был Брант, или Тайенданегеа, символически, Группа его племени, [10], на долю которого выпало играть более выдающуюся роль в Колониях, как непревзойденному воину, чем любому другому возникшему вождю аборигенов. И память о нем была вполне достойна тщательно разработанной работы, в которой его биограф представил его с самых выгодных точек зрения среди всеобъемлющей истории пограничных войн революции, не скрывая, однако, зверств, участником которых он был, возможно, иногда невольно.

[10] Название обычно переводится как "две связанные палочки" или "соединенные".

Будет добавлено слово, и только слово, относительно некоторых моментов, связанных с характером этого вождя, которые не совпадают с общепринятым мнением или же впервые

представлены в порядке смягчения или оправдания. Мы признаем, что в том, что касается присутствия или отсутствия Великого ирокеза в резне в Вайоминге, утверждения являются либо неубедительными, либо менее удовлетворительными, чем можно было бы пожелать. Иногда его семья, и особенно его сын Джон, проявляли слишком много чувств, чтобы позволить нам получить новую версию заявления без каких-либо оговорок. Полковник Дж. Стоуна относительно непосредственного происхождения Бранта, и большое значение придается расследованию, происходил ли он из рода наследственных вождей. Мы считаем, что свидетельство противоречит такому предположению, и оно не дает однозначного доказательства наличия талантов, но, несмотря на такое случайное обстоятельство, он, конечно, не принадлежал к роду *правлящих* вождей, но возвысился до положения не только главного вождя своего племени, но и Шести народов. Вежливость и народная воля придают титул вождя или сахема людям, обладающим талантами, храбростью или красноречием среди наших племен в целом; и хотя простое происхождение передало бы его сыну вождя, каким бы ни был его характер, все же сам по себе этот факт не имел бы большого значения и не давал бы ему большого влияния без способностей: тогда как одни только способности, как оказалось, поднимают выдающихся людей до уровня вождя среди всех североамериканских племен, чьи обычаи и характер известны.

В наши планы не входило в этих общих чертах рассматривать второстепенные моменты биографии или предыстории, информация или выводы по которым не настолько удовлетворительны, как можно было бы пожелать, или которые, действительно, могут расходиться с нашими мнениями. Однако один факт, связанный с этим названием, не считается уместным передавать *sub silentio*. Бранта заставляют принять участие в Понтиакской войне, соревновании, возникшем в связи с падением французской власти в Канаде в 1759 году и завершившемся в 1763 году. Бранту было всего двадцать один год, и он, вероятно, еще не окончательно вернулся от своих наставников из Новой Англии. Во всяком случае, нет никаких оснований предполагать, что в тот ранний период своей жизни и своего влияния он мог принимать какое-либо участие в событиях той войны.

В "Жизни Красной куртки", или Сагоеваты, мы сталкиваемся с другим типом индийского интеллекта. Он был оратором и дипломатом, и ни в один период своей жизни не был известен своим воинским мастерством. Более того, существуют неопровержимые доказательства того, что его личное мужество не всегда могло быть "доведено до предела". Но по врожденному интеллекту он превосходил даже Бранта. Он действительно был лидером совета и часто обрушивался на своих оппонентов со взрывами красноречия, цепями аргументов или рапсодиями мыслей, перед которыми невозможно было устоять. И о нем можно символически сказать, что его язык был его томагавком, а высокопарный словарь языка Сенеки - его боевой дубинкой. Ни один туземный вождь не пользовался этим оружием с большей целью и с более длительным эффектом, чем великий оратор Сенека. Образцы его красноречия, появлявшиеся в наших газетах в течение сорока или более лет, все еще свежи в памяти, и было должным и оправданным собрать их и сохранить в неизменном виде вместе с такими подробностями его жизни и карьеры, какие только можно было получить. Эта задача была выполнена полковником. Стоуном таким образом, что больше ничего не остается для попыток по этому вопросу. Большое рвение и трудолюбие были проявлены в выяснении фактов из каждого квартала, где, по всей вероятности, можно было получить информацию. И он собрал воедино множество свидетельств того времени и воспоминаний, касающихся этого главного, которые через несколько лет было бы невозможно восстановить и которые другому, занимающему менее видное положение, чем

он как общественный журналист, было бы трудно собрать. Нам достаточно сослаться на имена генерала П.Б. Портера, преподобного Дж. Брекенриджа, мистера Пэриша и мистера Госмера, чтобы показать характер этой части его материалов.

Другие вожди местного племени время от времени проявляли красноречие или вызывали восхищение ораторским искусством, но Красный Мундир - единственная выдающаяся личность, посвятившая этому всю свою карьеру. То, что он действительно преуспел, произведя эффект, с которым никогда не сравнится ни одна из его речей, о которых сообщается, и которым можно воздать должное, до сих пор подтверждают многие живые люди. В вопросе о продаже земли, который возникал между белой и красной расами, часто были поводы вывести его на чистую воду. И они, в конце концов, приняли сложную форму либо из-за расплывчатого характера, либо из-за плохо понятых условий предыдущих грантов. Во всех этих обсуждениях он сохранял единство и последовательность в наборе принятых им мнений. Он был против дальнейшей продажи, переезда, приобщения к цивилизации и внедрению христианства среди своего народа. То, что Брант сделал *вполитике*, Красный Мундир повторил в *"морали"*. Оба встали не на ту сторону, и оба потерпели неудачу. Но об ораторе Сенеке следует сказать, что он не дождался окончательного поражения того политического курса, который он так долго и умело отстаивал.

Мистер Клинтон заметил, и этот факт произвел впечатление на других, что ирокезы, или шесть народов, превосходят других туземцев в красноречии. Этому их история во времена господства Голландии и Англии в Нью-Йорке, изложенная Колденом, дает достаточно доказательств. Речь Гарангулы, направленная против генерал-губернатора Канады и его коварной политики, в целом не имеет себе равных среди всего, что даже "Красные куртки" опубликовали, хотя во многом ее эффект обусловлен превосходящей и героической позицией, занимаемой племенами, от имени которых он выступал. Логан, непревзойденный среди всех остальных своим пафосом и простотой, следует помнить, тоже принадлежал к этой породе — минго, или *менгве*, как произносили это делавары, было всего лишь общим термином для обозначения ирокезов; так что передача этой черты от гордой эпохи конфедерации ирокезов до наших дней вполне согласуется с приведенным мнением.

Хотелось бы, чтобы полковник Стоун стал бы еще одним звеном в цепи истории ирокезов, представив общественности биографию знаменитого вождя онейда Шенандоа, материалы для которой должны быть в семье Кирклэнд.

Жизни двух мужчин, Ункаса и Мионтонимо, главные деяния которых описаны в одном из томов, названных в нашей подписи, относятся к более раннему периоду истории и другому театру действий. Сцена меняется с западной части Нью-Йорка на побережье Коннектикута, Род-Айленда и, в некоторой степени, Массачусетса. Ункас был добрым гением, духом-покровителем, если можно так выразиться, колонии Коннектикут; и лучшим памятником, который это государство могло воздвигнуть в его память, было бы сменить бессмысленное и изношенное название одного из своих графств, Нью-Лондон, на название благородного и дружелюбного вождя, частью лесного королевства которого оно когда-то являлось. С первого дня, когда нога английских колонистов ступила на его территорию, и до самого смертного часа Ункас был непоколебимым "другом белого человека", как справедливо называет его его биограф. Он принадлежал к той расе, которую история, не делая ни малейшей скидки на дикое невежество и наследственные предрассудки, заклеила под именем пекодов. Они

принадлежали к тому типу языков и родословной, который был очень хорошо охарактеризован в общих чертах, по крайней мере, на юге, вплоть до первоначальной страны делаваров; но который приобрел подтип после пересечения Гудзона и был известен к востоку от этого пункта под одной из своих сверхиндуцированных форм, как могеганский. Пекоды отказались от этого термина, если он когда-либо был их конкретным прозвищем, но это доказательство, и мы думаем, что очень убедительное доказательство, еще недавно вспоминавшейся принадлежности к Таминунду [11] и жителям Манхэттена, что Ункас, в тот момент, когда он восстал против короля Сассака, принял имя могеганца и поставил себя во главе этого племени, существовавшего тогда в границах Коннектикута. Или, скорее, он создал из восставших пекодов новое племя под старым и уважаемым названием, и таким образом положил начало династии Ункасов. Поставленный таким образом обстоятельствами в положение, при котором он искал союза с первыми колонистами и находил свою безопасность в их руках, он фактически был единственным ведущим вождем того времени, который действительно искренне и преданно стремился к их процветанию и росту до конца. Таким образом, возвышение Ункаса и Коннектикута началось в одну эпоху; и поскольку союз был основан на взаимных интересах и безопасности, со временем он только укреплялся. Человек с меньшей силой характера или природной проницательностью, чем Ункас, заколебался бы, увидев, что колонисты с годами становятся все более могущественными, а он сам - все более слабым, и соблазнился бы вступлением в союзы для ограничения власти белого человека, как это сделали другие туземные вожди. Но вся история сходится в том, что при любых обстоятельствах, а их было немало, он вел себя хорошо и избегал даже подозрений в своей верности.

[11] Имя этого вождя англизировано словом Tammany.

Ункас был вполне подходящим правителем как по уму, так и лично. Он обладал прекрасной фигурой, более шести футов ростом, властным голосом и благородной осанкой. Он был мягок, но в то же время полон достоинства в своих манерах. Он был не только мудр в совете, но и храбр [12] на войне, как он проявлял во многих случаях, но особенно в битве на равнине Сахема, в которой он проявил себя храбрейшим и благороднейшим из храбрых. Тем не менее, его мудрость и умеренность в управлении своим народом, а также хорошо сбалансированная справедливость и последовательность его характера придают ему еще более высокую репутацию и подтверждают его наилучшие права на память. Во всех испытаниях, которым он подвергался, во всех искушениях, которые ему приходилось испытывать, впадая в ярость и ведя себя как дикарь, он сохранял этот характер благодаря мудрому обдумыванию; и, придерживаясь своего первого соглашения с англичанами и излагая все свои планы и претензии колониальным судам, он укрепил свою силу и репутацию и, наконец, одержал победу сначала над Сассакусом, а затем над Мионтонимо, двумя величайшими и могущественнейшими из его непосредственных современников.

[12] Термины "храбрый" и "braves", используемые в этом произведении в содержательном смысле, не являются ни английскими, ни индийскими. Индийский термин следует переводить как "сильное сердце", что соответствует его буквальному значению; ибо одно из общих правил этих языков состоит в том, что действие прилагательного, так же как и действие глагола, одинаково обозначается в существительном — действительно, существуют разные флексии каждого существительного для обозначения того, вызвано ли это действие благородным или неблагородным, одушевленным или неодушевленным предметом. Тем не менее, общее

использование канадского термина "*Храбрый*" на нашей границе с Индией может придать ему некоторые поэтические притязания на внедрение в наш народный язык, и без того перегруженный более нежелательными американизмами.

Если Ункас был покровителем Коннектикута, то Мионтонимо со своей семьей из племени Наррагансеттов был в равной степени покровителем Род-Айленда. И именно из-за этого очевидного факта, вероятно, отчасти, мы находим исторические упоминания о нем, относящиеся к последней четверти, определенно более благоприятными для его общего характера, чем те, которые исходят из страны его врага и завоевателя Ункаса. Хотя нет разногласий относительно какого-либо примечательного исторического факта, естественно, что какой-то небольшой оттенок чувства такого рода должен остаться. Мы заметили аналогичное чувство по отношению к существующим племенам и вождям в западном мире, где жители всегда проникаются теми особыми представлениями и традициями конкретного племени о них, которые представляют последнее как основную нацию и наделяют их племенными чертами превосходства. Это чувство, которое склоняет к лучшей стороне человеческой натуры и делает честь человеческим сердцам; но историк обязан смотреть на такие вопросы более холодным взглядом и никогда не может ни на йоту приуменьшить истину, хотя он может противоречить местным симпатиям и предубеждениям. Мы могли бы назвать несколько замечательных примеров этого предубеждения, если бы захотели отвлечься.

Если сравнить Мионтонимо с Ункасом, то сразу станет ясно, что ему не хватало пронизательности и твердости характера последнего. Если бы Наррагансетты прислушались к Сассакусу и объединились с ним, он бы на какое-то время сокрушил зарождающуюся колонию Коннектикут. От этого он отказался, по-видимому, потому, что оно имело специфический характер и позволяло Сассакусу свергнуть Ункаса. После того, как король Пекодов потерпел поражение и бежал к могавкам, Мионтонимо получил возможность перенять политику Пекода, а затем попытался вовлечь Ункаса в именно такую комбинацию, чтобы обрушиться на колонистов, от чего он сам отказался, когда предложение поступило от Сассака. Поскольку Ункас не только отказался, но и изложил план своим союзникам, Мионтонимо начал войну против него с большой армией. Ункас поспешно приготовился встретить его с меньшими силами. Они встретились на равнине Сахема, на берегу реки Шаутакет. Ункас, не желая видеть, как в битве гибнет так много его людей, благородно выступил вперед и предложил личное единоборство, чтобы решить вопрос о том, кто должен править, а кто подчиняться. Предложение было отклонено, но в тот момент, когда был получен ответ, он бросился на равнину, что, по-видимому, послужило сигналом для его людей к наступлению, и они двинулись вперед с таким порывом, что он выиграл день и взял Мионтонимо в плен. Этот захват был актом одного из его второстепенных вождей; но когда его враг предстал перед ним, он отказался воспользоваться своим правом предать его смерти, но решил передать дело властям Хартфорда. Там было установлено, что это сложный вопрос, и в конце концов его передали в Общий суд Бостона. Суд подкрепил себя мнениями шести выдающихся священнослужителей и нескольких видных гражданских лиц; и затем постановил, что вождь Наррагансеттов справедливо заплатил жизнью, нарушив свои политические соглашения с колониями, но она не может быть отнята *ими*. Он должен быть возвращен Ункасу в пределах его юрисдикции и им казнен; но было предписано, что является весьма слабым комплиментом известной мягкости характера Ункаса, не применять ненужной жестокости. Таким образом, здесь белый человек проявил меньше милосердия, чем краснокожий. Теперь Мионтонимо был освобожден из заточения и препровожден обратно к тому самому месту, где он впервые был взят в плен, и

когда он приблизился к нему, один из сопровождавших его могеганцев, державший его в полном неведении о его судьбе, поднял свой томагавк, шедший позади него, и уложил его насмерть одним ударом.

Мы не собираемся специально выяснять, лежит ли моральная ответственность за эту казнь на суде или на палаче, равно как и устанавливать, в какой степени это было подстроено, когда индейцу было приказано совершить действие, которое было незаконным для белого человека и христианина. Если бы Ункас хладнокровно убил своего противника после боя, это было бы в полном соответствии с индийскими законами. Если бы Мионтонимо был подданным любой из колоний Коннектикут, Род-Айленд или Массачусетс и развязал войну или совершил какой-либо открытый акт государственной измены, его казнь была бы произведена в соответствии с законами цивилизованных стран. Ни того, ни другого не произошло. Однако считалось, что главный возмутитель спокойствия в колониях после Сассака теперь пойман. Он нарушил свой завет, начав войну, не поставив их в известность. Они не верили, что он будет соблюдать какие-либо будущие соглашения. Моральное чувство сообщества не было бы шокировано, а скорее удовлетворено его казнью. Этот момент был решительно заявлен суду. Но они не могли юридически обойти это. Английское законодательство этому воспротивилось. Обычаи цивилизованных народов, воюющих с *друг с другом*, противостояли этому. Следует ли соблюдать другие правила по отношению к аборигенам? Диктовали ли это здравые суждения и смысл, предписания христианства, — да, "в этом—то и была загвоздка", - предписания христианства это санкционировали? После всестороннего обсуждения, — поскольку вопрос решался не в спешке, — ни на один из этих пунктов нельзя было дать утвердительного ответа. Но хотя политика — политика *целесообразности*, жажды власти и оскорбленного морального чувства незащищенного и страдающего сообщества - требовала, как считалось, смерти сахема, все же не было обнаружено, чтобы тот, с кем они когда-либо обращались, а затем рассматривали, как иностранного принца, считающегося законным, мог быть таким образом лишен жизни. Тюремное заключение, как постоянная политика, не было решено. Оставался один способ избежать обеих дилемм и избежать всякого порицания. Это было восстановление того положения, которое было до его капитуляции. Это заключалось в том, чтобы передать его обратно Ункасу без выражения какого-либо решения, предоставив этому вождю действовать так, как он сочтет нужным. Они действительно заключили его под стражу, но зашли на один шаг слишком далеко, сначала приняв решение в официальном суде, после месяцев обсуждений, в ходе которых были проведены официальные консультации с духовенством и дворянством (это термин, который был бы уместен в то время), и распорядились о его смерти, оговорив только, что он не должен быть убит жестоко. Если бы в этом не было чего—то, что отдавало бы недостатком истинного и благородного поведения — если бы это соответствовало мягким заповедям христианства поступать с другими так, как ты хотел бы, чтобы другие поступали с тобой, - если бы этот поступок, в конечном счете, не соответствовал самому духу иезуитизма в худшем смысле, в котором это слово вошло в язык, мы, признаемся, сформировали совершенно неправильное представление о его значении.

В наше время произошел случай, в некоторых отношениях похожий на этот, который, как можно подумать, довольно сильно контрастирует с приведенным выше примером пуританского милосердия. Причины для смертной казни были, действительно, гораздо более убедительными, и сообщество решительно выступало за это и поддержало бы это. Это был захват "Черного ястреба", который, как следует помнить, произошел во время первого президентского срока генерала Джексона. Черный Ястреб развязал войну в пределах границ одного из Штатов, на

землях, уступленных по договору, и организовал конфедерацию индейских племен, которая, хотя и распалась частично, главным образом из-за невыполнения другими племенами своих обязательств перед ним, все же требовала для своего подавления всех имеющихся в распоряжении сил Союза. Глава Sac был, наконец, схвачен на территории Индии во время бегства к западу от Миссисипи. Он был заключен в тюрьму, и дело было передано правительству для принятия решения. Он нарушил свои договорные обязательства. Он не только развязал войну, но и в ее начале и продолжении был виновен в попустительстве, по крайней мере, самым возмутительным варварствам. Он действительно открыл дело, жестоко убив представителя правительства, представителя президента, в лице мистера Сен-Врейна. Общество, особенно Западные штаты, громко требовали его казни. Говорили, что не может быть никакой безопасности, если такому кровожадному типу позволено разгуливать на свободе. Он тысячу раз поплатился за это жизнью. Действительно, против него существовало то же самое народное чувство, которое существовало в Новой Англии сто девяносто лет назад против Мионтонимо. Но мог ли он быть *законно* казнен? И если да, то действительно ли такова была истинная политика? Было ли это благородно, были ли в нем высокие помыслы? Осуществлялось ли в нем точное и равное правосудие как по отношению к краснокожим, так и по отношению к белым? Считалось, что на все эти вопросы должны быть даны отрицательные ответы; и отважный повстанец-саквожчик был отправлен домой в сопровождении армейского офицера, чтобы обеспечить его комфорт и безопасность и, таким образом, проследить за тем, чтобы мудрое и милосердное решение было добросовестно исполнено и чтобы народное возмущение не вылилось наружу убийством вождя.

Завершая эти замечания, может показаться эгоистичным выразить надежду на то, что мистер Стоун, которому мы уже обязаны этими энергичными, всеобъемлющими и хорошо написанными томами, еще больше приложит свое перо к выполнению этих обязательств. Но он так хорошо изучил эту область в ее историческом аспекте, по крайней мере, в том, что касается восточного департамента Союза, что мы не знаем никого, для кого этот труд представлял бы меньший характер задачи. Нам не хватает хорошего рассказа о Филиппе, или Метакоме, энергичном сахеме покенокетов, который так полно олицетворял дикий индейский характер и взгляды и так стойко боролся против заселения Новой Англии саксонской расой. Мы думаем, что биография такого человека, показанная в наше время, вызвала бы очень глубокий интерес, и это, безусловно, было бы новым экспериментом - перенять взгляды и мнения аборигенов расы-захватчика и, таким образом, писать, так сказать, *изнутри*, а не *вне* круга военных действий. Таким образом, их комбинации, усилия и мощь лучше проявились бы и в большей степени сделали честь актерам-аборигенам как воинам и героям. Как бы то ни было, история называет их только заговорщиками, мятежниками, предателями или преступниками; как будто того факта, что они противостояли выходу цивилизованных наций, которые были во всех отношениях мудрее и лучше, было достаточно, чтобы перечеркнуть все их права и притязания на землю и суверенитет земли их предков, и они были фактически вынуждены отступить и отказаться от нее *волей-неволей*.

Мы намеревались добавить несколько замечаний о биографических трудах других писателей в этой области, особенно о Тэтчер и Дрейке, но наши возможности уже исчерпаны, и мы должны отказаться от этого или, по крайней мере, отложить.

БЕШЕНЫЙ ВОЛК.

НАСТОЯЩАЯ ТРАДИЦИЯ ДОЛИНЫ ТАВАСЕНТА.

Великие Сосновые равнины, начинающиеся недалеко к югу от слияния Мохока с Северной рекой, все еще кишат волками, которые укрываются в глубоких ущельях, откуда по ночам совершают вылазки на овчарни фермеров и часто наводят страх на всю округу. Железнодорожное полотно, ведущее из Олбани в Скенектади, проходит по части этих равнин, которые простираются вдаль в направлении голубых очертаний гор Хелдерберг. Самая узкая их часть тянется на много миль, и они доходят до самых окраин города Олбани, где в последние годы, еще со времен Бьюэла, начали возделывать их, засевая клевером, сажая фруктовые деревья и другими способами. Они составляют плоскогорье графства и выбивают из-под своей тяжелой массы желтого песка и обломков песчаников, слюдяных сланцев и гранитов множество источников и ручьев с чистой и кристально чистой водой, которые впадают главным образом в долину Тавасенты, или, как река называется в народе, Норманз-Килл, и таким образом способствуют увеличению благородного объема Гудзона. Эти пружины выходят именно в том месте, где зернистая масса покоится на глинистой или непроницаемой основе. В древние годы это приводило к тому, что песок уносился крупница за крупинкой, пока не образовывался глубокий овраг или ущелье. Склоны этого ущелья, состоящие из смеси земли и некоторого количества плесени и свободные от засушливости поверхности, покрыты густой и энергичной порослью деревьев твердых пород и кустарника, и часто оказываются загроможденными огромными стволами упавших сосен и другим лесным мусором, что очень затрудняет проникновение через них. Именно в эти темные ущелья отступают волки, обшарив равнины и соседние фермы в поисках добычи; и здесь они поддерживали свою древнюю империю снежапамятных времен. Таково, по крайней мере, было положение вещей между поселенцами и волками на момент написания этой истории, в 1807 году.

Иногда вся страна вооружалась и выходила *в массовом порядке*, чтобы выманить их из укреплений и уничтожить; и действительно, силы, собранные на некоторых из этих "волчьих охот", были неожиданными, и в одном отношении, то есть из-за пестрого и неотесанного характера их вооружения, они обратили бы в бегство и Бонапарта, и Веллингтона. Не было ничего, от вил до тяжелого мушкетона, чего бы они не носили с собой, всегда за исключением хорошей винтовки, которую, насколько я помню, я никогда не видел в таких случаях. Действительно, эти формальные вылазки больше подходили для того, чтобы отпугнуть, чем для того, чтобы убить и пленить врага; так что не было причин удивляться, почему волки остались и даже увеличились. Они по—прежнему оставались хозяевами Равнин - овец убивали десятками, ночь за ночью, и тревога продолжалась.

В других случаях их пытались заманить в ловушку и разными способами заманить в ловушку. Я вспоминаю, что все мы безоговорочно верили деревенскому школьному учителю, некоему Клеанту, который немного знал латынь и понемногу почти все; и среди других искусств, которыми он дорожил и которыми пользовался так, что его мастерство вызывало удивление, он знал, как заставить волков идти по его следам, смазывая свои башмаки эсофадитой или каким-то другим веществом, а затем устраиваясь на ночь в бревенчатом загоне, где он мог бросить вызов лучшим из них и, кроме того, стрелять в них. Но я так и не смог узнать, было ли убито

какое-либо из этих зловредных животных ни школьным учителем, ни его компанией, ни какой-либо другой стороной, за исключением того несчастного животного, о котором я собираюсь написать, которое продемонстрировало свое родство с собачьей расой, став бешеным и бросившись ночью в центр густонаселенной промышленной деревни.

Иоско по праву располагался на вершине живописной гряды невысоких холмов, как раз на южной границе этих великих равнин, где начинаются обрабатываемые и заселенные земли. Следовательно, по отношению к этим волкам это была идеальная граница; и у нас были не только частые тревоги, но и привилегия слушать все замечательные истории о приключениях с волками, о людях и зверях, для широкого круга. Действительно, эти истории часто с интересом возвращались от немцев и голландцев, живущих в поселениях Сварта-Килл и Боза-Килл, вплоть до подножия гор Хелдерберг. Красивый и чистый ручей с искрящейся холодной водой, называемый Хунгеркилл, собирая свои кристальные притоки из глубоких ущелий равнин, протекал через деревню и предоставил одно или два места для мельниц, а после того, как он петлял и удваивался на своем пути миллю или две, превращал свои прозрачные запасы в Нормандскую добычу, или, как называли этот ручей древние племена ирокезов, в намек на их спящих мертвецов, Тавасенту. Ни один ручей в стране не был так знаменит изобилием прекрасной ручейной форели, а соседние равнины служили убежищем для пугливых зайцев и прекрасных видов северной куропатки, которую там всегда называли фазаном.

Деревня опиралась на свои производственные интересы и была довольно густонаселенной. В нем было несколько длинных улиц, некоторые из которых тянулись через ручей и над просторным мельничным прудом, а другие тянулись под прямым углом вдоль большой автомагистрали Черри-Вэлли-тернпайк. На его улицах можно было услышать, помимо английского, почти все диалекты немецкого между Рейном и Дунаем; нижеголландский, на котором говорили простые деревенские жители поместья Ренсселервик, эрзянский и гэльский, которыми нередко пользовалась значительная часть местных ирландцев и шотландцев, и, что казалось не менее поразительным для того, кто вырос в уединении от него, истинного янки, о чем говорил растущий класс лесорубов, погонщиков, школьных учителей, рабочих на заводах. локти и сообразительность путешественника. Последние действительно были лишь жалким представлением о Новой Англии, какой мы ее впоследствии обнаружили. На общественных собраниях такого смешанного иностранного населения верили в немалое количество суеверий и декламировали их. Рассказы о случаях проявления второго зрения, предсмертных огнях на лугах и церковном дворе, низком вое собак-предвестников перед похоронами и других легендарных вещах, не говоря уже о действительном количестве откровенных привидений, которых неоднократно видели на землях Видеров, Ван Валкенбургов, Труаксов и Лагранжейских, привели в ужас всех детей младше двенадцати, которые выходили на улицу после наступления темноты. В анналах Иоско было несколько исторических событий, которые послужили для его жителей совершенными эпохами; но ни одно, как полагают, не имело такого поразительного общего значения, как история о Бешеном волке, о которой я собираюсь написать.

Вскоре после окончания войны за независимость в темном лесу, совсем рядом с дорогой, были найдены куски суконного пальто, металлические пуговицы и другие вещи, которые свидетельствовали о том, что на этом месте был убит человек, вследствие чего этого места избегали или спешили обойти, как будто там обитал злой дух. В другой раз тело бедного старика по имени Гомель было найдено глубоко утонувшим в Добыче норманнов, зажатым в объятиях

своей жены, оба были мертвы. Знатный джентльмен, который однажды темной ночью отважился в одиночку, немного пошатываясь, перейти по длинному мосту без перил, пересекавшему мельничный пруд, споткнулся о какие-то острые палисадники в воде и пришел к печальному концу. Хормаун, ирокез, населявший долину, убил, как говорили, девяносто девять человек и ждал возможности пополнить свой счет, расправившись со своим сотым человеком. Этого события очень боялись, особенно мальчики. Была также эпоха, когда на месте, называемом "Ферма полковника", было ипподромное поле, и эпоха "Глубокого снега". В Иоско отмечалось много других событий, таких как эпоха Де Зен, эпоха Ван Ренсселера и эпоха Ван Клика, которые помогли добрым матерям вспомнить период, когда родились их дети; но ни одно из них не имело такого заметного характера для юношеских умов, как приключение бешеного волка.

На самом деле истории о волках были в моде в кругах вечерних чаепитий Иоско на протяжении многих лет; и если принимать все так, как оно было дано, то при столкновении с этими дикими лисицами равнин и долин ночью было продемонстрировано больше актов храбрости, поведения, твердой решимости характера и дальновидности, чем было бы достаточно, если бы они объединились, чтобы отразить набеги Бергойна, Сент-Леджера или сэра Джона Джонсона с Брантом и всем его воинством тори и индейцев во время американской революции.

Случилось так, что однажды ночью я покинул город Олбани в компании одного из этих героических духов. Мы разместились в фэзтоне моего отца, старомодном образце аристократизма, ныне вышедшем из моды, запряженном отличной лошадью, на которой он всегда выезжал на парады. Было уже поздно, когда мы выбрались за пределы города и поднялись на холм, и ночь застала нас далеко в сосновом лесу, у Билли Маккауна, известного трактира, расположенного на полпути между сити и Иоско, где в те дни было принято останавливаться; ибо, помимо того, что он пользовался большим уважением и был одним из самых разумных и влиятельных людей в городе, считалось неправильным, чего бы ни требовал путешественник, чтобы *лошадь* проехала восемь миль, не переводя дух, и с ведром воды. Поскольку я был еще молод и возницей не таким отважным, как мой товарищ, он до сих пор держал в руках кнут и поводья; но после историй о волках, которые посыпались на нас в тот вечер у Маккауна, он больше не хотел их держать. Каждый человек, думал он, несет ответственность перед самим собой. В ту ночь он не захотел стать волчьей добычей, поэтому нанял у нашего хозяина резвую лошадь, хлыст и шпоры и отправился в путь со скоростью Иегу, предоставив мне пробираться в тяжелой карете по песчаным равнинам, насколько это было в моих силах.

По правде говоря, мы только что достигли самой мрачной части равнины, где деревья были более густыми, песок глубоким и тяжелым, *ане* дом, а всего один, в радиусе четырех миль. Что еще хуже, это было главное место волчьей наглости, где он даже осмеливался нападать на людей. Именно на этом пути школьный учитель применил свое медицинское искусство, что сделало его более известным по всей стране как предполагаемый центр их власти. Однако мне ничего не повредило; лошадь была в порядке, и я добрался домой не только не съеденным, но и не пострадавшим от волчьей пасти.

Но я должен ограничиться данным вопросом. Однажды темной летней ночью большой и свирепый волк совершил вылазку с равнины и ворвался в центр деревни, на ходу огрызаясь направо и налево и кусая каждое животное, попадавшееся ему на пути. Коровы, свиньи,

поросята, гуси - все виды, будь то четвероногие или двуногие, одинаково злобствовали. Животное, казалось, было совершенно вездесущим — оно было повсюду и, казалось, ничего не щадило. Не припоминается, чтобы в деревне был хоть один дом или амбарный двор, где что-либо не было укушено. Если бы он пришел с поручением отомстить за большие и угрожающие стаи волков, которые выступили против его расы, и за все оккультные искусства школьного учителя, пытавшегося заманить их в Барретс-холлоу, он не смог бы наносить свои ядовитые удары более без разбора.

Должно быть, около полуночи или вскоре после этого пришел страшный посетитель. Полночь в сельской деревне застаёт почти всех в постелях, но среди животных поднялся такой переполох, вызванный этим странным пришельцем, что они вскоре *вылезают* из постелей. Мычал скот, визжали свиньи, кудахтала домашняя птица — должно быть, что-то не так. Должно быть, сам Санта Клаус разыгрывает свои шалости. "Волк!" — раздался крик. "Волк творит опустошение". "Он сумасшедший!" - донеслись следующие голоса из ночи. "Бешеный волк!— бешеный волк!" Никто, кроме бешеного волка, не мог отважиться в одиночку проникнуть в сердце деревни и натворить столько бед. Люди выбежали на улицы, мужчины, женщины и все остальные. Кто-то схватил ружья, кто-то дубинки, кто-то вилы. Если бы тори и индейцы во время старой французской войны ворвались в поселение с огнем и мечом, не могло быть большего смятения, и никто, кроме бешеного волка, не устоял бы на своем месте. Где он? в какую сторону он побежал? кто его видел? и последовали тысячи похожих выражений. Он пошел на юг, и на юг толпа гналась за ним. Он был далеко, на улице, которая ведет вверх от средней фабрики. Ночь была пасмурной, или луна выходила лишь урывками и отбрасывала достаточно света, чтобы смутно различать предметы из-за облаков, плывущих перед ней. Легкий ветерок донес невнятный шепот, и, наконец, женский крик. Вскоре выяснилась причина этого. Волк укусил миссис Ситц. Миссис Ситц была аккуратной, высокой, с застывшим лицом, бодрствующей домохозяйкой из голландии Гессен-д'Армштадт, которая последовала примеру своего мужа, испытал его механические способности в окрестностях Иоско; но пока ее муж Фрэнк крепко спал под воздействием тяжелого трудового дня, она прислушивалась к надвигающейся тревоге. Вскоре она услышала шум в своем гусяном загоне. Бешеное животное прыгнуло в самую гущу толпы, что вызвало такой шум, как будто Рим вторгся во второй раз. Она выбежала к ним на помощь, не зная характера нарушителя спокойствия, но, естественно, думая, что это какой-нибудь соседский вор, который хотел сделать припасы к наступающему Рождеству. Животное щелкнуло ее и выскочило из загона. "Майн хемель!" - закричала она. "Эр хэт майн гебиссен!" И действительно, волк укусил ее в бедро.

Вскоре подошла группа погони, и в то время как некоторые останавливались, чтобы провести переговоры и посочувствовать ей, другие продолжали преследовать животное — шпицбука, как она его злобно называла. К этому времени волк обогнул южную часть деревни и пробежал по старой заводской дороге, мимо мельничной плотины, под старым темным мостом у лесопилки и вверх по холму у старого общественного магазина; и таким образом повернул обратно на север, в самую глухую часть деревни, куда он впервые вошел. Он сделал полный круг. Позади него были только доблесть, хвастовство и горячая скорость, но волк был слишком проворен для них. Однако, к несчастью для него, в то время как основная группа продвигалась позади, как раз в тот момент, когда он взбирался на холм старого магазина, его внезапно возглавила группа, спускавшаяся с него. Эту партию возглавлял старый полковник С., солдат-революционер, полевой офицер окружной милиции и управляющий обширным производственным предприятием, благодаря которому деревня черпала свое процветание. Он был вооружен

старинной запалкой, хорошо заряженной, и, будучи в спешке поднят с постели, в данный момент не мог найти свою шляпу и нахлобучил старую революционную треуголку, которая висела в комнате. Его появление было как нельзя кстати; он остановился на гребне холма; и когда волк прыгнул дальше, он навел ружье на проходившего мимо беглеца и выстрелил. Он целился в плечи; мимолетность его скорости, однако, спасла жизненно важные части тела, но выстрел подействовал на задние лапы животного. Они оба были переломаны выстрелом. Это сбило его с толку. Бедняга пытался тащиться дальше, держась за передние лапы, но преследователи были слишком близко от него и вскоре расправились с ним топорами и дубинками.

Так пал бешеный волк, о котором долго говорили мужчины и мальчики и который стал главным предметом деревенских традиций. Но последствия его визита на этом не закончились. В свое время симптомы безумия охватили крупный рогатый скот и других животных, которые оказались в пределах досягаемости его зубов. Многие из лучших дойных коров были застрелены. Телята, свиньи и даже домашняя птица заболели бешенством; и поскольку с делами такого рода обычно преувеличивают, в деревне возникла настоящая паника по этому поводу, и множество ценных животных, несомненно, было отстреляно просто потому, что они проявили некоторое беспокойство в очень критический момент.

Но что, мне кажется, читатель готов спросить, стало с миссис Ситц? То ли она переняла какие-то мистические искусства от Дикого Охотника из Богемии, то ли получила защиту от яда благодаря тщательно прописанным лекарствам доктора Крауза, который должным образом осмотрел пациента, то ли какое-то врожденное влияние отважной женщины, то ли дерзость самого укуса оказались более чем достойными волка, я не могу сказать; но несомненно то, что в то время, как быки и коровы, свиньи и откормленные детеныши попадали под вирус и были отстреляны, она выздоровела и прожила много лет, чтобы ругать своего дремлющего мужа Фрэнка, который был убит. не вскочил сразу, а пришел ей на помощь из гусиного загона.

Владения индейцев. По последним данным, Отто владеют большим участком земли на Биг-Платт, к западу от Миссури; они бедная раса людей и получают небольшую ренту в размере 2500 долларов. Пауни - могущественный народ, насчитывающий около 6500 человек, разделенных на банды под названиями пауни лупс, Гранд пауни, Республиканские пауни, пауни Пикс и т.д.; они дикие и скрытные в своих привычках, и получают провизию и товары. Великая нация - это поттоватоми, или "объединенные племена чиппева, оттава и поттоватоми". Они владеют пятью миллионами акров прерий, от реки Миссури до племени Литтл-Сиу, насчитывают около 2000 человек и получают 42 000 долларов в год за свои земли, проданные в Иллинойсе и Мичигане. Они представляют собой респектабельную группу индейцев, являются хорошими фермерами и дают образование своим детям. Выплата аннуитета — это всегда сезон большого веселья и празднеств. - *Фото Н.О.*

Характерной чертой некоторых индийских легенд является то, что они передают *мораль*, которая кажется достаточно ясной, чтобы указать, что часть этих легенд была придумана для того, чтобы передать наставления молодым людям, которые их слушают. Известное отсутствие у индейцев каких-либо суровых методов в воспитании своих детей подтверждает эту идею. Нижеследующая история явно адресована девочкам, которым она показывает опасность того, что мы называем кокетством. Из этого следует, что красота и

сопутствующая ей страсть к одежде среди рыжих дочерей Адама и Евы имеют ту же тенденцию порождать гордыню, питать самомнение и самоуважение и предполагать *тиранию над человеческим сердцем*, которой, как говорят нам писатели, обладают их белокожие, каштанововолосые и голубоглазые отпрыски по всему миру. Эта история появилась в "Колумбийце". Термин "Муавис" - один из самых уничижительных и оскорбительных из возможных. Оно происходит от субстантивного слова Odjibwa, то, грязь или экскременты.

МОУВИС, ИЛИ ЧЕЛОВЕК, СДЕЛАННЫЙ ИЗ ЛОХМОТЬЕВ И ГРЯЗИ.

ТРАДИЦИОННАЯ ЛЕГЕНДА ОБ ОДЖИБВАХ.

В большой деревне жила известная красавица, или Ма мон да го ква, которая вызывала восхищение всех молодых охотников и воинов. Особенно ей восхищался молодой человек, которого из-за его хорошей фигуры и тщательности, с которой он одевался, прозвали Кавалером, или Ма мон да гин ин-е. У этого молодого человека был друг и компаньон, которого он посвятил в свои дела. "Пойдем, - сказал он однажды в спортивном настроении, - поухаживаем за той, кто так красив, может быть, ей понравится один из нас". Но она не слушала ни того, ни другого, и когда красивый молодой человек пришел в себя от холодности ее обращения и сделал усилие преодолеть свое безразличие, она сложила вместе большой и трехпалый пальцы и, грациозно протянув к нему руку, намеренно раскрыла их перед его лицом. Такой жест неприятия является одним из проявлений высшего презрения, и молодой охотник удалился, смущенный. Его чувство гордости было глубоко уязвлено, и он был тем более задет, что это было сделано в присутствии других, и вскоре об этом деле заговорила вся деревня, и о нем заговорили в каждой кружке ложи. Кроме того, он был очень чувствительным человеком, и эта тварь так изводила его, что он впал в уныние и в конце концов слег в постель. Он был неразговорчив, часто целыми днями лежал, не произнося ни слова, устремив взгляд в пустоту, и почти ничего не ел. Из этого состояния никакие усилия не могли вывести его; он чувствовал себя смущенным и опозоренным даже в присутствии собственных родственников, и никакие уговоры не могли заставить его подняться. Так что, когда семья приготовилась снести вигвам, чтобы переехать, он все еще оставался на своей кровати, и они были вынуждены поднять ее ему над головой и оставить его на кожаном ложе. Это было время всеобщего переселения и расформирования лагеря, потому что это был всего лишь зимний охотничий лагерь, и поскольку сезон охоты уже закончился, и наступила весна, все они, как по единому порыву, отправились к месту своей летней деревни, и через короткое время все ушли, и он остался один. Последним, кто покинул его, был его верный компаньон и двоюродный брат, который также упоминается как один из поклонников лесной красавицы. Но даже на его голос никто не обратил внимания, и как только его шаги затихли вдали на скрипучем снегу, вокруг воцарились тишина и уединение дикой природы.

Как только все ушли и он больше не мог, прислушиваясь, слышать даже самые отдаленные звуки удаляющегося лагеря, Красавчик поднялся. Следует понимать, что этому молодому человеку помогал могущественный дух-хранитель, или личный Монето; и он решил использовать всю свою силу, чтобы наказать и унижить девушку. Ибо она была известна в племени своим кокетством и обращалась с другими, которые во всех отношениях были ей равны, так же, как и с ним. Он решился на необычную уловку, чтобы отомстить. С этой целью он

прошелся по опустевшему лагерю и собрал все кусочки грязной ткани, обрезки нарядов, старую одежду и украшения, которые были либо оставлены, либо утеряны. Он осторожно подобрал их из снега, в который некоторые из них были втопты и частично зарыты, и перенес в одно место. Пестрой куче безвкусовых и запачканных тканей он вернул их первоначальную красоту и решил сделать из них сюртук и леггинсы, которые он отделал бисером, отделал и разукрасил по лучшей моде своего племени. Затем он сшил пару мокасин и украсил их бисером, луком и стрелами, а также повязкой на голову и перьями. Сделав это, он поискал повсюду выброшенные кости животных, куски шкур, обрезки вяленого мяса и даже грязь, и, скрепив их снегом, он наполнил этими предметами одежду, плотно вдавил массу и придал ей внешний вид во всех отношениях, подобный высокому и хорошо сложенному мужчине. Он дал ему в руки лук и стрелы, а на голову повязку. И, закончив, он воплотил его в жизнь, и изображение предстало в самых любимых чертах его братьев. Таково было происхождение Моувиса, или Грязного Тряпичного Человека.

"Следуйте за мной, - сказал Красавчик, - и я укажу вам, как вам следует действовать". Он действительно был очень видным человеком, и когда они вошли в новый лагерь, разноцветье его одежды, обилие украшений, которые он ухитрился ему подарить, а также его прекрасная мужественная походка и оживленное выражение лица привлекли всеобщее внимание. И все, как старые, так и молодые, встретили его со знаками внимания. Вождь пригласил его в свой вигвам, и его угостили лосиным горбом и отборной олениной.

Но никто не был так доволен красивым незнакомцем, как Ма мон да го ква. Она влюбилась в него с первого взгляда, и он был приглашенным гостем в домике ее матери в самый первый вечер своего приезда. Кавалер пошел с ним, потому что именно под его покровительством он был представлен, и, по правде говоря, у него была другая причина сопровождать его, поскольку он еще не полностью подавил свое чувство восхищения объектом, против которого он, тем не менее, применил всю свою некромантическую силу, и он считал себя зависимым от любого благоприятного поворота, который, как он тайне надеялся, может принять этот визит по отношению к нему самому. Но такого поворота не произошло. Муувис привлекал всеобщее внимание, и все глаза и сердца были готовы развлечь его. В этих усилиях со стороны его артистов они почти раскрыли его истинный характер и растворили его в его первоначальных элементах - лохмотьях, снеге и грязи; ибо ему было отведено самое видное место перед камином: это была такая жара, которую он ни в коем случае не мог вынести. Чтобы отогнать его, он поставил мальчика между собой и огнем. Он часто менял позу и ловкими маневрами и своевременными замечаниями уклонялся от настойчивого приглашения хозяина сесть и насладиться трапезой. Он так придумал эти отговорки, чтобы не только скрыть свой страх перед немедленным исчезновением, но и заручиться дальнейшим одобрением прекрасной лесной девушки, которая не могла не восхищаться человеком, обладавшим такой отвагой и стойкостью к парализующему воздействию холода.

Этот визит доказал, что отвергнутый любовник хорошо просчитал последствия своего плана. Он вышел из вигвама, и Моувис восторжествовал. Прежде чем уйти, он увидел, как тот пересек вигвам, направляясь к вождю *уабиносу*, или месту жениха. Бракосочетание у лесной расы - простая церемония, и там, где препятствия, связанные с обычаями, невелики, на их выполнение требуется совсем немного времени. Дротик, который Ма мон да го ква так часто с удовольствием посылала в сердца своих поклонников, наконец-то суждено было получить ей самой. Она вышла замуж за образ. Когда забрезжило утро, незнакомец встал, поправил перья

своего воина и, взяв свое лесное оружие, собрался уходить. "Я должен идти, - сказал он, - потому что у меня важное дело, а между мной и целью моего путешествия много холмов и ручьев". "Я пойду с тобой", - ответила она. "Это слишком далеко, - возразил он, - и ты не в состоянии противостоять опасностям пути". "Это не так далеко, но я могу пойти, - ответила она, - и нет таких опасностей, которые я не разделила бы ради тебя".

Муавис вернулся в вигвам своего хозяина и подробно рассказал ему о событиях, которые мы описали. Жалость на мгновение сжала грудь отвергнутого юноши. Он сожалел, что она таким образом превратилась в образ и тень, тогда как могла бы быть хозяйкой лучшей ложи в оркестре. "Но это ее собственная глупость, - сказал он. - она осталась глуха к советам благоразумия и должна покориться своей судьбе".

В то же утро Человек-Истукан отправился в путь, и его жена последовала за ним, согласно обычаю, на некотором расстоянии. Путь был неровным и запутанным, и она не могла угнаться за его быстрым шагом; но она упорно пыталась догнать его. Моувис уже давно скрылся из виду, когда возшло солнце и начало разрушать его покрытое снегом тело. Он начал таять и распадаться на части. Пока она следовала за ним, на тропинке находили кусочек за кусочком его одежду. Сначала она нашла его варежки, затем мокасины, затем леггинсы, затем пальто и другие части его одежды. Когда жара освободила их, все они вернулись к своему униженному и грязному состоянию. Путь вел по скалам, через водопады ветров, через болота. Он вращался по всем сторонам света и не имел определенного направления или объекта. Были найдены тряпки, кости, кожа, бусы, перья и грязные ленты, но она так и не увидела Моувиса. Она провела день в блужданиях; и когда наступил вечер, она была не ближе к цели своих поисков, чем утром, но к этому времени снег растаял, и она полностью потеряла его след и бродила, не зная, в какую сторону идти, и в состоянии совершенного отчаяния. Почувствовав себя потерянной, она начала с горькими криками оплакивать свою судьбу.

-Моувис, Моувис! - закричала она. "Нин гэ не выиграет, не выиграет, не выиграет" — то есть "Муавис, Муавис, ты сбил меня с пути истинного" — ты сбиваешь меня с пути истинного. И с этим криком она продолжила блуждать по лесу.

Иногда деревенские девушки повторяют вышеприведенные слова, варьируя выражения, пока они не образуют своеобразную песню, которая, согласно версиям "дружеской руки", может быть записана следующим образом:

Моувис! Моувис!
Лесной бродяга, -
Где ты?
Ах, мой самый храбрый, самый веселый любовник,
Веди меня сейчас.

Моувис! Моувис!
Ах, поверь мне,
Услышь мой стон,
Не—не, храброе сердце, оставь меня

Совсем одну.

Моувис! Моувис!

Отпечатки ног исчезли,
Куда бреду я,
Обреченный, потерянный, ненавистный, изгнанный,
Я должен умереть.

Моувис! Моувис!

Куда направляешься,
Ослепительный любовник,
Ах, ты, прожорливая птица, знающая,
Я вижу, как ты паришь.

Кружу—кружу,
Пока я бреду,
Но только для того, чтобы подсмотреть,
Где я упаду, а потом ударить
себя В грудь.

ОДИНОКАЯ МОЛНИЯ.

СКАЗКА ОДЖИБВЫ.

Маленький мальчик-сирота, о котором некому было позаботиться, когда-то жил со своим дядей, который очень плохо обращался с ним, заставляя выполнять тяжелые работы и давая ему очень мало еды; так что мальчик зачах, он так и не вырос и из-за жестокого обращения стал очень худым и легким. В конце концов дяде стало стыдно за такое обращение, и он решил загладить свою вину, откормив его, но его настоящей целью было убить его перекармливанием. Он велел своей жене накормить мальчика побольше медвежатины и оставить ему жир, который считается самой вкусной частью. Они оба были очень усердны в том, чтобы пичкать его, и однажды чуть не задушили его до смерти, запихнув жир ему в горло. Мальчик вырвался и убежал из сторожки. Он не знал, куда идти, и бродил по округе. Когда наступила ночь, он испугался, что дикие звери съедят его, поэтому он забрался в развилку высокой сосны и там уснул на ветвях, и ему приснился ауповай, или зловещий сон.

Человек явился ему с верхнего неба и сказал: "Мой бедный маленький мальчик, мне жаль тебя, и плохое обращение, которому ты подвергся от своего дяди, побудило меня навестить тебя: следуй за мной и ступай по моим следам". Сон немедленно покинул его, и он встал и последовал за своим проводником, поднимаясь все выше и выше в воздух, пока не достиг верхнего неба. Здесь ему вложили в руки двенадцать стрел, и ему сказали, что в северном небе

очень много манитоев, против которых он должен начать войну, попытаться подстеречь их и застрелить. Соответственно, он отправился в ту часть неба и с большими интервалами выпускал стрелу за стрелой, пока не израсходовал одиннадцать в тщетной попытке убить манитоев. При полете каждой стрелы в небе сверкала длинная и одинокая полоса молнии — затем все снова становилось ясно, и не было видно ни облачка, ни пятнышка. Двенадцатую стрелу он долго держал в руках и зорко озирался по сторонам, высматривая манито, за которыми охотился. Но эти манитоды были очень хитры и могли менять свою форму в одно мгновение. Все, чего они боялись, - это стрел мальчика, потому что это были волшебные стрелы, которые были даны ему добрым духом и обладали силой убивать их, если их правильно нацелить. Наконец мальчик вытащил свою последнюю стрелу, прицелился и выпустил ее, как ему казалось, в самое сердце вождя манитоев; но прежде чем стрела достигла его, он превратился в камень. Наконечник стрелы глубоко вошел в этот камень и прочно застрял.

"Теперь все твои дары израсходованы", — воскликнул разъяренный манито, - "и я покажу пример твоей дерзости и гордыни сердца за то, что ты поднял на меня свой лук" - и с этими словами он превратил мальчика в солнце Нажик-а-ва-ва, или Одинокую Молнию, которую и по сей день можно наблюдать на северном небе.

ЗАРИСОВКИ ИЗ ЖИЗНИ ИЗВЕСТНЫХ КРАСНОКОЖИХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН, ПОЯВИВШИХСЯ НА ЗАПАДНОМ КОНТИНЕНТЕ.

ПРИЗНАНИЯ КЭТРИН ОГИ ВИАНА АКВУТ ОКВА;

Или ЖЕНЩИНА ИЗ ОБЛАЧКА В ГОЛУБОМ ОДЕЯНИИ,

ПРОРОЧИЦА ЧЕГОИМЕГОНА.

[Эти признания западной Прорицательницы были сделаны после того, как она отказалась от пророческого служения, отбросила все церемонии индийского *Медавина* и *Иисуса Евинаи* присоединилась к методистской епископальной церкви, последовательным членом которой она оставалась вплоть до наших последних событий. Они пересказаны ее собственными словами.]

Когда я была девочкой лет двенадцати-тринадцати, моя мать сказала мне остерегаться того, что со мной может случиться. Соответственно, однажды ранним утром, в середине зимы, я обнаружил необычный знак и убежал как можно дальше от сторожки и оставался там до тех пор, пока моя мать не пришла и не нашла меня. Она поняла, в чем дело, и подвела меня поближе к семейному домику, и попросила меня помочь ей соорудить небольшой домик из еловых веток. Она велела мне оставаться там и ни от кого не отходить, а для развлечения заняться колкой дров и что она принесет мне побольше подготовленной коры окуневого дерева, чтобы скрутить

ее в бечевку. Она сказала мне, что приедет навестить меня через два дня, а пока я не должен даже пробовать снег.

Я сделал, как было указано; через два дня она пришла навестить меня. Я думал, что она наверняка принесет мне что-нибудь поесть, но, к моему разочарованию, она ничего не принесла. Я больше страдал от жажды, чем от голода, хотя чувствовал, как у меня сводит живот. Моя мать спокойно села и сказала (убедившись, что я ничего не пробовала, как она велела): "Дитя мое, ты самая младшая из своих сестер, и теперь у меня не осталось никого из всех моих сыновей, кроме вас *четверых*" (имея в виду двух своих старших сестер, ее саму и маленького сына, совсем еще мальчика). "Кто, - продолжала она, - позаботится о нас, бедных женщинах? Теперь, дочь моя, послушай меня и постарайся повиноваться. Почерни свое лицо и постись *по-настоящему*, чтобы Владыка Жизни сжалился над тобой, надо мной и над всеми нами. Ни в малейшей степени не отклоняйся от моих советов, и еще через два дня я приду к тебе. Он поможет тебе, если ты полон решимости поступать правильно, и скажи мне, благосклонен ли к тебе *истинный* Великий Дух или нет; и если твои видения нехороши, отвергни их". С этими словами она ушла.

Я взяла свой маленький топорик, нарубила побольше дров и скрутила веревку, из которой собиралась шить *ап пук ун ун*, или циновки, для семьи. Постепенно у меня начал пропадать аппетит, но жажда не ослабевала; я все еще боялся прикасаться к снегу, чтобы утолить ее, посасывая его, поскольку моя мать сказала мне, что если я сделаю это, хотя и тайно, Великий Дух увидит меня, а также меньшие духи, и что от моего голодания не будет никакой пользы. Итак, я продолжал поститься до четвертого дня, когда моя мать пришла с маленькой жестяной миской и, наполнив ее снегом, пришла в мой вигвам и была очень довольна, обнаружив, что я последовал ее указаниям. Она растопила снег и велела мне выпить его. Я выпил и почувствовал себя отдохнувшим, но захотел еще, чего, как она сказала, делать не следует, и я удовлетворился тем, что она мне дала. Она снова посоветовала мне обрести хорошее видение и следовать ему — видению, которое могло бы принести пользу не только нам, но и человечеству, если бы я мог. Затем она оставила меня и в течение двух дней не приближалась ни ко мне, ни к какому-либо человеческому существу, и я был предоставлен своим собственным размышлениям. Вечером шестого дня мне почудился голос, окликнувший меня: "Бедное дитя! Мне жаль ваше состояние; пойдите, вас пригласили сюда", - и мне показалось, что голос доносился откуда-то издалека от моего вигвама. Я подчинился зову и, подойдя к тому месту, откуда доносился голос, обнаружил тонкую блестящую дорожку, похожую на серебряный шнур, по которой и пошел. Она вела прямо вперед и, как мне показалось, вверх. № 3. Пройдя небольшое расстояние, я остановился и увидел по правую руку от себя новолуние с пламенем, поднимающимся сверху, как свеча, и отбрасывающим вокруг широкий свет. № 4. Слева появилось солнце, близкое к точке своего захода. № 11. Я пошел дальше и увидел справа от себя лицо *Кау ге гаг бе куа*, или вечной женщины, № 5, которая назвала мне свое имя и сказала мне: "Я даю тебе свое имя, и ты можешь дать его другому. Я также даю вам то, что имею, - жизнь вечную. Я даю вам долгую жизнь на земле и умение спасать жизни других. Иди, ты призван свыше".

Я пошел дальше и увидел стоящего человека с большим круглым телом и лучами на голове, похожими на рога. № 6. Он сказал: "Не бойся, меня зовут Монеда Винниес, или Дух Маленького человека. Я даю это имя твоему первому сыну. Это моя жизнь. Иди в то место, которое ты призван посетить". Я шел по тропинке, пока не увидел, что она ведет к отверстию в небе, когда я услышал голос и, остановившись, увидел фигуру человека, стоящего рядом с тропинкой, голова

которого была окружена сверкающим нимбом, а грудь покрыта квадратами. № 7. Он сказал мне: "Посмотри на меня, меня зовут *О Шау вау э джигхик*, или Яркое-Голубое Небо. Я - завеса, закрывающая проход в небо. Встань и послушай меня. Не бойся. Я собираюсь наделить тебя дарами жизни и подготовить тебя к бою, чтобы ты мог противостоять и выстоять". Тотчас же я увидел себя окруженным яркими точками, которые упирались в меня, как иглы, но не причиняли мне боли, и они упали к моим ногам. № 9. Это повторялось несколько раз, и каждый раз они падали на землю. Он сказал: "Жди и не бойся, пока я не скажу и не сделаю все, что собираюсь". Затем я почувствовал, как в мою плоть вонзаются разные инструменты, сначала похожие на шила, а затем на гвозди, но они не причиняли мне боли, а, подобно иглам, падали к моим ногам так часто, как только появлялись. Затем он сказал: "Это хорошо", имея в виду мое испытание по этим пунктам. "Вы увидите продолжительность дней. Продвиньтесь немного дальше", - сказал он. Я так и сделал и встал в начале прохода. "Вы достигли, - сказал он, - предела, который вы не можете преодолеть. Я называю вас своим именем, вы можете назвать его другому. А теперь возвращайся! Оглянись вокруг. Для тебя есть средство передвижения. № 10. Не бойся забраться ему на спину, и когда ты доберешься до своего домика, ты должен принять то, что поддерживает человеческое тело". Я обернулся и увидел что-то вроде рыбы, плавающей в воздухе, и, сев на нее, как было указано, быстро унесся назад, мои волосы развевались позади меня в воздухе. И как только я вернулся, мое видение прекратилось.

Утром, на шестой день моего поста, пришла мама с небольшим количеством вяленой форели. Но такова была моя чувствительность ко всем звукам и возросшая сила обоняния, вызванная голоданием, что еще до того, как она появилась в поле зрения, я услышал ее, находясь на большом расстоянии, а когда она вошла, я не смог вынести ни запаха рыбы, ни ее самой. Она сказала: "Я принесла тебе кое-что поесть, только немного, чтобы ты не умер". Она приготовилась приготовить его, но я сказал: "Мама, воздержись, я не хочу это есть — запах для меня отвратительный". Соответственно, она перестала готовить рыбу и снова призвала меня проявить настойчивость и попытаться стать для нее утешением в ее преклонном возрасте и тяжелом положении, после чего ушла от меня.

Я попытался, как обычно, нарубить дров, но от усталости снова упал на снег и некоторое время лежал; наконец я сделал усилие, поднялся, пошел в свой вигвам и лег. Я снова увидел видение и каждого человека, который раньше говорил со мной, и услышал различного рода обещания, данные мне, и песни. Я пошел тем же путем, которым шел раньше, и встретил тот же прием. У меня также было другое видение, или небесный визит, о котором я сейчас расскажу. Моя мать пришла снова на седьмой день и принесла мне немного толченой кукурузы, сваренной в *снеговой воде*, потому что она сказала, что я не должен пить воду из озера или реки. Приняв его, я рассказал ей о своем видении. Она сказала, что это хорошо, и посоветовала мне продолжить голодание еще на три дня. Я так и сделал; в конце концов она отвезла меня домой и устроила пир в честь моего успеха, пригласив великое множество гостей. Мне было велено питаться умеренно и не брать ничего слишком сытного; но в этом не было необходимости, так как мое воздержание обострило мои чувства настолько, что вся животная пища имела грубый и неприятный запах.

После седьмого дня моего поста (продолжала она), когда я лежала в своем домике, я увидела темный круглый предмет, спускающийся с неба, похожий на круглый камень, и входящий в мой домик. Когда он приблизился, я увидел, что у него были маленькие ступни и руки, как у человека. Оно заговорило со мной и сказало: "Я даю тебе дар заглядывать в будущее, чтобы ты

мог использовать его на благо себя и индейцев - твоих родственников и племен-народа". Затем он улетел, но когда он улетал, у него появились крылья, и он показался мне похожим на рыжего дятла.

В результате такой милости я овладела искусством знахарки и пророчицы, но никогда искусством вабено. Впервые я применил пророческое искусство по настоятельным и неоднократным просьбам моих друзей. Это было зимой, и тогда они стояли лагерем к западу от Висакоды, или реки Бруле, впадающей в озеро Верхнее, и между ней и равнинами на западе. Там было, помимо семьи моей матери и ее родственников, значительное количество семей. Они пробыли в этом месте некоторое время и были близки к голодной смерти, так как не могли найти никакой дичи. Однажды вечером начальник отряда пришел в вигвам моей матери. Я легла и должна была спать, и он попросил мою мать, чтобы она позволила мне попробовать свои силы, чтобы освободить их. Моя мать поговорила со мной и после некоторого разговора дала свое согласие. Я сказал им построить *Джи сук аун*, или дом пророка, *прочный*, и дал конкретные указания для этого. Я распорядился, чтобы он состоял из десяти столбов или саженцев, каждый из разных пород дерева, которые я называл. Когда он был готов и туго обмотан шкурами, все население лагеря собралось вокруг него, и я вошел, взяв только небольшой барабан. Я немедленно опустился на колени и, пригнув голову к земле, в положении, максимально приближенном к простертому, начал бить в свой барабан и декламировать свои песни или заклинания. Домик начал сильно трястись, каким-то сверхъестественным образом. Я понял это по току сжатого воздуха наверху и шуму движения. Поскольку это было расценено мной и всеми окружающими как доказательство присутствия духов, к которым я обращался, я перестал биться и петь и лежал неподвижно, ожидая вопросов, в той позе, которую принял вначале.

Первый вопрос, заданный мне, касался игры и того, *где* ее можно было найти. Ответ был дан орбитальным духом, который явился мне. Он сказал: "Как ты близорук! Если вы пойдете в *западном* направлении, вы найдете дичь в изобилии". На следующий день лагерь был разбит, и все они двинулись на запад, причем охотники, как обычно, ушли далеко вперед. Не успели они далеко выйти за пределы своего прежнего охотничьего круга, как наткнулись на следы лося, и в тот день они убили самку и двух молодых лосят, почти взрослых. Они заново разбили свой лагерь, и на этом новом месте у них было в изобилии животной пищи.

Этот успех укрепил мою репутацию, и я добились того, что меня отметили в племени в искусстве знахарки, и пела песни, которые я передала вам. Примерно через четыре года я вышла замуж за О Муш Коу Эгиджика, или Сильного Неба, который был очень активным и успешным охотником и хорошо снабжал свой вигвам едой; и мы жили счастливо. После того как у меня родились двое детей, девочка и мальчик, мы отправились, по обычаю индейцев весной, посетить поселения белых. Однажды ночью, когда мы стояли лагерем в начале волока в Пауатинге (водопад Сент-Мэри), между моим мужем и наполовину французом по имени Готье произошла гневная перепалка, который вместе с двумя своими двоюродными братьями в ходе спора вытащили ножи и томагавк и нанесли ему удары в четырех или пяти местах - по телу, голове и бедрам. Это произошло в первый год, когда американцы прибыли в это место (1822). Он вышел поздно вечером, чтобы посетить палатку Готье. Один из людей торговца уговорил меня выпить в тот вечер, а было уже поздно, и я попросил его не уходить, а отложить свой визит до следующего дня; и после того, как он ушел из сторожки, я почувствовал внезапное предчувствие беды, пошел за ним и возобновил свои тщетные попытки. Он велел мне возвращаться, и поскольку в сторожке у меня было двое детей, младший из которых, мальчик, был еще в колыбели, а потом

заболел, я засиделся с ним допоздна, и ждал, и ждал, до позднего часа, а потом заснул от усталости. Я спала очень крепко. Первое, что я почувствовала, была сильная тряска девушки, племянницы Готье, которая сказала мне, что мой муж и Готье все время ссорились. Я встал и пошел вверх по ручью к лагерному костру Готье. Он почти погас, и я тщетно пытался разжечь его. Я заглянул в его палатку, но там было темно и ни души. Они внезапно сбежали, хотя в тот момент я не знал причины. Я попыталась зажечь свет, чтобы найти своего мужа, но не смогла найти ничего сухого, потому что накануне шел очень сильный дождь. Через некоторое время мое зрение прояснилось, и, повернувшись в сторону реки, я увидел темный предмет, лежащий недалеко от берега, на поросшей травой прогалине. Мое внимание привлекло что-то блестящее, оказавшееся его серьгами. Я подумала, что он спит, и, наклонившись, чтобы разбудить его, поскользнулась и упала на колени. Я поскользнулся в его крови на траве и, положив руку ему на лицо, обнаружил, что он мертв. Утром индийский агент пришел с солдатами из форта, чтобы посмотреть, что случилось, но убийца и вся его кровавая банда родственников сбежали. Агент отдал приказ похоронить тело на старом индейском кладбище под водопадом.

В это время моя престарелая мать стояла лагерем примерно в миле отсюда. Утром я взяла двух своих детей и убежала в ее вигвам. Она только что услышала об убийстве и плакала, когда я вошел. Я напомнил ей, что это был акт провидения, которому мы должны подчиниться. Она сказала, что плачет из—за меня и моих бедных беспомощных детей, что я осталась такой же, как и она много лет назад, и некому нас обеспечить. Вместе с ней я вернулся на свою родину в Чегоимегон на озере Верхнее.

Пока что это ее собственный рассказ. Мы надеемся, что в следующем номере мы расскажем подробнее о ее разнообразной и довольно богатой событиями жизни, а также о образцах ее лекарств и пророческих песнях.

ПРАВЯЩИЙ ВОЖДЬ МИАМЦЕВ.

Умер 13-го сентября. (Август 1841 г.) в своей резиденции на Сент-Мэри, в четырех с половиной милях к юго-западу от этого города, Джон Б. Ричардвилл, главный вождь индейцев племени Майами, в возрасте около восьмидесяти лет.

Вождь Ричардвилл, или "*Пискева*" (это индейское имя, означающее по-английски "дикая кошка"), родился на мысе за рекой Моми, напротив этого города, под большой яблоней или рядом с ней, на ферме покойного полковника Коулза; и в очень раннем возрасте, по наследству, стал вождем племени, его мать была вождем на момент его рождения. Его положение вскоре привело его к контакту с белыми, и он участвовал в нескольких сражениях, самым важным из которых была знаменитая резня на реке Сент-Джозеф, в миле к северу от этого города, получившая название "Поражение Хармара", где несколько сотен белых под командованием генерала Хармара были отрезаны при попытке перейти реку вброд индейцами, которые устроили засаду на противоположном берегу, стреляя по белым во время переправы; в результате этой бойни река на несколько дней на несколько миль ниже была залита кровью несчастных жертв.

Об этом Вожде повсюду говорят как о человеке, который был добр и гуманен к заключенным — гораздо больше, чем большинство представителей его расы; и как только мир был восстановлен, он стал достойным гражданином и в полной мере пользовался доверием белых. Он хорошо говорил по—французски и по-английски, а также на своем родном языке; и в течение многих лет его дом, который приятно расположен на берегу Святой Марии и который всегда был открыт для приема друзей, был местом прибежища для веселых компаний, которые всегда пользовались гостеприимством его дома.

Старик был строго честен, но удивительно бережно относился к своим интересам и накопил состояние, превышающее, вероятно, миллион долларов, состоящее из почти 200 000 долларов наличными и остатка в наиболее ценной недвижимости, которую он "по завещанию" распределил среди своих многочисленных родственников с "беспристрастным правосудием". Он всегда выражал большое желание жить, но когда он осознал, что время его ухода приближается, он смирился с совершенным самообладанием, сказав, что было приказано, чтобы все умерли, и тогда он был готов ответить на призыв "Великого Духа". Его останки были захоронены на католическом кладбище с соблюдением религиозных церемоний.—*Форт-Уэйн (Индиана) Страж.*

ВОЛШЕБНИК ОЗЕРА ГУРОН.

СКАЗКА ОТТОВА, РАССКАЗАННАЯ НАБУНВОЙ НА ИНДИЙСКОМ ЯЗЫКЕ МИСТЕРУ ДЖОРДЖУ ДЖОНСТОНУ.

В то время, когда оттовы населяли Манатолинские острова на озере Гурон, среди них жил знаменитый волшебник по имени Массвавейнини, или Живая статуя. По воле военного случая племя оттова было изгнано с этой цепи островов ирокезами и вынуждено бежать в страну, лежащую между озером Верхнее и верховьями Миссисипи, к берегам озера, которое французы до сих пор называют *Лак Курториэль*, или озеро остроухих, каковым является их *прозвище* для этого племени. Но волшебник Массвавейнини остался на обширных и живописных Манатулинах, группе островов, которые с древнейших времен считались излюбленным местом обитания манито, или духов. Его целью было служить стражем для своих соотечественников и внимательно следить за их врагами, ирокезами, чтобы своевременно сообщать об их передвижениях. С ним были два мальчика; с их помощью он крадучись греб вокруг берегов, прятался в укромных уголках и бухтах, каждую ночь затаскивал свое каноэ в густой лес и тщательно заметал свои следы на песке.

Однажды он встал очень рано и отправился на охоту, оставив мальчиков спящими, а сам ограничился густым лесом, чтобы его не обнаружили. Наконец он неожиданно вышел к границам обширной открытой равнины. Оглядевшись вокруг и никого не увидев, он направил свои шаги через нее, намереваясь выйти на противоположную сторону; во время путешествия он обнаружил человека небольшого роста, который внезапно появился на равнине перед ним и двинулся ему навстречу. На голове у него было красное перо, и, подойдя с фамильярным видом, он обратился к Массвавейнини по имени и весело спросил: "Куда ты идешь?" Затем он достал свой курительный прибор и предложил ему закурить. "Помолись, - сказал он, занимаясь этим, -

в чем твоя сила". "Моя сила, - ответила Массвавейнини, - подобна человеческой расе и аналогична силе, данной им, и не сильнее". "Мы должны побороться", - сказал человек с красным пером. "Если ты заставишь меня упасть, ты скажешь мне: "Я бросил тебя, *Ва ге ме на*".

Как только они докурили и отложили трубки, началась борьба. Долгое время борьба была сомнительной. Сила Массвавинени с каждым мгновением ослабевала. Человек с красным пером, хотя и был небольшого роста, проявил себя очень активно, но в конце концов ему помешали и сбросили на землю. Тотчас же его противник закричал: "Я бросил тебя: *ва ге ме на*"; и в одно мгновение его противник исчез. Посмотрев на то место, где он упал, он обнаружил лежащий на земле скрюченный початок *мондамина*, или индийской кукурузы, с обычной красной волосатой кисточкой на верхушке. Пока он смотрел на это странное зрелище и гадал, что бы это могло значить, с земли к нему обратился голос. "А теперь, — сказала говорящее ухо, ибо голос исходил от него, - сними с меня мой покров - не оставляй ничего, что могло бы скрыть мое тело от твоих глаз. Затем ты должен разделить меня на части, оторвав мое тело от позвоночника, на котором я расту. Брось меня в разные части равнины. Затем сломай мне хребет и разбросай его на мелкие кусочки у опушки леса, а *черезодну луну* возвращайся, чтобы навестить это место".

Массвавинени подчинился этим указаниям и немедленно отправился обратно в свой вигвам. По дороге он убил оленя и, добравшись до своего каноэ, обнаружил, что мальчики все еще спят. Он разбудил их и велел приготовить ему оленину, но тщательно скрыл от них свое приключение. На закате луны он снова, *один*, посетил свою площадку для борьбы и, к своему удивлению, обнаружил, что равнина покрыта колосьями и стеблями только что выросшей кукурузы. На том месте, куда он бросил кусочки початков, он обнаружил тыквенные лозы, растущие в большой пышности. Он тщательно скрыл это открытие и от молодых людей, а после возвращения, как обычно, занялся наблюдением за передвижениями своих врагов вдоль побережья острова. Так он продолжал до тех пор, пока лето не подошло к концу. Затем он направил свое каноэ к побережью той части острова, где боролся с Красным Плюмажем, подтянул свое каноэ, велел ребятам оставаться у него и снова посетил свою площадку для борьбы. Он нашел кукурузу в полном колосе и тыквы огромных размеров. Он сорвал початки кукурузы и собрал несколько тыкв, когда с кукурузного поля к нему снова обратился голос. "Массвавинени, ты победила меня. Если бы ты этого не сделала, твое существование было бы прекращено. Победа увенчала твою силу, и отныне ты никогда не будешь нуждаться в моем теле. Оно станет пищей для человеческой расы ". Так его предки получили в дар зерно.

Масвавейнини вернулся к своему каноэ, сообщил молодым людям о своем открытии и показал им образцы. Они были поражены и восхищены новинкой.

В те дни на этих островах совершалось много замечательных вещей. Однажды ночью, когда Массвавинени лежал, он слышал голоса, но по-прежнему держал голову закрытой, как будто не слышал их. Один голос сказал: "Это Массвавинени, и мы должны заполучить его сердце". "Каким образом мы можем его заполучить?" - спросил другой голос. "Ты должен засунуть ему руку в рот, - ответил первый голос, - и вытащить ее таким образом". Массвавинени по-прежнему молчал и не шевелился. Вскоре он почувствовал, как чья-то рука засунулась ему в рот. Когда она проникла достаточно глубоко, он откусил пальцы и таким образом избежал опасности. Затем голоса стихли, и к нему больше не приставали. Осмотрев утром пальцы, каково же было его удивление, когда он обнаружил на них длинные бусины из вампума, которые так высоко ценятся

всеми индейскими племенами. Он спал, по своему обыкновению, в густом лесу. Выйдя на открытый берег в очень ранний час, он увидел на небольшом расстоянии каноэ, временно вытасченное на берег; подойдя ближе, он увидел человека на носу и еще одного на корме, с вытянутыми руками в фиксированном положении. Один из них лишился пальцев: очевидно, это был тот самый человек, который пытался засунуть руку себе за горло. Это были двое паквуджининцев, или фей. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что они превратились в каменные статуи. Он взял эти каменные изображения с берега и установил их в лесу.

Их каноэ было одним из самых красивых сооружений, какие только можно себе представить, длиной в четыре сажени и наполненным мешками с сокровищами всевозможных видов и самой изысканной работы. Эти сумки были разного веса, в зависимости от их содержимого. Он быстро перенес их в лес вместе с каноэ, которое спрятал в пещере. Затем одно из сказочных изображений заговорило с ним и сказала: "Таким образом, каноэ Оттова отныне будут загружаться, когда они будут проходить вдоль этого побережья, хотя ваш народ изгнан их жестокими врагами ирокезами". Уже совсем рассвело, когда он вернулся к своим двум молодым товарищам, которые все еще спали. Он разбудил их и с ликованием приказал готовить, потому что принес много мяса, рыбы и других яств - даров фей.

После этого проявления удачи он вспомнил о своих престарелых отце и матери, которые были в изгнании на озере Оттова. Пожелать и осуществить свое желание для Массваейнини было делом одного мгновения.

Однажды ночью, когда он лежал без сна, размышляя об их положении вдали от родных полей и в изгнании, он решил навестить их и вернуть обратно, чтобы они увидели его изобилие и приобщились к нему. Обычному путешественнику это путешествие заняло бы двадцать или тридцать дней, но Массваейнини был в их домике еще до рассвета. Он нашел их спящими, нежно взял на руки и улетел с ними по воздуху, и принес их в свой лагерь на Манатолинах, или Островах Духа. Когда они проснулись, их изумление достигло наивысшей точки; и сравнимо оно было только с их восторгом от того, что они оказались в домике своего сына, в своей родной стране, в окружении изобилия.

Массваейнини пошел и построил им хижину недалеко от поля кукурузы и борьбы. Затем он сорвал несколько початков кукурузы и, взяв несколько тыкв, принес их своим отцу и матери. Затем он рассказал им, как получил драгоценный дар, сражаясь с духом в красных перьях, и что на его полях его было в великом изобилии. Он также рассказал им о драгоценном каноэ фей, нагруженном мешками с самыми дорогими предметами. Но одна вещь казалась необходимой для полного счастья его отца, в чем он убедился, неоднократно видя, как тот по ночам заглядывает в свой кисет для курения. Он мгновенно понял, что это значит. - Тебе нужен табак, отец мой. Через два дня ты тоже получишь это утешение. "Но где, - ответил старик, - ты можешь достать это — вдали от всех припасов и в окружении своих врагов?" "Мои враги, — ответил он, - снабдят меня этим - я перейду к надовам тотема Медведя, живущим в Пенетангишине".

Старик пытался отговорить его от путешествия, зная их кровожадный характер, но тщетно. Массваейнини немедленно решил отправиться в путь. Стояла зимняя погода, озеро замерзло, но он отправился в путь по льду и, хотя расстояние составляло сорок лиг, в тот же вечер добрался до Пенетангишина. Надовы заметили его приближение — они были поражены быстротой его движений и, сочтя его чем-то сверхъестественным, испугались его и пригласили отдохнуть в их вигвамах, но он поблагодарил их, сказав, что предпочитает развистикостер

недалеко от берега. Вечером они навестили его и хотели узнать цель его путешествия в такое ненастное время года. Он сказал, что пришел просто за табаком для своего отца. Они немедленно опубликовали статью и передали ее ему. Однако ночью они составили заговор с целью его убийства. Несколько стариков ворвались в его вигвам, и их предводитель крикнул ему: "Ты покойник". "Нет, я не такой, - сказал Массвавейнини, - но ты такой", - сопроводив свои слова ударом томагавка, который уложил мертвого надову к его ногам. На место их павшего товарища приходили все новые и новые, но он расправлялся с ними таким же образом, так же быстро, как они появлялись, пока не убил шестерых. Затем он забрал весь табак из их курительных кисетов. К этому времени уже начало светать, когда он отправился в домик своего отца, которого добрался с невероятной скоростью, и еще до наступления сумерек разложил перед стариком свои трофеи.

Когда вернулась весна, его кукурузное поле выросло без посадки или какой-либо заботы с его стороны, и таким образом кукуруза была представлена среди его народа и их потомков, которые когда-либо были известны и известны по сей день своими прекрасными урожаями этого зерна и своим усердием в его выращивании. Именно из-за их обычая торговать, описанного в этой статье, это племя называется оттовас.

ПОСАДКА КУКУРУЗЫ И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ ИНЦИДЕНТЫ.

Зеа, mais, первоначально были основным источником существования для всех племен этой расы, северных и южных. Она легла в основу мексиканского и перуанского типов цивилизации, а также в зарождающиеся отблески ее среди более воинственных племен ирокезов, натчезов, ленапеев и других северных широт. Они считают это настолько важным и божественным зерном, что их рассказчики придумали различные истории, в которых эта идея символизируется в виде особого дара от Великого Духа. У алгонкинов племени оджибва, которые называют это Мон-да-мин, то есть зерно Духа или ягода, есть красивая история такого рода, в которой стебель с пышной кисточкой изображен спускающимся с неба под видом красивого юноши в ответ на молитвы молодого человека, вступающего в пост зрелости.

Хорошо известно, что посадка и сбор кукурузы, по крайней мере, у всех еще *не колонизированных* племен, полностью возложены на женщин, детей и нескольких престарелых стариков. Возможно, не всем известно, что этот труд не является обязательным и что женщины воспринимают его как справедливый эквивалент, по их мнению, тяжелого и непрерывного труда другого пола, связанного с добычей мяса и шкур для одежды, охотой, защитой своих деревень от врагов и удержанием незваных гостей на их территории. Хорошая индийская домохозяйка считает это частью своей прерогативы и гордится тем, что у нее есть запас кукурузы, чтобы проявить свое гостеприимство или должным образом почтить гостеприимство своего мужа, развлекая гостей коттеджа.

Площадь засаживаемой земли сравнительно невелика. Этот вопрос в основном регулируется численностью семьи и другими обстоятельствами. Весна для них - время отдыха, и своим добродушным и оживляющим влиянием она приглашает к труду. У индианки нет коров, которых нужно доить, нет льна, который нужно прясть, нет пряжи, которую нужно наматывать. Даже те

работы, которые в другое время года выпадают на ее долю, сейчас приостановлены. Ей нужно собрать апукву для изготовления циновки. Производство сахара закончилось. У нее нетшкур, которые можно было бы выделывать, потому что охота закончилась, а на зверей не сезон. Именно в это время шкура портится, шерсть становится рыхлой и отваливается, и сама природа учит охотника, что животному виду необходимо отдыхать, и ему нужно дать немного времени для пополнения запасов. При таких обстоятельствах хозяйка сторожки и ее свита совершают вылазку из сторожки на кукурузное поле и легкой пемидж-аг аквут, или маленькой мотыгой, вскапывают мягкую землю и кладут свой драгоценный мондамин.

Индеец - подчеркнуто суеверное существо, верящее во всевозможные магические, тайные и чудесные влияния. Женщина сама подвергается немалой доле этих предполагаемых влияний. Я проникательно подозреваю, что половина заслуг, которые мы привыкли воздавать воину за добродетель в его обращении с пленными, объясняется только его суевериями. Он все время боится испортить свою удачу, пойти наперекор судьбе и совершить какой-нибудь неблагоприятный поступок, из-за которого он, возможно, попадет под дурное духовное влияние.

На вевун, или жену, на эква, или женщину, на гух, или мать, на эквазас, или девушку, и на данис, или дочь, и на шему, или сестру, он смотрит как на обладателя, в их различных способностях, родственных или нет, этих мистических влияний на его удачу. Вследствие этого самка никогда не идет по тропинке перед ним. Это неблагоприятный знак. Если она встретится ему на пути, когда он собирается отправиться на охоту или на войну, удача покинет его. Если она больна по естественным причинам, она не может даже оставаться в том же вигваме. Она не может воспользоваться чашкой или миской, не сделав их, по его мнению, нечистыми.

Исключительное доказательство этой веры обоих полов в таинственное влияние шагов женщины на создание растений и насекомых содержится в древнем обычае, о котором я рассказывал, относительно посадки кукурузы. У жены охотника была привычка, когда поле было засеяно кукурузой, выбрать первый темный или облачный вечер, чтобы совершить тайный обход вокруг поля без одежды. С этой целью вечером она незаметно выскользнула из сторожки в какой-то укромный уголок, где полностью разделась. Затем, взяв в одну руку свою матчекоту, или основную одежду, она протащила ее по полю. Считалось, что это гарантирует обильный урожай и предотвращает нападение насекомых и червей на зерно. Предполагалось, что они не смогут переползти через зачарованную черту.

Но если сажать кукурузу живо и удовлетворенно, а не рабски, то сбор и лущение кукурузы - это сезон решительной благодарности и веселья. На этих сборищах вожди и старики - простые зрители, хотя они и довольные зрители, молодежь же всего лишь участвует в спорте. Кто не видел степенного огеми в таких окрестностях, курящего величественную трубку с непринужденностью сенатора. С другой стороны, обращаясь к группе красных дочерей природы и их молодым когортам, можно с уверенностью утверждать, что смех и болтливость не являются частью характеристик цивилизации. Какие бы еще обычаи ни связывали крепко, в домашнем женском кругу лесной жизни язык остается развязанным. Наше наблюдение заставляет нас думать, что для этого не требуется и десятой доли остроумия или забавности древних Афин, чтобы привести в движение их смешные способности.

Если одна из молодых самок находит *красный* початок кукурузы, это типично для храброго поклонника и считается подходящим подарком какому-нибудь молодому воину. Но если ухо *изогнуто* и сужается к острию, неважно какого цвета, весь круг наполняется ревом, и *ва ге мин* -

это громко выкрикиваемое слово. Это символ вора на кукурузном поле. Считается, что это изображение старика, который сутулится, когда входит на участок. Если бы резец Пракситилеса был использован для создания этого изображения, оно не смогло бы более ярко вызвать в умах веселой компании представление о воришке их любимого мондамина. В этих случаях также нет никаких сомнений в том, что произошедшее действительно свидетельствует о том, что кукурузное поле действительно подверглось такому разграблению.

Термин *wagemin*, который раскрывает все эти идеи и, как талисман, всю эту информацию, частично происходит от трехбуквенного термина *Waweau*, "то, что согнуто". Окончание на *g* является одушевленным существительным множественного числа и обозначает не только то, что существует более одного объекта, но и то, что субъект благороден или наделен важностью одушевленных существ. Последний член соединения, *min*, является сокращенным звуком общего *тееп*, зерна или ягоды. Чтобы они слились воедино в соответствии с местными законами благозвучия, краткая гласная *i* вставлена между глагольным корнем и существительным в качестве соединительного слова. Буквальное значение этого термина - масса, или скрюченный колос; но так называемый кукурузный початок - это обычный тип маленького старичка, ворующего колосья на кукурузном поле. Именно таким образом, единственное слово или термин в этих любопытных языках становится плодотворным источником многих идей. И таким образом, мы можем понять, почему только слово *wagemin* способно вызвать веселье в кругу шелухи.

Этот термин взят за основу припева злаков или песни о кукурузе, которую поют племена северных алгонкинов. Оно сочетается со словосочетанием *Paimosaïd* — перестановочной формой индийского субстантива, образованного от глагола *rim-o-sa*, ходить. Его буквальное значение - тот, кто ходит, или *the walker*; но идеи, передаваемые им, заключаются в том, что он ходит ночью, чтобы воровать зерно. Таким образом, он предлагает своего рода параллелизм в выражении предыдущему термину. Припев полностью состоит из этих двух терминов, по-разному повторяющихся, и может быть записан следующим образом:

Вагемин,
Вагемин,
сказал Паймос.
Вагемин,
Вагемин,
сказал Паймос.

Когда эта песнь спета, наступает пауза, во время которой кто-то, кто разбирается в этих вещах и имеет склонность к комизму или иронии, произносит короткую речь в манере речитатива, в которой придается особая интонация, и обычно допрашивает предполагаемого воришку, как если бы он присутствовал для ответа на вопросы или обвинения. Не может быть никакого притворства, что эта речитативная часть песни всегда одна и та же, в разное время и в разных местах, или даже что один и тот же человек не должен менять свою фразеологию. Напротив, часто возникает цель разнообразить его. Это совершенная импровизация, и можно предположить, что местным композитором всегда движет желание понравиться, насколько это возможно, за счет новизны. На самом деле вся цель состоит в том, чтобы поддерживать существующее веселье и вызывать веселье и смех.

Нижеследующее можно считать одной из этих речитативных песен, написанных с целью сохранения хода мыслей и некоторых из тех своеобразных междометий, которыми так изобилуют эти языки. Следует отметить, что только припев фиксирован в своих словах и размере, какими бы транспонированными или повторяющимися они ни были, и, в отличие от английской песни, предшествует строфе или повествованию.

ПЕСНЯ О КУКУРУЗЕ.

Припев хлопьев.

Вагемин! Вагемин!
Вор в лезвии,
Гибель кукурузного поля
Пеймосайд.

Речитатив.

Не видите ли вы следов, когда тянете за лист,
Не видите ли вы следов, когда тянете за лист,
Явно изображающих БЕРУЩЕГО и вора?
Разве вы не видите знаков на кольце и месте,
Как мужчина пригибался, пробираясь по стоянке?
Разве по этому следу на стебле не ясно,
что он сильно сгибался при ходьбе?
Старик, будь проворным! старое должно быть хорошим,
Но ты трусливый лесной вор.

Припев злаков.

Вагемин! вагемин!
Вор в ножах,
Гибель кукурузного поля
Сказал Паймоса.

Речитатив.

Где, маленький охотник за чужими вещами, —
Где твоя погремушка, твой барабан и твоя кость?
Конечно, такой проворный Ходок,
Конечно, он должен быть Метой [13] действительно.
Смотри, как он наклоняется, как отрывает ухо,
Нушка! [14] на мгновение кажется, что он испуган;
Уокер, будь проворнее — о! уокер, будь краток,
Хух! [15] Если ясно, то старик - вор.

Припев хлопьев.

Вагемин! Вагемин!
Вор в лезвии,
Гибель кукурузного поля
Пеймосайд.

Речитатив.

Вабума! [16] кукурузоед, почему ты отстаешь?
Никто, кроме звезд, не видит тебя — наполняй свою сумку!
Почему ты задерживаешь взгляд, когда тянешь,
Скажи мне, мой маленький человечек, она самая полная?
А-тия! [17] смотри, красное пятно на листе,
Конечно, воин не может быть вором!

Ах, маленькая ночная воровка, продолжай свою погоню,
И не оставляй здесь отпечатка своей подлой ноги.

[13] Жонглер.

[14] Резкое восклицание, чтобы быстро увидеть что-то поразительное.

[15] Уничижительное восклицание.

[16] Вот ты.

[17] Восклицание мужского рода, выражающее удивление.

ЗА ЗДОРОВЬЕ.

ПОКОЙНЫМ ДЖОНОМ ДЖОНСТОНОМ, ЭСКВАЙРОМ

Здоровья! дражайшая из небесных сил,
С тобою проводить мои вечерние часы,
Ах! соблаговоли услышать мою молитву;
Ибо что могут дать богатство или красота,
Если все еще в муках обречены жить
рабом боли и забот.

Ни верховная власть, ни очарование любви,
Ни общественные радости не смогут тронуть сердце,
Если ты откажешься от своей помощи;
Твоя дружба, божественное сочувствие!
Слабо сияет в твое отсутствие,
Ты, вдохновляющая всех дева.

Вернись же к моей тоскующей душе,
Которая вздыхает, чувствуя, как твоя сладкая власть
Проникает в каждую пору;
Моя муза, восхищенная, тогда воспоеет
Тебя — дар всеблагого царя небес,
И с благодарностью преклонится.

4 февраля 1807 года.

БЫТОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ МАНЕРЫ ИНДЕЙЦЕВ ВО ВРЕМЯ ИХ ЗИМОВКИ.

Индейца, выступающего в роли оратора перед своим народом и перед смешанным собранием белых людей, следует рассматривать в какой-то мере как актера, взявшего на себя роль, которую ему предстоит исполнять. Он считает себя занимающим положение, при котором все взгляды устремлены на него, в пристальном внимании, и он укрепляет себя для этого случая, удвоив усилия в осторожности и изученном стоицизме. Крепкий мускулами и подозрительный по натуре, он использует себе на помощь преимущества практикуемого искусства, чтобы поддержать его в выступлении от имени своего племени и мужественно избавить его от этой задачи, высказывая чувства, достойные их и его самого. Это статуеподобная и художественная фаза человека. Именно здесь он находится, по-настоящему

"Человек без страха — лесной стоик".

Все это откладывается, насколько это предполагается, когда он возвращается от "бледнолицых" и воссоединяется со своими друзьями и родней в своей родной деревне, вдали от посторонних глаз, в глухой чаще леса. Давайте последуем за этим человеком в это убежище и посмотрим, каковы его домашние манеры, привычки, развлечения и мнения.

Я сам посетил индейский лагерь в отдаленной местности на северо-западе, глубокой зимой, при обстоятельствах, подходящих для того, чтобы развеять его подозрения и внушить доверие, и был поражен заметной переменой, произошедшей в его общественном настроении, характере и чувствах. И я получил такое же свидетельство от индийских торговцев, которые провели годы среди них в этих уединенных местах и были приняты ими как друзья и родственники. Действительно, все, у кого была частая и полная возможность наблюдать краснокожего человека в его охотничьих угодьях, сходятся во мнении о его общительных, гостеприимных и дружелюбных привычках и манерах. Если смотреть на них с таких позиций, то преобладают самая совершенная искренность и жизнерадостность, а их общение отмечено самыми широкими принципами милосердия и добрососедских чувств. Сдержанность и всегда настороженная подозрительность, которые они проявляют на пограничном посту или в других ситуациях, подвергающихся пристальному вниманию и алчности белых людей, отбрасываются в сторону и уступают место непринужденности, общительности и приятности. Укрывшись таким образом в тени своих родных лесов, они чувствуют себя в безопасности, неведомой им в любых других ситуациях. Спор, по-видимому, идет о том, кто преуспеет в служении дружбы и благотворительности или в распространении праздничного стола. Если одному из них повезло больше, чем другому, в том, что он добыл мясо или овладел стрелой или копьем, добыча откладывается для пира, на который приглашаются все взрослые, без различия. Когда наступает назначенное время застолья, каждый, согласно древнему обычаю, берет свое блюдо и ложку и направляется в ложу артиста. Блюда подаются со скрупулезным вниманием, чтобы каждый получил порцию самых лучших частей. Во время трапезы, которая продолжается веселой беседой, анекдотами и небольшими рассказами о личных приключениях, женщины, как правило, являются слушательницами; и никто, за исключением пожилых людей, никогда не делает назойливых замечаний. Молодые женщины и девушки улыбками показывают, что они принимают участие в празднике, и старательно демонстрируют свое внимание к старшей части компании. Беседой в основном заняты старики, вожди и мужчины среднего возраста. Молодые люди, желающие добиться положения в обществе, редко делают замечание, а когда они *это* делают, то со скромностью. Темы, обсуждаемые за этими общественными трапезами, обычно

относятся к жизни, к новостям, которые они слышали, или к личным происшествиям в деревне; или к деяниям, "реальным или сказочным", "старого ланг сина"; но вопросы обсуждаются оживленно, а не в серьезном стиле. Деловые отношения, если нам будет позволено использовать этот термин для обозначения того, что касается их торговых и правительственных отношений, никогда не обсуждаются, кроме как на *официальных советах*, созываемых специально; и официально открываются выкуриванием трубки. Похоже, что на этих трезвых празднествах (ибо следует помнить, что мы говорим об индейцах на их зимовьях, за пределами досягаемости, безусловно, за пределами свободного или обычного употребления горячительных напитков) разговоры ведутся о том, чтобы извлечь из их охоты и приключений все, что может принять приятный оборот, вызвать шутку или смех. Нелепые злоключения или комичные ситуации обязательно вызовут аплодисменты во время концерта. Все, что является антисоциальным или неподобающим, пропускается мимо ушей или, если на него ссылается другой человек, парируется каким-либо намеком на происходящую перед ним сцену.

Религия (мы используем этот термин для обозначения того, что касается великого духа, священных снов и церемоний Меда, или лечебного танца), как и бизнес, бережется для соответствующих случаев. Это не является, как у нас, свободной темой для замечаний, по крайней мере, среди тех, кто является профессорами танца. Таким образом, они коротают часы в развлечениях, свободные, но не безудержные в своем веселье, но столь же страстно стремящиеся насладиться настоящим моментом, как если бы смысл жизни заключался в этих трех словах: "ешь, пей и веселись". Когда пир заканчивается, женщины возвращаются в свои вигвамы, а мужчины выходят покурить. Вернувшись, они заводят разговор о том, что услышали от мужчин, и таким образом развлекаются, пока не вернутся их мужья. В конце концов, как правило, это какой-нибудь хороший совет детям.

Компания на этих обычных пирах настолько многочисленна в зависимости от ранга, возраста или положения гостей, насколько это возможно при самом неограниченном равенстве прав. Приглашаются все пожилые люди и многие молодые. Существует, однако, другой праздник, учрежденный в определенное время в течение сезона, на который приглашаются или допускаются только молодые люди, за исключением ведущего и его жены и, как правило, двух других пожилых людей, которые руководят застольем и проводят его обряды. Целью этого застолья, по-видимому, является наставление, к которому молодых и легкомысленных побуждают прислушиваться ради предвкушения удовольствия от застолья. Перед началом этого застолья ведущий или какой-нибудь человек, свободно владеющий речью, которого он выбрал для этой цели, встает и обращается к молодежи обоих полов с речью об их жизненном пути. Он увещевает их быть внимательными и уважительными к пожилым людям и придерживаться их советов: никогда не насмехаться над дряхлыми, уродливыми или слепыми; повиноваться своим родителям; быть скромными в своем поведении; быть милосердными и гостеприимными; бояться и любить великого Духа, который является подателем жизни и всякого доброго дара. На этих заповедях подробно останавливаются и обычно подкрепляются примерами хороших мужчины и женщины и плохих мужчины и женщины, и после приведения последних в исполнение всегда принято говорить: "Ты будешь похож на одного из них". В конце каждого предложения слушатели издают общий возглас "хааа". Когда совет закончен, произносится обращение или своего рода молитва к великому Духу, в которой его благодарят за предложенную им пищу и за продолжение жизни. Затем говорящий говорит: "Таким образом, великий Дух снабжает нас пищей; действуйте справедливо и ведите себя хорошо, и вы всегда будете так щедро обеспечены". Затем начинается пир, и старейшины смягчают свои манеры и

смешиваются с остальными, но по-прежнему следят за соблюдением порядка и достойным, уважительным поведением среди гостей.

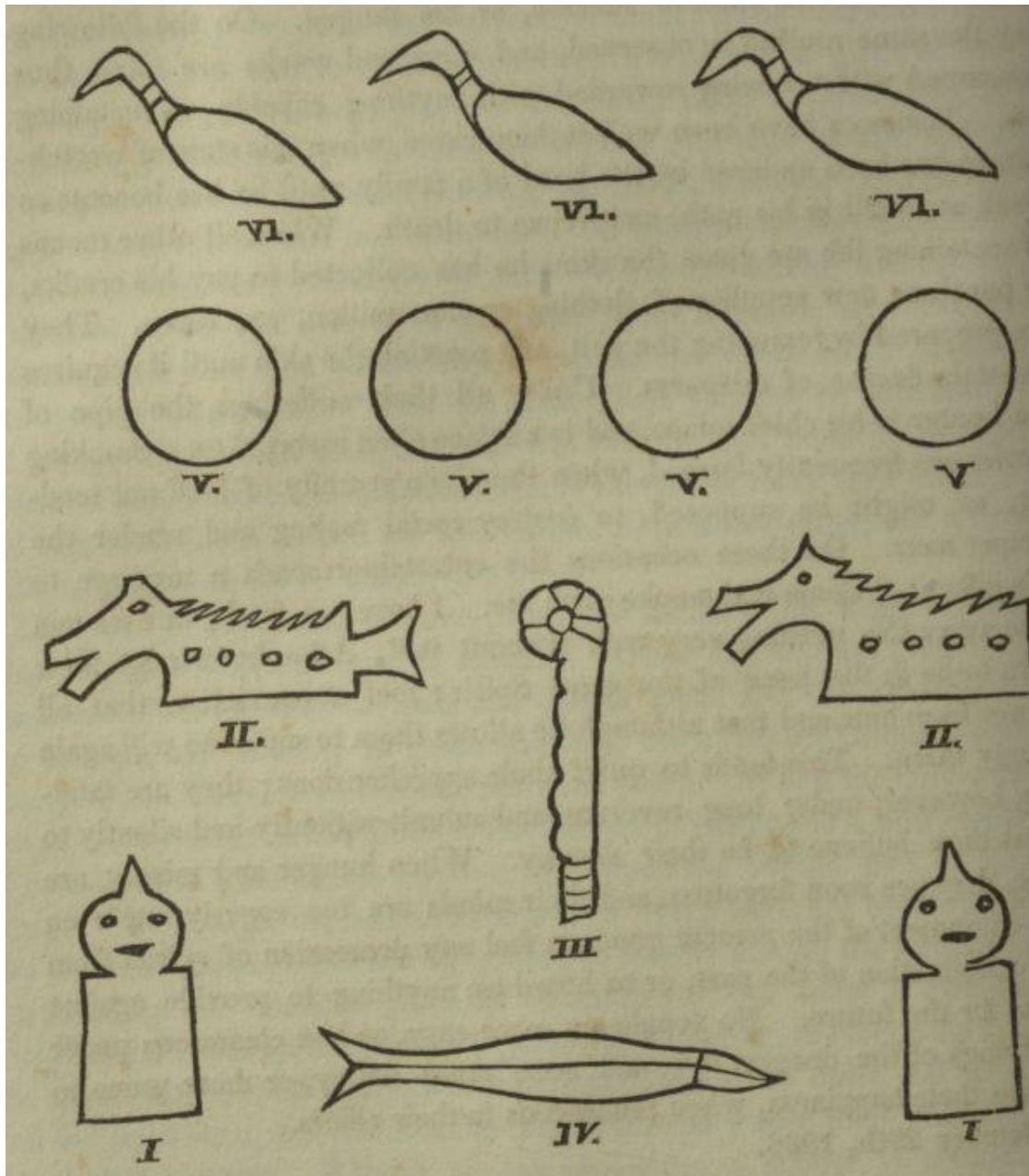
Однако не следует думать, что жизнь индейца во время его зимовки - это круговорот пиршеств. Совсем наоборот; и за его пирами часто следуют долгие и мучительные посты, а суровость времен года и нехватка дичи и рыбы часто ставят его самого и его семью на грань голодной смерти. Когда неудача с добычей или какие-либо другие причины вынуждают охотника удалиться на новый участок местности, труд по ее удалению ложится на женскую часть семьи. Вигвам, утварь и всевозможные приспособления женщины несут на спинах, удерживаемые кожаным ремнем вокруг лба. По прибытии к предполагаемому месту стоянки снег расчищается, кедровые ветки приносятся и расстилаются для настила, вигвам обустраивается, движимое имущество убирается, дрова собраны и разведен костер, и только после этого самки могут сесть, согреть ноги и высушить мокасины. Если есть какая-нибудь провизия, готовится ужин. Если ее нет, все старательно стараются скрыть проявление наименьшего беспокойства по этому поводу и стараются отвлечь свои мысли разговорами, совершенно не относящимися к предмету. Маленькие дети - единственная часть семьи, которая жалуется, и у которой есть привилегия жаловаться, но даже их с раннего возраста учат страдать и молчать. Как правило, мать припасает что-нибудь, когда еды становится не хватать, чтобы удовлетворить их требования, а они довольствуются малым. В таких случаях, если семья уходит отдыхать без ужина, отец и старшие сыновья встают рано утром в поисках чего-нибудь. Если кому-то посчастливится подстрелить хотя бы куропатку или белку, их немедленно относят в домик, готовят и делят на столько частей, сколько есть членов семьи. В таких случаях старшие часто ставят себе в заслугу передачу своих долей женщинам и детям. Если поиски ничем не увенчались, отец проводит весь день в своих снегоступах, с ружьем в руках, а вечером, усталый, возвращается на свое ложе из кедровых веток и тростниковых циновок. Но он не возвращается, чтобы пожаловаться ни на отсутствие успеха, ни на усталость. На следующий день соблюдается тот же распорядок, и часто таким образом проходят дни и недели, не получая в награду ничего, способного поддержать жизнь. Хорошо известны случаи, когда глава семьи терпел это состояние несчастья до тех пор, пока не ослабевал настолько, что падал на своем пути и замерзал насмерть. Когда все другие средства поддержания жизни иссякают, шкуры, которые он собрал, чтобы расплатиться по кредитам или купить новую одежду или амуницию, съедаются. Их готовят, снимая шкурку и обжаривая до тех пор, пока она не приобретет определенную степень хрусткости. Несмотря на все их страдания, трубка охотника - его главное утешение, и к этому утешению часто прибегают. Вечеринки с курением часто организуются, когда ощущается нехватка еды, которая, как можно было бы предположить, не разрушает чувства общительности и не портит настроение. В таких случаях ведущий посылает сообщение на этот счет: "Приходите покурить со мной. У меня нет еды, но мы можем прекрасно провести вечер и без нее". Все признают, что их жизни находятся в руках великого Духа; чувствуют убежденность, что все исходит от него, и что, хотя он позволяет им страдать, он снова накормит их. Это, как правило, успокаивает их опасения; однако при длительных неудачах они становятся фаталистами и терпеливо и молчаливо подчиняются тому, что, по их мнению, является их судьбой. Когда голод и невзгоды остаются в прошлом, о них вскоре забывают, и их умы слишком жадно сосредоточиваются на наслаждении настоящим благом, чтобы чувствовать какое-либо уныние от воспоминаний о прошлом или копить что-либо, чтобы обеспечить себя от нужды на будущее. Нет людей более спокойных или менее крикливых при тяжелейших страданиях, и нет

более счастливых или более склонных демонстрировать свое счастье, когда преуспевают в своих делах.

29 октября 1826 года.

ПУГАЧИНГ, ИЛИ ИГРА В БОУЛИНГ.

Это основная азартная игра среди северных племен. В нее играют тринадцатью фигурками, помещенными в сосуд под названием онагун, представляющий собой что-то вроде деревянной чаши. Они представлены и названы следующим образом.



ИГРОВЫЕ ФИГУРЫ

Фигуры, помеченные номером 1 в этом разрезе, которых всего две, называются Ininewug, или мужчины. Они делаются сужающимися или клиновидными по толщине, чтобы при их метании можно было опереться на свое основание. Номер 2 называется Гитши Кенабик, или Великий Змей. Он состоит из двух частей, одна из которых плавниковидная, или водяная змея, другая усеченная и, вероятно, сконструирована как земная. Они имеют клиновидную форму, чтобы иметь возможность стоять на своих основаниях по длине. У каждого есть четыре точки. Число 3 называется Пугамагун, или боевая дубинка. У него шесть отметин на рукояти с *красной стороны* и четыре расходящихся от отверстия на конце дубинки; и четыре отметины на рукоятке с *белой стороны*; и шесть расходящихся от отверстия на конце дубинки, всего по десять с каждой стороны. Номер 4 называется Кего, что является общим названием рыбы. Четыре круглых куска латуни, слегка вогнутых, с плоской поверхностью на вершине, называются Озавабиками. Три кусочка в форме птиц, Шешебвуга или уток.

Все кусочки, кроме круглых, сделаны из тонкой кости. Одна сторона кусочка белая, естественного цвета костей, и полированная, другая красная. У медных фигурок выпуклая сторона светлая, вогнутая - черная. Все они встряхиваются и выбрасываются из онагуна, как игральные кости. Термин пугасаинг обозначает этот акт броска. Это причастная форма глагола.—В игре действуют следующие правила:

1. Когда фигурки повернуты красной стороной, и одна из вставных головок встает вертикально на светлой стороне одной из латунных фигурок, считается 158.
2. Когда все фигурки перевернутся красной стороной вверх, а Гитши Кенабик хвостиком окажется на светлой стороне медной фигурки, считается 138.
3. Когда все станут красными, считается 58, будут ли латунные детали светлой или черной стороной вверх.
4. Когда Гитши Кенабик, его товарищ и двое внутренних черепашек переворачивают белую сторону, а остальные фигурки красную, считается 58, независимо от вогнутого или выпуклого положения медных фигурок.
5. Когда все фишки становятся белыми, считается 38, независимо от того, будут ли озавабики светлыми или черными.
6. Когда Гитши Кенабик и его сообщник становятся красными, а другой - белым, считается 38, медные фишки несущественны.
7. Когда один из Ininewugs встает, он считает 50, независимо от положения всех остальных.
8. Когда кто-либо из Гитши кенабиков встает вертикально, считается 40, независимо от положения остальных.
9. Когда все кусочки станут белыми, кроме одного, а озавабики потемнеют, считается 20.
10. Когда все детали, кроме одной, станут красными, а латунные - яркими, считается 15.
11. Когда все кусочки станут белыми, кроме одного, с яркими озавабиками, считается 10.
12. Когда медная фигурка становится темной, два гитши кенабика и два человечка красными, а остальные фигурки белыми, считается 8.

13. Когда медная фигурка становится яркой, два Гитши кенабика и один из мужчин красными, а все остальные белыми, это 6.

14. Когда главный гитши кенабик и один из мужчин становятся красными, озавабики - яркими, а все остальные - белыми, это 4.

15. Когда и кенабики, и оба человека, и три утки окажутся красными, медная фигурка черной, а либо Киго, либо утка белой, будет 5.

16. Когда все детали становятся красными, кроме одной внутренней, а латунная деталь черной, считается 2.

Оговаривается лимит игры. Стороны объявляют о начале игры.

Эта игра очень увлекательна для некоторых слоев индейцев. Они ставят на кон свои украшения, оружие, одежду, каноэ, лошадей, все, чем фактически владеют; и, как говорят, были известны тем, что подставляли своих жен и детей и даже лишались собственной свободы. Я не видел примеров таких отчаянных ставок и не думаю, что сама игра широко используется. Оно скорее ограничено определенными людьми, занимающими относительно положение игроков в индийском обществе, — мужчинами, которые не известны как охотники или воины, или постоянные добытчики средств к существованию для своих семей. Среди них есть люди, которых называют иенадиззе-вуг, то есть странники по стране, хвастуны или щеголи. Ее вряд ли можно отнести к популярным развлекательным играм, с помощью которых приобретаются навыки и ловкость. Я обычно обнаруживал, что вожди и более серьезные люди племен, которые поощряли молодых людей играть в мяч и обязательно присутствовали на обычных спортивных состязаниях, были свидетелями, одобряли и аплодировали им, легкомысленно и пренебрежительно отзываясь об этой азартной игре. Тем не менее, нельзя отрицать, что некоторые из вождей, отличившихся на войне и охоте на западе, могут быть упомянуты в качестве примера его завораживающей силы.

Можно было бы углубиться в анализ этой игры, чтобы показать ее арифметические принципы и силу; но в наши планы не входит рассматривать здесь подобные соображения, а тем более проводить сравнение и распространять обычаи такого рода среди современных западных племен. Из приведенных выше правил может быть достаточно сказать, что, по-видимому, в броске нет единицы и что отсчет ведется *сдесятичными дробями* для всех чисел больше 8. Несомненно, эти правила являются лишь частью всей серии, известной опытным игрокам. Однако они включают в себя все, что было мне открыто.

"Азартные игры не свойственны нашей расе, индеец играет с таким же застывшим лицом".

Геродот говорит о древних фракийцах, что "самая почетная жизнь у них - это жизнь войны и грабежа; самая презренная - жизнь земледельца. Их высшее наслаждение - война и грабеж". Кто бы не предположил, если бы не было указано имя, что это было сказано каким-нибудь современным автором о пауни или каманчах?

ПОЧТЕНИЕ И ПРИВЯЗАННОСТЬ К РОДИТЕЛЯМ.

В былые времена в Мичилимакинаке жил известный вождь по имени Гитше Найгоу, или Великая Песчаная дюна, имя или, скорее, прозвище, которое он, вероятно, получил из-за своего рождения и раннего проживания в так называемом месте очень внушительного вида на южном берегу озера Верхнее, которое находится к востоку от хребта Изображенных Скал. Он был чиппева, воином и советником этого племени, и свободно участвовал в волнующих сценах войны и пограничных набегов, которые ознаменовали последние годы французского господства в Канаде. Он дожил до глубокой старости и в конце концов стал таким слабым, что не мог передвигаться по суше, когда наступила весна и его соплеменники приготовились перенести свои вигвамы из своего лагеря по выращиванию сахара в лесу на открытый берег озера. Затем они оказались в глубине страны, на берегах реки Манисти, ручья, впадающего в северные берега озера Мичиган. Это была его последняя зима на земле; его сердце возрадовалось, еще раз ощутив ласковые лучи Весны, и ему захотелось отправиться вместе с ними, в последний раз увидеть расширившееся озеро и вдохнуть его чистый бриз. Его нужно было передать вручную. Этот акт благочестия совершила его дочь, тогда еще молодая женщина. Она вынесла его на спине из их лагеря на берег озера, где они построили свой вигвам и провели свой родник, и где он в конце концов умер и был похоронен.

Это сообщение я услышал из ее собственных уст, от агентства Мичилимакинака, в 1833 году. Я спросил ее, как она выносила его. Она ответила индийским апекун, или головным ремнем. Устав, она отдыхала и снова продолжала свой путь, победа за победой, или отдых за отдыхом, в манере, практикуемой при переноске тяжелых свертков по волокам. Ее звали Надовакка, или женщина-ирокез. Ей было тогда, возможно, около пятидесяти пяти лет, и она была женой вождя по имени Саганош, чей дом и юрисдикция находились в группе островов Святого Мартина, к северу от Мичилимакинака.

Этот инцидент не был рассказан добровольно, но случайно всплыл в ходе некоторых исследований, которые я проводил в связи с историческими событиями, происходившими поблизости. Один такой случай во многом подтверждает привязанность этого народа и должен научить нас, что они происходят из того же общего рода, что и мы, и им нужны только буквы и христианство, чтобы возвысить их на шкале бытия.

Первые слова людей, говорит Харрис в своем "Гермесе", подобно их первым идеям, имели непосредственное отношение к чувственным объектам; в последующие дни, когда они начали различать с помощью своего интеллекта, они взяли те слова, которые, как они обнаружили, уже были произнесены, и перенесли их с помощью метафоры в интеллектуальные концепции.

АНДАЙГ ВЕОС, ИЛИ ПЛОТЬ ВОРОНА.

Многие люди среди индийской расы привлекли к себе внимание своими подвигами на тропе войны. Андайг Веос не входил в их число, или, если он участвовал в подобных событиях, его отважные поступки теперь затерялись среди воспоминаний о лучших качествах. Он был вождем некогда выдающегося и правящего племени алгонкинов оджибва, которых называют чиппева, расположенного в Чегоимгоне, на озере Верхнее, где его имя почитается в местной традиции за благородные и бескорыстные поступки, которые он совершал в прежние времена. Он жил во второй половине 18 века.

Это было, наверное, сорок лет назад — сказал мой информатор, это было в то время, когда покойный мистер Нолин из Су-Сент. Мэрис был торговцем в стране Чиппева, между озером Верхнее и Миссисипи, и один год зимовал низко на реке Чиппева. По пути вниз по этому ручью, когда он все еще находился у одного из его истоков, внезапно наступили холода, образовался лед, и он не смог продолжить путь со своим товаром. Поэтому он спрятал их в *тайнике*, согласно обычаю этой страны, и пешком отправился со своими людьми в нижнюю часть реки, к месту, где он решил перезимовать. Здесь он срубил деревья и построил свой дом, и, приготовив все, отправился со своими людьми на обратном пути к своему *тайнику*, чтобы перевезти свое добро.

По дороге он встретился с индейским охотником и его женой, которые последовали за ним к месту, где он спрятал свои товары. Добравшись до этого, он наполнил бутылку спиртным и раздал по стакану каждому из своих людей, взял один сам, а затем, наполнив стакан, протянул его индейцу. Это было сделано после того, как был разбит лагерь на ночь. Случилось так, что той ночью индеец внезапно заболел и еще до рассвета скончался. Нолин и его люди похоронили его, а затем вернулись в свой дом для зимовки внизу, каждый мужчина нес по тюку с добром; и вдова присоединилась к своим друзьям.

После того, как индейцы забрали свои кредиты и разошлись по своим местам зимовки, среди них прошел слух, что торговец ввел яд индейцу, который так внезапно скончался после того, как выпил стакан крепкого алкоголя. И это мнение утвердилось, хотя вдова неоднократно говорила индейцам, что ликер, поданный ее покойному мужу, был из той же бутылки и стакана, из которых пили все французы. Но это было бесполезно; слух рос, и мистер Нолин начал опасаться, так как он уже узнал, что индейцы намеревались убить его. Чтобы подтвердить это подозрение, вскоре после этого в его дом вошла группа из сорока человек, все вооруженные, выкрашенные в черный цвет и одетые в военную форму. Всем им, как это было принято, подарили по кусочку табака, когда каждый из них бросил его в огонь. Теперь, казалось, не оставалось никакой альтернативы, чтобы предотвратить удар, который, по его убеждению, вскоре должен был последовать. Почти в то же мгновение его люди сообщили, что прибывает еще одна группа, состоящая из шести человек.

Оказалось, что это вождь Андайг Веос из окрестностей озера дю Фламбо, который искал торговца табаком и боеприпасами. Войдя, вождь оглядел воинов и спросил мистера Н., дал ли он им табак. Он ответил, что он *сделал* это, и что они все до единого бросили это в огонь, и, добавил он, что они намеревались убить его. Вождь попросил немного табака, который он бросил перед воинами, велел им курить, добавив авторитетным голосом, что когда индейцы навещали торговцев, то делали это с намерением получить у них табак для *курения*, а не для того, чтобы *бросать в огонь*; и что, со своей стороны, он долгое время не курил и был очень рад

найти торговца, который снабдит его этим товаром. Этот подарок от него с упреком был принят с молчаливого согласия — никто не отважился ответить.

Затем вождь потребовал у торговца спиртного, сказав, "что он намеревался заставить их выпить". Политичный француз возразил, сказав, "что, если бы это было сделано, он, несомненно, был бы убит". "Не бойся, француз", - смело ответил вождь. "Это немужчины которые хотят тебя убить: это *дети*. Я и мои воины будем охранять вас". На эти заверения был дан бочонок спиртного, но с величайшей неохотой. Вождь немедленно поднес его военному отряду, но предупредил их, чтобы они пили его на расстоянии и не приближались к торговцу ночью. Они повиновались ему. Они отнесли его на небольшое расстояние, выпили и всю ночь ужасно орали, но в дом не приставали.

На следующее утро Андайг Веос потребовал табак у все еще встревоженного путешественника *Маршана* и приказал одному из своих молодых людей раздать его индейцам в военной форме. Затем он поднялся и обратился к ним с энергичной и авторитетной речью, велел им уходить, не пробуя пищи; что они *воины* и не нуждаются ни в чем подобном; а если и нуждаются, то они *охотники*, — у них есть ружья, и они могут охотиться, убивать и есть. "Здесь вы больше ничего не получите", - добавил он. "Этот торговец пришел сюда, чтобы удовлетворить ваши потребности, а вы пытаетесь убить его — плохая награда за те хлопоты и беспокойство, которым он подвергся! Это не способ воздать должное белым людям". Они все, до единого, вздрогнули и ушли, и больше не приставали к торговцу, пока он оставался в стране.

В другом случае Андайг Веос оказался в ситуации, которая совершенно по-другому свидетельствовала о его принципах и честности. Французский торговец вошел в озеро Верхнее так поздно в сезон, что, несмотря на все усилия, он не смог продвинуться дальше *Пойнт-ла-Пти-Филь*, прежде чем лед остановил его продвижение. Здесь он был вынужден построить свой зимовник, но вскоре у него закончилась провизия, и он был вынужден посетить Ла-Пуант со своими людьми, чтобы добыть рыбу, оставив свой дом и кладовую запертыми вместе со своими товарами, боеприпасами и спиртными напитками и решив немедленно вернуться. Но погода испортилась настолько, что у него не было возможности немедленно вернуться, а зима оказалась настолько неблагоприятной, что ему пришлось провести на этом посту два месяца.

В это время вождь Андайг Веос с пятнадцатью своими людьми вышел из глубин страны, к берегам озера, с целью торговли, каждый нес по тюку бобрового или другого меха. Прибыв на мыс Маленькая Страна, они обнаружили, что дом торговца заперт и там никого нет. Вождь сказал своим последователям.— У торговцев принято приглашать индейцев в свой дом и вежливо принимать их; но поскольку нас некому принять, мы должны действовать по обстоятельствам. Затем он приказал открыть дверь, причинив как можно меньше вреда, вошел со своей свитой и развел в дымоходе хороший огонь. Открыв дверь магазина, он обнаружил, что их можно снабдить всем, что они пожелают. Он велел своим спутникам ни в коем случае ничего не трогать и не забирать, но запереть дверь и сказал, "что завтра он сыграет роль торговца".

Они провели ночь в доме. Рано утром следующего дня он встал и обратился к ним, сказав, что теперь он начнет торговать с ними. Он так и сделал, и когда все было закончено, он тщательно упаковал меха, сложил вьюки и накрыл их клеенкой. Затем он снова обратился к ним, сказав, что у торговца принято дарить табак и бочонок крепких напитков, когда индейцы хорошо

поторговались. Поэтому он счел себя уполномоченным соблюдать это правило и соответственно подарил бочонок крепкого алкоголя и немного табака. "Крепкий алкоголь, - сказал он, - здесь пить нельзя. Мы должны отнести его в наш охотничий лагерь", - и отдал приказ о немедленном возвращении. Затем он приказал закрыть двери наилучшим из возможных способов, а наружную дверь забаррикадировать бревнами и удалился.

Когда торговец вернулся и обнаружил, что его дом взломан, он начал оплакивать свою судьбу, будучи уверенным, что его ограбили; но, войдя в свою кладовую и увидев меха, его опасения сменились радостью. Изучив свой инвентарь и сравнив его с количеством своих мехов, он заявил, что, если бы он присутствовал, он не смог бы торговать с большей выгодой и не получил бы такой прибыли от своих товаров.

Эти черты характера не являются единичными и случайными. В другой раз случилось так, что некий мистер Ламотт, зимовавший в Фолль-авуане, к несчастью, поссорился с индейцами в конце сезона, как раз когда он собирался отправиться в обратный путь со своими мехами. Впылу своей страсти индейцы разломали все его каноэ на куски и взяли его в плен, приказав разбить лагерь на острове на реке Сент-Круа.

В таком положении он оставался под пристальным наблюдением индейцев до тех пор, пока все *другие* торговцы не покинули страну, чтобы пополнить свои запасы, когда прибыл вождь Андаиг Веос. Он мгновенно сообразил, в чем дело, и, убедившись, что преступление не имеет особого значения, немедленно отправился в индейскую деревню и громким и властным тоном, так, чтобы его слышали все, приказал доставить заключенному торговцу подходящие каноэ - приказ, которому немедленно подчинились. Затем он отправился к мистеру Ламотту и сказал ему, чтобы тот бесстрашно садился на корабль и что он сам проследит, чтобы ему больше не препятствовали, в то же время посветовав на позднее возвращение.

Общее поведение этого вождя отличалось добротой и обходительностью. Когда торговцы прибывали в Чагоимегон, где он жил, у него был обычай приказывать своим молодым людям прикрывать и охранять их багаж, чтобы что-нибудь не пострадало или не было украдено. Он происходил из рода известного военачальника Абоджига, или Ваб Оджига. Он дожил до глубокой старости, так что ходил почти согнувшись вдвое, опираясь на трость. Нынешний правящий вождь этого места по имени Пежицки - его внук. Эти анекдоты были рассказаны мистером Кадоттом из Лапуэнта в 1829 году и, как полагают, заслуживают полного доверия.

Татары не могут произнести букву "б". Болгары произносят слово *черные* так, как будто оно пишется *ilac*. Примечательно, что оджибва и родственные им племена на севере не только широко используют букву *v* в туземных словах, но и когда им приходится произносить английские слова, в которых встречается буква *v*, они неизменно заменяют ее на букву *v*, например, "деревня" и "уксус".

В английском алфавите есть три буквы, которые вышеупомянутые племена не произносят. Это *f*, *g* и *l*. Вместо *f* они заменяют, в своих попытках произнести иностранные слова, *p*. Звук *g* они меняют на широкий *a* или опускают. *l* заменяется на *n*.

Индийцы используют пение и танцы в политических и религиозных целях. Когда они хотят собрать военный отряд, они собираются, чтобы петь и танцевать; когда они хотят испросить

божественной милости к больному человеку, они собираются в ложе, чтобы петь и танцевать. Ни одно серьезное деяние не совершается без пения и танцев.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСТОРИЯ РАСЫ.

ТРАДИЦИИ ВАЙАНДOTOB O СОТВОРЕНИИ МИРА И ДРУГИЕ ЭПОХИ.

Нижеследующие предания о сотворении человека и Красной расы; о порядке старшинства и взаимоотношениях между племенами, а также сведения о первом прибытии европейцев на континент, вместе с аллегориями Добра и Зла, цивилизации и варварства, взяты из личного дневника, который велся в период моего официального общения с различными племенами.

Главное управление по делам индейцев,
Детройт, 30 января 1837 г.

В этот день меня посетила делегация из трех вождей вайандотов, которые находятся недалеко от Амхерстбурга в Канаде, со своим переводчиком Джорджем К. Мартином. Их звали О-ри-вахен-то, или Чарло, Он-ха-то-тун-ю, или Круглоголовый, сын Круглоголового, брат Сплитлога, и Тай-эр-он-ю, или Томас Кларк. В ответ на мой вопрос они сообщили мне, что в настоящее время численность их отряда в этом месте составляет восемьдесят шесть душ. После завершения их бизнеса я предложил им несколько вопросов, касающихся их происхождения и истории.

1. Каково происхождение индейцев? Мы верим, что все люди произошли от одного мужчины и женщины, которые были созданы Богом в частях за морем. Но, говоря об индейцах, мы спрашиваем, как они пересекли море без кораблей? и когда они пришли? и из какой страны? Каково ваше мнение по этому поводу?

Оривахенто ответил: "Старый вождь Сплитлог, который мог бы ответить тебе, не в состоянии прийти к тебе из-за своего возраста и немощи; но он послал нас троих поговорить с тобой. Мы сделаем все, что в наших силах. Мы не умеем читать и писать, как белые люди, и поэтому то, о чем вы просите, не может быть написано черным по белому". (Вероятно, это замечание было сделано, когда они заметили, что я записываю интервью.)

"В древние времена с землей что-то было не так. Она изменилась. Мы так думаем. Мы верим, что Бог создал ее и создал из нее людей. Мы думаем, что он создал индейцев в этой стране, и что они пришли не из-за моря. Они были созданы в месте, называемом Горы. Это было на востоке. Когда он сотворил землю и те горы, он как бы прикрыл что-то над землей своей рукой. Под этим он поместил человека. Там были все разные племена. Один из молодых людей нашел выход на поверхность. Он увидел яркий свет и был восхищен красотой поверхности. Оглядываясь по сторонам, он увидел пробегающего мимо оленя со стрелой в боку. Он последовал за ним до того места, где он упал и умер. Он подумал, что это было безобидное на вид животное. Он оглянулся, чтобы посмотреть на его следы, и вскоре увидел другие следы. Это были отпечатки ног человека, застрелившего оленя. Вскоре он подошел. Это был сам создатель. Он использовал этот метод, чтобы показать индейцам, что они должны делать, когда выйдут с земли. Творец показал ему, как снимать шкуру и выделять животное, приказав ему делать то-

то и то-то, как он ему указывал. Когда мясо было готово, он велел ему развести огонь. Но тот был в совершенном невежестве. Бог сотворил огонь. Затем он велел ему нанизать часть мяса на палочку и поджарить его перед огнем. Но он был настолько невежествен, что дал ему настояться, пока оно не подгорело с одной стороны, в то время как другая была сырой.

Обучив этого человека искусству охотника, чтобы он мог научить этому других, Бог призвал индейцев с земли. Они пришли по порядку, по племенам, и каждому племени он назначил вождя. Он назначил во главе их всех одного Главного Вождя, у которого было что-то на шее, и он проинструктировал его, вбив ему в голову, что сказать племенам. Чтобы у него была возможность сделать это, было убито определенное животное и устроен пир, на котором им было велено съесть все это. Вождь, которого Бог избрал таким образом, сказал племенам, что они должны делать, чтобы угодить своему создателю, и чего они не должны делать.

Далее Оривахенто сказал: Бог также сотворил Добро и Зло. Они были братьями. Единый отправился творить добро и дал возможность расти приятным вещам. Другой занялся тем, что помешал работе своего брата. Он создавал каменистые и кремнистые места, приносил плохие плоды и постоянно сеял зло среди людей. Гуд исправил причиненный вред так же быстро, как он был нанесен, но обнаружил, что его работа так и не была завершена. Он решил напасть на своего брата и уничтожить его, но не насилием. Он предложил пробежаться с ним наперегонки. Зло согласилось, и они остановились на этом месте. Но сначала скажи мне, - сказал Добро, - чего ты больше всего боишься. Черт возьми, рога! ответил он, и скажи мне, что для тебя самое обидное. Индийская травяная коса! сказано хорошо. Зло немедленно отправилось к своей бабушке, которая плела косу, и набрало ее в большом количестве, которое он разложил на тропинке и развесил на ветках, росших у тропинки, по которой должно было бегать Добро. Гуд также преградил путь своему брату страшными рогами. Возник вопрос, кто должен бежать первым. Я, сказал Гуд, начну, поскольку предложение испытать наше умение первым поступило от меня. Соответственно, он отправился в путь, его брат последовал за ним. Но когда к полудню он начал чувствовать усталость, он взял травяную косу и съел ее. Это придало ему сил, и еще до наступления ночи он утомил своего брата, который умолял его остановиться. Однако он не останавливался, пока не достиг цели.

На следующий день Зло двинулось по его пути. Повсюду ему попадались рога, которые еще до полудня сильно ослабили его. Он умолял освободить его от продолжения пути. Гуд настоял на том, чтобы он пробежал дистанцию. Он продержался до заката, когда упал на тропе и, наконец, был убит одним из рогов, которыми владел его брат.

Гуд с триумфом вернулся в домик своей бабушки. Но она, как всегда, была не в духе, ненавидела его и любила его брата, которого он убил. Он хотел отдохнуть, но ночью был разбужен разговором между ней и призраком Зла. Последний умолял войти, но, хотя и сочувствовал ему, не позволил своим братским чувствам взять верх и решительно отказал в приеме. Тогда Зло сказало: "Я иду на северо-запад, и ты никогда больше не увидишь меня, и все, кто последует за мной, будут в том же состоянии. Они никогда не вернуться. Смерть навсегда сохранит их".

Избавившись таким образом от своего противника, он подумал, что выйдет и посмотрит, как идут дела, поскольку некому было воспротивиться его добрым делам. Проехав некоторое время, он увидел живой объект в виде головы. Подойдя ближе, он разглядел все более отчетливо. Это был обнаженный мужчина. Они начали разговаривать друг с другом. "Я иду, чтобы увидеть творение, которое я создал, - сказал Гуд, - но кто ты?" "Одетый человек, - сказал он, - я такой же

могущественный, как и ты, и создал всю эту землю, которую ты видишь". "Обнаженный человек, - ответил он, - я создал все, но не помню, как создал тебя". "Ты увидишь мою силу, - сказал обнаженный человек, - мы испытаем силу. Позови вон ту гору, чтобы она пришла сюда, а потом я сделаю то же самое, и мы посмотрим, кто обладает наибольшей силой". Одетый человек упал на колени и начал молиться, но его усилия не увенчались успехом, или увенчались лишь частично. Тогда обнаженный человек вытащил из-за пояса погремушку и начал трясти ею и бормотать, предварительно завязав глаза другому. Через некоторое время он сказал: "Смотри!" Он так и сделал, и гора встала совсем близко перед ним и поднялась к облакам. Затем он снова завязал ему глаза и возобновил свой треск и бормотание. Гора снова заняла свое прежнее отдаленное положение.

Одетый человек держал в левой руке меч, а в правой - закон Божий. У обнаженного человека в одной руке была трещотка, а в другой - боевая дубинка. Они обменялись знаниями о соответствующем использовании этих предметов. Чтобы продемонстрировать силу меча, человек в одежде отрезал жезл и положил его перед собой. Обнаженный мужчина немедленно соединил части тела, и они исцелились. Затем он взял свою дубинку, которая была плоской, и отрезал стержень, и снова исцелили изуродованные части. Он полагался на то, что погремушка служит той же цели, что и книга собеседника. Одетый человек попробовал воспользоваться дубинкой, но не смог использовать ее умело, в то время как обнаженный человек взял меч и использовал его так же хорошо, как и другой.

Оривахенто продолжил: —Говорят, что Зло убило его мать при его рождении. Он не пришел в мир правильным путем, но вырвался из утробы матери. Они взяли тело матери и положили его на помост. Из остатков ее разложения, упавших на землю, выросли кукуруза, табак и другие овощи, которые выращивают индейцы. Поэтому мы называем кукурузу нашей матерью. И наш табак размножается самопроизвольным ростом, без посадки; но одетый человек должен трудиться, чтобы вырастить его.

Вернувшись после интервью с голым мужчиной, Гуд застал свою бабушку не в лучшем расположении духа. Поэтому он схватил и подбросил ее, и она полетела против луны, на лице которой до сих пор видны ее следы.

Это было первое собеседование; после перерыва, во время которого им разрешили подкрепиться и выкурить трубки, я вернулся в офис и возобновил расспросы.

2. Где ваше племя впервые увидело белых людей на этом континенте? Французы говорят, что вы жили на реке Святого Лаврентия, а потом отправились на север, откуда впоследствии спустились в окрестности Детройта. Что вы обладаете привилегией зажигать огонь генерального совета озерных племен; и что вы были обращены в католическую веру. Снова ответил Оривахенто.

Когда все племена были расселены, во главе были поставлены вайандоты. Они жили в глубине страны, в горах на востоке, около реки Святого Лаврентия. Они были первым племенем древности и имели первого вождя. Вождь сказал своему племяннику, ленапи, спустись к морскому побережью и посмотри, и если ты что-нибудь увидишь, сообщи мне. У них была деревня недалеко от моря, и они часто смотрели, но не видели ничего, кроме птиц. Наконец они заметили объект, который, казалось, рос и приближался все ближе и ближе. Приблизившись к земле, он остановился, но все люди испугались и убежали в леса. На следующий день двое из

них отважились посмотреть. Он спокойно лежал на воде. Из него вылез объект поменьше, такого же вида, и пошел по воде на длинных ногах (веслах). Когда он причалил к берегу, из него вышли двое мужчин. Они отличались от нас и делали знаки остальным выходить из леса. Последовало совещание. Состоялся обмен подарками. Они подарили ленапе подарки, а последние подарили им в качестве диковинок свою кожаную одежду. Было совершено три отдельных визита в разное время с большими интервалами. Способ, которым белые люди получили опору и власть в стране, был таков. Сначала попросили места и разрешили поставить стул на берегу. Но вскоре они начали вытаскивать шнуровку из его низа и уходить с ней вглубь острова; и они еще не дошли до конца веревки. Он проиллюстрировал это первоначальное требование уступки территории и ее возобновления в другие эпохи другими фигурами речи, а именно шкурой быка и ходячим человеком. Первая просьба о месте на берегу, по его словам, была обращена к ленапи, имея в виду родственные ветви этого племени, которые в древности были поселены в гавани Нью-Йорка и его окрестностях.

Отвечая на вопрос об их бегстве с реки Святого Лаврентия, поселении на севере и последующей миграции в Детройтский пролив и поселении там, Оривахенто сказал:

Вайандоты были горды. Бог сказал, что таких следует бить и принижать. Это причина, по которой за нами следили с востока, и мы отправились на север, в Мичилимакинак, но поскольку раньше у нас было на это право, то, когда мы вернулись, племена смотрели на нас снизу вверх, как на держащих огонь совета. [18]

3. Какое родство вы признаете с другими западными племенами?

Ответ Оривахенто: Мы называем ленапи, *племянниками*; мы называем оджибва (чиппева), Оттава, миами и др., *Младшими братьями*. Мы называем шауни, *Младший брат*. Вайандоты были первым племенем в древние времена. Первый вождь был в их племени.

[18] Это, безусловно, достойный и мудрый ответ; задуманный так, чтобы скрыть их катастрофическое поражение и бегство из долины Святого Лаврентия на север. Преимущество, на которое он ссылается при достижении Детройтского пролива, как ранее принадлежавшее им, несомненно, относится к эпохе их проживания в низовьях реки Святого Лаврентия, где они стояли во главе французской и индийской конфедерации против ирокезов. Среди последних, насколько известно истории, у них, безусловно, не было прецедента. Их костер совета поддерживался Онондагами.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДЧИКУ.

1. Похожи ли языки вайандотов и ирокезов по звукам. Вы говорите, вы говорите на обоих.

Ans. Совсем не похожи. Это правда, что есть несколько слов so, но эти два языка не кажутся мне более родственными, чем английский и французский. Вы знаете, что некоторые английские и французские слова похожи. Язык ирокезов находится на *языке*, вайандот - в *горле*.

2. Приведите мне несколько примеров: Прочтите что-нибудь из этого перевода "Ирокеза" (вручая ему Евангелие от Иоанна, напечатанное Американским библейским обществом в 1818 году). Он подчинился, бегло прочитав его и сделав вид, что был знаком с переводом.

Дальнейший разговор, в ходе которого его внимание было привлечено к конкретным фактам в его структуре и принципах, заставил его увидеть более сильные аналогии между двумя языками. Было совершенно очевидно, что он никогда не размышлял на эту тему и что совпадения, как грамматически, так и филологически, были выше его понимания.

HRS

ТРАДИЦИИ АРКТИДЫ.

Есть несколько любопытных традиций, связанных с расой людей, живущих в той части континента, которая лежит к северу и западу от озера Атабаска и реки Унджиги. Маккензи описал ту их ветвь, которая называется тривиальным именем Че-пе-вайаны. Это алгонкинский термин, означающий сморщенные одеяла, и он относится только к самому восточному и южному подразделению расы. Они всего лишь авангард обширной расы. Все, что придает самобытности общим традициям, отличительному характеру и языку, относится также к догрибам, копперминам, стронгбоуз, амбавтавутам, зайцам, брашвудам, сурси, такулли, натеотетейнам и другим племенам, расположенным к северу от них, простирающимся до Северного Ледовитого океана и к западу через перевал Пис-ривер в Скалистых горах. Филология объединяет в одну группу все эти диалекты широко распространенной расы, которые простираются от границ нации атна на реке Колумбия, через Скалистые горы на восток до озера Хиллс и реки Миссинипи, или Черчилля, покрывая многие градусы широты и долготы. В отсутствие какого-либо общего названия для них, основанного на языке или характере, я буду ссылаться на них под географическим словосочетанием Arctides.

Эта группа людей продвинулась со стороны Северной части Тихого океана к атлантическим водам в общем восточном направлении, и в этом отношении их история представляет собой поразительное исключение из других крупных групп населения восточной части Соединенных Штатов, Канады и Гудзонова залива, которые постоянно продвигались на ЗАПАД и СЕВЕРО-ЗАПАД. Арктиды, напротив, продвинулись на ВОСТОК и ЮГО-ВОСТОК. Следовательно, можно предположить, что они принесли свои традиции более прямым образом из противоположных частей континента и из Азии, и можно сделать вывод, что из более несмешанных и примитивных источников. По крайней мере, некоторые из этих традиций носят любопытный и поразительный характер. Они верят, как и более южные племена, в общую традицию о всемирном потопе и о рае, или земле будущего блаженства. Они, по-видимому, скрыли Великого Духа, или создателя земного шара, под аллегорией гигантской птицы. Они верят, что изначально не было ничего видимого, кроме одного огромного океана. После этого птица спустилась с неба с шумом крыльев, который производил звуки, напоминающие гром. Земля, когда он приземлился, немедленно поднялась над водами. Затем эта птица творческой силы создала все классы животных, которые были созданы из земли. Все они предшествовали человеку. Единственный человек, последний в серии, был создан из кожного покрова собаки. Они верят, что это было их собственное происхождение, и поэтому, как говорит нам Маккензи, они не будут есть мясо этого животного, как это делают другие племена континента. Чтобы охранять их, он изготовил волшебную стрелу, которую они должны были бережно хранить и свято хранить. Но они были настолько легкомысленны, добавляют они, что унесли его и потеряли, после чего огромная

птица улетела и с тех пор никогда не появлялась. Эту волшебную стрелу, несомненно, следует рассматривать как символ чего-то другого, что было очень важно для их безопасности и счастья. Индийская история часто скрывается под подобными символическими формами.

У них также есть предание, что они родом из чужой страны, которая была населена злыми людьми. Им пришлось пересечь большое озеро, или воду, которая была мелкой, узкой и изобиловала островами. Их путь также пролегал по снегу и льду, и они ужасно страдали от холода. Сначала они высадились в устье реки Коппермайн. Тогда земля вокруг была усыпана металлической медью, которая с тех пор исчезла.

Они верят, что в древние времена люди жили до тех пор, пока их ноги не изнашивались от ходьбы, а горло - от еды. Они представляют своих предков дожившими до очень преклонных лет. Они описывают всемирный потоп, во время которого воды разлились по всей земле, за исключением самых высоких гор, на которых спаслись их прародители.

Их представления о будущем состоянии в целом совпадают с представлениями других племен. Но их рай наделен более творческими чертами. Они верят, что после смерти они сразу переходят в другой мир, где есть большая река, которую нужно пересечь. Они должны сесть в каменное каноэ, и их переносит в широкое озеро, в центре которого есть остров. Это остров блаженных, и цель развоплощенной души - достичь его. Если их жизнь была хорошей, им повезет, и они доберутся до него. Если им будет плохо, они утонут; но они утонут только по самый подбородок, чтобы им было позволено увидеть счастливую страну и тщетно стремиться достичь ее. Вечность проходит в этих тщетных усилиях.

Они также имеют некоторое представление о доктрине переселения душ. Таковы традиционные представления этой многочисленной семьи Красной расы, которые достаточно своеобразны, и хотя они похожи по многим чертам, все же в других они отличают их от великой алгонкской расы восточной части континента. Наиболее продвинутой ветвь этих племен по своему географическому положению называет себя, как сообщает капитан Дж. Франклин, "Люди восходящего солнца", или *Соу-ису-динне*.

Кажется странным, что чем дальше мы продвигаемся на север, тем больше свидетельств воображения мы видим у аборигенов, наряду с некоторыми предзнаменованиями будущих наказаний.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ чиппева, оджибва Или алгонкинов-оджибва.

Из всех существующих ветвей алгонкинского племени в Америке это обширное и густонаселенное племя, по-видимому, имеет самые сильные претензии на интеллектуальное превосходство в плане своих традиций, по крайней мере, на том уровне, на котором простирается нынешнее состояние наших исследований. Они обладают, в своих любопытных вымышленных легендах и сказках лож, разнообразным и неисчерпаемым фондом традиций, который повторяется из поколения в поколение. Среди диких людей севера эти легенды занимают относительное положение сборников рассказов и предназначены как для развлечения, так и для наставления. Этот народ владеет также искусством написания картин в такой степени, которая указывает на то, что они были либо более осторожны, либо более

удачливы в сохранении этого очень древнего искусства человеческой расы. Воины, и храбрейшие из воинов, они все же интеллектуальный народ.

Их традиции и вера в происхождение земного шара и существование Высшего Существа вполне согласуются с некоторыми моментами нашей собственной истории и теории. Они верят, что Великий Дух создал материальную материю и что он создал землю и небеса силой своей воли. Впоследствии Он сотворил животных и людей из земли и наполнил пространство подчиненными духами, обладающими чем-то от его собственной природы, которым он передал часть своей собственной силы. Он создал одного великого и повелевающего духа зла, которому он также дал ассимилированных и подчиненных злых духов для исполнения его воли. Они верят, что таким образом в мире появились две противоборствующие силы, которые постоянно стремятся к господству и которые обладают властью влиять на судьбы и жизни людей. Это составляет основу их религии, жертвоприношений и богослужения.

Они верят, что животные были созданы раньше людей и что изначально они правили на земле. Силой некромантии некоторые из этих животных были превращены в людей, которые, как только они приняли эту новую форму, начали охотиться на животных и вести с ними войну. Ожидается, что в будущем эти животные примут человеческий облик, и, следовательно, их охотники придумают несколько неуклюжих оправданий своей нынешней политике их убийства. Они верят, что все животные, и птицы, и рептилии, и даже насекомые, обладают способностью рассуждать и имеют душу. Именно в этих мнениях мы обнаруживаем древнее учение о переселении душ.

Их самые умные жрецы рассказывают нам, что их предки поклонялись солнцу; это светило считалось у них, как сказал мне один из их медас, символом божественного разума, и его изображение нарисовано в их системе изобразительного письма для обозначения Великого Духа. Этот символ очень часто встречается в их изображениях танца врачевания и танца вабено, а также в других священных формах их грубых надписей.

Они верят, по крайней мере до некоторой степени, в двойственность душ, одна из которых плотская, или телесная, а другая бестелесная, или ментальная. Плотская душа сразу после смерти отправляется в страну духов, или будущее блаженство. Ментальная душа пребывает с телом и витает вокруг места погребения. Будущее состояние рассматривается ими как состояние наград, а не наказаний. Они ожидают, что будут жить в раю, полном удовольствий для глаз, ушей и вкуса. Сильная и всеобщая вера в божественное милосердие поглощает все другие атрибуты Великого Духа, кроме его силы и вездесущности; и они верят, насколько мы можем судить, что это милосердие будет проявлено ко всем. Как правило, у них нет очень четкого представления о моральных различиях и ответственности, и слабые намеки, которые мы иногда слышим среди них, на глубокий и мрачный поток, который предстоит пересечь предприимчивой душе на ее пути в страну блаженства, не оказывают такого практического влияния на их жизнь, чтобы помешать вере во всеобщее признание после смерти. Эта вера настолько тверда, что их правильным и наиболее почтенным термином для обозначения Великого Духа является Гежа Монеда, то есть Милосердный Дух. Гитчи Монеда, которое также используется, часто является двусмысленным словосочетанием. Термин Wāzheaud, или Создатель, используется для обозначения Создателя, когда речь идет о его анимационных работах. Также слышится составное словосочетание Вяосемигоян, или всеобщий Отец.

Великий дух зла, называемый Мудже Монеда и Матче Монито, рассматривается как *сотворенное*, а не ранее существовавшее существо. Подчиненные духи зла обозначаются с помощью уничижительной формы слова, в *sh* которой Moneto переводится как Монетош. Исключительная гибкость языка хорошо рассчитана на то, чтобы позволить им выразить различия такого рода.

У этого племени есть общее предание о всемирном потопе, во время которого земля была покрыта водой, достигавшей уровня самых высоких холмов или гор, но не выше росшего на последних дерева, взобравшись на которое человек был спасен. Этот человек был полубогом из их выдумок, которого зовут Манабожо, с помощью которого были остановлены воды и воссоздана земля. Он использовал для этой цели различных животных, которых посылали нырять вниз за частичкой первозданной земли, из которой немного было, в конце концов, поднято бобром, и это образовало зародыш или ядро новой, или, скорее, спасенной планеты. Какие именно аллегории скрываются за этой историей, точно неизвестно; но известно, что это и другие племена часто используют аллегории и символы, под которыми, как мы можем подозревать, они скрывали части своих исторических традиций и верований. Этот потоп, обрушившийся на племена алгонкинов, был вызван, как повествуют их легенды, с помощью вождя злых духов, символизируемого огромным змеем, который на протяжении всего повествования находится в антагонистическом положении по отношению к полубогу Манабошо. Считается, что этот Манабоджо совпадает с Абу и Мичабу, или Великим Зайцем древних писателей.

Что касается их фактического происхождения и истории, у чиппева нет другой определенной традиции, кроме той, что они пришли из Вабенонга, то есть земли ВОСТОКА. Следовательно, у них нет подлинной истории, но есть такие памятные события, которые следует отнести к эпохе открытия континента. Следует ли интерпретировать эту традицию как древнюю, относящуюся к их прибытию на континент, или просто к пути их миграции после достижения его, - это вопрос, требующий рассмотрения. Достоверно только то, что они пришли к своему нынешнему положению на берегах озера Верхнее со стороны атлантического побережья и, когда их обнаружили, находились в положении вторгшейся нации, продвигавшейся на запад и север. Их характерное название не проливает света на этот вопрос. Они называют себя *Od-jib-wag*, что является множественным числом от *Odjibwa*, — термин, который, по-видимому, обозначает особенность в их голосе или манере произносить слова. Это слово было произнесено саксонской расой чиппева в Америке, и таким образом оно зафиксировано в наших договорах и истории. По языку, манерам, обычаям и другим характеристикам они представляют собой хорошо выраженный тип ведущей расы алгонкинов и, действительно, являются самой густонаселенной, важной и широко распространенной ветвью этой семьи, существующей в настоящее время на континенте. Термин Чиппева может считаться прочно закрепившимся в народном обиходе, но во всех исследованиях, имеющих филологический или отличительный характер, будет обнаружено, что истинно народный термин Од-джиб-ва обладает преимуществами для писателей. Слово "алгонкин" до сих пор применяется к небольшой местной группе, проживающей на озере Двух гор, на реке Утавас, недалеко от Монреаля, но этот термин, впервые введенный французами, долгое время был общим выражением для всей расы, которая идентифицируется узами общего языка оригинала в Соединенных Штатах и Британской Америке.

Одним из самых любопытных взглядов этого народа является их вера в таинственный и священный характер огня. Они добывают священный огонь для всех национальных и церковных целей из кремня. Этим огнем зажигают их национальные трубки. Это символ чистоты. Их представления о границе между жизнью и смертью, которая также символически является границей материальной грани между этим и будущим состоянием, раскрываются в связи с демонстрацией пламени огня. Они также приносят в жертву огню какую-то часть первых плодов охоты. Эти черты следует рассматривать, возможно, в связи с их древним поклонением солнцу, отмеченным выше, традиции и верования в которое в целом все еще сохраняются. Существование среди них многочисленных классов джоссакидов, или бормочущих (слово происходит от произнесения звуков низко на земле), является чертой, которая напомнит читателю о подобном классе людей в ранние века в восточном полушарии. Эти люди действительно составляют Магов наших западных лесов. Демонстрируя свое искусство и распространяя своеобразные представления о священном огне и доктрине переселения душ, они, по-видимому, имеют происхождение скорее от учеников Зороастра и плодovitого персидского племени, чем от менее утонченных в умственном отношении монгольских орд.

МИФОЛОГИЯ, СУЕВЕРИЯ И РЕЛИГИЯ АЛГОНКИНОВ.

ИХ СИСТЕМА ПОКЛОНЕНИЯ МАНИТО, НЕДАВНО РАСКРЫТАЯ В ИСПОВЕДИ ОДНОГО ИЗ ИХ ПРОРОКОВ; ИХ ЯЗЫКИ И ХАРАКТЕР ПЕРЕВОДОВ ЕВАНГЕЛИЯ, СДЕЛАННЫХ НА ЭТИ ДИАЛЕКТЫ; И ВЕДУЩИЕ МОТИВЫ ХРИСТИАН И ФИЛАНТРОПОВ УПОРСТВОВАТЬ В СВОЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ОБРАЩЕНИИ. [19]

[19] Нью-Йорк, лит. & Theo. Обзор.

Известно, что индейские племена этого континента живут в состоянии ментальной зависимости от класса людей, которые выполняют функции их священников и прорицателей. Эти люди заявляли о своих притязаниях на сверхъестественную силу благодаря раннему посту, сну, аскетическим манерам и привычкам, а часто и какому-то реальному или притворному приступу безумия. Большинство из них проявляют знание чар и заклинаний. Им выдают мешок с мистическими принадлежностями, содержимое которых демонстрируется во время их церемоний, такими как полые кости некоторых крупных ансеров, маленькие резные изображения животных, каури и другие морские раковины и т.д. Некоторые из этих людей приобретают характер большой святости и обращают свое влияние на политические цели, либо лично, либо через какого-нибудь популярного воина, примером чего был успех сахемов Буханджахелы, Маленькой Черепахи и Текумте.

Недавно у нас была возможность побеседовать с одним из представителей этого класса святых людей, который в последние годы принял христианство; и мы сделали некоторые записи об этой беседе, к которым мы обратимся с целью представить его свидетельство относительно истинного характера этого класса самозванцев. Упомянутый человек, Чуско, является индейцем из Оттавы, который долгое время, так сказать, исполнял обязанности священника перед своими братьями на северных границах. Сейчас ему исполнилось семьдесят. Он небольшого роста, несколько наклонен вперед и поддерживает возрастную немощь, опираясь на посох. У него слабое зрение, но точная память, что позволяет ему подробно рассказывать о событиях, произошедших более полувека назад. Он присутствовал на Великой созыва северных индейцев

в Гринвилл, который следовал быт. Побед Уэйна на Западе—это событие, к которому большинство из этих племен оглянуться, как эпоху в своей истории. Впоследствии он вернулся в свою родную страну на верхних озерах и поселился в Мичилимакинаке, где в последние годы его жена обратилась в христианскую веру и присоединилась к миссионерской церкви на этом острове. Несколько лет спустя старый пророк, который презирал этот образ веры и мало думал о проницательности своей жены, присоединившейся к собранию верующих, почувствовал, что его собственный разум скован теми же истинами, и в конце концов тоже принял их, и ему было предложено принять их, а затем предстать перед судом перед сессией. Примерно в это же время или вскоре после того, как он был принят в качестве претендента на членство, писатель посетил свою ложу и приступил к полному изучению своих чувств и мнений, свободно сравнивая их с тем, какими они были раньше. Мы попросили его рассказать нам факты своего обращения к принципам христианства, указав на прогресс истины в его сознании, что он и сделал, по существу, через переводчика, следующим образом:

"В начале своей жизни я жил очень порочно, следуя Мета, Джисукану и вабено, трем великим суеверным обрядам моего народа. Я не знал, что эти общества состоят из ошибок, пока моя жена, чье сердце было обращено миссионерами, не сообщила мне об этом. Мне не доставляло удовольствия слушать ее рассуждения на эту тему, и я часто отворачивался, заявляя, что меня вполне устраивает религия моих предков. Она пользовалась каждым случаем, чтобы поговорить со мной на эту тему. Она сказала мне, что индийские общества плохи и что все, кто придерживается их, не лучше открытых слуг Злого Духа. В частности, она провела со мной *четыре* долгих беседы на эту тему и объяснила мне, кто такой Бог и что такое грех, как это написано в Божьей книге. Раньше я верил, что есть Один Великий Дух, который был Хозяином жизни, который создал людей и зверей. Но она объяснила мне истинный характер этого Великого Духа, греховность сердца и необходимость изменить его со злого на доброе молитвой через Иисуса Христа. Постепенно я пришел к пониманию этого. Она сказала мне, что только Дух Божий или Святой Дух может сделать сердце лучше, и что души всех, кто умер, не ощутив этой силы, будут сожжены в огне. Миссионеры велели ей поговорить со мной и вложить слова в ее уста; и она сказала так много, что в конце концов я перестал чувствовать себя удовлетворенным своим прежним образом жизни. Среди прочего, она выступала против пьянства, которое я очень любил.

"Мне не нравились эти беседы, но я не мог их забыть. Когда я размышлял о них, мое сердце уже не было таким твердым, как раньше. Я начал понимать, что индийские общества были плохими, поскольку по собственному опыту знал, что я полагался не на добрый Дух. Я решил, что больше не буду заниматься *джисукой* или заглядывать в будущее индейцев, ни практиковать *искусство* Меты. Через некоторое время я начал более отчетливо понимать, что все индийские церемонии были плохими, и я решил совсем отказаться от них и прислушаться к тому, что было провозглашено в Божьей книге.

"Я отчетливо помню первый раз, когда я почувствовал, что буду осужден как грешник и что мне грозит наказание за грех от Бога. В то время я был на острове Буа Блан, где мы с женой варили сахар. У меня был конфликт мыслей, и я едва понимал, что делаю. Я ходил вокруг чайников и не знал, зачем я хожу. Иногда я чувствовал себя человеком, которому хочется заплакать, но я думал, что плакать было бы не по-мужски. В течение двух недель я пребывал в таком встревоженном и несчастном настроении. Иногда мне казалось, что я должен умереть. Казалось, что мое сердце и кости вот-вот лопнут и развалятся на части. Моя жена спросила, не

болен ли я, и сказала, что я выгляжу бледным. Я испытывал агонию тела и разума, особенно в течение *одной* недели. Все это время мне казалось, что злой дух преследует меня. Когда я выходил собирать сок, я чувствовал, что этот дух сопровождает меня и преследует по пятам. Казалось, он оживил мою собственную тень.

"Мои силы были на исходе из-за этого конфликта. Однажды ночью, после того как я был занят весь день, мой разум был в большом расстройстве. Мне казалось, что это призрачное влияние убеждает меня лечь спать. Я устал и хотел отдохнуть, но не мог уснуть. Я начал молиться. Я опустился на колени и помолился Богу. Я продолжал молиться с перерывами всю ночь; я просил узнать правду. Затем я лег и заснул. Этот сон принес мне покой. Утром меня разбудила жена, сказав, что уже поздно. Проснувшись, я почувствовал умиротворение и легкость на душе. Мои страдания оставили меня. Я спросил жену, какой сегодня день. Она сказала мне, что сегодня суббота (по-индийски - день молитвы). Я ответил: "Как бы я хотел пойти в церковь при миссии! Раньше я избегал этого и сторонился тех, кто хотел поговорить со мной о молитве Богу, но теперь мое сердце жаждет попасть туда". Это чувство не покидало меня.

"Через три дня я отправился в миссию. Радость в моем сердце оставалась такой же, какую я почувствовал в первое утро в лагере. Моим первым чувством, когда я приземлился, была жалость к моим пьяным братьям, и я помолился, чтобы им тоже удалось найти истинного Бога. Я поговорил с миссионером, который на последующих собеседованиях объяснил мне истину, обряд крещения и другие принципы. Однако он хотел испытать меня моей жизнью, и я тоже этого хотел. Только следующей осенью меня приняли в церковь".

Теперь мы обратили его внимание на неводержанность в употреблении алкоголя, понимая, что это была его прежняя привычка. Он ответил, что был одним из величайших пьяниц. Он не был удовлетворен десятидневным запоем. Он шел и пил столько, сколько мог достать. Он сказал, что в ту ночь, когда он впервые помолился, одной из первых тем его молитв было то, чтобы Бог удалил это желание вместе с другими его злыми желаниями. Он добавил: "Так сделал Бог". Когда он встал в то утро, желание покинуло его. Затем злой дух искушал его, внушая его разуму— "Если кто-нибудь сейчас войдет и предложит тебе ликер, разве ты не попробуешь его?" Он утверждал, что в тот момент мог твердо ответить "Нет"! Прошло уже семь лет с тех пор, как он в последний раз пробовал крепкий напиток. Он заметил, что когда он впервые посещал дома христиан, которые с радостью открывали ему свои двери, у них была привычка просить его выпить бокал сидра или вина, что он и делал. Но эта практика едва не погубила его. Однажды он почувствовал последствия того, что его таким образом уговорили выпить. Опасность, в которой он чувствовал себя, была такова, что он встревожился и отказался и от этой практики.

Он подробно описал некоторые испытания провидения, которым недавно подвергся. По его словам, он заметил, что те из его народа, кто исповедовал благочестие и впоследствии отпал, тем не менее преуспевали в мирских делах, в то время как ему было очень трудно жить. Он часто бывал в нужде, а его хижина была такой бедной, что не защищала от дождя. И он, и его жена были немощны, и их одежда была изношена. Теперь их разделяло лишь одно одеяло. Но когда он вспомнил об этих испытаниях, он немедленно обратился к Богу, который удовлетворил его.

Здесь можно упомянуть еще одну черту в характере его благочестия. Осенью, следующей за его обращением, он отправился на то место на острове, где посадил картофель. Индийский метод заключается в том, чтобы не посещать свои небольшие плантации с того времени, как на них *окучивают* кукурузу или картофель. Он был рад обнаружить, что урожай в данном случае

обещал быть обильным, и его жена немедленно приступила к процессу их выращивания. "Остановитесь! - воскликнул благодарный старик. - Как вы смеете копать эту картошку, пока мы не возблагодарим за нее Господа?" Затем они оба преклонили колени в молитве, а затем собрали урожай.

Этот человек, по-видимому, стал осязаемой точкой в интеллектуальной цепочке между язычеством и христианством, которую, как представляется, важно изучить. Мы почувствовали желание вытянуть из него такие подробности, касающиеся его прежней практики в некромантии и пророческом искусстве, которые могли бы привести к правильным философским выводам. Он был великим жонглером своего племени. Теперь его приняли как христианина. Каковы были его собственные представления о силе и искусствах, которыми он занимался? Каким все это представилось ему по прошествии нескольких лет, в течение которых его мнения и чувства претерпели изменения, во многих отношениях столь поразительные? Мы не обнаружили ни малейшего отклонения от этой темы с его стороны. Он приписывал все свои способности в искусстве обмана действию Злого Духа; и он говорил об этом тем же спокойным тоном, который проявлял, пересказывая другие моменты из своего личного опыта. Он верил, что последовал за духом, целью которого было обмануть индейцев и сделать их несчастными. Он верил, что этот дух покинул его и что теперь он в глубине своего сердца следует духу Истины.

Индийские *метаи* и *вабено* используют многочисленные символы классов одушевленного творения, чтобы продемонстрировать их впечатляющую способность творить чудеса и тщательно исследовать сцены будущего. Объектами, к которым этот человек обращался как к личным духам в аркане своей логи, были черепаха, лебедь, дятел и ворона. Он мечтал об этом во время своего первого поста в юности, в период, отведенный для этой цели, и он верил, что было оказано сатанинское влияние, представ перед его мысленным взором один или несколько из этих торжественно присвоенных объектов в момент его призывания к ним. Это теория, почерпнутая из его ответов. Мы попросили его подробно рассказать *о способах работы* после входа в домик жонглера. Этот домик напоминает острую пирамиду с открытой вершиной. Он сделан из жердей, покрытых туго натянутыми шкурами. Его ответы были совершенно простодушны, в них не было ничего от естественной молчаливости и застенчивости индийского ума. Главная задача оператора состоит в том, чтобы взбудоражить эту ложу и заставить ее двигаться и трястись, не отрывая ее от основания, таким образом, чтобы заставить зрителей поверить, что *сила действия является сверхчеловеческой*. После этого проявления духовного *присутствия* священник внутри готов дать оракульные ответы. Единственными предметами внутри были барабан и погремушка. В ответ на наш вопрос о порядке процедуры он заявил, что его первым делом после входа в ложу было ударить в барабан и начать свои заклинания. В это время его личные манитосы проявили свою волю и получили, как следует из этого, *сатанинскую энергию*. Не то чтобы он утверждал, что они приняли какую-то видимую форму. Но он чувствовал их духовное присутствие. Он представляет, что волнение логи вызвано воздушными потоками, обладающими нерегулярной и вращательной силой вихря. Он не претендует на то, что его ответы были продиктованы правдой, а, напротив, утверждает, что они были даны под влиянием злого духа.

Мы расспросили его об использовании физических и механических средств для лечения в качестве мета, или знахаря. Он ссылаясь на различные лекарства, некоторые из которых, по его мнению, были противовирусными или иными оздоровительными. Демонстрируя свое физическое мастерство, он использовал две кости, одна из которых была *белой* а другая

зеленой. Его аркан также включал в себя два маленьких каменных изображения. Он делал вид, что смотрит *внутрь* и *сквозь* плоть, и извлекал из организма жидкости в виде желчи и крови. Он приложил свой рот для всасывания. Он охарактеризовал как *мета*, или медицинские танцы, так и *вабено* танцы термином, который можно перевести как *дьявольщина*. Тем не менее, он провел различие между этими двумя популярными институтами, добавив, что *мета* включает использование лекарств, хороших и плохих. *Вабено*, напротив, целиком состояло из дикой демонстрации простого бахвальства и фокусов. По его словам, это не древнее учреждение. По его словам, оно возникло благодаря Потаватами, который месяц был болен и сходил с ума. Когда этот человек выздоровел, он притворился, что вознесся на небеса и принес оттуда божественные искусства, чтобы помочь своим соотечественникам.

Что касается мнения, стойко поддерживаемого этим почтенным деятелем индийской реформации, что его обманные уловки были осуществлены так, как он задумал, с помощью *сатанинских сил*, мы оставляем читателя делать свои собственные выводы. В его способе изложения фактов мы во многом уступаем ему на счет давно установившихся ментальных привычек и особенностей, вытекающих из мифологии, превосходящей даже мифологию древней Греции по количеству, разнообразию и повсеместности ее объектов. Но, согласно христианским теориям, мы не видим ничего неортодоксального в общей позиции. Когда истина Евангелия прививается темному сердцу язычника, каким был Чуско, это проливает пугающий свет на то, что там лелеялось. Показано, что вся система мифологической деятельности богов и духов языческого мира и ее неуклюжий механизм представляют собой чистую систему демонологии, которая по своему оперативному воздействию на умы людей может быть отнесена к "Князю, владеющему силой воздуха". Как таковой это изображено в Библии. У нас не было привычки признавать существование демонической одержимости, *в нынешнюю эпоху христианства*, и мы перелистали несколько десятков глав и стихов, чтобы убедиться в *отмене этих вещей*. Но мы не нашли никаких доказательств такого устранения злой силы, кроме той самой точки, к которой ее относит наш предмет, то есть восхода света христианства в сердце. Напротив, мы нашли в упомянутых отрывках заявление о полном и свободном существовании такого агента общего значения и понимаем, что это не может быть извлечено из священных писаний.

Язык такого посредничества, по-видимому, полностью развит у северных племен. *Дух-ездили* они, безусловно, являются; и ментальное рабство, в котором они живут, под страхом невидимого агентства злых духов, это, мы познаем, больше даже, чем рабство тела. Весь разум согнут под этими интеллектуальными оковами, которые ограничивают его волю и связывают его так же эффективно, как стальные крюки, пронзающие плоть кружащегося индуса. Все, что является чудесным, или недоступным пониманию их умов, относится к действию духа. Это готовое решение любой загадки в природе и любой утонченной механической мощи в искусстве. Часы в сложности своего механизма - это дух. Кусок синей ткани из литой и покрытой волдырями стали — компас, драгоценный камень, насекомое и т. Д. — Это, соответственно, дух. Согласно их трансцендентальной астрономии, Гром состоит из множества различных духов. Северное сияние - это группа танцующих духов, или, скорее, призраков ушедших.

Таковы были идеи и опыт Чуско после его объединения с церковью; и с этими взглядами он жил и умер, свидетельствуя, как считалось, о принятии Спасителя *через веру*.

Чтобы дать некоторое представление об индийской мифологии, описанной выше, необходимо представить, что каждая область Вселенной наполнена невидимыми духами. По своей вере, эти духи относятся к материи почти так же, как душа относится к телу: они пронизывают ее. Они верят не только в то, что у каждого человека, но и *в то, что у каждого животного есть душа*; и, как и следовало ожидать при такой вере, они не делают различия между *инстинктом* и *разумом*. Предполагается, что каждое животное наделено способностью рассуждать. Движения птиц и других животных считаются результатом не просто инстинктивных животных способностей, привитых и ограниченных творением, без присущей им способности *превосходить* или *увеличивать* их, но процесса рассуждения. Они идут на шаг дальше и верят, что животные, особенно птицы, могут заглядывать в огромный мир наверху и знакомы с ним. Отсюда огромное уважение, которое они оказывают птицам как предзнаменованиям, а также некоторым животным, души которых они ожидают встретить в другой жизни. Более того, северные алгонкины твердо верят, что животным будет лучше в другом мире, в той точной пропорции, в какой их жизнь и удовольствия были урезаны в этой жизни.

Сны рассматриваются ими как средство прямого общения с духовным миром; отсюда и огромное влияние, которое сны оказывают на ум и поведение индейцев. Обычно их рассматривают как дружеское предупреждение об их личных манитосах. Ни один труд или предприятие не предпринимается вопреки их указаниям. Целую армию поворачивают вспять, если мечты исполняющего обязанности священника неблагоприятны. Известно, что все обитатели семейного домика покинули его в полночь, оставив светильники, потому что одному из членов семьи приснилось нападение, и он был напуган видом крови и томагавков. Чтобы придать больше торжественности своему служению, священник или ведущий *мету* демонстрирует мешочек, содержащий вырезанные или набитые чучела животных, лекарства и кости, составляющие священные талисманы. Они никогда не выставляются на всеобщее обозрение, но во время марша мешочек вешают на виду. Осквернить мешочек с лекарствами было бы равносильно осквернению алтаря. Каждый индеец, независимо от его положения, тщательно ищет сновидений в определенные периоды молодости, соблюдая пост. Иногда эти посты продолжаются большое количество дней, пока преданный не становится бледным и истощенным. Животные, которые благожелательно появляются в сознании во время этих снов, фиксируются и выбираются в качестве личных манито, и с тех пор на них всегда смотрят как на опекунов. Этот период поста и сновидений они считают таким же важным, как и любой религиозный обряд, который используют христиане. Начальный пост молодого человека или девушки имеет относительное значение крещения, с той особенностью, что это обряд добровольного посвящения.

Наречение детей имеет тесную связь с системой мифологической свободы воли. Имена обычно даются каким-нибудь пожилым человеком, чаще всего под предполагаемым руководством определенного духа. Они часто происходят от мистических сцен, представленных во сне, и относятся к воздушным явлениям. Желтый гром, Яркое небо, Большое облако, Небо Духов, Пятно в небе - распространенные имена для мужчин. Женщин чаще называют в соответствии с весенним или осенним пейзажем, например, "Женщина долины", "Женщина скалы" и т.д. Женщины не исключены из участия в пророческом служении или жонглерстве. Известно, что имели место случаи, когда они брали на себя эту функцию, хотя обычно она присуща только мужчинам. Во всех других сферах жизни они, по-видимому, считаются низшими или *всеобъемлющими* существами. Имена, данные с церемонией в детстве, считаются

священными и редко произносятся, по-видимому, из уважения к духу, по милости которого они, как предполагается, были выбраны. Детей обычно называют в семье каким-нибудь именем, которое может быть привычным. Мать часто называет ребенка мужского пола птицей, птенцом или стариком в качестве ласкательного обращения, или плохим мальчиком, злодеем и т. Д. В виде легкого упрека; и эти имена часто закрепляются за человеком на протяжении всей жизни. Родители часто избегают называть настоящее имя, говоря "мой сын", "мой младший" или "мой старший сын", "моя младшая" или "моя старшая дочь", для обозначения которых в языке есть отдельные слова. Тема нежелания называть свои имена очень любопытна и заслуживает изучения.

Индийское "искусство и мистерия" охоты - это ткань некромантических или мифологических представлений. Для достижения успеха в охоте вызываются личные духи охотника. Изображения искомых животных иногда вырезаются из дерева или рисуются метами на табличных кусках дерева. Предполагается, что, применяя к ним свои мистические снадобья, животные становятся на путь охотника; и когда животные убиты, индеец чувствует, что, хотя они являются разрешенной и законной добычей, все же есть нечто вроде ответственности перед *предполагаемой душой* животного. Известно, что один индеец просил прощения у животного, которое он только что убил. Барабанный бой, встряхивание погремушкой, танцы и пение являются обычным сопровождением всех этих сверхъестественных обрядов и не свойственны только одному классу. В танце вабено, который почитается индейцами как наиболее распространенное совместное братство, присутствуют песни о любви. Их никогда не слышно в танцах целителей. Они подвергли бы человека полному презрению в боевом танце.

Система *поклонения манито* имеет еще одну особенность, которая свидетельствует об индийском характере. Во время постов и церемониальных танцев, с помощью которых воин готовит себя к выполнению боевых обязанностей, все, что отдает женственностью, отбрасывается в сторону. Полагаются только на духов, которые руководят храбростью и войной, и предполагается, что они оскорблены тем, что приверженец обращает внимание на объекты менее суровые и мужественные, чем они сами. Венере и Марсу нельзя поклоняться одновременно. Для воина, участвующего в войне, было бы полным осквернением связывать себя другими, более нежными чувствами. Мы думаем, что это мнение должно быть должным образом оценено в общей награде, которую история присуждает целомудрию воинов. Мы бы описали этот факт к их похвале так полно, как это было сделано; но мы бы кое-что убавили из *мотива*, принимая во внимание его первостепенные обязательства священного характера, а также страх подвергнуться насмешкам со стороны его товарищей-воинов.

В этих ведущих доктринах устной и мистической школы дикой философии можно усмотреть основу их мифологии и общий мотив выбора знакомых духов. Манито, или, как его произносят чиппева, монедо, означает просто дух, и к нему не прилагается ни хорошего, ни плохого значения, если оно не находится под управлением какого-либо прилагательного или определяющей частицы. Однако мы думаем, что поскольку существует смысл, отличный от невидимого существования, существует тенденция к плохому смыслу. Плохой смысл, однако, отчетливо передается интонацией "*ошский*" или "*иш*". Частица *крошка*, добавленная в том же соотношении, указывает на ведьму. Как и многие другие существительные, оно имеет уменьшительное *vos*, множественное число в *wug* и местную форму в *ing*. Добавление слова "великий", как это делали авторы-иезуиты, далеко не определяет моральный облик духа, и поэтому современные переводчики добавляют приставку *гежа*, означающую милосердный. И

все же мы сомневаемся, не следует ли смело использовать слово "Бог" в переводах Священных Писаний. В конференц-зале и молитвенной комнате учителя-носители языка вообще используют всеобъемлющую местоименную форму "Отец". Истина медленно проникает в разум, погруженный в такую глубокую тьму, как у индийцев, и есть опасность в сохранении употребления слов, подобных тем, которые они так долго использовали, в проблематичном, если не в уничижительном смысле.

Любовь к тайне и волшебству, которая пронизывает местные церемонии, повлияла на формы их языка. Они наделили его способностью оживлять мертвые массы. Жизненность в формах их высказывания глубоко укоренилась во всех этих диалектах, которые были исследованы; они обеспечивают, посредством процесса флексии, сохранение постоянного различия между живым и неодушевленным царствами. Но там, где жизненность и духовность настолько смешаны, как мы видим их в их доктрине о душах животных, неизбежным результатом должно быть либо возвышение принципа жизни во всех классах природы до бессмертия, либо низведение последнего до уровня простой органической жизни. Индийские словотворцы решили первую дилемму и населили свой рай не только душами людей, но и душами всех мыслимых видов животных. Духовность, таким образом, засорена чувственными случайностями. Человеческая душа *алчет*, и она должна получить пищу, оставленную на могиле. *Он страдает от холода*, и тело должно быть обернуто тканями. Это в *темноте*, и в изголовье могилы должен быть зажжен свет. Оно бродит по равнинам и через ручьи, подчиняясь провидению этой жизни, в поисках своего места наслаждения, и когда оно достигает его, оно находит всевозможные чувственные испытания, которые превращают это место в действительности не *врай покоя*, а в *другой экспериментальный мир*, очень похожий на этот. О наказаниях мы ничего не слышим; награды ожидают в изобилии, и идея о том, что Хозяин жизни, или милосердный Дух, будет одинаково милосерден ко всем, *независимо от деяний в этой жизни или степени моральной испорченности*, по-видимому, оставляет в их теологии веру в восстановление или универсализм. Ничто не отсылает их к Спасителю; эта ИДЕЯ была за пределами их представления, и, конечно, не было никакого повода для служения Святого Духа. Более мрачных и ледящих душу взглядов богослову представить было бы невозможно. И все же можно спросить, какой более благоприятный результат мог быть или может быть ожидаем сейчас в сердцах невежественных, необразованных и блуждающих людей, подверженных жестоким превратностям своей жизни и судьбы и лишенных руководства светом Откровения?

Что касается собственно их мифологии, у нас есть место лишь для нескольких замечаний. Некоторые мифологические сюжеты индейцев допускают поэтическое использование. Манабоджо можно рассматривать как своего рода земного Юпитера, который мог выполнять все, что угодно, но прожил некоторое время на земле, и особенно преуспел в подвигах силы и ловкости рук. Все животные были подвластны ему. Он также пережил потоп, о котором упоминают предания, взобравшись на дерево на экстремальной высоте во время преобладания вод, и послал вниз различных животных для получения какой-то земли, из которой он воссоздал земной шар. Четыре стороны света - это множество полубогов, из которых Запад, называемый Кабеун, имеет приоритет по возрасту. Служанка, неосторожно подставившая себя западному ветру, считает Восток, Север и Юг его сыновьями. Ягу (Iago) - бог чудесного, и о нем сложено множество самых экстравагантных историй о лесных и домашних приключениях. Квасинд - это своего рода Самсон, который бросил в Ментора огромную каменную глыбу, подобную той, которую Циклоп бросил в Ментора. Винг - бог сна, который, как представляется, имеет к своим

услугам множество маленьких посланников, что напоминает нам о сотворении Поупом гномов. Эти крошечные эмиссары взбираются на лоб и, орудуя крошечной дубинкой, усыпляют людей. Паугук - это смерть в его символической позе. Он вооружен луком и стрелами. Было бы легко расширить это перечисление.

Умственные способности индейцев - это тема, которую мы не собираемся обсуждать. Но должно быть очевидно, что некоторые из их особенностей проявляются в их системе мифологии и ремесле духов. Война, государственная политика, охота, воздержание, выносливость и отважные приключения составляют ведущие темы их умственных усилий. Они считаются подходящими темами для мужчин, мудрецов и воинов. Но в их интеллектуальных эссе есть и внутренний театр показа. Именно здесь индийский ум раскрывается и проявляет некоторые из своих менее очевидных черт. Их публичные ораторы культивируют особую отрасль ораторского искусства. Они осторожны в употреблении слов и считаются эталонами чистоты языка. Они, по-видимому, обладают точным слухом на звуки и с удовольствием завершают период, для обозначения которого языки предоставляют большие возможности, своими длинными и величественными словами и разнообразными флексиями. Направление мысли - возвышение стиля - наблюдается в их публичных выступлениях, которые опускаются в частной беседе. Голос, поза и движения считаются наиболее важными. Большая часть значения их выражений меняется в зависимости от страстного, приглушенного или продолжительного тона, которым они произносятся. В частной беседе, напротив, все меняется. Здесь присутствует невозмутимость тона и непринужденная манера повествования или диалога, в которых наиболее ярко проявляется сила мимики. Сам голос и слова предполагаемых ораторов в их вымышленных легендах предполагаются. Страх, мольба, робость или хвастовство точно изображены и возбуждают глубочайший интерес. Повсюду царит непринужденность и свобода от ограничений. Здесь нет ничего от холодности или суровой официальности совета. Трубка используется в обычном порядке, и вся ее символическая святость устраняется поясом вампум и часто повторяемыми государственными эпитетами "Носа" и "Косинан", то есть *мой отец* и *отче наш*.

Еще одна поразительная черта этой расы содержится в их легендах и преданиях. Те представители аборигенной расы, которые преуспевают в частной беседе, становятся для своих племен устными летописцами, и на них полагаются как в исторических традициях, так и в рассказах. Слушая их, необходимо различать сплетню и историка, рассказчика реальных событий и детских сказок. Ибо они собирают воедино все, начиная от сказочных подвигов Манебожо и Мисшожи и заканчивая стремительными побегами "Понтиака" или "Черного ястреба". Эти рассказчики, как правило, люди с хорошей памятью и определенной долей юмора, пережившие превратности судьбы и брошенные в юдоль лет. При повторении их сказок превращения и трансмиграции являются частью механизма, на который полагаются; и некоторые из них так точно приспособлены для целей развлечения или обучения, как если бы при их создании консультировались с самим Зороастром или Овидием. Согласно этим сказаниям, многие неодушевленные предметы изначально были мужчинами и женщинами. И многие животные имели другие формы на первых стадиях своего существования, которых они, так же как и люди, лишились благодаря силе некромантии и переселения душ. Согласно легенде, вечерняя звезда раньше была женщиной. Амбициозный мальчик стал одной из планет. Три брата, путешествующие на каноэ, превратились в группу звезд. Лиса, рысь, заяц, малиновка, орел и множество других видов животных сохраняют свое место в индийской системе астрономии. Мышь достигла небесной высоты, взобравшись по радуге, которая, по

индийской легенде, представляет собой мохнатую массу ярких нитей, и, перегрызая их, освободила пленника в небе. Мы отмечаем совпадение, что *большую медведицу* они называют медведицей.

Эти легенды относятся не только к небу. Земля также является плодотворным театром превращений. Волк раньше был мальчиком, который, будучи заброшенным родителями, превратился в это животное. Ракушка, лежащая на берегу, превратилась в енота. Мозги прелюбодейки превращались в *аддикумаг*, или белую рыбу.

Сила трансформации использовалась по-разному. Чаще всего это присуще магам, среди которых Або, Манабош или Манабожа, а также Мишоша сохраняют большую известность. Последний обладал волшебным каноэ, которое по произнесению заклинания мчалось вперед по воде со скоростью, обгоняющей ветер. Сотни миль были преодолены за столько же минут. Заклинание, которое он произнес, состояло из односложного слова, содержащего одну согласную, которая не принадлежит данному языку; и это слово не имеет определенного значения. Так что язык магии и демонологии имеет одну общую черту во все века и у каждого народа.

Не только человек в его обычном обличье является предметом их легенд. Интеллектуальные творения индейцев допускают участие великанов и фей. Анак и его потомство не могли бы вызвать большей тревоги в умах десяти вероломных шпионов, чем раса легендарных вендигу у индейских племен. Эти великаны представлены в виде каннибалов, которые поедали мужчин, женщин и детей. Индийские феи делятся на два класса, различающихся тем, что местом их пиршеств является либо земля, либо вода. Считается, что наземные феи выбирают себе резиденцию на мысах, водопадах и торжественных рощах. Предполагается, что вода, помимо соответствующего ей класса водных фей, является резиденцией расы существ, называемых Нибанаба, которые имеют аналогию, за исключением секса, с русалками. Индийское слово обозначает мужчину. Призраки - обычный механизм в их рассказах об ужасах и тайнах. Возможно, в вере в то, что привидения и духи способны существовать в огне, есть проблеск идеи карающего правосудия.

НАКОНЕЧНИКИ ИНДЕЙСКИХ СТРЕЛ И Т.Д.

Безусловно, самыми многочисленными реликвиями Красной расы, ныне обнаруживаемыми в тех частях нашей страны, из которых она исчезла, являются маленькие камешки, которыми они направляли свои стрелы. Будучи изготовленными из самых прочных веществ, они, как правило, остаются в почве, не подверженные влиянию времени года. Больше всего их водится на тех богатых лугах, которые граничат с некоторыми из наших рек, и в других местах особого плодородия, хотя и меньшей протяженности, где напастбищах или других достопримечательностях собиралась дичь для краснокожих. Наиболее часто используемыми камнями были кварц и кремнь, которым отдавалось предпочтение из-за легкости их обработки, остроты заострений и кромок, которые они легко подставляют под удары умелого изготовителя, а также из-за их превосходной твердости и нетленной природы. До сих пор существует множество образцов, которые показывают различные формы и размеры, до которых красные

люди доводили камни этих видов, и они вызывают наше восхищение своей идеальной сохранностью, а также искусством их изготовления.

Однако нередко использовались и другие камни; и коллекция, которую мы создаем уже много лет, представляет значительное разнообразие материалов, а также размеров, форм и цветов. Иногда встречаются твердый песчаник, трапп или грааке, яшма и халцедон; некоторые из них почти прозрачны. Один из них большего размера сделан из стеатита и гладкий, как будто вырезанный или соскобленный ножом, в отличие от обычного метода постепенного откалывания мелких фрагментов более хрупкого камня легкими, часто повторяющимися ударами. Наконечники этих стрел крепились к древку, вставляя приклад в расщепленный конец и обвязывая его веревкой из оленьих сухожилий. В камне обычно можно заметить углубление, предназначенное для размещения струны. Но иногда трудно представить, как было произведено крепление, поскольку на некоторых идеальных наконечниках стрел нет таких углублений, а их формы не очень хорошо приспособлены для такой цели. Эта особенность, однако, чаще всего наблюдается у экземпляров небольшого размера, более крупных, и особенно у таких, которые, как обычно предполагается, были наконечниками копий, обычно хорошей формы для привязывания.

Примечательно, что были найдены некоторые места, где таких реликвий было удивительно много. В Хартфорде, штат Коннектикут, около тридцати лет назад многие из них были собраны в саду на углу Фронт-стрит и Милл-стрит. Место действительно находилось на берегу Маленькой речки, вероятно, в начале индийского плавания на каноэ; но все же нельзя было выдвинуть никакой рациональной гипотезы, объясняющей это открытие, кроме одной. Был сделан вывод, что это место было древним захоронением. Было найдено много грубых глиняных изделий, которые распространены во многих частях страны. Примерно в двух милях ниже Миддлтауна, штат Коннектикут, на склоне холма на южной стороне пролива Нэрроуз, несколько лет назад мы обнаружили большое количество мелких осколков белого кварца, густо разбросанных по поверхности земли, возможно, на площади в пол-акра. Среди них было несколько наконечников стрел различной формы, большинство из них несовершенные, и множество кусков камня, которые на первый взгляд походили на них, но при ближайшем рассмотрении, казалось, были предназначены для наконечников стрел, но испортились при изготовлении. У некоторых был один хороший край, или заострение, или зубина, в то время как другие части тех же камней имели только естественную форму и излом. Во многих случаях было легко увидеть, что рабочего вполне мог оттолкнуть от дальнейших действий какой-нибудь изъян, излом или природа камня. Мы пришли к выводу, что это место долгое время было местом изготовления индейских наконечников для стрел, и что мы видели вокруг себя обломки мусора, выброшенные рабочими. Мы слышали о других местах, похожих на это.

Если бы такие реликвии были найдены только в нашей стране, они были бы любопытны и заслуживали сохранения и внимания; но это интересный факт, хотя и не общеизвестный, что они существуют во многих других частях света. Каменные наконечники стрел и копий находили в Англии на протяжении сотен лет, и считается, что они были изготовлены и использовались бриттами, которые по уровню цивилизации были почти на одном уровне с нашими индейцами. Простые люди называют эти реликвии кельтами, по имени расы, память о которой они напоминают; конкретные описания о них даны с рисунками в нескольких антикварных работах. Они имеют поразительное сходство с нашими индейскими наконечниками для стрел, и многие из них едва ли можно отличить от американских, если вообще можно отличить.

В эту страну были завезены африканские стрелы, наконечники которых были сделаны из тех же форм и материалов и закреплены тем же способом. Около двенадцати лет назад судно из Стоунингтона подверглось нападению отряда патагонцев, которые забросали борт стрелами. Один из них, который мы приобрели, был заострен головкой из молочного кварца, точно соответствующей образцам, собранным в Новой Англии.

Среди реликвий, найденных при раскопках невысоких курганов на Марафонской равнине, как нам сообщил один из наших соотечественников, побывавший в Афинах несколько лет назад, были наконечники копий, сделанные из кремня, которые, по его словам, были похожи на те, которые он часто видел вспаханными на полях своей родины. Высказывалось предположение, что они могли быть среди оружия некоторых грубых скифов в персидской армии, которая потерпела поражение на этом знаменитом поле битвы.

Негр с малоизвестной группы островов к северу от Новой Гвинеи, описывая оружие, используемое его соотечественниками, нарисовал формы наконечников копий, которые, по его словам, часто делались из камней; и, когда ему показали образцы из нашей коллекции, заявил, что они очень похожи на них.

Считалось, что определенные инструменты естественным образом были бы изобретены людьми в определенных состояниях общества и при определенных обстоятельствах в результате их потребностей и имеющихся средств для их обеспечения. Однако не всегда легко согласовать эту доктрину с фактами. Например, черная раса островов к северу от Новой Голландии (о которой пока известно так мало), по-видимому, нуждается в использовании лука так же, как и любой другой дикий народ, однако они совершенно не знают об этом, хотя это считалось одним из простых, наиболее естественных и незаменимых инструментов в таком состоянии общества.

Таким образом, при нынешнем состоянии наших знаний мы остаемся в сомнении, было ли изготовление и использование каменных наконечников стрел так широко распространено по земному шару в результате повторяющихся изобретений, или общения между частями человеческой расы, которое давно прекратилось, или по обеим причинам. К какому бы из этих мнений мы ни склонялись, тема все равно должна казаться нам достойной изучения, поскольку история этих реликвий обязательно должна быть тесно связана с историей различных семей и рас людей на каждом континенте и в каждой зоне.

Мы хотели бы привлечь особое внимание к местонахождению и обстоятельствам обнаружения останков индейцев, которые впоследствии могут быть найдены; и выразили бы пожелание, чтобы они были зарегистрированы и преданы огласке. Наши газеты предлагают наиболее благоприятный способ распространения таких открытий и наблюдений, и наши редакторы, как правило, должны обладать достаточным вкусом и рассудительностью, чтобы уделить им место.

Несколько лет назад в некоторых наших публикациях было отмечено, что в земле под самыми свежими слоями почвы еще не было обнаружено никаких несомненных останков краснокожих, за исключением случаев, когда они были похоронены в могилах, и т.д. Возможно, более поздние наблюдения смогут предоставить доказательства более длительного присутствия этой расы на нашем континенте, чем выглядит подобное заявление.

Один из наиболее интересных вопросов, который задают некоторые антиквары, заключается в том, существуют ли какие-либо древние указания на алфавитное письмо на нашем континенте.

Небольшого камня, найденного в кургане Грейв-Крик, и других, более сомнительного характера, вполне достаточно, чтобы пробудить интерес и стимулировать исследования.

В разных частях Соединенных Штатов было найдено несколько образцов грубой скульптуры и рисунка, а также раковины, украшения и т. Д., Очевидно, привезенные с больших расстояний. Могут быть и другие, известные частным лицам, о которых антиквары не знают. После прочтения предыдущих страниц будет легко понять, что все подобные останки могут заслуживать внимания. Следует не только делать копии и снимать размеры, но и писать описания, собирать местную информацию и традиции, принимать меры по сохранению оригиналов и направлять уведомления, которые могут дойти до лиц, интересующихся такими предметами.

ИНДИЙСКАЯ МУЗЫКА, ПЕСНИ И ПОЭЗИЯ.

№ I.

У североамериканских племен есть элементы музыки и поэзии. Их военные песни часто содержат в себе самые прекрасные героические чувства, облеченные в поэтические образы. И многие выступления ораторов, как случайные, так и публичные, изобилуют красноречивыми и поэтичными мыслями. "Мы ожидали бы красноречия, - замечает современный американский писатель, - от индейца. У него есть оживляющие воспоминания — поэзия языка, которая требует богатых и уместных метафорических намеков даже в обычном разговоре, — ум, который, как и его тело, никогда не был скован и механизирован формальностями общества, и страсти, которые из-за налагаемых на них внешних ограничений горят более яростно внутри". Тем не менее, обнаружится, что записи нашей литературы, какими бы рассеянными они ни были, в периодических изданиях и эфемерных публикациях, а не в работах, посвященных заявленным исследованиям, скудны и бесплодны по этим темам. Одна из первых вещей, которые мы слышим об индейцах после их открытия, - это их склонность к пению и танцам. Но какими бы характерными ни были эти черты, а мы думаем, что они в высшей степени характерны, на долю немногих выпало зарегистрировать образцы, к которым можно обратиться, как к доказательствам сложившегося мнения, относительно этих голов. Имея благоприятные возможности для наблюдений среди племен, нам остается только добавить наше свидетельство о трудностях сбора коллекций в этих департаментах, что не должно ставить под угрозу интеллектуальный характер племен, чьи усилия всегда носят устный характер и очень часто являются импровизацией. Эти трудности возникают из-за нехватки подходящих переводчиков, удаленности пунктов, в которых необходимо проводить наблюдения, высоких требований, предъявляемых к часам досуга или работы в связи с такими исследованиями, и неудобств составления заметок и подробных меморандумов на месте. Поэтому то немногое, что в наших силах предложить, будет представлено в качестве вклада в исследование, которое находится в зачаточном состоянии, и скорее в надежде побудить других к будущим трудам, чем удовлетворить в какой-либо степени просвещенное любопытство к этому предмету.

Танцы являются одновременно развлечением и религиозным обрядом у американских индейцев и, как известно, представляют собой одну из наиболее распространенных черт их

манер и обычаев. Во всех случаях это сопровождается пением и, за редким исключением, отбиванием такта на музыкальных инструментах. Племена, наиболее разнообразные по языку и расположенные на огромном расстоянии друг от друга, согласны с этим. Считается, что это обычный способ выражения сильной страсти или чувства по любому предмету, и это обычай, который сохранялся с наименьшими вариациями на протяжении всех этапов их истории и, вероятно, существует среди отдаленных племен именно в это время, как это было в эпоху Колумба. Считается, что это последнее, от чего отказываются группы и отдельные люди на пути к цивилизации и христианству. Это настолько верно, что можно рассматривать как одно из лучших практических доказательств их прогресса то, что местные инструменты и музыка были брошены, а обычай заброшен.

Каждый слышал о танце войны, танце врачевания, танце вабено, танце чести (обычно называемом танцем попрошайничества) и различных других, у каждого из которых есть свои соответствующие движения, свой вид и свои слова. Среди них нет ни одного праздника и ни одной религиозной церемонии, которые не сопровождались бы танцами и песнями. Таким образом выражается благодарность за успех на охоте, за победы на войне и за обычные заботы провидения. Общественное мнение привлекается к насущным проблемам танцем, во время которого произносятся обращения, и фактически молодежи даются моральные наставления и советы в ходе их сбора на общественных пирах и танцах. Танец действительно является общим ресурсом, когда нужно воздействовать на массу индийского ума. И, таким образом, его следует рассматривать в его необходимой связи с песнями и обращениями в зале прессы, в газете и периодическом издании. Священники и пророки больше, чем какой-либо другой класс, культивировали свои национальные песни и танцы, и их можно рассматривать как скальдов и поэтов племен. Как правило, они сочиняют песни и руководят танцами и церемониями, и обнаружено, что их воспоминания лучше всего хранятся не только в священных песнях и песнопениях, но также в традициях и общих знаниях племен.

Таким образом, танцы пронизывают всю структуру индийского общества, так что едва ли найдется событие важное или тривиальное, частное или публичное, которое не было бы более или менее тесно связано с этим обрядом. Случаи, когда используется пение без танцев, почти ограничиваются событиями домашнего характера. Среди них плач по умершим и песни о любви простого и жалобного характера. Материнская привязанность проявляется в напевных словах, в веселой атмосфере, над сном ребенка, который, будучи подвешенным в своего рода колыбели, в то же время совершает вибрирующее движение. У детей также есть определенные песнопения, которые они произносят по вечерам, играя у дверей сторожки, или в другие периоды юношеского веселья. Некоторые индийские басни написаны в форме дуэтов, а песни, используемые при изложении вымышленных историй, всегда исполняются на концерте.

Их музыкальные инструменты немногочисленны и просты. Единственный духовой инструмент, существующий среди них, - это Пиббегвон, разновидность флейты, по простоте напоминающая аркадскую свирель. Обычно его делают из двух полуцилиндрических кусков кедра, соединенных рыбьим клеем и плотно натянутых поверх змеиной кожи во влажном состоянии, чтобы предотвратить ее растрескивание. Отверстий всего восемь, и они перфорируются с помощью куска нагретого железа. Он выдувается, как флаголет, и имеет такое же отверстие или мундштук.

Тайвегун (ударно-звуковой инструмент) представляет собой бубен, или барабан с одной головкой, и изготавливается путем прикрепления кожи к одному концу секции полого дерева среднего размера. Когда требуется более тяжелый звук, выбирают дерево большей окружности и закрывают оба конца кожей. Последний называется Миттигвуик, то есть Барабан с деревянным чайником, и надлежащим образом используется в религиозных церемониях, но, возможно, не ограничивается этим случаем.

К ним может быть добавлен четвертый инструмент, называемый Шешегвон, или Погремушка, которая изготавливается различными способами, в соответствии с целью или средствами изготовителя. Иногда его делают из мочевого пузыря животного, от которого и произошло название, иногда из дикой тыквы; в других случаях сушеные копыта оленя прикрепляют к палке. Этот инструмент используется как для определения времени, так и для придания разнообразия звучанию.

СОСТАВ ДЛЯ ПРИЕМА ВНУТРЬ.

Какими бы распространенными ни были индийские песни, оказалось, что получить их точные копии - дело нехитрое. Даже после того, как трудности, связанные с обозначением, были преодолены, нелегко удовлетворить требования правильного вкуса и суждения при их демонстрации. Всегда существует затаенный страх неправильного понимания со стороны переводчика - или того, что некоторые вещи будут утаены из-за никогда не дремлющей подозрительности или суеверного страха разоблачения со стороны индейца. К этому следует добавить идиоматические и образные особенности этого вида дикого сочинения, столь сильно отличающегося от любого представления об английском стихосложении. Во-первых, нет единства темы или сюжета, если только эта тема, например, война, не удерживается в сознании певца. Далее, и повествование, и описание, когда их вводят, очень несовершенны, прерывисты или бессвязны. Вспыхивают выдающиеся идеи, которые затем отбрасываются. Они часто бывают самыми яркими и красивыми, но мы напрасно ждем какой-либо последовательности. Краткая аллюзия — сияющий символ, взрыв чувства или страсти, тонкое чувство или смелое утверждение - состоит из множества независимых частей, и в композиции очень мало того, что указывает на ведущую тему, которая, так сказать, хранится певцом в мысленном резерве. Популярные или излюбленные выражения часто повторяются, часто транспонируются и часто демонстрируются с каким-то новым оттенком значения. Структура и гибкость языка в высшей степени благоприятны для такого рода дикой импровизации. Но его трудно перевести, и практически невозможно сохранить его дух. Два языка, более непохожие по всем своим ведущим характеристикам, чем английский и индийский, никогда не соприкасались. Одно односложное и почти без флексий — другое многосложное, полисинтетическое и настолько избыточное флексиями любого воображаемого вида, что может быть полностью транспозитивным — одно с севера Европы, другое, вероятно, из Центральной Азии, - казалось бы, эти семьи человеческой расы не расходились друг от друга больше по своему местоположению, чем по звукам своего языка, случайности своей грамматики и определению своих слов. Так что найти эквивалентные отдельные слова в переводе часто оказывается такой же безнадежной задачей, как квадратура круга.

Величайшим хранилищем индийских образов являются небеса. Облака, планеты, солнце и луна, явления молнии, грома, электричества, воздушные звуки, электрические или атмосферные, а также бесконечное разнообразие, создаваемое на небесах светом и тенью и

действием стихий, — все это составляет плодотворные темы аллюзий в их песнях и поэтических воспеваниях. Но это всего лишь намеки или отрывочное описание, подобные штрихам на холсте, которые не объединяются для создания совершенного объекта. Мазки могут быть мастерскими, а колорит изысканным; но без искусства рисования или умения соединять, это все равно останется всего лишь бесформенной массой.

Во время военных экскурсий большое внимание уделяется полету птиц, особенно хищных видов, которые считаются типичными для войны и храбрости, а перья их крыльев и хвоста присваиваются успешным воином в качестве знаков отличия. Когда умы участников боевых действий пробуждаются к этой теме, и они готовы выразить свои чувства пением и танцами, они, естественно, обращаются к помощи этого класса птиц. Отсюда частые упоминания о них в их песнях. Следующая строфа составлена из связанных выражений из разных фрагментов, но выражает не более чем чувства местных жителей:

Орлы кричат в вышине,
Они точат свои раздвоенные клювы,
Поднимают—поднимают боевой клич,
Это слава, к которой стремится наш лидер.

Обычно выражения носят возвышенный и поэтический характер, но сделанное ранее замечание об их песенных усилиях, будучи прерывистыми и отрывистыми, с особой силой применимо к военным песням. Говорить о храбром человеке - о битве - или о сцене битвы, или о парящих над ней хищных птицах, по-видимому, достаточно, чтобы вызвать в памяти воина все подробности, вытекающие из личной храбрости или героического подвига. Естественно было бы ожидать, что им доставит удовольствие останавливаться на сценах резни и крови: но как бы то ни было, все подобные детали опущены или замалчиваются в их военных песнях, которые лишь возбуждают идеи благородной отваги.

Птицы храбрецов совершают полет по небу,
Они пересекают линию фронта врага,
Я очень счастлив, что мое тело должно упасть,
Там, где храбрецы любят умирать.



PO-CA-HON-TAS.

Очень небольшие усилия по сочетанию и расширению некоторых из их чувств придали бы этим смелым и раскрепощенным рапсодиям привлекательную форму среди отточенных военных песен.

Мелодия, в которой исполняются эти такты, обычно медленная и серьезная по своему началу и ходу и заканчивается на самой высокой ноте. В то время как слова допускают изменения и отмечены всеми колебаниями импровизированной композиции, мелодия и припев кажутся постоянными, состоящими не только из постепенной последовательности фиксированных звуков, но и всегда точными в их произнесении, их количестве и их дикой и поразительной музыкальной выразительности. Мне всегда казалось, что индийская музыка отличается национальностью, превыше многих других черт, и это тема, требующая внимания в будущем. Несомненно, что индийское ухо точно улавливает музыкальные звуки, а также выделяет такт.

Нонебольшого наблюдения за их танцами будет достаточно, чтобы установить этот факт. Не менее несомненно и то, что при внимании к филологии их языка они точны в своих законах благозвучия и количестве слогов. Насколько это замечание может быть связано с использованием неизмеренной и колеблющейся поэзии в их песнях, может потребовать пристального внимания, чтобы ответить. Следует, однако, заметить, что эти песни скорее *декламируются* или *распеваются*, чем поются. Приращения хора нередко перемежаются в основной части строки, которая в противном случае казалась бы недостаточной по количеству; и, возможно, в результате последующих исследований можно будет обнаружить правила метра, которые не очевидны или были скрыты скудостью материалов в этой главе, которые были исследованы. Определение арий, припевов и характера музыки окажет одно из величайших преимуществ в этом исследовании. Большинство более серьезных фигур, которые были выписаны, расположены в метрах шестью, семерками и восьмерками. Более легкие песнопения делятся на тройки или четверки и состоят из нерегулярных ямбов и хореев. Те, кто переводил гимны на различные языки, следовали английским метрам, не всегда без необходимости выделения или использования стесненных способов выражения. Худшая система не могла быть принята, чтобы показать чувства индейцев. Музыка во всех этих случаях была подобна кандалам для свободных, необузданных мыслей местного певца. В качестве общей критики этих переводов можно отметить, что они часто далеки от буквальности и часто пропускают части оригинала. С другой стороны, отбрасывая в значительной степени прилагательные и отбрасывая все случайные или побочные мысли, и ограничивая индейца ведущей мыслью или чувством, они иногда становятся более простыми, уместными и эффективными. Наконец, что бы ни делали образованные умы индейцев или их потомков, для меня совершенно очевидно, судя по тому вниманию, которое я смог уделить этому предмету, что туземные композиции были лишены метра. Туземцы, по-видимому, пропели достаточное количество слогов, чтобы соответствовать звучанию, и сделали необходимые паузы для восприятия смысла или звука, либо заплетаясь, и, таким образом, сокращая, либо добавляя плавающие частицы языка, чтобы увеличить количество, взятое либо из припева, либо из общих вспомогательных форм словаря.

Рифма допускается благодаря сходству звуков, из которых формируется словарный запас, но структура языка, по-видимому, не допускает его успешного развития таким образом. Его формы слишком громоздки для регулярно повторяющихся выражений, подчиняющихся одновременно законам метра и рифмы. Случаи рифмовки, которые наблюдались в местных песнях, немногочисленны и, по-видимому, являются результатом случайного расположения слов, а не искусства. Следующие молодые качели являются одними из наиболее совершенных замеченных экземпляров, будучи точными в обеих деталях:

Не ошу им аун
Никогда не будет науном.

Это выражения, произносимые при скольжении резной палкой по сугробам или по глазурированной поверхности льда в соответствующее время года; и их можно передать с почти буквальной точностью, таким образом:

Свою скользящую палку
Я посылаю быстро—быстро.

Не менее точным в рифме, но в строках длиной шесть и восемь футов, которые, возможно, можно было бы изобразить непрерывными, является следующий куплет военной песни:

Ай пит она Мон и тог
Не мад ва ва вау, мы не гог.

Дух на небесах,
Повторяет мое воинственное имя.

В переводах гимнов, выполненных в современный период миссионерской деятельности, не было общей попытки обеспечить рифму; и поскольку эти переводы, как правило, принадлежат образованным местным жителям, под контролем и при критической помощи миссионера, они продемонстрировали истинное представление о гениальности языка, упустив эту случайность. Элиот, который перевел "Псалмы Давида" на язык Массачусетса, которые впервые были напечатаны в 1661 году, по-видимому, счел это достаточно важным, чтобы стремиться к его достижению: но изучение работы, которая сейчас находится перед нами, дает мало поводов для других последовать его примеру, по крайней мере, пока языки остаются в их нынешнем грубом и неразвитом состоянии. Ниже приводится XXIII Псалом из этой версии:

1. Мар тиг нуккуэнаабику
шепсе нанаук Бог.
Нуссепсинвахик ашкошкунт
наттинук охтопагод

2. Нагум нуккетехаог куно
вутомошкинух вон
Нутусс оунук ут сампои может
стать веснонком.

3. Вутонкаухтамут помушаон
муппонк онауко
Воск-Хеттуонк мо нуккве тамо
новый год коветомах:

4. Куппогкомунк кутанвохон
ниш ненехикквог
К ночи анквахеттит
ваме нумматвомог

5. Куссуссекнум нуппухук,
крошка нашпеа,
Вонк, Бог наш талламвейч,
помпонетупохс хау

6. Ѡниеуонок монанетеонк
нутасукконкунаш
Тосоке помантам векит Бог
мичем нуттейн пиш [20].

[20] Элиот использовал цифру 8, расположенную горизонтально, для выражения своеобразного звука. В остальном он использовал английский алфавит в его обычном значении.

Это, по-видимому, переведено из версии псалмов, приложенной к старому изданию Библии короля Якова 1611 года, а не из стихосложения Уоттса. Сравнивая его с этим, как показано ниже, можно обнаружить тот же размер, восьмерки и шестерки, то же количество слогов (если правильно понимать обозначения) и то же совпадение рифмы во второй и четвертой строках каждого стиха; хотя для выражения всего псалма потребовался дополнительный стих. Следовательно, ее можно было бы петь на обычные мелодии, использовавшиеся во времена Элиота, и, взятая в связи со всей его версией, включая Ветхий и Новый Завет, демонстрирует степень терпеливого усердия этого выдающегося миссионера, что поистине удивительно:

Господь - пастырь мой, я ни в чем не буду нуждаться;

2. Он низводит меня, чтобы я лежал
На зеленых пастбищах: он ведет меня
к тихим водам.

3. Мою душу он снова восстанавливает
, и меня, чтобы я ходил
По путям праведности
, - и это ради Его собственного имени.

4. Да, хотя я и иду по темной долине смерти,
все же я не буду бояться зла;
Ибо ты со мной и твой жезл
и по-прежнему утешаешь меня.

5. Мой стол ты обставил
в присутствии моих врагов;
Мою голову ты умастил елеем,
и чаша моя переполняется.

6. Доброта и милосердие всю мою жизнь
непременно будут сопровождать меня;
И в доме Божьем во веки веков будет место моего обитания

Гармония чисел всегда отвлекала от ясного смысла и благочестивости мысли Священных Писаний, что является вероятной причиной стольких неудач в этом вопросе. В примере с этим Псалмом путем сравнения можно заметить, что Уоттс, который в целом добился успеха, ни в коем случае не соответствует полному буквальному значению оригинала, которое хорошо сохранилось с необходимой гармонией в старой версии.

Среди всех племен существует один вид устного сложения, который из-за своих особенностей заслуживает отдельного упоминания. Я имею в виду иератические песнопения, припевы и заклинания их так называемых пророков, знахарей и фокусников, составляющих, как и эти люди, особую категорию в индийском обществе, которые в силу своего предполагаемого мастерства, мудрости или святости имеют право исполнять обязанности священнослужителей. Придавая таинственность выполнению своих функций, их песни и припевы написаны на языке, который старательно неясен, часто каббалистичен и, как правило, не очень понятен никому, кроме так называемых посвященных.

Ничто, однако, в этой области моих исследований не открыло более приятного взгляда на общество, подверженное горьким превращениям индийской жизни, чем тихие домашние песнопения матерей и поэтические детские качели, образцами которых я здесь пользуюсь. Они показывают универсальность чувств естественной привязанности и, при всем желании, служат еще одним доказательством того, что только невежество, леность и бедность разрушают человеческий характер и создают основные различия между человеческими расами. Если бы эти чувства культивировались, и детей с раннего возраста обучали принципам добродетели и прямоты, а также максимам трудолюбия, порядка и чистоплотности, нет сомнения, что основная масса индийского общества была бы оздоровлена за сравнительно короткий период; и благодаря непрерывным усилиям вскоре была бы выведена из того состояния деградации, главными причинами которого были недостаток литературы и религии.

Представляя эти образцы песен, собранные в лесных дебрях, хочется надеяться, что читатель не упустит из виду, что они представлены *как факты* или *материалы* об умственном состоянии племен, а не как свидетельства достижений в искусстве метра и мелодии, которые заслуживают признания или даже критики со стороны утонченной поэзии цивилизованных народов. И, прежде всего, не как попытка учесть чувства индейцев в оригинальной композиции. Такая идея не приветствуется. Если будут предоставлены материалы, на основе которых можно будет составить некоторое суждение о действительном состоянии этих песен и грубых устных композиций или импровизаций, то цель будет достигнута. Но даже здесь, за исключением одного отдела, то есть стихосложения и композиции культурных туземцев, информации меньше, чем надеялись получить. И это небольшое было результатом особого труда при сборе коллекции, совершенно несоразмерного результату. По крайней мере, есть надежда, что это может указать на способ, которым такие коллекции могут производиться среди племен, и стать средством сбора материалов, более достойных внимания.

Это, по-видимому, необходимо было сказать при представлении следующих образцов, чтобы читателю не показалось, что литературная ценность этих материалов и переводов оценивается чрезмерно, в то время как основная цель состоит в том, чтобы представить их в серии как иллюстрации ментальных особенностей племен. Однако отмахнуться от них простым,

бесстрастным переводом слово в слово, который требуется для целей филологического сравнения, никоим образом не воздало бы им должное и не передало бы в сколько-нибудь сносной степени действительные чувства в умах индийцев. Чтобы в то же время не допустить противоположной ошибки и полностью лишить читателя этого средства сравнения, ряд произведений снабжен буквальными переводами в прозе, слово в слово, настолько близкими, насколько позволяют два языка. Другие представляют собой как буквальный, так и стихотворный перевод.

Все североамериканские индейцы знают, что Бог есть; но их священники учат их, что дьявол - это Бог, и поскольку считается, что он очень злобный, главной целью их церемоний и жертвоприношений является умиротворение его.

Раньше индейцы поклонялись Солнцу как символу божественного разума.

Огонь - необъяснимая тайна для индейца; он рассматривает его как связующее звено между природным и духовным миром. Его традиционные знания указывают на это.

Зороастр говорит: "Когда ты узришь тайный огонь, лишенный формы, ослепительно сияющий в глубинах всего мира — услышь голос огня". Можно было бы предположить, что это было произнесено североамериканским индейцем.

ПОЙТЕ ОГЕННОЙ МУХЕ.

Жаркими летними вечерами дети алгонкинов чиппева, живущих на берегах верхних озер и в северных широтах, часто собираются перед домиками своих родителей и развлекают себя разного рода песнопениями с криками и дикими танцами. Привлеченный такими криками веселья и резвостью, я вышел однажды вечером на зеленую лужайку, окаймляющую берег реки Сент-Мэри, откуда был как на ладони водопад, чтобы вникнуть в смысл некоторых из этих песнопений. Воздух и равнина буквально искрились от фосфоресцирующего света светлячка. Усилием внимания, повторенным один или два раза, была уловлена следующая последовательность слов. Они были адресованы этому насекомому:

Вау, вау, смотри! Вау, вау, смотри! Смотри, смотри, смотри, смотри, смотри, смотри, смотри, смотри, смотри, смотри, смотри, смотри, смотри, смотри, смотри! Будь эгаун—будь эгаун—эви! Ва вау, ты видишь! Ва вау, ты видишь! Был са кун айн джи гун, Был са кун айн джи гун.

ДОСЛОВНЫЙ ПЕРЕВОД.

Порхающее-белое-огненное-насекомое! машущее-белое-огненное-насекомое! дай мне света, прежде чем я лягу спать! дай мне света, прежде чем я лягу спать. Давай, маленький танцор [21] бело-огненный жук! Приди, маленький порхающий-белый-огненный-зверь! Зажги меня своим инструментом с ярким белым пламенем -своей маленькой свечой [22].

[21] Придавая частице wa различные значения "порхающий", "машущий" и "танцующий", индийский идиом полностью сохраняется. Последняя частица see в термине wa wa tai see происходит от общего корня assee, означающего живое существо или сотворенную форму, а не человека. Добавляя приставку Ahw к корню, мы получаем весь класс четвероногих, а с помощью rep - весь класс птиц и т. Д. Алгонкинский термин оджибва, обозначающий свечу, был sa koop aip je gun, что буквально переводится с ее элементов — "ярко-белый—пылающий-инструмент". Именно благодаря очень конкретному характеру этих соединений из нескольких слов вытекает так много значения, и индийским словам в целом придается такая значительная широта в переводе.

[22]Лети-огонь, лети-огонь! умничка,
Уложи меня в постель, и я спою свою песню.
Дай мне свой свет, когда ты взлетаешь над моей головой,
Чтобы я мог весело отправиться в свою постель.
Дай мне свой свет из травы, когда будешь красться,
Чтобы я мог радостно заснуть.
Приходи, маленькая светлячок, приходи, маленький зверек,
Приходи! и я устрою тебе завтра пир. Приди, маленькая свечка, которая порхает, когда я пою,
Яркая маленькая фея-жучок, маленький король ночи;
Приди, и я буду танцевать, пока ты ведешь меня вперед,
Приди, и я заплачу тебе, мой жучок, песней.

По крайней мере, ни один из них не носил обычного характера: это были дикие импровизации детей в веселом настроении.

ЭТНОЛОГИЯ.

АМЕРИКАНСКАЯ ЦИКЛОПЕДИЯ СКУЛКРАФТА, ИЛИ ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК ИНДЕЙСКИХ ПЛЕМЕН АМЕРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА, СЕВЕРА И ЮГА, ВКЛЮЧАЮЩИЙ ИХ ИСТОРИЮ, ГЕОГРАФИЮ И НОМЕНКЛАТУРУ С МОМЕНТА ОТКРЫТИЯ В 1492 ГОДУ До НАСТОЯЩЕГО ПЕРИОДА.

Реклама.

Проспект этой работы был выпущен в 1842 году. Хотя название немного изменено, дизайн и план ее исполнения существенно не изменились. Основная цель, преследуемая в соответствии с общей идеей истории и географии аборигенной расы, состоит в том, чтобы составить общий и стандартный справочник, или краткую энциклопедию тем, относящихся ко всей расе, в алфавитном порядке. Включение названия каждой семьи племен, нации, подклемени или важного клана дает возможность обратить внимание на ведущие или характерные события в их истории, численности, правительстве, религии, языках, искусстве или отличительном характере.

Там, где сцена или эпоха их экспансии, роста и упадка были столь обширны, охватывая самые широкие границы и самые отдаленные периоды, их древности также требовали мимолетного

внимания. Также невозможно было бы добиться удовлетворительного выполнения плана без кратких сведений о жизни и достижениях их главных вождей, правителей и выдающихся личностей.

Язык является важным средством обозначения запутанной нити истории у диких народов. Мистер Притчард считает его более важным, чем физиологическая структура и особенности. По крайней мере, часто обнаруживается этнологическое сходство, когда и физический тип, и свет традиции оказывают лишь незначительную помощь. Слова и имена людей - это так много ключей к их мыслям и интеллектуальной структуре; эта область предмета, действительно, сформировала первоначальный зародыш настоящего плана, который сначала был просто географическим и был скорее расширен и надстроен, чем, если можно так выразиться, послужил украшением здания. В классе транспозитивных языков, которые очень богаты своими сочетаниями и способами концентрированного описания, неизбежно должно было случиться так, что названия мест часто вызывали бы как ассоциации, так и описания глубокого интереса к размышлениям о судьбе этой несчастной расы. Не отвлекая читателя от рассуждений, которые были бы неуместны, при рассмотрении их имен не было упущено ни одной возможности рассказать о местах их прежнего или нынешнего проживания, представляющих интерес этого рода.

Но предполагается, что половина работы была бы сделана, если бы работа ограничивалась Северной Америкой; и из-за такого ограничения она неизбежно потеряла бы более половины своего интереса. По правде говоря, мы только начинаем понимать истинный характер и направленность того уникального типа цивилизации, который существовал в Мексике, Перу и на Юкатане. Грубая рука, которой были ниспровергнуты эти зародышевые царства туземной расы, вследствие их ужасного идолопоклонства, неизбежно привела к уничтожению большей части их монументальных памятников и, насколько дошла их изобразительная письменность, некоторых их исторических материалов, в которых мы сейчас ощущаем нехватку. Некоторое облегчение приносит знание того, что исследования мистера Галлатина, которые сейчас продолжаются, показывают, что на сегодняшний день наибольшее количество древних мексиканских рисунков, как они представлены в тщательно разработанном труде лорда Кингсборо, относятся к их мифологии и суевериям и не представляют никакой исторической ценности. И если части, уничтоженные во время мексиканских и перуанских завоеваний, были столь же щедро перемежены подобными свидетельствами их дикого политеизма, шокирующих манер и деградировавшего культа, то ни хронологии, ни истории не о чем так сокрушаться.

Первые, решительные и продолжительные усилия, предпринятые завоевателями для замены этой системы грубых суеверий и идолопоклонства римским ритуалом, наполнили Мексику и Южную Америку миссиями Католической церкви, которые обычно находились под руководством ревностных, а иногда и образованных и либерально настроенных суперинтендантов, накопивших факты, касающиеся характера и прежнего состояния расы. Эти миссии, которые обычно распространялись параллельно морским побережьям Атлантического и Тихого океанов, достигая внутренних территорий вдоль берегов великих рек и равнин, по общему признанию, многое сделали для улучшения нравов и состояния местной расы, для воспитания духа трудолюбия и просвещения их умов. И все же едва ли известно, что многочисленные и могущественные племена, населявшие обширные районы Анд и Кордильер, никогда не подчинялись завоевателю и все же существуют в своем первоначальном состоянии варварства.

В этом отделе исследований за основу был взят географический и исторический труд Де Альседо, который, насколько это касается испанской и португальской миссий, является одновременно подробным и полным в своих деталях. Никто не может писать о Южной Америке и ее коренных племенах, не ссылаясь на Гумбольдта. Были проведены консультации с другими авторами стандартов, чтобы придать этой части работы как можно больше значения, не исключая последних путешествий. Замысел состоял в том, чтобы, не стремясь к слишком большому количеству, сжать свод ведущих и характерных фактов в возможно более краткие рамки, которые в то же время должны были представлять этнологический взгляд на различные семьи и группы расы.

В каждом следственном департаменте, который допускал это, автор пользовался такими источниками и возможностями для личных наблюдений и опыта, какие предоставляло ему его длительное пребывание на индийских территориях и изучение индийской истории. И он не лишен надежды, что его запросы и изыскания на эту тему могут быть признаны заслуживающими одобрения.

А.

Ab, часто произносится со звуком "мы" перед ним - частица, которая в географических названиях семейства алгонкинских диалектов обозначает свет или восток. Это также основа глагола wab, видеть, а также производных от него: a-ab, глазное яблоко, и wabishka, белое вещество и т. Д., - Идей, которые либо по своему происхождению, либо по применению тесно связаны.

Абакарис, поселение индейцев в португальских владениях провинции Амазонка. Эти люди получили свое название от озера, на берегу которого они проживают. Особенностью этого озера является то, что оно впадает в реку Мадьера, которая, вытекая из провинции, поворачивает и снова впадает в нее, образуя при этом большой и плодородный остров Топанамбес. Это племя находится под руководством кармелитов. Они сохраняют многие из своих ранних особенностей в манерах и образе жизни. Они живут за счет выращивания кукурузы и ловли рыбы в водах Абакари; или Абакатес; в дополнение к этим средствам они питаются тропическими фруктами. Последние упоминания о них относятся к 1789 году. Но мало что известно об их численности или нынешнем состоянии.

Абачи, или апачи, беспорядочное племя индейцев, населяющее прерии западного Техаса и Нью-Мексико. Некоторые предполагают, что они состоят не менее чем из 15 000 душ. Они разделены на мелкие группы, известные под различными названиями. Они являются самыми бродячими из всех диких племен охотников в обозначенной области. Они не живут в постоянных жилищах, а кочуют в поисках дичи или добычи, и торговцы Санта-Фе считают их вредителями. Они ничего не выращивают и не производят. Те из них, кто живет к востоку от Рио-дель-Норте, питаются запеченным корнем можжи и похожим растением, называемым мескалем, и поэтому их называют мескалеро.

Другая их разновидность, и, безусловно, самая многочисленная, обитает к западу от этого ручья, где их называют койотерос из-за их привычки поедать койота, или степного волка. Они простираются на запад до Калифорнии и Соноры. У них дурная репутация везде, где их знают. Если на окраинах ранчо и гасиенд они крадут крупный рогатый скот и овец. На широких и пустынных равнинах, которые они пересекают, они воруют и убивают. Иногда их преследуют и

наказывают; чаще они убегают. Мексиканские власти поддерживают с ними какие-то условия посредством договоров, которые бродяги, однако, нарушают и пренебрегают ими всякий раз, когда их возбуждает голод или жажда грабежа. Об индейцах, носящих это имя, ранее проживавших в Соединенных Штатах, см. Апачи.

Абако, один из Багамских островов. Коренные жители этого и прилегающих групп островов вскоре после открытия были перевезены на майн для работы в шахтах. В 1788 году на этом острове, известном морякам как местность Дыра в стене, проживало 50 белых и 200 африканцев.

Абакуче, или Куса, ручей, протекающий в Джорджии. Она впадает в Алабаму и после слияния с Таллапузой в нескольких милях ниже Ветумпки образует реку Алабама. Это слово, по-видимому, происходит от *Oscosche*, одной из четырех групп, на которые в древности были разделены мускоги.

Абанаки, или жители Востока, особый народ, состоящий из множества племен, которые ранее населяли крайнюю северо-восточную часть Соединенных Штатов. Ранние авторы писали это слово по-разному. См. Абенаки, Абернаки, Вабунаки.

Абанкай, столица одноименной провинции в 20 лигах от Куско, в Перу. Он памятен победами, одержанными в окрестностях королевскими войсками в 1542 и 1548 годах против Гонсало Писарро. Он расположен в богатой и просторной долине, которая была заселена подданными инки во время завоевания.

Абаска, или рабаска, популярная коррупция на северо-западе Атабаски, которую см.

Абасы, непризнанный индейский народ, живущий на равнинах Святого Хуана, к северу от Ориноко, в Новой Гренаде. Они обладают послушным характером и добрым нравом, с готовностью прислушиваются к наставлениям, но не приняли католическую религию. Они обитают на лесистых берегах реки и укрываются от воздействия тропического солнца на открытых равнинах, возводя свои жилища в небольшой роще. На западе они ограничены Андакиесом и Каберрасом, а на востоке - Саливасом.

Абангуи, крупное поселение индейцев племени гуарани, на берегу реки Такуани, в Парагвае. Этот ручей и его обитатели были открыты А. Нумезом в 1541 году.

Абекучи, см. Абакуччи.

Абейкас, древнее название племени индейцев на территории нынешних Соединенных Штатов, которые в более ранних географических справочниках располагались *наюге* от алабамы и *западе* от чероки. Они жили вдали от больших рек, но все же были расположены в районах зарослей тростника, из твердого материала, из которого они делали нечто вроде ножа, способного отвечать основным назначениям этого инструмента. Они были во вражде с ирокезами.

Абенаки - нация, ранее населявшая значительную часть территории штатов Нью-Гэмпшир и Мэн. В этом народе было несколько племен, главными из которых были пенобскоты, норреджвоки и америскогинсы. Они находились в состоянии постоянной вражды с колонистами Новой Англии. Когда-то они принимали миссионеров от французов в Канаде и действовали в тесном сотрудничестве с враждебно настроенными индейцами из этого

квартала. Наконец, в 1724 году правительство Массачусетса организовало эффективную экспедицию против них, которая поднялась на Кеннебек, напала на главный город Норреджуоков и убила большое количество их самых храбрых воинов. Среди убитых был найден их миссионер Себастьян Расле, который взялся за оружие, защищая их. Среди его бумаг был найден обширный словарь этого языка, который недавно был опубликован под руководством мистера Пикеринга. В 1754 году все абенаки, за исключением Пенобскотов, переселились в Канаду. Эта нация направила свое внимание, почти исключительно, на охоту. В устье Кеннебека они абсолютно ничего не сажали. Их язык, как заметил м-р Галлатин, имеет сильное сходство с языком этчеминов и микмаков из Нью-Брансуика и Новой Шотландии; в его лексике меньше сходства с диалектами к югу от них. Индейцы Новой Англии, по-видимому, называли этот народ таррентинами. Их общее название для самих себя, если оно у них и было, неизвестно. Термин "абенаки" явно навязан племенами алгонкинов, живущими к западу и югу от них. Оно происходит от вабанунг, востока, или места света, и аки, земли.

Абекас - название, применявшееся еще в 1750 году к племени маскоги, жившему на реке Томбигби, на территории нынешней Алабамы.

Абернакис, поселение эмигрировавших абенаки в Новой Англии, в Нижней Канаде. В настоящее время они в значительной степени существуют за счет сельского хозяйства и проявляют склонность к совершенствованию. Из отчета, составленного в 1839 году Американским советом иностранных миссий Бостона, среди которых есть миссионер и учитель, шестьдесят человек посещают протестантские богослужения, из которых 24 являются членами церкви. Двадцать молодых людей ежедневно посещают школу.

Абигирас, индийская миссия, ранее находившаяся в ведении ордена иезуитов, в правительственном департаменте Кито. Он расположен на реке Курасари, в 30 лигах от ее устья и в 240 от Кито. Он был основан в 1665 году отцом Лоренцо Лусеро.

Абингас, или вабингас, название группы или подплемени речных индейцев племени мохеган, или мохекиндер, которые ранее населяли нынешнюю территорию округа Датчесс, штат Нью-Йорк, и некоторые прилегающие части восточного побережья Гудзона, выше Нагорья.

Абипоны, непризнанный народ индейцев, населяющий южные берега реки Бермехо, в провинции Тукуман, Буэнос-Айрес. Говорят, возможно, расплывчато, что раньше эта нация насчитывала 100 000 душ, но, по последним данным, около 1800 года нашей эры ее численность значительно сократилась. Они обладают некоторыми специфическими чертами, живя настолько близко к естественному состоянию, насколько это возможно. Мужчины ходят полностью обнаженными, добывая пропитание охотой и рыбной ловлей и проводя большую часть своего времени в праздности или на войне. Женщины носят маленькие украшенные шкурки, называемые *куэйали*. Физически люди хорошо сложены, высокого роста и осанки, крепкие и с приятными чертами лица. Они обильно раскрашивают свои тела и прилагают огромные усилия, чтобы внушить мужество. Для этой цели они с детства режут себя и наносят шрамы; они считают мясо тигра одним из величайших деликатесов, полагая, что его свойства придают силу и доблесть. На войне они проявляют наибольшую жестокость, привязывая своих пленников к верхушкам высоких шестов, где под палящими лучами солнца их оставляют умирать самой ужасной смертью.

Они ничего не знают ни о Боге, ни о законах, ни о политике, но все же верят в бессмертие души и в страну будущего блаженства, где будут царить танцы и развлечения. Вдовы соблюдают безбрачие в течение года, в течение которого они воздерживаются от рыбы. Женщины занимаются шитьем шкур или прядением грубых тканей. Когда мужчины пьяны — распространенный порок — они прячут ножи своих мужей, чтобы предотвратить покушения. Они растят всего двух или трех детей, убивая всех, кто превышает это число.

Абиска, обширная горная территория Перу, лежащая между реками Йетау и Аморамаго, к востоку от Анд, издревле славилась количеством населяющих ее варварских народов. Это дикий и живописный край, изобилующий лесами, озерами и ручьями и предоставляющий возможности для охоты и способы отступления от цивилизации, столь характерные для диких племен. Попытка подчинить эти свирепые племена, предпринятая Педро де Андия в 1538 году, провалилась. К тому же результату привели усилия императора Юпанки.

Абитанис, гора в провинции Липас, в Перу. На кетчуанском языке это означает золотую руду из рудника этого металла, который сейчас почти заброшен.

Абиттиби - название одного из притоков реки Муз-Ривер в заливе Джеймс, Канада. Также небольшое озеро на западе Канады, недалеко от поселения Фредерик, на 48 ° северной широты, 35' и 82 ° западной долготы: также озеро к северу от озера Неписсинг, в направлении к Мускусному форту. Это термин, по-видимому, производный от *nibee*, вода, и *wab*, свет.

Абитигас, свирепый и воинственный народ индейцев в провинции Тарма в Перу, из первоначального племени кетче. Они расположены в 60 лигах к востоку от Анд. Они варвары, кочующие с места на место, не привыкшие к трудолюбию и получающие удовольствие от войны. Они многочисленны и воинственны; но, как и все несельскохозяйственные племена этого региона, они часто испытывают нужду и убожество. С юга они окружены своими врагами ипилькосами.

Або, Абуор Мичабо, или Большой заяц, персонаж скорее мифологического, чем исторического значения, в традициях племен озерных алгонкинов. Неясно, хотя и вероятно, следует ли считать его идентичным Манабошо или Нанабошо.

Абоджиг, знаменитый военный и наследственный вождь народа чиппева, процветавший в прошлом столетии; чаще пишется вабоджиг, см.

Абрахам, вождь моговков, который после падения так называемого короля Хендрика в битве при лейк-Джордж в 1755 году между английской и французской армиями стал правящим вождем этого народа. Он был младшим братом Хендрика и жил в замке нижний Ирокез. Он был небольшого роста, но проницательный и активный, и свободно говорил. Сохранилось несколько его речей, которые он произносил как правящий вождь своего племени на различных советах в бурную эпоху 1775 года, вылившуюся в американскую революцию. В событиях той эпохи его имя вскоре исчезает: поскольку он был тогда человеком преклонных лет, он, вероятно, умер в своей деревне. Неизвестно, преуспел ли он на войне, и, во всяком случае, примерно в это время ему наследовал славу и авторитет новый человек в руководстве, который возвысился в лице Тьенданеги, более известного как Джозеф Брант. Абрахам, или маленький Абрахам, как его обычно называли, судя по его речам и политике, полностью разделял чувства и политику сэра Уильяма Джонсона, другом и почитателем которого он был вместе со своим племенем в целом. Он был, как явствует из его речей, миролюбив в своих взглядах, осторожен в

политике и, казалось бы, не склонен очертя голову бросаться в великое соперничество, которое тогда назревало и в которое его популярный преемник Брант вложил все свое сердце и руку. Обладая меньшей известностью, чем его старший брат Хендрик, и не имея воинственной репутации, но при этом никоим образом не запятнав свое имя, он заслуживает того, чтобы его помнили как гражданского человека и вождя, носившего уважаемый ранг; как представителя гордого, энергичного и важного племени. Маленький Абрахам присутствовал на последнем *изключительном* совете могавков вместе с американскими комиссарами в Олбани в сентябре 1775 года и говорил от их имени по этому поводу, который, как полагают, был последней мирной встречей между американцами и племенем могавков перед войной.

[Примечание. — Ударения расставляются над всеми словами североамериканского происхождения, если они известны. Гласные, предшествующие согласной или помещаемые между двумя согласными, обычно короткие: следующие за согласной или заканчивающие слог или слово, они обычно длинные. Дифтонги используются с их обычной силой.]

Абсекон, пляж на морском побережье штата Нью-Джерси, в шестнадцати милях к юго-западу от Литл-Эгг-Харбор. Это слово является производным от Wabisee, Лебедь, и Ong, Место.

Абсорборка - название индейского племени миннетари на реке Миссури. Филологически они принадлежат к семейству дакота. Увидеть Миннетари.

Abusees, миссия индейцев сукумбия в провинции Кихос, Кито, которая была основана орденом иезуитов. Он расположен на берегу небольшой реки, впадающей в Путумаго, на 0° 36' северной широты и 79° 2' западной долготы.

Абурра, город в богатой долине с тем же названием на Новой Гренаде, открытый в 1540 году Робледо. В его окрестностях найдено множество уака, или индейских гробниц, в которых хранятся огромные богатства, такие как золотые украшения. Поблизости протекает несколько ручьев с соленой водой, из которой индейцы изготавливают соль.

Абвоин, или бвоин, название чиппева, оттава и других современных алгонкинских племен верхних Озер, обозначающее народ дакота или сиу. В *ug* оно передается во множественном числе. Это слово происходит от абвай, палки, используемой для жарки мяса, и, как говорят, было дано этому племени в поношение древним варварствам, практиковавшимся по отношению к их пленникам, взятым в плен на войне. Подробнее об этом племени читайте в разделе *Дакота и сиу*.

Абвойнак; Абвойна: термины, применяемые к общей территории между Миссисипи и Миссури, лежащей к северу от Сент-Питерс, занятой племенами сиу. В более ранних попытках лорда Селкирка основать колонию в некоторых частях этого региона в некоторой степени, но безуспешно, использовался сложный термин Ассинобойна. Два первых термина являются производными от Abwoin, индейца сиу, и akее, земли; у последнего есть приставка *assin*, (оссин,) камень.

Акакуато, поселение индейцев в районе Танситарс в Перу, сократилось в 1788 году до пятнадцати семей, которые выращивали кукурузу и овощи.

Акамбаро, поселение, в котором проживают 490 семей индейцев и 80 *масти*, принадлежащих ордену Святого Франциска, в округе Селайя, в провинции и епископстве Мехоакан, в семи лигах к юго-востоку от его столицы.

Акамистлауак, поселение из 30 индейских семей в округе Таско, пристроенное к викариату его столицы, откуда оно находится в двух лигах к Северо-востоку

Ачамучитлан, поселение 60 семей индейцев в округе Тексопилько и гражданское подразделение Зультепека. Они продают сахар и мед. В округе также производят кукурузу и овощи. Это в 5 лигах к северу от главного поселения.

Акантепек, главное поселение Тлапы, объединяет 92 индийские семьи, включая еще одно небольшое поселение в окрестностях, все из которых зарабатывают на жизнь производством хлопчатобумажных материалов.

Акапетлауала, поселение 180 индийских семей, являющееся главным поселением округа Эскатопан и гражданского округа Закваепа.

Акари, поселение в красивой и обширной долине Камана в Перу, известно высокой горой Сахуакарио, на склонах которой местные индейцы построили двекрепости до их завоевания испанцами. Эта гора состоит из "бесформенных камней и песка" и, как сообщается, в определенное время года издает громкие звуки, как будто исходящие из застоявшегося воздуха, и, как полагают, вследствие этого она привлекла суеверное отношение жителей древней Индии.

Акатепек. В Испанской Америке есть пять индейских поселений с таким названием.

1. Поселение, состоящее из 860 индейских семей ордена Святого Франциска, в округе Теуакан. Сорок из этих семей живут в возделанных поместьях, простирающихся на лигу в просторной долине, в четырех лигах к юго-западу от столицы.

2. Поселение в округе Чинантла, в гражданской юрисдикции Когамалоапана. Он расположен на приятной равнине, окруженной тремя высокими горами. Количество его жителей сокращается. Индейцы, живущие на берегах широкой и быстрой реки, которая пересекает большую дорогу, ведущую в город Оксака и другие юрисдикции, зарабатывают на жизнь тем, что перевозят пассажиров на своих барках и каноэ. Это в 10 лигах к западу от главного поселения.

3. Поселение из 100 индейских семей в том же королевстве, расположенное между двумя высокими хребтами. Они присоединены к приходу Сан-Лоренцо, в двух лигах отсюда.

4. Поселение из 39 индейских семей, присоединенное к приходу Тлакобула и удаленное на полторы лиги к северу от него. Он находится в жаркой долине, омываемой рекой, которая предназначена для орошения садов и приусадебных участков по ее границам.

5. Поселение 12 индийских семей в *мэрии* Сикаюн того же королевства.

Акатепеке, Сан-Франциско, Де, поселение 140 индейских семей в мэрии Сан-Андрес-де-Чолула, расположенное в половине лиги южнее ее столицы.

Акатлан, в Мексике существует шесть поселений индейцев под этим названием.

1. Поселение из 850 семей индейцев в *алькальдии* с таким названием, охватывающее около 20 испанцев и *масти*. Поблизости находятся отличные соляные угодья. Климат здесь умеренный, а окружающая местность плодородная, изобилующая фруктами, цветами и бобовыми, и хорошо поливаемая. Это 55 лиг восточнее Мексики.

2. Поселение 180 индийских семей в Халапе того же королевства (ныне республика). Он занимает участок глинистой почвы с холодной влажной температурой, вследствие чего, а также из-за того, что он подвержен северным ветрам, плоды в этом районе не созревают. Другие отрасли земледелия преуспевают благодаря обилию водных потоков и их оплодотворяющему воздействию на почву. Это поселение носит посвятительный титул Святого Андреса.

3. Сан-Педро, в округе Малакатепек, и *алькальдия* в Нексапе. Здесь проживают 80 индийских семей, которые торгуют шерстью и рыбой под названием бобо, которую в больших количествах вылавливают в значительной реке округа.

4. Zitlala. Он состоит из 198 индейских семей и находится в полутора лигах к северу от своего главного поселения с таким названием.

5. Сентепек, поселение в 15 лигах к северо-востоку от своей столицы. Температура низкая. В нем проживают 42 индейские семьи.

6. Атотонилько, в *алькальдия-майор* Туланзинго. Он содержит 115 индийских семей, и есть монастырь монашеского ордена Св. Августин. Он находится в 2 лигах Н. ее главы поселения.

Акатланцинго, поселение 67 индийских семей из Ксикулы в *алькальдия-майор* Нексапы, которые занимаются выращиванием кошенили. Он расположен на равнине, окруженной со всех сторон горами.

Ааокси, народ индейцев в провинции Топия. Считается, что они были обращены в католическую веру обществом иезуитов в 1602 году. Они послушны, обладают хорошим характером и способностями. Один из их древних обычаев состоял в том, чтобы склонять головы умерших к коленям и в такой позе класть их в пещеры или под камень и в то же время запастись немного еды для их предполагаемого путешествия в другое государство. Они также продемонстрировали дальнейшее совпадение с обычаями северных индейцев, положив лук и стрелы рядом с телом мертвого воина для его защиты. Если индианке случалось умереть в детской постели, они предавали смерти оставшегося в живых младенца, как виновного в смерти его матери. Это племя восстало против испанцев в 1612 году под влиянием местного пророка, но было усмирено губернатором провинции доном Франсиско де Ординолой.

Акашете, Санта-Мария-де, главное поселение района Тепчака, на склоне *сьерра* Тлашкала. Он состоит из 176 мексиканских индейцев, 7 испанских семей и 10 мустье и мулато. В его окрестностях есть резервуар из тесаного камня для сбора горных вод, которые оттуда направляются в Тепчаку, в трех лигах к северо-западу

Акашучитлан, викариат, состоящий из 406 индийских семей епископства Ла-Пеубла-де-лос-Анджелос. Он находится в *алькальдии* Туланзинго, в 4 лигах восточнее своей столицы.

Акаюка, столица гражданского подразделения Новой Испании, в провинции Гоасакоалько, с населением 296 семей индейцев, 30 испанцев и 70 смешанных кровей. Он расположен чуть более чем в 100 лигах к юго-востоку от Мексики, в широте. 17° 53' Северной Широты

Аказинго, Сан-Хуан-де, поселение в округе Тепкака, состоящее из 700 семей индейцев, 150 испанцев, 104 мустье и 31 мулто. Он расположен на равнине с умеренной температурой, хорошо орошаемой, здесь есть монастырь и фонтан, а также ряд "очень древних зданий".

Аккосесо, племя индейцев с непостоянными привычками из Техаса, основное местонахождение которого ранее находилось на западной стороне Колорадо, примерно в 200 милях к юго-западу от Накогдоса. В более отдаленные времена они жили недалеко от Мексиканского залива: они широко употребляли рыбу и устриц. Авторы представляют страну, занятую или пройденную ими, как чрезвычайно плодородную и красивую, изобилующую оленями самого прекрасного и крупного вида. Говорят, что их язык специфичен для них самих; они искусны в передаче идей с помощью системы знаков. Примерно в 1750 году нашей эры у испанцев была миссия среди них, но они перенесли ее в Накогдоудс.

Аккомак, округ штата Вирджиния, лежащий на восточном берегу Чесапикского залива. Эта часть морского побережья была заселена нантикоками, которые оставили свои названия в ее географии. У нас есть лишь частичный словарь этого племени, которое сейчас вымерло. Однако он имеет сильные аналогии с другими алгонкинскими диалектами. Асо на этих диалектах является общим термином, обозначающим цель, предел или фиксированную границу. Акки на нантикоке - это термин, обозначающий землю. Аук - это термин в сложных словах этих диалектов, обозначающий дерево. Значение ассомас, по-видимому, заключается в том, что оно *простирается до самого леса* или до границы между лугом и редколесьем.

Аккомаки, одно из подплемен, населявших границы Вирджинии на момент ее открытия и первого поселения. Мистер Джефферсон утверждает, что в 1607 году их численность составляла 80 человек. В 1669 году, когда законодательное собрание Вирджинии провело перепись индейского населения в пределах своей юрисдикции, об этом племени, по-видимому, ничего не было известно. Они населяли территорию округа Нортгемптон. Это были нантикоки — народ, остатки которого объединились или, по крайней мере, нашли убежище у ленапи, или делаваров.

Аккоханоки, подразделение или племя индейцев племени поухетаник, насчитывавшее 40 человек в 1607 году. Они жили на реке Аккоханок в восточной Вирджинии.

Аккомента - группа или подразделение индейцев потакет, населявших северную часть Массачусетса в 1674 году. (Поглядывает.)

Ачагуа, народ индейцев Новой Гренады, обитающий на равнинах Газанаре и Мета, а также в лесах реки Эле. Они смелые и ловкие охотники, владеющие дротиками и копьями, и в своих состязаниях с врагами отравляют свое оружие. Они любят лошадей и натирают свое тело маслом, чтобы придать волосам блеск. Они ходят обнаженными, за исключением маленького одеона, сделанного из волокон алоэ. Они мажут своих детей битумной мазью при рождении, чтобы предотвратить рост волос. Брови самок также лишены волосяного покрова и немедленно натираются соком *джагуа*, отчего они навсегда лысеют. Они мягкого нрава, но склонны к опьянению. Ранее иезуиты обратили многих из них в католическую веру и основали поселения в 1661 году.

Ачафалайя, главный западный исток реки Миссисипи. Это слово чокто, означающее "длинная река", отхуча, река, и *фалайя*, длинная. (Галлатин.)

Аковейс, синоним группы индейцев Новой Франции, ныне Канада. См. Акуэз.

Акк-Ксиби, отдаленный северный приток ручья под названием Рам-Ривер, который впадает в Миссисипи, примерно в нескольких милях выше водопада Святого Антония, на его левом берегу. Это составное словосочетание, образованное от Akeek - чайник, и seebe - ручей. Именно на берегу этого ручья, на широкой местности, перемежающейся бобровыми прудами, расположился отряд генерала Дж. Исследовательская группа Касса в июле 1820 года разбила лагерь; и на следующее утро обнаружила индейское письмо с рисунками, написанное на коре, в котором подробно описывались события похода.

Акико, или вождь Кеттлов, ведущий вождь Саук, который осуществлял свою власть в 1820 году в важной индейской деревне, расположенной на правом берегу Миссисипи, на рудниках Дубьюка.

Ачкванчиола, название ручья в Пенсильвании; на языке Делавэров или ленапи это означает, как передал Хеквелдер, ручей для ловли сачком.

Ачвик - небольшой ручей в центральной Пенсильвании. По словам Хеквелдера, на языке Делавэров это означает "кустистый" или "труднопроходимый".

Акобамба, поселение в провинции Ангарес в Перу, рядом с которым находятся некоторые монументальные останки древней расы, населявшей страну до ее завоевания испанцами. Они состоят, главным образом, из каменной пирамиды и руин нескольких хорошо вырезанных каменных кушеток или скамеек, ныне сильно поврежденных временем.

Аколман, Сан-Августин-де, поселение 240 семей индейцев Тескоко в Мексике. Он расположен в приятной долине с благоприятной температурой и располагает монастырем монахов-августинцев.

Акомес, впадение в реку Амарискогин, штат Мэн, обозначающее на индейском, как предполагается, отдых или место остановки. Из асо, границы или точки.

Акомулько, деревня из 12 индейских семей в Зочикоатлане, Новая Испания, в двух лигах к западу от ее столицы.

Аконичи - название поселения индейцев, ранее живших на реке Ино в Северной Каролине.

Акотитлан, поселение 15 индейских семей *валькальдии* Отлана, Мексика. Они занимаются разведением крупного рогатого скота, производством сахара и меда, а также добыванием масла из *плодов*.

Акуэз, название, ранее применявшееся французами к группе индейцев в Новой Франции. Считается идентичным аковейсу.

Акуакинак, или Акуакинанк, индейское название города на западном берегу реки Пассаик, штат Нью-Джерси, в десяти милях к северу от Ньюарка и в 17 милях от Нью-Йорка. От асо - предел, misquak - красный кедр и auk - пень или ствол дерева.

Аквинсиони, или Объединенные люди, народное название ирокезов, обозначающее их конфедерацию. Из их преданий, переданных преподобному мистеру Пирлаусу, голландскому миссионеру древности, следует, что этот термин использовался не более чем за 50 лет до

первого заселения страны: и если это так, то у нас есть более поздняя дата, не более отдаленная, чем 1559 год для происхождения этого знаменитого союза. Но в этом можно усомниться. Картье открыл "Святого Лаврентия" в 1534 году и нашел их на месте Монреаля; говорят, что Верризани вошел в Нью-Йоркский залив за десять лет до этого. Гудзон вошел в реку в 1609 году. Джеймстаун был основан годом ранее. Пилигримы высадились в Плимуте 14 лет спустя. Более вероятно, что эти 50 лет следует отнять от периода более ранних попыток французских поселений, что позволяет отнести возникновение конфедерации примерно к 1500 году нашей эры. (См. ирокезы.)

Актопан, или Октупан, город и поселение индейцев отоми, расположенный в 23 лигах к северо-востоку от Мексики. Его население, по данным Альседо в 1787 году, составляло 2750 семей. Они разделены на две группы, разделенные церковью. В нем также проживает 50 семей испанцев, масти и мулатото. Температура здесь умеренная, но земля заросла кактусами, колючками и лаской, что вынуждает жителей уделять свое внимание разведению овец и коз. В этих окрестностях водится множество особенных птиц, которых мексиканские индейцы называют *зензонтла*.

Акупан, поселение индейцев из 210 семей в округе Хочимилько, Мексика.

Акуйапан, поселение 58 индейских семей в *алькальдия-майор* Зультепека, присоединенное к приходу Темаскалтепек. Они живут тем, что выделывают шкуры для рынка — *ib*.

Акильпа, поселение 92 индейских семей в магистратуре Тлапа, Мексика. Здесь жарко и влажно, дают зерно и белую лекарственную землю, называемую *ча*, которой они торгуют.

Акуйо, значительное поселение испанцев, масти, мулов и негров, в 30 лигах к западу от Синакуа, в округе Тауригато, Мексика; охватывает 9 индейских семей.

Акула, Сан-Педро-де, индейское поселение с населением 305 семей, в четырех лигах восточнее Козамалоапана, его столицы. Он расположен на высоком холме, окруженном большим озером с целебнейшей водой, которое туземцы называют *Пеутла*. Это озеро впадает в море через песчаные отмели Альварадо, и в зимний сезон озеро может выходить из берегов.

Акутитлан, индейское поселение с населением 45 семей в округе Тепушилько, Мексика, которые торгуют сахаром, медом и кукурузой. Это в пяти лигах к северо-востоку от Зультепека и в четверти лиги от Акамучитлана.

Акуцио, индейское поселение Тирипитио в магистратуре Вальядолида и епископстве Мехоакан, Мексика. В нем проживают 136 семей индейцев и 11 семей испанцев и масти. В шести возделываемых поместьях в этом районе, производящих пшеницу, кукурузу и другие зерновые, занята большая часть местного населения, которое также посвящает часть своего труда уходу за крупным и мелким рогатым скотом.

Адаес, или Адаизе, племя индейцев, которые раньше жили в сорока милях к юго-западу от Натчиточеса, в местности кантри, которая сейчас составляет часть республики Техас. Они были расположены на озере, которое соединяется с ответвлением Ред-Ривер, проходящим через Байю-Пьер. Это племя, по-видимому, жило в этом месте с раннего периода. Утверждается, что их язык труден для усвоения и отличается от всех других в окрестностях. Они были в ссоре с древним натчезом и присоединились к французам в их нападении на них в 1798 году. Они были

близки с каддо и говорили на их языке. В последние дни (1812 год) их число сократилось до двадцати мужчин и непропорционально большого числа женщин. Синонимами этого ныне вымершего племени являются адайес; Adees; Adaes; Adaize.

Адарио, знаменитый вождь народа вайандотов, который был на пике своей полезности и репутации около 1690 года. Он был искусен в советах своего племени, проницателен и коварен в своих планах и тверд и отважен в их исполнении. Виандоты, или гуроны, как их называют французы, в то время жили в Мичилимакинаке, куда их загнали хорошо известные события в их истории. Вражда между ними и их сородичами, ирокезами, все еще бушевала. Они оставались верными союзниками французов; но они жили в состоянии изгнания из своей собственной страны и зависели от дружбы и любезности алгонкинов с верхних озер, среди которых они нашли убежище. Адарио в этот период нашел возможность заявить о себе и нанести удар для возможного возвращения своей нации.

Чтобы понять его позицию, необходимо сделать несколько отсылок к истории того периода.

В 1687 году англичане из провинции Нью-Йорк решили воспользоваться недавним союзом между двумя коронами, чтобы попытаться участвовать в торговле мехом на верхних озерах. Они убедили ирокезов освободить несколько пленников-вайандотов, чтобы провести их через озера, и установить сношения со своим народом. Из-за высокой цены и дефицита товаров этот план понравился Адарио и его людям, а также оттовам и Поттоватоми, но предприятие провалилось. Майор Макгрегори, возглавлявший отряд, был перехвачен большим отрядом французов из Макино, вся партия попала в плен, а их товары были безвозмездно розданы индейцам. Озерные индейцы, которые тайне поддерживали эту попытку, были полностью отброшены от французской торговли и подверглись подозрениям, которые вызывали у них беспокойство в их советах, и они стремились развеять подозрения французов относительно их верности. С этой целью Адарио направил отряд из 100 человек с Макино против ирокезов. Остановившись в форте Кадаракуи, чтобы получить кое-какие сведения, которые могли бы сориентировать его, комендант сообщил ему, что губернатор Канады Денонвиль надеется заключить мир с Пятью странами и ожидает их послов в Монреале через несколько дней. Поэтому он посоветовал вождю вернуться. Если бы такой мир состоялся, Адарио понимал, что ирокезам пришлось бы продолжать войну против его народа, который уже был изгнан с берегов Святого Лаврентия до озера Гурон. Однако он скрыл свои опасения перед комендантом и покинул форт не с целью вернуться домой, а для того, чтобы подстеречь делегатов ирокезов на перевале на реке, где, как он знал, они должны были пройти. Он не стал ждать больше четырех или пяти дней, когда прибыли наместники под охраной 40 молодых воинов, которые были застигнуты врасплох и либо убиты, либо взяты в плен. Его следующей целью было переложить вину за этот акт на губернатора Канады, от которого он сообщил своим заключенным, что был проинформирован об их намерении пройти этим путем и, таким образом, был готов подстеречь их. Они были очень удивлены этим очевидным актом вероломства, сообщив ему в то же время, что они действительно пришли с мирным посланием. Адарио сделал вид, что обезумел от ярости против Денонвиля, заявив, что когда-нибудь отомстит ему за то, что он сделал его орудием в совершении столь ужасного предательства. Затем, пристально глядя на пленников, среди которых был Деканефора, главный вождь племени онондага, "Идите, - сказал он, - братья мои, я развязываю ваши путы и отправляю вас обратно домой, хотя наши народы находятся в состоянии войны. Французский губернатор заставил меня совершить такой черный поступок, что мне никогда не будет легко после него, пока Пять наций не отомстят сполна". Послы были

настолько убеждены в совершенной правдивости его заявлений, что ответили в самых дружеских выражениях и сказали, что им открыт путь к заключению мира между их соответствующими племенами в любое время. Затем он отпустил своих пленников, подарив им оружие, порох и пули, оставив только одного человека (усыновленного шауни), чтобы заменить единственного человека, которого он потерял в сражении. Таким образом, одним смелым усилием он раздул огонь раздора между французами и их врагами в тот момент, когда он был на исходе, и заложил фундамент мира со своей собственной нацией. Добравшись до Макино, Адарио передал своего раба французам, которые, чтобы сохранить старую вражду между вайандотами и Пятью нациями, приказали его расстрелять. После этого Адарио позвал пленного ирокеза, который был свидетелем этой сцены и который долгое время содержался среди них, и велел ему бежать в свою страну и рассказать о жестокости французов, от которых не в его силах было спасти пленника, которого он сам захватил.

Это усилило ярость Пяти наций до такой степени, что, когда Монс. Денонвиль отправил сообщение, в котором отрекся от поступка Адарио, они не верили в это, но горели жадной мести. Вскоре французы почувствовали последствия своей ярости. 26 июля 1688 года они высадились с 1200 людьми на верхней оконечности острова Монреаль инесли разрушения повсюду, куда бы ни направлялись. Дома были сожжены, плантации разграблены, мужчины, женщины и дети убиты. Более тысячи жителей Франции были убиты, а двадцать шесть уведены пленными, большинство из которых сгорели заживо. В октябре того же года они возобновили свое вторжение, охватив нижнюю часть острова так же, как ранее верхнюю. Последствия этих вторжений были самыми катастрофическими для французов, которые были доведены до низшей точки политического уныния. Они сожгли два своих судна на озере Кадаракуи, покинули форт и вернулись в Монреаль. Новость распространилась повсюду среди индейцев верхних озер, которые, видя, что успехи французов идут на убыль, заключили договоры с англичанами и таким образом открыли путь своим товарам в озерный регион.— [Колден.]

Таковы были последствия одного предприятия, тщательно спланированного и энергично осуществленного. Слава ее автора распространилась за границу, и повсюду его считали человеком решительным, смелым и способным. И именно с этого времени древняя вражда между вайандотами и их родичами, Пятью Нациями, начала остывать. Они поселились в Детройтском проливе, где они так долго жили, и вплоть до окончания последней войны (1814 г.) пользовались подавляющим влиянием среди озерных племен в качестве хранителей генерального совета "огонь наций".

Ла Гонтан в своих путешествиях по Новой Франции рассказывает о некоторых беседах с этим вождем на тему религии, которые можно рассматривать почти исключительно как сказочные.

Адаты, адаэс и Адис, формы орфографии, встречающиеся у разных авторов, для индейцев адайзе, которые см.

Адекватанги, приток восточного истока реки Саскуэханна в Нью-Йорке. Это слово ирокезское.

Добавим, численность этого племени, проживавшего на водах Ред-Ривер, в Луизиане, в 1825 году, в официальном отчете военного министерства за тот год указана в двадцать семь человек.

Адоулес, поселение индейцев в провинции Ориноко. Они принадлежали к племени салива. Поселение было разрушено карибами в 1684 году.

Адирондаки - название племен ирокезов для алгонкинов. Рассмотрение их истории и характеристик как семьи племен будет рассмотрено в рамках последнего термина.

Горы Адирондак - название, данное геологической службой Нью-Йорка горам у истоков реки Гудзон.

Adik, lá-ba. Увидимся с Яабой Вадиком.

Адикиминис, или остров Карибу; остров, расположенный в северо-восточной части озера Верхнее, которому не придается никакого другого значения, кроме как вытекающего из индийской мифологии и суеверий. Он небольшой, и его редко посещают. Чиппева верят, что это одно из мест жительства их местных манито, и что раньше здесь жили мичабо или манабошо. Ранние путешественники, которые обратили внимание на это поверье, представляли его берега покрытыми золотыми песками, но эти пески охраняются могущественными духами, которые не позволят унести сокровище. Рассказывают много фантастических историй о том, что однажды это было предпринято, когда огромный дух вошел в воду и вернул себе сияющее сокровище. Это версия Карвера, который, однако, путает его с другим прилегающим островом. Генри, посетивший его в поисках серебряных рудников в 1765 году, говорит, что индейцы рассказали ему, что их предкикогда-то высадились там, будучи загнанными непогодой, но им было очень трудно спастись от власти огромных змей. Он называет его островом Желтых песков. В его время здесь, несомненно, водились ястребы, один из которых был настолько дерзок, что сорвал с его головы кепку. Он не нашел ничего, что могло бы вознаградить за его поиски, кроме нескольких карибу, то есть американских северных оленей, которых за время его трехдневного пребывания было убито не менее 13. Он представлял его равным 12 милям в окружности, низким, покрытым прудами и находящимся на расстоянии шестидесяти миль от северного берега озера. Он думает, что это, возможно, тот самый остров, который французы называли *Isle de Pontchartrain*.

Аффагула, небольшая деревня индейцев в Луизиане, которая была расположена в 1783 году недалеко от Пойнт-Купе на Миссисипи.

Агасес, народ индейцев провинции Парагвай. Они многочисленны, доблестны и высокого роста. В древние времена они были хозяевами берегов Парагвая, вели войну против гуавани и держали испанцев в страхе, но в конце концов были покорены в 1542 году Альваром Нуньесом Кабесой де Вакой, губернатором провинции.

Агариата, вождь ирокезов, который около 1688 года отправился с мирным посольством в Канаду, губернатор месье Курсель, будучи раздражен настроением против него из-за недобросовестности и нарушения договора, приказал повесить его в присутствии его соотечественников.

Агаментигус, гора значительной высоты в восьми милях от Йорк-Харбор, штат Мэн; также река в тех же окрестностях, которая черпает свои воды главным образом из притока залива Пискатакуа. Окончание названия в *США* является иностранным и не соответствует диалектам абенаки этого побережья.

Агамунтик - название небольшого озера или пруда в штате Мэн, которое впадает в западный приток реки Шодьер.

Агамамы, группа индейцев типа покенокет, или вампаноаг, которые ранее жили в разные периоды, частично в Сэндвиче, частично в Ипсвиче и частично в Спрингфилде, штат Массачусетс. У старых авторов это слово пишется с некоторым разнообразием, главными из которых являются добавление еще одной буквы "г" и замена предпоследней буквы "а" на "о".

Агиокочук - индейское название Белых гор в Нью-Гэмпшире; предпоследняя буква "ок" - множественное число. Эта группа также называется, по словам президента Аллена, ваумбек — слово, которое на некоторых существующих диалектах алгонкинов произносится как ваубик, то есть Белая скала.

Агналос, племя неверных индейцев, населяющее горы к северу от реки Апуре, на Новой Гренаде.

Агриас, индейское племя, некогда очень многочисленное, принадлежавшее правительству Санта-Марты, к северу от Съенегра-Гранде. В настоящее время они значительно сокращены.

Агуа-де-Кулебра, Сан-Франциско Ксавье-де-Ла, *редукцион* индейцев племени капуцинов, провинция Венесуэла. В окрестностях в изобилии выращивают какао, юкао и другие овощные культуры.

Агуакагуа, индейская миссия на берегу Ороноко, называется Карони.

Агуакатлан, индийская миссия в Шале, в Мексике. В 1745 году в нем проживало 80 семей индейцев, которые выращивали кукурузу и французские бобы.

Агуалулько, столица юрисдикции Изатлан, Новая Галисия, в которой в 1745 году проживало 100 индейских семей.

Агуанос, поселение в провинции Майнас, Кито, названное так по имени индейцев, из которых оно состоит.

Агуарико, индийская миссия иезуитов, расположенная на берегу реки Напо в провинции Майнас, Кито.

Агуарингуа, древнее и крупное поселение индейцев народа тайронас в Санта-Марте.

Агилуско, поселение округа Аранцан в провинции Мехоакан, в котором проживает 36 индейских семей. Они выживают за счет посева семян, рубки леса, изготовления чепраков и сосудов из тонкой глиняной посуды.

Ахапопка, озеро во Флориде, имеющее выход через реку Оклаваха Сент-Джонса.

Ахасимус - древнее индейское название нынешнего города Джерси-Сити, округ Гудзон, штат Нью-Джерси.

Ахоме, или Ахома, нация индейцев, живущих на берегах реки Заке, в провинции Чиналоа, штат Калифорния. Они расположены в четырех лигах от залива, на обширных плодородных равнинах, и, как говорят, по своей природе превосходят других индейцев Новой Испании. Некоторые из их обычаев указывают на это. Они ненавидят полигамию, они высоко ценят девственность.

Незамужние девушки, в знак отличия, носят маленькую раковину, подвешенную к шее, до дня свадьбы, когда жених снимает ее. Они носят тканую хлопчатобумажную одежду. Они оплакивают своих умерших целый год, ночью и утром. Они нежны и верны своим заветам и обязательствам.

Ахуандате - название племени вайандотов, которое встречается на древних картах колоний.

Ахуакатлан - название четырех отдельных поселений Мексики, в которых проживают, соответственно, 51, 13, 450 и 160 семей индейцев.

Ahuacazalca, Nueva Espáña. В этом месте 56 семей индейцев живут за счет выращивания риса и хлопка. Он находится в районе Сан-Луис-де-ла-Коста.

В Ахуаказинго, в районе Атенго, Новая Испания, проживает 46 индейских семей.

В Ахуаликане, в той же провинции, проживает 36 индейских семей.

В Ахуателько, штат Иллинойс. 289 семей выращивают пшеницу и разводят крупный рогатый скот.

Ахуатемпа, ib. Насчитывает 39 семейств.

Ахуатепек, Ибрагим. Насчитывает 32 семейства.

Ахуазитла, ib. Имеет 36 семей, которые торгуют *чиа*, белой лекарственной землей, зерном и фаянсовой посудой.

Ахвахави, племя индейцев, которые, как было обнаружено в 1805 году, располагались в нескольких милях выше Манданов, на юго-западном берегу Миссури. Считается, что они были бандой миннитаре. На тот момент их насчитывалось 200. Они воевали с индейцами-змеями. Они утверждают, что когда-то были частью нации Кроу. Они утверждали, что долгое время проживали на занятом месте. Название не сохранилось и не фигурирует в последних отчетах из этого квартала. Их историю, вероятно, следует искать в истории манданов и миннетаров.

Айауальтемпа, поселение в Чалипе, Мексика, в котором проживает 36 индейских семей.

Айауалулько, Иллинойс. В двух поселениях с таким названием проживают, соответственно, 70 и 42 индейские семьи.

В Айапанго, штат Иллинойс, проживает 100 индейских семей.

В Айатепеке, штат Иллинойс, проживает 45 семей коренных жителей.

В Айаутле, штат Иллинойс, насчитывается 100 семей.

Айчес, поселение индейцев Техаса, расположенное на главной дороге в Мексику.

Айектипак, Мексика. Здесь проживает двадцать одна индейская семья.

Айнсе, вождь племени чиппева из Пойнт-Сент-Игнас, округ Мичилимакинак, Мичиган. Население этой группы, согласно правительственным переписным листам 1840 года, составляло 193 человека, из которых 33 мужчины, 54 женщины и 106 детей. Они зарабатывают на жизнь охотой и рыбной ловлей. Они выращивают только картофель. Они получают, вместе с

другими бандами, ежегодное пособие от правительства в виде монет, провизии, соли и табака, с этой целью они ежегодно собираются на острове Мичилимакинак. Считается, что имя этого вождя заимствовано у Ганса.

Айокуэско, индейское поселение в Чалипе, Мексика. Насчитывает 400 индейских семей.

В Айоктитлане, штат Иллинойс. То же самое с 76.

В Айозинапе, ib. То же самое 34 человека.

В Айозинго, штат Иллинойс. То же самое - 120 человек.

Айрикос, народ индейцев, населяющий равнины Казанаре и Мета в новом королевстве Гренада, к востоку от гор Боготы. Они населяют берега реки Эль. Они многочисленны и воинственны, и все их соседи боятся их доблести и ловкости в обращении с оружием. В 1662 году Антонио де Монтеверде, иезуит, основал среди них миссию и крестил множество людей.

Айшкуагонаби, вождь племени чиппева, довольно известный, с мягкой и достойной осанкой, живущий в заливе Гранд-Траверс, на восточном берегу озера Мичиган. В 1836 году он входил в состав делегации вождей Чиппева и Оттова, которые прибыли в Вашингтон и заключили договор, уступающий их земли США от Гранд-ривер на озере Мичиган до Шоколадной реки на озере Верхнее. Это имя означает "первое перо" или "почетное перо". Население его деревни в 1840 году, как показывают списки переписи, составляло 207 человек, из которых 51 мужчина или главы семей, 49 женщин и 107 детей. Они ежегодно получают ежегодное пособие в Мичилимакинаке. Они живут охотой, выращиванием кукурузы, бобов и картофеля, а также рыбной ловлей.

Айшкебугекож, или Плоская Пасть, на наречии Торговцев мехом называется *Guelle Platte*. Главный вождь племени чиппева, называемых мукундвас, или пиллигеры, которые живут на озере Лич, у истоков Миссисипи. Предполагается, что этот отряд может предоставить 200 воинов. Это храбрый и воинственный народ, который находится в состоянии постоянной войны со своими западными соседями, сиу. Они выживают за счет охоты и ловли белой рыбы в озере. Немного кукурузы и картофеля также выращивают женщины и пожилые мужчины из группы. Это свирепая, дикая, необузданная раса, сильная своей численностью, гордая и уверенная в своем успехе в войне и сравнительной легкости, с которой они добывают пропитание охотой. Они придерживаются своих древних религиозных обрядов, денег и заклинаний и находятся под властью своих местных священников, джоссакидов и провидцев. Айшкебугекож в течение многих лет осуществлял политическую власть над ними, иногда доводя их до войны и постоянно председательствуя в их советах. Он проницательный человек, обладающий большой наблюдательностью и опытом в делах пограничья. У него крупное, довольно крепкое телосложение, широкие плечи и грудь, широкое лицо с несколько суровым выражением, свидетельствующим о решительном характере и способности командовать. Тонкие и вытянутые губы, вытянутые в прямую линию над выступающей челюстью, придают характер имени, которым наградил его народ. Под термином *Kozh*, а не *Odoan*, его истинное значение - скорее морда, чем рот, различие, которое французы сохранили в термине *Guelle*.

Айуинос, народ индейцев, входящий в состав правительства Чиналоа, Новая Испания. Они живут в северной части провинции. Раньше они жили в высоких горах, спасаясь от последствий

войны с другими народами. В 1624 году иезуиты основали среди них миссию. Они послушны, доброжелательны и обладают хорошими привычками.

Айутла, поселение в Новой Испании, в котором проживает 187 индейских семей. В другом населенном пункте с таким же названием проживает 23 семьи.

Аджоуи, племя индейцев Луизианы, в древности существовавшее под властью французов. Это слово, как оно выражается в английской орфографии, называется lowas, и племя будет рассматриваться под этим заголовком.

Акоса, вождь племени оджибва, живущий на полуострове Гранд-Траверс-Бей, озеро Мичиган, известен своей доброй волей по отношению к миссии, учрежденной недалеко от его деревни Американским советом в 1839 году. Во время перерывов в охоте он внимательно относится к средствам обучения, предоставленным на этой станции. Он предписывает своим детям посещать школу. Он тщательно засекает свое кукурузное поле и сад. Он построил хороший жилой дом из бревен и снабдил его несколькими предметами простой домашней мебели. У него мягкий и приятный характер, он ценит и признает превосходство сельского хозяйства и цивилизации над неопределенностью охоты. Не отличаясь ни воинственностью, ни красноречием, ни генеалогией воинов, и, следовательно, не имея большой известности в своем племени, он активный охотник и уравновешенный, умеренный человек, и может рассматриваться как довольно средний физически и умственно представитель своей расы. По данным на 1840 год, банда Акосы насчитывала 160 душ, из которых 37 мужчин, 42 женщины и 89 детей. Они получают свою ренту в Мичилимакинаке.

Аканса, синоним Арканзаса.

Алабама, один из Соединенных Штатов Америки. Название происходит от племени индейцев, которые ранее населяли берега одноименной реки. Эта река, при слиянии с Томбигби, образует Мобил. Индейцам Алабамы удалось занять эту реку Криками, или Маскоги. Они отступили на запад. В 1790 году их потомки жили в деревне, удобно расположенной на нескольких вздымающихся зеленых холмах на берегах Миссисипи. В последних отчетах о них ничего не сообщается. Они, по-видимому, продолжили свой путь на запад по пути Ред-Ривер. Точное время их пересечения Миссисипи неизвестно. Они пришли в Ред-Ривер примерно в то же время, что и боликси и аппалачи. Их язык представлен как мобилианский, как обозначил его Дю Прац, то есть чакта. Часть из них жила в конце 18 века на Ред-Ривер, в шестнадцати милях выше Байу-Рapid. Оттуда они поднялись выше по течению и поселились недалеко от Каддо, где собрали хорошие урожаи кукурузы. Другая группа, численностью около 40 человек, жила в районе Апалусас, где они выращивали кукурузу, разводили и содержали лошадей, свиней и крупный рогатый скот и проявляли тихий и миролюбивый характер. Из заявления, опубликованного в газете в Хьюстоне, резиденции правительства Техаса, в 1840 году, следует, что их потомки были затем поселены на реке Тринити, в этой республике, где они связаны с кошаттами, образовав две деревни, насчитывающие двести воинов, или около 1000 душ. На этом новом месте они сохраняют тихоокеанские и сельскохозяйственные черты, замеченные во время их проживания в Луизиане.

Алачуа, обширная равнинная прерия во Флориде, примерно в 75 милях к западу от Сент-Огастина. Августин. Древний индийский город Алачуа стоял на его границах, но его жители переехали в более здоровое место в Кусковилле.

Алаклатсала, поселение в округе Сент-Льюис, Новая Испания, в котором проживает 125 индейских семей.

Алауитцлан, штат Иллинойс. поселение, в котором проживает 270 индейских семей.

Алапах, один из высших притоков реки Суванни во Флориде.

Аляска, или Оналаска, длинный полуостров на северо-западном побережье Америки. В его конце находится ряд островов, которые образуют часть скопления, называемого северным архипелагом.

Альбаррада, поселение индейцев в королевстве Чили, расположенное на берегу реки Кошупиль. Также поселение в Новой Испании, состоящее из 22 индейских семей.

Алемпигон, неправильно написанное для обозначения Нипигона, небольшого озера к северу от озера Верхнее.

Альфаксаиука, поселение в Новой Испании, в котором проживает 171 индейская семья.

Алганси - тауншип в округе Бранч, штат Мичиган. Это составное производное от алгонкина, *gan*, частицы, обозначающей озеро, и *mushcodainse*, прерии.

Алгический - прилагательное, используемое автором для обозначения рода или семейства племен, которые черпают свои характеристики из использования языка алгонкиновguage. Это производное от слов *алгонкин* и *Аки*, земля или приземление.

Алгонкины - нация индейцев, которые при открытии и заселении Канады занимали северные берега реки Святого Лаврентия между Квебеком, Тремя реками и слиянием Утавас. Считается, что само слово "Квебек" происходит от этого языка и происходит от кебик, страшной скалы или утеса. Когда французы обосновались в Квебеке, полторы тысячи воинов этой нации жили между этой нацией и Силлери. В ту эпоху они считались самыми воинственными и могущественными людьми в Северной Америке, а также самыми продвинутыми в своей политике и разведке. Колден говорит о них как о превосходящих всех остальных. По прибытии Шамплена, который, хотя и не был первооткрывателем страны, был истинным основателем французского могущества в Канаде, этот рыцарский офицер снабдил их огнестрельным оружием и даже повел на войну против их врагов, ирокезов. Приход этой новой силы различными способами побудил их к новым действиям, и они перенесли ужас своего оружия на юг и юго-запад. Они были в тесном союзе с вайандотами, народом, который под именами куатоги и гуроны, когда Картье прибыл в 1534 году, был замечен в низовьях реки Святого Лаврентия, на острове Антикостиз и в заливе Шалер. Но как только ирокезы были снабжены таким же оружием и научились им пользоваться, алгонкины почувствовали на себе действие их мужества и объединенной силы. Вайандоты впервые потерпели поражение в великой битве, произошедшей в двух лигах от Квебека. Затем ирокезы приготовились нанести эффективный удар по коллективным племенам родственного происхождения, называемым алгонкинами. Под предлогом посещения губернатора Канады они ввели тысячу человек в долину Святого Лаврентия, когда, обнаружив, что их враги разделились на два отряда, один у реки Николе, а другой у Труа-Ривьер, они напали на них врасплох и разбили оба отряда. В этом поражении участвовали ниперсеринцы (*Nipessings*) и атававы (*Ottowas*), которые тогда жили на берегах Святого Лаврентия. Первые, которые на самом деле были всего лишь алгонкинами под своим настоящим именем, двинулись на северо-запад.

Атавава мигрировали к великой цепи Ламантулин озера Гурон, откуда они все еще продвигались дальше на запад и юг, пока не достигли Л'Арбр-Крош и Гранд-Ривер в Мичигане, своих нынешних местообитаний. Куатоги, или виандоты, бежали на берега того же озера (Гурон), которое получило свое название из-за известности их бегства и проживания на его берегах.

Из собственно алгонкинов, оставшихся на реке Святого Лаврентия и имеющих особое право на это имя, выжило лишь ограниченное число. Примерно в середине 17 века они были сведены к нескольким деревням близ Квебека, о которых тогда говорили, что они "опустошены и чахнут под воздействием горячительных напитков". Впоследствии они были собраны Католической церковью в миссию и поселены на озере Двух гор, на Утавасе, или Великой реке Канады, где их обучили различным искусствам и сделали по-настоящему цивилизованными. Там до сих пор остаются их потомки. Это высокая, активная, проницательная, гибкая, энергичная раса. В наше время многие из них были путешественниками и охотниками и руководили торговлей пушниной в отдаленных лесах северо-запада. На этих должностях они проявили такую степень энергии, выносливости и мастерства в охоте, которая намного превосходит те, которыми обладают местные, непризнанные племена. Алгонкинские женщины на озере Двух гор мастерят очень искусные корзинки и вышивают бисером, в которых используются окрашенные иглы дикобраза и различные цветные бусины европейского производства. Они также делают кольца для пальцев из шерсти лося, взятой с грудного пучка этого животного, на которых выгравированы девизы или приспособления. У них мелодичные мягкие голоса, они распевают гимны, которые поют в миссии. Это племя называется одишкуагума, то есть "Люди-на-конце-вод", у оджибва. Шесть наций называли их Адирондаками. Термин "алгонкин", который мы заимствуем из французского, не имеет определенной этимологии. Поначалу кажется, что это был боевой псевдоним, обозначающий конкретный народ или племя, потомки которого сейчас ограничены положением у озера Двух гор. Он рано применялся ко всем племенам родственного происхождения. И в настоящее время является общим термином для семьи или примитивной группы племен в Северной Америке, которые либо говорят на родственных диалектах, либо ассимилируются с ведущими принципами своих языков.

Число этих племен, существующих до сих пор, очень велико, и, если рассматривать их с точки зрения наибольших различий, вариации в согласных и дифтонгальных звуках их языков, значительны. Как общая географическая область, эти племена в разные периоды, примерно с 1600 года по настоящее время, этнографически покрывали Атлантическое побережье, от северной оконечности Памлико-саунда до Беллайлского пролива, простирающегося на запад и северо-запад, до берегов Миссинипи в Гудзоновом заливе и до восточных границ Миссисипи, вплоть до впадения Огайо. Из этой области основными исключениями являются ирокезы Нью-Йорка, вайандоты запада, а также виннебагои и небольшие группы докотов. Грамматические принципы этих диалектов совпадают. Как правило, в их лексикографии отсутствуют буквы f, g и v. Диалекты черпают свои особенности, в значительной степени, из взаимозаменяемости звуков l и n, b и p, d и t, g и k, в некоторых из которых наблюдаются различия даже в отдаленных группах одного и того же племени. Язык транспозитивный. В его спряжениях местоимения присоединяются к глаголу либо в виде приставок, либо в виде суффиксов. Его существительные снабжены флексиями прилагательных, обозначающими размер и качество. Его глаголы, с другой стороны, получают флексии существительных. Гендер, как правило, упускается из виду в единообразной попытке сохранить с помощью интонаций различие между живым и неодушевленным, а также личными или безличными объектами. Он

примечателен разнообразием своих составных частей, хотя сам словарный запас явно состоит из односложных корней. Все его существительные допускают уменьшительные формы, но ни в коем случае не увеличительные. Они также допускают уничижительные и предложные наклонения. Напротив, сравнение прилагательных производится не по флексиям, а по отдельным словам. Двойного числа не существует, но во всех исследованных диалектах проводится различие во множественном числе от первого лица для обозначения включения или исключения объекта. Нет различия между местоимением единственного и множественного числа третьего лица. В языке есть некоторые избыточности, которые можно было бы устранить путем совершенствования. В нем много жидких и губных звуков. Она имеет мягкое течение и легка в достижении. Она особенно богата и разнообразна в своих сложных терминах для обозначения видимых объектов и их движений или действий. Графически описаны ручьи, горы, долины и водоемы во всем их разнообразии внешнего вида. Он в равной степени подходит для описания небесных явлений, воздуха, бурь, звуков, света, цветов, движения, а также различных фаз облаков и планетных тел. Именно из этого отдела взята большая часть их личных имен.

Верно, что многие грамматические принципы алгонкинских языков также развиты в других языках. Однако эти языки не так хорошо известны. Британские и французские, голландские и шведские колонисты поселились главным образом в районе проживания алгонкинских племен, и в результате исследований, проведенных за длительный период, накопилось больше всего материалов, относящихся к этому типу американских языков. Конкретные уведомления о каждом из подразделений этого склада будут даны под соответствующими названиями.

Общих синонимов для обозначения этой нации очень мало. Принципиальные различия в орфографии между французскими и английскими авторами заключаются в том, что последние пишут последний слог *quin*, в то время как первые используют *kin*. В старых энциклопедиях и справочниках используется словосочетание *Algonquinensis*. Термин *Abernaquis* также является французским способом обозначения того же слова, но в настоящее время скорее применяется к определенной группе. Слово "алгический", происходящее от того же корня, было применено автором ко всему кругу алгонкинских племен в их наибольшей прежней распространенности в Северной Америке. Мистер Галлатин предложил термин "алгонкин-ленапе" в качестве филологического обозначения для этой важной семьи. Их собственное название расы - вопрос некоторого разнообразия мнений. Те конкретные племена, которые были обнаружены на атлантическом побережье между Чесапикским заливом и Гудзоном, называли себя ленапами, обычно с приставкой или уточняющим существительным *линно*, или *ленно*. Другие племена, занимающие наибольшую территорию союза и Британской Америки, населенные этим племенем, обозначают себя как расу термином *анишинаба*, то есть простые люди.

Термин *Lenápe* означает мужчину и идентичен по смыслу алгонкинскому слову *lába*. Если *Ленно* или *линно* - это, как утверждают некоторые, термин, обозначающий *оригинальных*, то следует признать, что они обладали большей предусмотрительностью и большей способностью к обобщению, чем другие племена, называющие себя *Оригинальными Людьми*. Если, однако, это только подразумевает, как утверждают другие, знакомые с этим языком, *общее* или *general*, то здесь воспринимается как совершенное тождество в значении этих двух терминов.

Алгонак, деревня в графстве Сент-Клер, штат Мичиган, которая приятно расположена на берегу реки Сент-Клер. Это термин, производный от слова *Algonquin* и *akee*, земля или высадка.

Алгонкинский - термин, используемый в старых справочниках и географических словарях для обозначения алгонкинов.

Алиэтанцы, название шошонов, или змеиных индейцев. См. Иэтанцы.

Алибамоны, или алибами, древние формы орфографии племени алабамов.

Алина, поселение Пинзандаре, Новая Испания, в котором проживают 20 индейских семей, занимающихся торговлей кукурузой и воском.

Алипконк, индейская деревня, которая в 1659 году стояла на восточном берегу реки Гудзон, между притоком Кротона, который голландцы тогда называли Сакилл, и индейской деревней Синг-Синг. [Осинсинг.] Анибиконг? место листьев или густой листвы.

Алька, древняя провинция королевства Перу, к югу от Кучо, населенная расой туземцев, которые оказали решительное сопротивление Манко Капаку, четвертому императору инков, и прозванному завоевателем. В этой защите им помогал суровый характер местности, изобилующей лесами, горами, озерами и золотыми и серебряными рудниками.

Аллеган, сельскохозяйственный округ штата Мичиган, граничащий с восточным берегом озера Мичиган. Это производное слово от алгонкинского, *аган* - предпоследний слог термина оджибва Са-ги-э-ган, озеро.

Аллегани, ведущая горная цепь Соединенных Штатов к востоку от Миссисипи, также один из двух основных истоков реки Огайо. Индийская традиция приписывает происхождение этого названия древней расе индейцев, которых звали Таллегеви, или Аллегеви. Эта нация, как утверждает традиция, распространилась к востоку от Миссисипи и Огайо. Они были воинственным народом и защищались в долгих и кровопролитных войнах, но были побеждены и оттеснены на юг конфедерацией племен, потомки которых до сих пор существуют среди алгонкинов и ирокезов. Таков рассказ делаваров.

Альмолойя, поселение Зультепек в Новой Испании, в котором проживают 77 индейских семей; также в Метепеке, в том же королевстве, 156 семей.

Альмоллоайан, поселение в округе Колима, Новая Испания, в котором проживают 60 индейских семей.

Алотепек, *ib.* насчитывает 67 семейств.

Алозозинго, *ib.* насчитывает 110 семейств.

В Альпизагуа, штат Иллинойс, насчитывается 36 семейств.

В Альпойеке, *ib.*, 42 семейства. Другое, с таким же названием, из 115 семейств.

В Альпоеказинго, штат Иллинойс, насчитывается 140 семейств.

Альпонека, *ib.* насчитывает 30 семейств. Другое, с таким же названием, 77 семейств.

Альтамаха, река в Джорджии.

Альтотонга - название поселения Халапа в Новой Испании. На мексиканском языке это слово означает "горячая и солоноватая вода", и оно происходит от смешения свойств двух ручьев, которые берут начало в горе недалеко друг от друга и образуют при слиянии реку, впадающую в озеро Альчичика.

Алзуи, поселение 190 индейских семей в Тлапе, в Новой Испании или Мексике. Они трудолюбивы, выращивают кукурузу, хлопок, французские бобы и рис.

Альмушико - индейское название Новой Англии на карте "Новой Бельгии", опубликованной в Амстердаме в 1659 году.

Амакачи, народ индейцев Бразилии, из провинции Рио-Жанейро. Они населяют горы к югу от города. Они многочисленны и внушают большой страх из-за отчаянных вторжений, которые они совершают в португальские поселения. Их оружие - дротики и макано, разновидность дубинки, сделанной из очень тяжелого дерева. Они отравляют свои стрелы и копья.

Амалисты, банда алгонкинов, живших на реке Святого Лаврентия и насчитывавших 500 человек в 1760 году.

Аманалько, индейское поселение в округе Метепеке, Мексика, насчитывающее 1224 семьи.

Амапаес, варварский народ индейцев в Новой Андалусии, к западу от реки Ориноко, недалеко от гор Пария. Они доблестны и выносливы; искренни и преданны в своих делах. Они живут охотой и рыбной ловлей. Они изготавливают оружие, наконечники которого пропитаны растительными ядами. Они находятся в состоянии войны с исааками. В честь них их территория называется Амапайя.

Амапилькан, поселение в Тлапе, Мексика, в котором проживают 15 индейских семей.

Аматепек, индейское поселение Зультепек, Мексика, расположенное на вершине горы, состоящее из 80 семей. В другом поселении с таким же названием, в округе Толтонтепек, проживает 15 индейских семей. В обоих низкая температура.

Аматиклан, поселение Уитепек в Мексике, в котором проживают 43 индейские семьи.

Аматинчан, поселение в Тлапе, Мексика, в котором проживают 62 индейские семьи.

Аматлан, поселение Танзитаро, Мексика, в котором проживает 60 индейских семей. В другом поселении Сан-Луис насчитывается 380 семей. У другого, в районе Кордова, 220. У другого, в Сакатлане 248. У другого, в Козамаопане, 150. Все они носят одно и то же название с приставкой покровителя посвящения - Санта-Ана.

Амбой, залив в штате Нью-Джерси. В древности эта часть штата была занята племенем или бандой минчи, которых называли сауиканами.

Амеалько, поселение в Кера-Таро, Мексика, в котором проживают 38 индейских семей.

Амека, поселение Отлан, Мексика, в котором проживают 43 индейские семьи.

Амекамека, поселение в Чалко, Мексика, в котором проживает 570 индейских семей.

Амекаке, поселение в Кальпе, Мексика, в котором проживает 275 индейских семей.

Америка; ни один индейский народ на этом континенте, насколько нам известно, никогда не был обобщен в достаточной степени, чтобы дать континенту общее название. Алгонкинские термины "Наша страна", Айнданукьян, и "Запад", Кабеан, были, вероятно, наиболее всеобъемлющими, каких требовало их общение или идеи. Эквиваленты для этих фраз, возможно, можно было бы успешно найти среди всех наиболее развитых племен. Приведенные здесь примеры взяты из диалекта оджибва.

Амиквеи, или Амикаваэс, племя или семья индейцев, о которых французские авторы говорят как о некогда населявших цепь островов Ламантон в озере Гурон. Термин происходит от Амика, бобра. Оттовы поселились здесь после своего поражения вместе с Адирондаками на реке Святого Лаврентия.

Амик-эминис, группа бобровых островов озера Мичиган. Самый восточный из этой группы называется Амик-айндауд, или Бобровый дом. Эти острова населены чипева. В 1840 году их численность составляла 199 человек, из которых 39 мужчин, 51 женщина и 109 детей. Все были заняты охотой или рыбной ловлей, и никто не занимался сельским хозяйством. Их вождя звали Кинвабекиззе.

Амиквуг, дикий кочующий народ к северо-западу от истоков Миссисипи. Посмотрите на индейцев-биверов.

Амильпа, поселение Сочимилько в Мексике, в котором проживают 730 индейских семей, живущих сельским хозяйством.

Амилтепек, поселение в Джукиле, штат Массачусетс, в котором проживает 14 индейских семей.

Амиксокорес, варварский народ индейцев Бразилии. Они населяют леса и горы к югу от Рио-Жанерио. Они жестоки и вероломны. Они находятся в состоянии постоянной войны с португальцами. Очень мало известно о территории, которую они населяют, или об их нравах.

Аммоугкауген - название, использовавшееся в 1659 году для обозначения южного рукава реки Пискатакуа.

Амола, или Амула, судебный округ в Гуадаксаларе, Мексика. На мексиканском языке это означает землю многих деревьев, поскольку она изобилует ими. Изменение с о на и в слове считается искажением.

Амолтепек, поселение в Теозакуалько, Мексика, в котором проживает 96 индейских семей.

Амоносак - индейское название, которое носят две реки в Нью-Гэмпшире. Обе берут начало в Белых горах. Верхний Амоносак впадает в реку Коннектикут в Нортумберленде, недалеко от верхнего Куса. Нижний, или Великий Амоносук, впадает в ту же реку выше города Хаверхилл в нижнем Кусе.

Амопокан, поселение индейцев Куйо в Чили, расположенное на берегу реки.

Амозаке, поселение Пуэбла-де-лос-Анджелос в жарком и сухом климате, в котором проживает 586 индейских семей.

Ампоны, варварский народ индейцев в Парагвае. Они населяют леса к югу от Рио-де-ла-Плата. Они небольшого роста. Они делятся на несколько племен. Они отважны. Питаются

дикорастущими тропическими фруктами и рыбой, которую добывают в определенных озерах. Они сохраняют ее путем копчения. Им нравится прекрасная страна и климат. Они находят золото в песке своих рек и поддерживают некоторую торговлю с городом Консепсьон. Несколько новообращенных были обращены в католическую веру.

Амуэс, поселение и серебряный рудник в Сан-Луис-де-ла-Пас, в Мексике. В нем проживают 43 индейские семьи, помимо 93 мустисов и мулатов. Они выживают, копаясь в шахтах.

Амуркас, народ индейцев-варваров, происходящий от панчей на Новой Гренаде. Они живут в лесах к югу от реки Магдалена. Но о них мало что известно.

Амускиг - индейское название водопада в реке Мерримак, штат Нью-Гэмпшир, в 16 милях ниже Конкорда и в 7 милях ниже водопада Хуксет.

Ана, Санта. Из пятидесяти пяти названий мест в Мексике или Новой Испании, упомянутых Альседо и носящих это название, семь являются местом проживания 544 индейских семей. Из них 31 находится в Закуалпе; 117 - в Зультепеке; 124 - в Толуке; 134 - в Чолуле; 18 - в Яутеке; 25 - в Митле; 70 - в Амакуэке; и 149 - в Уэуэтане.

Анауак - древнее индейское название Новой Испании или Мексики. Мексиканская долина, или Теночтитлан, согласно Гумбольдту, расположена в центре кордильер Анауак. Эта долина имеет овальную форму. Его длина составляет 18-3/4 лиги, приблизительно от впадения Рио-Тенанго в озеро Чалко до подножия Серро-де-Синкоке, и 12-1/2 лиги в ширину, от Сент-Габриэля до истоков Рио-де-Эскапусалько. Его территориальная протяженность составляет 244-1/2 квадратных лиги, из которых только 22 квадратных лиги заняты озерами, что составляет менее десятой части всей поверхности. Окружность долины, если оценивать ее по гребню гор, составляет 67 лиг. Этот гребень очень возвышен в большинстве частей и охватывает великие вулканы Ла-Пуэбла, Попокатепетль и Истачичуатль. В этой долине есть пять озер, из которых озеро Тецкоко - самое большое. Количество воды, которую они дают, значительно уменьшилось с 16 века, что отчасти объясняется уничтожением деревьев испанцами, но в основном непосредственно каналом Уэуэтоко, прорезанным в горе, по которому воды втягиваются в реку Пануко и таким образом попадают в Атлантику. Благодаря этой работе сам город Мехико был освобожден от всех последствий периодических наводнений, а территория расширилась и стала лучше приспособленной для улиц и экипажей. Воды озера Тецкоко насыщены соляной кислотой и карбонатом соды. Воды Сочимилько - самые чистые и прозрачные. Гумбольдт обнаружил, что их удельный вес равен 1,0009, когда дистиллированная вода при температуре 54 ° по Фаренгейту составляла 1,000, а тецкоко - 1,0215.

Из пяти упомянутых озер Сочимилько и Чалко занимают площадь 6-1 / 2 квадратных лиги; Тецкоко - 10-1 / 10; Сан-Кристовал - 3-6 / 10; и Зумпанго - 1-3 / 10. Долина представляет собой котловину, окруженную возвышающейся стеной порфировых гор. Дно этой котловины находится на высоте 2277 метров, или 7468 футов над уровнем моря.

Аналько, поселение Гвадалаксара в Мексике, в котором проживают 40 индейских семей.

Анасагунтакук, банда абенаки, у истоков Андроскогина, в штате Мэн.

Анкамарес, народ индейцев, населяющий берега реки Мадера. Они очень воинственные и крепкие. В 1683 году они напали на португальцев и вынудили их прекратить судоходство по

реке. Они разделены на разные племена. Самыми многочисленными являются анкамаре, которые обитают на берегах реки Кайари.

Анкас, народ индейцев в Перу, которые 6 января 1725 года были разгромлены и уничтожены руинами горы, образовавшейся в результате землетрясения. По этому случаю погибло пятнадцать тысяч душ.

Анс, или банда Чиппева Хэнса, живущая в Пойнт Сент-Игнас, на берегу Мичилимакинского пролива, в Мичигане. Игнас, на берегу Мичилимакинского пролива. Эта группа в 1840 году, как указано в списках аннуитетных выплат, насчитывала 193 человека, из которых 33 были мужчинами, 54 женщинами и 106 детьми. Они существуют частично за счет охоты на мелких пушных зверей, все еще обитающих в стране, и частично за счет рыбной ловли. Они мигрируют с места на место в зависимости от сезона, сажают очень мало растений и пристрастились к употреблению крепких спиртных напитков.

Анклот, остров на юго-западном побережье Флориды; также река, впадающая в залив в этой местности, которая также называется на диалекте семинолов Эст-хас-хоти.

Анкутерес, нация неверных индейцев, населяющая леса у реки Напо в Кито. Они многочисленны, свирепы, вероломны и непостоянны.

Андасты, народ, ранее населявший территорию на южных берегах озера Эри, к юго-западу от Сенекаса. Они были истреблены ирокезами.

Андайг Веос, или Воронья плоть, наследственный вождь народа чиппева, живший в конце прошлого века в древней индейской деревне Ла-Пойнт-Чегоимегон, на озере Верхнее. Он обладал качествами, которые при другом устройстве общества проявились бы в заметных актах доброжелательности. О нем рассказывается множество анекдотов, благоприятствующего характеру, которые по традиции передаются среди французских жителей этой отдаленной границы. Хотя он был воином, часто участвовавшим в экспедициях против врагов своего племени, он выступал против пролития крови белых людей, с которыми сталкивался в незащищенном состоянии, занимаясь торговлей. Он также сопротивлялся разграблению их имущества. Он обладал сильным природным чувством справедливости, сопровождавшимся моральной энергией, и в своем общении выражал возвышенные и облагораживающие чувства.

Андреас, Сан, поселение в Тексупилько, Мексика, в котором проживает 77 индейских семей; еще одно в Толуко, из 134; еще одно в Тлатотеке, из 33; еще одно в Тустле, из 1170; еще одно в Гехозинго, из 15; еще одно в Папалотеке, из 20; еще одно в Хискутеке, из 68; еще одно в Тепехуакане, из 40; все под одним и тем же посвященным именем.

Андроскоггин, главный западный исток реки Кеннебек в штате Мэн.

Ангагуа, Сантьяго-Де, поселение Вальядолида, Мексика, в котором проживают 22 индейские семьи.

Ангамокутиро, поселение того же района, что и предыдущее, в котором проживает 106 индейских семей.

Ангарес, провинция Перу, включающая шесть индейских кюре или приходов.

Анхелес, Пуэбла-де-Лос, столица провинции Тласкала в Новой Испании или Мексике, основан в 1533 году. Общее число индийских семей в пределах этой важной юрисдикции составляет 3200 человек, что при обычной оценке численности индийского населения здесь, то есть по пять душ на семью, дает в совокупности 16 000 человек. Это потомки древних ацтеков, населявших страну во время ее завоевания.

Однако это всего лишь население главного города или столицы. Во всем округе Пуэблос-де-лос-Анхелес в 1793 году проживало 508 098 душ. Из этого числа 373 752 были чистокровными индейцами, разделенными на 187 531 мужчину и 186 221 женщину. Было также 77 908 представителей смешанной расы, разделенных на 37 318 мужчин и 40 590 женщин. Но 54 980 человек были испанцами или белыми, не считая 585 светских священнослужителей, 446 монахов и 427 монахинь.

Это преобладание коренного индийского населения еще более бросается в глаза в правительстве Илакскалы, в которое, конечно же, входит вышеназванная столица. В 1793 году его население составляло 59 177 душ, из которых 42 878 были индейцами, разделенными на 21 849 мужчин и 21 029 женщин. Городом управляют касик и четыре индейских алькальда, которые представляют древних глав четырех кварталов, до сих пор называемых Тепектипак, Окотелалько, Куиахтуицтлан и Тизатлан. В силу королевского указа от 16 апреля 1585 года белые не имеют места в муниципалитете. Касик, или индийский губернатор, пользуется почестями *alferez real*. Несмотря на усердие испанского генерал-интенданта, развитие промышленности и процветания жителей было чрезвычайно медленным. Секрет этого, возможно, раскрывается в том факте, что четыре пятых всей собственности принадлежит основным владельцам, то есть общинам монахов, капитулам, корпорациям и больницам. Их торговля также находится в упадке из-за огромных цен на перевозки из столовых земель и нехватки вьючных животных.

Не менее интересны геология и древности этой части Мексики. Территорию Пуэблы пересекают высокие кордильеры Анауака, которые за 18-м градусом широты переходят в равнину, возвышающуюся от 1800 до 2000 метров над уровнем океана, или от 5905 до 6 561 фута. В этом районе также находится Попокатепетль, самая высокая гора в Мексике. Измерение этого вулкана Гумбольдтом показывает, что он на 600 метров (1968 футов) выше самой возвышенной вершины старого континента. Действительно, она превышена только между Панамой и Беринговым проливом, горой Святого Ильи.

Плоскогорье Пуэблы демонстрирует замечательные следы древней цивилизации. Укрепления Тласкалы стоят после великой пирамиды в Чолуле по дате их постройки. Эта пирамида, или теокалли, является самым грандиозным памятником, воздвигнутым расой. Его площади расположены в точном соответствии с астрономическими параллелями. Он построен в виде ступеней или террас, самая высокая из которых возвышается на 177 футов над равниной. Его основание составляет 1423 фута. Благодаря проходу, раскопанному в северной части несколько лет назад, было обнаружено, что он прочный и состоит из чередующихся слоев кирпича и глины. Однако до его центра добраться не удалось. Его высота превышает третью из великих египетских пирамид группы Гиза. Однако по своему основанию она превосходит все другие сооружения, найденные путешественниками на старом континенте; она почти вдвое больше великой пирамиды Хеопса. Чтобы представить себе необъятность этого сооружения, пусть путешественник представит себе площадь, в четыре раза превышающую Вандомскую

площадь, сложенную террасами из кирпича, вдвое превышающую предельную высоту дворца Лувр.

Индейцы провинции Тласкала говорят на трех языках, отличающихся друг от друга, а именно: мексиканском, тотонакском и тлапанакском. Первый характерен для жителей Пуэблы, Чолулы и Тласкаллы; второй - для жителей Сакатлана; а третий сохранился в окрестностях Тлапы. Население всего интендантства Пуэбла в 1803 году, то есть через десять лет после вышеупомянутой переписи, увеличилось до 813 300 человек на площади 2696 квадратных лиг, что дает 301 жителя на квадратную лигу. Каким бы маленьким это ни казалось, оно в четыре раза больше, чем в Швеции, и почти равно королевству Арагон.

Аниалис, варварский народ южноамериканских индейцев, в льяносах Касанаре и Мета, в новом королевстве Гренада. Они произошли от Бетойцев. Они очень многочисленны и отличаются мягким характером. Иезуиты основали среди них миссию в 1722 году.

Аннасиуа, или Аннакус, варварский народ индейцев из провинции Пуэрто-Сегуру в Бразилии. Они населяют леса и горы на западе, а также вблизи рек Гранде и Юкара. Они находятся в состоянии постоянной войны, днем и ночью. Они непримиримые враги португальцев, чьи колонии и возделанные земли они постоянно засоряют и которые они разрушили в 1687 году.

Аннемизинг - название Оттова и Чиппева в честь Лисьих островов озера Мичиган. Оно происходит от *Annemose*, молодой собаки или лисицы, *ing*, частицы, обозначающей место или локальность.

Аннемикинс, охотница племени чиппева с Ред-Ривер в Гудзоновом заливе, выжившая в конфликте с ужасным медведем. Получив ужасные раны на лице и конечностях, но не лишившись сознания, он притворился мертвым. Затем животное мягко схватило его за шею и потащило в чащу, где, как считалось, его оставили на съедение, когда того потребуют крики голода. Из этого положения он встал, сначала уложив и перевязав части своей израненной плоти, а затем поднялся, и ему удалось добраться до своего вигвама, где благодаря искусному использованию лекарственных трав его раны полностью зажили. Название означает "маленький гром", являясь составным от "Аннимики", "гром" и уменьшительной флексии в американском языке.

Аннуттелиго - гамак, на который обратили внимание во время последней войны с семинолами во Флориде. Он расположен к востоку от реки Витлакуч.

Анолайма, поселение Иокаима в Новой Гранаде, в котором проживает небольшое, но неопределенное количество индейцев.

Анталис, варварский и воинственный народ индейцев, в королевстве Чили, к западу от Кокимбо. Они доблестно противостояли продвижению инки Юпанки, вынудив его, в конце концов, прекратить свои завоевания по другую сторону реки Мауле, последней границы Перу.

Предметы старины. Смотрите статьи Грейв-Крик, Марриетта, Серклвилл и др.

Водопад Святого Антония является четвертым и самым нижним из перпендикулярных, или выдающихся, водопадов Миссисипи и, безусловно, самым большим.

Первым впадением этого ручья является Какабика, расположенная примерно в половине дня пути ниже озера Итаска; второй называется Пукагама и находится ниже притока озера Лич-Бранч. Третий находится ниже реки Элк, и по нему можно проехать на лодках и каноэ. Сент-Энтони - самый значительный из серии, и единственный, где поток резко обрывается с горизонтальных скал. Так их назвал Хеннепин около 1680 года. Индейцы племени дакота, населяющие страну, называют их хаха. Именно в этом месте Миссисипи, которая собирает свои воды с высокогорных плоскогорий и имеет свое течение на протяжении нескольких сотен миль через разрежения, наложенные на первичный слой, впервые погружается в великую вторичную формацию. На протяжении более тысячи миль, по пути на юг, это образование делает его берега внушительными и обрывистыми. У Гранд-Тауэра и примыкающего к нему обрыва на берегу Миссури или поблизости от него это образование прекращается, и река впадает в большую дельту, которая все еще ограничивает ее на таком же расстоянии, прежде чем расширяться своими разветвлениями и окончательно впасть в Мексиканский залив у Бализе.

Антонио, Сан. Следующие статистические факты указывают на индейское население различных поселений, носящих это название, на территории бывшего правительства Новой Испании, ныне Мексики. В пределах Толимана - 32 семьи; в Тамполомоне - 128; в Толуке - 51; в Метепеке - 261; в Коронанго - 44; в Уэуэтлане - 140; в Чапале - 27.

Апакахунд, или Белоглазый, известный вождь штата Делавэр эпохи американской революции, который часто упоминается в документах the times.

Арасес, Сан-Хуан-Баутиста-де, поселение Зелага в провинции и епископстве Мехоакан, в котором проживают 135 индейских семей. В другом поселении с таким же названием, с посвященным названием Санта-Мария, в округе Цитагуаро, проживает 24 семьи.

Апачи, нация индейцев, расположенная между Рио-дель-Норте и истоками нуасес, численность которых, по сообщениям 1817 года, составляла 3500 человек. В официальном отчете, представленном Конгрессу в 1837 году, их численность "в пределах досягаемости западной границы" неопределенно указана в 20 280 человек.

Апаллачцы - нация индейцев, которые ранее населяли крайнюю южную часть Соединенных Штатов и оставили свое имя на переднем хребте Апаллачских гор. В 1539 году Де Сото нашел их во Флориде, что в ту эпоху означало также всю территорию нынешних штатов Алабама, Миссисипи, Луизиана и других частей южной территории. Они были многочисленны, свирепы и доблестны. Они были одеты в шкуры диких зверей. Они использовали луки и стрелы, дубинки и копья. Они не отравляли свои стрелы, как это делают многие варварские народы. Они были умеренны и пили только воду. Они развязывали войны не под незначительным предлогом или из корысти, а для подавления нападений или исправления несправедливости. Они обращались со своими пленниками гуманно и так же, как с другими членами своей семьи. Они жили долго, некоторые достигали ста лет. Они поклонялись солнцу, которому пели гимны утром и вечером. Эти факты следует почерпнуть из повествования. Какова была их численность, как далеко они распространили свою юрисдикцию, какова была их принадлежность по языку, обычаям и институтам к другим племенам, точно определить невозможно. Многие из того, что говорится об их гражданском и военном устройстве, зданиях, церемониях и других чертах характера, применимо к флоридским индейцам в целом и может быть отвергнуто либо как расплывчатое, либо как нехарактерное для апаллачей. Том в quarto был опубликован в Лондоне в 1666 году Джоном Дэвисом под названием "История карибских индейцев", в котором он прослеживает

карибов из северных групп Вест-Индии до апаллачей и рассказывает о многих происшествиях, а также о серии удивительных войн и сражений, достигающих по своим последствиям долины Миссисипи вплоть до великих озер, которые выглядят как сказки. Невозможно сказать, насколько этот рассказ, в котором говорится о "крупном скоте" и "стадах", может быть основан на древних традициях. Есть некоторые свидетельства такой древней цивилизации в долине Огайо и других частях страны, но они не связаны ни с какими индейскими традициями, которые сохранились, если только мы не рассматриваем курганы и остатки древних фортов как монументальные свидетельства этих предполагаемых войн. Можно полагать, что отчеты ленапи об этих древних войнах с таллагани, или аллегани, относятся к этому древнему народу, который, если эта гипотеза верна, распространил свои владения на средние и северные широты нынешней территории Соединенных Штатов до появления рас алгонкинов и ирокезов. Мистер Ирвинг предложил название апаллахия, или Аллегания, производное от племени, для этого раздела континента.

ЯЗЫК.

ЛЕКЦИИ По ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ИНДИЙСКОГО ЯЗЫКА.

Курс лекций, частью которого являются следующие, был прочитан комитету Святой Марии Алгического общества. Опубликованы только две из них. Они здесь являются продолжением статьи "Языки индейцев" на странице 202 "Повествования об открытии фактического истока Миссисипи в озере Итаска", опубликованного издательством "Харперс" в 1834 году. Семья языков, выбранная в качестве темы исследования, - алгонкинская. Все используемые примеры взяты из того особого типа ит, который в наших контактах с ними называется Чиппева, но который они сами единообразно произносят как Од-джиб-ва. Эти термины используются как идеальные синонимы. Фраза "оджибва-алгонкин", где бы она ни встречалась, предназначена для того, чтобы связать в сознании вопрошающего вид и род (если мы можем позаимствовать термин из естественной истории) языка, но не несет в себе и не предназначена для передачи какой-либо дополнительной идеи. Эти три термина относятся к одному и тому же народу.

ЛЕКЦИЯ III.

Наблюдения над прилагательным—Его разделение на два класса, обозначаемых наличием или отсутствием жизнеспособности—Примеры одушевленных и неодушевленных существительных—Способ их превращения в существительные—Как местоимения применяются к этим производным и способ образования сложных терминов из основ прилагательных для описания различных природных явлений—Применение этих принципов в обычном разговоре и при описании естественных и искусственных объектов—Прилагательные всегда сохраняют различие числа—Числительные—Арифметические возможности языка—Единица существует в двух экземплярах.

1. Было отмечено, что разделение слов на одушевленные и неодушевленные является принципом, тесно переплетенным со структурой языка. Фактически, оно так глубоко

запечатлено в его грамматических формах и так постоянно повторяется, что его можно рассматривать не только как формирующую поразительную особенность языка, но и как составляющий фундаментальный принцип его структуры, из которого все другие правила выводят свои пределы и которому они должны соответствовать. Ни один класс слов, по-видимому, не избежал его воздействия. Какие бы согласования ни устанавливали другие законы, все они согласуются и служат установлению этого.

Может показаться, что различие в прилагательном бесполезно, когда субстантивировано таким образом; но следует помнить, что различие отмечается только во множественном числе субстантивированного. И вскоре у нас будет возможность показать, что избыточность форм в значительной степени устраняется на практике.

Чтобы понять происхождение самого принципа, нам нужно обратиться только к природе, которая наделяет одушевленные тела одушевленными свойствами, и наоборот. Но именно племена, говорящие на этом языке, изобрели один набор прилагательных-символов для выражения идей, особенно подходящих для первого, и другой набор, применимый исключительно ко второму; и придали словам "хороший" и "плохой", "черный" и "белый", "большой" и "маленький", "красивый" и "уродливый" такие модификации, которые практически пригодны для обозначения общей природы объектов, о которых идет речь, независимо от того, наделены они жизненным принципом или лишены его. И не только так, но и посредством образного использования этих форм возвысить неодушевленные массы до класса живых существ или лишить последние свойств жизни — принцип, имеющий большое значение для их публичных носителей.

Это различие показано в следующих примерах, в которых будет замечено, что флексия *иззи* обычно обозначает личное, а *аи*, *ип* или *вуд*- безличные формы.

Прил.: Неодушевленный			Прил.: Одушевленный.	
Плохой	Моно	уд	Моно	Иззи.
Уродливый	Гушконавг	вуд	Гушконавг	ооззи.
Красивые	Bishegaindaug	вуд	Bishegaindaug	ооззи.
Сильный	Söng	ООН	Söng	Иззи.
Мягкий	Nök	ООН	Nök	Иззи.
Жесткий	Mushkow	АУ	Mushkow	Иззи.
Гладкая	Shoiskw	АУ	Shoisk	ооззи.
Черный	Муккуддау	ау	Муккуддау	иззи.
Белый	Вобишк	аи	Вобишк	иззи.
Желтый	Озахв	ау	Озахв	иззи.
Красный	Мискв	о	Мискв	иззи.
Блю	Ожахваш	с	вкусом	иззи.
Кислый	Шью	без	Шью	иззи.
Сладкий	Вишкоб	у	Вишкоб	Иззи.

Лайт Наунг у Наунг Иззи.

Однако не во всех случаях эти различия выражаются простыми модификациями прилагательного. В некоторых редких случаях используются слова, совершенно разные по звучанию и, очевидно, происходящие от радикально разных корней, как в следующих примерах:

	Прил.: Неодушевленный.	Прил.: Одушевленный.
Хороший	Онишешин	Минно.
Плохой	Монаудуд	Маджи.
Большой	Митшау	Миндиддо.
Маленький	Панджи	Уггауши.
Старый	Гикау	Гитицци.

Относительно этих форм можно заметить, что, хотя безличная воля в некоторых случаях принимает личные интонации, это правило не соблюдается, и minno, и mindiddo, и gitizzi, и все слова, расположенные подобным образом, остаются неизменно одушевленными. Слово пунги ограничено выражением количества, а соответствующее ему уггауши - размером или качеством. Кишеда (горячая) ограничивается теплом огня; кизхаута - солнечным теплом. Существует еще третий термин для обозначения естественного тепла тела, *Киззизу*. Митшау (большой) обычно применяется к странам, озерам, рекам и т. Д. Миндиддо - к телу, а гитши - без разбора. Онишишин и его корреспондент онишишша означают "красивый" или "справедливый", а также "хороший". Квонаудж а. а. и квонаудж эвун а. и. означают, строго говоря, красивый и ничего больше не подразумевают. Минно - подходящая личная форма для хорошего. Маджи и монаудуд могут взаимно менять пол, первый путем добавления i-e-e, а второй путем изменения ud на izzi.

Различия такого рода имеют значительное значение с практической точки зрения, и индийцы со скрупулезной точностью отмечают их соблюдение или пренебрежение ими. Отсутствие неодушевленных форм в таких словах, как "счастливый", "печальный", "храбрый", "больной" и т. Д., Не создает путаницы, поскольку неодушевленные существительные, строго говоря, не могут приобретать сами по себе такие качества, и когда они это делают — как это иногда происходит с помощью одной из тех экстравагантных фигур речи, которые используются в их рассказах о превращениях, - одушевленные формы отвечают всем целям. Ибо в этих сказках все материальное творение может быть одушевлено. Правило, демонстрируемое на практике, с достаточной точностью ограничено границами, предписанными природой.

Чтобы избежать повторения форм, если бы существительное и прилагательное употреблялись в их обычном соотношении, последнее было бы наделено местоименной или субстантивной флексией. И употребление существительного в его отдельной форме, таким образом, полностью исключается. Таким образом, онишишин, он же. i. и онишишша, он же. а. становятся Ванишишингом, тем, что хорошо, или справедливым, и Ванишишидом, тем, кто хорош, или справедлив. Следующие примеры продемонстрируют это правило в каждой из его форм.

Составное или Одушевленное Существительное-прилагательное.

Черный	Муккуддау	иззи	Макуддау	иззид.
Белый	Вобишк	иззи	Вобишк	иззид.
Желтый	Озахв	иззи	Вазаув	иззид.
Красный	Мискв	иззи	Машк	ил.
Сильный	Сон	иззи	Сон	иззид.

Существительное-прилагательное Неодушевленное.

Черный	Муккуддау	аи	Муккуддау	август.
Белый	Вобишк	аи	Вобишк	август.
Желтый	Озахв	аи	Wäzhauw	август.
Красный	Мишень	аи	Мишень	августа.

Следует признать, что одушевленные формы в этих примерах демонстрируют дальнейшее расширение правила, упомянутого в предыдущей главе, согласно которому существительные образуются от указательного глагола путем перестановки гласных. И эти формы также передаются во множественном числе упомянутым там способом. Они также претерпевают изменения для обозначения различных лиц. Таким образом, онисиша отказывается обозначать человека.

Ванишиш-эйаун	Я (есмы) добрый или справедливый.
Ванишиш-эйун	Ты (добр) или справедлив.
Ванишиш - ид	Он (хорош) или справедлив.
Венишиш-эйанг	Мы (добры) или справедливы (напр.)
Венишиш-эйунг	Мы (добры) или справедливы (напр.)
Венишиш-эйяг	Вы (добры) или справедливы.
Венишиш-идигдж	Они (хороши) или справедливы.

Неодушевленные формы, не имеющие лица, просто переводятся во множественное число с помощью *in*, изменяя *maiskwaug* на *maiskwaug-in* и т. д., и т. п. Словесное значение, которое принимают эти формы, как указано в словах *am*, *art*, *is*, *are*, следует искать в перестановочном изменении первого слога. Таким образом, *o* заменяется на *wä*, *muk* на *mäk*, *waub* на *wu-aub*, *ozau* на *wazau*, *misk* на *maisk* и т. Д. Местоимение, как обычно в двусоставных словосочетаниях, полностью образовано флексиями *euau*, *euun* и т. Д.

Сильная тенденция прилагательного принимать личную или местоименно-субстантивную форму приводит к употреблению многих слов в особом или исключительном значении. И при любых будущих практических попытках овладеть языком будет обнаружено, что его усвоение значительно облегчается, если прилагательные распределены по отдельным классам, разделенным этим характерным принципом их применения. Приведенные нами примеры - это в основном те, которые можно считать строго одушевленными или неодушевленными,

допускающими двойные формы и имеющими общее применение. Многие примеры, записанные в оригинальных рукописях, использованных в этих лекциях, носят более конкретный характер и, в то же время, имеют более ограниченное применение. Таким образом, шаугвеве - слабый человек, нокаугумме - слабый напиток, нокаугвуд - слабый или мягкий кусок дерева. Sussägau - прекрасное средство, но может применяться только к внешнему виду: beesau - указывает на мелкозернистость. Keewushkwa - "головокружительный", а keewushkwäbee - "головокружительный от выпивки", и то и другое пишется только в третьем лице. Сенгун и сонгицци - это личные и безличные формы крепкого напитка, как указано выше. Но Мушковаугумме - это крепкий напиток. Аналогичным образом, два слова, обозначающие жесткий, как указано выше, ограничены твердыми субстанциями. Суннухгуд трудно (выносить), вайндуд - легко (исполнять). Сонгедаа - храбрый, Шаугедаа - трусливый, кежинцховицци - активный, кижекау - стремительный, онаунегоцци - живой, минваиндум-счастливый, гушкваиндум - печальный, но все эти формы ограничиваются третьим лицом указательного числа единственного числа. Пиббигвау - грубое или узловатое вещество. Пуббиггуцци - грубый человек. Кинвау - длинный или высокий (любая твердая масса.) Кайнозид - высокий человек. Тахкозид - невысокий человек. Вассаяу - это свет; вассаубиццу - свет глаза; вассхаужа - свет звезды или любого светящегося тела. Кинау - острый, кинаубикуд, острый нож или камень. Keezhaubikeday - горячий металл, горячая плита и т. Д. Keezhaugummeda - горячая вода. Aubudgeetön — полезный, - полезная вещь. Вовеуг - легкомысленный, любая вещь, легкомысленная в словах или поступках. Табушиш, по-видимому, является общим термином, обозначающим низость. Ишпимминг находится высоко в воздухе. Ишпау применяется к любому высокому креплению, например, к дому и т.д. Ишпаубикау - это высокая скала. Таушкаубикау, расколота скала.

Эти сочетания и ограничения встречаются с исследователем на каждом шагу. Это текущие фразы языка. Они представляют собой короткие, готовые и часто красивые способы выражения. Но поскольку они проливают свет как на идиому, так и на гениальность языка, я без колебаний добавлю дополнительные примеры и иллюстрации. Спросите чиппеву, как называется скала, и он ответит *авжебик*. Общий импорт aubik был объяснен. Спросите его, как называется красная скала, и он ответит *miskwaubik*, что означает белая скала, и он ответит *waubaubik*, что означает черная скала, *mukkuddäwaubik*, что означает желтая скала, *ozahwaubik*, что означает зеленая скала, *ozhahwushkwaubik*, что означает светлая скала, *wassayaubik*, что означает гладкая скала, *shoishkwaubik* и т. Д., Составные части, в которых слова красный, белый, черный, желтый и т. Д., Объединяются с aubik. Продолжайте этот запрос, и будут получены следующие формы.

Безличный.

Мискаубик-уд.	Это (есть) красная скала.
Waubaubik-ud.	Это (есть) белая скала.
Mukkuddäwaubik-ud.	Это черная скала.
Озахваубик-уд.	Это желтая скала.
Вассаяубик-уд.	Это яркая скала.
Шойскваубик-уд.	Это гладкая скала.

Личное.

Мискваубик-Иzzi.	Он (есть) красная скала.
Waubaubik-izzi.	Он (есть) белая скала.
Mukkuddäwaubik-izzi.	Он (есть) черная скала.
Ozahwaubik-izzi.	Он (есть) желтая скала.
Wassayaubik-izzi.	Он (есть) яркая скала.
	Он (есть) гладкая скала.

Добавьте *bun* к этим условиям, и они будут считаться устаревшими, —предварительно исправьте *tah* к ним, и будет указан их будущий вид. Слово "is" в переводах, хотя и выделено скобками, не считается полностью случайным. Строго говоря, представление о существовании этим соединениям дает частица *ai* в *aubis*, которая, по-видимому, косвенно является производной от этого великого и фундаментального корня языка *iau*. *Bik*, по-видимому, является основой выражения, обозначающего "камень".

Продолжите этот метод исследования и распространите его на другие прилагательные или примените те же прилагательные к другим объектам, и будут получены результаты, столь же регулярные и многочисленные. Нам скажут, что Миннис - это остров: мискоминнис - красный остров; муккаддаминнис - черный остров; вобеминнис - белый остров и т. Д. *Annokwut* - облако; *miskwaunakwut* - красное облако; *mukkuddawukwut* - черное облако; *waubahnokwut* - белое облако; *ozahwushkwahnokwut* - голубое облако и т.д. *Neebe* - это специфический термин, обозначающий воду; но обычно не используется в сочетании с прилагательным. Слово *гума*, как и *обо*, по-видимому, является общим термином для обозначения воды или пригодных для питья жидкостей. Отсюда следующие термины:—

Отлично,	Отлично.	Гитшигума,	Великая вода.
Нокун,	Слабый.	Нокаугума,	Слабый напиток.
Мушковау,	Сильный.	Мушковагума,	Крепкий напиток.
Вишкобун,	Сладкий.	Вишкобагума,	Сладкий напиток.
Шивун,	Кислый.	Шивугума,	Кислый напиток.
Уизугун,	Горький.	Везугаугума,	горький напиток.
Минно,	Хороший.	Минвагума,	Хороший напиток.
Монудю	Плохой.	Махнаугума,	Плохой напиток.
Мисквау,	Красное.	Мискваугума,	Красный напиток.
Озахвау,	Желтый.	Озахваугума,	Желтый напиток.
Уинун,	Грязный.	Венаугума,	Грязная вода.
Пенуд,	Чистая.	Пенаугума,	Чистая вода.

От *minno* и *monaudud*, хороших и плохих, произошли следующие термины. Миннопогвуд, он вкусный; миннопогооззи, он вкусный. Можжепогвуд, он невкусный; можжепогооззи, он невкусный. Минномаугвуд, вкусно пахнет; минномаугуцци, от него вкусно пахнет; маггемаугавуд,

плохо пахнет; мавемаугуцци, от него плохо пахнет. Используемые здесь интонации гвуд и иззи, как и в других сочетаниях, явно указывают на слова *оно* и *него*.

Баймва - звук. Баймвава - проходящий звук. Минвава - приятный звук. Маунвава - неприятный звук. Мудвайаушкау, звук волн, набегающих на берег. Мудвайауннемуд, звук ветра. Мудвай ау куоскау, звук падающих деревьев. Мудвакумигишин, звук падения человека на землю. Мудвайсин, звук падения любой неодушевленной массы на землю. Эти примеры можно продолжать до бесконечности. Каждое изменение обстоятельств — почти каждая особенность мышления - объясняется тем или иным изменением орфографии. Приведено достаточно, чтобы доказать, что прилагательное сочетается с существительным, глаголом и местоимением, что полученные таким образом комбинации многочисленны, обеспечивают концентрированные способы передачи идей и часто удачные способы выражения. Какими бы многочисленными и распространенными ни были эти формы, они, однако, не препятствуют использованию прилагательных в их простых формах. Использование того или другого, как правило, зависит от выбора говорящего. В большинстве случаев выбор определяется краткостью или благозвучием. Использование является результатом применения этих принципов. Могут существовать правила, основанные на более широкой основе, но если это так, они не кажутся очень очевидными. Возможно, простые прилагательные чаще всего употребляются перед глаголами и существительными в первом и втором лицах единственного числа.

Нинги минно нибау-набун,

Нинги минно узин,

Нинги минно пиммусси,

Кэгэт минно джигигуд,

Квунаудж нингодахс,

Ке минно яу нух?

Аунсенде айн деюн?

Кизхамонедо упадушшавайненик,

Аупадуш Шаваиндаугооззеюн,

Аупадуш нау кинваинж пиммаудиззиюн,

Онауэгуззин,

Не миувайндум ваубумаун,

Квано Джей Квивизэйнс,

Кагат Сенгидая,

Кагат онишишша,

Гитши кинези,

Уггауцау бевицци,

Гитши сассайгау,

Бишегаиндаугоозивуг мегвунуг,

Ке даукуззинух?

я хорошо выспался.

я хорошо поел.

я прошел хорошую прогулку или приличное расстояние.

Это (очень) приятный день.

у меня есть красивая одежда.

Ты в порядке?

Что тебя беспокоит?

Да благословит тебя Господь.

Удачи тебе.

Желаю тебе долгих лет жизни.

Будь (ты) весел.

я (рад) тебя видеть.

Симпатичный мальчик.

Он (есть) храбрый человек.

Она (красива).

Он (очень) высокий.

Она (такая) стройная.

Он (прекрасно) одет.

Это (прекрасные) перья.

Ты болен?

Монаудуд маундун маскики,
Монаудуд айндауон,
Айндауяун митшау,
Не миттигваб онишишша,
Не биквукон монаудудон,
Не минвейндаун аппаукуззегун,
Kauweekau neezhikay ussämau ne
sugguswaupausee,
Монадуд майшковаугумиг,
Кигги боджигонавн,
Гитши Монеда неби оги ожетон,
Ининевуг душ вин ишкадаваубо огео
ожетонахваун.

Это (плохое) лекарство.
Мое жилище (плохое).
у меня большое жилище.
Мой поклон (хорош).
Но мои стрелы (плохи).
я люблю мягкий или смешанный табак.
Но я никогда не курю чистый табак.

Крепкие напитки (это) вредно.
Это делает нас глупыми.
Великий Дух сотворил воду.
Но виски, произведенный человеком.

Эти выражения приводятся беспорядочно, включая глаголы и существительные в том виде, в каком они представлены; и без каких—либо усилий поддержать мнение — которое может быть, а может и нет, - что элементарные формы прилагательных чаще всего требуются перед глаголами и существительными в первом и втором лицах. Английское выражение переведено на индийский язык самым естественным образом, и, конечно, без постоянного указания прилагательного вместо прилагательного или существительного вместо существительного. Таким образом, Бог переводится не как "Монеда", а как "Гига Монеда", *Милосердный Дух*. "Удача" передается составным словосочетанием "Shäwaindaugoozzeeyun", указывающим в самом общем смысле *навлияние доброты или доброжелательности на успех в жизни*. "Söngedää" - одинокий, *храбрый человек*; а слово "Кагат" с приставкой является наречием. В выражении "слабый табак" прилагательное в индийском языке полностью отсутствует, смысл его в достаточной степени передается составным существительным "аппаукуззегун", которое всегда означает индийскую травку или курительную смесь. "Уссамау", напротив, без прилагательного означает "чистый табак". "Биквакон" означает стрелы с тупым или бугристым наконечником. Ассоваун - это зазубренная стрела. Квонаудж квивизайнс означает не просто "симпатичный мальчик", но *pretty little boy*; и нет другого способа употребления слова boу, кроме как в этой уменьшительной форме — само слово является производным от kewewe, сочетающегося с обычным уменьшительным в *ains*. "Onaunegoozzin" включает в себя местоимение, глагол и прилагательное, *будь весел*. В последней фразе примеров "человек" в переводе переводится как "мен" (inineeewug), поскольку термин "человек" не может использоваться в общем значении множественного числа, которое он передает в этой связи в оригинале. Слово "виски" переводится составным словосочетанием ishködawaubo, буквально *слабоалкогольный напиток*, обозначающий все виды крепких спиртных напитков.

Эти отклонения от буквального термина передадут некоторые представления о различии двух идиом, хотя, исходя из ограниченного характера и объекта примеров, они не укажут на полную степень этого различия. При передаче чего-либо подобного духу оригинала должны

проявляться гораздо большие отклонения в письменных формах. И на самом деле, не только структура языка, но и способ *и порядок мышления* индийцев настолько существенно различаются, что любые попытки сохранить английскую идиому — передавать букву за буквой и слово в слово, - должны пойти слишком далеко, чтобы сделать перевод чистой бессмыслицей.

2. Каким бы разнообразным ни было прилагательное, в своих изменениях оно не имеет сравнительной флексии. Чиппева не может сказать, что одно вещество горячее или холоднее другого; или о двух или более неодинаково нагретых веществах, что то или иное является самым горячим или самым холодным, не используя наречий или вспомогательных прилагательных. И, соответственно, степени сравнения выражаются наречиями и вспомогательными прилагательными.

Pimmaudizziwin - это очень общее содержательное выражение, обозначающее *суть бытия или жизни*. Izzhewäbizziwīn - термин, близкий к нему, но более уместно применяемый к *поступкам, поведению, манере поведения или личному поведению в жизни*. Отсюда и выражения:

Нин биммаудиззивин,	смысл моей жизни.
Ки биммаудиззивин,	Твой жизненный уклад.
О Пиммаудицивин,	Его образе жизни и т. Д.
Нин дизекевабицивин,	Мое личное поведение.
Ке дижевабицивин,	Твое личное поведение.
Об Изжевабицивине,	Его личном поведении и т.д.

Для формирования положительной степени сравнения для этих терминов minno, хороший, и tudjee, плохой, вводятся между местоимением и глаголом, что приводит к некоторым перестановкам гласных и согласных, которые влияют только на звучание. Таким образом:—

Не минно пиммаудиззивин,	Мой хороший наставник по жизни.
Ке минно пиммаудицивин,	Твой хороший жизненный уклад.
Минно пиммаудицивин,	Его жизненный уклад.
Не маджи пиммаудиззивин,	Мой плохой образ жизни.
Ки маджи пиммаудиззивин,	Твой плохой образ жизни.
Маджи пиммаудиззивин,	Его плохой образ жизни.

Чтобы поставить эти формы в сравнительную степень, pahwudj, больше, ставится приставкой к прилагательному; а превосходная степень обозначается mahmowee, наречием или прилагательным, поскольку оно применяется по-разному, но значение которого, в этой связи, является наиболее важным. Таким образом, степени сравнения могут быть установлены следующим образом:—

Положительный,	Кишеда,	Горячий, (только с жаром костра.)
Компот.	Нахвудж Кишеда,	Более горячий.

<i>Супер.</i>	Махмови Кишеда,	Самый горячий.
Твой образ жизни хорош,		Ке диззихевабиццивин онишишин.
Твой образ жизни стал лучше,		Ке дизжевабиццивин нахвудж онишишин.
Твой образ жизни самый лучший,		Ке дизжевабиццивин махмови онишишин.
Его образ жизни самый лучший,		Одизжевабиццивин махмови онишишинин.
Маленькая Черепашка была храброй,		Миккеноконс сенгедяэбун.
Текумсе был храбрее,		Текумсе нахвидж сенгедябун.
Понтиак был самым храбрым,		Понтиак махмови сенгедябун.

3. Прилагательное принимает отрицательную форму, когда ему предшествует наречие. Таким образом, фраза söngedää, "он храбрый", заменена на "Kahween söngedää", *видите*, он не храбрый.

<i>Положительно.</i>	<i>Отрицательно.</i>
Небуока,	Кахуин небуока - видишь,
Он мудр.	Он не мудр.
Квонауджеве,	Кауин квонауджеве - видишь,
Она красива.	Она некрасива.
Оскинеги,	Кауин оскинеги-видишь,
Он молод.	Он не молод.
Шаугви,	Кахуин Шаугви-зее,
Он слаб.	Он не слаб.
Гиккау,	Кахуин Гиккау-зее
Он старый.	Он не старый.
Мушковицци,	Кауин Мушковицци-см.
Он силен.	Он не силен.

Из этого правила несклоняемые прилагательные, под которыми подразумеваются те прилагательные, которые не образуют личных и безличных форм с помощью флексии, но состоят из радикально отличающихся корней, образуют исключения.

Ты заболел?	Ке дахкооззи неа?
Ты не болен!	Кахуин ке дахкооззи-смотри!
Я счастлив.	Не минвейндум.
Я несчастлив.	Kahween ne minwuinduz-see.
У него плохой образ жизни.	Маджи изжевабицци.
Его образ жизни неплох.	Кахуин маджи а изжевабицци - см..
Он большой.	Митшау муггуд.
Он небольшой.	Kahween mitshau-seenön.

В этих примерах склоняемые прилагательные передаются с отрицанием в см.. Несклоняемые, остаются простыми дополнениями к глаголам, а *последние* облакаются в отрицательную форму.

4. В намеках и замечаниях, которые сейчас были предоставлены относительно прилагательного чиппева, было показано, что его силы и флексии идут параллельно с силами и флексиями субстантива, в его разделении на одушевленные и неодушевленные, в наличии местоименных флексий, в использовании флексии для обозначения времени - (тема, которая, кстати, была очень бегло обойдена) и в многочисленных модификациях для образования составных частей. Было также указано, что этот параллелизм справедлив в отношении числа — предмета, глубоко интересного самого по себе, поскольку аналогия ему есть только в древних языках, и поэтому было сочтено лучшим отложить приведение примеров до тех пор, пока их можно будет представить, не отвлекая внимания от других обсуждаемых вопросов.

Минно и маджи, хорошие и плохие, относящиеся к ограниченному числу личных прилагательных, которые современное употребление позволяет применять, хотя часто и неправильно, к неодушевленным предметам, они, как и несколько других прилагательных, составляют исключения из употребления числа. Говорим ли мы "хороший человек" или "плохой человек", "хорошие люди" или "плохие люди", слова "минно" и "маджи" остаются неизменными. Но все склоняемые и сливающиеся прилагательные — прилагательные, которые присоединяются и как *бысливаются* с существительным, принимают обычные формы множественного числа и подчиняются тем же правилам в отношении их употребления, что и именительные, личные прилагательные, требующие личного множественного числа, и т. Д.

Прилагательные одушевленные.

Единственное число.

Онишев мишемин,	Хорошее яблоко.
Квонауджеве эква,	Красивая женщина.
Сонгедаа инине,	Храбрый человек.
Бишегаиндаугооззи пенази,	Красивая птица.
Озавиззи ахмо,	Желтая пчела.

Множественное число.

Онишишеве-вуг мишемин-уг,	Хорошие яблоки.
Квонауджевэ-вуг эква-вуг,	Красивые женщины.
Сонгедаа-вуг инине-вуг,	Храбрые люди.
Бишегаиндаугооззи-вуг пенази-вуг,	Красивые птицы.
Озавицци-вуг ахм-ог,	Желтые пчелы.

Прилагательные неодушевленные.

Единственное число.

Онишишин миттиг,	Доброе дерево.
Квонаудж Тшемон,	Красивое каноэ.
Монаудуд ишкода,	Сильный пожар.
Вишкобун айдетаг,	Сладкий фрукт.

Множественное число.

Онишишин-он миттиг-он,	Хорошие деревья.
Квонауджеву-он шемаун-ун,	Красивые каноэ.
Монаудуд-он ишкодан,	Сильные пожары.
Вишкобун-он айдетаг-ин,	Сладкие фрукты.

Предполагается, что существуют особые обстоятельства, делающие использование прилагательного в данной связи с существительным необходимым и уместным. Но в обычных случаях, при описании событий, существительное предшествовало прилагательному, и часто, особенно там, где требовался второй намек на ранее названные объекты, использовались составные выражения. Таким образом, вместо того, чтобы говорить "желтая пчела", вайзахвизид отчетливо передал бы идею этого насекомого, *если бы вид был назван ранее*. При аналогичных обстоятельствах кайнваукузид, агаушейд зонгаунемуд, мушковаунемуд соответственно означали бы высокое дерево, маленькую муху, сильный ветер, шквальный порывистый ветер. И эти термины стали бы множественным числом в *jig*, который, как упоминалось ранее, является простой модификацией *ig*, одной из пяти основных одушевленных флексий множественного числа в языке.

Kägat wahwinaudj abbepojeeug - это выражение, указывающее на то, что *они очень красивые дети*. Bubbeeweezheewug monetösug, обозначает *мелких насекомых*. Минно Нивугицци с хорошим характером, у него хороший характер. Мавшининевугицци, у них плохой характер, у обоих множественное число *wiug*. Нин нунинахвайндум, я одинок. Нин нунинахвайндамин, мы (исключая тебя) одиноки. Wawee - это термин, обычно используемый для выражения значения прилагательного *круглый*. Kwu - это кожа головы. (*Снимаю с него скальп.*) Отсюда Weewukwon, шляпа; Wayweewukwonid, носящий шляпу; и его множественное число Wayeewukwonidjig, носящие шляпы — обычный термин, применяемый к европейцам или белым мужчинам в целом. Эти примеры доказывают, что при любой форме, в которой можно проследить прилагательное, будь то в его простейшем или наиболее сложном состоянии, оно может быть числительным.

Числительные языка преобразуются в наречия с помощью флексии *ing*, образующей *один, один раз* и т. д. Устройство существует в двух экземплярах.

Пажик, Один, общая единица } Приветствие, Один раз.

Удар, Один, числовая единица

Ниш, Два.	Нишинг, Дважды.
Нисви - Три.	Ниссинг - трижды.
Нивин - четыре.	Повторение, четырежды.
Наунун, Пять.	Наунинг, Пять раз.
Нгодвасва, Шесть.	Нгодваутшинг, Шесть раз.
Нишваусва, Семь.	Нишваутшинг, Семикратный.
Шваусве, Восемь.	Шваутшинг, восьмикратный.
Шонгуссве, Девять.	Шонгутшинг, Девять раз.
Знакомьтесь, Десять.	Знакомьтесь, Десять раз.

Эти перегибы можно переносить настолько высоко, насколько они позволяют вычислять числа. Они рассчитываются десятичными дробями. Дойдя до десяти, они повторяют: десять и один, десять и два и т. Д., До двадцати. Двадцать - это составное число, обозначающее две десятки, тридцать, три десятки и т. Д., Способ, который доводится до ста, *нгодвак*. Затем *Wak* становится словом обозначения, объединяясь с названиями цифр, пока они не достигнут тысячи, *meetauswauk*, буквально, *десяти сотен*. Здесь вводится новый составной член, созданный добавлением префикса двадцать к последнему обозначению, нештоннах душвак, который удваивает последний член, тридцать утраивает его, сорок учетверяет и т.д., пока вычисление не достигнет десяти тысяч, *нгодвак душинг нгодвак, сто умножить на сто*. Это вероятный объем всех определенных вычислений. Термин *Гитшее*, (великий,) с префиксом к последнему наименованию, оставляет число неопределенным.

Нет формы цифр, соответствующих второму, третьему, четвертому и т. Д. Они могут только сказать, что *ниттум* первый, а *ишкваудж*- последний.

ЛЕКЦИЯ IV.

Природа и принципы местоимения—Его разделение на преформативный и субформативный классы—Личные местоимения—Различие инклюзивной и исключительной формы в числе первого лица множественного числа—Модификации личных местоимений для обозначения существования, индивидуальности, владения, сопричастности, положения и других случайностей—Склонение местоимений в соответствии с назначением вспомогательных глаголов—Субформативы, как они используются, для обозначения лиц—Рассматриваемые относительные местоимения—Их применение к каузативным глаголам—Указательные местоимения—их разделение на два класса, одушевленные и неодушевленные—Пример их использование.

Местоимения похоронены, если можно так выразиться, в структуре глагола. Проследивая их до их примитивных форм, через почти бесконечное разнообразие модификаций, которые они допускают в связи с глаголом, существительным и прилагательным, будет легче проанализировать, сгруппировав их в преформативные и субформативные, которые включают местоименные префиксы и суффиксы и которые допускают дальнейшее различие отделимого и неразделимого. Под отделяемыми подразумеваются те формы, которые имеют значение сами по себе и, таким образом, отличаются от флективных и субформативных местоимений, а также местоименных частиц, значимых только в связи с другим словом.

1. К первому классу относятся личные местоимения *Neen* (я), *Keen* (ты) и *Ween* или *O* (он или она). Они склоняются к образованию лиц множественного числа следующим образом:

Я,	Нин.	Мы	Остро чувствуем (ин.),
		Мы	Не обращаем внимания (напр.) на
Тебя,	Острый.	Ты	Увлечен овау.
Он или Она,	Уин или О.	Они	говорят "оуау".

Здесь лица множественного числа образованы числовой флексией единственного числа. Двойное множественное число от первого лица, правило и примеры которого были случайно приведены в замечаниях о существительном, является одной из тех особенностей языка, которые, возможно, помогут при сравнении его с другими диалектами, родственными и иностранными. Как простое условное соглашение, обозначающее, будет ли лицо, к которому обращаются, включено или исключено, это может рассматриваться как преимущество языка. Это позволяет говорящему путем изменения одной согласной произвести полное и четкое различие и освобождает повествование от сомнений и двусмысленности, где в противном случае сомнения и двусмысленность часто существовали бы. С другой стороны, накапливая различия, он загружает память грамматическими формами и открывает дверь для непристойностей в речи. Мы не знаем о каких-либо неудобствах в использовании общего множественного числа. Но в индийском языке это вызвало бы путаницу. И, возможно, именно в том осторожном стремлении к личностному различию, которое так очевидно в структуре языка, нам следует искать причину повторяющихся форм этого слова. Однако, как только это различие установлено, так и необходимость постоянного и строгого внимания к нему становятся очень очевидными и поразительными. Как он должен обращаться к Божеству? Если он говорит: "*Отче наш, суций на небесах*", то инклюзивная форма "наш" делает Всемогущего одним из просителей или членов семьи. Если он использует исключительную форму, это изгоняет его из семьи и может обнять любое живое существо, кроме Божества. Тем не менее, ни одна из этих форм не может быть хорошо использована в молитве, поскольку они не могут быть применены непосредственно объекту обращения. Только когда мы говорим о Божестве под именем отца с другими людьми, могут использоваться инклюзивные и исключительные формы слова "наш". Дилемму можно устранить, используя составную описательную фразу —*Ва о се миг о юн*, означающую—*Ты, КТО ЕСТЬ ОТЕЦ ВСЕГО*. Или всеобщий отец.

Однако на практике этот вопрос решается теми людьми, которые приняли христианство. Им казалось, что использование любого из вышеперечисленных терминов придаст Божеству слишком отдаленное отношение к ним, и я заметил, что в молитве они неизменно обращаются к Нему с помощью термина, используемого детьми для обозначения отца семейства, то есть Носа, моего отца.

Другие личные местоимения претерпевают некоторые специфические изменения, когда используются в качестве преформативов перед существительными и глаголами, на что важно обратить внимание. Таким образом, *нееп*, иногда переводится как *не* или *nin*, а иногда *ним*. *Кин*, переводится как *ке* или *кин*. В сложных словах используются простые знаки первого и второго местоимений, *Н* и *К*. Использование *weel* ограничено; а третье лицо единственного и множественного числа обычно обозначается знаком *О*.

Частица *suh*, добавляемая к полным формам дизъюнктивных местоимений, придает им глагольный смысл; и, по-видимому, в данном случае является правопреемством субстантивного глагола. Таким образом, *Нин*, я, становится *Нинсу*, это я. *Кин*, ты, становится *Кинсу*, это ты, а *Уин*, он или она, *Уинсу*, это он или она. Эта частица также может быть добавлена к формам множественного числа.

Сильный ветер, <i>сух</i> .	Это мы (внутри)
<i>Neenowind suh</i> .	Это мы (напр.)
Кинова, <i>сэр</i> .	Это вы или ты.

Вееново, сэр. Это они.

Если слово *айтах* заменить на *сух*, образуется набор наречных фраз.

Нин айтта.	Только я.	Нин айта винд.	Мы и др. (напр.)
		Острый ветер айта,	Мы и др. (напр.)
Острый ветер айта,	Только Ты.	Кин айта вау,	Ты и другие.
Уин айтта,	только он или она.	Уин айтта вау,	Они и др.

Аналогичным образом *ниттум* первый и *ишкваудж* последний приводят к следующему расположению местоимения:

Нин ниттум,	я первый.
Кин ниттум,	сначала ты или не ты.
Уин ниттум,	Сначала он или она.
Кин ниттум эвинд,	Мы первые, (ср.)
Нин ниттум эвинд,	Мы первые, (напр.)
Кин ниттум эвау,	Ты или ты первый.
Уин ниттум эвау,	Они первые.

ИШКВАУДЖ.

Нин ишкваудж,	Я последний,
Кин ишкваудж,	Ты последний.
Уин ишквандж,	Он или она последний.
Киновинд ишкваудж,	Мы продержимся (в.)
Neenowind ишкваудж,	Мы продержимся (напр.)
Киновау ишкваудж,	Ты или ты продержишься.
Уиновау ишкваудж,	Они долговечны.

Дизъюнктивные формы местоимения также иногда сохраняются перед глаголами и прилагательными.

НЕЖИКА. Один, (ан.)

Нин нежика,	я один.
Зоркая нежика,	Ты одна.
Маленький нежика,	Он или она один.
Киновинд неэжика,	Мы одни (в.)
Неэновинд неэжика,	Мы одни (напр.)
Киновау неэжика,	Ты или только ты.

Веенова нежика, Они одни.

Чтобы придать этим выражениям глагольную форму, необходимо добавить субстантивный глагол с его местоименными модификациями. Например, я один и т. Д., Передается таким образом:

Нин нежика ниндяу, я один, × аумин.

Кин, нежика кидьяу, Ты одинок, × аум.

Уин нежика Ияу, Он или она один и т.д., × вуг.

В присоединенных примерах существительное поток, body, заменяется глаголом посредством перестановки гласной, заменяющей ow на auiw, перед которым в последнем случае стоит буква d, когда местоимение имеет префикс.

Я мужчина, Нин нин доу.

Ты мужчина, Кин ке доу.

Он мужчина, Уин а ви.

Мы мужчины, (в.) Ке дау мы мин.

Мы мужчины, (напр.) Не такие, какими мы были раньше.

Вы мужчины, Ке доу мин.

Они мужчины, Уиновау а ви вуг.

В переводе этих выражений "человек" используется как синоним слова person. Если бы конкретный термин *inine* был введен в оригинале, передаваемый им смысл был бы, в данной конкретной связи, таким: "Я мужчина с точки зрения *мужества*" и т.д., в противоположность изнеженности. Это было бы не просто декларацией о *телесном существовании*, но о *существовании в определенном состоянии*.

В следующих фразах используются измененные формы или только знаки местоимений:

После дебайндауна, я им владею.

Ке дебайндаун, ты владеешь этим.

О дебайндаун, он или она владеет им.

Н дебайндаун-ин, Мы владеем им (напр.)

Ке дебайндаун-ин, Мы владеем им (ин.)

Ке дебайндаун-эвау. Ты владеешь этим.

О дебайндаун-эвау, они владеют этим.

Эти примеры приводятся как демонстрирующие способ употребления префиксных и преформативных местоимений, как в их полной, так и в сокращенной формах. Для обозначения владения требуются существительные, указывающие на вещи, которыми владеют; и, чего нельзя было бы ожидать, если бы полные примеры этого вида склонения не были приведены в другом месте, цели различения достигаются не простой заменой местоимения, например, я на мое, и т.д., А вспомогательной флексией *существительного*, которое, таким образом,

оказывает рефлексивное воздействие на носителя местоимения. Считается, что достаточные примеры этого правила во всех модификациях склонения были приведены в разделе "Основное". Но поскольку субстантивы, использованные для выявления этих модификаций, были исключительно *специфическими* по своему значению, возможно, здесь уместно, в качестве дополнительной иллюстрации важного принципа, представить общее субстантивное значение в их составных формах.

Я выбрал для этой цели один из примитивов. *le-au* - абстрактный термин для обозначения существующей материи. Он находится в одушевленной форме и является декларативным. Его неодушевленный аналог - *IE-EE*. Это два важных корня. И они встречаются в сочетании в очень большом количестве производных слов. Здесь будет достаточно показать их связь с местоимением при создании класса терминов, находящихся в очень общем употреблении.

Одушевленные формы.

		<i>Единственное число.</i>		<i>Множественное число.</i>	
Посс.	{	Нин дай	Моя.	Нин дье	Наш,
		аум,		ауминаун,	(напр.)
				Ке дье	Наш,
				ауминаун,	(напр.)
		Ке дье аум,	Твой.	Ке дье	Твой.
				аумевау,	
Возражаю.		О дьяом-ун,	Его или Ее.	О, дай	Их.
				аумевон,	

Неодушевленные формы.

		<i>Единственное число.</i>		<i>Множественное число.</i>	
Посс.	{	Спасибо,	Мое.	Нин дье	Наш,
				иминаун,	(напр.)
				Ке дье	Наш,
				иминаун,	(напр.)
		Ке дье им,	Твой.	Ке дье	Твой.
				имевау,	
Возражаю.	x	О дье им-	Его или Ее.	О даие	Их.
		ун,		эмевон,	<i>Собственн ость.</i>

В этих формах существительное везде стоит в единственном числе. Чтобы передать его во множественном числе, а также местоимение, необходимо сложить соответствующие общие формы множественного числа *ug* и *un* или *ig* и *in*. Но при внесении этих дополнений следует иметь в виду, "что склонение множественного числа к неодушевленным существительным (которые не имеют объективного падежа) образует объективный падеж к одушевленным существительным, у которых нет числа в третьем лице" [стр. 30]. Следовательно, частица *un*, которая является подходящим множественным числом для неодушевленных существительных в этих примерах, является лишь объективным признаком одушевленного.

Множественное число от "я" - это *naun*, множественное число от "ты" и "он", *vaу*. Но поскольку эти флексии не могли бы плавно сочетаться с притяжательными флексиями, соединительные гласные *i*. и *e*. имеют приставку, образующую множественное число от *I*, *inaun*, и от тебя, и т. Д., *ewaui*.

Если мы вычеркнем из этих склонений корень *IE*, оставив его одушевленные и неодушевленные формы *AU* и *EE* и добавив множественное число существительного, мы тогда, взяв за пример *одушевленное* склонение, получим следующую формулу местоименных склонений.

Про н. Пет ь.	Место существител ьного.	Притяжате льная флексия.	Obj. флексия. к существите льному <i>петь</i> .	Конта кты. гласн ая.	Множеств енное число. флексия. от местоиме ния.	Obj. флексивно е число множестве нного числа.	Множествен ное число существите льного
He	—	аум	—	— и —	—наун	—	—иг.
Ke	—	аум	—	—э—	—вау	-	г.
O	-	аум	ун				
O	-	аум	-	-э-	вау	-н	

Чтобы сделать эту формулу общепринятой, требуются шесть вариантов (пять в дополнение к приведенным выше) притяжательной флексии, соответствующих шести классам существительных, посредством чего *aum* можно было бы заменить на *am*, *eem*, *im*, *öm* и *oom*, в соответствии с примерами, приведенными ранее в разделе "Обработка существительного". Объективная интонация также иногда менялась на *eem*, а иногда на *oan*.

Указав таким образом способ различения лица, числа, отношения и пола — или того, что считается его техническим эквивалентом, - которым подвергаются слова мутации, не для обозначения различий *пополу*, а для обозначения наличия или отсутствия *жизнеспособности*, я теперь обращусь к перегибам, которые местоимения принимают для *времени*, или, скорее, для образования вспомогательных глаголов *have*, *had*, *shall*, *will*, *may* и т. Д. Очень любопытный и важный принцип, который ясно демонстрирует, что ни одна часть речи не избежала преобразующего гения языка. Мало того, что три великие модификации времени точно отмечены в глагольных формах чиппева, но благодаря изгибу местоимения они могут указывать на некоторые наклонные времена и, таким образом, спрягать свои глаголы с большой точностью.

Частица *джи*, добавленная к первому, второму и третьему лицам единственного числа настоящего времени, изменяет их на совершенное прошедшее время, передавая *I*, *thou*, *He*, *I did—have-или* обладал. Ты сделал,—имеешь-или имел, Он, или она сделала-имела, или обладала. Если *gah* заменить на *gee*, образуется первое будущее время, а совершенное прошедшее, добавленное к первому будущему, образует условное будущее. Поскольку глаз может оказаться вспомогательным средством в понимании незнакомых форм, представлено их следующее табличное расположение.

От первого лица, я.

Ну и дела,	у меня было.
Нин га,	я буду... сделаю это.
Ну и дела,	у меня будет...обязательно будет.

Второе лицо - Ты.

Кхе—кхе,	Ты сделал—что-то-имел.
Ке—га,	Ты должен захотеть.
Ке—ке-ке,	у тебя будет... обязательно будет.

Третье лицо, Он или Она.

О боже,	У него или нее было.
О боже,	у него или у нее это было.
О боже,	у него или у нее должно быть — будет.

Настоящее и несовершенное время потенциального наклонения образуется через *daui*, а совершенное - через *gee*, с суффиксом, как и в других примерах.

От первого лица — я.

Нин дау,	я могу и т.д.
Нин дау, ну и дела,	я могу и т.д.

От второго лица — Ты.

Ке дау,	Ты можешь—можешь и т.д.
Ке дау, ну и дела,	Ты можешь иметь—можешь иметь и т.д.

Третье Лицо, Он или Она.

О дау,	Он или она может—может и т.д.
О дау,	Он или она могут иметь—может иметь и т.д.

При спряжении глаголов через лица множественного числа сохраняются термины единственного числа для местоимения, и они переводятся во множественное число ретроспективным действием местоименных флексий глагола. Таким образом, вспомогательное местоимение-глагол имеет общее применение и устраняется необходимость в двойных формах.

Предыдущие наблюдения ограничены формирующими или *префиксными* местоимениями. Неотделимыми суффиксами или субформативами являются следующие-

Яун,	Мой.
Юнь,	Твой.
Id, или d,	Его или ее.
Яунг,	Наш. (напр.)
Яунг,	Наш. (ин.)
Яиг,	Твой.

Во, Их.

Эти местоимения используются исключительно как суффиксы, а также как суффиксы к описательным составным существительным, прилагательным и глаголам. Как правило, так и примеры были указаны в заголовке субстантива, стр. 43. и прилагательного, стр. 81. Их применение к глаголу будет показано по мере продолжения.

2. Относительные местоимения. В языке, который предусматривает разграничение лиц с помощью частиц с приставкой или суффиксом к глаголу, вряд ли можно ожидать, что должны существовать отдельные и независимые относительные местоимения, или, если таковые будут найдены, их использование как отдельных частей речи должно, как и следовало ожидать, быть весьма ограниченным — ограниченным простыми вопросительными формами выражения и неприменимым к указательным или декларативным. Будет обнаружено, что таков факт в рассматриваемом языке; и из присоединенных примеров будет видно, что во всех случаях, требующих относительного местоимения *who*, кроме простых вопросительных форм, это отношение обозначается перегибами глагола или прилагательного и т.д. Также, по-видимому, нет никакого склонения отдельного местоимения, соответствующего *чей* и *кого*.

Можно сказать, что слово Ahwaynain используется единообразно в значении *кто*, с упомянутыми нами ограничениями. Например.

Кто здесь?	Ахвейнайн э-ма ай-ауд?
Кто говорил?	Ахвайнайн кау кигдуд?
Кто тебе сказал?	Ахвейнайн кау уин думоак?
Кто ты?	Привет, яу ве юн?
Кто тебя послал?	Ahwaynain waynönik?
Кто твой отец?	Ahwaynain kös?
Кто это сделал?	Ahwaynain kau tödung?
Чья это собака?	Кстати, в чем дело?
Чья это трубка?	Ахвейнайн допваугунид ан-ес?
Чья это сторожка?	Прощай, милая женщина?
Кого ты ищешь?	Ахвейнайн наин дау вау бумуд?
Кто у тебя здесь?	Ахвейнайн, о омау ай аyo?

В этих фразах нет ни малейших различий между "кто", "чей" и "кому".

Если мы захотим изменить вопросительный падеж и сказать "тот, кто там"; "тот, кто говорил"; "тот, кто сказал вам" и т. Д., отделяемое личное местоимение weep (он) должно использоваться вместо относительного, и будут получены следующие формы.

Привет, кау унник,	Тот, (кто) послал тебя.
Уин, кау джидуд,	Тот (кто) говорил.

Уин, ай-ауд э-ма, Тот (кто) там.
Уин, кау уиндумоак, Тот (кто) рассказал тебе.
Уин, кау те зунг, Тот (кто) это сделал и т.д.

Если мы возразим, что в этих формах больше нет относительного местоимения *кто*, смысл которого прост: он послал вас, он говорил и т. Д., Нам ответят, что если это предназначено только для того, чтобы сказать: он послал вас и т. Д., А не тот, *кто* послал вас и т. Д., Используются следующие формы.

Ки джи уннениг, Он (послал) тебя.
Айнножид, Он (послал) меня.
Айнноно, Он (послал) его и т.д.
Иау-и-мау, Он там.
Ке гидо, Он (говорил).
Кегивендумауг, Он (сказал) тебе.
Клянусь думом, Он сделал это.

Мы отвечаем на этот ответ носителя языка, что частица *кау* с приставкой к глаголу обозначает прошедшее время, — что в первом ряду терминов, в котором появляется эта частица, глаголы находятся в совершенном изъявительном наклонении, — а во втором они находятся в изъявительном наклонении настоящего времени, отмечая разницу только между *отправленным* и *send, spoke и speak* и т.д. И что ни в одном из этих рядов терминов нет абсолютно никакого относительного местоимения. Далее мы замечаем, что личное местоимение *вееп*, приставленное к первому набору терминов, может быть с таким же правом приставлено ко второму набору, и что его употребление или неиспользование совершенно необязательно для говорящего, поскольку он может пожелать придать дополнительную энергию или акцент выражению. С этими позициями после размышления, обсуждения и экспертизы мы получаем согласие, и, таким образом, неопределенность устраняется.

Теперь мы хотим применить выявленный таким образом принцип к глаголам—причинителям и другим составным терминам - например, к глаголам—прилагательным - и к другим глагольным составным выражениям, в которых лица цели и именительного падежа включены как часть глагола, а не являются приставками к нему. Это может быть показано в каузативном глаголе *Осчастливливать*.

Майнваиндумейд, Тот, (кто) делает *меня* счастливой.
Майнуаиндумейк, Тот, (кто) делает *тебя* счастливой.
Мейнуаиндумэо, Тот (кто) делает *его* счастливым.
Майнваиндумейнунг, Тот, (кто) делает *нас* счастливыми. (включительно.)
Маинваиндумейяуг, Тот, (кто) делает *нас* счастливыми. (эксклюзивно.)
Майнваиндумейннаиг, Тот, (кто) делает *вас* или счастливыми.,
,Майнваиндумейгово, Тот, (кто) делает *их* счастливыми.

И, таким образом, формы могут быть продолжены для всех объективных личностей.—

Майнваиндумейун, Ты (кто) делаешь меня счастливым, и т.д.

Основой этих соединений является *minno*, добро, и *aindum*, ум. Следовательно, минвейндум, он счастлив. Прилагательное в этой связи нельзя перевести как "хороший", но его воздействие на существительное заключается в обозначении того состояния ума, которое находится в покое с самим собой. Первое изменение по сравнению с этим простым составным словосочетанием заключается в придании прилагательному глагольной формы; и это достигается путем перестановки гласных первого слога — правило очень широкого применения, — благодаря которому в данном случае фраза "он счастлив" заменяется на "он делает счастливым" (*mainwaindum*). Следующий шаг - добавить суффикс личных местоимений *id*, *ik*, *aud* и с., передавая выражения "он делает меня счастливой" и с. Но при добавлении этих приращений гласная *e* ставится между прилагательным-глаголом и суффиксом местоимения, создавая выражение не *mainwaindum-yun*, а *mainwaindumëyun*. Как правило, гласная *e* в этой ситуации является соединительной или вводится просто ради благозвучия. И те, кто утверждает, что оно здесь употреблено как личное местоимение и что относительный *кто* подразумевается под последней флексией, упускают из виду неизбежный вывод, что если отмеченное *e* обозначает *меня* в первой фразе, то оно должно обозначать *тебя* во второй, *он* в третьей, *нас* в четвертой и т. д. Что касается значения и назначения окончательных флексий *id*, *ik* и с. — что бы они ни подразумевали в расширенном смысле, обращаясь к списку *личных местоимений с суффиксами и одушевленных множественных чисел*, становится совершенно ясно, что они обозначают лиц: я, ты, он и с., мы, вы, они и с.

Возьмем, к примеру, минваиндумейгово. Он (кто) делает их счастливыми. Из этого соединения минваиндум, как было показано ранее, означает, что *он делает счастливым*. Но поскольку глагол стоит в единственном числе, это подразумевает, что только *один человек* становится счастливым, а суффиксные личные местоимения *единственного*, mark the distinctions between *me*, *thee* и он, или его. и

Minwaindum-e-ig - это глагол множественного числа, который подразумевает, что несколько сыновей становятся счастливыми, и аналогичным образом личные местоимения с суффиксом *множественного числа* обозначают различия между "мы", "вы", "они" и т. д. Ибо это правило языка, согласно которому между числом глагола и числом местоимения должно существовать строгое соответствие. Окончание глагола, следовательно, всегда указывает на то, существует ли один или несколько объектов, на которые направлена его энергия. А поскольку одушевленные глаголы могут применяться только к одушевленным объектам, понимаются числовые перегибы глагола, обозначающие количество людей. Но это число неразборчиво и оставляет смысл расплывчатым до тех пор, пока не будут добавлены местоименные суффиксы. Те, кто, следовательно, настаивают на значении относительного местоимения "кто", данного в последней упомянутой фразе и во всех фразах, образованных аналогичным образом сукцеданцем, настаивают на чем-то вроде следующей формы перевода: —Он делает их счастливыми —он! или Он — он (имеется в виду тот, кто) делает их счастливыми.

Эквивалентом чего является *Waygonain*.

Чего ты хочешь?	Вэйгонайн вау яуюн?
Что ты потерял?	Путь в кау вонетойун?
Что ты ищешь?	Вэйгонэйн наин даваубундамун?

Что это?	Вэйгонайн эвинайн маундун?
Что будете заказывать?	Вэйгонэйн кау яуюн?
Что вас задержало?	Вэйгонэйн кау ун дамэ эгойун?
Что ты готовишь?	Вэйгонэйн, вэйчжетойун?
Что у тебя там?	Вэйгонайн э-мау яуюн?

Использование этого местоимения, как и предыдущего, по-видимому, ограничено простыми вопросительными формами. Слово *aipeen*, которое иногда заменяет его или используется за неимением местоимения *which*, является наречием и имеет значительную широту значений. Чаще всего это может рассматриваться как эквивалент того, *как*, каким образом или в какое время.

Что скажешь?	Аунин акидоюн?
Как ты это называешь?	Аунин айженекаудахмун маундун? (я.)
Что тебя беспокоит?	Аунин индеюн?
Как тебя зовут?	Аунин айжеекаузоюн?
Что вы имеете в виду; это или то? (ан.)	Аунин а-ау айнуд, во-оу гэмау эвидде?
Что вы имеете в виду: это или то? (в.)	Аунин эх-эу эвайдумун о-оо гэмау эвайдде?
Какого мальчика ты имеешь в виду?	Аунин ах-оу-айнуд?

Добавляя к этому слову частицу *de*, оно преобразуется в наречие места и может переводиться *где*.

Где ты живешь?	Ауненде айндаюн?
Где ваш сын?	Ауненде ке Гвисс?
Где вы его видели?	Ауненде ке вобумуд?

[Примечание переписчика: См. [Примечание в конце текста](#) о повторном наборе текста для этого раздела текста.]

становится совершенно необходимым при написании языка. И в следующих предложениях субстантивация правильно употребляется после местоимения.

Эта собака очень худая,	Гитши букаукдузо во-оу аннемош.
Эти собаки очень худые,	Здоровые букауддоозовуги о-гу аннемоушуг.
Эти собаки толстые,	Игу аннемошуг уин-ин-оавуг.
Эта собака толстая,	Ай-ай-ай, аннемош уин-ин-ао.
Это красивый нож,	Гагаит онишишин маундун мокоман.
Это красивые ножи,	Гагайт вахвинаудж о-ноо мокомахнун.
Это плохие ножи,	Монаудуден ин-эувайдде мокомахнун.
Отдай мне это копье,	Меежишин эх-эу анитт.

Отдай мне эти копья,	Меежишин ин-ес унневайдде анниттин.
Это прекрасный мальчик,	Гагайт квонаудж ах-оу квивезайн.
Это отличные ребята,	Гагайт вахвинаудж иг-эвайдде квивезайнсуг.
Этот мальчик крупнее того,	Нахвудж миндиддо во-оу квивезайнс эвайдде душ.
Это то, чего я хотел,	Ми-эу вау яуяумбаун.
Это именно то, чего я хотел,	Ми-су о-оо вау яуяумбаун.

В некоторых из этих выражений местоимение сочетается с прилагательным, как в составных словах *ineuwaidde* и *igewaidde*, *тех, кто там*, (in.) и *тех, кто там* (ap.) Составные части, в которых полное местоимение сочетается со словом *Ewaidde* там.

ХРОНОЛОГИЯ.

Колумб открыл Вест-Индию 12 октября 1492 года.
 Америко Веспучио открыл побережье Южной Америки в 1497 году.
 Кабот открыл побережье Северной Америки в 1497 году.
 Де Леон открыл Флориду в 1512 году.
 Кортес входит в город Мехико после осады 13 августа 1521 года.
 Верризани, как говорят, вошел в Нью-Йоркский залив в 1524 году.
 Картье открыл реку Святого Лаврентия в 1534 году.
 Основан Джеймстаун в Вирджинии, 1608.
 Признанная дата заселения Канады - 1608 год.
 Гудзон открывает реку, носящую его имя, 1609 год.
 Голландцы строят форт близ Олбани, 1614 год.
 Пилигримы высаживаются в Плимуте, 22 декабря 1620 года.
 Новый Амстердам, отнятый у голландцев герцогом Йоркским и Олбани и названный Нью-Йорком в 1664 году.
 Ла Саль обнаруживает Иллинойс в верхней Луизиане в 1678 году; обнаруживает Нижнюю Луизиану и убит в 1685 году.

ЭПОХА ПРИХОДА ФРАНЦУЗОВ В ВЕРХНИЕ ОЗЕРА.

Ке-ва-конс, начальник охраны пролива Святой Марии, сказал мне во время интервью в 1827 году, что с тех пор, как французы впервые появились в этих проливах, прошло всего семь поколений краснокожих. Если мы примем дату первого визита Картье на реку Святого Лаврентия за эпоху их знакомства с этой нацией, 1534 год нашей эры, то у нас будет 56 лет как период жизни поколения индейцев. Если бы мы вместо этого взяли время первого прибытия Ла Салля на верхние озера, 1778 год, то, напротив, для поколения было бы лишь немного больше 22 лет. Но ни один из этих периодов, можно сказать, не совпадает с вероятной эпохой исторических воспоминаний вождя. Первый - слишком ранний, последний - слишком поздний. Среднее значение из двух, необходимое для правильного применения наблюдения, дает 38 лет для поколения индейцев. Это почти соответствует результатам среди европейцев, оставляя 8

лет с лишним. Дальнейшие данные, вероятно, уменьшили бы это значение; но в этой области у нас так мало материала, что мы должны оставить ее до тех пор, пока они не будут накоплены. Можно предположить, что период долголетия индейцев до появления горячительных напитков был равен, возможно, немного выше, чем у европейцев; но он не превышал его, как мы думаем, на 8 лет.

Ке-ва-конс, которого я знал очень хорошо, был человеком проницательным и весьма наблюдательным. В том же интервью он заявил, что его племя, которое относилось к алгонкинскому типу оджибва, *кто времяотложил* в сторону свои акики, или глиняные сосуды для приготовления пищи, и приняло вместо них легкий медный чайник, который был более портативным и постоянным. И с того времени их мастерство в гончарном деле пришло в упадок, пока в наши дни оно полностью не утрачено. Любопытно отметить, что за короткий период в 150 лет живая отрасль грубого производства среди них, таким образом, превратилась в объект антикварных исследований. Этот факт должен заставить историков проявлять осторожность при отнесении монументальных свидетельств ушедших поколений к очень отдаленным периодам древности.

Именно благодаря таким соображениям мы получаем представление о некоторых общих принципах, которые присутствовали в ранние периоды открытий и заселения всех частей континента. Искатели приключений приходили сюда в поисках золота или мехов, чтобы накопить богатство, получить власть или просто совершить подвиги. Никто особо не заботился о туземной расе, кроме того факта, что они были медиумом, ведущим к этим определенным объектам. Не было никого, кто мог бы точно описать их искусство и другие особенности, которые сейчас вызывают большой интерес. Они вымерли очень быстро, целые племена вымирали в течение одного-двух поколений. Появившиеся тогда европейские ткани были настолько лучше их собственных, что они сразу же отказались от такого грубого искусства, каким они занимались, по крайней мере, в наших северных широтах. Новые искатели приключений последовали по стопам Колумба, Америго, Кэбота и их товарищей и последователей, которые со временем подобрали с земли куски грубой керамики, пестики и тому подобные предметы и, подняв их, сказали: "Посмотрите на это!— здесь представлены свидетельства очень высокого мастерства и очень глубокой древности".

Ни в коем случае не ставится цель утверждать, что не существовало древностей гораздо более высокой эпохи и более благородной касты, а просто подчеркнуть исследователям необходимость различения различных эпох в хронологии наших древностей. Вся индейская керамика к северу от Флоридских мысов и Мексиканского залива относится к эпохе открытия или предшествует ей; но в могилах найдены разновидности керамики и остекленные изделия, которые были завезены европейцами на ранних стадиях развития торговли. Об этой переходной эпохе между отмиранием индийского искусства и появлением европейского свидетельствуют грубые пасты, эмалевые и стеклянные бусы, а также короткие глиняные трубки грубой фактуры, найденные на индийских кладбищах, но не в курганах. Вместо них наши древние индейцы использовали кованые и необработанные морские раковины различных видов, а также трубки, вырезанные из стеатита и других мягких материалов.

Мистер Андерсон отмечает в своей биографии Кэтрин Браун, что "говорят, что чероки обладают языком, более точным и могущественным, чем любой другой, в который ученость вложила богатство мысли или гений вдохнул очарование фантазии и красноречия".

Дэвид Браун в одном из своих писем, опубликованных в том же томе, называет свой народ цаллаки, из которого мы, следовательно, должны взять "чероки", испорченным. Из алфавита племени чероки видно, что звук *л* не встречается в этом языке.

ВЕРА.

Когда Чуско был обращен в христианство в миссии Мичилимакинав, он посадил картофельное поле на одном из соседних островов озера Гурон. Осенью он вместе со своей престарелой женой приплыл на своем каноэ выкопать их — работа, за которую старуха бесцеремонно взялась, как только они добрались до поля. "Остановитесь!" - закричал маленький старичок, у которого был тихий тенорок и который согнулся почти вдвое от возраста, — "Осмелитесь ли вы начать копать, пока мы не возблагодарим Господа за их рост". Затем они оба опустили на колени в поле, а он возвысил голос на своем родном языке в знак благодарности.

ШИНГАБА-ВОСИНЫ, ИЛИ КАМНИ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ.

Туземные племена, населяющие берега великих озер, очень изобретательны в преобразовании в целях суеверия таких массивов рыхлой породы или валунов, которые были разрушены действием воды, в формы, напоминающие туловища человеческих тел или другие органические формы.

По-видимому, во все времена существовала склонность использовать такие массы грубой естественной скульптуры, если можно так выразиться, для идолопоклоннического использования; а также проявлялся весьма изобретательный такт в создании эффекта естественного сходства с помощью точек или мазков краски для обозначения глаз и других черт лица или колец красной охры по их окружности в качестве орнамента.

На следующих рисунках, 1, 2, 3, 4, 5, представлены некоторые из этих масс.

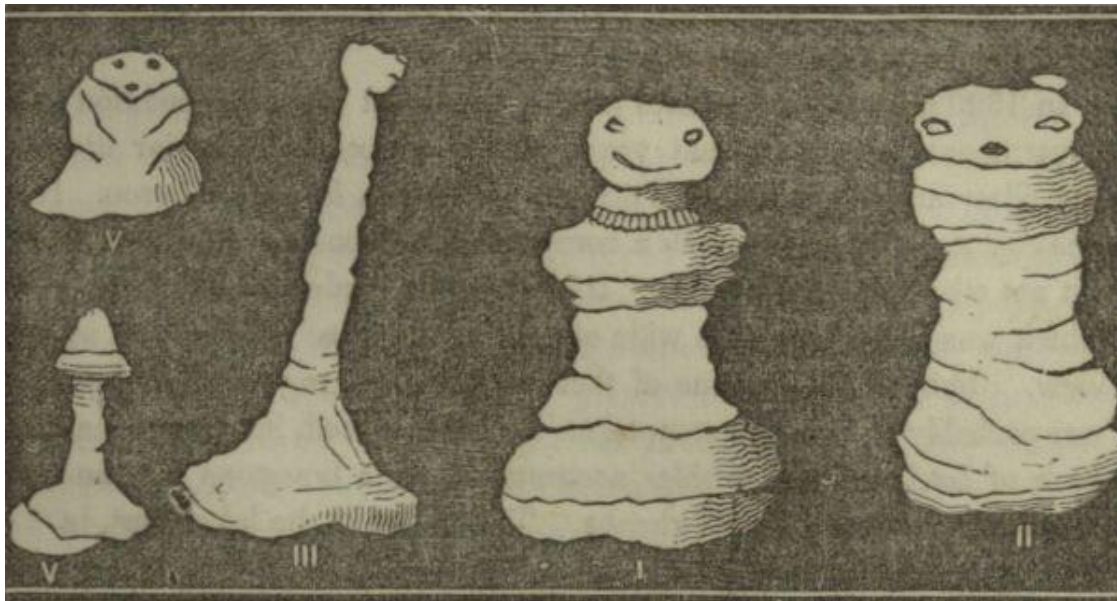


IMAGE STONES

Номер 3. был доставлен в офис индийского агента в Мичилимакинаке в 1839 году и помещен среди объектов, представляющих аналогичный интерес для посетителей. Он состоял из части жилы или массива гнейса или гранита, в котором и слюда, и полевой шпат почти отсутствовали, существуя лишь в незначительных количествах, в то время как преобладала кварцевая часть, которая благодаря своей превосходной твердости сопротивлялась воздействию элементов. Способ образования таких масс очень хорошо известен геологам и является результатом, почти в каждом случае, неодинаковой степени твердости различных частей массива, подвергающихся равному истиранию, такому, которое обычно вызывается силой подъема и накатывания волн на озере или океанском пляже. Туземцам, которые не склонны рассуждать от причины к следствию, такие произведения кажутся чудесными. Все, что непостижимо или чудесно, они приписывают сверхъестественному действию духов. Охотник или воин, который путешествует вдоль побережья и находит один из этих камней, сделанных своими руками, не уверен, что это не прямое вмешательство его Бога, или хранителя Манито, в его пользу. Он обычно верит в самые тонкие формы таинственной силы, которая, по его признанию, часто передается местным священникам или некромантам. Его не поражают самые необычайные фантазии в области теории изменения или трансформации одушевленных объектов в неодушевленные и наоборот. Он верит, что все вещи "на небе и на земле" подвержены этой неуловимой силе метаморфозы. Но, какова бы ни была точная причина уважения, которое он проявляет к имитационным обкатанным камням, которые он называет Шингаба-воссинами, а также общим выражением Муз-ин-ин-а-вун, или изображениям, он не вправе передавать их, не рискуя, по его мнению, чем-то в отношении своих шансов на успех в жизни или состояния предприятия, находящегося в руках.

Если изображение небольшое, его обычно забирают с собой и прячут по соседству с его вигвамом. Если он большой и слишком тяжелый для этой цели, его устанавливают на берегу, обычно в каком-нибудь укромном уголке, где можно *to it, or rather through*.

В 1820 году один из этих камней (№ 2.) был обнаружен правительственной экспедицией, отправленной в том же году на север с целью открытия внутренних районов и наблюдений, на острове Иннер-Тандер-Бэйна озере Гурон. Это был массивный камень округлой формы, со

сравнительно широким основанием и антаблементом, но в остальном ничем не примечательный. Он был установлен под деревом на небольшом острове, откуда открывался вид на широкую и чистую гладь озера. Остров был одним из тех, которые считались необитаемыми, и, вероятно, останавливались на нем очень редко. Действительно, это было немногим больше нескольких акров валунов и гальки, скопившихся на известняковом рифе и поросших несколькими чахлыми деревьями и кустарниками. Вода озера, должно быть, во время сильных штормов разбрызгивала свои брызги по этому изображенному камню. В общем, это было одно из тех уединенных мест, которые индеец, как можно было бы предположить, выбрал для своего тайного богослужения.

В № 3. изображен объект такого рода, который был найден в 1832 году при последнем восхождении к истоку Миссисипи, на правом мысу, при подъеме по этому потоку в лак—Траверс - на расстоянии около 1000 миль выше водопада Святого Антония. Я приземлился на мысе, чтобы посмотреть на это, услышав от своего переводчика, что такой объект был установлен и посвящен какому-то неизвестному Манито. Это был приятный ровный участок земли, затененный деревьями, покрытый пышной травой, диким кустарником и цветами. В середине этого естественного партера был помещен камень, который был перекрыт этим наростом и, таким образом, скрыт им. Кольцо красной краски окружало его в первой суженной точке окружности, чтобы придать ему сходство с человеческой шеей; и было несколько грубых мазков, обозначающих другие особенности. Индеец не точен в вопросе пропорций ни в своем рисунке, ни в своих попытках создать скульптуру. Он ухватывается за какую-нибудь мельчайшую и характерную черту, которой сразу же оказывается достаточно для обозначения вида, а в остальном он легко удовлетворяется. Таким образом, простой крест с прямой линией от плеча до плеча и точкой или кругом наверху, служащим головой, является символом человеческого тела; и без какого—либо дополнения в виде ног или рук его нельзя было бы спутать ни с чем другим - конечно, с любым другим объектом в творении животных.

МНЕМОНИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ.

ГЛАВА I.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.—СИМВОЛИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ И ИЕРОГЛИФЫ - ОДНА ИЗ САМЫХ РАННИХ ЗАМЕЧЕННЫХ ЧЕРТ В ОБЫЧАЯХ И ИСКУССТВЕ АМЕРИКАНСКИХ АБОРИГЕНОВ; НО НИКТО НЕ ПОДОЗРЕВАЛ, ЧТО ЭТО ИСКУССТВО ИМЕЕТ СИСТЕМАТИЧЕСКУЮ ФОРМУ СРЕДИ ГРУБЫХ ПЛЕМЕН ОХОТНИКОВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ ДО 1820 ГОДА, КОГДА ОНО БЫЛО ОБНАРУЖЕНО У ИСТОКОВ МИССИСИПИ. ПРИВЕДЕННЫЙ ПРИМЕР С РИСУНКОМ: ПОДСКАЗКА РЕАЛИЗОВАНА.

Практика североамериканских племен рисовать фигуры и рисунки на шкурах, деревьях и различных других материалах была замечена путешественниками и писателями с самых ранних времен. Среди более северных племен эти рисунки часто можно увидеть на распространенном среди этих народов заменителе древнего папируса - коре *betula papyracea*, или белой березы : материале, обладающем гладкой поверхностью, легко поддающемся прессованию, очень гибком и способном сохраняться в рулонах. Часто эти устройства вырезают или рисуют цветными рисунками на стволах деревьев, реже на камнях или валунах. Согласно Колдену и Лافиту, записи этого грубого характера раньше можно было увидеть на обожженной

поверхности деревьев, вдоль некоторых древних троп и волок, ведущих от истоков атлантических рек в глубь страны, или в долину Святого Лаврентия; но они, удовлетворив мимолетное любопытство, уже давно уступили общей участи этих простых и невыносимых памятников. Изображения и символы такого рода сейчас можно найти только на невостребованных границах огромной территории к западу от Аллегани и Озер, в обширных прериях запада или вдоль Миссури и верхней Миссисипи. Известно, что подобные устройства в той или иной степени использовались в эпоху открытия среди большинства племен, расположенных между широтами мысов Флорида и Гудзонова залива, хотя они считались более характерными для племен алгонкинского типа. В нескольких случаях было обнаружено, что эти графические надписи нанесены краской на поверхности скал или на незакрепленных валунах, и еще реже на поверхности были нацарапаны какие-либо приспособления, как это было обнаружено до сих пор в Дайтоне и Венанго. Те, кто сосредоточен на наблюдениях такого рода, в настоящее время неизменно обнаруживают цифры и грубые иероглифы на могильных столбах, отмечающих места захоронений индейцев на западе и севере. Народы, которые кочуют по западным прериям, наносят их на шкуры буйволов. К северу от 42° широты березовая кора, из которой изготавливаются каноэ, палатки, ящики, ковши для воды и бумага, является обычным материалом для их выставки. Таблички из твердого дерева предназначены только для тех приспособлений, которыми пользуются их жрецы, пророки и знахари; и эти символы неизменно приобретают более мистическое или священное значение. Но недавняя находка на одном из притоков Саскуэханны карты индейцев, нарисованной на камне с использованием перемешанных устройств, копия которой опубликована в 1-м томе собрания Исторического комитета Американского философского общества, доказывает, что камень также использовался в этой области надписей. Это открытие было сделано на территории, занятой ленапе.

Колден в своей "Истории пяти наций", [23] сообщает нам, что когда в 1696 году граф де Фронтенак двинул хорошо оснащенную армию в страну ирокезов с артиллерией и всеми другими средствами регулярного военного наступления, он нашел на берегу Онондаги, ныне называемой рекой Освего, дерево, на стволе которого висела статуя. индейцы изобразили французскую армию и положили у ее подножия две связки срезанного тростника, состоящие из 1434 кусков, — акт неповиновения с их стороны, который должен был сообщить захватчикам, что им придется столкнуться с таким количеством воинов. Говоря в другом отрывке об общих чертах Пяти народов, он упоминает распространенный среди могавков обычай рисовать красной краской на стволе дерева такие символы, которые могли бы служить для обозначения цели их похода. Среди этих приспособлений было каноэ, направленное в сторону страны врагов. По возвращении они обычно посещали то же дерево или участок и отмечали результат: каноэ, в данном случае, тянулось носом в противоположном направлении. Лафиту в своем отчете о народах Канады делает замечания по этому вопросу, к которым мы более подробно обратимся ниже, которые указывают на общую распространенность этого обычая в этой части страны. Другие авторы, начиная со Смита и де Бре, приводят мимолетные свидетельства о существовании этой черты у северных племен. Однако мало кто сделал больше, чем просто заметил это, и, как известно, ни один из них не сообщил сколько-нибудь связанных деталей.

[23] Лондон, 1747, стр. 190.

Один элемент в системе привлек внимание с самого начала. Я имею в виду институт тотема, который был хорошо известен среди алгонкинских племен, заселявших Канаду. Ранние миссионеры заметили, что с помощью этого приема туземцы обозначали свое разделение племени на кланы, а клана - на семьи, и таким образом различие сохранялось очень четко. Сходство было обозначено и поддерживалось еще долгое время после того, как традиция потерпела неудачу в своих свидетельствах. Это отличие, которое во многом соответствует геральдическим знакам в феодальной системе, использовалось для обозначения оружия, ложи и трофеев вождя и воина. Он также использовался для обозначения клана членом которого он был, на его ад-дже-да-теге или могильном столбе. Эта летопись пошла немногим дальше; на этих простых памятниках было нанесено несколько штрихов или геометрических фигур, чтобы обозначить количество людей, которых он убил в битве.

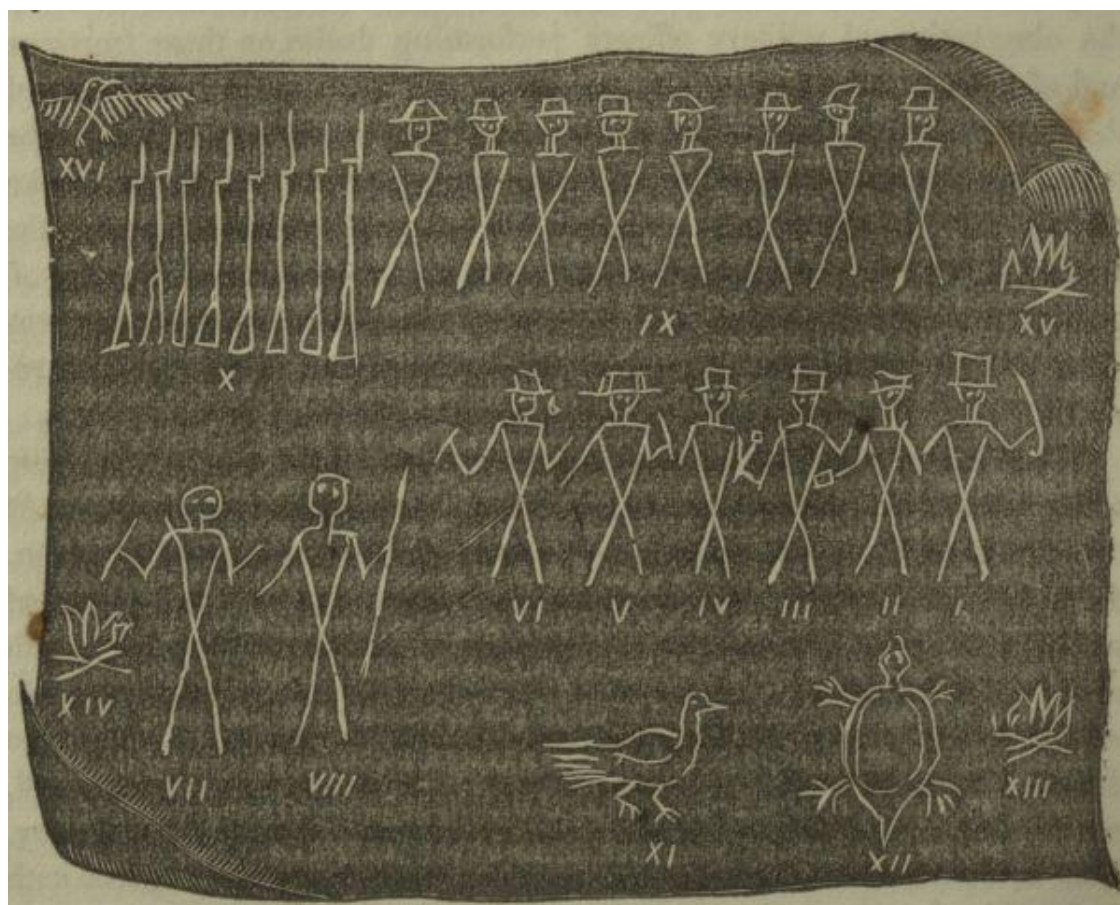
Ни в каких заметках, к которым у меня был доступ, не возникало подозрений, что существовал изобразительный алфавит или серия омофонических фигур, в которых путем сопоставления символов, представляющих действия, а также объекты действия, и введения простых дополнительных знаков обозначался ряд разрозненных, но в целом связанных идей; или что наиболее выдающиеся случаи жизни и смерти могли быть записаны таким образом, чтобы передаваться от одного поколения к другому, по крайней мере, до тех пор, пока существовали памятник и люди. Прежде всего, никто не ожидал, что будет найдена, как будет показано в последующих деталях, система символических обозначений для песен и заклинаний индийских мета и жрецов, вызывающих к памяти о сохранении языка.

Людям, знакомым с состоянием западных племен этого континента, особенно в более высоких северных широтах, давно известно, что песни индейских жрецов и вабено исполнялись с помощью своеобразных графических записей, сделанных на коре. Это факт, который часто становился предметом наблюдения военных офицеров, исполняющих обязанности на этих границах, и лиц, выполняющих случайные обязанности в гражданской жизни, которые проезжали через их территории. Но нет категории людей, которым факт внесения таких записей был бы так хорошо известен, как класс индийских торговцев и переводчиков, которые посещают индийские деревни или проживают часть сезона в них. Я никогда не беседовал ни с кем из этой последней категории людей, кому факт таких надписей, сделанных различными способами, не был настолько знаком, чтобы, по их мнению, не вызывать удивления и даже не требовать замечаний.

Впервые мое внимание привлек этот предмет в 1820 году. Летом того же года я отправился в исследовательское путешествие по озерному краю. В устье небольшой реки Гурон, на берегу озера Верхнее, находилась индейская могила, огороженная молодыми деревьями и охраняемая с особой тщательностью. Во главе его стоял столб, или табличная палка, на которой была нарисована фигура животного, которое было символом клана, к которому принадлежал умерший вождь. Были добавлены штрихи красной краской для обозначения либо количества боевых отрядов, в которых он участвовал, либо количества скальпов, которые он фактически снял с врага. Сопровождавший нас переводчик, в жилах которого текла индейская кровь, назвал последнее истинным значением этих знаков.

Когда мы вышли из реки Сент-Луис, впадающей в озеро Фон-дю-Лак, чтобы пересечь вершину, отделяющую ее воды от Миссисипи, путь пролегал через густые леса и болота, а погода выдалась темной и дождливой, так что в течение двух дней мы почти не видели солнца.

Отряд состоял из шестнадцати человек и двух проводников-индейцев; но последние, при всей их ловкости в блуждании по лабиринту, почти целый день были совершенно ни при чем. Ночью мы легли на землю, приподнятую всего на несколько дюймов над уровнем болота. На следующее утро, когда мы готовились покинуть лагерь, на верхушке молодого деревца высотой около 8 или 10 футов был замечен небольшой лист бересты, содержащий приспособления. Один конец этого шеста был прочно воткнут в землю, наклоненный в том направлении, куда мы должны были идти. Когда мы поднялись к этому предмету, с помощью переводчика было обнаружено, что это символическая запись обстоятельств нашего перехода через эту вершину и ночной стоянки в этом месте. Каждый человек был соответствующим образом изображен, что отличало солдат от командующего офицера, а последнего от отбросов отряда. Сами индейцы были изображены без головных уборов, что, как мы заметили, было общим символом белого человека или европейца. Весь отчет, к которому прилагается рисунок, точно символизировал обстоятельства, и они были настолько четко нарисованы в соответствии с их общепринятыми правилами, что разведданные были бы переданы таким образом любому из их людей, которому посчастливилось бы путешествовать этим путем. Это и было целью надписи.



НАПИСАНИЕ

КАРТИНОК

На рис. № 1 изображен младший офицер, командующий отрядом американских войск. Он изображен с мечом, обозначающим его официальный ранг. № 2 обозначает человека, исполнявшего обязанности секретаря. Он представлен с книгой в руках. № 3 обозначает геолога и минералога группы. Он нарисован молотком. № 4 и 5 - атташе; № 6 - переводчик.

Группа фигур, отмеченных 9, представляет восемь солдат пехоты, каждый из которых, как показано в группе № 10, был вооружен мушкетом. № 15 указывает на то, что у них был отдельный костер и они представляли собой отдельный беспорядок. На рисунках 7 и 8 изображены два проводника племени чиппева, главный из которых, по имени Чамис, или Прыгающий ястреб, прокладывал путь по этой унылой вершине. Это единственные человеческие фигуры на этом уникальном письме из коры, которые нарисованы без шляпы. Это была черта, за которую они ухватились и которую обычно использовали племена, чтобы отличать красную расу от белой. На рисунках 11 и 12 изображены степная курица и зеленая черепаха, которые составили итог охоты предыдущего дня и были съедены в лагере. Наклон шеста был рассчитан на то, чтобы показать курс, пройденный из этого конкретного места: на нем, под завитком из коры, были сделаны три зарубки, указывающие предполагаемую длину этой части пути в расчете от воды до воды, то есть от начала волока О-Куто на реке Сент-Луис до открытых берегов озера Сэнди, Ка-ма-тон-го-гом-ага'a.

Таким образом, история была рассказана кратко и просто; и гиды установили этот мемориал, чтобы рассказать любому из своих соотечественников, которым посчастливилось бы отправиться в том направлении, об этом приключении — ибо было очевидно, как по этому знаку, так и по сомнительности, которой были отмечены блуждания предыдущего дня, что они рассматривали переход именно в таком свете и были готовы приписать себе некоторую заслугу за его успешное выполнение.

Прежде чем мы достигли этой вершины, мы наткнулись на другое свидетельство их мастерства в этом виде знаний, состоящее из одного из тех приспособлений, которые они называют Ман-и-то-ва-тег, или Полюсами Манито. Добравшись до него, наши проводники закричали, то ли из суеверного порыва, то ли от радости, что нашли место, которое они наверняка могли узнать, мы не могли сказать. Мы рассудили последнее. Он состоял из восьми шестов одинаковой длины, гладко выбритых и круглых, выкрашенных желтой охрой и установленных таким образом, чтобы охватывать квадратную площадку. По-видимому, это был один из тех грубых храмов, или мест заклинаний, или богослужений, известных метам, или жрецам, где совершаются определенные обряды. Но это был не обычный домик целителя. При его строительстве было проявлено гораздо больше тщательности.

По прибытии в деревню Сэнди-Лейк, что в верховьях Миссисипи, были обнаружены фигурки животных, птиц и другие приспособления на грубых гробах или обертках умерших, которые были установлены на строительных лесах вокруг территории форта и на открытых берегах озера. Подобные знаки были также замечены здесь, как и в других точках этого региона, на их оружии, боевых дубинках, каноэ и других предметах движимого имущества, а также на их могильных столбах.

При спуске с Миссисипи мы наблюдали такие устройства, нарисованные на скале ниже и недалеко от устья реки Элк, а также на скалистом острове в реке, у Литтл-Фоллс. Во время нашего спуска к водопаду Святого Антония мы заметили еще одно письмо из коры, как теперь группа стала называть эти надписи, подвешенное на высоком шесте на возвышенном берегу реки, на ее западном берегу. В этом месте, где мы разбили лагерь на ночь, и которое находится как раз напротив возвышающегося в прерии выступа из сильно кристаллизованной породы роговой обманки, называемой Скалой Мира, остались стоять столбы или скелеты большого количества хижин сиу. Это недалеко и немного западнее территориальной границы народа сиу;

и, изучив этот свиток из коры, мы обнаружили, что в нем упоминается о переговорах по установлению постоянного мира между сиу и чиппева. Большая группа первых из собора Святого Петра во главе со своим вождем зашла так далеко в надежде встретить охотников чиппева на их летней охоте. Их поддержал или направил на этот шаг полковник. Ливенворт, командир нового поста, который как раз тогда собирался быть возведенным. Надпись, которую сразу же зачитал вождь чиппева Бабесакандаби, который был с нами, рассказывала обо всем этом; в ней было указано имя вождя, возглавлявшего отряд, и количество его последователей, и это дало этому вождю первую полученную им уверенность в том, что его миссия с той же целью будет принята благосклонно.

После нашего прибытия к водопаду Святого Антония выяснилось, что эта система письма картинками была так же знакома дакотам, как мы обнаружили ее у алгонкинов. В Прери-дю-Шайен и в Грин-Бей те же признаки наблюдались у мономонеев и виннебагов, в Чикаго у поттовоттоми и в Мичилимакинаке у чиппева и оттава, которые в таком количестве прибывают на этот остров. Находясь в последнем месте, по возвращении я отправился навестить могилу известного вождя племени мономони, который был известен под своим французским именем Тома, то есть Томас. Он был похоронен на холме к западу от деревни; и при взгляде на его Ад-дже-да-тиг, или могильный столб, на нем была графическая надпись, посвященная некоторым выдающимся достижениям его жизни.

Эти намеки привлекли мое внимание к этому предмету, когда я вернулся в деревню в 1822 году. Фигуры оленя, медведя, черепахи и журавля, согласно этой системе, обозначают соответственно имена людей и очень хорошо сохраняют язык, передавая человеку, владеющему им, соответствующие слова Эддик, Маква, Микенок и Аджиджаук. Знаки, круги или точки различного рода могут символизировать количество воинских подвигов. Вспомогательные устройства могут символизировать или объяснять вспомогательные действия. Если бы система не продвинулась дальше, запись дала бы информацию, одновременно приятную и полезную для одного из его соотечественников, который не знал букв и был экспертом в использовании символов; и интерпретация ее была бы легкой и точной в той мере, в какой знаки были общими, общепринятыми и хорошо понятными. В ходе моих наблюдений в первый год было множество свидетельств того, что этот способ общения был в моде и хорошо понимался северными племенами; но вряд ли он был пригоден для дальнейшего или расширенного использования. Только после того, как я лично познакомился с одним из их представителей — человеком большого ума, хорошо знающим их обычаи, религию и историю, — мне показалось возможным более широкое применение этого метода. Я заметил в руках этого человека табличный кусок дерева, покрытый с обеих сторон рядом устройств, вырезанных между параллельными линиями, на которые он ссылался, как на ноты его лекарств и мистических песен. Я слышал, как он поет эти песни, и заметил, что их последовательность была фиксированной и единообразной. Развивая свои знакомства, уделяя должное внимание и делая подарки, подобающие случаю, он согласился объяснить значение каждой фигуры, символизированного предмета и слов, прикрепленных к каждому символу. Благодаря этому откровению, которое было сделано при закрытых дверях, я стал членом или посвященным Медицинского общества, а также Общества Вабено. Мы позаботились о том, чтобы каждое предложение песен и песнопений было написано на индийском языке с соответствующими приемами и сопровождалось буквальным переводом на английский. Когда это было сделано и система рассмотрела, стало совершенно ясно, что устройства были мнемоническими — что

любой человек мог очень точно воспроизвести с помощью этих устройств то, что он ранее записал в память, и что система выявила любопытную схему символических обозначений.

Все фигуры, использованные таким образом в качестве начальных точек изучения, относились исключительно либо к танцу врачевания, либо к танцу вабено; и каждая часть фигур, относящаяся исключительно к тому или иному. Не было никакого смешения характеров, хотя класс предметов иногда был общим для каждого из них. Впоследствии было замечено, что эта классификация символов распространилась на песни, посвященные войне, охоте и другим специфическим темам. Эта особенность вызвала новый интерес ко всей системе надписей, начиная с первых рудиментарных знаков в ад-дже-да-тиге, или надгробной доске, и заканчивая расширенным свитком коры, покрытым надписями их магов и пророков. Было легко заметить, что в руках посвященных интерпретациям была придана большая сравнительная точность, которой раньше или у других было очень мало. Таким образом, к ней проявился интерес, отличный от ее новизны. И действительно, вся изобразительная система, таким образом, была наделена характером предмета тщательного исследования, обещавшего как интерес, так и поучение.

Считалось, что простое изложение этих обстоятельств наилучшим образом отвечало бы поставленной цели и вполне могло бы заменить более формальное или глубокое введение. Однако, выдвигая на первый план элементы системы, после долгих размышлений, думается, что несколько замечаний об общем характере этого вида техники могут быть не лишними. Ибо, каким бы простым оно ни было, мы воспринимаем в нем исконную преемственность букв. Это не только единственный графический способ, которым они обладают для передачи идей, но и способ передачи всех классов идей, которые они обычно разделяют, таких как их представления о войне, охоте, религии, магии и некромантии. Рассматриваемый таким образом, он раскрывает новый и неожиданный способ пролить свет на их взгляды на божество, на структуру или космогонию земного шара, на астрономию, на различные классы природных объектов, на их идеи бессмертия и будущего состояния, а также на распространенные представления о союзе духовной и материальной материи. Диапазон, открываемый этой темой, действительно настолько широк и разнообразен, что мы можем рассматривать индийскую систему письма картинками как нить, которая связывает взгляды краснокожего человека на жизнь и смерть, раскрывает истинную теорию его надежд и страхов и указывает на связь, которую он несет в тайных комнатах своих собственных мыслей со своим Создателем. Какой стоический и подозрительный характер часто удерживал бы его от высказывания другому, и какой ограниченный язык иногда мешал бы ему полностью раскрыть, если бы он захотел, символы и фигуры, которые можно было бы изобразить и выразить. Индеец не склонен описывать своего бога, но он готов изобразить его с помощью символа. Он может скрывать под фигурами змеи, черепахи или волка мудрость, силу или злобу, или передавать под изображением солнца идею высшего, всевидящего разума. Но он не готов обсуждать эти вещи. То, во что он верит на этот счет, он не станет объявлять белому человеку или чужаку. Считается, что его счастье и успех в жизни зависят от секретности этого знания о Творце и его системе в индийском представлении о доброкачественных и злокачественных агентах. Раскрывать это другим, даже своему собственному народу, по его мнению, значит подвергать себя противодействующему влиянию других агентов, знакомых с его тонкой схемой некромантии и суеверий, и подвергать риску успех и саму жизнь. Это делает Красного человека в высшей степени человеком страха, подозрительности и скрытности. Но он не может избежать некоторых из этих открытий в своих картинах и рисунках. Эти фигуры представляют идеи —

целые идеи, и их сопоставление на куске коры, дереве или камне раскрывает преемственность идей. Это основа системы.

Изобразительное искусство - это действительно литература индейцев. Его нельзя интерпретировать, каким бы грубым оно ни было, не давая понять, что думает и во что верит краснокожий человек. Оно отражает индийский интеллект, оно заменяет буквы для обозначения унишинабы. [24] Это показывает Красного человека во все периоды нашей истории, как таким, каким он *был*, так и таким, каким он *является*; ибо нет ничего более правдивого, чем это, за исключением сравнительно немногих случаев, когда они действительно принимали экспериментальное христианство, не

[Примечание переписчика: Здесь текст в оригинальной публикации резко обрывается.]

[24] Общий термин, обозначающий простых людей индийской расы.

КУРГАН ГРЕЙВ-КРИК.

Этот гигантский курган, крупнейший в долине Огайо, был открыт около четырех или пяти лет назад, и в нем было обнаружено несколько предметов высокой антикварной ценности в дополнение к обычным находкам человеческих костей и т. Д. Под его центром была построена ротонда, обнесенная кирпичными стенами и перекрытая крышей, с ведущей в нее длинной галереей у основания кургана. Вокруг этой круглой стены, в центре этой тяжелой и влажной массы земли, с ее атмосферой особого и едкого характера, для удовольствия посетителей развешаны скелеты и другие найденные предметы, все это освещено свечами, которые придают всей сцене поразительно могильный вид. Но что больше всего усиливает этот эффект, так это своего рода выделяющаяся слоистая материя, очень белая и мягкая, которая становится блестящей благодаря каплям воды, которые грубыми гирляндами свисают с потолка.

Говорят, что год или два назад эту ротонду посетила делегация индейцев. В "Уилинг Таймс энд Адвертайзер" от 30 августа 1843 года было опубликовано следующее сообщение об этом визите, посвященное короткому драматическому стихотворению.

Пожилой вождь племени чероки, который по пути на запад посетил ротонду, раскопанную в этом гигантском кургане, со скелетами и другими реликвиями, расставленными по стенам, был настолько возмущен осквернением и выставлением напоказ могильных тайн белой расы, что его спутникам и переводчику было трудно удержать его от убийства гида. Его речь приобрела оттенок ярости, и он размахивал ножом, когда они выталкивали его из прохода. Вскоре после этого его нашли распростертым, с обостренными чувствами под воздействием алкоголя.

"Этого недостаточно! эта ненавистная раса
Должна изгнать нас из рощ, мест
И освященных берегов — где долго
Наши отцы поднимали копья и пели —
Этого недостаточно! — что мы должны идти
Туда, где текут ручьи и журчащие фонтаны,

Журчание которых, слышимое среди наших страхов,
Доходит только до чужих ушей —
Этого недостаточно! — что жезлом
Они считают нашу прекрасную землю,
И приказывают нам, как неким врагам-великанам,
добровольно или неохотно *уходить*!
Но они должны вскрыть даже наши могилы,
Чтобы сказать *мертвым*— они тоже рабы".

НАЗВАНИЯ АМЕРИКАНСКИХ ОЗЕР.

Онтарио - это слово из языка вайандот, или, как его называют ирокезы, куатоги. Это племя до начала войны против них со стороны их родичей ирокезов жило в заливе, недалеко от Кингстона, который в древности был пунктом посадки и высадки, или, другими словами, одновременно началом и конечной станцией волока, в соответствии с пунктом назначения для всех, кто входил в озеро или выходил из него. С этой точки зрения было естественно, что столь благозвучный термин преобладал среди европейцев над другими используемыми индийскими названиями. Могавки и их союзники, как правило, называли его Кадаракки — так же они называли реку Святого Лаврентия. Считается, что онондага знали его в древности под именем Освего. [25] Комментаторы индийского языка оставляют нас в неведении относительно значения слова "Онтарио". Филология проливает некоторый свет на этот предмет. Можно заметить, что первый слог, *на*, по-видимому, является нотариальным приращением или слогом Онондио, холма. Тарак - это, очевидно, та же фраза, написанная французами *darac* в поселении могавков Кадаракки; и обозначает скалы, то есть камни, стоящие в воде. В последних гласных *io* мы имеем тот же термин с тем же значением, которое они несут в слове Сенека, или старом минго, "Огайо". [26] Оно описывает протяженную и красивую водную перспективу или пейзаж. Оно обладает всеми свойствами восклицания в других языках, но в соответствии с уникальными принципами индийской грамматики, это восклицательно-субстантивный звук. Как красиво! [перспектива, присутствующая сцена.]

[25] Содержит воспоминания об Освего.

[26] Звук *i* в этом слове, как и в Онтарио, у индейцев долгий *e*.

Эри - это название племени, завоеванного или истребленного ирокезами. Мы не можем остановиться на историческом изучении этого факта дальше, чем сказать, что политикой этого народа было принятие в свои различные племена конфедерации остатков народов, которые они завоевали, и что поэтому маловероятно, что эри были уничтожены. Также маловероятно, что они были народом, очень далеким по родству и языку от древних синондовцев, или сенеков, которые, как можно предположить, сокрушив их, уничтожили только их название, в то время как они увеличили свою численность за счет этого взаимного усыновления. На многих старых картах это озеро носит название Эри или "Оскваго".

Гурон - это *военный псевдоним* французов, обозначающий "йендатов", как их называют некоторые старые авторы, или виандотов. Шарлевуа говорит нам, что этот термин произошел от французского слова *hure*, [дикий кабан], и был применен к этому народу из-за способа ношения их волос. "Quelles Hures!" - воскликнули первые посетители, увидев их, отсюда, по словам этого уважаемого автора, и произошло слово "гурон".

Когда этот народ вместе со своими союзниками, алгонкинами, или адирондаками, как называли их ирокезы, был разбит в нескольких решающих битвах на реке Святого Лаврентия, между Монреалем и Квебеком, и вынужден бежать на запад, они сначала нашли убежище в этом озере и таким образом передали ему свое название. С ними, или, по крайней мере, в ту же общую эпоху, пришли некоторые другие племена, которые составляли часть народа, называемого французами алгонкинами, или ниперцинцами, и которые, таким образом, образовали несколько племен, говорящих на близкородственном языке, потомки которых рассматриваются филологами как современные озерные алгонкины.

Французы иногда называли это озеро *Mer douce*, или Спокойным морем. Оджибва и некоторые другие северные племена этого племени называют это озеро Оттова. В языке ирокезов для него не найдено термина, если не считать того, которым они обозначали главное место торговли, переговоров и ранних встреч - остров Мичилимакинак, который они называли Тидондераги.

Мичиган является производным от двух слов оджибва-алгонкинского, означающих большой, то есть большой по отношению к массам в неорганическом царстве, и озеро. Французы обычно называли это озеро в ранние периоды своих сделок иллинийским, или Иллинойским.

Верхний, самый северо-западный и самый большой из серии, - это термин, который, по-видимому, вошел в общее употребление в сравнительно раннюю эпоху, после основания английских колоний. Французы безуспешно присвоили ему одно или два имени, последнее из которых было Трейси, в честь французского министра с таким именем. У алгонкинов племени оджибва, которые в период открытия Франции и которые все еще населяют ее границы, она называется гитч-Игоми, или Большая морская вода; от гитчи, "великая" и гума, общего термина, обозначающего водоемы. Термин IGOMA является сокращенной формой этого термина, предложенной для принятия.

Поэзия индейцев - это поэзия обнаженной мысли. У них нет ни рифмы, ни размера, чтобы украсить ее.

Сказки и традиции занимают место книг у Красной расы.— Они составляют своего рода устную литературу, к которой прибегают долгими зимними вечерами для развлечения членов ложи.

Любовь этих племен к независимости настолько велика, что они никогда не были готовы придать своей политической системе формы регулярного правительства, опасаясь, что это может оказаться репрессивным.

Быть управляемым и быть порабощенным - вот идеи, которые были смешаны индейцами.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ, ЗАИМСТВОВАННАЯ ИЗ ИНДИЙСКОГО ЯЗЫКА.

Эти выдержки сделаны из "Cyclopædia Indiaensis", г-жа work in preparation.

№ I.

Река Гудзон. Племена, населявшие территорию нынешнего графства Датчесс и другие части его восточных берегов, вплоть до Таппана, называли эту реку Шатемук, что, как полагают, является производным от Шата, пеликан. Миниси, населявшие западные берега ниже обозначенной точки, действительно простирались по всей восточной половине Нью-Джерси до водопадов Раритан, где они соединялись со своими сородичами Ленни Ленапе, или собственно делаваками, называли ее Мохиканиттук, то есть Река могикан. Могавки и, вероятно, другие ветви ирокезов называли это кахохататеа — термин, которому толкователи, использовавшие это слово, не дают объяснения. Можно заметить, что термин с приставкой Кахо - это их название нижнего и главного водопада Могавка. Иногда этот префикс удваивался с добавлением частицы *ha* между ними. Хататеа, несомненно, является одной из тех описательных и утвердительных фраз, обозначающих объекты растительного и минерального царств, которые допускают, как мы видим, в других примерах их соединений, очень широкий диапазон. Некоторые из более западных ирокезов называли реку Санатати.

Олбани. Название, под которым это место было известно ирокезам в древности, было Скенектади, термин, который, как недавно произнесла дочь Бранта, все еще живущая в Канаде, имеет еще более резкое звучание Скох-нек-та-ти, с ударением на первом и сильным ударением на втором слоге, при этом третий и четвертый произносятся быстро и коротко. Перенос этого названия англичанами на его нынешнее местоположение при даровании этого места полковником. Николс, носящий новое имя, производное от шотландского титула герцога Йоркского, хорошо известен и изложен, с некоторыми связанными традициями, судьей Бенсоном в его эксцентричных мемуарах перед Нью-Йоркским историческим обществом. Значение этого названия, заимствованного из приведенного выше источника, находится *За Соснами*, поскольку оно применялось исключительно в древние времена к южному концу древнего волочительного пути, ведущего от Могавка к Гудзону. У минчи, которые здесь не жили, но, однако, распространились на западном берегу выше Коксаки и даже Койманса, он, по-видимому, назывался гайштинским. Могиганцы, которые долгое время продолжали занимать нынешнюю территорию округов Ренсселер и Колумбия, называли его Пемпотавутут, то есть Город или Место Пожара Совета. Ни один из этих терминов, по-видимому, не нашел одобрения у европейских поселенцев, и вместе с их прежними названиями Бивервик и Форт-Ориндж они сразу же уступили место в 1664 году нынешнему названию. Некогда известное возвышение в трех милях к западу, на равнинах, то есть Торговый холм, называлось Исутчера, или, если использовать приставку к названию холма, Йонондио Исутчера. Это означает "холм масла". Норманс-Килл, который впадает в Гудзон немного ниже, могавки называют Товасентой, термин, переведенный доктором Йейтсом, означает "место множества мертвых".

Ниагара.—Возможно, это не согласуется с общими ожиданиями - обнаружить, что точный перевод этого названия не полностью соответствует поэтическому предубеждению. Термином

О-не-ав-га-ра могавки и их соплеменники по возвращении из своих военных походов описывали перешеек, соединяющий озеро Эри с провинцией Онтарио. Этот термин происходит от названия человеческой шеи. Можно только догадываться, был ли этот термин разработан для того, чтобы иметь, как и многие их названия, символическое значение и обозначать важность этой коммуникации в географии, как соединяющей голову и сердце страны. В данном случае это также маловероятно. Когда европейцы приехали посмотреть на гигантские водопады, которыми был отмечен пролив, было естественно, что они предположили, что название описывает эту конкретную особенность, а не всю реку и волок. Однако нас заверили, что это не их первоначальное название водопада, хотя у них, как и у нас, оно, возможно, вобрало в себя это значение.

Буффало.—Название этого места в Сенеке - Те-хо-са-ро-ро. Его происхождение не указано.

Детройт. У вайандотов это место называется теучсагронди; у озерных племен алгического типа - Ва-ве-а-тун-онг: оба термина обозначают Место поворота или Извилистого русла. Туристы, достигающие этого места ночью или в темную погоду, или по иным причинам невнимательные к курсам, замечали, что из-за необычных изменений течения солнце, кажется, встает не в том месте.

Чикаго.—Это название на диалектах озерных алгонкинов, чтобы сохранить ту же орфографию, происходит от чикаговунж, дикого лука или порея. Орфография - французская, поскольку они были первооткрывателями и первыми поселенцами этой части запада. Кауг на этих диалектах - дикобраз, а она кауг - хорек. Аналогии в этих словах очевидны, но о том, был ли лук назван до или в честь животного, необходимо судить, если искать *возраст* происхождения.

Таскалуса, река в штате Алабама. Из слов чакта *туша*, воин, и *луса* блэк. — [Галлатин.]

Арагиске, ирокезское название Вирджинии.

Ассаригоа - название Шести наций в честь губернатора Вирджинии.

Оуэнагунгас, общее название ирокезов для индейцев Новой Англии.

Отесеонтео, источник, который является истоком реки Делавер.

Онтонгон, значительная река озера Верхнее, издревле известная большим количеством самородной меди, найденной на ее берегах. Говорят, что это название произошло от следующего инцидента. Известно, что на некотором расстоянии от его устья есть небольшая бухта с мертвой водой. Входя в эту заболоченную воду и выходя из нее, озеро попеременно впадает в нее в зависимости от влияния ветров и других причин, влияющих на его уровень. Индианка оставила свое деревянное блюдо, или Онагон, на песке, на берегу этой маленькой бухты, где она была помолвлена. Когда она возвращалась из своего домика, вытекающий поток унес ее ценную посуду. Ниа Нин-до-нау-гон! она воскликнула, потому что это было любопытное произведение искусства. То есть — Увы! мое блюдо!

Чуа-на-вха-ха, или Горная долина. Новый перевал в Скалистых горах, открытый в течение нескольких лет. Предполагается, что он находится на Северной широте около 40 °. Западный конец ущелья имеет ширину 30 миль, которая сужается до 20 у своего восточного окончания, затем оно наклоняется к северу, и противоположные стороны, кажется, закрывают перевал, но есть узкий путь совсем к подножию горы. На вершине находится большой бобровый пруд,

который имеет выходы в обе стороны, но восточный ручей пересыхает в начале сезона, в то время как вода непрерывно течет на запад. В своем течении он имеет несколько красивых, но низких каскадов и заканчивается спокойным и восхитительным ручьем. Сейчас этим перевалом пользуются эмигранты.

Аквиднек.—Наррагансеттское название Род-Айленда. Роджер Уильямс отмечает, что он никогда не мог узнать значение этого слова у местных жителей. Голландцы, как явствует из карты Новой Бельгии, опубликованной в Амстердаме в 1659 году, назвали его Руде Эйлант, или Красный остров, из-за осеннего цвета его листвы. Нынешний термин, как замечено, в томе. III. сборников R.I. Hist. Soc. происходит от этого.

Инкапатчоу, красивое озеро в горах у истоков реки Гудзон. — [Чарльз Ф. Хоффман, эсквайр.]

Хаусатоник, река, берущая начало в юго-западной части Массачусетса и протекающая через штат Коннектикут в пролив Лонг-Айленд в Стратфорде. Это термин мохеганского происхождения. Это племя, отступая на восток от берегов Гудзона, перешло через Возвышенности в эту манящую долину. У нас нет переданной этимологии этого термина, и мы должны полагаться на общие принципы их словарного запаса. Похоже, что долина ручья за горами была названа *отои*, нотариального знака вуджо, горы, *atun*, общего словосочетания, обозначающего ручей или канал, и *ис*, перегиба, обозначающего местность.

Wea-nud-nes. — индейское название, данное мистером О'Салливаном [D. Rev.] для Седловой горы, Массачусетс. Оно, по-видимому, является производным от *Wa-we-a*, "круглый", то есть любой предмет, круглый или изогнутый, в неодушевленном творении.

Ма-хай-ве.—Термин Могеган, данный мистером Брайантом [N.Y.E.P.] для Грейт-Баррингтона, округ Беркшир, Массачусетс.

Massachusetts.— Это было не название какого-то конкретного племени, а географический термин, применяемый, по-видимому, к той части берегов Северной Атлантики, которая захлестывается заходящим приливом на полуостров Кейп-Код и вокруг него, а также к широкому спектру побережья, уходящего к югу. Когда-то это слово стало общим для племен, населявших это побережье. Говорят, что это слово наррагансетского происхождения и обозначает Голубые холмы. Вот рассказ о нем Роджера Уильямса, которому индейцы сказали, что он возник из-за появления острова у побережья. Общим требованиям этнографии больше соответствовало бы обозначение языка как новоанглийско-алгонкинский, поскольку у этих племен такое большое сходство в лексике и такая идентичность в грамматической конструкции, что мы постоянно подвергаемся опасности совершить несправедливость из-за частичных выводов относительно изначального превосходства. Источником происхождения, несомненно, был запад и юго-запад, но мы не можем останавливаться на наррагансеттах, которые сами произошли от племен, расположенных еще дальше на юг. Однако общий смысл, данный Уильямсом, по-видимому, сохраняется, насколько сейчас можно судить. Окончания в *ett* и *set*, а также в *at* и *ak*, обозначали местность у этих различных племен. Мы также видим в предпоследнем Чу корень Вуджо, горы.

Та-ха-вус, очень внушительная возвышенность в несколько тысяч футов над уровнем моря, которая в последние годы была обнаружена у истоков Гудзона и названа горой Марси. Это означает, что он раскалывает небо.— [Чарльз Ф. Хоффман, эсквайр.]

Монг - имя выдающегося вождя Новой Англии, как это, по-видимому, зафиксировано в древней графической надписи на скале Дайтон в Массачусетсе, который процветал до того, как страна была колонизирована англичанами. Он был одновременно военным капитаном и пророком и использовал искусство последнего поста, чтобы увеличить свою власть и влияние в первом. Терпеливо применяя свое церемониальное искусство, он завоевал доверие большого числа людей, которых повел в атаку на его врагов человек по имени Пиз-ху. Утверждается, что в этом наступлении он убил сорок человек и потерял троих. Воину, который должен добиться успеха в этом предприятии, он пообещал свою младшую сестру. [Таковы основные события, символизируемые этой надписью, выдержки из которой содержат полные подробности в интерпретации ныне здравствующего индейского вождя и прочитаны до утра. Этнологическое общество в 1843 году будет опубликовано в следующем номере.]

Тиога.— Ручей и графство штата Нью-Йорк. Из Теогы - быстрое течение, вызывающее восхищение.

Диондерога, древнее название племени ирокезов, обозначающее место в устье ручья Шохари, где впоследствии был построен форт Хантер [полковник У.Л. Стоун.]

Альмушико - общее название индейцев Новой Англии, напечатанное на карте Амстердама 1659 года, на которой указано, что оно было, таким образом, "создано гемуэзцем". (Так называли его туземцы.)

Ирокоизия - название, данное на приведенной выше карте той части нынешнего штата Вермонт, которая лежит к западу от Зеленых гор и тянется вдоль восточного берега озера Шамплейн. По применению этого слова можно понять, что французы были не одиноки в использовании ими явно производного термина "ирокезы", который они дали (тогда) Пяти нациям.

НАЗВАНИЯ ВРЕМЕН ГОДА.

Ниже приведены названия четырех времен года на языке оджибва:

Пибон, Зима, Из Конне, снега.
Се-гвун, Весна, " Сиг", Текущая вода.
Не-бин, Лето, " Аниб, лист.
Та-гва-ги, Осень, " Гваг, Основа behind &c.

Добавляя букву g к этим терминам, они ставятся в отношение глаголов в будущем времени, но в ограниченном будущем, и тогда термины обозначают *следующую зиму* и т.д. Годы в их исчислении времени отсчитываются по зимам. Для обозначения года нет другого термина, кроме пеоан. Год состоит из двенадцати лунных месяцев, или лун. Луну называют Гизис, или, когда о ней говорят в отличие от солнца, Дибик Гизис, или ночное солнце.

Стороны света следующие.

- (а) Север, Ке вайдин-унг.
- (б) На юг, О ша ван унг.

- (c) Восток, Вабун-унг.
(d) Запад, Будь здоров.

а. Кевадин - это соединение, производное от Ке-ва, возвращаться или возвращаться домой, и нодин, ветер. б. Ошау - от корня, непонятного, но производящего также озау, желтый и т.д. с. Вабан - от ав, или ваб, свет. д. Кабеун - это имя мифологического персонажа, о котором в их вымыслах говорится как об отце ветров. Флексия ung или oong в каждом термине обозначает курс, место или локальность.

"ПИСЬМА О ДРЕВНОСТЯХ ЗАПАДНОЙ СТРАНЫ" ПОКОЙНОГО УИЛЬЯМА Л. СТОУНА, РЕДАКТОРА "НЬЮ-ЙОРК КОММЕРШЛ АДВЕРТАЙЗЕР".

Я.

Уилинг (Вирджиния), 19 августа 1843г.

Я только что совершил переход через горы Аллегани в направлении от Балтимора к этому месту и должен сказать, что, если не считать необходимой усталости от ночной езды, перевал между Камберлендскими горами и Лорел-Хилл является одним из самых легких и безопасных из всех известных мне на этом обширном хребте. Превосходная железная дорога в настоящее время тянется от Балтимора мимо Фредерик-энд-Харперс-Ферри вверх по долине Потомак и ее северному ответвлению прямо к Камберленду, который расположен прямо под горами, вершины которых, казалось бы, преграждают всякое дальнейшее приближение. Национальная дорога, однако, проходит через ущелье и петляет примерно там, где "возникают Альпы на Альпах", пока не будет пройден весь обширный холм с широкими склонами, и мы не спустимся на запад по гладкой, хорошо проложенной щебеночной дороге со скоростью, которая является некоторой компенсацией за трудный извилистый подъем. Юнионтаун - первое по значимости место на западе. Мононгахела пересекается в Браунсвилле, примерно в сорока милях выше Питтсбурга, откуда дорога, повсюду хорошо проложенная и обеспеченная прекрасными каменными мостами, водопропускными трубами и виадуками, огибает череду самых очаровательных холмов, пока не входит в долину, не взбирается еще на несколько холмов и не приводит путешественников на берега Огайо, в этот город.

Все расстояние от истока Чесапика до вод Огайо по существу не отличается от трехсот миль. Мы проезжали его менее двух дней, двадцать шесть часов из которых, часть ночи и часть дня, были проведены в почтовых каретах между Камберлендом и этим местом. Харперс-Ферри - впечатляющее зрелище, но в меньшей степени, чем показалось бы туристу, чье воображение не возбудили необдуманные описания. На мой взгляд, романтика была полностью утрачена, когда я въехал в нее с огромной грохочущей силой пара. Геологическая структура этой части страны, от водоема до водоема, не лишена впечатляющего урока. Поднимаясь из вод Чесапика, слоистые скалы поднимаются вверх, указывая на запад или в сторону Аллегани, а после пересечения вершины они указывают на восток или прямо напротив, подобно двум сторонам

крыши дома, и делают неизбежный вывод, что Аллегани были подняты как бы боковым разломом в относительной точке полюса хребта. Именно таким образом граниты и их сородичи были подняты на свои нынешние высоты.

Я не видел никаких доказательств существования этой волнообразной структуры, которая была выдвинута в качестве теории в прошлом году в статье, подготовленной профессором Роджерсом и прочитанной на собрании Британской ассоциации содействия развитию науки в Манчестере. Никаких органических остатков, конечно, не видно на этом конкретном участке, по крайней мере, до тех пор, пока мы не наткнемся на угольно-железорудную формацию Питтсбурга. Но на меня вновь произвело впечатление мнение, столь противоположное современной геологической теории, что, согласно научным принципам, менее семи тысяч лет достаточно для объяснения всех явлений, связанных с ископаемыми растениями, раковинами, костями и органическими остатками, а также смещений, разрывов, опусканий и поднятия пластов и других свидетельств обширных физических изменений и возмущений на поверхности Земли. И я надеюсь дожить до того, чтобы увидеть, как какой-нибудь американский геолог построит теорию, основанную только на философских и научных принципах, которая выдержит проверку на истинность.

Но вы, возможно, будете готовы подумать, что я испытывал больший интерес к изображениям растений на камне, чем к полю колосющейся кукурузы перед глазами. Я, однако, ни в коем случае не пренебрегал последним; и могу заверить вас, что урожаи кукурузы, пшеницы и других зерновых культур по всему Мэриленду, Пенсильвании и Западной Вирджинии превосходны. Даже самые высокие долины в Аллегани покрыты посевами кукурузы или полями пшеницы и других зерновых. Как правило, почва к западу от гор более плодородна. Влияние великих западных известняков, как одного из исходных материалов, и оксида железа отчетливо прослеживается на более тяжелых и бережливых кукурузных полях вдоль долин Мононгахела и Огайо.

Что касается самой реки Огайо, то тот, кто видел ее в полном течении в апреле и мае, вряд ли узнал бы ее сейчас. Сжавшийся в объеме намного ниже своих величественных берегов, с длинными полосами песка и гальки, бегущими почти поперек него, и ровными песчаными берегами, когда-то покрытыми водой, где теперь могли маневрировать армии, он представляет собой всего лишь скелет самого себя. Пароходы водоизмещением в сто тонн сейчас едва ползут по его каналу, который превратился бы в кокпиты для плавучих дворцов, которые можно было бы увидеть здесь в дни его весеннего и осеннего великолепия.

Искренне ваш,

ГЕНРИ Р. КОЛКРАФТ

II.

Грейв-Крик-Флэтс (Вирджиния), 23 августа 1843г.

Я посвятил несколько дней изучению древностей этого места и его окрестностей и нахожу, что они представляют даже больший интерес, чем ожидалось. Наиболее заметным объектом любопытства является большой курган, сообщения о котором появились в западных газетах; но эта тяжелая структура земли не изолирована. Это всего лишь один из серии курганов и других свидетельств древнего заселения в этом месте, представляющих более чем обычный интерес. Я посетил и исследовал семь курганов, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга. Они занимают верхний уровень богатой аллювиальной равнины, простирающейся по левому берегу Огайо, или Виргинии, между впадениями ручьев Биг и Литл Грейв в этот поток. По-видимому, они были соединены низкими земляными укреплениями, явные следы которых до сих пор видны на некоторых участках общей территории. Они включали в себя колодец, заложенный камнями обычным способом, который сейчас заполнен мусором.

Вершина этой равнины, вероятно, на семьдесят пять футов выше нынешнего летнего уровня Огайо. Она представляет собой вторую скамью, или возвышение суши, над водой. Именно на этой вершине, в одной из самых возвышенных ее частей, возвышается великий курган. Он имеет форму широкого конуса, срезанного на вершине, где имеет около пятидесяти футов в поперечнике. Эта местность довольно ровная, и с нее открывается вид на всю равнину, на реку выше и ниже, а также на западные берега Огайо впереди. Любая публичная сделка в этом районе будет видна множеству окружающих, и в этом отношении он обладает всеми преимуществами мексиканского и юкатанского теокалли. Было указано, что окружность основания составляет немногим менее девятисот футов; высота - шестьдесят девять футов.

Наиболее интересным объектом изучения антикваров является небольшой плоский камень, исписанный древними буквенными знаками, который был обнаружен при вскрытии большого кургана. Эти символы содержатся в древнем наскальном алфавите из шестнадцати прямых и остроугольных одиночных знаков, использовавшихся пеласгами и другими раннесредиземноморскими народами, и который является прародителем современной рунической письменности, а также письменности бардов. Прошло уже около четырех или пяти лет с момента завершения раскопок, насколько они были произведены, и обнаружения этой реликвии. Вскоре за границу попало несколько его копий, которые отличались друг от друга и, как предполагалось, от оригинала. Это предположение верно; ни публикация в "Цинциннати газетт" за 1839 год, ни публикация в "Американском пионере" за 1843 год не соответствуют действительности. Я положил конец этой неопределенности, сделав копии с помощью научного процесса, который не оставляет линий и рисунков на произвол человеческого карандаша.

Существование этого древнего искусства здесь вряд ли могло быть признано иначе, как изолированным фактом, без каких-либо подтверждающих доказательств в привычках и обрядах, которые было бы разумно искать в существующих руинах древнего жилья. Считается, что какие-то подобные свидетельства были найдены. Вчера я проехал верхом три мили назад, к гряде высоких холмов, окружающих эту долину, чтобы увидеть грубую каменную башню, стоящую на возвышенности, называемой Паррз-пойнт, с которой открывается вид на всю равнину, и которая, по-видимому, была построена как сторожевая башня, с которой можно наблюдать за приближающимся врагом. Он сильно обветшал. Сохранилось около шести или семи футов сооружения. Он круглый и сложен из необработанных камней, уложенных без раствора или следов молотка. Вокруг лежит тяжелая масса рухнувшей стены, покрывающая площадь около сорока футов в диаметре. Предполагается, что существуют две аналогичные

наблюдательные точки, занятые полуразрушенными башнями: одна на выдающейся вершине холмов Огайо и Грейв-Крик, а другая на мысе на противоположной стороне Огайо, в округе Белмонт, штат Огайо.

Всем, кто знаком с воинственными привычками наших индейцев, известно, что у них никогда не хватало предусмотрительности выставить постоянного часового, и эти грубые башни можно считать ровесниками захоронения надписи.

В одном из меньших курганов было найдено несколько отполированных каменных трубок, использование которых не очень очевидно. Один из них, который сейчас лежит на моем столе, имеет длину 12 дюймов, ширину $1-1/4$ с одного конца и $1-1/2$ с другого. Он сделан из тонкого, компактного свинцово-синего стеатита в крапинку и был сконструирован методом растачивания на манер ружейного ствола. Это растачивание продолжается на расстоянии примерно трех восьмых дюйма от большого конца, через который остается лишь небольшое отверстие. Если смотреть через это маленькое отверстие, объекты на расстоянии видны более четко. Независимо от того, использовалось ли это телескопическое устройство или другие, степень искусства, проявленная в его конструкции, далека от грубости. Вставив деревянный стержень и клапан, эту трубку можно было бы превратить в мощный сифон или шприц.

У меня нет места, чтобы отметить одну или две дополнительные черты, которые пробуждают новый интерес к этому древнему месту проживания аборигенов и, по-видимому, смешанного населения, и я должен опустить их до следующего.

III.

Равнина Грейв-Крик-Флэтс, 24 августа 1843 года.

Большой курган на этих равнинах был открыт как место общественного отдыха около четырех лет назад. Для этой цели была вырыта горизонтальная галерея до самого ее центра, заложенная кирпичом и снабженная дверью. Центр был обнесен стеной в виде ротонды диаметром около двадцати пяти футов, а сверху в нем была проделана пересекающая его шахта; именно в этих двух раскопках были найдены скелеты и сопутствующие им реликвии и украшения. Все эти предметы выставлены в этой ротонде, которая освещена свечами. Самый нижний каркас почти целый, в хорошей сохранности, и прикреплен с помощью проводов к стенам. В процессе он был слишком растянут, чтобы иметь размер шесть футов; он должен быть около пяти футов восьми дюймов. Он демонстрирует благородное телосложение человеческого вида, имея череп с краниологическими наработками весьма благоприятного характера. Лицевые кости удлиненные, с длинным подбородком и симметричной челюстью, в которой присутствует полный и прекрасный набор зубов, как сверху, так и снизу. Скелеты в верхнем склепе, где был найден камень с надписью, почти все уничтожены.

Это сырое и мрачное хранилище, а крыша и стены ротонды украшены одним из самых необычных погребальных экспонатов, которые только может представить мир. При взгляде на потолок и верхушки поддерживающих его колонн обнаруживается, что они инкрустированы, или, скорее, украшены гирляндами, белой, мягкой, слоистой массой вещества, которая выделялась из холмика наверху. Эти выделения, по-видимому, животного происхождения, белые, как снег. Он висит в виде подвешенных масс и шаровидных капель; поверхность покрыта

крупными шариками чистой воды, которые в отраженном свете сверкают как бриллианты. Эти капли воды стекают на пол, и время от времени выпадает выделившееся белое вещество. Благодаря этому веществу деревянные колонны выглядят капителями. То, что это результат того, что почва сильно насыщена частицами вещества, возникающими в результате разложения или сжигания человеческих тел, является единственной теорией, с помощью которой мы можем объяснить это явление. Это, безусловно, любопытно и уникально, и при слабом свете нескольких свечей не потребовалось бы большого воображения, чтобы украсить всю ротонду фигурами закутанных в покрывала мертвецов, похожими на сильфид.

Старый вождь племени чероки, который недавно посетил это место со своими спутниками по пути на Запад, был так взволнован и возмущен осквернением кургана этой выставкой костей и реликвий на обозрение белой расы, что пришел в ярость и стал неуправляемым; его друзьям и переводчикам пришлось выставить его вон, чтобы помешать ему убить проводника; и вскоре после этого он захлебнулся алкоголем.

То, что это место было очень древним местом поселения расы охотников в долине Огайо, и что оно было заселено нынешней красной расой североамериканских индейцев после прихода белых к западу от Аллеганских гор, являются общепризнанными фактами; и историк, и антиквар никогда бы не занялись этим вопросом дальше, если бы в 1839 году не был обнаружен камень с надписью. Вчера мне сообщили, что около пяти лет назад в одном из небольших курганов на этих равнинах был найден еще один камень с надписью, и я получил достаточно данных о его нынешнем местонахождении, чтобы навести Этнологическое общество на его след. Если эти надписи действительно приведут нас к признанию того, что континент посещали европейцы до эры Колумба, то для антикваров очень важен вопрос о том, кем были эти посетители и что они на самом деле оставили на этих древних табличках.

У меня есть время добавить только один дополнительный факт. Среди предметов, найденных в этом скоплении курганов, большая часть является обычным явлением в наших западных курганах и городских руинах. Я заметил только один, который носит характер того уникального типа архитектуры, найденного мистером Стивенсом и мистером Катервудом в Центральной Америке и на Юкатане. Учитывая ценные монументальные образцы для сравнения, представленные этими джентльменами до меня, невозможно не узнать в поделочном камне, найденном в одном из небольших курганов здесь, образец аналогичной работы. Он выполнен в стиле тяжелых скульптурных украшений из перьев Юкатана — материал представляет собой восково-желтый песчаник, потемневший от времени. Я сделал такие заметки и зарисовки упомянутых выше объектов, которые, я надеюсь, позволят мне в свое время дать связный отчет о них нашему зарождающемуся обществу.

IV.

Массильон, Огайо, 27 августа 1843 года.

Со времени моего последнего письма я пересек штат Огайо по этапу и добрался до этого места. Поднимаясь по виргинским берегам Огайо из Маундсвилля, я миновал памятник простой конструкции, воздвигнутый в память о капитане Фурмане и двадцати одном человеке, которые были убиты индейцами в 1777 году на этом месте. Они вышли из форта Вилинг в

разведывательный отряд и попали в засаду на перевале под названием нарроуз. Индейцы уронили трубку и какие-то безделушки на тропинке, зная, что белые люди подберут их и посмотрят на них, и пока последние собирались вместе для этого действия, они выстрелили и убили всех до единого. Индейцы, несомненно, упорно сражались за обладание этой долиной, постоянно стремясь с помощью военной хитрости восполнить то, чего им не хватало в численности. Я сомневаюсь, есть ли в истории распространения цивилизации по миру театр военных действий, столь изобилующий партизанскими авантюрами, массовыми убийствами, каким обычно была долина Огайо и местность к западу от Аллегани в период между началом американской революции 76-го года и окончанием войны с Черным Ястребом в 1832 году. Настоящая эпоха, по сути, начинается с войны во Франции в 1744 году и заканчивается войной во Флориде в текущем году. Работа на эту тему, взятая из достоверных источников и написанная с душой и талантом, была бы прочитана с жадностью и вызвала бы постоянный интерес.

Поверхность страны, от противоположного Уилинга в Огайо до вод Таскараваса, северного ответвления Маскингума, представляет собой череду высоких холмистых хребтов и пригорков, вверх и вниз по которым медленно перемещается дилижанс. Тем не менее, этот участок плодороден и хорошо выращивается пшеница и кукуруза, особенно последняя, которая выглядит хорошо. Эту землю нельзя купить дешевле сорока-пятидесяти долларов за акр. Большая часть его изначально была куплена по семьдесят пять центов за акр. Именно по этой высокой, волнистой местности пролегла старая моравская миссионерская дорога в Гнаденхюттен, и я ехал по ней на расстоянии шести миль от последнего места. Вы, наверное, помните эту местность как место печально известного убийства Уильямсоном и его партией не сопротивляющихся христиан-делаваров при министерстве Хеквелдера и Зисбергера.

На реке Стиллуотер, притоке Тускараваса, мы впервые попадаем на равнину. В прежние времена этот ручей славился бобровыми и другими мехами. Последний бобр, которого здесь видели, был застрелен на его берегах двенадцать лет назад. У него было три ноги, одна из которых, вероятно, попала в капкан или была откушена. Известно, что не только бобр, но и выдра, волк и лиса откусят ногу, чтобы вырваться из железных челюстей капкана. Было сказано, но я не знаю, на основании какого авторитетного источника, что заяц сделает то же самое.

Впервые мы попали на канал Огайо в Дувре. Это во всех отношениях хорошо построенное сооружение с мощными шлюзами, водопропускными трубами и виадуками. Вверху он имеет ширину пятьдесят футов и более чем подходит для всех существующих целей. Он тянется по долине Тускаравас до вершины, где соединяется с рекой Куяхуга, выходящей в Кливленд. По его берегам выросли города и поселки, где раньше была дикая местность. Ничто среди них не произвело на меня большего впечатления, чем город Зоар, населенный исключительно немцами. Кажется, есть что-то от принципов ассоциации - одного из заблуждений эпохи — в его большом и единственном городском магазине, отеле и т. Д., Но я не знаю, как далеко они могут простираться. Сохраняется индивидуальная собственность. Свидетельства бережливости и мастерства в выращивании, механической и мельничной работе наиболее поразительны. Каждое жилище здесь окружено фруктами и плодовыми деревьями. Ботанический сад и оранжерея находятся в большом масштабе и представляют собой благоприятный образец современного состояния садоводства. Один из помощников очень любезно сорвал для меня несколько прекрасных фруктов и добровольно предложил их. Зоар - отличное место для поездки в соседние города. *Мимоходом* могу заметить, что по всему Огайо проживает значительная доля немецкого населения. Они аккуратны, бережливы и трудолюбивы и легко

вписываются в нашу политическую систему и привычки. Многие из них хорошо владеют немецким языком. Они охватывают как лютеран, так и римско-католиков, причем последние преобладают.

Среди городов, недавно возникших на берегу канала, не последним является тот, которым я датирую это письмо. Имя знаменитого французского богослова (Массильон) было присвоено неким бостонским джентльменом невоздланному месту двенадцать или четырнадцать лет назад. Сейчас это одно из самых процветающих, похожих на город деловых мест во внутренних районах штата Огайо. По стилю своих магазинов, фабрик и архитектуры он напоминает посетителю о том необычайном росте и духе, которыми были отмечены первые годы застройки Рочестера. В нем насчитываются церкви епископалов, баптистов, методистов и пресвитериан, а также лютеран и католиков. Его мельницы могут производить около трехсот бочек муки в сутки. Он находится в крупнейшем по выращиванию пшеницы округе Огайо (Старк), но не является центром округа, который находится в Кантоне.

V.

Детройт, 15 сентября 1843 года.

При движении из внутренних районов Огайо к озеру Эри облик страны проявляется в увеличившихся размерах и количестве валунов, свидетельствующих о приближении путешественника к тем местам залегания сиенитов и других кристаллических пород, откуда, по-видимому, в отдаленные времена нашей планеты были извлечены эти неустойчивые глыбы и размытые водой массы. Почва на этом участке представляет собой более свободную смесь измельченных сланцев, часть которых все еще находится на берегах озера Эри. В результате получается глинистая почва, менее благоприятная для пшеницы и индийской кукурузы. Мы спустились по возделанной долине Кайахога и достигли берегов озера у прекрасного городка Кливленд, который возвышается над ним на сотню футов или больше, и откуда открывается очень обширный вид на озеро, гавань и ее вечно оживленное судоходство. На эту часть моего турне дилижанс занял один день, а следующий доставил меня на пароходе в эту древнюю французскую столицу. С Детройтом связано много интересных исторических ассоциаций, и, похоже, ему суждено после завершения строительства железной дороги стать главной транспортной артерией для путешественников, направляющихся в Чикаго и долину Миссисипи. Однако, поскольку мое внимание во время моего путешествия было больше поглощено прошлым, чем настоящим и будущим состоянием Запада, главный интерес, который вызвал этот маршрут, неизбежно должен был исходить из того же источника.....,

Мичиган связывает себя в своих антикварных чертах с тем характером псевдоцивилизации, или модифицированного варварства, свидетельством которого являются сооружения, курганы и обходные пути на равнинах Грейв-Крик, в Мариетте, в Серклвилле и других хорошо известных местах. То, что это улучшенное состояние государства охотников имело древнюю, но частичную связь с ранней цивилизацией Европы, теперь представляется справедливым выводом из камня с надписью в Грейв-Крик и других следов европейского искусства, обнаруженных в последнее время. Также очевидно, что центральноамериканский тип цивилизации, или, скорее, приближение к цивилизации красной расы, достигло этой длины и, в конце концов, пришло в упадок со своим грубым идолопоклонством и ужасными обрядами и слилось с более известной

и все еще существующей формой государства охотников, которая была основана, соответственно, Кэботом, Картье, Веррезани, Хадсоном и другими, которые первыми бросили якорь у наших берегов.

Результаты исследования западной части страны убедительно свидетельствуют о том, что индейская цивилизация типа теокалли, если можно так ее назвать, развивалась от берегов Огайо, в Теннесси и Вирджинии, на запад и северо-запад, через истоки Уобаша, Маскингама и других рек, к озеру Мичиган и границам территории Висконсин. Главными свидетельствами этого в Мичигане и Индиане являются замечательные ряды причудливых садовых грядок или аккуратно вспаханных полей, идеальные очертания которых сохранила трава дубрав и прерий, и даже среди самых густых лесов. Эти остатки древнего земледелия привлекли много внимания со стороны наблюдавших за поселенцами на реках Элхарт, Сент-Джозефс, Каламазу и Гранд-Ривер в Мичигане. У меня есть несколько рисунков этих аномальных остатков ушедшей в прошлое промышленности расы охотников, сделанных в прежние годы, которые весьма примечательны. Стоит также отметить, что в этой конкретной части Запада нет больших курганов, или теокалли, древнее население которых, следовательно, можно предположить, было жителями границ, или пограничными бандами, которые прибывали в долину Огайо в качестве своей столицы или места ежегодного посещения. Все курганы, разбросанные по Северным районам Огайо, Индианы и Мичигана, являются простыми курганами, или хранилищами мертвых, и, по-видимому, были возведены после падения массового идолопоклонства и принесения человеческих жертв. В течение дня или двух я получил из Окленда, в этом штате, необычное орудие труда или украшение из камня в форме полумесяца, которое связывает разрозненные остатки небольших курганов и следы древнего сельскохозяйственного труда с древностями равнин Грейв-Крик.

VI.

Детройт, 16 сентября 1843 года.

О древностях Западной Америки следует судить по отдельным и разрозненным находкам, которые часто делаются в отдаленных точках и разбросаны по очень обширной территории. Труд по сопоставлению и различению нескольких эпох, которые устанавливают объекты этих открытий, усиливается из-за такого разброса и несвязанности времен и мест их появления, и, возможно, более всего ему препятствует и отбрасывает назад возможная небрежность первооткрывателей и окончательная потеря или искажение обнаруженных предметов. Чтобы исправить это зло, каждое сделанное открытие, каким бы незначительным оно ни казалось, должно в нашу эпоху ежедневной и периодической печати фиксироваться, а сами объекты либо бережно храниться, либо передаваться какому-либо государственному научному учреждению.

Индейский вождь по имени Черный Орел из Ривер-О-Сейблз (Мичиган) несколько лет назад обнаружил в Тандер-Бэй любопытную старинную трубку этрусского производства. Эта трубка, которая сейчас находится в моем распоряжении, примечательна как своей формой, так и характером фаянса, из которого она сделана, поскольку она полностью отличается от грубых глиняных горшков и сосудов, остатки которых широко разбросаны по всей Северной Америке. Форма полукруглая или роговидная, с четырехугольной чашей, с нанесенными на посуду орнаментами под каждым углом. Действительно, я никогда раньше не видел трубок индийского

производства из обожженной глины или фаянса, поскольку такие изделия обычно вырезаются из стеатита, затвердевших глин или других мягких минеральных веществ. Особенностью этой трубки является то, что ее курили с маленького конца, который закруглен для того, чтобы ее можно было вставлять между губ, без вмешательства мундштука.

Первооткрыватель сказал мне, что он достал его из очень древней могилы. По его словам, большое дерево болиголова было повалено на берегу реки, вырвав своими корнями большую массу земли. На дне произведенных таким образом раскопок он обнаружил могилу, в которой стояла ваза, из которой он достал трубку и некоторые другие предметы. Ваза, по его словам, была разбита, так что он не счел нужным ее выносить. Остальные предметы он назвал костями.

Некоторое время назад я сопровождал вождя Кьюаконсе, чтобы раздобыть древний глиняный горшок, такой, какими пользовались индейцы, когда европейцы прибыли на континент. Он сказал, что обнаружил два таких горшка в целом штате в пещере или расщелине на одном из скалистых островков, простирающихся к северу от мыса Тессалон, который является северным мысом у входа пролива Святой Марии в озеро Гурон. Из этой местности он вывез одно из них и спрятал его в отдаленном месте. Мы путешествовали на каноэ. Мы высадились на северном берегу большого острова Святого Иосифа, который занимает устье этого расширенного пролива. Он повел меня вверх по возвышенному хребту, покрытому лесом, и по извилистой узкой тропинке, ведущей к каким-то старым индейским кукурузным полям. Внезапно он остановился на этой тропинке. "Мы сейчас совсем рядом с ним", - сказал он и остановился, глядя на то место, где он спрятал его, под гнилым стволом. В конце концов, он, по—видимому, не захотел рисковать своей жизненной удачей — таковы индейские суеверия - ради того, чтобы стать настоящим первооткрывателем этого предмета почитания белого человека, но позволил мне совершить или, скорее, завершить повторное открытие.

За исключением трещин, этот сосуд является целым. По материалу и характеру он соответствует фрагментам керамики, которые обычно находят. Это грубая посуда, закаленная кварцем или полевым шпатом и такая, которая допускает внезапное разжигание огня вокруг нее. Она около десяти дюймов в диаметре, в форме тюльпана, с загнутым краем и без опор внизу. Очевидно, ее использовали в качестве реторты в песчаной ванне, поскольку не было приспособления для подвешивания. Я отправил эту любопытную реликвию целиком в город для изучения. Я спросил вождя, который подарил мне его и который является здравомыслящим человеком, хорошо знакомым с индейскими традициями, как давно его предки не пользовались такими сосудами. Он ответил, что принадлежит к седьмому поколению по прямой линии с тех пор, как французы впервые прибыли на озера.

VII.

Детройт, 16 сентября 1843 года.

На острове у западной оконечности озера Гурон было найдено древнее хранилище человеческих костей, которые, по-видимому, были собраны из их первого или обычного места захоронения и помещены в этот грубый мавзолей. Французы называют остров Ронд, он небольших размеров, хотя имеет скалистую основу и на нем произрастают сахарный клен и другие деревья твердых пород. Это хранилище было впервые обнаружено в результате

воздействия озера на мелководный берег, в котором были захоронены кости. Во время моего визита позвонки, большеберцовые кости, части черепа и другие кости были разбросаны по обвалившемуся берегу и служили для обозначения места их захоронения, которое находилось на краю равнины. Некоторые люди предположили, что кости голени и бедра обозначали необычную длину; но, поместив их бедро к бедру живого образца, это мнение не подтвердилось.

Все эти кости были расположены в продольном направлении. Они были расположены по порядку в широкой могиле или траншее. Вопреки обычной практике нынешних племен краснокожих, скелеты были захоронены к северу и югу. Я спросил нескольких самых престарелых индейских вождей в тех краях, чтобы получить информацию об этих костях — каким племенем они были захоронены и почему их положили к северу и югу, а не к востоку и западу, поскольку они хоронят одинаково. Но, как обычно бывает с ранними индийскими традициями, у них не было никакой информации, которую они могли бы предложить. Чуско, старый оттавский пророк, ныне покойный, заметил, что они, вероятно, относятся к тому времени, когда были найдены кости индейцев в пещерах на острове Мичилимакинак.

На небольшой равнине на том же острове, недалеко от вышеупомянутого хранилища, находится давно заброшенное индейское кладбище, в котором захоронения совершаются обычным способом. Как я понял от индейцев, это относится к эпохе оккупации Старого Макино, или Пиквутинонга, как они продолжают его называть, — места, которое было покинуто как белыми, так и индейцами, солдатами и миссионерами около семидесяти лет назад. Я распорядился провести раскопки в этих могилах и обнаружил, что их показания в целом подтверждаются характером предметов, хранившихся вместе со скелетами; по крайней мере, все они датировались более поздней датой, чем открытие этой части страны французами. Там были найдены окисленные остатки латунных креплений запала вождя, проржавевшие огнеметы и другие стальные орудия, киноварь, вампум и другие дорогие сердцу предметы. Я отправил идеальный череп, взятый из одной из этих могил, доктору Мортону, автору книги "Череп черепа", пока он готовил эту работу. На памяти ни одного белого человека или индейца, с которыми я беседовал, на этом острове не проживало ни одного индейца. Пожилой вождь, которого я допрашивал, по имени Саганош, который умер около пяти или шести лет назад, сказал мне, что он был маленьким мальчиком, когда началось нынешнее поселение на острове Мичилимакинак, и англичане впервые заняли там пост и начали уводить свой скот и т. Д. Из старого форта на полуострове, и примерно в это время индейская деревня Миннисейн, или остров Ронд, была покинута. До этого он как бы соединял эту часть озера (Гурон) на каноэ со старым Макино.

Индейцы выступали против переноса поста на остров Мичилимакинак и угрожали войскам, которые все еще были на поле боя. У них не было пушки, но командир послал судно в Детройт за ней. Это судно совершило быстрый рейс, вниз и вверх, и доставило пушку, из которой выстрелили в тот вечер, когда оно вошло в гавань. Это произвело впечатление. Я навел некоторые справки, чтобы установить дату этой передачи постов, и думаю, что это было в начале эры американской революции или около того, в этот период британский гарнизон не чувствовал себя в безопасности за простым частоколом из бревен на главном берегу. Этот частокол, достойный названия форта, не был сожжен при взятии его врасплох и резне английских войск индейцами во время войны Понтиака. Следует помнить, что эта резня произошла в 1763 году — за двенадцать лет до начала американской войны.

VIII.

Детройт, 13 октября 1843 года.

Так называемый медный камень с озера Верхнее был доставлен сюда день или два назад на судне из Су-Сен-Мари, которое было перевезено из его первоначального местоположения, на реке Онтонегон, с немалым трудом и затратами. Прошло более двадцати трех лет с тех пор, как я впервые посетил этот замечательный образец самородной меди в лесах озера Верхнее. За это время посетители и путешественники в этом отдаленном районе несколько уменьшили его в размерах и весе, но он очень хорошо сохранил свой первоначальный характер и общие черты.

Я только что вернулся с повторного осмотра этого предмета в магазине на одной из главных улиц этого города, куда он был передан нынешним владельцем, который намеревается показать его любопытным. Его наибольшая длина составляет четыре фута шесть дюймов; наибольшая ширина около четырех футов; максимальная толщина восемнадцать дюймов. Это приблизительные измерения с помощью правила. Он почти полностью состоит из ковкой меди и несет на себе поразительные следы посечений, которым раньше уделяли внимание, в виде участков, которые время от времени отрезали. В городе нет достаточно больших весов или других средств, позволяющих определить его точный вес и, таким образом, устранить неопределенность, возникающую из нескольких ранее сделанных оценок. По общим оценкам, с момента своего прибытия сюда он весил от шести до семи тысяч фунтов, или около трех с половиной тонн, и на сегодняшний день является самым крупным известным и описанным образцом самородной меди на земном шаре. Слухи о более крупном произведении в Южной Америке являются апокрифическими.

Для любознательного и научного мира приобретение этой необычайной массы самородного металла является, по крайней мере, одним из практических результатов мании добычи меди, которая прошлым летом (1843 г.) увлекла так много искателей приключений на север, в район озера Верхнее. Человек, который завладел этим сокровищем (мистер Дж. Элдред), отсутствовал по своим делам с начала июня. Ему удалось извлечь его из разреженного русла на берегу реки с помощью двухзвенной автомобильной железной дороги, сделанной из древесины. Движущей силой служила снасть, прикрепленная к деревьям, с которой работали мужчины, от четырнадцати до двадцати из которых были заняты на ней. Эти рельсы попеременно перемещались вперед по мере того, как вагон проезжал с самого заднего.

Таким образом, камень протащили четыре с половиной мили по пересеченной местности к изгибу реки ниже ее водопада и ниже соединения ее разветвлений, где его погрузили на лодку и доставили к устью реки, на берег озера. В этот момент его погрузили на борт шхуны и отвезли к водопаду, или Су-Сен-Мари, а оттуда, переправив волоком, отплыли в Детройт. Все расстояние до этого места составляет немногим более тысячи миль, триста двадцать из которых лежат за пределами Сент-Мэри.

Какова будет его дальнейшая история и расположение, еще предстоит выяснить. Вероятно, он попадет в музей Национального института в новом патентном бюро в Вашингтоне. Это было бы уместно, и утверждается, что власти предъявили на него свои окончательные претензии,

вероятно, в соответствии с третьей статьей Фонд-дю-Лакского мирного договора от 5 августа 1826 года.

У меня нет под рукой книг, которые могли бы указать точное время, насколько это известно, когда эта известная масса меди впервые стала известна европейцам. Прошло, наверное, сто восемьдесят лет. Маркетт и его преданный спутник прошли вдоль берегов озера Верхнее около 1668 года, то есть за несколько лет до открытия Миссисипи этим выдающимся миссионером по пути из Висконсина. Судя по письмам Д'Яблona из Су-Сен-Мари, об этом, по-видимому, было известно еще до прибытия Ла Сая. Этих намеков будет достаточно, чтобы показать, что камень имеет историческую известность. Кроме того, это образец, который как с минералогической, так и с геологической точки зрения вполне достоин национального сохранения.

Это явно валун, и на некоторых участках его каменистой поверхности, а также на металлических частях видны следы истирания под действием воды. Требуется тщательное минералогическое исследование и его описание. Налипшая порода, которой сейчас меньше, чем в 1820 году, по-видимому, змеевидная, в некоторых частях стеатитовая, тогда как медные руды Кьюина-Пойнт на этом озере встречаются исключительно в миндалевидных и зеленокаменных породах формации трапп. На одной его грани имеется круглое углубление из непрозрачного кристаллического кварца в форме полужеода; в других частях массива обнаружен тот же минерал. Вероятно, 300 фунтов. большая часть металла была отрублена или отделена стальными долотами, поскольку это было известно белым, в основном в последние годы.

IX.

Детройт, 16 октября 1843 года.

В условиях быстрого освоения ресурсов и богатства Запада нет объекта, связанного с судоходством по верхним озерам, более перспективного, чем благоустройство дельты или равнин Сент-Клера. Именно здесь возникает единственное практическое препятствие для прохождения большегрузных судов между Буффало и Чикаго. Эта дельта образована отложениями в месте впадения реки Сент-Клер в озеро Сент-Клер и находится примерно на расстоянии около тридцати шести миль над городом. Равнины имеют веерообразную форму и простираются, я склонен думать, на пятнадцать миль вверх, по линии их наибольшего расширения.

Есть три основных канала, помимо подканалов, которые имеют глубину от четырех до шести морских саженей до самого места их выхода в озеро, где в каждом из них есть перекладина. Эта полоса, как показано на карте обследования, сделанной офицерами Макомбом и Уорнером из инженер-топографов в 1842 году, очень похожа на полосы в устьях рек верхнего озера и, по-видимому, может быть удалена или улучшена аналогичными способами. Северный канал в нынешнем сезоне перекрывает эту полосу на девять футов, как и в 1842 году, и используется исключительно судами и пароходами. Для последних этот извилистый канал, который более чем на десять миль шире в окружности, чем средний канал, не представляет никаких препятствий, кроме хитросплетения отмелей, но увеличивает расстояние.

С судами, приводимыми в движение парусами, все обстоит иначе и всегда должно оставаться таковым. Такие суда, идущие при попутном ветре, находят поворот в *Пойнт-о-Шен*, в начале

этого канала, настолько крутым, что ветер дует прямо по курсу. Следовательно, они вынуждены бросить якорь и ждать перемены ветра, чтобы повернуть к этой точке. Задержка в движении вверх на восемь или десять дней не редкость в этом месте. Если бы можно было улучшить полосу среднего канала, которая является прямой, была бы достигнута вышеуказанная экономия как во времени, так и на расстоянии. Это объект общественной важности, интересный для всех озерных штатов и территорий, и он мог бы стать предметом полезного рассмотрения Конгрессом. С каждым годом количество и размер наших озерных судов увеличивается. Темпы прироста, которые удваивают наше население за определенное количество лет, должны также увеличить водоизмещение озера и добавить новые мотивы для улучшения его судоходства.

Кроме дельты Сент-Клера, я не знаю ни одного другого препятствия в самом канале, на всем протяжении большой линии проливов между Буффало и Чикаго, которое благоразумие, хорошее морское дело и хорошо подобранные суда обычно не могут преодолеть. Пороги у Блэк-Рока, когда-то столь грозные, долгое время были перекрыты плотиной канала. Детройтский пролив хорошо обследован и обеспечивает глубокое судоходное русло в любое время. Пороги в верховьях реки Сент-Клер в Порт-Гуроне имеют достаточный запас воды для судов самого большого класса, и для их подъема требуется только попутный ветер.

Считается, что Мичилимакинакский пролив находится на том же уровне воды, что и озера Гурон и Мичиган, и представляет собой явление течения, направленного на восток или запад, в соответствии с определенными законами реакции воды, приводимой в движение ветрами. Таковы небольшие препятствия на этом необычном маршруте судоходства по внутренним озерам, которое осуществляется на средней высоте чуть менее 600 футов над уровнем прилива в Атлантике. Когда потребуется направить это торговое направление на север, через пролив Сент-Мэри в озеро Верхнее, а этот период быстро приближается, потребуется проложить короткий канал длиной в три четверти мили в Су-Сен-Мари и провести некоторые раскопки, чтобы позволить судам большого тоннажа пересекать бар в озере Джордж в этих проливах.

Х.

Дандас, Западная Канада, 26 октября 1843 года.

К счастью для изучения американских древностей, аборигены с самого раннего периода практиковали захоронение своего оружия, утвари и украшений вместе с умершими, что свидетельствует об особом уровне их мастерства в искусстве в соответствующие эпохи их истории. Для народа, не обладавшего письменностью, едва ли мог быть лучший указатель, чем те, которые дают эти бытовые памятники, для определения этих эпох; и именно поэтому изучение их курганов и мест захоронений приобретает столь важный характер в исследовании истории. До сих пор эти исследования ограничивались частями континента к югу и западу от великой цепи озер и реки Святого Лаврентия; но в настоящее время развивающиеся поселения в Канаде начинают выявлять объекты такого рода и, таким образом, расширять поле для исследований.

Вчера у меня была довольно интересная экскурсия в одно из этих древних захоронений к северу от устья озера Онтарио. Это место находится в городке Беверли, примерно в двенадцати милях

от Дандаса. Настоятель прихода, преподобный мистер Макмюррей, любезно организовал мой визит. Мы отправились в путь верхом в очень ранний час, воздух был пронизывающим, а грязь и вода на дороге настолько замерзли, что наши лошади не выдерживали. Мы поднялись на гору и прошли дальше, к плоскогорью, примерно в четырех милях, к дому достойного прихожанина мистера Мак-М., который нас любезно приветствовал, и, накормив горячим завтраком, он повез нас дальше, с крепкой упряжкой, примерно шесть миль по гвельфской дороге. Отклоняясь от этого, примерно в двух милях влево, через густой первобытный лес, с редкими полянами, мы пришли к месту. Это в 6-й концессии Беверли.

Теперь мы находились примерно в семнадцати милях по дороге от крайнего истока озера Онтарио, у городка Гамильтон в заливе Берлингтон, на одном из главных рукавов яркого и оживленного мельничного ручья в долине Дандас. Поскольку эта часть страны все еще заросла густыми и почти не нарушенными зарослями деревьев, а дороги еще не были проложены, нам приходилось часто выяснять дорогу, и в конце концов мы остановились на краю возвышенной буковой гряды, на которой деревья стояли так же широко, как в других частях леса. На первый взгляд не было ничего, что указывало бы на то, что здесь когда-либо поработала рука человека. Тем не менее, этот лесистый хребет охватывал местность, которую мы искали, и о древности захоронений и скоплений человеческих костей на этой высоте можно сделать вывод из их нахождения среди этого леса и под корнями самых больших деревьев.

С момента открытия прошло около пяти или шести лет. Это произошло в результате повала большого дерева, корни которого обнажили множество человеческих костей. Затем были предприняты поиски, которые впоследствии возобновлялись, результатом которых стало обнаружение человеческих скелетов в таком изобилии и огромных количествах, что это вызвало изумление. Это характерная черта. Кем были эти люди и как должно было произойти такое накопление, - вот вопросы, которые часто задавались. И интерес к этой сцене ни в коей мере не уменьшается при наблюдении за тем, что большая часть этих костей захоронена не в изолированных и одиночных могилах, как хоронят сейчас индейцы, а в широких и длинных траншеях и грубых склепах, в которых скелеты сложены друг на друга в продольном направлении. В этом отношении они напоминают одно месторождение, упомянутое в предыдущем письме, как залегающее на *острове Рондна* озере Гурон. И они, как и в случае с последним, выглядели бы как повторные захоронения тел после того, как плоть разложилась, собранных в местах их первоначального захоронения.

Никто — даже самый старый житель — не помнит проживания индейцев в этом месте, и, по-видимому, не существует никаких традиций на этот счет. Среди поселенцев распространено мнение, что здесь, должно быть, произошла великая битва, которая могла бы объяснить такое скопление, но эта идея, по-видимому, не подтверждается исследованием черепов, на которых, насколько я видел, нет следов насилия. Кроме того, здесь присутствуют кости и черепа женщин и детей, а также орудия труда и предметы домашнего обихода, которые обычно оставляют с умершими. Предположение о чуме, объясняющей такое количество, вызывает меньше возражений; и все же, если допустить, что в этом квартале невозможно вообразить такое количество индейцев, которое могло бы произвести такие кучи. Траншеи, насколько я мог судить, простираются по всему гребню. Один из поперечных отложений, по моим расчетам, не мог занимать менее полутора тысяч квадратных футов. Все это когда-то было перерыто в поисках диковинок, таких как трубки, раковины, бусы и т.д., которых было найдено большое

количество. Среди свидетельств погребений здесь со времен открытия Канады было несколько медных котлов, в одном из которых находились пять детских черепов.

Если бы мы могли точно определить время, необходимое для роста бука или черного дуба, поскольку они найдены в этих отложениях, диаметром шестнадцать, восемнадцать и двадцать дюймов и два фута, дата оставления или завершения захоронений могла бы быть почти точной. Время произрастания этих видов в умеренных широтах и на плодородных почвах, вероятно, гораздо меньше, чем обычно предполагается. На основании поспешного осмотра я склонен думать, что все это скопление является результатом медленного накопления как обычных захоронений, так и периодического захоронения или повторного захоронения эксгумированных костей, привезенных из соседних охотничьих лагерей и деревень. К этому, вероятно, добавилась эпидемия. Говорят, что горный хребет является вершиной или высшей точкой плоскогорья и, следовательно, рекомендует себя туземцам в качестве места общего погребения. Банды, которые кочуют с места на место и часто по своей прихоти покидают свои охотничьи деревни, неохотно оставляют своих мертвецов в таких изолированных местах. Окружающая местность, должно быть, в большом изобилии обеспечивала индейцев всеми естественными средствами к существованию. Олени и медведи, некогда очень многочисленные, все еще водятся в изобилии.

Мы миновали несколько древних бобровых плотин, и нам сообщили, что на востоке и севере страны есть похожие свидетельства того, что здесь когда-то обитали мелкие пушные зверьки. Появление сахарного клена добавляет еще один элемент индийского образа жизни. В этих окрестностях есть определенные загадочные земляные стены, которые простираются на несколько миль по всей стране, следуя за ведущими горными хребтами. Описания различаются по их протяженности от пяти до восьми миль. Этих я не видел, но узнал, что они около шести футов в высоту и представляют собой промежутки, как бы для ворот. Маловероятно, что эти стены были построены в целях военной обороны, поскольку они находятся вдали от великих вод и в стороне от великих ведущих военных путей. Гораздо более вероятно, что они предназначались для того, чтобы перехватывать проходящую дичь и заставлять оленей проходить через эти искусственные ущелья, где их поджидали охотники.

Древняя традиция ирокезов, сохраненная Колденом, представляет эту часть Канады, простирающуюся до Трех Рек, занятой Адирондаками; многочисленный, свирепый и воинственный народ, который вел решительную войну против ирокезов. Та же самая раса, которая была отмечена как говорящая на языках другого типа, на заре своего существования была названа французами общим термином алгонкины. У них было три главные резиденции на Утавасе и его истоках, и они удалились этим путем на северо-запад по мере усиления могущества ирокезов. Кем бы ни были люди, которые охотились и хоронили своих мертвецов в Беверли, очевидно, что они населяли этот район в эпоху открытия Канады и до нее, а также продолжали населять его после того, как французы ввели торговлю мехом во внутренние районы страны. Ибо в погребенных промышленных изделиях мы находим отличительные свидетельства обоих периодов.

Старинные костяные бусы, многие из которых мы подняли *in situ* вместе с черепными и другими костями из-под корней деревьев, во всех отношениях подобны найденным в кургане Грейв-Крик, которые неправильно называли "Слоновой костью". Амулеты из кости и ракушек, трубки из тонкого стеатита и затвердевшей красной глины также относятся к этому раннему периоду и

обычно изготавливались и использовались древними жителями до появления европейского кованого вампума или сивана, а также фарфоровых и стеклянных бус и украшенных трубок из грубой керамики. Я также исследовал несколько крупных морских раковин, сильно проржавевших и разложившихся, которые были привезены, скорее всего, с берегов Атлантики.

Произведя такие раскопки, какие позволяло ограниченное время и одна лопата, мы вернулись в Дандас, куда добрались после наступления темноты, немного утомленные, но хорошо вознагражденные исследованием объекта, который по ряду признаков связывает древности Канады с древностями Соединенных Штатов.

ЭПОХА ПОСЕЛЕНИЯ ДЕТРОЙТА И ПРОЛИВОВ МЕЖДУ ОЗЕРАМИ ЭРИ И ГУРОН.

Следующие документы, касающиеся раннего заселения этих проливов, были скопированы с оригиналов, хранящихся в государственных архивах Парижа, генералом Дж. Касс, в то время как он исполнял функции министра при французском дворе. Первое относится к акту о вселении, совершенному на берегу притока реки Детройт, называемого Сент-Дени, вероятно, реки *О-Канар*. Второй совпадает с периодом, обычно обозначаемым как начало существования почты Детройта. Они ценны еще и тем, что случайно обращают внимание на передовые племена, которые тогда были обнаружены в этих проливах.

При чтении этих документов следует помнить, что Ла Саль миновал эти проливы по пути в "Иллинойс" в 1679 году, то есть за *восемь* лет до акта о владении в Сент-Дэнисе и за *двадцать два* года до основания почты в Детройте. Однако в то время верхние озера были широко открыты для предприимчивости миссионеров и искателей приключений в торговле мехами. Маркетт в сопровождении Аллоеза посетил южный берег озера Верхнее в 1668 году и составил карту региона, которая была опубликована в *издании Lettres Edifiantes*. Этот ревностный и энергичный человек основал миссию святого Игнация в Мичилимакинаке примерно в 1669 или 1670 году, а три года спустя вошел в верховья Миссисипи из Висконсина. Венсен, на реке Уобаш, был основан в 1710 году; [27] Сент-Луис, не ранее 1763 года. [28]

[27] Отчет Николле.

[28] Историческая диссертация Лоу.

Канада, 7 июня 1687 года.

Возобновление захвата территории в проливе [Детройт] между озерами Эри и Гурон сьером де ла Дюрантэем.

Оливер Морель, конюший сьера де ла Дюрантэ, комендант от имени Короля Территории оттава, миами, потаватами, сиу и других племен по приказу месье маркиза де Денонсвиля, генерал-губернатора Новой Франции.

В этот день, 7 июня 1687 года, в присутствии преподобного отца Анжелерана, главы миссий в Оттаве [29] Мичилимакинака, миамцев из Су-Сен-Мари, Иллинойса и Грин-Бэй, а также сиу из

Монса. де ла Форест, бывший комендант форта Сент-Луис на реке Иллинойс, из Монса. де Лиль, наш лейтенант, и из Монса. де Бове, лейтенант форта Сент-Джозеф в Детройтском проливе между озерами Гурон и Эри. Мы заявляем всем, кого это может впоследствии касаться, что мы прибыли на берега реки Сент-Дени, расположенной в трех лигах от озера Эри, в проливах упомянутых озер Эри и Гурон, к югу от указанного пролива, а также у входа с северной стороны, ибо и во имя Короля мы возвращаем во владение упомянутые посты, установленные Монсом. Ла Саллю за содействие в плаваниях, которые он совершил или заставил совершить на судах от Ниагары до Мичилимакинака, в годы * * * * *, в каждом из которых мы приказали заново установить штат с гербом короля, чтобы возобновить упомянутое вступление во владение, и приказали построить несколько кают для размещения французов и индейцев шауни и Миами, которые долгое время были владельцами указанной территории, но которые некоторое время назад покинули ее для большей выгоды.

[29] Это, очевидно, ошибка. Автор этого акта владения, по-видимому, перепутал берег реки Сент-Мэри, одного из притоков озер Майами в стране Майами, с рекой Су-де-Сен-Мари на выходе из озера Верхнее. Последнее положение было занято в самые ранние времена, до которых доходит предание, ветвью алгонкинов, которым французы дали название по водопаду реки в этой местности, *Сольтеукс*. В наши дни они более известны под именами Чиппевас и Оджибвас.

Настоящий акт принят в нашем присутствии, подписан нашими руками и преподобным отцом Анжелераном из общества иезуитов, мм. Де ла Форест, Де Лиль и Де Бове, таким образом, в оригинале:

Анжелеран, иезуит.

De la Duranthaye [la Garduer].

Де Бове и

Де ла Форест.

Сравнено мной с оригиналом, находящимся в моих руках, советником-секретарем короля и главным регистратором Королевского совета в Квебеке, подписано и на каждой странице *парафировано*.

Составлено в Квебеке 11 сентября 1712 года.

[Подпись], Автор: Бон и Вандрейль. Вандрей

Мемуары месье де ла Мот Кадиллака, касающиеся основания Детройта, адресованные морскому министру 14 сентября 1704 года:

Ла Мот Кадиллак рассказывает о своем поведении относительно основания Детройта в форме вопросов и ответов. Министр задает вопросы, а Ла Мот отвечает:

Вопрос: Разве не в 1699 году вы предложили мне построить предприятие в проливе, отделяющем озеро Эри от озера Гурон?

О. Да, милорд.

Вопрос: Каковы были мотивы, побудившие вас укрепить там здание и основать заведение?

О. У меня их было несколько. Первый состоял в том, чтобы создать сильный пост, который не должен был подвергаться революциям на других постах, разместив там некоторое количество французов и дикарей, чтобы обуздать ирокезов, которые постоянно досаждали нашим колониям и препятствовали их процветанию.

Вопрос: В какое время вы покинули Квебек, чтобы отправиться в Детройт?

Ответ: 8 марта 1701 года. Я прибыл в Монреаль 12-го, когда нам пришлось сделать пересадку. *
* * * Я покинул Ла-шин 5 июня-с полусотней солдат и пятьдесят канадцев—гг. Де Fonty, капитан Дюк и Шасогнаш, лейтенантов. Мне было приказано пройти мимо Великой реки Оттава, несмотря на мои увещевания. Я прибыл в Детройт 24 июля и немедленно укрепился там; построил необходимые хижины и расчистил землю, готовясь к осеннему посеву.

Сравните эти данные из самых авторитетных источников с индийским преданием о первом прибытии французов в верхние озера, записанным на странице 107, Oneota, № 2.

ИНДЕЙЦЫ ЧОКТО.

В *"Виксбургском страже"* 18-го отряда, относящемся к этому племени индейцев, есть следующее: "Последние остатки этого некогда могущественного племени сейчас пересекают наш паром по пути в свои новые дома на дальнем Западе. У того, кто, подобно писателю, с детства знаком с их бронзовыми невыразительными лицами, вызывает ассоциации особой печали видеть, как они здесь в последний раз прощаются, возможно, со старыми холмами, которые дали жизнь и, несомненно, одинаково дороги ему и им. Первыми товарищами по играм нашего детства были мальчики чокто, жившие в то время в лесах округа Уоррен. Когда-то их язык был нам едва ли менее знаком, чем наш родной английский. Мы думаем, что хорошо знаем характер чокто. Мы знали многих из их нынешних стойких воинов в те дни молодости, когда индеец и белый одинаково забывают о маскировке, но в безудержном избытке юношеских чувств проявляется настоящий характер, который политика и привычки впоследствии могут так сильно скрыть; и мы знаем, что под бесстрастным стоическим взглядом, который он принимает, в природе индейца горит сердце, полное огня и чувств, и всезнающая проницательность, которая отмечает и запоминает все, что происходит, и каждое оскорбление, которое он получает. Куннилингус, ха-ха! Они уходят! С видимым нежеланием, которое ничто не могло преодолеть, кроме суровой необходимости, которая, как они чувствуют, побуждает их, они в последний раз взглянули на могилы своих предков — места своей юности — и продолжили свой медленный трудный путь, со своими домашними богами среди них, к своему новому дому в чужой стране. Они оставили названия многим нашим рекам, городам и округам; и пока существует наш штат, о чокто, которым когда-то принадлежала большая часть его земель, будут помнить".

КРАТКИЙ ОБЗОР ОТКРЫТИЙ КАРТЬЕ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ.

Прошло сорок два года с момента открытия Америки Колумбом, когда Жак Картье приготовился принять участие в морском предприятии того времени, посетив побережье. Картье был уроженцем Нормандии и отплыл из порта Сен-Мало во Франции 20 апреля 1534 года. Следует помнить, что завоевание Мексики было завершено 13 лет назад. У Картье было два небольших судна грузоподъемностью 60 тонн и 61 человек на каждом. Перед отплытием экипажи дали клятву "вести себя искренне и преданно на службе самому христианскому королю" Франциску I. После необычайно успешного 20-дневного плавания он достиг мыса "Буона Виста" в Ньюфаундленде, который, по его словам, находится на 48 ° 30' северной широты. Здесь, встретившись со льдом, он добрался до убежища Святой Екатерины, где его продержали десять дней. Это побережье было известно со времен плавания Кэбота в 1497 году, и к нему часто прибегали рыболовецкие суда. Говорят, что Жан Дени, уроженец Руана, один из этих рыбаков, опубликовал первую карту этого места в 1506 году. Два года спустя Томас Обер привез первых туземцев с Ньюфаундленда в Париж, и именно эту эпоху, 1508 год, обычно называют открытием Канады. Однако "Святой Лаврентий" оставался неоткрытым, и не похоже, чтобы было известно что-либо, кроме общих и смутных сведений о побережье и его островах. Более того, из последующих фактов станет ясно, что Америка была островом и что в этих широтах существовал проход на Азиатский континент.

21 мая Картье продолжил свое путешествие, плывя "на север и восток" от мыса Буона-Виста и достиг острова Птиц, названного так из-за необычного изобилия водящихся там морских птиц, молодняком которых матросы наполнили две лодки ", так что, выражаясь причудливым языком журнала, "помимо них, которых мы ели свежими, на каждом корабле было припасено пять или шесть бочонков пороха и соли". Он также наблюдал за богомольцем и более крупной и злобной птицей, которую они называли марго. Находясь на этом острове, они заметили белого медведя, который в их присутствии прыгнул в море и таким образом спасся. При их последующем переходе к основной суше они снова встретили, как они и предполагали, то же самое животное, плывущее к суше. Они сели в свои лодки и "главными силами догнали ее, мясо которой было так же вкусно, как мясо двухлетнего теленка". Этот медведь описан как "большой, как корова, и белый, как лебедь".

27-го числа он достиг гавани Карпунт в заливе Ле-Шасто, 51° широты, где был вынужден оставаться из-за скопления льда до 9 июня. Рассказчик путешествия пользуется случаем, чтобы описать определенные части побережья и вод Ньюфаундленда, остров Святой Екатерины, Блан-Саблон, Брест, остров Птиц и многочисленную группу островов, называемых Островками. Но эти меморандумы не связаны с какими-либо важными наблюдениями или открытиями. Говоря о Птичьих и Брестских островах, он говорит, что они представляют собой "большой запас остроухих и ворон с красными клювами и красными лапами", которые "вьют свои гнезда в подземных норах, совсем как кролики". Рядом с этим населенным пунктом "отличная рыбалка".

10 июня он зашел в порт на недавно названном острове Брест, чтобы закупить дрова и воду. Тем временем были отправлены лодки на разведку среди островов, которых оказалось так много, "что невозможно было сообщить о них, поскольку они простирались примерно на 10 лиг дальше указанного порта". Исследователи переночевали на острове. На следующий день они

продолжили свои исследования вдоль побережья и, миновав острова, нашли гавань, которую называли Сент-Энтони; в одной или двух лигах дальше они нашли небольшую речку под названием Сент-Серванспорт, и здесь установили крест. Примерно в трех лье дальше они обнаружили другую реку, большего размера, в которой водился лосось, и дали ей название Сен-Жак.

Находясь в последнем положении, они заметили корабль из Рошели, отправлявшийся на рыбалку, и, гребя на своих лодках, направили его в ближайший порт, который называется "Пролив Жака Картье", "который, - добавляет рассказчик, - я считаю одним из лучших во всем мире". Местность, которую они обследовали, имеет, однако, самый бесплодный и неприветливый характер, здесь мало что есть, кроме "камней и диких утесов и места, пригодного для диких зверей, ибо на всем Северном острове, - продолжает он, - я не видел ни одной телеги хорошей земли, и все же я ходил по берегу во многих местах, а на острове Белого песка (Блан Саблон) нет ничего, кроме мха и мелких колючек, разбросанных тут и там, увядших и сухих. Короче говоря, я верю, что это была земля, которую Бог выделил Каину".

Сразу после этого у нас есть первое описание туземцев. Мужчины описаны как "безразлично хорошего роста и крупности, но дикие и неуправляемые. Они носят свои волосы завязанными на макушке, как венки из сена, и вставляют в них деревянную булавку или любую другую подобную вещь вместо гвоздя, и с их помощью привязывают определенные птичьи перья. Они одеты в звериные шкуры, как мужчины, так и женщины, но женщины ходят в своих одеждах несколько теснее, чем мужчины, с подпоясанными талиями. Они раскрашивают себя в определенные цвета чалой; их лодки сделаны из березовой коры, с помощью которой они ловят рыбу и добывают большой запас тюленей. И, насколько мы могли понять, с момента нашего прибытия туда, это не их место обитания, но они приходят с материковой части, из более ГИПЕРССЫЛКИ \l "X2a6ef49c4f9e24e142205428a15b426e3cdf63" \h [30] стран, чтобы ловить упомянутых тюленей и другие предметы, необходимые для их существования ".....

[30] Я подчеркиваю слово "горячее", чтобы обозначить распространенную теорию. Они искали Китай или Ост-Индию.

Из этого исследовательского похода лодки вернулись в свою недавно названную гавань Бреста 13-го числа. 14-го, поскольку это была суббота, была прочитана служба, и на следующий день Картье продолжил свое путешествие, держа курс на юг, вдоль побережья, которое все еще имело самый бесплодный и безрадостный вид. Большая часть этой части повествования посвящена расстояниям и зондированию, а также названиям мысов и островов, представляющим в настоящее время очень мало интереса. 18-го числа они увидели несколько хижин на утесах и назвали эту часть побережья "Ле Гранж", но не остановились, чтобы познакомиться с их жильцами. Мыс Роял был достигнут и назван за день до этого, и, как говорят, это "величайший промысел трески, который только может быть, потому что менее чем за час мы поймали сотню из них". 24-го они открыли остров Сент-Джон. Они видели мириады птиц на группе островов, названных "Марго", в пяти лигах к западу от которых они обнаружили большой, плодородный и поросший густым лесом остров, которому было дано название "Брион". Контраст, создаваемый почвой и растениями этого острова по сравнению с унылыми и пустынными берегами, с которыми они сталкивались раньше, вызвал у них горячее восхищение; и благодаря этому восхищению они увидели здесь "дикую кукурузу", горох,

крыжовник, клубнику, дамасские розы и петрушку, "а также другие сладкие и приятные травы". Здесь они также видели моржа, медведя и волка.

Очень мало можно почерпнуть из последующих частей путешествия, пока они не достигли залива Святого Лаврентия. Туманы, встречные ветры, голые скалы, песчаные берега, штормы и солнечный свет, чередуясь, составляют пейзаж, представленный взору. Большая осторожность была проявлена при стоянке у окованного железом берега, и лодки часто использовались для исследований вдоль основной суши. Занимаясь таким образом вблизи мелководного ручья, называемого "Река лодок", они увидели туземцев, пересекавших ручей на своих каноэ, но ветер дул с берега, и они были вынуждены вернуться на свои суда, не вступая с ними в какие-либо сношения. На следующий день, когда лодки пересекали побережье, они увидели бегущего за ними по берегу туземца, который, как они предположили, делал знаки, указывая им возвращаться к мысу, который они покинули. Но как только лодка повернула, он убежал. Однако они высадились на берег и, надев на посох нож и шерстяной пояс в качестве подношения доброй воли, вернулись к своим кораблям.

Характер этой части побережья Ньюфаундленда произвел на них впечатление, поскольку она значительно превосходила те участки, которые они видели ранее, как по почве, так и по температуре. В дополнение к растениям, найденным на острове Брайон, они заметили кедры, сосны, белый вяз, ясень, иву и то, что называют "овечьими деревьями". Среди пернатых племен они упоминают "дрозда и обыкновенного голубя". Под последним термином, несомненно, подразумевается странствующий голубь. Здесь снова упоминается "дикая кукуруза", которая, как говорят, "похожа на рожь", из чего можно сделать вывод, что это была зизания, хотя то обстоятельство, что это водное растение, не упоминается.

Путешествуя вдоль побережья, Картье, по-видимому, был поглощен идеей, столь распространенной среди мореплавателей той эпохи, найти проход в Индию, и, вероятно, именно по этой причине он так скрупулезно исследовал каждую бухту, а также береговые образования. Везде, где последний предлагал что-либо благоприятное, присутствовала сильная склонность к восхищению и к тому, чтобы внешний вид соответствовал теории. Следует помнить, что Гудзон семьдесят пять лет спустя, плывя вверх по Норт-Ривер, имел схожие представления. Отсюда применение нескольких неподходящих терминов к растениям и животным в этих широтах и постоянное ожидание увидеть деревья, усыпанные фруктами и специями, "хорошие деревья" и "очень сладкие и приятные травы". То, что бесплодные и холодные берега Лабрадора и северные районы Ньюфаундленда были охарактеризованы как регион, подверженный божественному проклятию, должно вызывать не столько удивление, сколько стремление при каждом значительном изменении почвы и зелени превратить их в землю восточных плодородий. По-видимому, недостаточно учитывалось, что увеличение количества зелени и температуры были в значительной степени вызваны приближением сезона. Он прибыл на это побережье 10 мая, а сейчас был июль. В настоящее время очень хорошо известно, что лето в высоких северных широтах, хотя и короткое, сопровождается высокой степенью жары.

3 июля Картье вошел в залив, который с тех пор носит название Святого Лаврентия и центр которого, по его утверждению, находится на 47 ° 30' северной широты. 4-го числа он направился вверх по заливу к ручью Сен-Мартен, недалеко от залива Шалер, где из-за неблагоприятных погодных условий был задержан на восемь дней. Во время задержания одна из шлюпок

корабля была отправлена на разведку. Они прошли 7 или 8 лиг до мыса в заливе, где заметили две группы индейцев, "примерно в 40 или 50 каноэ", пересекавших ла-манш. Одна из сторон приземлилась и поманила их последовать их примеру, "производя большой шум" и показывая "определенные шкуры на кусках дерева", то есть свежие натянутые шкуры. Опасаясь своей численности, моряки держались в стороне. Индейцы приготовились последовать за ними на двух каноэ, в ходе движения к ним присоединились пять каноэ другой партии, "которые приближались со стороны моря". Они дружелюбно приблизились, "пританцовывая и делая множество знаков радости, говоря на своем языке *Nape tondamen assuath*". [31] Моряки, однако, заподозрили их намерения и, обнаружив невозможность ускользнуть от них бегством, произвели в них два выстрела, которые так напугали их, что они опрометью бросились на берег, "производя сильный шум". "Однако, немного помедлив, "дикари" снова сели в седло и возобновили преследование, но, поравнявшись с ними, они были отпугнуты ударами двух копий, которые настолько смутили их, что они поспешно обратились в бегство и больше не предпринимали попыток преследовать.

[31] В сравнительном словаре мистера Галлатина "Нейпью" означает человека, на шешатапушском или лабрадорском. Поэтому справедливо заключить, что это был отряд индейцев шешатапуш, язык которых доказывает, что они принадлежат к великой семье алгонкинов.

По-видимому, это была первая встреча команды корабля с туземцами. На следующий день беседа была начата в связи с приближением упомянутых "диких людей" на девяти каноэ, которое описано таким образом. "Когда нам объявили об их приближении, мы направились к тому месту, где они были на наших лодках; но как только они увидели нас, они начали убегать, делая знаки, что они пришли торговать с нами, показывая нам те шкуры, в которые они были одеты, которые представляют небольшую ценность. Мы также делали им знаки, что не желаем им зла, и в знак этого двое из наших людей отважились спуститься к ним на сушу и принести им ножи, другие железные изделия и красную шляпу, чтобы отдать их капитану. Увидев это, они тоже вышли на сушу и принесли немного своих шкур, и так начали обращаться с нами, по-видимому, очень радуясь нашим железным изделиям и другим вещам, танцуя со многими другими церемониями, например, выплескивая морскую воду руками себе на головы. Они отдали нам все, что у них было, ничего не оставив себе, так что им пришлось вернуться голыми, и сделали нам знаки, что на следующий день они придут снова и принесут с собой еще шкур".

Заметив просторную бухту, простирающуюся за мысом, где было открыто это сообщение, и ветер, оказавшийся неблагоприятным для судов, выходящих из гавани, Картье отправил свои шлюпки осмотреть ее в надежде, что она может обеспечить желаемый проход, — ибо всегда можно было заметить, что он усердно искал давно желанный проход в Индию. Занимаясь этим обследованием, его люди обнаружили "дым и костры" "диких людей" (термин, постоянно используемый в повествовании для обозначения туземцев). Эти дымы поднимались над небольшим озером, сообщающимся с заливом. Состоялась дружеская беседа, туземцы представили приготовленного тюленя, а французы достойно ответили "топориками, ножами и бусами". После этих предварительных переговоров, которые были проведены с большой осторожностью депутатами с обеих сторон, тела мужчин подплыли на своих каноэ с целью переправы, оставив большую часть своих семей позади. По оценкам, в этом месте было замечено около 300 мужчин, женщин и детей. Они демонстрировали свою дружбу пением и танцами, а также тем, что потирали руки о плечи своих европейских гостей, а затем поднимали

их к небесам. Высказывается мнение, что эти люди (которые занимали положение, отведенное микмакам в 1600 году на этнологической карте г-на Галлатина) могли бы очень легко быть обращены в христианство. "Они кочуют, - говорит рассказчик, - с места на место. Они живут только рыбной ловлей. У них есть обычное время, чтобы добыть провизию. В этой стране жарче, чем в Испании, и она самая прекрасная, какую только можно найти, совершенно гладкая и ровная". К ранее замеченным произведениям, которые существуют на острове Брион и в других местах и которые также были найдены здесь, он добавляет "белые и красные розы, а также множество других цветов с очень сладким и приятным запахом". "Там также есть, - говорит журналист, - много прекрасных лугов, заросших травой, и озер, в которых водится много лосося". Туземцы называли топорик *кочи*, а нож для *нарезки* [32],,. Сейчас была почти середина июля, и жара, царившая во время экскурсии, побудила Картье назвать бухту Байе—дю-Шалер - название, которое она носит до сих пор.

[32] Коши и Бакон. Это не термины для обозначения топора и ножа ни в микмаке, ни в старом алгонкинском, ни в вайандоте.

12 июля Картье покинул свой причал в Сент-Мартинс-Крик и направился вверх по заливу, но из-за плохой погоды был вынужден зайти в бухту, которая, по-видимому, называлась Гаспе, где одно из судов сорвалось с якоря. Они были вынуждены укрыться в реке этого залива и пробыли там тринадцать дней. Тем временем они вступили в сношения с туземцами, которые в большом количестве занимались рыбной ловлей макереля. По оценкам, во время их задержания было замечено сорок каноэ и 200 мужчин, женщин и детей. Им были преподнесены подарки в виде "ножей, гребней, стеклянных бус и других мелочей небольшой ценности", за что они выразили огромную благодарность, подняв руки, станцевав и спев.

Эти индейцы Гаспе представлены как отличающиеся как по характеру, так и по языку от ранее упомянутых. Они представляли собой картину крайней нищеты, были частично одеты в "старые шкуры" и жили без палаток. Их можно, говорит журналист, "с полным правом назвать *дикими*, потому что в мире нет более бедных людей, потому что, я думаю, все, что у них было вместе, кроме лодок и сетей, не стоило и пяти су". Они брили головы, за исключением пучка на макушке; по ночам укрывались под своими каноэ на голой земле и ели провизию, почти не приготовленную. Они совершенно не употребляли соль и "не ели ничего, что имело хоть какой-то привкус соли". Когда Картье впервые оказался среди них, мужчины выразили свою радость, как и те, кто был в бэй-Шалер, пением и танцами. Но они заставили всех своих женщин, кроме двух или трех, бежать в лес. Раздав гребень и жестяной колокольчик каждой из женщин, которые осмелились остаться, алчность мужчин была возбуждена, и они быстро вызвали своих женщин, числом около 20, на вылазку из леса, каждой из которых был сделан одинаковый подарок. Они ласкали Картье, прикасаясь к нему и потирая его руками; они также пели и танцевали. Их сети были сделаны из местной конопли; у них также был вид "проса", называемый "капайге", бобы, называемые "Саху", и орехи, называемые "Кахехья". Если выставлась какая-нибудь вещь, о которой они не знали или не понимали, они качали головами, говоря "Нет". Добавляется, что они никогда не выходят к морю, кроме как во время рыбной ловли, что, как мы можем заметить, вероятно, было причиной того, что у них не было ни домиков, ни много другого имущества при себе. Естественно, во время этих летних экскурсий они хотели бы как можно больше разгрузить свои каноэ, чтобы доставить их обратно сушеной рыбой. Язык, на котором говорят эти индейцы Гаспе, явно относится к ирокезскому типу. "Кахехья" - это, с небольшой разницей, термин, обозначающий фрукты в Онейде.

24 июля Картье установил крест высотой тридцать футов с надписью "*Да здравствует король Франции*". Местные жители, присутствовавшие на этой церемонии, по-видимому, после небольшого размышления поняли ее истинный смысл, и их вождь пожаловался на это в "длинной речи", дав им понять, "что страна принадлежит ему и что мы не должны устанавливать никаких крестов без его разрешения". Развевая опасения старого вождя и прибегнув к некоторому двуличию, чтобы заставить его плыть вместе с ним, они схватили двух туземцев, намереваясь доставить их во Францию, и на следующий день отплыли вверх по заливу. Проведя еще несколько обследований залива и потерпев неудачу в попытке войти в устье реки, Картье задумался о возвращении. Он был встревожен яростными приливами, исходившими от "Святого Лаврентия"; погода становилась штормовой, и при таких обстоятельствах он собрал своих капитанов и главных матросов, "чтобы поставить вопрос о целесообразности продолжения плавания". Они посоветовали ему это сделать. Что, учитывая, что начали преобладать восточные ветры — "что достать было нечего" — что стремительность приливов была такова, "Что они только спадали", и что начали царить штормы и непогода — и, более того, что они должны были либо немедленно вернуться домой, либо оставаться там, где были, до весны, было целесообразно вернуться. Он подчинился этому совету. Не теряя времени, они двинулись в обратный путь вдоль побережья Ньюфаундленда. 9 августа они достигли порта "Уайт Сэндс". 15-го числа, в "праздник Успения Пресвятой Богородицы", после службы Картье отбыл с побережья. Он попал в сильный шторм, продолжавшийся три дня, "примерно посреди моря", и достиг порта Сен-Мало 5 сентября после отсутствия в течение четырех месяцев и шестнадцати дней.

В этом заключается суть первого, насколько нам известно, открытого путешествия, когда-либо совершенного в водах Святого Лаврентия, о котором нам известно. Побережья Ньюфаундленда и Новой Шотландии, как и берега Северной Атлантики в целом, были открыты Кэботом 37 лет назад. К берегам Ньюфаундленда, как известно, довольно свободно прибегали с целью рыбной ловли в течение 26 лет из этого периода, и туземцы были, по крайней мере, в одном случае вывезены в Европу. Но о существовании реки Святого Лаврентия, похоже, никто не знал. Таким образом, Картье является истинным первооткрывателем Канады, хотя и не был ее основателем. Последняя честь была предоставлена другому. В двух последующих путешествиях Картье, о которых предлагается составить краткий обзор, его звание первооткрывателя закрепилось еще более полно.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ.

19 мая 1535 г. н.э. Картье покинул Сен-Мало в своем втором исследовательском путешествии "к островам Канада, Хочелага и Сагней" на трех кораблях — "Эрмине" водоизмещением от 100 до 120 тонн, "маленькой Эрмине" водоизмещением 60 тонн и "Гермерийоне" водоизмещением 40 тонн, которыми командовали отдельные капитаны, действующие по его приказу как "Генералы". Его сопровождали несколько джентльменов и искателей приключений, среди которых рассказчик о путешествии упоминает "магистра Клавдия де Пон Бриана, сына лорда Монсельского и виночерпия дофина Франции; Карла Померанского и Джона Поулета". Во время выхода из порта он пережил сильный шторм, во время которого корабли расстались. Картье достиг побережья Ньюфаундленда 7 июля, и к нему не присоединились другие суда до 26-го, в этот день пропавшие суда вошли в "порт Уайт Сэндс" *в бухте Често*, месте, ранее назначенном для их общего сбора.

27-го числа он продолжил свое плавание вдоль побережья, держа в поле зрения землю и, следовательно, подвергаясь большому риску из-за многочисленных отмелей, с которыми он сталкивался в поисках якорных стоянок. Многие острова и мысы, названные в предыдущем плавании, были замечены, и были присвоены названия другим, которые прежде ускользали от внимания. Промеры, курсы и расстояния детализированы с утомительной растянутостью и, вероятно, с неопределенностью той эпохи. Ничего важного не происходило до 8 августа, когда Картье вошел в залив, где он ранее сталкивался с подобными штормами и который теперь он назвал Святым Лаврентием. Оттуда 12-го числа он продолжил свое путешествие на запад "примернов 25 лигах" к мысу под названием "Успение", который, по-видимому, был частью побережья Новой Шотландии. Совершенно очевидно, что идея непрерывного континента не приходила Картье в голову в тот период, хотя Кэботы открыли побережье и исследовали его почти 40 лет назад (1497 г.). Он постоянно говорит о своих открытиях как об "островах" и, по-видимому, больше всего беспокоился о том, чтобы найти давно разыскиваемый "проход", столь часто упоминаемый в его дневниках.

Двое туземцев, которых он захватил в предыдущем плавании, теперь рассказали ему, что мыс Успения был частью "южного побережья", или мэйна, — что к северу от прохода в "Хонгуэдо" есть остров, куда их доставили годом ранее, и что "в двух днях пути от указанного мыса и острова начинается королевство Сагений".

В результате этой информации и желания вновь посетить "землю, которую он ранее заметил" Картье повернул свой курс на север и, снова войдя в залив Святого Лаврентия, подошел к устью реки, которая, как утверждается, имеет "около тридцати лиг" в поперечнике. Два туземца сказали ему, что здесь начинается "Сагений" — что это обитаемая страна, где добывают "красную медь". Далее они сообщили ему, что это устье "великой реки Хочелага, ведущей в Канаду", — что она сужается при подъеме к Канаде, вода становится пресной; что ее истоки настолько далеки, что они никогда не слышали ни о каком человеке, который посещал их, и что для завершения подъема потребуются лодки.

Эта информация, по-видимому, разочаровала Картье, и он решил отправиться на разведку к северу от залива, "потому что он знал", используя причудливый язык рассказчика, "можно ли обнаружить какой-либо проход между землями к северу". Однако такого прохода найти не удалось, и, посвятив десять или двенадцать дней повторному обследованию ранее открытых, но несовершенно открытых точек и островов или открытию других, он вернулся к реке Святого Лаврентия, по которой начал подниматься; и 1 сентября. он подошел ко входу в реку Сагений, которая описывается как смелый и глубокий поток, впадающий в реку Святого Лаврентия между голыми, обрывистыми скалами, увенчанными деревьями. Здесь они встретили четыре каноэ индейцев, которые проявляли характерную для них осторожность и застенчивость. Однако, когда двое плененных туземцев окликнули их, назвав свои имена, они подошли поближе. Но в журнале больше нет никаких подробностей этого интервью. На следующий день они продолжили движение вверх по реке. Отмечается, что приливы были "очень быстрыми и опасными", а "течение" описывается как равное тому, что в Бордо. На "Острове Кондрес" видели много черепашек и один вид рыб, который, по описанию, равен по размеру морской свинье, с головой, напоминающей голову борзой, и безупречной белизной. Возможно, на основании такого описания было бы расплывчато строить догадки относительно предполагаемого вида рыбы, но поскольку туземцы сообщили, что они "очень пикантные и хороши в употреблении", можно сделать вывод, что имелся в виду осетр. Многие описания

животных Америки, данные Картье, по-видимому, составлены скорее с целью вызвать удивление в эпоху, когда чудеса усердно искали и им охотно верили, чем для того, чтобы передать какое-либо точное представление об их истинных характерах и свойствах.

7 сентября. они достигли острова, который сейчас называется Орлеан, где, как говорят, "начинается страна Канада". Утверждается, что этот остров имеет десять лиг в длину и пять в ширину и населен туземцами, которые жили исключительно рыбной ловлей. Бросив якорь в канале, он совершил официальную высадку на своих лодках, взяв двух пленников, Домайгаю и Тайноањи, в качестве переводчиков. Туземцы сначала обратились в бегство, но, услышав, что к ним обращаются на их родном языке, и обнаружив, что пленники их соотечественники, сразу же завязались дружеские отношения. Туземцы выражали свою радость танцами и "демонстрировали всевозможные церемонии". Они подарили Картье "угрей и другие виды рыб, две или три порции крупного проса, из которого они пекут хлеб, и много отличных каш-дынь". Это "большое просо", по-видимому, было *zea mais*, которое здесь впервые замечено, у северных индейцев. Весть о прибытии их пропавших соотечественников Д. и Т., казалось, подняла переполох во всех окрестных деревнях, и Картье обнаружил, что его окружают гости, которым он преподносил подарки, пустяковые сами по себе, но имеющие большую ценность в глазах индейцев. По-видимому, здесь царили предельная гармония и хорошее самочувствие.

На следующий день Доннакона, которого вежливо называют лордом Агуханны, посетил корабли на 12 лодках или каноэ, десяти из которых, однако, он приказал держаться на расстоянии, а с двумя другими и 16 мужчинами приблизился к судам. Последовало дружеское совещание. Вождь, приблизившись к самому головному судну, начал "произносить длинную речь, двигая всем своим телом и членами странным образом". Когда он добрался до корабля Картье, пленники вступили с ним в свободную беседу, рассказывая о наблюдениях, которые они сделали во Франции, и о добром обращении, которому они подверглись. Этот концерт Доннаконе так понравился, что он попросил Картье протянуть ему руку, чтобы он мог поцеловать ее. Он не только поцеловал ее, но и "повесил себе на шею, потому что так они обычно делают, когда хотят много чего сделать". Затем Картье вошел в лодку вождя, "приказав принести хлеба и вина", и после еды и питья с ним и его последователями беседа завершилась к обоюдному удовлетворению.

Разгар сезона и решимость посетить Хочелагу (ныне Монреаль) до того, как образуются лед, побудили Картье поискать гавань, которая обеспечила бы безопасную стоянку его крупнейших судов зимой. Он выбрал "маленькую речку и гавань" напротив оконечности острова, которой дал название "Санта-Круа", поскольку она находилась в непосредственной близости от деревни Доннакона. Не теряя времени, они подняли и пришвартовали суда, а также забили сваи в гавань для их большей безопасности. Во время выполнения этой работы было налажено дальнейшее знакомство с местными жителями, и их мнение о визите Картье начало проявляться само собой, из чего следовало, что дружба, установившаяся с ним, была скорее кажущейся, чем реальной. Примерно в это же время Теньоањи и Домайгайя были вынуждены вернуться в свои деревни, и вскоре стало очевидно, что знания, которые они приобрели о французах, будут использованы для того, чтобы заставить своих соотечественников остерегаться посягательств на их землю. Теньяњи, в частности, стал неприятен французам своим угрюмым и изменившимся поведением, а также активностью, которую он впоследствии проявил, сорвав план Картье посетить остров Хочелага, хотя, похоже, перед тем, как покинуть суда, он обещал быть гидом в экспедиции.

Сам Доннакона выступал против предполагаемого визита с помощью аргументов, уловок и, наконец, благодаря необычайному запасу человеческих дарований. Его отвращение к этому сначала проявилось в том, что он держался в стороне и принял застенчивый и подозрительный вид. Картье, обнаружив этого вождя с Т. и Д. и многочисленной свитой поблизости от него, "под точкой или закоулком земли", приказал части своих людей следовать за ним и внезапно появился среди них. После взаимных приветствий Теньяньи встал и обратился к нему от имени Доннаконы, пожаловавшись на то, что они пришли вооруженными, на что Картье ответил, что это обычай его страны, и он не может отказаться от этого обычая. Когда суматоха и накал знакомства закончились, Картье сыграл роль политика-дипломата и был встречен Доннаконой и его советниками на его собственной территории, и вся беседа, хотя она и привела к тому, что называется "удивительно прочной лигой дружбы", может рассматриваться только как борьба, в которой обе стороны демонстрируют глубочайшее лицемерие. Эта "лига" была одобрена туземцами тремя громкими возгласами, "ужаснейшее зрелище", - говорит рассказчик.

Уже на следующий день Доннакона в сопровождении Т. и Д. и 10 или 12 "самых высокопоставленных лиц страны, более 500 человек, мужчин, женщин и детей", поднялся на борт судов, стоящих у их причалов, в знак протеста против предполагаемого исследовательского рейса. Тайноаньи открыл конференцию, сказав Картье, что Доннакона сожалеет о своем намерении посетить Хочелагу и запретил кому-либо из своих людей сопровождать его, потому что сама река "не имеет значения". Картье ответил, что его решение принято, и призвал говорившего отправиться с ним, как он и обещал, предложив сделать путешествие во всех отношениях выгодным для него. Немедленный отказ со стороны Т. и внезапный уход всей собравшейся толпы положили конец этому интервью.

На следующий день Доннакона снова появился со всеми своими последователями, принося в подарок рыбу, пение и танцы. Затем он приказал всем своим людям отойти в сторону и, нарисовав на песке круг, попросил Картье и его последователей войти в него. Завершив эту договоренность, он начал обращение, "держа в одной руке девочку десяти или двенадцати лет", которую он представил Картье, и толпа одновременно издала три крика. Затем он вывел вперед двух детей мужского пола по отдельности, представляя их таким же образом, и его народ при каждом представлении выражал свое согласие криками. Теньяньи, который к этому времени навлек на себя эпитет "хитрый плут", сказал "капитану" (как все время называли Картье), что один из детей был его родным братом, а девочка - дочерью "родной сестры" Доннаконы, и что это представление было сделано ему исключительно с целью отговорить его от экспедиции. Картье настойчиво повторял, что его решение было принято и не могло быть изменено. Здесь вмешался Домайгайя и сказал, что дети были предложены в качестве "знака доброй воли и безопасности", а не с какой-либо конкретной целью отговорить его от экспедиции. Двое освобожденных пленников обменялись громкими словами, из которых было очевидно, что тот или иной либо неправильно понял, либо исказил объект подарка. Картье, однако, забрал детей и подарил Доннаконе "два меча и два медных таза", за что тот поблагодарил его в ответ и "приказал всем своим людям петь и танцевать", а также попросил капитана разрядить артиллерийское орудие для его удовольствия. Картье с готовностью развил этот намек, чтобы показать им разрушительное действие европейской артиллерии, и по сигналу приказал выпустить двенадцать заряженных ядрами орудий по прилегающему лесу, чем они были настолько поражены, что "обратились в бегство с воем, плачем и визгом, так что, казалось, разверзся ад".

Эти попытки помешать намеченному путешествию потерпели неудачу, и туземцы попытались испытать доверчивость капитана и подействовать на его страхи. Для этой цели трое туземцев были переодеты в роли "дьяволов", завернуты в шкуры, вымазаны грязью и снабжены рогами. Экипированные таким образом, они воспользовались приливом, чтобы спуститься вниз вдоль борта судов Картье, произнося слова непонятного значения, когда проходили мимо, но их лица были непоколебимо обращены к лесу. В то же время Доннакона и его люди выбежали из леса на берег, различными способами привлекая внимание экипажей кораблей, и в конце концов схватили мнимых "дьяволов" в момент их высадки и отнесли их в лес, где были произнесены их откровения.

Результат этого неуклюжего трюка был объявлен Теньяньи и Домайгой, которые сказали, что их бог "Кудруэньи говорил в Хочелаге", принося французам дурные вести, и что он послал этих троих людей сообщить им, что в стране так много льда и снега, что любой, кто войдет в нее, должен умереть. После нескольких допросов "за" и "против", в ходе которых французский командующий странным образом противопоставил власть "своих священников" власти "дьяволов", и Теньяньи, и Домайгайя в конце концов единогласно заявили, что Доннакона "ни в коем случае не позволит, чтобы кто-либо из них отправился с ним в Хочелагу", если только он не оставит в его руках заложников.

Все эти ухищрения, по-видимому, мало повлияли на план Картье. Он сказал своим освобожденным переводчикам, что, если они не отправятся добровольно, они могут остаться, и он продолжит путешествие без них. Соответственно, закончив швартовку своих судов, 19 сентября он отправился исследовать верховья реки, взяв свое самое маленькое судно и две лодки с пятьюдесятью моряками и нештатными джентльменами из его отряда. Десятидневное путешествие привело его к расширению реки, которое он назвал Анголесмским озером, но которое теперь известно под именем Святого Петра. Здесь мелководье и быстрое течение побудили его покинуть "Гермерийон", и он отправился дальше с двумя лодками и двадцатью восемью вооруженными людьми. Плодородие побережья, красота и буйство лесных деревьев, увитых виноградными лозами, увешанными гроздьями винограда, разнообразие водоплавающих птиц и, прежде всего, дружелюбное отношение, которое они повсюду получали от индейцев, вызывали неподдельное восхищение. Один из вождей, с которым они столкнулись, подарил Картье двоих детей, своих сына и дочь, последнюю из которых, когда ей было 7 или 8 лет, он принял. В другой раз один из охотников вынес его на берег так "легко, словно он был пятилетним ребенком". В каждом месте, где он соприкасался с туземцами, которые, казалось, соперничали друг с другом в проявлениях гостеприимства, ему преподносили рыбу.

Эти знаки приветствия и уважения продолжали проявляться на протяжении оставшейся части путешествия в Хочелагу, куда он прибыл 2 октября. Множество людей обоего пола и всех возрастов собрались на берегу, чтобы засвидетельствовать его приближение и поприветствовать его прибытие. Они выражали свою радость танцами, "толпились вокруг нас, развлекались с нами, приносили своих маленьких детей на руках только для того, чтобы наш капитан и его компания прикоснулись к ним". Картье высадился на берег и провел полчаса, принимая их ласки, раздал женщинам оловянные бусы, а некоторым мужчинам ножи, а затем "вернулся на лодки ужинать". Туземцы развели на берегу большие костры и продолжали танцевать и веселиться всю ночь, часто восклицая *Aguiaze*, что, как говорят, означает "веселье и безопасность".

Рано утром следующего дня Картье, "очень роскошно одевшись" и взяв с собой 20 моряков, своих офицеров и статистов, высадился на берег с целью осмотреть город, взяв нескольких туземцев в качестве проводников. Пройдя по хорошо протоптанной тропинке, ведущей через дубовый лес, четыре или пять миль, он был встречен вождем в сопровождении свиты, высланной ему навстречу, который знаками дал ему понять, что ему желают отдохнуть на том месте, где был разведен костер, - проявление вежливости, которое, как можно предположить, было чем-то большим, чем пустой комплимент октябрьским утром. Здесь вождь произнес "длинную речь", которая, конечно, не была понята, но они предположили, что она выражала "веселье и дружбу". Взамен Картье подарил ему 2 топора, 2 ножа и крест, который он заставил его поцеловать, а затем надел ему на шею.

После этого процессия без дальнейших остановок двинулась к "городу Хочелага", который описывается как расположенный посреди возделанных полей, на расстоянии лиги от горы. Он был защищен тремя валами "один внутри другого", высотой около двух прутьев, "хитроумно соединенными вместе на свой манер", с единственными воротами, "закрытыми сваями, кольями и решетками". У этого входа и других частей стен наверху были платформы, выложенные камнями для оборонительных операций. Подъем на эти платформы осуществлялся по лестницам.

Когда французы приблизились, им навстречу вышло большое количество людей. Проводники провели их к большому квадратному ограждению в центре города, "от края до края отлитому хорошим камнем". Сначала их приветствовала женская часть населения, которая принесла своих детей на руках и нетерпеливо бросилась трогать или тереть лица и руки незнакомцев или любые части их тела, к которым они могли приблизиться. Теперь мужчины отослали женщин и чинно расселись кругами на земле, как будто, по словам рассказчика, вот-вот должна была начаться репетиция "какой-то комедии или шоу". Затем женщины принесли циновки и расстелили на земле, чтобы посетители могли сесть на них. Последним прибыл "Господин и король" Агуханна, парализованный старик, которого несли на плечах 9 или 10 слуг, сидевших на "шкуре большого оленя". Они положили его рядом с циновками, которые занимали Картье и его спутники. Этот простой властитель "был одет ничуть не лучше, чем все остальные, за исключением того, что у него была некая вещь, сделанная из шкур еж, похожая на красный венчик, и это было вместо его короны".

После приветствия, в котором неуклюжая жестикуляция заменила язык, старый вождь выставил напоказ свои парализованные конечности, чтобы предполагаемые небесные гости прикоснулись к ним. Картье, хотя и казался человеком здравомыслящим и решительным, в других случаях не возражал против почитания его предполагаемой божественности, но вполне серьезно принялся растирать ноги и руки доверчивого вождя. За этот поступок вождь подарил ему свою капризную "корону". Теперь приводили слепых, хромых и бессильных жителей города и клали перед ним, "некоторые были такими старыми, что волосы с их век опускались и закрывали щеки", ко всем из которых он прикасался, демонстрируя свою серьезность, читая Евангелие от Святого Иоанна и "молясь Богу, чтобы ему было угодно открыть сердца этих бедных людей и дать им познать его святое слово, и чтобы они могли принять крещение и христианский мир". Затем он громким голосом прочитал отрывок из католической службы, во время которой местные жители были "удивительно внимательны, поднимая глаза к небу и подражая нам в жестах". Затем были розданы подарки в виде столовых приборов и безделушек, зазвучали трубы, и компания приготовилась вернуться на свои лодки. Когда они собирались уходить,

женщины вмешались, пригласив их отведать приготовленных ими блюд — комплимент, который был отклонен, "потому что мясо совсем не имело привкуса соли". За ними вышли из города "мужчины и женщины-ныряльщики", которые провели всю группу на вершину горы, откуда открывался широкий вид на равнину, реку с ее островами и далекие горы. Восхищенный зрелищем, которое продолжало радовать посетителей во все последующие времена, Картье присвоил этому возвышению название "Маунт-Рояль" - название, которое с некоторыми изменениями перешло к современному городу. Удовлетворив свое любопытство и получив такие сведения о прилегающих районах, какие позволяло их несовершенное знание индейского языка, они вернулись к своим лодкам в сопровождении беспорядочной толпы туземцев.

Так закончилась 3 октября 1535 года первая официальная встреча французов и индейцев внутренних районов Канады, или того, что теперь стало называться *Новой Францией*. Что касается тех случаев, в которых индейцы представлены смотрящими на Картье в свете божества, облеченного властью исцелять больных и возвращать зрение слепым, то каждый проявит ту степень веры, которую позволяет его доверчивость. Все происходящее имеет столь поразительное сходство с "Христом, исцеляющим больных", что, вероятно, рассказчик в большей степени опирался на свой Новый Завет, чем на какие-либо определенные знания о вере и верованиях дикого народа, традиции которого не простираются далеко и язык которого, по большей части, он понимал лишь несовершенно. Что касается описания города с тройными стенами, то те, кто знает, как построены наши индийские деревни, смогут лучше всего судить о том, насколько далеко зашел рассказчик, руководствуясь фантазией, от того, чего не хватало на самом деле. Где-то ожидалось найти "город-крепость", и автор не нашел лучшего места для его размещения. Как только Картье добрался до своих лодок, он поднял парус и начал спуск, к большому разочарованию индейцев. Ветер и прилив благоприятствовали ему, и на следующий день он вернулся на свою "Лодку". Убедившись, что все в порядке, он продолжил спуск, не встретив особого внимания, и достиг "порта Святого Креста" 11 числа того же месяца. За время его отсутствия экипажи кораблей возвели бруствер перед судами и установили несколько корабельных пушек для их защиты. Доннакона возобновил свое знакомство на следующий день в присутствии Теньяни, Домайги и других, к которым относились с видимостью дружбы, которую вряд ли можно было ожидать, что Картье мог искренне испытывать. Он, в свою очередь, посетил их деревню Стадакона, и, восстановив таким образом дружеские отношения, французы подготовились к приближению зимы.

Зима наступила во всей своей суровости. С середины ноября. к середине марта суда были окружены льдом "толщиной в две сажени" и снегом глубиной более четырех футов, доходившим до бортов судов. А погода представлена как "чрезвычайно сырая и горькая". В разгар этой суровости экипажи были заражены "странной и жестокой болезнью", естественным следствием слишком распущенного общения с туземцами. Вирулентность этого расстройства превзошла все, что они наблюдали ранее, хотя из журнала явствует, что только благодаря своей вирулентности сама болезнь приобрела какие-то новые черты. Начало болезни ознаменовалось полным упадком сил, ноги распухли, "сухожилия стали черными, как уголь". Инфекция стала всеобщей и вызвала величайшую тревогу. К середине февраля не более 10 человек из 110 были в состоянии оказать помощь больным. Восемь человек уже умерли, а 50, как предполагалось, выздоравливали.

Картье, чтобы никто не узнал о его слабости, а также чтобы предотвратить дальнейшее заражение, запретил все сношения с туземцами. Он распорядился, чтобы "каждый благочестиво готовился к молитве и в память о Христе установил его изображение на дереве, примерно на расстоянии выстрела от форта, среди льда и снега, давая всем понять, что в следующее воскресенье там должна быть отслужена служба, и что всякий, кто может пойти, больной или здоровый, должен пройти туда процессией, распевая семь псалмов Давида и другие ектении, молясь и т.д."

Беспорядок, однако, продолжал распространяться до тех пор, пока на кораблях не осталось "более трех здоровых людей, и никто не мог подлезть под люки, чтобы налить питья ни себе, ни своим товарищам". Иногда они были вынуждены хоронить мертвых под снегом из-за своей слабости и сильного мороза, из-за которого проникать в землю было почти невероятным трудом. Картье прибегал к любым ухищрениям, чтобы скрыть от индейцев истинное состояние своих экипажей, и он неустанно искал средство против беспорядков.

В этом его усилия, наконец, увенчались успехом, но только после того, как он потерял 25 своих людей. Используя отвар коры и листьев определенного дерева, которое, как утверждается, является "деревом Сассафрас", [33] остальные члены его команды были полностью восстановлены. Отвар пили обильно, а остатки применяли наружно в соответствии с указаниями Домайгайи, которому он был обязан за информацию, и который заставил женщин принести веточки этого растения и "с их помощью показал способ, как его использовать".

[33] Поскольку впоследствии было заявлено, что дерево "такое же большое, как любой дуб во Франции", вероятно, это была *самшитовая бузина*, а не сассафрас, который никогда не достигал больших размеров.

Другие инциденты той зимы не носили такого характера, чтобы требовать уведомления. Существовало взаимное недоверие. Картье постоянно опасался какой-то хитрости, для которой характер и передвижения его диких соседей давали некоторые основания. Он был задержан в бухте Святого Креста до 6 мая 1536 года. Рассказчик пользуется случаем этого долгого периода бездействия, чтобы описать манеры и обычаи, церемонии и занятия индейцев и подробно изложить информацию, полученную от них, а также из личных наблюдений относительно географических особенностей и производства страны.

Что касается веры индейцев, то, как говорят, они ни капельки не верили в Бога, но в того, кого они называют "Кудруяньи", которому, по их словам, они часто обязаны предвидением погоды. А когда он сердится, его недовольство проявляется в том, что он пускает пыль им в глаза. Они верят, что после смерти они отправляются к звездам, постепенно спускающимся к горизонту, и, наконец, попадают на некие зеленые поля, изобилующие фруктами и цветами.

Они представлены как обладающие всем общим имуществом и "одинаково хорошо хранимые" вместе с полезными "товарами" страны — одеваются несовершененно в шкуры, зимой носят чулки и обувь из шкур, а летом ходят босиком. Мужчины работают мало и сильно пристрастились к курению. Положение женщин - тяжелая работа и подневольное. На них в основном ложится труд по обработке земли и т. Д. Молодые женщины ведут распутный образ жизни до замужества, а замужние женщины после смерти своих мужей обречены на состояние вечного вдовства. Многоженство допускается. Оба пола представлены как очень выносливые и

способные переносить самые сильные морозы. В этом мало что отличает уроженца 1536 года от современного, если мы заменим *муттатос* одеялом, [34] и за исключением замечания, касающегося положения вдов, точность которого, поскольку оно было сделано при поверхностном знакомстве, может быть обоснованно подвергнута сомнению. Можно также отметить, что положение молодых женщин, описанное Картье, было более деградированным и порочным, чем сейчас известно среди любого из североамериканских племен.

[34] Халат из бобровых шкур. Для изготовления такого халата требуется восемь шкурок двухлетнего бобра.

Записанная географическая информация о реке Святого Лаврентия и ее притоках, как правило, расплывчата и путаница. Но может упоминаться как содержащая первое уведомление о Великих озерах, опубликованное французами. Доннакона и другие рассказали Картье, что река берет начало так далеко во внутренних районах страны, что "никогда не слышал о человеке, который обнаружил бы ее конец", что она протекает через "два или три великих озера" и что там есть "море пресной воды", намекая, вероятно, на Супериор.

В какое время лед тронулся, внятно не сказано. Утверждается, что "в тот год зима была очень долгой", и индейцы ощущали нехватку пищи, настолько сильную, что они назначали высокую цену на оленину и т. Д., А иногда забирали ее обратно в свои лагеря, вместо того чтобы расстаться с ней "как-нибудь задешево". Доннакона и многие из его людей удалились в свои охотничьи угодья под предлогом отсутствия на две недели, но отсутствовали два месяца. Картье объяснил это долгое отсутствие намерением поднять обстановку в стране и напасть на него на его укрепленных позициях — замыслу, осуществлению которого никакая сердечность дружбы со стороны Д. не помешала бы, и который последний придал некоторую окраску, пренебрегая посещением Картье по возвращении с большим количеством туземцев, которых ранее не видел, и уклоняясь от попыток возобновить общение, симулируя болезнь как причину своего пренебрежения. Картье почувствовал свою собственную слабость из-за смерти стольких членов его команды и болезней других и записал для своего правительства по этому поводу пословицу, гласящую, что "тот, кто проявляет осторожность и ограждает себя от всех людей, может надеяться спастись от некоторых". Он решил покинуть одно из своих судов, чтобы полностью укомплектовать экипажем и переоборудовать остальные, и, по-видимому, усердно готовился к возвращению. Пока они были заняты этим, Доннакона (22 апреля) появился с большим количеством людей в Стадаконе, и Джон Поулет, "которому больше всего доверяли из этих людей", которого он послал на разведку в их главные деревни, сообщил, что видел так много людей, что "один не мог пошевелиться ради другого, и таких людей, каких они никогда не привыкли видеть". Теньяньи, которого он видел по этому случаю, попросил его умолять Картье убрать "властелина страны" по имени Агонна, который, вероятно, стоял на пути его собственного продвижения. Картье воспользовался этой просьбой, чтобы взять интервью у Теньяньи, и, оправдав его надежды, наконец преуспел в реализации проекта, который, по-видимому, он вынашивал ранее. Это было не что иное, как захват Доннаконы, Теньяньи, Домайи (его предыдущих пленников) и "еще двух самых высокопоставленных людей", которых вместе с ранее полученными детьми, всего десять человек, он отправил во Францию.

Этот захват был произведен 3 мая, в "день Холируда", в то время, когда Картье завершал свои приготовления к отплытию. Он официально вступил во владение страной под названием Новая

Франция, установив крест "высотой тридцать пять футов", на котором был изображен щит с гербом Франции и следующая надпись:

"Franciscus primum dei gratia Francorum Rex regnat,"

предложение, к которому это неоправданное возмущение послужило практическим комментарием. Три дня спустя он отплыл из порта Святого Креста, оставив толпы туземцев оплакивать потерю своих вождей. И чья доброта побудила их отправить на борт запас провизии, когда они обнаружили, что не могут добиться своего освобождения. Обнаружив, что течение реки Святого Лаврентия сильно разбухло, он бросил якорь у острова Филбердс, недалеко от входа в Саньене, где его продержали девять дней. Тем временем многие туземцы Саньенэ посетили корабли и, найдя Доннакону пленником, подарили ему три связки бобра. 17 мая он предпринял безуспешную попытку продолжить путь, но был вынужден вернуться и задержан еще на четыре дня, ожидая, "пока не утихнет ярость вод". Он вошел в залив и вышел из него 21 июня, но, столкнувшись с неблагоприятным ветром, окончательно покинул побережье Ньюфаундленда только 19 июня. Затем он воспользовался благоприятным ветром и совершил обратный путь за 17 дней. Он вошел в порт Сен-Мало 6 июля 1536 года, отсутствовав менее 14 месяцев, 8 из которых прошли на "Святом Лаврентии".

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ.

Отчеты и открытия Картье были так хорошо восприняты королем Франции (Франциском I.), что он решил колонизировать вновь открытую страну и назначил Джона Фрэнсиса де ла Роша, лорда Роберваля, своим "лейтенантом и губернатором в странах Канада и Хочелага". Картье сохранил свое прежнее положение "генерал-капитана и командира кораблей", и ему было поручено дальнейшее расследование открытий. Было приказано подготовить пять судов в Сен-Мало, и, по-видимому, были приняты меры для перевозки поселенцев, крупного рогатого скота, семян и сельскохозяйственных орудий. Однако приготовления, по-видимому, затянулись, и еще до того, как они были завершены, Доннакона и его товарищи, принявшие крещение, заплатили долг природе. Маленькая девочка десяти лет была единственным выжившим человеком из всего числа пленников.

Редко бывает, чтобы при осуществлении великих предприятий между руководителями военно-морских и сухопутных сил царил совершенная гармония. И хотя сказано очень мало, чтобы помочь читателю составить удовлетворительное мнение по этому вопросу, результат в данном случае доказал, что в сознании Картье существовало стойкое недовольство общими приготовлениями к предполагаемому путешествию. Считал ли он, что им пренебрегли из-за того, что он не был наделен полномочиями правительства страны, которую он открыл, или не желал, чтобы другие разделяли почести будущих открытий, сейчас определить невозможно. Следует помнить, что завоевание Мексики тогда было завершено совсем недавно (1520 г.), и не исключено, что Картье, который приложил некоторые усилия, чтобы превратить Доннакону во второго Монтесуму, считал себя вправе получить от Франциска награды и жалованье, в некоторой степени соответствующие тем, которые его великий соперник Карл в конце концов даровал Кортесу.

Каковы бы ни были причины, прошло четыре года, прежде чем корабли были подготовлены, и мсье Ла Рош, осмотрев суда на рейде Сен-Мало, готовые к выходу в море, сообщил Картье, что его артиллерия, боеприпасы и "другие необходимые вещи", которые он подготовил, еще не

прибыли из Шампани и Нормандии. Картье тем временем получил от короля приказ поднимать паруса. В связи с этой чрезвычайной ситуацией было решено, что Картье должен продолжить путь, в то время как королевский наместник должен остаться, "чтобы подготовить один или два корабля в Онфлере, куда, как он думал, доставят его вещи".

Заклучив это соглашение, La Roche наделила Картье полными полномочиями действовать до своего прибытия, и последний отплыл с пятью кораблями, "хорошо обставленными и снабженными продовольствием на два года", 23 мая 1540 года. Переход сопровождался штормами и встречными ветрами. Корабли расстались и так долго находились в море, что были вынуждены поить сидром скот и т. Д., Который они вывозили для размножения. Наконец суда вновь собрались в гавани Карпунта на Ньюфаундленде и, набрав дров и воды, продолжили плавание, поскольку Картье не считал целесообразным дольше ждать прихода Ла-Роша. Он достиг маленькой гавани Сен-Круа (где он зимовал во время предыдущего рейса) 23 августа. Его прибытие было встречено туземцами, которые столпились вокруг его судов во главе с Агоной, расспрашивая о Доннаконе и его товарищах по плену. Картье ответил, что Доннакона мертв, и его кости покоятся в земле, а остальные люди стали знатными лордами, поженились и поселились во Франции. Известие о смерти Доннаконы не вызвало никакого недовольствия. Агона, напротив, казался вполне довольным этим, вероятно, как думает журналист, потому что это оставило его править вместо себя. Он снял свой головной убор и браслеты из желтой кожи, отороченные вампумом, и подарил их Картье. Последний должным образом отплатил ему и его слугам небольшими подарками, намекая, что привез много новых вещей, которые предназначались для них. Он вернул простую "корону" вождя. Затем они поели, выпили и ушли.

Официально возобновив таким образом сношения с туземцами, Картье отправил свои лодки на поиски более подходящей гавани и места высадки. Они сообщили в пользу небольшой реки, примерно в четырех лигах выше по течению, где соответственно были пришвартованы суда и выгружен их груз. Что касается места, выбранного таким образом для форта и гавани, поскольку впоследствии ему было суждено войти в историю Канады, то, возможно, будет уместно более подробно ознакомиться с первоначальным описанием Картье. Утверждается, что ширина реки составляет пятьдесят шагов, при полном приливе ее глубина достигает трех морских сажений, а при отливе - всего фута, вход в нее направлен на юг, а течение очень извилистое. Красота и плодородие граничащих с ним земель, энергичный рост деревьев и быстрота зарастания превозносятся высоко и (я полагаю) очень справедливо. Рядом с ним, как говорят, был "высокий и крутой утес", на который необходимо было подняться "способом, напоминающим пару лестниц", а под ним и между ним и рекой был промежуток, достаточно обширный, чтобы разместить форт. На утесе также было построено оборонительное сооружение с целью защиты "нижнего форта и кораблей, а также всего, что могло пройти как по великой, так и по этой маленькой реке". На утесе недалеко от форта был обнаружен источник чистой воды, "рядом с которым, - говорит рассказчик, - мы нашли хороший запас камней, которые мы почитали за алмазы" (прозрачный кварц). У подножия утеса, обращенного к реке Святого Лаврентия, они нашли железо, а у кромки воды "несколько листиков чистого золота (слюды) толщиной с человеческий ноготь".

Почва была настолько благоприятна для обработки, что двадцать человек трудились на полутора акрах за один день. Семена капусты, репы и салата-латука дали всходы на восьмой день. Вдоль реки был разбит роскошный луг, а в лесах росли местные сорта винограда. Таковы

были естественный вид и преимущества места, которому суждено было стать будущим местом города и крепости Квебек, [35] "но которому он дал название "Чарльзбург-Рояль".

[35] Запрос — Не является ли слово Квебек производным от алгонкинского словосочетания *Кебик*— термина, произнесенного при прохождении опасного и скалистого побережья?

Картье, не теряя времени, отправил во Францию два своих судна под командованием Мэйса Джоллобера и Стивена Ноэля, своего шурина и племянника, с письмами к королю, содержащими отчет о его путешествии и действиях, сопровождаемыми образцами минеральных сокровищ, которые, как он предполагал, сам обнаружил; и позаботившись добавить: "как Монс. шурин и племянник". Роберваль еще не приехал, и он опасался, что из-за встречных ветров и бурь его снова вынудят вернуться во Францию". Эти суда покинули недавно открытый город и форт "Чарльзбург-Ройял" 2 сентября. И как только они были отправлены, Картье решил исследовать "Солты", или пороги Святого Лаврентия, которые ему описали и частично указали во время его восхождения на гору Монреаль. Покинув форт под командованием виконта Бопре, он 7 сентября сел на две лодки в сопровождении Мартины де Пенпон и других "джентльменов" с подходящим набором моряков. Единственный зарегистрированный инцидент, связанный с переходом вверх, — это его визит к "Лорду Хочелая" - вождю, который подарил ему маленькую девочку во время его предыдущего визита и проявил дружеские чувства во время его пребывания на реке, о чем он теперь стремился показать, что сохранил воспоминания. Он подарил вождю плащ "парижского красного цвета", украшенный пуговицами и колокольчиками, две чаши с "латоном" (оловянной) и несколько ножей и топорики. Он также оставил с этим вождем двух мальчиков для изучения индийского языка.

Продолжая восхождение, он достиг нижнего "Солта" 11 числа того же месяца и, испытав его, обнаружил, что подняться на него с помощью весел невозможно. Он решил двигаться по суше и нашел хорошо проторенную тропинку, ведущую в нужном направлении. Этот путь вскоре привел его в индейскую деревню, где его хорошо приняли и снабдили проводниками для посещения второго "Солта". Здесь ему сообщили, что на некотором расстоянии есть еще одно озеро и что река не судоходна — часть информации, которая означала либо то, что она не была судоходной для судна, на котором Картье вошел в реку, либо была предназначена для сдерживания его дальнейшего продвижения вглубь страны. День был далеко потрачен, и он вернулся к своим лодкам, где его прибытия ожидали четыреста туземцев. Он удовлетворил любопытство, обменявшись любезностями и раздав небольшие подарки, и как можно скорее вернулся в Королевский Шарль-Бург, где узнал, что местные жители, встревоженные продолжающейся мощной обороной, прервали свои обычные визиты и проявляли признаки враждебности. Этот вывод был подтвержден его собственными наблюдениями за нисходящим коридором, и он решил проявить максимум усердия и предосторожности, чтобы удержаться на своем новом посту.

Остальная часть этого путешествия нам не нужна. Хаклюит, однако, сохранил два письма Жака Ноэля, родственника Картье, написанные в Сен-Мало в 1587 году, с наблюдениями широты, курсов и расстояний, сделанными "Джоном Альфонсо из Шантуаня", который перевез Ла Роша, лорда Роберваля, в Канаду в 1542 году, и фрагмент повествования Роберваля, в котором указано продолжение третьего и последнего путешествия Картье. Из последнего следует, что Роберваль вошел в гавань Бель-Айл в Ньюфаундленде 8 июня 1542 года по пути в Канаду; и находясь там,

Картье неожиданно вошел в ту же гавань по возвращении во Францию. Он сообщил, что не смог "со своей маленькой компанией" закрепиться в стране из-за непрекращающейся враждебности местных жителей и решил вернуться во Францию. Он подарил прозрачный кварц и золотисто-желтую слюду, которые бережно хранил, полагая, что обнаружил в этих великолепных минералах хранилища золота и алмазов. На следующий день был проведен эксперимент с тем, что называется "золотой рудой", под этим термином журналист, вероятно, имеет в виду не "слюду", считавшуюся в эпоху, когда минералогия еще не приобрела статус науки, "листьями золота", а кусочки желтого железного колчедана, которые упоминаются в описании окрестностей "Шарльсбургского дворца", которое Картье обнаружил в сланцевой породе. И руда была объявлена "хорошей" — доказательство либо грубого обмана, либо грубого невежества экспериментатора. Картье высоко отзывался о преимуществах, которые представляла страна для заселения с точки зрения плодородия. Однако он был полон решимости покинуть его. Он не подчинился приказу Роберваля возвращаться, и "он и его компания" тайно покинули гавань и сделали все возможное, чтобы добраться до Франции, "движимые", как добавляет журналист, "честолюбием, потому что они хотели получить всю славу открытия этих мест для себя".

21 января 1829 года.



Женщины

племени мандан

ВЛИЯНИЕ ПЫЛКИХ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ НА ПОЛОЖЕНИЕ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ.

ОБРАЩЕНИЕ, ПРОЧИТАННОЕ ПЕРЕД ОБЩЕСТВОМ ТРЕЗВОСТИ ОКРУГА ЧИППЕВА В СУ-СЕН-МАРИ, 8 мая 1832 г.

Влияние невоздержанности на характер наций и отдельных людей часто изображалось в течение нескольких лет верными красками талантливými умами. Когда-то предполагалось, что "Мысли, которые дышат, и слова, которые горят" предназначены исключительно для того, чтобы придать мелодичность лире и жизнь полотну. Но представления о современной благотворительности развеяли иллюзию и научили нас, что у гения нет более высоких целей, чем принести как можно больше добра человеку, что эти цели являются "делом и сердцевиной" людей в их повседневных занятиях, что они соответствуют всем способностям и никогда не принимают столь возвышенного характера, как тогда, когда они направлены на увеличение суммы семейного счастья и наслаждения у камина —

"Чтобы исправить мораль и улучшить сердце".

Именно это соображение придает усилиям по соблюдению умеренности в наши дни утонченный и экспансивный характер —

"Превыше всей греческой, превыше всей римской славы"—

который привлек к своему делу здравомыслящие головы и пылающие сердца во всех частях нашей страны, который ежедневно расширяет сферу своего влияния и который уже перенес свои заповеди и примеры из маленькой прибрежной деревушки, [36] где он возник, к подножию озера Верхнее. И сейчас я имею удовольствие видеть перед собой общество, собравшееся на свое первое публичное собрание, которое "объединилось" не с таким ошибочным рвением, которое диктовалось убийством Павла или убийством Цезаря, а для оказания помощи в сдерживании волны невоздержанности, которая катится на запад более трех столетий, сметая на своем пути тысячи белых и краснокожих мужчин, которая растет с ростом нации и укрепляется ее мощью, и которая угрожает подавляющим моральным опустошением всем, кто не принимает строгую максиму —

"Не прикасайся, не пробуй на вкус, не бери в руки".

[36] Андовер.

Британский критик прошлого века Литтл, морализируя о некоторых слабостях индивидуального гения, думал о том, что он изрекает сентенции, которые поощряли бы усилия добровольных ассоциаций людей положить конец невоздержанности. Тогда, как и сейчас, было так же верно, что "в бутылке недовольство ищет утешения, трусость - смелости, а застенчивость - уверенности". Как и тогда, как и сейчас, что "неглиганка и неправильности", которые являются плодами этой привычки, "если долго-прежнему, будет оказывать бесполезные знания, остроумие смешно, и гения недостойным." "Кто, - восклицает он, - из тех, кто когда-либо просил помощи у Бахуса, смог уберечься от порабощения его помощниками?" [37] И есть ли вид

рабства, более пагубный по своему влиянию, более унижающий характер, более разрушающий все физические и интеллектуальные силы, чем рабство опьянения? Ярость пожара, опустошение наводнения, неистовство бури символизируют моральное неистовство разума под воздействием алкоголя. Она в равной степени неуправляема по своей силе и разрушительна по своим последствиям. Но его опустошения заслуживают большего сожаления, потому что это опустошение человеческих способностей — интеллектуальной мощи — животной энергии — морального достоинства — социального счастья — временного здоровья — вечного блаженства.

[37] Доктор Джонсон.

Невоздержанность, несомненно, является причиной болезней, умственных и физических. Его прямые последствия заключаются в притуплении способности к правильному мышлению и парализации способности к энергичным действиям. Ничто так эффективно не лишает человеческий разум его обычных практических способностей различения и принятия решений, без которых человек подобен листу во время бури или мякине на ветру. Доктор Дарвин метко сравнил воздействие спиртных напитков на легкие с древней басней о Прометее, укравшем огонь с небес, который был наказанakraжу стервятником, клевавшим печень. [38]

Поразительная аллегория: но она неподходяще применима для характеристики болезненных и острых заболеваний, которые посещают нетрезвых. Доктор Раш был одним из первых сторонников этого дела. Он сравнил воздействие различных степеней алкоголя в спиртных напитках с искусственным измерением температуры с помощью термометра и занял решительную позицию, указав на его ядовитое воздействие на организм, приводящее к возникновению многочисленного класса заболеваний, острых и хронических.

[38] Зоономия.

Если бы причиной таких расстройств была нездоровая пища, этой статьи строго избегали бы. Ни один человек не захотел бы есть цикуту дважды; употреблять хлеб с добавлением лайма; или часто пить препарат из свинцового сахара. Даже невоздержанный человек побоялся бы употреблять алкоголь в его *химической* чистоте, поскольку его последствия, несомненно, привели бы к остановке жизнедеятельности. И все же он будет пить это сильнодействующее снадобье, разбавленное кислотами, сахарином и красящими веществами, водой и различными примесями, под замаскированными названиями вина, бренди, рома, солодовых настоек, виски, ликеров и смешанных напитков, которые способствуют естественной порочности человеческого сердца и отравляют его целебную силу.

Алкоголь является одним из препаратов, которые были обнаружены в эпоху алхимиков, когда человеческий разум сошел с ума в философских поисках двух веществ, которые не были найдены в природе — философского камня и универсальной панацеи. Считалось, что один из них превращает все вещества, к которым прикасается, в золото, а другой - излечивает все болезни. Таким образом, два величайших желания мира — *богатство и долгая жизнь* - должны были быть обеспечены способом, о котором Моисей и Пророки никогда не заявляли. Определенная степень терпеливых аскетических изысканий была посвящена исследованию природных явлений, которых мир прежде не видел; и современная наука обязана ошибочным трудам этой расы монахов-химиков многими ценными открытиями, на которые, по большей части, наткнулись случайно. Что касается открытия алкогольного принципа зерен, то за этим последовал странный переворот в их высоких ожиданиях. Они искали вещество, способное

обогащать человечество, но нашли вещество, способное разорить его; они искали силу, способную излечить все болезни, но нашли ту, которая их вызывает. Таким образом, алкоголь наделен великой магической силой: и эта сила заключается не в созидании, а в разрушении, не в возвышении, а в низвержении, не в даровании жизни, а смерти.

Насколько широко он используется в качестве реагента и растворителя в медицине и искусстве — или же его место в каких-либо случаях могут занять другие вещества — это вопросы, на которые предстоит ответить врачам и химикам. Но если допустить, что, на мой взгляд, вполне вероятно, что его свойства и применение в фармацевтике и других искусствах необходимы в ряде операций при нынешнем состоянии наших знаний, — дает ли это справедливое основание для его обычного использования в качестве напитка при состоянии здоровья? Не более, чем если бы ланцет и зонд были полезны в состоянии болезни, их следует продолжать в состоянии здоровья. И разве каждый класс людей, продолжающих употреблять горячительные напитки, не тратит впустую свою кровь из-за ежедневного истощения ее силы и полезных свойств, что более вредно, чем ежедневное истощение; и не вводит в свою плоть жидкость, слишком тонкую, чтобы врач мог ее извлечь?

Переход от умеренного употребления алкоголя к неумеренному очень прост. И те, кто выступает за *умеренное* употребление крепких спиртных напитков, действительно являются *настоящими* сторонниками невоздержанности. Пожалуй, никогда не существовало человека, который считал бы себя в опасности оказаться поработленным занятием, которому он, *поначалу*, предавался умеренно. Незаметно формируется привычка полагаться на это. Природа вскоре вынуждена ожидать случайной помощи, поскольку здоровый человек, привыкший носить посох, может воображать, что не может обойтись без него, пока не отбросит его в сторону. Если оно передает частичную энергию, то это энергия конвульсии. Его радость - это возбуждение. Его надежда - фантом. И все эти проявления изменчивой страсти, так много печальных доказательств того, что

"разумные души сходят с ума".

Ангельские существа, вероятно, возвышаются над всеми человеческими слабостями.—Но если в их оценке наших действий и есть что-то, что заставляет их плакать, так это вид пьяного отца в кругу семьи.

Просвещенный разум и здоровое благочестие объединили свои голоса в осуждении зла невоздержанности. Врачи описывали его воздействие в виде нарушения всасывающих сосудов желудка и изменения здоровой организации системы. Моралисты описывали его фатальное влияние на интеллектуальные способности. Богословы указывали на его разрушительную силу для души. Поэзия, философия и наука оплакивали число тех, кто был убит им. Здравый смысл поднял свой голос против этого. Это действительно...

- ...чудовище с таким ужасным обликом,

Что для того, чтобы его *возненавидели*, достаточно его *увидеть*.

Подобно джинну из арабских сказок, оно поднялось там, где его меньше всего ожидали, и пришлось по самым секретным и общедоступным помещениям. И где бы оно ни появлялось, оно повергало человеческий разум ниц. Оно заглушало голос красноречия в залах правосудия

и законодательства. Оно поглощало мозг научного лектора. Это привело к выпадению меча из руки военачальника. Это ошеломило автора в его кабинете и пастора за его письменным столом. Это сделало жену вдовой в юности и заставило невинное дитя рыдать на могиле отца. Мы не осмеливаемся заглядывать дальше этого. Надежда, которая сопровождала жертву невожданности во всех переменах к худшему в его судьбе и не оставляла его ни в какой другой неотложной ситуации, оставила здесь. У Земли было свое тщеславие, способное утешить его, но у вечности его нет.

"Раны сердца — забота, разочарование, потеря, слава
Любви, радости и дружбы, крест фортуны,
Рана, терзающая плоть, — мгновенная боль,
пронзающая парализованную конечность или воспаленный мозг,
Все—все беды, которые жизнь может *почувствовать* или пропустить,
У всех есть свои надежды, лекарства, паллиативы, но у *этой*—
Этой *единственной*—смертельной язвы разума,
Grim Belial's last. о человеческом роде".

Итак, если таково воздействие пылкого духа на состояние цивилизованного человека, который руководствуется наставлениями просвещенного разума и утешениями христианства, поддерживающими его, то каким должно быть влияние невожданных привычек на коренные племена? Я предлагаю высказать несколько соображений по этому поводу. И при этом я отказываюсь от всякого намерения вменять одной нации европейского происхождения большее, чем другой, национальное преступление в том, что она внедрила пылкий дух среди американских индейцев. Испанцы, португальцы, шведы, голландцы, итальянцы, русские, немцы, французы и англичане - все они получают свою долю оскорблений. Каждый из них привез в Новый Свет крепкие спиртные напитки — можно сделать вывод, что это доказательство их широкого употребления в качестве напитка в Европе в эпоху открытия. Какие бы другие средства ни использовали первые искатели приключений, чтобы воздействовать на надежды и страхи новообращенных людей, дистиллированный или ферментированный ликер, по-видимому, ни в коем случае не был упущен из виду или забыт. Было бы легко показать, как они использовались в Вест-Индии и в южной части нашего полушария. Но наша цель ограничивается колониями, основанными на Севере. И в этой части континента Англия и Франция были доминирующими державами. Было бы хорошо, если бы они преобладали во всем остальном - если бы они соперничали только за мужество, мудрость и власть. Если бы они сражались только для того, чтобы обрести гражданскую власть, завоевывали для распространения христианства, вели переговоры для сохранения мира. Но у нас слишком много зарегистрированных фактов, чтобы показать, что они также были соперниками в распространении господства невожданности среди индейцев; в собирании жадными руками мехов из их жилищ; в стимулировании их сражаться в их битвах и в оставлении их на произвол судьбы, когда битвы заканчивались.

И мы, американцы, не претендуем на то, что внезапно прониклись лучшими чувствами к туземцам, чем те, которыми обладали наши английские предки. Это были люди безупречной предприимчивости, неустрашимой решимости, высокого чувства религиозной и политической свободы. И мы обязаны им и тем особым обстоятельствам, в которые поместило нас Провидение, всем, чем мы являемся как свободный и процветающий народ. Но в то время как

они завещали нам эти чувства как подготовительные к нашей собственной национальной судьбе, они также завещали нам свои особые мнения относительно индейских племен. И эти мнения упрямо поддерживались вплоть до наших дней. Благородные чувства доброжелательности 19 века еще не проявились, когда мы заняли свое место в семье наций. Если они и ощущались одаренными личностями, то не ощущались всей нацией. Другие обязанности — властные обязанности самосуществования, национальная бедность, растраченные ресурсы, сомнительный общественный кредит, слабое население, изматывающие пограничные войны - тяжело давили на нас. Но мы стали свидетелями того, как все эти причины национальной депрессии исчезли менее чем за полвека. Можно надеяться, что с ними исчезли все препятствия для осуществления самой широкой благотворительности и просвещенной филантропии в отношении местных племен.

Национальность иногда характеризуется как малыми, так и великими вещами — именами, обычаями. И это можно наблюдать в обращении с индейцами в том, что касается крепких спиртных напитков. При французском правительстве их щедро снабжали бренди. При английском - ямайским ромом. При американцах, с виски. Они составляют огненные, желчные и ядовитые эпохи индийской истории. Под этим тройным проклятием они сохранили существование перед лицом белого населения. Но это было *простосуществование*. Говорят, что у других народов был золотой век. Но для них золотого века не было. Если у них когда—либо и было состояние процветания, которое можно сравнить с ним, то это было тогда, когда их лагеря были увенчаны временным изобилием - когда расы животных, покрытых мехом и не покрытыхрыжим, располагали едой и одеждой в пределах досягаемости всех — и когда они не знали опьяняющих напитков. Чтобы уравновесить эти преимущества, они, однако, были подвержены многим порокам. Они были тогда, как и сейчас, ленивыми, расточительными, мстительными, воинственными. Храбрость, физическая сила и красноречие были главными добродетелями. А их собственная вражда держала их в состоянии постоянной неуверенности и тревоги. Возросшая ценность, приданная мехам с приходом европейцев, открыла новую эру в их истории и ускорила их падение. Это придало больше энергии и новый объект для охоты. Чтобы вознаградить их за активность в этом занятии, *ardent spirits* стали *наградой*, а не *ценой*. Последовал двойной ущерб. Животных, мясом которых они питались, стало мало, а их собственная конституция была подорвана тонким стимулятором.

Писатели-историки не всегда сходятся во мнениях, но они совпадают в своих показаниях относительно отсутствия какого-либо опьяняющего напитка у северных индейцев на момент открытия. Хорошо засвидетельствовано, что у ацтеков и других мексиканских и южных племен была своя *пульке* и другие опьяняющие напитки, которые они умели готовить из различных местных злаков и фруктов. Но само искусство вместе с используемыми растениями было ограничено этими широтами. И нет никаких исторических свидетельств, подтверждающих, что он когда-либо был известен или практиковался племенами, расположенными к северу и востоку от Мексиканского залива. Доктор Робертсон, способный и добросовестный описатель нравов индейцев, полностью согласен с авторами-иезуитами, утверждающими, что на севере не было известно такого напитка, пока европейцы не нашли его для своих финансовых интересов. После чего опьянение стало таким же обычным явлением среди северных племен, как и среди южных.

[39]

[39] "История Америки" Робертсона.

Триста сорок лет назад в Америке не было ни одного белого человека. Колумб открыл острова Вест-Индии; но Кабот и Верризани были первооткрывателями Северной Америки. Картье и Хадсон последовали по следу. Первое интервью Хадсона с племенами мохеган состоялось в устье реки, которая теперь носит его имя. Это примечательно как сцена первого индийского опьянения среди них. Едва он бросил якорь, сошел на берег со своей лодки и дружески поздоровался с туземцами, как приказал принести бутылку горячительного. Чтобы показать, что он не собирался предлагать им то, чего сам бы не попробовал, служитель налил ему в чашку ликера, который он выпил залпом. Затем чашку наполнили и передали индейцам. Но они просто нюхали его и передавали дальше. Оно почти обошло круг нетронутым, когда один из вождей, более смелый, чем остальные, произнес короткую речь, сказав, что было бы неуважительно возвращать его нетронутым, и заявив о своем намерении выпить зелье, если его убьют при попытке. Он выпил его залпом. Сразу же начались головокружение и удушье. Он опустился на землю и погрузился в сон — сон смерти, как подумали его товарищи. Но в должное время он проснулся, заявил о счастье, которое испытал от его воздействия, снова попросил чашу, и все собрание последовало его примеру. [40]

[40] Рассказ Хеквелдера об индейцах.

И первая встреча с племенами Новой Англии не была слишком уж непохожей. Это произошло в Плимуте в 1620 году. Массасойт, знаменитый вождь поканокетов, приехал навестить новых поселенцев вскоре после их высадки. Английский губернатор встретил его военной музыкой и выстрелами из нескольких мушкетов. После чего губернатор поцеловал ему руку. Затем Массасуа поцеловал его, и они оба сели рядом. Затем был заказан "кувшин крепкой воды", как выражались ранние авторы, из которого оба выпили. Шеф полиции, по своей простоте, выпил такой большой глоток, что остаток беседы его бросило в сильный пот. [41]

[41] "Паломники Пурча", часть iv., книга х.

Также заслуживает упоминания первое официальное собеседование французов с индейцами на реке Святого Лаврентия, поскольку оно, по-видимому, было первым шагом к искажению вкуса индейцев путем введения иностранного напитка. Это произошло в 1535 году на борту одного из кораблей Картье, стоявшего на якоре близ острова Орлеан, за сорок девять лет до прибытия Амидаса и Барлоу на побережье Вирджинии. Доннаконна, вождь, которого вежливо называют "Владыкой Агуханны", посетил корабль на двенадцати каноэ. Десять из них он разместил поодаль, а с двумя другими, насчитывавшими шестнадцать человек, приблизился к судам. Приблизившись к самому головному судну, он начал произносить серьезную речь, сопровождаемую бурной жестикуляцией. Картье дружелюбно приветствовал его приближение. Годом ранее он захватил в плен двух индейцев в заливе Святого Лаврентия и теперь обращался к вождю через их перевод. Доннаконна с восторгом слушал свой родной язык и был так доволен их выступлением, что попросил Картье протянуть руку через борт сосуда, чтобы поцеловать ее. Он не удовлетворился этим актом приветствия, но ласково обвил рукой свою шею. Однако его бдительность не позволила ему подняться на борт. Картье, желая доказать ему свое доверие, затем спустился в каноэ вождя и приказал принести хлеба и вина. Они ели и пили вместе, все присутствующие индейцы участвовали в банкете, который, по-видимому, закончился умеренно. [42]

[42] Путешествия Хаклюйта.

Но, как и большинство *умеренных* начинаний в употреблении спиртных напитков, это вскоре привело к неводержанности в ее самых отталкивающих формах. Вкус, подогретый вином, вскоре был подкреплён бренди и распространился среди местных групп подобно лесному пожару. Это породило болезни, раздоры и преступления в их самых шокирующих формах. Слишком поздно правительство и духовенство осознали свою ошибку и попытались остановить ее; но она слишком глубоко укоренилась среди их собственных соотечественников, так же как и среди индейцев. Все усилия оказались безуспешными, и зло продолжалось до тех пор, пока Канада наконец не была передана британской короне, и эта "смертельная язва" не распространилась на северные племена. Те, у кого есть досуг и любопытство обратиться к ранним авторам, увидят множество свидетельств его глубокого и широко распространенного влияния. Это стало готовым средством побудить к действию людей, испытывающих отвращение к длительному напряжению любого рода. Это была награда за погоню. Это была цена крови. Это было великим препятствием для успешного внедрения христианства. Невозможно, чтобы индеец одновременно пил и молился. Это было невозможно *тогда*, и это невозможно *сейчас*: и миссионер, вошедший в лес с Библией и распятием в одной руке и бутылкой в другой, мог бы сказать римским монологистом, который размышлял о самоубийстве,

"Передо мной и мое проклятие, и противоядие:

Хотя *это* сообщает мне, что я никогда не умру,

Это в одно мгновение приближает мой конец".

Национальное соперничество между английским и французским правительствами придало характер крайней горечи чувствам индейцев и способствовало распространению страсти к крепким напиткам. Это усугубило ужасы войны и усугубило страдания мира. Между этими нациями всегда шла борьба за обладание индийской властью; и что касается религии, то это была борьба между католическими и протестантскими догматами. Это была сила, которую оба в какой-то мере могли привести в движение, но ни у одного из них не было *полных* средств контроля над ней, если мы признаем за ними *совершенную* волю. Это смягчило бы зло, если бы эта борьба за овладение индийским разумом завершилась состоянием войны, но она продолжалась в лихорадочные периоды мира. Политическое влияние было вездесущим грузом на каждой чаше весов. Религия пришла ей на помощь; но именно торговля, владение меховой торговлей, придавало перевес. И ничто в истории этого соперничества, от прибытия Роберваля до смерти Монкальма, не имело такого постоянного пагубного влияния, как разрешение, которое эта торговля давала употреблению горячительных напитков.

Мы можем лишь мельком взглянуть на этот предмет; но это всего лишь взгляд на след торнадо. Разрушение кроется в его течении. История торговли мехами тесно переплетена с историей неводержанности среди индейцев. Мы не знаем, как осуществить разделение. Посмотрите на это, в какую эпоху вы ни пожелаете, бартер в *ardent spirits* является характерной чертой. От Джеймстауна до Плимута - от острова Манхэттен до озера Хиллс - движение было введено в самые ранние периоды. И мы не можем сейчас ткнуть пальцем в карту, чтобы указать место, где "пылкие духи" неизвестны туземцам. Находится ли оно в устье Колумбии, у истоков Малтномы или Рио-дель-Норде— на перевалах Скалистых гор на реке Пис или на берегах Северного Ледовитого океана? Он известен во всех этих местах. Местные жители могут называть его по имени, и они ценят его обладание. Мы не хотим передавать идею о том, что он в изобилии встречается в этих отдаленных местах. У нас есть основания полагать, что его редко можно

увидеть. Но мы также считаем, что по мере того, как он дефицитен - по мере того, как количество его невелико, а повод для его выпуска редок, - увеличивается и цена на него в продаже, и ценность его в качестве подарка. И именно в той мере, в какой оно используется, оно пагубно по сути, ненужно на практике, неразумно в политике.

Французы, которые так снискали расположение индейцев, появились в Канаде раньше, чем англичане на побережье Соединенных Штатов. Угощение Картье вином и хлебом ирокезов с реки Святого Лаврентия произошло за восемьдесят пять лет до высадки пилигримов. Они также раньше осознали пагубность безудержной торговли, в которой ничего не было оговорено и ничего не запрещалось. Чтобы предотвратить нарушения, французское правительство выдавало лицензии частным лицам за определенную плату. Это было благом для вышедших на пенсию офицеров, и их количество было ограничено. В 1685 году их было двадцать пять. Но лекарство оказалось хуже болезни. Эти лицензии стали оборотной бумагой. Они переходили из рук в руки и породили торговлю, которая *в мирских* делах приобрела тот же характер, что и "индальгенции" в *духовных*. По сути, это были лицензии на совершение всевозможных правонарушений, поскольку те, кто их в конце концов получал, как правило, были лицами, подчинявшимися правительству, не отличавшемуся высоким уровнем моральной ответственности; и поскольку можно предположить, что они хорошо заплатили за них, они наверняка компенсировали это чрезмерными поборами с индейцев. *Курьер из буа* - таков был термин, впервые примененный к ним. *Merchant voyageur* - так называлось это название в более поздний период. Но как бы они ни назывались, ими двигал один дух — дух приобретения богатства путем ведения прибыльной торговли с невежественными людьми, и для этой цели "Пылкие духи" были слишком хорошо приспособлены. Они перевозили его вместе с предметами первой необходимости вверх по длинным рекам и по труднопроходимым перевалам. И когда они достигли границ Верхних озер или берегов Саскетчавайна, они были слишком далеки от влияния судов, как судебных, так и церковных, чтобы сильно бояться их. Последовали междоусобицы и убийства. Преступность беспрепятственно распространилась по стране. Каждый индийский торговец стал законодателем и судьей. Его слово было не только законом, но и таким законом, который обладал свойством подвергаться стольким отменам и видоизменениям, сколько позволяли интересы, гордость или страсть индивида. Если богатство было накоплено, это *не* означает, что насущные потребности индейцев не были удовлетворены — что торговля была для них не очень приемлемой и важной, и что они не сталкивались с большими опасностями и расходами, а в ее ведении проявлялась высокая степень предприимчивости. Но утверждается, что если *реальные* потребности были удовлетворены, то были созданы *искусственные* потребности — что, заменив лук ружьем, а более дорогую одежду из бобровых шкур саванами и одеялами, он также заменил воду горячительными напитками, опьянение — трезвостью, болезни — здоровьем.

Те, кто придерживается мнения, что падение Квебека, отмечаемое в Англии и Америке как высокое военное достижение, и последующая капитуляция Канады привели к какому-либо очень важному улучшению этого положения вещей, забывают, что руководящие принципы и желания человеческого сердца одинаковы у всех наций, действующих в одинаковых обстоятельствах. Желание накопить богатство, жажда осуществления власти, гордость за превосходство информации над невежеством, власть порочных принципов над добродетельными - все это не ограничивается определенными эпохами, нациями или широтами. Они принадлежат человечеству, и к ним будут стремиться с рвением, независимо от

равной и точной справедливости, везде, где они не ограничены облагораживающими принципами христианства.

Всем, кому интересно оглянуться назад на этот период наших торговых отношений с Индией, рекомендуется ознакомиться с опубликованными статистическими и противоречивыми томами, выросшими на основе "планов колонизации" графа Селкирка и "Трудов Северо-Западной компании". Эта железная монополия выросла из частной авантюры. Тоды, Фробишеры, М'Тэвиши и М'Гиллврэй, которые первыми посетили эту страну, привезли из страны такие золотые слухи, что каждый смелый человек, у которого были таланты или деньги, бросился на театр боевых действий. Граница, которая была оставлена французам в качестве предела торговли, вскоре была пройдена. За несколько лет были достигнуты Миссинипи, Атабаска, Форт Чипевриан, Невольничье озеро, реки Маккензи и Медный рудник, Унджига и Орегон. Была пронизана вся Арктическая Америка. Британское правительство в большом долгу перед Scottish enterprise за расширение своей власти и ресурсов в этом квартале. Но хотя мы восхищаемся рвением и смелостью, с которыми были расширены границы торговли, мы сожалеем, что вера в необходимость использования горячительных напитков привела к их распространению в любых количествах среди северо-западных племен.

Были исследованы и другие регионы для распространения света Евангелия. Этот путь был пройден для того, чтобы продлить царство невоздержанности и доказать, что любовь к наживе настолько сильно укоренилась в груди белого человека, что перенесла его через области льда и снега, леса и воды, где туземцы подвергались вторжению только мускусного быка и белого медведя. Никому не покажется преувеличением сказать, что, куда бы ни направлялся поток меховой торговли, народы были опьянены, деморализованы, обезлюдели. Ужасное бедствие оспы, разразившееся в 1782 году в местности к северо-западу от озера Верхнее, едва ли было более губительным для туземцев, хотя и более быстрым и поразительным по своим последствиям, чем сила горячительных напитков. Это также не привело к столь серьезным моральным страданиям. Для тех, кто умер от вариолоида, смерть от лихорадки была избавлена. Меха добывались железной рукой, а ром выдавался с железным сердцем. От суровости торговли не было средства; и не было апелляции. Бивера искали с жадной наживы, столь же сильной, как та, которая привела Кортеса в Мексику, а Писарро - в Перу. Это омертвило узы человечества и разорвало нити личной веры. [43] Подобно испанцу в его обращении с Каполикеном, когда последний отдал ему дом, полный золота, в качестве выкупа, он сам был подло казнен. Итак, северный вождь, отдав все свои силы, в конце концов выбрал себя в качестве жертвы. Однако он был сожжен не на *костре*, а в *бутылке*. Мечом его палача были *духи* — его золото, *бобровые шкуры*. И никакие рудники драгоценных металлов, которые когда-либо добывались в мире, вероятно, не приносили большего богатства, чем богатые мехом регионы Северной Америки.

[43] К убийству Уодина, хладнокровному убийству Кевени и расстрелу Сэмпла апеллируют как к оправданию силы этого замечания.

Но в то время как продукты охоты принесли богатство белому человеку, индейцу они принесли несчастье. Последний, страдая из-за нехватки средств к существованию, подобно ребенку из притчи, попросил хлеба и получил его; но вместе с ним он получил скорпиона. И это жало

скорпиона, которое свирепствует среди племен более двух столетий, вызывая болезни, смерть и обезлюдение на своем пути. Именно яд этого жала убедительно доказал свою эффективность

"... мрак человеческого блаженства!

Проклятие всем *состояниям* человека, но больше всего - *этому*.

Позвольте мне не ошибиться, приписывая следствия, несоразмерные их причине, или упуская из виду преимущества, которые влекли за собой поразительное зло. Я не поклонник этой болезненной философии, которая смотрит на естественное состояние как на состояние невинности и которая не может оценить выгоды, которые индийская раса извлекла из открытия этой части света цивилизованными и христианскими нациями. Но хотя я не стал бы, с одной стороны, скрывать свое понимание преимуществ, временных и духовных, которые зависят от этого открытия, я не стал бы, с другой стороны, скрывать зло, которое невоздержанность причинила им; и не перестал бы выставлять это перед общественностью как великое и разрушительное зло, которое было введено очень рано — которое широко распространилось — которое активно действует и которое угрожает еще более катастрофическими последствиями для этой несчастной расы.

Не было недостатка в писателях, которые склонны придавать лишь небольшое значение разрушительному влиянию пылких духов, приводящему к сокращению местного населения, и которые считали его последствия незначительными по сравнению с нехваткой продовольствия и возросшей ценой, вызванной этой нехваткой. [44] Изобилие или нехватка продовольствия - это принцип политической экономии, который считается основной причиной депопуляции. И, как таковой, мы не видим причин сомневаться в его обоснованности. Если стоимость труда, цены на одежду и другие необходимые товары можно отнести к различным ценам на растительную и животную пищу, мы не видим, что тот факт, что люди цивилизованны или нецивилизованны, должен отменять этот принцип; и когда мы обращаем наш взор на лес, мы видим, что это не так. Фунт бобра, который в 1730 году, когда животная пища была в изобилии, стоил здесь около французской кроны, теперь, когда пища скудна и дорога, стоит от пяти до шести долларов; и, следовательно, за один фунт бобра *сейчас* можно получить столько же еды и одежды, сколько за пять фунтов бобра того же качества *тогда*. Именно крах породы пушных зверей и отсутствие промышленности в охоте на них приводят к депопуляции. И что, мы можем спросить, оказывает столь мощное разрушающее воздействие на энергию охотника, как порок невоздержанности? Одурманивая его разум и ослабляя тело, это не оставляет ему ни сил для удовлетворения своих временных потребностей, ни склонности интересоваться тем, что касается вечности. Его естественные чувства притуплены, и все самые суровые и благородные качества индийского ума повержены. Его семьей пренебрегают. Они сначала вызывают жалость у наших граждан, а затем отвращение. Отсутствие полезной пищи и удобной одежды приводит к болезням. В конце концов он сам становится жертвой болезни, вызванной пьянством.

[44] Североамериканское обозрение. "История Соединенных Штатов до революции" Сэнфорда.

Таково без преувеличения представление об индейце, который находится в ситуации, когда может заразиться привычкой к невоздержанности. И только в течение последнего года или восемнадцати месяцев — только с тех пор, как в этом отдаленном месте почувствовалось

действие принципов Трезвости, сцены подобного рода стали нечастыми и почти прекратились в нашей деревне и в нашем поселении. И когда мы смотрим за границу, в другие места, и наблюдаем распространение воздержания на обширной территории от Луизианы до Мэна, мы можем почти вообразить, что видим воплощение индийской басни. Из лучших источников известно, что среди расточительств испанской предприимчивости, характерных для эпохи открытия Америки, туземцы сообщили о существовании источника в глубине одного из островов, обладающего такими магическими свойствами, что всякий, кто искупался в его Водах, возвращал себе цвет молодости и силу мужчины. Историки утверждают, что в поисках этого чудесного источника Понсе де Леон и его последователи объехали весь остров. Однако они лишь навлекли на себя обвинение в легковерии. Не можем ли мы предположить, что эта история о спасительном фонтане является индийской аллегорией воздержания? Она, по крайней мере, допускает такое применение. И давайте радоваться тому, что в эпоху воздержания мы нашли источник, который вернет румянец на щеки молодого человека, и панацею, которая избавит стариков от болезней.

Когда мы рассматриваем результаты, к которым привели наши собственные скромные усилия в качестве жителей отдаленного поста в этом труде человечества, разве у нас нет всяческого поощрения к упорству? Разве это усилие не санкционировано самыми благородными наклонностями нашей натуры, самыми здоровыми принципами филантропии, самыми высокими стремлениями христианской благотворительности? Разве это не работа патриотов, а также христиан? Хороших граждан, а также добрых соседей? Разве это не высокий и повелительный долг - избавить нашу землю от грязного пятна невоздержанности? Слишком ли труден для нас этот долг? Есть ли что-то неразумное в добровольных обязательствах, которыми мы связаны? Потеряем ли мы имущество или репутацию, трудясь во имя воздержания? Будет ли должник менее способен выплачивать свои долги или кредитор менее способен их взыскать? Причиним ли мы вред мужчине, женщине или ребенку, опрокинув чашу опьянения? Должны ли мы понести обвинение в том, что нас называют дураками или безумцами? Должны ли мы нарушать какие-либо принципы морали или какие-либо из максим христианства? Рискнем ли мы уменьшить счастье других или подвергнем опасности свое собственное? Наконец, причиним ли мы вред человеку — оскорбим ли мы Бога?

Если ни одно из этих зол не приведет к результату, если высшие принципы добродетели и счастья одобряют эту меру, если образование одобряет ее, а религия одобряет ее, если успех должен приносить добро, а неудача не может причинить вреда, какой еще мотив нужен нам, чтобы двигаться вперед, посвящать делу все свои лучшие способности, не падать духом и не успокаиваться до тех пор, пока современная гидра невоздержанности не будет изгнана из нашей страны?

ПОЧТЕННЫЙ ИНДЕЙСКИЙ ВОЖДЬ.

Виги из Каттарауга (Нью-Йорк), появившиеся позднее, упоминают, что губернатор . Блэкснейк, Великий сахем индийской нации, недавно побывал в этом месте. Он проживает в резервации Аллегани, примерно в двадцати милях от деревни; является преемником Плантатора Кукурузы на посту вождя Шести наций — племянника Джозефа Бранта и дяди знаменитого Красного Мундира. Он родился на озере Каюга в 1749 году, и сейчас ему девяносто шесть лет. Он участвовал в битве при Форт-Стэнвиксе, Вайоминг и др., и был теплым другом генерала.

Вашингтон во время революции. Он провел в лагере Вашингтона сорок дней в конце Революции, был назначен им вождем и теперь носит на шее красивую серебряную медаль, подаренную ему генералом. Вашингтон, обозначенный датой 1796 года.

СУДЬБА КРАСНОЙ РАСЫ В АМЕРИКЕ:

ПОЛИТИКА, ПРОВОДИМАЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К НИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ, И НЫНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПЛЕМЕН, ПЕРЕСЕЛИВШИХСЯ К ЗАПАДУ ОТ МИССИСИПИ. [45]

[45] "Демократическое обозрение", 1844.

Переселение индейских племен в пределах границ нашего штата, к западу от Миссисипи, их нынешнее состояние и вероятная конечная судьба были предметом таких частых спекуляций, непонимания и, не будем добавлять, искажения в течение нескольких прошедших лет, как дома, так и за рубежом, что мы предполагаем, что некоторое внимание к ним, и особенно к территории, которую они занимают, и результат, на данный момент, их эксперимента по самоуправлению, почерпнутый из достоверных источников, может оказаться приемлемым для общественности.

Кочевое и охотничье состояния общества никогда не включали в себя элементы вечности. Они действительно всегда существовали, подобно вакууму в системе природы, который в каждый момент находится в опасности и может быть заполнен и разрушен натиском окружающей стихии. Цивилизация является этим элементом по отношению к несельскохозяйственным и варварским племенам, и единственный вопрос относительно их существования как отдельных сообществ заключался в том, как долго они могли сопротивляться ее влиянию и в какую конкретную эпоху это влияние должно было изменить, улучшить, подорвать или уничтожить их. История доказывает, что два существенно различных состояния общества, в том что касается искусства и цивилизации, не могут процветать вместе, в одно и то же время. Тот, кто находится в восходящем потоке, поглотит и уничтожит другого. Волк и ягненок не более антагонистичны в системе органического бытия, чем цивилизация и варварство в великом этнологическом импульсе распространения человека по земному шару. В этом порыве варварство может временно восторжествовать, как мы видим на многих ярких примерах в истории Азии и Европы. Но такие триумфы сопровождались тем замечательным результатом, что они, в конце концов, воспроизвели цивилизацию, которую сами же и разрушили. Таков, если не приводить других примеров, был эффект ниспровержения римского типа цивилизации воинственными и хищническими племенами Северной Европы. И литература, и христианство были на некоторое время подавлены этим непреодолимым натиском; но тем самым они лишь глубже внедрились в слой готовящейся цивилизации; и в свое время, подобно зерну, которое гниет, прежде чем дать потомство, взошло с силой и свежестью, которые рассчитаны на долговечность и наполнят земной шар.

Цивилизацию можно сравнить с абсорбирующим телом, находящимся в контакте с антиабсорбирующим веществом, с некоторыми свойствами которого она имеет сильное сходство. Это настолько полностью вытянет эти последние наружу, что, выражаясь сильным языком, можно сказать, поглотит их. Установлено, что цивилизация черпает некоторые

средства для своего совершенного развития из литературы и искусств, но она не может постоянно существовать без обработки почвы. По-видимому, фундаментальным принципом, на основе которого изначально были созданы эти виды, было то, что они должны получать средства к существованию и увековечивания от этого промышленного труда. Везде, где земледельческие племена противопоставляли себя охотникам и беспорядочным расам, они, как было обнаружено, отнимали у последних средства к существованию, сужая границы лесов и равнин, дикими животными, на которых, как плотоядных, так и травоядных, питаются охотники. Когда они были уничтожены, огромные ресурсы этих охотников и преследователей исчезли. Войны, привнесение иностранных товаров или вредных привычек могут ускорить период их упадка — результат, которому еще больше способствуют внутренние раздоры и недостаток того политического предвидения, благодаря которому существуют цивилизованные нации. Но без этого, а также в результате постепенного процесса сужения их охотничьих угодий и перехода владений лука и стрел к владениям плуга, этот результат неизбежно должен был наступить. В диком государстве нет принципа ни постоянства, ни процветания.

Однако представляет любопытный и философский интерес наблюдать различное и очень неодинаковое воздействие, которое различные типы цивилизации оказывали на дикие орды людей, с которыми она вступала в контакт. И еще больше, возможно, для того, чтобы проследить изначальную деловитость, или изнеженность гражданского типа, в крови преобладающих рас, которые были им характеризованы. В некоторых европейских породах этот тип оставался почти неизменным с тех пор, как достиг рыцарской эпохи. В других странах она приобрела глубоко коммерческий оттенок и в значительной степени ограничивалась извлечением из ресурсов новых стран тех предметов, которые стимулируют торговлю. Нет племени, претендующего на общую национальность, в котором принцип прогресса с самого начала был бы так сильно выражен, как в тех выносливых, отважных и атлетически сложенных племенах севера Европы, для которых название тевтонов имеет, возможно, более широкое значение, чем сравнительно более позднее название саксов. Цель этой расы, по-видимому, постоянно состоит и состояла в том, чтобы делать больше, чем делалось ранее; распространять и осмысливать планы улучшения и, таким образом, постоянно прилагая новые усилия на земном шаре, вести человека к его высшему предназначению. Те же импульсивные устремления духа прогресса, та же энергичная поступательность принципов, которые свергли Рим, в другой период свергли простые институты покрытых шерстью бриттов; и, какой бы другой аспект это ни носило, мы должны приписать той же национальной энергии современное внедрение европейской цивилизации в Азию.

Когда эти принципы будут применены к Америке и проверены ее коренными племенами, мы ясно почувствуем их соответствующие и отличительные эффекты. В Южной Америке, где тип рыцарства был характерен для первооткрывателей, варварство сохранялось среди туземцев, не будучи уничтоженным, в течение трех столетий. В Канаде, которая привлекала своих первых колонистов исключительно из феодальных городов и морских портов, жители которых придерживались принципа, что они сделали все, что требуется от добропорядочных граждан, когда они сделали все, что было сделано ранее, туземные племена оставались совершенно неподвижными. За исключением незначительных изменений в одежде и абсолютного падения моральных устоев, по сути, в наши дни они такие же, какими были в соответствующие эпохи Cartier и Champlain. В туземных монархиях Мексики и Перу Испания ниспровергла грубые объекты идолопоклоннического поклонения и внедрила среди этих племен искусство и некоторые обычаи 16 века. С очень большой долей племен, но мало что выходило за рамки

военного порабощения, и менее успешно. Прибрежные племена приняли ритуал римской церкви. Многие из жителей внутренних районов, населяющих более высокие хребты Анд и Кордильер, по сей день безмятежно придерживаются своих древних суеверий и образа жизни. Из недавних открытий видно, что существуют обширные районы внутренних районов страны, неизвестные, неисследованные и неописанные. Действительно, мы только начинаем понимать истинный характер коренной индийской цивилизации эпохи открытия. Этих замечаний достаточно, чтобы показать, как слабо выполнялись обязательства, связанные с литературой и христианством, по отношению к краснокожим колонистами тех типов ранней европейской цивилизации, которые опирались на феодальное положение, военную славу и церковную систему пустых церемоний.

Колонизация Северной Америки осуществлялась с совершенно иными планами и принципами. Мы считаем пилигримов воплощением истинного древнего тевтонского типа. Их Алариха и Бреннуса можно было найти за кафедрой и в классной комнате. Они пришли с высокими и суровыми представлениями о гражданских и религиозных свободах. Их главной целью было прокормить себя не за счет завоеваний, а за счет возделывания почвы. Чтобы спастись от церковной тирании у себя дома, они были готовы отправиться в новые края. Но они намеревались одержать победу в искусстве мира. Они взяли Библию в качестве своего щита и меча и положили ее принципы в основу всех своих институтов, гражданских, литературных, промышленных и церковных. Они сами были набожными и трудолюбивыми, и они намеревались сделать индейские племена такими. Они купили их земли и заплатили за них, а также приступили к установлению дружественных отношений между племенами. Религиозная истина, как она провозглашена в Евангелии, была фундаментальным принципом всех их действий. В ее изложении и повседневном использовании они не следовали никаким толкованиям соборов, противоречащим ее очевидному смыслу. Это мог прочитать каждый.

Находясь бок о бок с такой просвещенной и целеустремленной расой, чего могли ожидать жрецы системы местных обрядов и суеверий? Не могло быть никакого компромисса в ритуалах— никакого частичного соответствия, никакого отказа от части ради сохранения остального, как это делалось на равнинах Центральной Америки, Мексики и Юкатана. Никакой терпимости к псевдоязычеству, как это было сделано на водах Ориноко, Параны и Парагвая. Они должны немедленно отказаться от системы. Ошибка была грубой и тотальной. Они должны отречься от этого. Они приняли тьму за свет; и теперь им был предложен свет. Они поклонялись Люциферу вместо Эммануила. Об этом было сказано племенам, расселившимся по берегам Северной Атлантики, и ничто не утаивалось. Они основали среди них церкви и школы. Они перевели всю Библию, версию Псалмов Давида и Гимны доктора Уоттса на один из своих языков. Два типа человеческой расы, более полные и бесповоротно антагонистичные во всех отношениях, никогда не соприкасались на земном шаре. Они были альфой и омегой этнологической цепи. Следовательно, если красная раса пришла в упадок, а белая усилилась, то это произошло потому, что в цивилизации было больше принципов выносливости и прогресса, чем в варварстве; потому что христианство было выше язычества; трудолюбие - праздности; земледелие - охоты; буквы - иероглифов; истина - заблуждения. Здесь кроются истинные секреты упадка Красных людей.

Есть только три основных результата, которые, как мы думаем, цивилизованный мир мог предвидеть для человечества в эпоху открытия. 1. Можно было бы предположить, что они подлежали раннему истреблению на побережье, где они были найдены. К этому привели бы

тысячи причин, о которых нет необходимости упоминать. Невоздержанность и праздность сами по себе были достаточными причинами. 2. Филантропы и христиане могли надеяться вернуть их либо на их первоначальные позиции на побережье, либо в сельскохозяйственных общинах в прилегающих частях. 3. Опыт и прогноз могут указывать на третий результат, при котором ни полный успех не должен сопровождать ни один из вышеупомянутых планов, ни полный провал. В известной истории человечества не было ровно ничего, что могло бы направлять общественное мнение. Наиболее вероятным результатом было неоднозначное положение вещей. И можно было бы ожидать, что это будет сильно изменяться в зависимости от времени года, обстоятельств и местности, действующих на конкретные племена. Ничего меньшего нельзя было ожидать, кроме упадка и вымирания какого-нибудь племени, в то время как перемещение других на менее уязвимые позиции, как было обнаружено, сказалось бы на их улучшении. Влияние письменности и христианства неизбежно было бы медленным; но это были эффекты, которые история открытий и цивилизации в других частях света доказала своей эффективностью и практичностью. К чему должно было привести это смешанное состояние?— как долго это должно было продолжаться? Должны ли были племена осуществлять суверенную политическую юрисдикцию над участками, на которых они жили? Должны ли они подчиняться цивилизованному кодексу, и если да, то только уголовному кодексу или также гражданскому? Или, если нет, должны ли они были существовать путем слияния с европейскими видами и, таким образом, внести элементы новой расы? Эти и многие другие вопросы возникали рано и часто ставили в немалое замешательство магистратов, законодательные органы и губернаторов. Было очевидно, что аборигенная раса обладала особыми общими правами, но они существовали одновременно или смешивались с правами первооткрывателей. Как следует определять эти отдельные права? Как можно было защитить слабых и обуздать сильных в ситуациях, выходящих за рамки обычного гражданского права? Если краснокожий убил белого без обычной юрисдикции судов, может ли он быть арестован как преступник? И если да, то были ли гражданские правонарушения, совершенные без юрисдикции какой-либо территории, признаны в какой-либо из них или ни в одной из них? Может ли существовать верховенство внутри верховенства? И каково различие между законами штата и Соединенных Штатов? Такие темы были среди вопросов, затрагиваемых в политике Индии. Это была в целом смешанная система, и, как большинство смешанных систем, она работала неуклюже, сумбурно, а иногда и плохо. Для новых дел требовалось создавать прецеденты, и они постоянно менялись. Законодатели, судьи и исполнительные чиновники часто испытывали сомнения, и требовались самые мудрые, проникательные и лучшие люди в стране, чтобы разрешить эти сомнения и установить правила или советы для будущих действий в отношении Красной расы. В подтверждение последнего замечания будет достаточно сказать, что среди мудрецов, считавших этот предмет важным, были Роджер Уильямс, Пенн, Франклин, Вашингтон, Джефферсон, Монро, Кроуфорд и Калхун.

Должно было случиться так, что там, куда пришла саксонская раса, должны были восторжествовать принципы закона, справедливости и свободы. Эти принципы, в том виде, в каком они существовали в Англии в начале шестнадцатого века, были перенесены в Америку вместе с Кавалерами, Пилигримами и квакерами, именно в том, что касается двух первых тем, в том виде, в каком они существовали дома. Частные права были так же надежно защищены, а общественное правосудие - так же справедливо здесь, как и там. Но они также установили аристократическую систему, которая поддерживалась королевскими губернаторами, которые были непосредственными представителями короны. Доктрина была неопишуемой, гласившей,

что плата за все государственные или непатентные земли находится в собственности короны, и все жители королевства обязаны быть верными короне. Эта доктрина, примененная к коренным племенам Америки, не оставила им ни простоты пользования землей, ни политического суверенитета над ней. Это приравнивало их к вассалам, но по закону они считались своего рода свободными вассалами. Пока существовали королевские правительства, они пользовались общественным достоянием — правом ловить рыбу, охотиться, возделывать земли на нем и совершать некоторые другие действия по владению; но это право прекратилось так же быстро, как были выданы патенты или общественная потребность потребовала владения. Местные вожди были успокоены подарками от трона через местных чиновников, а их идеи независимости и контроля нашли отклик в общественных советах, в которых устанавливались дружеские отношения и заботились об общественном спокойствии. Частные закупки производились с самого начала, но идея публичного договора о покупке земли под управлением собственников и королевских губернаторов не возникала до эпохи Уильяма Пенна.

Патриотам 1775 года, которые с помощью призыва к оружию сформировали структуру нашего нынешнего правительства, оставалось предоставить племенам аборигенов полное право собственности на землю, которую они соответственно занимали, и гарантировать им ее полное и бесплатное использование до тех пор, пока такое право не будет отменено в соответствии с условиями договора. До сих пор они признавались суверенами. Это первый шаг к их политическому возвышению, который датируется, согласно нашим записям, соответствующими договорами в Форт-Питте от 17 сентября 1778 года и в Форт-Стэнвиксе от 22 октября 1784 года. Последнее произошло сразу же после установления нашей независимости, как только эти племена — Шесть наций, которые, за исключением онейды, встали на сторону метрополии, — смогли быть привлечены к обсуждению условий мира. За ними последовали вайандоты, делавары, чиппева и оттова в январе 1785 года; чероки в ноябре того же года; и чокто и шауни в январе 1786 года. Другие западные страны последовали за ними в 1789 году; Крики не лечили до 1790 года. И с этой эпохи система сохраняется вплоть до настоящего момента. Можно утверждать, что со времен генерала Вашингтона ни один акр земли, находящейся в общественном достоянии Соединенных Штатов, не был продан в земельных управлениях, кроме того, что было приобретено таким образом. Война, в которую мы и они часто были вовлечены с того периода, не принесла никаких *территориальных прав*. Мы победили их на поле боя не для того, чтобы узурпировать территорию, а для того, чтобы поставить их в условия наблюдать, насколько больше их интересам и постоянному процветанию способствовал бы плуг, чем меч, и когда-либо способствовал. И при каждом переходе от войны к миру быстро и пунктуально возвращались к тому прекрасному чувству, которое содержится в *первой* статье *первого* договора, когда-либо заключенного между американским правительством и индейскими племенами, а именно, что все обиды и вражда "должны быть взаимно прощены и преданы глубокому забвению, и никогда больше не будут вспоминаться".

[46]

[46] Мирный договор в Форт-Питте, 1778 год.

Мы уже упоминали о первом шаге к тому, чтобы продвинуть аборигена к его естественным и справедливым политическим правам, а именно о признании его *права на землю*; но те, кто должен был последовать за ним, были более трудными и запутанными в своих действиях. Конгресс, с самых первых следов своих действий, как они появляются в его журналах и

публичных актах, ограничил действие гражданского кодекса территорией, фактически приобретенной путем переговоров, и договорами, должным образом ратифицированными Сенатом и провозглашенными, в соответствии с Конституцией, президентом. Та часть этой общественной территории, которая находилась в пределах соответствующих *границ штатов*, согласно условиям нашего политического соглашения подпадала под *законы штата* и юрисдикцию судов штата; и как только были приобретены новые участки территории Индии, таким образом, в пределах границ штата, законы штата имели точно соответствующее распространение до тех пор, пока не были приобретены все такие земли Индии. Это обеспечивало определенный и ясный образ действий, и если иногда это было предметом сомнений или конфликтов, то такое замешательство возникало из-за огромной протяженности страны, ее малонаселенности, а также спешки или невежества местных властей. И эти трудности неизменно устранялись всякий раз, когда дела поступали в Верховный суд Соединенных Штатов.

Независимо от площади Штатов, но включая и уважая только территории, а также обширную и некорпоративную дикую местность, называемую "страной индейцев", Конгресс издал *специальный свод* законов и с самого начала осуществлял над этой частью Союза и осуществляет над ней сейчас полную юрисдикцию. Этот кодекс был разработан главным образом для регулирования торговли, которая велась в этих отдаленных пунктах между белыми и краснокожими, для сохранения общественного спокойствия и для вынесения судебных решений за правонарушения. Граждане Соединенных Штатов, имеющие паспорт, лицензию или полномочия своего правительства, защищены своими документами, полученными таким образом законным путем; и племена несут ответственность за хорошее обращение с ними, а в случае возникновения насилия - за их жизни. Однако ни один гражданский процесс не имеет эффективности в таких ситуациях; и на индийских территориях не существует обязательного судебного взыскания долгов, если бы это действительно было осуществимо. Там преобладают обычаи торговли и сношений, сложившиеся с незапамятных времен. Эти обычаи в основном основаны на патриархальной системе, которая была в моде при заселении страны, и они допускают компенсации и привилегии, основанные на естественных принципах справедливости. Уголовный кодекс Индии, каким бы он ни был, также действует там. Единственное исключение составляют дела американцев, злонамеренно убитых в "стране индейцев", законы Конгресса предусматривают, что агрессоры должны быть переданы в руки правосудия и предстать перед ближайшими судами Соединенных Штатов.

Эти предварительные факты демонстрируют некоторые из ведущих особенностей упомянутой смешанной системы. Его работа была лучше рассчитана для ранних стадий развития общества, когда население было немногочисленным, а две расы, как тела, держались далеко друг от друга, чем для более зрелых периодов. По мере того как промежуточные земли уступались, продавались и заселялись, а сами племена начинали приобретать элементы цивилизации, несоответствия системы и ее недостаток однородности и гармонии становились все более очевидными. На протяжении всего периода правления администраций Вашингтона, Джона Адамса и Джефферсона, длившегося двадцать лет, низкое состояние нашего населения, а также большая протяженность и невостребованный характер общественного достояния не беспокоили индейцев, и не возникало никаких вопросов особой важности, которые могли бы проверить постоянство системы в том, что касается благосостояния индейцев. мистер Джефферсон, однако, предвидел последствия вторжений за пределы штата Огайо и, проявляя просвещенное уважение к расе и их цивилизации, подготовил новый и сводный кодекс всех

предыдущих актов, с некоторыми полезными новыми положениями. положения, которые имели целью систематизировать торговлю и сношения, а также более полно защитить права индейцев. Этот кодекс, с редкими поправками, был заменен при последующих администрациях Мэдисона, Монро и Джона Куинси Адамса кодексом генерала Джексона, когда в 1834 году значительно расширенная линия границ, увеличившееся население и неизбежно возросшие силы индийского департамента, а также большая сумма выплачиваемых индейцам ежегодных пособий потребовали его тщательного пересмотра, и был принят новый общий закон.

Однако ранее, до настоящего времени, во времена правления мистера Монро, считалось, что индейские племена как отдельные сообщества, живущие внутри и в окружении людей европейского происхождения и управляемые совершенно иной системой законов, искусств и обычаев, не могут достичь состояния постоянного процветания при таком локальном расположении. Саксонские институты, законы и юриспруденция имели тенденцию подавлять их. Чем большие потребности должны поглощать меньшие. И после мудрого и зрелого размышления у истинных друзей местной расы не появилось никакой разумной надежды на то, что они смогут сохранить независимость или добиться успеха в качестве чужеродных элементов в среде государственных сообществ. Было невозможно, чтобы две системы правления, столь разные, как индийская и американская, сосуществовали на одной территории. Вся история доказывала это. Наиболее рациональной надеждой на успех для этой расы, единственной, которая действительно казалась практичной в масштабах, соизмеримых с поставленной целью, было переселение их, с их собственного согласия, в положение, полностью исключающее границы государственной юрисдикции, где они могли бы утвердить свой политический суверенитет, жить и развивать свой истинный национальный характер по своим собственным законам.

Побудительной причиной действий правительства во время правления мистера Монро было особое положение определенных племен, живущих на своих исконных территориях, в пределах границ штата, и которые были настроены против дальнейшей передачи такой территории. Основным интерес к этому вопросу проявился в штате Джорджия, на территории которого в то время проживали части племен крик и чероки. Таким образом, около десяти миллионов акров земель находились в ведении этих двух племен. По мере того как население Джорджии увеличивалось и приближалось к индейским поселениям, зло смешанной политической системы, о которой идет речь, начало все отчетливее проявляться. В процессе расселения человеческой расы по земному шару, возможно, никогда не предпринималось попыток более разнообразного юридического, политического и морального объединения, чем то, что было обнаружено, когда в этой области потомки древних саксов, северян и гугенотов из Европы вступили в контакт с потомками (мы говорим о теории) праздной, пастушеской, нефилософской, неиндуктивной расы центральной Азии, живущей в благоприятном климате и солнечных долинах Джорджии и Алабамы.

Американское правительство поставило себя в неловкое положение, договорившись в самом начале со штатом Джорджия о прекращении права собственности индейцев в пределах ее границ в кратчайшие практически возможные сроки, когда это можно было сделать "мирным путем и на разумных условиях". Индейцы, по мере того как они развивались в сельском хозяйстве, стали испытывать отвращение к продаже. Грузины, по мере того как их численность увеличивалась, стали настаивать на территории, на которую они имели, в данном случае, право

возврата. Власти штата часто приставали к президенту. Индейцев часто привлекали к рассмотрению этого вопроса, важность которого с годами возрастала.

Мы сочли уместным поставить этот вопрос в надлежащем ракурсе по отношению к важному вопросу о переселении индейцев; и, как это уже было сделано, обосновать скорейшее рассмотрение и действия правительства. В наши намерения не входит рассматривать грузинский вопрос разрозненно — у нас нет для этого здесь ни времени, ни места, и мы лишь сделаем еще одно предположение, что он подвержен некоторым взглядам, совершенно отличным от тех, которые часто исходят из него. [47] То, что это было одним из важных соображений, побудивших администрацию Монро заблаговременно заняться общим вопросом об индейских племенах, хорошо известно и запоминается, и очевидно из прочтения публичных документов той эпохи.

[47] Здесь достаточно места, чтобы сказать, что уступка земель Джорджии была впоследствии осуществлена Нижними Криками под предводительством генерала Макинтоша, который первым поставил под этим свою подпись. За этот поступок он поплатился жизнью; Аппер-Крики и их приверженцы, взявшись за оружие, окружили его дом и выпустили в него триста пуль, убив его несчастного, но выдающегося обитателя.

Руководствуясь такими соображениями, мистер Монро направил Конгрессу 27 января 1825 года специальное послание, в котором рекомендовал переселить все племена в пределах Штатов и Территорий и предусмотреть их будущее "местонахождение и управление". Это официальная дата и основание плана переселения, который был так широко, и, да не добавим мы, так успешно и благожелательно к высшим интересам племен приведен в действие. "Будучи глубоко впечатлен мнением, — замечает этот уважаемый государственный деятель, который много лет назад присоединился к патриотически настроенным людям, добившимся нашей независимости, - что переселение индейских племен с земель, которые они сейчас занимают, в пределах нескольких штатов и территорий, в страну, лежащую к западу и северу от них, в пределах наших признанных границ, имеет очень большое значение для Союза и может быть осуществлено на условиях и таким образом, чтобы способствовать интересам и счастью этих племен, внимание правительства давно и с большой озабоченностью привлекалось к переселению индейских племен с земель, которые они сейчас занимают, в пределах нескольких Штатов и территорий, в страну, лежащую к западу и северу от них, в пределах признанных нами границ. к объекту.

"Для переселения племен в пределы штата Джорджия мотив был особенно сильным, вытекающим из соглашения с этим штатом, согласно которому Соединенные Штаты обязаны аннулировать права индейцев на земли в его пределах, когда это может быть сделано мирным путем и на разумных условиях.

"Я думал, что при выполнении этого соглашения Соединенные Штаты должны действовать с великодушием, что они не должны упускать ничего, что соответствовало бы либеральной конструкции документа, а также соответствовало справедливым правам этих племен. Исходя из точки зрения, которую я занял по этому вопросу, я удовлетворен тем, что при выполнении этих важных обязанностей в отношении обеих упомянутых сторон Соединенным Штатам не придется сталкиваться с конфликтующими интересами ни с одной из них: напротив, переселение племен с территорий, которые они населяют, на те, которые были обозначены в послании в начале сессии, что позволило бы достичь цели для Джорджии в соответствии с хорошо продуманным

планом их правления и цивилизации, способом, приемлемым для них самих, не только защитило бы их от надвигающейся гибели, но способствовало бы их благосостоянию и счастью. *Опыт ясно продемонстрировал, что в их нынешнем состоянии невозможно включить их в таких массах, в какой бы то ни было форме, в нашу систему. Это также продемонстрировало, с не меньшей уверенностью, что без своевременного предупреждения и принятия мер против опасностей, которым они подвергаются, по причинам, которые будет трудно, если не невозможно, контролировать, их деградация и истребление будут неизбежны.*"

Мы подчеркнули последние два предложения, потому что они выражают убедительным и справедливым языком опыт американского правительства в отношении данного вопроса после пятидесятилетнего эксперимента, начиная с 75-го года, и действительно лежат в основе нынешней политики в отношении Индии. Это также опыт здравомыслящих и спокойных наблюдателей, которые наблюдали за действием наших законов и обычаев в изолированных индийских общинах в Штатах. Каждый год демонстрировал тщетность попыток поднять их до европейского уровня в трудолюбии, интеллекте или характере, находясь в таком положении; и, действительно, было практически невозможно эффективно оградить их от совокупного воздействия невоздержанности, личной лени и популярного и вульгарного пренебрежения.

Г-н Кэлхун, чей доклад по этому вопросу был передан Конгрессу вместе с вышеупомянутым посланием, сообщает детали, необходимые для выполнения предлагаемого плана. Он утверждает, что все число индейцев, подлежащих изгнанию из Штатов и Территорий, за исключением тех, которые расположены к западу и северу от озера Мичиган и пролива Святой Марии, составляет 97 000 душ, которые занимают около 77 миллионов акров земли. Страна, предлагаемая для их размещения, простирается непосредственно на запад, за пределы штатов Миссури и Арканзас, через центр которой с запада на восток протекает река Арканзас, северными границами являются Миссури и Ред-Риверс соответственно, а западными - обширные травянистые равнины к востоку от Скалистых гор.

Карта этой территории, которую мы публикуем, составлена на основе карты, опубликованной Конгрессом в 1834 году в качестве иллюстрации к отчету комитета по делам индейцев от 30 мая той сессии. Она охватывает все места проживания племен того периода.

План предполагал безвозмездное предоставление страны соответствующим племенам и их переезд в нее за государственный счет. Это включает в себя передачу им их школ, созданных религиозными обществами и частично поддерживаемых фондом цивилизации, и всех их средств нравственной и религиозной культуры. Она основана на занятиях сельским хозяйством, механическим искусством и разведением крупного рогатого скота. Она наделяет племена полной властью создавать и исполнять все свои законы и предписания, гражданские и уголовные. Он предусматривает военную защиту, чтобы поддерживать мир в окружающих племенах. Это оставляет им их политический суверенитет; они находятся за пределами границ Штатов, под властью своих собственных вождей и местных губернаторов, с такими вспомогательными средствами, которые необходимы для того, чтобы различные племена могли объединиться и создать структуру объединенного правительства, которым они будут управлять сами и, как впоследствии предложено Конгрессом, будут представлены в этом органе всякий раз, когда система будет усовершенствована таким образом, чтобы оправдать эту меру. В качестве основания для отстранения он предложил торжественный акт Конгресса,

гарантирующий им сохранение страны и исключаящий ее будущее включение в состав Штатов. Второе место, в северных широтах, было предложено для индейцев к западу от Мичигана, где, по оценкам, проживало еще 32 266 душ.

Таковы были общие принципы плана мистера Монро, представленного в 1825 году и впоследствии принятого Конгрессом в его основных чертах. Он действует уже ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ, и в заключение этого документа предлагается кратко рассмотреть состояние и перспективы эмигрировавших племен в стране, в которую они были переселены.

В отчете соответствующего министерства, переданном Конгрессу вместе с посланием президента в 1836 году, показано, что результатом первого десятилетнего эксперимента стала фактическая миграция 40 000 человек с их первоначальных мест жительства на восток на выделенную территорию Индии к западу от Миссисипи. Из этого числа 18 000 были криками, 15 000 чокто, 6000 чероки, 2000 чиппева, оттава и поттоватоми, 1300 шауни, 800 делаваров, 500 куапо, 400 семинолов, 600 кикапу, 400 сенека и в среднем, скажем, по 250 человек, из аппалачей, уис, пианкашоу, пеорий и каскаскийя. В этом утверждении небольшие дроби, превышающие или не превышающие, опущены. Семнадцати племенам и частям племен было предоставлено место для постоянного проживания; число, которое за последующие семь лет, как мы знаем из имеющихся у нас документов, было в значительной степени увеличено. Весь корпус чероки, криков, или мускоги, чикасо, чокто и т.д., а также, за исключением одной основной группы, семинолов, были удалены. Части других племен, в то время неполные, присоединились к своим сородичам; и некоторые целые племена, которые раньше не вступали в соглашение и не уступали свои земли на восток, как, например, миамы Уобаши и вайандоты Сандаски, с тех пор смирились с проживанием на территории Индии. Все чикасо проживают у своих соотечественников, связанных с ними, чокто; а представители древней конфедерации ирокезов, Шести наций Нью-Йорка, а также древних могиганцев и манси в течение нескольких лет выбрали места к югу от Миссури. Все количество краснокожих, сосредоточенных в настоящее время на этих равнинах и долинах, где зима едва ли проявляет какую-либо суровость, может быть определено в 77 000 душ, что, согласно официальному отчету 1841 года, составляет 21 774 человека от первоначальной предполагаемой численности 1825 года, подлежащей переселению; за исключением тех, кто находится к западу от проливов Мичилимашинак и Сент-Мэри.

Из документов, сопровождающих годовой отчет, переданный Конгрессу Президентом, в декабре 1840 года сумма средств, вложенных правительством в акции для индейцев, составила 2 580 000 долларов, на которые им выплачивались ежегодные проценты в размере 131,05 долларов. Двадцать четыре племени по договору постоянно выделяли 60 730 долларов в год на цели образования. Количество поддерживаемых школ и количество фактически обучаемых учеников не указаны. Отрадно знать из этого источника, что цивилизация, сельское хозяйство и механическое искусство быстро развиваются, и что образование и христианство идут рука об руку. Выращивание крупного рогатого скота принято в целом. Часть наиболее развитых племен посвятила себя механическому искусству, обеспечив себя, в ограниченной степени, кузнецами, колесниками, плотниками и столярами, а также некоторыми другими отраслями. В некоторой степени практикуется прядение и ткачество на ручном ткацком станке. Среди трех основных южных племен есть местные торговцы, которые отправляют свой собственный хлопок и другие товары на рынок снабжают своих людей, в свою очередь, такими товарами из Ост- и Вест-Индии и других частей света, какие им требуются. Большая часть контрактов, особенно на

индийскую кукурузу, необходимую для обеспечения войск Соединенных Штатов в этой части Союза, обеспечивается местными подрядчиками. Их законодательство осуществляется представительными советами и хорошо адаптировано к реальному и развивающемуся состоянию общества. Многие из их лидеров хорошо образованы; некоторые из них классически образованы; и общий моральный и интеллектуальный тон и привычки племен явно и поразительно развиваются. Считается, что это требует лишь времени и настойчивости гражданских объединений, чтобы привести их к тем же результатам, к которым пришли другие варварские народы, и продемонстрировать им ценность всеобщей политической конфедерации, основанной на принципах равноправия и равного представительства, поддерживаемой общественной добродетелью и интеллектом.

Обрисовав в общих чертах причину упадка той части североамериканских индейцев, которая расселялась вдоль Атлантического океана, и предложенный план ее проверки, мы теперь, имея в своем распоряжении карту и документальные свидетельства, посвятим несколько минут нынешнему состоянию и перспективам наиболее выдающихся племен.

1. Чокто, начинающиеся на крайнем юге территории, занимают первые позиции. Они занимают территорию выше штата Арканзас, простирающуюся от реки Арканзас до реки Ред-Ривер, следуя вверх по канадскому ответвлению первой, занимая территорию около 150 миль в ширину и 200 в длину. Они ограничены Техасом на юго-западе. Страна хорошо приспособлена для выращивания зерна и животноводства в средней и северной частях, а также для выращивания хлопка на юге. У многих местных жителей есть большие поля, на которых всего несколько лет назад лес был нетронут. Лесопилки, мукомольные фабрики и хлопкоочистительные фабрики либо строятся, либо возводятся по всей стране. Соль производится разумными индейцами Чокто. Была найдена железная руда, и в разных местах были подобраны образцы золота.

Это племя управляется письменной конституцией и законами. Их территория разделена на три округа, каждый из которых раз в четыре года избирает правящего вождя и десять представителей. Сформированный таким образом генеральный совет, состоящий из тридцати членов совета, собирается ежегодно, в первый понедельник октября. Избиратели должны быть чокто совершеннолетнего возраста и проживать в округах. Три главы обладают совместным правом вето на все принятые законы; но две трети членов совета могут повторно принять их после такого отклонения.

Совет тридцати назначает своего собственного спикера и секретаря и ведет журнал. Они собираются в большом и просторном здании совета, оборудованном местами для членов и зрителей, а также комнатами для заседаний комитетов. Их заседания обычно длятся около десяти дней. Им платят по два доллара в сутки за их услуги из государственных средств.

В дополнение к этому доказательству способности к самоуправлению создаются судебные округа, обеспечивается право суда присяжных и подается апелляция в высший трибунал. Все мужчины особого возраста подлежат несению военной службы: с этой целью территория разделена на тридцать два капитанства, и все они находятся в подчинении генерала. Совет принял много хороших и благотворных законов; среди них один против невоздержанности и продажи горячительных напитков. Взыскание долгов в настоящее время не является обязательным, поскольку регулируется вопросами кредитоспособности, пунктуальности и чести, которые должны быть урегулированы между покупателем и продавцом. Страна слишком

малонаселенна, а народное отвращение к тюремному заключению слишком сильно, чтобы позволить прибегнуть к нему. Таким образом, будет видно, что это племя демонстрирует в своей системе правления элементы представительной республики, а не чистой демократии, с, возможно, достаточной консервативной властью, чтобы защититься от внезапного народного возмущения.

У чокто есть двенадцать государственных школ, созданных в соответствии с условиями договора с Соединенными Штатами. Среди них есть несколько миссионеров пресвитерианской и методистской конфессий, о чьих трудах государственные служащие сообщают как о полезных и рассчитанных на улучшение их положения. Есть четыре общественных кузницы, в двух из которых работают исключительно местные жители. Забастовщики, или помощники, во всех мастерских - местные жители. В различных частях страны также были возведены магазины, которые заняты только весной и летом, во время сева и жатвы. Механиками в них являются местные жители, которым платят не отдельные лица, нуждающиеся в помощи, а из государственных средств. В стране есть академия, расположенная в округе Скотт, штат Кентукки, в которой в 1839 и 1840 годах обучалось 125 студентов. В настоящее время это учебное заведение находится в процессе создания на их собственной территории. Это племя, как мы узнаем из отчета военного министра, в 1843 году выделило 18 000 долларов из своих ежегодных выплат на образовательные цели.

2. Чикасо. Это племя того же происхождения, что и чокто; и по договору с последними они занимают ту же территорию и живут вперемешку с ними. Частью этого соглашения является то, что Чикасо должны сконцентрировать свое население и сформировать четвертый избирательный округ, который будет иметь право избирать десять представителей и трех глав сенаторов в национальный совет. Общая сумма вложенных средств этого племени в 1840 году составляла 515 230 44 доллара, из которых 146 000 долларов было выделено сиротам. Ежегодные проценты, выплачиваемые правительством, составляют 27 063,83 доллара. Они в равной степени пользуются преимуществами академии Чокто, и многие из их молодежи получили образование в этом учебном заведении.

3. Следующими по географическому положению после соединенных Штатов чокто и чикасо являются маскоги, которые более широко известны под названием крикс. Они занимают территорию в сто пятьдесят миль в длину и девяносто в ширину. С юга они ограничены канадской развилкой реки Арканзас и округом Семинолов, который лежит между главным ответвлением этой реки и ее северной развилкой. Их территория простирается до точки, противоположной слиянию рек Неошо, и простирается оттуда на север до границы с индейцами чероки. Это плодородный участок, хорошо приспособленный для выращивания кукурузы, овощей и эскулентов, а также для разведения скота. Он не так обильно орошается бегущими ручьями, как некоторые урочища, или, скорее, характерной чертой его небольших ручьев является то, что они пересыхают или собираются в лужи во второй половине лета. Вместо них здесь есть несколько хороших источников. Мэйн и норт-форк Канадиан освобождены от последствий летней засухи. С точки зрения оздоровления страна не уступает другим частям индийской территории.

Управление криками по сути остается тем же, что они осуществляли на берегах Чаттахучи и равнинах Джорджии. Они существуют в виде вождеств, каждый глава которых имеет свою собственную местную юрисдикцию, гражданскую и уголовную. У каждого правящего вождя

есть своя деревня и свои приверженцы; и положение вещей отчасти соответствует тому, что мы будем понимать под обозначением феодальных черт. У них нет писаной конституции; их законы, однако, в настоящее время частично сведены к письменной форме. Генеральные советы, или съезды, не уточняющие период их возникновения, рассматривают и решают все общие вопросы. На них все вожди имеют право на представительство. Местные вопросы, касающиеся права и полиции, рассматриваются местными вождями и решаются в соответствии с обычаями. Они придерживаются первоначального способа обработки обычных или городских полей, на которых долг всех - помогать как в первоначальной расчистке, так и в ежегодном труде по посеву и сбору урожая. Есть также люди, владеющие рабами, которые управляют довольно обширными плантациями. Это племя выращивает больше кукурузы, чем любое другое, расположенное сейчас на Западе. Сверх их собственных потребностей, у них в течение нескольких лет было большое количество для продажи и экспорта. Меньше внимания уделялось животноводству, для которого, действительно, страна считалась менее благоприятной; но в последние годы эта отрасль промышленности привлекает больше внимания.

За много лет до их переселения Крики были разделены на *верхние и нижние города* - это различие было перенесено на Запад. Опотлейохоло - вождь Верхнего племени, а Роли Макинтош - Нижнего Крикса. Эти два вождя объединяют меньших и делят нацию на две партии. Именно Нижние города, возглавляемые отцом нынешнего вождя (о трагической смерти которого мы упоминали), уступили территорию Грузии и, таким образом, встали на сторону политики этого государства. Условия, в которых существовало это племя в некоторых частях Джорджии, Алабамы и Миссисипи, были и в других отношениях своеобразными. Переходя, как они успешно делали, от *охотничьего к сельскохозяйственному* государству, институт рабства, которым они были окружены и в котором они участвовали, дал своеобразное развитие их промышленности. Вожди, которые не желали работать сами, нанимали рабов, и таким образом отношения плантатора и раба установились задолго до того, как встал вопрос об их увольнении. Следствием этого было возвышение части нации выше среднего уровня и подавление других, стоящих ниже среднего. Неравенство, имевшее место в привычках к труду и в богатстве, также отразилось на образовании, одежде, манерах и информации в целом. Хотя идея рабства была хорошо известна красной расе с древнейших времен, и у всех них есть для этого слово в их родном словаре, и они практиковали его на своих пленниках, все же результат, который мы рассматриваем, был ускорен примесью европейской крови в их вождях. Следовательно, это племя и одно или два других на юге в течение многих лет могли выдвигать умных вождей для ведения своих общественных дел, которые удивляли круги в Вашингтоне. И все же, если за ними последовали в хижины простых людей, у себя дома, то там была степень невежества и варварства, даже ниже уровня наших ведущих северных племен. Таким образом, можно было бы привести два вида свидетельств о положении южных племен, оба очень разные и оба правдивые.

Крики двинулись на запад, угрюмые и разочарованные, но мало настроенные на предстоящие им усилия. Они по-разному страдали и покидали южные склоны и солнечные долины южной Аллегании с "тоскующим, затянувшимся взглядом". Они никогда не проявляли общего интереса к школам и вообще никакого - к религии. Последнее по-прежнему является преобладающим чувством. Считается, что среди них сейчас нет ни одного терпимого миссионера. К образованию они относятся более дружелюбно. Не продвинулись они и в механическом искусстве. Вожди были слишком горды, а простые люди слишком ленивы, чтобы научиться

пользоваться пилой или молотком. Считается, что в этом отношении произошли некоторые изменения. Механики нанимаются в своих интересах и за свой счет правительством, которое должно внедрить элементы механической промышленности. Одеваются они довольно безвкусно, но живописно. Они живут в удобных домах из прямоугольных или обтесанных бревен, снабженных полезной мебелью, и у них работают обременительные животные для удовольствия. Правительственные агенты свидетельствуют о том, что среди них есть признаки развития бережливости и трудолюбия. Считается, что для продвижения их вперед к цивилизации и процветанию необходимо только время и настойчивость в нынешних усилиях. [48]

[48] Это племя в прошлом году (1843) приняло закон, изгоняющий всех белых мужчин, играющих в карты, за пределы страны, независимо от того, есть у них жены-индианки или нет.

4. Семинолы. Это племя имеет язык и происхождение Криков. Они надлежащим образом расположены на участке в пределах общей территории последнего, ограниченной с юга канадской развилкой Арканзаса и землями чокто и чикасо. Тракт имеет протяженность в семьдесят миль с востока на запад и полностью соответствует их потребностям. Для них существует кузница; они снабжены сельскохозяйственными орудиями и, как и другие племена, один год существовали безвозмездно за государственный счет. Считается неблагоприятным для их прогресса то, что им разрешили мигрировать вместе со своими рабами, которые испытывают отвращение к труду и оказывают парализующее влияние на их промышленность. Это племя сильно отстает от других южных племен по цивилизации и нравам. Находясь во Флориде, они населяли регион, поистине тропический по своему климату, который спонтанно давал немалую часть их средств к существованию в виде маранта и морской рыбы. До сих пор их главным продуктом на западе была кукуруза. Они живут под властью местных вождей, которые, как и во всей их прошлой истории, пользуются влиянием пропорционально своим талантам и мужеству. Их уход из мест и ситуаций, которые служили рассадниками праздных, диких привычек, и их объединение с другими ведущими племенами, которые теперь стремятся обеспечивать себя исключительно сельским хозяйством, были благоприятными. Они жили в мире с момента своего прибытия в воды Арканзаса; и ожидается, что они, посредством примера и подражания, ассимилируются в промышленности с ранее существовавшими племенами. Уже было продемонстрировано, что они смогут обеспечить себя в своей новой сфере деятельности. Но немногие из их числа — из последних учетных записей, не превышающих 100 [49] — теперь остаются во Флориде.

[49] Отчет военного министра, 1843 год.

5. Чероки. Это племя занимает видное место среди коренных народов Соединенных Штатов и занимает первое место в усилиях, которые оно предприняло, чтобы занять место среди цивилизованных наций. В этих усилиях она прошла через некоторые суровые и трагические испытания из-за внутренних разногласий, из-за которых, казалось бы, по мере того, как приз оказывается в пределах их досягаемости, умножаются испытания, которые задерживают его захват. И, несмотря на их серьезные претензии на рассмотрение этого вопроса, им, надо признать, предстоит многого достичь. Первоначальное положение чероки в долинах и западных отрогах Аллегани, удаленное от причин беспокойства, которые волновали другие племена, было в высшей степени благоприятным для их увеличения и продвижения. Ни одно

племя в Северной Америке не оставалось настолько безмятежным ни со стороны краснокожих, ни со стороны белых людей вплоть до 1836 года. Они были древними и в значительной степени земледельцами; и кем бы они ни были в древние времена, они долгое время были нацией, живущей в мире. Вскоре после окончания последней войны 1812 года часть этого племени переправилась через Миссисипи и, по соглашению с правительством, обосновалась между водами Уайт-ривер и Арканзаса. Это продвижение сформировало ядро той политической партии, которая объединилась на своих недавних собраниях под названием "Западные чероки" и которая считала, что у них есть некоторые права и соображения выше, чем у восточных чероки. Основные разногласия, однако, возникли из-за вопроса об уступке территории к востоку от Миссисипи. Это был широкий вопрос о *продаже* или *не продаже*, *эмиграции* или *неэмиграции*. Во главе утвердительной партии стоял Ридж, во главе отрицательной - Росс. Последний, в дополнение к тому, что он был ведущим вождем и самым выдающимся человеком, составлял подавляющее большинство и какое-то время успешно сопротивлялся этой мере. Первый привлек на свою сторону ряд наиболее образованных вождей и мужчин. Воспользовавшись временным отсутствием своего противника Росса в стране, он уступил страну и решил судьбу своего племени к востоку от Миссисипи. Это был второстепенный договор, но соображения были достаточными; он обеспечивал большие потенциальные преимущества, помимо больших и богатых владений на Западе. Таким образом, оно было поддержано правительством; Сенат США ратифицировал его, добавив некоторые дополнительные иммунитеты и дополнительную компенсацию по просьбе Росса. Племя было изгнано, но оно ушло на запад со смертельной враждой. В конце концов, Ридж, как и Макинтош, заплатил за свою безрассудность жизнью. Было создано представительное правительство, состоящее из палаты делегатов или представителей, ежегодно избираемых округами; совета сенаторов, наделенного полномочиями по пересмотру или сотрудничеству, и выборного главы исполнительной власти. Был принят свод законов и создана судебная система для приведения их в исполнение. Эта система, которая действовала около шести или семи лет, была признана достаточной для того, чтобы выдержать суровые испытания; и ее следует рассматривать как систему, которой, какой бы измененной она ни была, суждено выстоять.

Территория чероки находится между реками Крикс и Осейдж. Она обширна сверх их потребностей, плодородна и, как правило, хорошо орошается. Река Арканзас пересекает его в центре; его восточной границей являются Неошо и штат Арканзас. Он хорошо приспособлен для выращивания зерновых культур. Кукуруза, пшеница и овес хорошо сочетаются с дынями и кулинарными овощами всех видов. Чероки давно привыкли к земледелию. Они владеют большим поголовьем лошадей, крупного рогатого скота, свиней и овец. Они занимают солидные и комфортабельные дома. Многие их женщины прядут и ткут, а многие из их соплеменников носят одежду собственного производства. Через их поселения проходят благоустроенные фермы. Многие из их торговцев - местные жители, которые покупают и продают продукты и импортируют иностранные товары. Чтение и письмо - обычные достижения. У них есть школы и церкви. У них есть мельницы для помола зерна. Они производят соль в ограниченном объеме. В стране добывают каменный уголь и гипс. Прерии, разбросанные по всему тракту, дают прекрасные летние пастбища для скота и дают разновидность травы, которая при правильном выращивании немногим уступает тимофеевке. В стране, которая, таким образом, имеет в себе элементы процветания, а также разумное и трудолюбивое население, это племя должно вскоре представлять собой отрадное зрелище цивилизованной расы.

6. Осейджи. Это коренное племя, которое раньше владело значительной частью территории, которая теперь передана другим. Однако то, как они использовали свои ежегодные выплаты, мало пошло на пользу их привычкам и положению. Местные агенты приложили огромные усилия, чтобы заставить их отказаться от своего беспорядочного образа жизни и стать земледельцами. С этой целью им были предоставлены инвентарь и сельскохозяйственные орудия и другие удобства, но без каких-либо общих последствий. Среди них можно назвать строительство мельниц и возведение хорошо построенных хижин для их вождей. Нет племени, к которому термин "хищный" можно было бы применить с таким же успехом, как к осейджам. Они с давних времен были грабителями на этой границе, среди краснокожих и белых людей. Обладая обширной территорией, на которой раньше хорошо водились олени, лоси и буйволы, могучие по численности, отважные по духу и наслаждающиеся одним из лучших климатических условий, эти ранние хищнические привычки сохранились до наших дней. Они не хотят отказываться от этой дикой вольности прерий — так называемой свободы кочующего индейца. Но это разновидность свободы, которую заселение Миссури и Арканзаса и приток полукцивилизованных племен с юга и севера сильно ограничили. Дичи стало сравнительно мало. На этих долготах день охотника уже давно миновал. Когда к этому добавляется пример изгнанных индейцев в области обработки почвы и выпаса скота, их полевых работ по ограждению и возведению домов, их улучшенной одежды, их школ и развитого состояния правительства и законов, можно тешить себя надеждой, что Осейджи также будут побуждены приехать сюда ради благ цивилизации.

Таковы шесть основных племен, образующих ядро, или, используя военную терминологию, правое крыло эмигрировавшего аборигенного населения, поскольку группы расположены в своем порядке с юга на север, на трансазаркской, или индейской территории. Нам доставило бы удовольствие посвятить несколько отдельных соображений каждому из оставшихся девятнадцати племен и полуплемен, или остаткам и пионерам племен, составляющих эту внушительную и интересную колонию, где впервые со времени заселения Континента индийская раса представлена в независимом, компактном и процветающем состоянии. Но это явно расширило бы эту статью за ее пределы, и поэтому мы должны обобщить наши оставшиеся замечания.

Однако мы по-прежнему придерживаемся географического метода. Сенека из Сандаски, а также смешанные сенека и шауни расположены к северо-востоку от чероки и между последними и западной границей Миссури. Они владеют сотнями тысяч акров отборных земель. Сандаски насчитывают 251 душу; смешанная банда - 222. Они представлены как фермеры и скотоводы, бережливые, трудолюбивые и менее склонные к невосдержанности, чем их соседи. В 1839 году они обрабатывали от двухсот пятидесяти до трехсот акров кукурузы. Согласно условиям договора, у них есть кузница, и они владеют хорошим поголовьем лошадей, крупного рогатого скота и свиней. Куапо примыкают к сенеке и шауни на севере, и, как и у последних, их земли выходят фасадом на реку Неошо. Эта банда ранее владела южными берегами Арканзаса и уступила им территорию от его устья до Канадиэн форк. Они ленивы, сильно пристрастились к употреблению горячительных напитков и малочисленны. У них участок площадью 96 000 акров. Как правило, они неаккуратно возделывают около ста акров кукурузы. Часть их расселена на водах Ред-Ривер, и пристрастие индейцев к гребле подпитывается частыми переходами туда-сюда. Эта непредсказуемая привычка является безошибочным критерием состояния охотника.

Пианкашоу и уиз принадлежат к племени Майами и вышли из вод Уобаша. Они расположены на 255 участках, непосредственно к западу от западной границы штата Миссури и примерно в 40 милях к югу от Конзы. Их население составляет 384 человека, из которых 222 - Weas. Непосредственно к западу от них находятся теории и Каскаские семьи Иллинойс. Их насчитывается 132, и они владеют 150 участками, что дает в среднем более квадратной мили на душу населения. Еще западнее от них находятся оттовы из Огайо, числом около 200 человек, а над ними небольшая группа из 61 чиппева из Суон-Крик и Блэк-Ривер в Мичигане. Все эти места расположены у истоков реки Осейдж. Земли здесь прекрасные, частично лесные, частично прерийные, и их легко обрабатывать. Эти шесть разрозненных групп не отличаются друг от друга по образу жизни и уровню развития сельского хозяйства. Они выживают за счет выращивания кукурузы, крупного рогатого скота и свиней. Они демонстрируют прогрессирующее состояние и окружены в высшей степени благоприятными для этого обстоятельствами.

Племя Шауни расположено на стыке рек Конза и Миссури, простираясь на юг и запад. Их численность немногим меньше 1300 человек, и они владеют территорией в десять тысяч квадратных миль, или 6 400 000 акров. Они являются земледельцами и скотоводами на продвинутом этапе совершенствования. Время от времени к охоте можно прибегать как к спорту или развлечению, но с тех пор от нее как от источника существования отказались. Действительно, неудача с охотой в этом регионе сделала бы последнее обязательным, если бы к этому не привели их улучшенные привычки к трудолюбию. Это племя, по сути, победило свое отвращение к труду. Они загоняют волов и лошадей, приученных к плугу. Они разбирают рельсы и строят изгороди. Они возводят солидные хижины и амбары. Из года в год в их яслях растет старая кукуруза. У них есть хорошие верховые лошади и седла, а также другие предметы снаряжения, и путешественник или посетитель найдет хорошую еду, чистую постель и доброе отношение в их поселениях.

Следующими по положению после шауни являются делавары, потомки древних ленно-ленапи из Пенсильвании. Союзники и сородичи в своем древнем положении, они все еще противопоставлены друг другу в своем новом. Их урочище начинается на стыке рек Конза и Миссури на севере и, избегая по первой до заповедника Конза, простирается на север и запад, охватывая его с севера. Он занимает около 2450 квадратных миль, или 2 208 000 акров. На последние даты, о которых мы упоминали, их насчитывалось 826 душ, и их количество постоянно увеличивается. По своим привычкам, трудолюбию и совершенствованию они, пожалуй, не уступают ни одной из северных пород. Защищенное от невоздержанности своим положением, за пределами штата, где они находятся исключительно под влиянием и защитой законов Конгресса, это племя, вместе со всем кругом индейских общин на этой границе, в течение нескольких лет находилось в благоприятном положении для восстановления и развития своей истинной энергии. В течение нескольких лет они приняли под свою защиту небольшую группу (182 человека) монси и меньшую группу (74 человека) стокбриджей: последние, едва ли нужно сообщать образованному читателю, являются потомками древних могиганцев, а первые - потомков минси и миннисинков, которые в эпоху колонизации "Новой Бельгии" и Нью-Йорка были соответственно расположены на восточном и западном берегах Гудзона. Стокбриджи цивилизованны; Манси менее цивилизованны, но трудолюбивы. Оба бедны и без средств.

Сразу за делаварами следуют кикапу, беспорядочная раса, которые под разными названиями, связанными с лисами и саксами, хорошо согласуются с одним из их многочисленных названий, [50] пересекли половину континента, к явному дискомфорту как немецких, так и американских филологов и этнографов, которые в поисках так называемого -называемые "Талисманами", последовали, насколько это касается их результатов, за *фатальным исходом*. У кикапу 12 000 квадратных миль, или 768 000 акров. Это избранный, богатый участок, и они стремятся, по примеру делаваров и шауни, извлечь из этого выгоду. Они выращивают кукурузу и крупный рогатый скот, свиней и лошадей, и процветают. В 1840 году их численность составляла 470 человек. На Большой и Малой Намахе есть участок площадью 200 квадратных миль, закрепленный за метиф, или потомками смешанной крови, айова, отос и миссурийцев. Они отделяют удаленные и получивилизованные племена к югу и западу от Миссури от диких аборигенов — мы имеем в виду отоев, пауни, омахау и сиу, которые занимают обширные территории и существуют без какого-либо заметного улучшения своих условий. То же замечание можно применить и к конза, которые, однако, зажаты между делаварами и шауни, за исключением их западных границ. В нашу задачу не входит рассматривать эти племена, поскольку, несмотря на влияние смежных примеров, они не являются частью доказательств, влияющих на общий вопрос о плане переселения.

[50] Согласно одной интерпретации, это означает Призрак Кролика.

Мы понимаем, что это свидетельство, в том виде, в каком оно сейчас кратко изложено, благоприятно, и действительно в высшей степени благоприятно, для общего состояния и процветания переселенных племен. Они не только оказались вне опустошающего влияния причин, которые их угнетали, в кругу государственных сообществ; но и получили в обмен на свои восточные земли территорию, которая в целом является очень плодородной и целебной. Это территория, для обработки которой требовалось сравнительно мало труда, поскольку она состоит из смешанных лесов и прерий. Он также, если рассматривать его *в целом*, хорошо орошаем, поскольку через него протекают такие благородные ручьи, как Ред-Ривер, Арканзас, Конза, Платт и Миссури с их притоками. Пастбища, которые она предоставляет для крупного рогатого скота, а также изобилие дикорастущего сена питательного качества оказались очень благоприятными для зарождающегося земледельческого населения и значительно облегчили обычные труды по ведению сельского хозяйства в условиях северного климата. В Северной Америке нет широт, более благоприятных для выращивания кукурузы. Хлопчатник был завезен племенами чокто и чикасо на берега Ред-ривер. Это регион, изобилующий соляными источниками и залежами гипса, которые в дальнейшем должны быть полностью освоены и окажутся весьма выгодными. Он находится выше первых или главных порогов больших потоков, сбегających с плато Скалистых гор, и, следовательно, предоставляет места для водяных мельниц, которые редки и почти неизвестны в нижнем Арканзасе. Действительно, существует стечение обстоятельств, которое рассчитано в пользу плана Общего правительства и способствует общей попытке индейцев к цивилизации и самоуправлению. И мы с интересом и не без тревоги смотрим на результат эксперимента.

Мы осознаем, что им предстоят испытания, проистекающие из огромного разнообразия чувств и мнений, а также из состояния цивилизации. Некоторые племена могущественны, развиты и богаты; некоторые слабы и бедны. Образование очень неодинаково повлияло на них. Законы находятся в зачаточном состоянии. Евангелие было введено лишь частично. Для наделения местных советов некоторыми полномочиями конгресса и регулирования их деятельности в

соответствии с конституцией требуются большая осторожность и обдумывание, чтобы не хватало сразу слишком многого. Возможно, существует еще большая опасность в расширении власти вождей и сагаморов до чего-то вроде президентских масштабов. Туземцы обладают огромной способностью к подражанию; и следует опасаться, что они будут довольствоваться подражанием вещам, которые они не вполне понимают или ценят. Национальный характер индейцев в высшей степени подозрителен. Существует страх доверять другим, даже самим себе. За делегированными полномочиями наблюдают очень скупое, и часто они вызывают недовольство, когда их предоставляют. Действия их государственных деятелей повсеместно подвергаются сомнению. Простые индейцы, похоже, с трудом допускают мысль, что офицер может руководствоваться правильными и честными мотивами. Принцип подозрительности, так сказать, разъел сердце индейца. Ревность, с которой он наблюдал за белым человеком во все периоды его истории, является лишь частью той, с которой он наблюдает за своими вождями, соседями и самой своей семьей. Возвышенность чувств, щедрость чувств, справедливость рассуждений, дух уступчивости и та благородная вера и доверчивость, которые проистекают из чистоты и добродетели, являются характерными чертами цивилизации; и мы не должны быть разочарованы, если все это сразу не вырастет и не расцветет в этих зарождающихся сообществах. И все же наши надежды преобладают над нашими страхами. Там, где так много было достигнуто, как мы видим, чероки, чокто и чикасо, а также нашими наиболее развитыми северными племенами, мы ожидаем большего. От цветущего дерева мы ожидаем плодов.

Однако мы не ожидаем, что без каких-либо принципов общей политической ассоциации племена смогут постоянно продвигаться вперед. Чтобы проявить характер и заслужить уважение содружества, они должны обладать политическими связями содружества. Наши индейские племена никогда не обладали ни одной из этих связей. Они действительно являются очевидными остатками старых рас, которые были раздроблены на фрагменты и так и не обрели способности к воссоединению. Постоянной тенденцией всего сущего в естественном состоянии было разделение. Сама необъятность континента, его разнообразное плодородие и ресурсы, а также его величественные и дикие черты привели к этому. До сих пор удаленные племена на Западе выступали против объединенного правительства. Они стойко и эффективно сопротивлялись и отвергли эту часть правительственного плана. По словам агентов, они опасаются, что это какой-то план, направленный на то, чтобы подчинить их гражданскому игу. Время, размышления и образование должны иметь тенденцию исправлять это. Более того, их гражданские разногласия должны иметь тенденцию демонстрировать необходимость более расширенной и общей системы правления, в которой некоторые индивидуальные права должны быть переданы обществу, чтобы обеспечить пользование остальными. Мы думаем, что есть некоторые свидетельства признания этой потребности на их периодических общих советах, на которые были приглашены присутствовать все племена. В течение последнего года (1843) такое собрание проводилось в Талекуа, резиденции правительства чероки. На нем присутствовали делегаты от Криков, Чикасо, делаваров, шауни, пианкашоу, Уэса, Осейджей, Сенека, Стокбриджей, Оттоуа, Чиппева, пеорий, Поттоватомы и семинолов. Как нам сообщили, результатом этих обсуждений стало соглашение, в котором было согласовано:—

1. Поддерживать мир и дружбу друг с другом.
2. Воздерживаться от применения закона о возмездии за правонарушения.
3. Обеспечить улучшения в сельском хозяйстве, искусстве и мануфактурах.

4. Выступать против любой уступки своей территории в любой форме.
5. Наказывать преступления, совершенные одним племенем, в пределах другого.
6. Обеспечить всеобщее гражданство среди договаривающихся сторон.
7. Пресекать употребление или внедрение горячительных напитков.

Это очень противоречивые принципы, не содержащие основы для правительства; и все же, какими бы бесполезными они ни были, мы понимаем, что они не содержат эффективной силы для их применения. Закон без наказания подобен песчаной веревке. Любая из этих сторон может аннулировать любое из этих действий, пренебрегая его исполнением. Мы понимаем, что это простое выражение народной воли в совете, без какого-либо обязательного обязательства целого или большинства племен принуждать к повиновению провинившихся членов. Однако это может привести к дальнейшим обсуждениям; и мы не можем не рассматривать это движение как проявление политической предусмотрительности и целеустремленности.

Прежде чем завершить эту статью, мы должны признаться, что наши самые большие опасения вызваны особым географическим положением индийской территории по отношению к нашей собственной. И этого, возможно, нельзя было предвидеть двадцать лет назад, когда разрабатывался план. Наше население находится в широком движении на запад. Очевидно, что ничто теперь не сможет подавить его по эту сторону Тихого океана. Снежные вершины Скалистых гор уже покорены; и мы всего лишь применяем результаты прошлого к будущему, говоря, что путь, по которому прошли немногие, будут пройдены многие. Теперь переселенные племена находятся точно в центре этого пути. От устья Платт, или Конзы, великая дорога в Орегон должна идти на запад. Будет ли эта новая волна эмиграции успешной или безуспешной, пожалеют ли те, кто ее составляет, растоптать красного человека? Станут ли они вдруг добры к тому, к кому были недобры? Перестанут ли они желать земель, которых хотят их дети? Согласятся ли они видеть нацию разделенной индийским штатом? Воздадут ли они почести, нет, справедливость этому штату? Двадцать лет дадут ответы на эти вопросы.

Чокто.—Конгресс выделил ассигнования в размере 113 000 долларов на переселение и обеспечение существования чокто, которые сейчас проживают в Миссисипи. В нашем штате насчитывается свыше шести тысяч человек, в том числе около тысячи ста семей. Ими командуют полковники Джонсон и Фишер. Половина денег, причитающихся индейцам и подлежащих выплате после их высадки в своих новых домах на Западе, должна быть профинансирована. Это эффективно предотвратит все спекуляции и позволит индейцам получить и удержать то, что им причитается. Те, кто сейчас находится в штате, защищены от всех принудительных мер по их высылке и могут свободно уехать на Запад или оставаться в своих домах в Миссисипи.—*Южный реформатор*.

ДЕТСКИЕ И КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ ЛЕСА.

Тикенагун, или индийская колыбель, является предметом большой гордости матери-индианки. Она берет самую тонкую широкую ткань, какую только может, чтобы сделать для нее внешнюю перевязь, и не жалеет сил, украшая ее бисером и лентами, выполненными в виде различных фигурок. В домиках тех, кто может себе это позволить, нет изделия более эффектного и красивого, чем колыбель в цельном переплете. Рама колыбели сама по себе является диковинкой. Она состоит из трех частей. Позвоночная доска, которая поддерживает спину, обруч или подножка, которые сужаются кверху с каждой стороны, и арка или дужка, которые пружинят с каждой стороны и защищают лицо и голову. Они связаны между собой сухожилиями оленя или прикреплены колышками. Вся конструкция очень легкая, и мужчины вырезают ее ножом из липы или клена.

Мох служит подстилкой для младенца, а также кладется между ног ребенка, чтобы держать их раздвинутыми и регулировать их форму в соответствии с обычаем. Обычное одеяло в одну точку - это обычная и непосредственная обертка младенца внутри обруча, а вокруг всего этого наматывается узорчатая перевязь, придающая ему немалое сходство с футляром для маленькой мумии. Поскольку бантик проходит прямо над лицом и глазами, на него часто вешают безделушки, чтобы развлечь его, и ребенок получает от них свои первые представления об украшении. Руки обычно связаны вместе с телом и высвобождаются лишь изредка, голова и шея - единственная часть тела, которая действительно свободна. Таким образом, связанный и зашнурованный, обручем и изогнутый, маленький котенок вместе со своим обитателем может быть закинут на спину матери и пронесен через самый густой лес без травм. Даже если он упадет, никаких травм не произойдет. Дужка защищает единственную открытую часть рамы. А когда она останавливается отдохнуть или входит в домик, его можно отложить в сторону, как любой другой предмет домашнего обихода, или повесить за ремешок люльки на колышек. Действительно, ничто не могло быть лучше приспособлено к требованиям лесной жизни. И в таких тонких тканях, таких тесных и переплетенных, украшенных безделушками, когда-то носили их знаменитых понтиаков, кинга Филипса и других выдающихся воинов, несмотря на приобретенное ими впоследствии мастерство владения копьем и боевой дубинкой.

Индийское дитя, по правде говоря, получает свой первый урок *искусства выносливости* еще в колыбели. Когда малыш плачет, его не нужно развязывать, чтобы покормить. Если мать молода, она должна сама уложить его спать. Если у нее есть младшие сестры или дочери, они разделяют с ней эту заботу. Если домик просторный и высокий, какими иногда бывают домики, люльку подвешивают к верхним столбам для раскачивания. Если нет или погода хорошая, его привязывают к ветке дерева маленькими веревочками, сделанными из внутренней части коры липы, и мать или кто-нибудь из сопровождающих совершает вибрационные движения с головы до ног. Движение, передаваемое таким образом, является движением маятника или обычного качания, и можно предположить, что оно является самым легким и приятным из всех возможных для ребенка. Именно из этого движения взята ведущая идея колыбельной песни.

Я часто видел краснокожую мать или, возможно, сестру ребенка, неторопливо раскачивающую таким образом хорошенькую украшенную колыбельку взад-вперед, чтобы уложить ребенка спать или просто развлечь его. Следующие образцы этих чаунтов в диком лесу, или колыбельных для вигвама, взяты из моих заметок по этому вопросу, сделанных в течение многих лет дружеского общения с аборигенами. Даже если они не многочисленны и не

привлекательны, находясь рядом с богатыми детскими запасами более утонченной жизни, все же приятно обнаружить, что такие вещи вообще существуют среди людей, которые, как предполагается, обладают таким небольшим количеством жизненных удобств и так мало разносторонности характера.

Какими бы скудными ни казались эти образцы, они, тем не менее, требуют немалого филологического усердия, поскольку ничто не может быть более утонченным, чем интонации этих милых чаунтов, а индианка, подобно своей белой сестре, придает деликатность интонации самым грубым словам своего языка. Часто вводимый термин ва-ва обозначает *волну* воздуха или круг, описываемый движением по нему объекта, как мы говорим, качели, swing, термин, никогда не применяемый к водной волне. Последний называется тегу, или, если его увенчать пеной, бета.

Представляя составные экземпляры этих простых пилок от the lodge и forest chaunts, автор почувствовал, что их конструкция слишком хрупка, чтобы доверять им без нежной руки среди его более грубых материалов. Ему позволено сказать в отношении них, что они были показаны миссис Элизабет Оукс Смит, которая сама является утонченной любительницей леса, и что приведенные версии оригинала принадлежат ее целомудренному и правдивому перу.

В следующей забавной песенке читателю остается только представить себе игривую девочку, пытающуюся уложить беспокойного ребенка спать, который высовывает свою маленькую головку с черными волосами и пронизательными глазами из-за бортика колыбели, и девочка поет, подражая ее собственным писклявым интонациям.

Ах ва наин? (Кто это?)
Ах ва наин? (Кто это?)
Ва яу был са— (Дающий свет, что означает свет ока)
Ко пвасод. (На крыше моего домика.)

Кто это? кто это? свет от глаз, падающий
На крышу сторожки?

И тогда она принимает тон маленькой совы—визгуны и отвечает:

Коб коб коб (Это я—маленькая сова)
Ним бе э жау (приближаюсь),
Коб коб коб (Это я— маленькая сова)
Ним бе э жау (приближаюсь),
Кит че—кит че. (Вниз! вниз!)

Это я, это я, качаюсь здесь, (ва-ва-ва)

Уворачивайся, уворачивайся, детка, уворачивайся;

И она прыгает к нему, и маленькая головка опускается. Это повторяется с величайшим весельем с обеих сторон.

Кто это, кого приводит этот свет в глаза

На крышу моего домика?

Это я, это я, качаюсь здесь,

Уворачивайся, уворачивайся, детка, уворачивайся.

Вот другой, более медленный и монотонный, но свидетельствующий о предельном материнском содержании:

Качаешься, качаешься, тихо,

Спи, доченька, спи,

Это твоя мама наблюдает,

Качается, покачивается, она будет продолжать,

Доченька, тихо.

Это твоя мама любит тебя дороже всего,

Спи, спи, доченька, спи,

Качаешься, всегда рядом,

Малышка, малышка, не плачь;

Доченька, тихо.

Качайся, качайся, покачивайся,

Спи, спи, малышка,

И твоя мама будет рядом —

Качайся, качайся, не одна —

Доченька, покачивайся.

Это, конечно, чрезвычайно просто, но следует помнить, что эти чаунты всегда таковы в самой утонченной жизни. Идеи те же, только о нежности и защитной заботе, идей немного, язык соответствует. На мой взгляд, было чрезвычайно интересно наблюдать, насколько почти одинаковы выражения привязанности во всех слоях общества, как будто эти примитивные элементы не допускают никакого прогресса, но совершенны сами по себе. "э-ве-да" индийской женщины полностью аналогично "лул-ла-бай" нашего языка и, как будет видно, само по себе чрезвычайно красиво.

2. Оригинальные слова этого текста с их буквальным значением также добавлены для сохранения идентичности.

(а)

Ва—ва—ва—ва, мы да, (Качаемся, дважды, колыбельная.)

Небаун—небаун-небаун, (Спи, трижды.)

Недаунис-аис, е мы да, (Маленькая дочь, колыбельная.)

Ва—ва—ва-ва-ва-ва, (Раскачиваясь, трижды.)

Недаунис-аис, е мы да, (колыбельная маленькой дочери.)

(б.)

Кегух, ке гун а вайн э ма, (Твоя мама заботится о тебе.)

Небаун—небаун—небаун, и мы да, (Спи, трижды, колыбельная.)

Каго, сайгиззе-каин, недаунис-аис, (Не бойся, моя маленькая дочь.)

Небаун—небаун—небаун, (Спи, трижды.)

Каго, сайгиззе-каин, ва-ва, и мы да, (повторяется третья строка.)

(с.)

Ва ва—ва ва—ва мы да, (качаемся, дважды, колыбельная.)

Кавин неежека кедяуси, (Ты не одна.)

Ке кан нау вай, не уходи, сухвин, (Твоя мама заботится о тебе.)

небаун—небаун—недаунис-аис, (Спи, спи, моя маленькая дочь.)

Ва ва—ва ва—ва мы да, (Качаемся и т.д., колыбельная.)

небаун —небаун—небаун, (Спи! спать! спать. [51])

[51] Эти переводы полностью буквальны — глаголы to "спать" и to "бояться" требуют повелительного наклонения второго лица настоящего времени повсюду. При передаче термина "ва-ва" в причастной форме могут существовать некоторые сомнения, но это было устранено идеей о *существующем* движении, которое явно подразумевается, хотя слово не обозначено обычной формой причастия в *ing*. Фраза *lul-la-by* - единственная в нашем языке, которая передает очевидное значение хорового термина *e-we-uea*. Субстантивный глагол "хотеть" в первой строке *b*. и третьей строке *c*. в двух формах глагола "заботиться" или "заботиться о человеке"; но он присутствует во фразе "*kediausee*" во второй строке *c*. Эти факты изложены не для того, чтобы они представляли хоть малейший интерес для обычного читателя, а для того, чтобы они могли быть изучены филологами или людьми, интересующимися индийской грамматикой.

ЗАЯЦ И РЫСЬ.

3. История о Вабозе (зайце) и Пигье (Рыси) сразу напомнит читателю столь часто пересказываемую сказку о Красной Шапочке, в которой рассказчик имитирует голос волка, а маленький слушатель из детского сада слушает с растущим изумлением и вздрагивает, как будто почувствовал на зубах настоящего волка.

Эту историю частично рассказывают, частично поют. Рассказчик поочередно подражает Заяцу и его врагу Рыси.

Однажды, по ее словам, маленький Зайчонок жил в сторожке со своей бабушкой, которая собиралась отправить его обратно на родину. Когда он прошел совсем немного, на тропинке появилась Рысь и запела:

Где беленькая?

Где беленькая,

Куда ты ходишь?

Тшви! тшви! тшви! тшви! закричал Заяц и побежал обратно к своей бабушке. "Смотри, бабушка, - сказала робкое маленькое создание, - что говорит мне Рысь", - и она повторила песню. "Хо! Носис: " то есть, наберись смелости, мой внук, беги и скажи ему, что ты возвращаешься домой, в свою родную страну". и Заяц вернулся и начал петь:

Я странствую К краю суши,

Ибо там дом белого, —

Куда я иду.

Тогда Рысь посмотрела на дрожащего Зайца и запела:

Беленькая малышка, скажи мне, почему

тебе нравится выделять кожу, тонкую и сухую,

У тебя красивые ушки?

Тшви! тшви! тшви! тшви! закричал Заяц, и она побежала обратно к своей бабушке и повторила эти слова. "Привет, Носи, и скажи ему, что твои дяди так их устроили, когда пришли с Юга". И Заяц побежал обратно и запел:

С юга приехали мои дяди,

И они точно так же починили мне уши, —

Починили мои тонкие ушки.

и тогда Зайчиха прижала свои розовые ушки к плечам и собралась идти дальше, но Рысь снова запела:

Почему, почему ты уходишь?

Беленькая красавица, ты не можешь остаться?

Скажи мне, почему твои маленькие ножки

сделаны такими сухими и очень подвижными?

Тшви! тшви! тшви! тшви! сказала бедная маленькая Зайчиха и побежала обратно в сторожку, чтобы спросить еще раз. "Хо! Носис! - сказала старая и усталая бабушка. - не обращай на него внимания, не слушай его и не отвечай ему, а беги дальше.

Заяц послушался и побежал так быстро, как только мог. Когда она подошла к тому месту, где только что была Рысь, она огляделась, но там никого не было, и она побежала дальше. Но Рысь все разузнала о Зайчонке и знала, что она направляется к перешейку; и ему ничего не

оставалось, как добраться туда первым и подстеречь ее; что он и сделал; и когда невинное создание добралось до того места и было почти дома, Рысь выскочила из чащи и съела ее.

Оригинальное пение, исключая описательную часть, приведенную выше, повторяется таким образом, слово в слово.

Рысь.	Та кау	(куда, а!)
	Та кау	(куда, а!)
	Ва бозе	(беленький)
	Ва бозе	(беленький)
	Ке те э чжа	(ты идешь?)
Заяц.	На ква ушинг	(к точке высадки)
	Айн дах нук э аум баун	(в моей родной стране)
	В де э за	(я иду.)
Рысь.	О нин	(что!)
	Ау нин	(что!)
	А не каус о юн айг	(вызывает это),
	Киш ке мун инг	(почему как полосы кожи)
	Иш о тау уг а уна,	(твои уши?)
Заячы.	Ниш иш ша уг	(мои дяди),
	О ша вун э нонг	(когда с юга)
	Ке э чжа воуд	(они пришли),
	Нингеееееж и губ на ээг	(они меня так вылечили.)
Рысь.	Тах кау	(где, а!)
	Тах кау	(где, а!)
	Ва бозе	(беленькая),
	Ва бозе	(беленькая),
	Ке де э за	(ты идешь?)
	Ау пеен	(почему?)
	На пауб о кос о уун	(выглядят они так),
	Киш ке мун а,	(как сухие кусочки кожи),
	И иж е зида уна,	(твои ноги ха!)

4. ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ И ОРЕЛ.

Это образец индийской сатиры. Трус хвастлив, когда нет опасности: претенциозность преуспевает при отсутствии реальных заслуг! Коршун хвастался, как высоко он умеет летать, и осмелился пренебрежительно отозваться об орле, не зная, что тот его подслушал. Он начал петь громким голосом:

Я вверх лечу
я! Я один презираю воздух,
Пока не повисну, как на волоске,
Паря в небе.

Орел презрительно отвечает, глядя вниз с ветки, расположенной намного выше Воздушного
Змея:

Кто *поднимается* на небо?
Кто это, с болтающим языком,
Как будто он висел на грозовом облаке,
Который летает так высоко?

Воздушный Змей дрожащим, слабым голосом,
Великий Хакаке
Иногда мне казалось, что он летал так высоко
, Что, должно быть, видел в небе, как просыпается
рассвет.

Орел презирает его, но все же не может удержаться от ответа.

Я отвергаю вас всех, болтающая толпа,
Как часто я проходил мимо вас
, Когда мои широкие крылья, быстрые и сильные,
Взлетали туда, где раздавался раскат грома!
И вы со слабыми крыльями не осмелились бы на
Этих высоких вершинах подняться в воздух.

и он взмыл все выше и выше в небо, пока хвостун не скрылся из виду. Но как только Коршуна
оставили наедине с самим собой, он снова запел так, что его слышали со всех сторон:

Я лечу ввысь
Я, Я один презираю воздух
, Пока не повисну, как на волоске,
Паря в небе.

Буквально так.

Воздушныйзмей.	Нин а	(я один)
	Нин	(я один)
	Та ва э я	(может подняться)

	Бай бвау	} (так, чтобы казалось, что он висит на волоске)
	Как шау дау	
	Ва ке ге наун	
	О шау вуш ко гижиг унг	(с голубого неба.)
Орел.	Ау ва наин	(Кто это?)
	Ау ва наин	(Кто это?)
	Тше мад дже ва ва	(болтающим языком, хвастающийся)
	Ке пим о саинг.	(о том, что летаешь так высоко?)

Кайт (съежившись) отвечает: "О, я всего лишь пел о великом Хакаке, о нем говорят, что он летает так высоко".

Орел презрительно отвечает: "Тше мад дже ва ва, это великий болтун или сквернословящий, ты ниже моего внимания" и т. Д., И взмывает ввысь.

Воздушный змей, возобновляя свой хвастливый тон, как только орел оказывается вне пределов слышимости,

Нин а (Я один и т. Д., Все это
 Не повторение первой части.)
 Та ве я
 Бай бвау
 В роли шау дау
 Ва ке ге наун,
 О шау вуш ко, гизиг унг а.

5. ВОРОН И ДЯТЕЛ.

За этим простым напевом скрывается еще более глубокое представление об индийских нравах и взглядах. Общественное мнение лесной расы делает все анимированное создание осведомленным и разумным об их обычаях.

Предполагается, что молодая замужняя женщина должна выйти из вигвама и заняться ломкой сухих веток и заготовкой дров, как бы запасаясь ими на будущее и приближаясь к чрезвычайной ситуации.

Ворон, усевшийся на соседнее дерево, замечает ее за работой и начинает петь, предполагая, что ожидаемый младенец будет *мальчиком*.

В дош ке жиг о мун
 В дош ке жиг о мун
 В дош ке жиг о мун

Мои глаза! мои глаза, мои глаза! Намек на мальчика (и будущего мужчину), убивающего животных, а также мужчин, чьи глаза, как и предвидит певец, будут выклеваны хищными птицами. Так рано зарождаются первые представления о войне.

Дятел, сидящий неподалеку и слышащий эту песню, отвечает, предполагая, что пол младенца *женский*.

Не мос са муг га

Не мос са муг га

Не мос са муг га.

Мои черви! мои черви! мои черви! Имеется в виду обычай самки ломать сухую и дремучую древесину, из которой она могла выбирать свою любимую пищу - меду, или древесного червя.

Нехватка места вынуждает автора отложить до следующего номера остальную часть своего сборника этих песнопений для колыбели и детской. По его мнению, какими бы грубыми и лишенными метрической привлекательности они ни были, они составляют главу в истории человеческого сердца, в фазисе дикости, которая заслуживает тщательного описания. На его долю выпало, возможно, наблюдать в этой области индийской жизни больше, чем обычно, и он не выполнил бы своего долга перед расой, если бы упустил эти мелкие звенья из их домашней и социальной цепи. Узы, связывающие мать с ребенком в индийской жизни, очень сильны, и задумано, чтобы их можно было проиллюстрировать таким образом. Красный человек не одинок на тропе войны и совету следует изучать его. Чтобы оценить весь его характер в его истинном свете, нужно последовать за ним в его ложу и понаблюдать за ним в периоды его общественного досуга и уединения. Если есть что-то теплое и неизменное в сердце или памяти человека, когда он чувствует себя так непринужденно в окружении своей семьи, это должно проявиться здесь; и отсюда, действительно, истинная ценность знаний его ложи любого рода.

Именно из ментальных и физиологических аспектов материнства философия должна, в конце концов, построить истинную этнологическую цепь, которая связывает человечество в единую всеобъемлющую систему единства.

ЯЗЫКИ ОСТРОВОВ ТИХОГО ОКЕАНА.

В полинезийских языках, как и в языках алгонкинской группы Северной Америки, есть включающие и исключающие местоимения для выражения слов *мы*, *наш* и *us*. У них также есть каузативные глаголы, такие как "пугать", "радовать" и т. Д., Но, хотя в грамматических принципах эта аналогия присутствует, существуют некоторые сильные разногласия, и, по-видимому, в звуках языка аналогии вообще нет. В полинезийской семье насчитывается восемь хорошо охарактеризованных диалектов. Это таитяне, оуихи, [гавайские] маркизские острова, или вашингтонцы, острова Аустрал, остров Херви, самоа, тонгатабу и Новая Зеландия. В семи из них имя Бога - атуа, в восьмом, или на диалекте тонгуа, это отуа. Большое сходство наблюдается во всех словарях. Большая часть фактических различий возникает из-за замены согласных *g* и *l*, *h* и *s* и некоторых других. Они обладают двойным числом. Схема местоимений очень полная и учитывает почти все малозаметные различия лиц. Там, где в словаре не хватает слов для обозначения предметов, которые были неизвестны им до знакомства с европейцами,

миссионеры сочли, что гениальность языка лучше всего сочетается с введением новых слов из греческого с некоторыми изменениями. Таким образом, они ввели *hipo* для обозначения лошади, *arenio* для обозначения ягненка, *areto* для обозначения хлеба и *baptizo* для обозначения крещения.

В сохранении верности во время процветания, говорит Ксенофонт, нет ничего удивительного, но когда какая-либо группа людей продолжает сохранять устойчивую привязанность к друзьям в невзгодах, о них следует помнить вечно.

Есть только два источника, говорит Полибий, из которых можно извлечь какую-либо реальную пользу, - это наши собственные несчастья и те, которые случились с другими людьми.

Один мудрый совет, говорит Еврипид, лучше, чем сила многих.

Из "Проспекта Новой Англии."

ГЛАВА XIX. ОБ ИХ ЖЕНЩИНАХ, ИХ НРАВАХ, ЗАНЯТИЯХ, ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИХ МУЖЬЯМИ, ИХ ОДЕЖДЕ И СКРОМНОСТИ.

Чтобы удовлетворить любопытный взор читательниц, которые в противном случае сочли бы свой пол забытым или недостойным упоминания, позвольте им прочесть эти несколько строк, в которых они смогут увидеть собственное счастье, если оценить женскую уравновешенность этих более грубых *индейцев*, которые презирают наставничество своих жен или признают их равными себе, хотя их качества и трудолюбивые заслуги могут справедливо претендовать на первенство и заслуживают лучшего обращения и большего супружеского уважения, их лица и черты во всех отношениях соответствуют, их квалификация более превосходно, будучи более любящими, отзывчивыми и скромными, мягкими, предусмотрительными и трудолюбивыми, чем их ленивые мужья. У них много занятий: во-первых, они строят дома, каркасы которых имеют форму наших садовых беседок, что-то более круглое, очень прочное и красивое, покрытое ковриками ручной работы собственного плетения, которые не пропускают ни одной капли дождя, хотя он бывает сильным и затяжным, и пронизывающий северный ветер не может найти щели, через которую он может выдохнуть свое прохладное дыхание, в них теплее, чем в наших *английских* домах; наверху есть квадратное отверстие для отвода дыма, которое в дождливую погоду закрывается плювером, который эти пчелы так любят. в жилищах смоуки, когда горит хороший огонь, они не могут стоять прямо, а все время лежат под дымком, никогда не пользуясь табуретками или стульями, поскольку так же редко можно увидеть, чтобы *индеец* сидел на скамеечке дома, как странно видеть *англичанина*, сидящего на корточках за границей. Летом, когда их семьи разъезжаются, их дома становятся меньше из-за жары и других поводов. Зимой они достигают пятидесяти-шестидесяти футов в длину, при этом сорок-пятьдесят человек живут под одной крышей; и, как это бывает с их мужьями, этим бедным тектонистам часто приходится, как улиткам, переносить свои дома на спине иногда к местам рыбной ловли, иногда к местам охоты, а затем к месту посадки, где они остаются дольше всего: другая работа - это посадка кукурузы, в чем они превосходят наших *английских* мужей-мужчин, сохраняя ее такой чистой с помощью своих приспособлений для ловли моллюсков, как будто они выращивают кукурузу. это был скорее сад, чем кукурузное поле, где не было ни удушающего сорняка, высывающего

свою дерзкую голову над их молодой кукурузой, ни подкапывающегося червя, портящего его побеги. Когда кукуруза созрела, они собирают ее и, тщательно высушивая на солнце, относят в свои амбары, которые представляют собой большие ямы, вырытые в земле в форме стеклянного горшка, засыпанные кожурой деревьев, куда они кладут кукурузу, прикрывая ее от любопытных поисков своих гурманствующих мужей, которые съели бы и разрешенную порцию, и запасенную семечку, если бы знали, где ее найти. Но наши свиньи, нашедшие способ беспрепятственно открывать двери своих амбаров и грабить их закрома, они рады просить своих мужей помочь им завалить их ямы стволами деревьев, чтобы помешать этим пионерам, чье имя они ненавидят так же сильно, как и их плоть. Другим их занятием являются летние походы за омарами для своих мужей, которыми они наживляют своих крючков, когда идут ловить окуня или треску. Это ежедневная прогулка, будь погода холодной или жаркой, вода бурной или спокойной, иногда им приходится нырять с головой и ушами за омаром, который часто пожимает им руки с грубоватым "ниппе" и прощается. Когда отлив заканчивается, они тащатся домой две-три мили, таща за спинами сотню омаров весом, а если ни одного, то дома их встречает сотня рыбешек, и еще два дня после этого они остаются голодными. Их мужья, поймав какую-нибудь рыбу, отвозят ее на своих лодках по воде так далеко, как только могут, и там оставляют; как они заботились о том, чтобы ее поймать, так и их жены должны заботиться о том, чтобы принести ее домой или поститься: сделав это, они должны натереть ее и приготовить, подать на стол, увидеть, как ее съедят у них за плечами; и их суденышки, набившие им брюхо, с их сладкими колыбельными песнями бросаются за обедками. Летом эти индийские женщины, когда омары в изобилии и в расцвете сил, сушат их, чтобы сохранить на зиму, возводя леса под палящим солнцем, также разводя под ними костры, дымлением которых отгоняются мухи, пока субстанция не станет твердой и сухой. Таким способом они сушат окуня и другую рыбу без соли, нарезаая их очень тонкими ломтиками, чтобы они быстро высохли, пока их не испортили мухи или не намочил дождь, и с особой тщательностью развешивают их в своих домиках для копчения на ночь и в промозглую погоду.

Летом они собирают древесные плиты, из которых делают циновки для домов, а также коноплю и тростник, из увядающей ткани которых делают причудливые корзины со смешанными цветами и рисунками старинной живописи: эти корзины бывают всех размеров, от кварты до четверти, в них они носят свой багаж. Зимой они обслуживают своих мужей, таща к отмелям за древесиной для живота, и являются их Носильщиками, которые тащат домой Оленину, которую их ленивость выставляет на всеобщее обозрение, пока они не взвалят ее на плечи своих жен. Точно так же они шьют шубки своим мужьям и ткнут накидки из индюшачьих перьев, помимо всей своей обычной домашней рутины, которая ежедневно ложится на них.

[Об обращении с младенцами автор говорит]: Маленького Младенца смазывают жиром и намыливают, заворачивают в бобровую шкуру, обязывают к его хорошему поведению, ставя ноги на доску длиной в два фута и шириной в один фут, подставляя его личико любой резкой погоде; этот маленький *Палочка* путешествует со своей босоногой матерью, чтобы поплавать на ледяных отмелях после того, как трех- или четырехдневный ребенок запечатает свою паспортную доску и его мать вернется. Что касается их поведения, то оно очень вежливое, улыбки - величайшее украшение их веселья; их музыка - это колыбельные, чтобы успокоить своих детей, которые обычно ведут себя так тихо, как будто у них нет ни селезенки, ни легких. Чтобы услышать одного из этих невидимых *индейцев*, хороший слух мог бы легко принять их

необученный голос за трели хорошо настроенного инструмента. Так повелевают они своими голосами.

Похвально, что они ведут себя мягко и повинуются своим мужьям, несмотря на всю эту их обычную грубость и бесчеловечность спасения, которые, по-видимому, не получают удовольствия от нахмуренных бровей и не предлагают обсудить это со своими лордами, не осмеливаются заявлять о своем женском превосходстве до узурпации наименьшего титула, предусмотренного хартией их мужей, но довольствуются своим беспомощным положением, считая это уделом женщин: поскольку *английское* сравнение с прибытием сделало их несчастными, видя доброе отношение *англичан* к их жены, они точно так же осуждают своих мужей за недоброжелательность и хвалят *англичан* за их любовь. В то время как их мужья хвалят себя за то, что им удается поддерживать трудолюбие своих жен, доу осуждают *англичан* за их безрассудство по отношению к хорошим работающим созданиям. Эти женщины часто прибегают к *английским* домам, где *собираются при равных условиях* [52], в смысле секса, они несколько облегчают свои страдания, жалуясь и редко расставаясь без облегчения.: Если ее муж приходит навестить свою *Скво* и начинает буйствовать, *англичанка* берет ее в руки - воинственный Черпак и обжигающие напитки, грозящие покрыть волдырями обнаженную беглянку, которая вскоре выходит из себя от таких жидких напитков. Одним словом, завершая историю этой женщины, можно сказать, что их любовь к *англичанам* заслуживает немалого уважения, поскольку они всегда преподносили им что-нибудь редкое или желанное, например, клубнику, ежевику, малину, крыжовник, вишню, сливы, Рыбу и другие подобные дары, которыми располагала их скудная казна. Но теперь может случиться так, что это описание грубого и бесчеловечного поведения этих более грубых *индейцев* по отношению к своим терпеливым женам может подтвердить некоторых в вере в клевету, которую я часто слышал от тамошних *англичан*, как будто они должны научиться у *индейцев* подобным образом обращаться со своими женами и подчинять их тому же, что сидеть на нижней ступени, заниматься кэрри уотер и тому подобной тяжелой работой: но если мой собственный опыт может превзойти... опровергая необоснованные скандальные слухи, я заверяю вас, полагаясь на свою честность и репутацию, что ничего подобного нет, но женщины находят там столько же любви, уважения и непринужденности, как здесь, в старой *Англии*. Я не стану отрицать, но некоторые бедные люди могут сами носить воду, и разве бедняки в *Англии* ; посмотрите, ваши *лондонцы* несут кружки, а ваши деревенские дачники? Но вполне возможно, что это не что иное, как злобный яд тех, кто не приносит пользы плантации. Для какой нужды они носят воду, если у каждого есть Родник у его двери или Море у его дома? Вот и все для удовлетворения женщин, затрагивающих это посягательство на их прерогативы, а также касающиеся отношений этих *индейцев* *скво*.

[52] Равно собрано с равными.

ВАРВАРСТВО пауни.

Легко представить, что племена к западу от Миссури, находящиеся за пределами обычного влияния цивилизации, сохранили некоторые шокирующие обычаи, которые, если когда-либо и

были распространены среди более благополучных племен к востоку от Миссисипи и Аллегени, давно исчезли. Дикие, беспорядочные банды, которые разъезжают по бескрайним равнинам верхом, с луком и пикой, которые ежедневно вонзают свои ножи и стрелы в туши буйволов, лосей и оленей и которые привыкли к зрелищам крови и резни, не могут избежать ментального влияния этих кровавых привычек и, должно быть, более или менее притуплены в своих представлениях и чувствах. Там, где так безрассудно отнимают жизнь у животных, не может быть того же приятного чувства справедливости, которым обладают некоторые из наиболее привилегированных племен по отношению к лишению человека жизни. И все же вряд ли можно было ожидать, что такие деяния, на которые мы сейчас призваны обратить внимание, найдут свое место даже на окраинах дальнего "Дальнего Запада" и среди народа, столь опустившегося и деградировавшего в своих моральных наклонностях, как пауни. Но факты хорошо подтверждены.

В ожесточенной грабительской войне, ведущейся между пауни и сиу, акты крови и возмездия, применяемые к их пленным, являются частым явлением. В феврале 1838 года пауни захватили девочку из племени сиу, которой было всего четырнадцать лет. Они привезли ее в свой лагерь на западе Миссури и обсуждали, что с ней делать. Пленниц не принято предавать смерти, но из них делают рабынь. Она, однако, была обречена на более тяжелую участь, но это тщательно скрывалось от нее в течение примерно шестидесяти или семидесяти дней. Все это время с ней хорошо обращались, у нее было удобное жилье и еда, такая же, как и у остальных. 22 апреля вожди провели генеральный совет, и когда он разошелся, было объявлено, что ее судьба предрешена, но это по-прежнему тщательно скрывалось от нее. Эта участь была экстраординарной, и, насколько можно судить о цели из обстоятельств и церемоний, национальной ненависти к врагам потворствовали, принося ни в чем не повинных мирных жителей в жертву духу кукурузы или, возможно, плодородия овощей.

В тот день, когда обсуждения в совете были закончены, ее вывели наружу в присутствии всего совета и сопровождали в посещении от ложи к ложе, пока она не обошла весь круг. Когда этот раунд был завершен, они вложили ей в руки небольшую деревянную заготовку и немного красок. Затем воины и вожди сели в круг. Затем первому уважаемому лицу она вручала эту заготовку из дерева и краски; он вносил это подношение или своего рода жертвенную благотворительность немного дерева и краски, затем передавал это следующему, который делал то же самое, и он передавал это следующему, пока не прошел весь круг, и каждый не внес немного дерева и краски. Затем ее отвели к месту казни. Для этой цели они выбрали открытую, поросшую травой поляну рядом с кукурузным полем, где росло несколько деревьев. Выбранное место находилось между двумя из этих деревьев, стоявших примерно в пяти футах друг от друга, в центре которых был разожжен небольшой костер, в который таким образом были торжественно сложены дрова. Три перекладины были привязаны поперек, от дерева к дереву, над этим костром, на такой высоте, что языки пламени, когда они были максимальными, могли доставать только до ее ног. На этот эшафот она была вынуждена взойти, когда по воину с каждой стороны от нее держали огонь у нее под мышками. Когда это продолжалось столько времени, сколько, по их предположению, она могла выносить пытку, не лишая себя жизни, по данному сигналу отряд вооруженных лучников выпустил свои дротики, и ее тело почти в то же мгновение было пронзено тысячей стрел. Все это было немедленно изъято, а затем ее плоть ножами срезали с бедер, рук и туловища на кусочки не длиннее полдоллара и сложили в маленькие корзиночки. Все это было сделано еще до того, как жизнь полностью вымерла.

Недалеко от этого места простиралось поле недавно посеянной кукурузы. Эта кукуруза была посеяна на холме, но не засыпана землей. Затем главный вождь взял кусок мяса и, подойдя к горке кукурузы, выдавил на зерна каплю крови. Это делалось каждым до тех пор, пока все зерна, посеянные в землю, не получили такого необычного посыпания.

Эта ужасная жестокость произошла в окрестностях Каунсил-Блаффс. Предложения выкупить жизнь пленника были сделаны торговцами на полном совете из восьмидесяти вождей и воинов, но они были отклонены. Первоначальный рассказчик был очевидцем. Он завершает свое описание добавлением, что брат его жены, пауни, был взят в плен индейцами сиу в июне следующего месяца и с ним обращались таким же образом. Поистине, можно сказать, что окрестности дикого бродячего краснокожего человека "полны обитателей жестокости".

Охота и война - это искусства, которым нужно учиться. Индийская молодежь, если бы у нее не было луков и стрел, никогда бы не научилась убивать. То же время, потраченное на обучение их войне и охоте, если посвятить его обучению грамоте, сделало бы их читателями и писателями. Образование - это единое целое.

Пример в обучении индейца более убедителен, чем наставление. Скажите ему, что ему никогда не следует прикасаться к алкоголю, и он может не понимать ясно почему; но покажите ему своей неизменной практикой, что вы никогда этого не делаете, и он, возможно, прислушается к вашим предостережениям.

"ГАГАРА НА ОЗЕРЕ".

Э.Ф. ХОФФМАН.

[Из племени Чиппева. [53]]

[53] Ненемошайн нинденаиндум Меенговеугиш об авугоде, и с., ис.

Я посмотрела на воду,
я склонилась над ней и прислушалась,
я подумала, что это мой возлюбленный,
Весло моего настоящего возлюбленного блестело.
Радостное, таким образом, его легкое каноэ разбудило бы серебряную рябь.—
Но нет! — Это Гагара одна — гагара на озере.
Ах, я! это гагара в одиночестве — гагара на озере.

Я вижу упавший клен,

На том месте, где он стоял, его красный шарф развевался,
Хотя вода почти погребла
Ветви, которые они тогда только что распустили.
Я слышу его последнее прощание, эхом отдающееся от тормозов.—
Но нет, это гагара одна — гагара на озере,
Ах я! это гагара в одиночестве — гагара на озере.

ПТИЦЕ, ЗАМЕЧЕННОЙ Под МОИМ ОКНОМ В САДУ.

Покойной миссис Х.Р. Скулкрафт, которая была внучкой военного вождя Вабоджига.

Милая птичка, твои звуки продлевают,
И облегчают мои одинокие часы задумчивости;
Я люблю слушать твою веселую песню
И слышать, как ты щебечешь под цветами.

Время, отпущенное на сладкие наслаждения,
Для тебя так же коротко, как и ярко,
Тогда пой! радуйся! прежде чем он улетит,
подбодри меня, прежде чем отправишься в свой полет.

ПЕСНЯ ОДЖИБВЫ.

Следующая песня, взятая из устных традиций севера, связана с историческим инцидентом, связанным с индейскими войнами в Канаде. В 1759 году департамент по делам индейцев Франции под командованием генерала Дж. Монкальм, чтобы привести отряд индейцев в долину нижнего течения Святого Лаврентия, и приглашенные, с этой целью достигли крайних берегов озера Верхнего. В одном из каноэ из этого квартала, которое они оставили на спуске к озеру Двух гор, недалеко от устья Утавы, в то время как воины двинулись дальше, была девушка из племени чиппева по имени Пейг-вайн-и-ош-и, или Белый Орел, гонимая ветром. Пока группа ожидала там результатов событий в Квебеке, она привязалась к молодому алгонкину, принадлежащему к французской миссии Двух гор. Эта привязанность была взаимной и положила начало песне, к которой присоединены оригинальные слова с буквальным переводом в прозе:

Я.

Иа инденайндум
Иа инденайндум
ма кау мы, ях

нин денайндум мы.

Ах я! когда я думаю о нем — когда я думаю о нем — о моем возлюбленном, моем Алгонкине.

II.

Па бо дже аун
Не будь нау конингом
Ваби мегвиссун
Нене мушейн ве
Одишквагуми.

Когда я сел на корабль, чтобы вернуться, он надел мне на шею белый вампум — залог истины, моя возлюбленная, мой алгонкин.

III.

Кегух веджевин
Айн дахнук ке юн
Нинги эгобун
Нене мушейн ве
Одишквагуми.

Я поеду с тобой, сказал он, в твою родную страну — я поеду с тобой, моя милая, моя Алгонкин.

IV.

Ниа! нин де на душ
Вассавуд гушух
Айнданук ке яун
Ке яу нинемошай ви
Одишквагуми.

Увы! Я ответил: моя родина далеко—далеко, моя возлюбленная, мой Алгонкин.

Против

Кай аубик оуин
Айн ауб аунин
, Мы науби
, Не мушаи, мы
Одишквагуми.

Когда я снова оглянулась назад — там, где мы расстались, он все еще смотрел мне вслед, мой любимый, мой Алгонкин.

VI.

Апи, нет, мы не кланяемся
Тебе, бан
Аунгваш агушинг
, Не мушай, мы
Одишквагуми.

Он все еще стоял на поваленном дереве, которое упало в воду, моя милая, мой Алгонкин.

VII.

Ниа! навсегда
Ниа! в денайндуме
мы знаем, что такое
Нин де наин думм, что такое
Одишквагуми.

Увы! когда я думаю о нем — когда я думаю о нем, — Это когда я думаю о нем, о моем Алгонкине.

Красноречие ораторов является результатом не столько превосходящей силы мысли, сколько твердой и четкой позиции права, на которую их поставили обстоятельства. Это сила истины, которой мы очарованы.

Индийская военная песня, исполняемая публично собравшимися воинами при начале военных действий, является объявлением войны.

НИАГАРА - АЛЛЕГОРИЯ.

Жил седой старик на горе,
У него были четыре и одна дочери,
И высокий яркий домик из коры березы,
Который блестел на солнце.

Он жил на самой высокой вершине,
Потому что был свободным охотником,
Откуда в самый ясный день мог наблюдать за
отблесками далекого моря.

Выходи — выходи! - воскликнула самая младшая,
Отпустите нас посмотреть на море,
И они выбежали в своих самых ярких одеждах,
И с ликованием запрыгали.

Come Su, [54] come Mi, [55] come Hu, [56] иди сюда, [57]
Смеющаяся маленькая девочка, [58]
Давайте отправимся вон в ту широкую синнюю пучину,
Где пенятся и ревут буруны.

И они понеслись дальше по долинам и лесам,
По земле, воздуху и небу,
Пока не добрались до крутого обрыва, где стояли голые скалы,
В обрыве высокой горы.

Инья! [59] воскликнула Эр, это ужасный скачок,
Но мы зашли так далеко,
Что если мы вздрогнем и в страхе вернемся,
Нет, [60] он будет плакать, ха! ha!

Теперь каждый был облачен в легкое одеяние,
Которое развевалось далеко позади,
С сандалиями из замерзших капель воды,
И крыльями из нарисованного ветра.

И они устремились вниз веселыми прыжками,
Как птицы, которые летят над равниной;
И эй! они закричали: "Давайте поднимемся и попробуем"
И снова спустимся с обрыва.

А дочери прыгали взад и вперед,
Как девчонки на празднике,
И громко смеялись, глядя на спорт и пену, которые
Они называли Ниагарой.

Если вы хотите увидеть столь редкое зрелище,
Где природа ликует,
Поезжайте, полюбуйтесь этим местом на бескрайнем диком западе,
Страной храбрых и свободных.

Но обратите внимание — их формы видны только
В глубочайшей игре фантазии,
Но она ясно показывает их крылья и лапы
В танцующих солнечных брызгах.

[54] Улучшенный.

[55] Мичиган.

[56] Гурон.

[57] Сент-Кларо.

[58] Эри.

[59] Возглас удивления.—*Obj. Lan.*

[60] Мой отец.—*ib.*

ПСАЛОМ.

ИЛИ МОЛЬБА О ПОЩАДЕ И ПРИЗНАНИЕ В ГРЕХЕ, АДРЕСОВАННАЯ АВТОРУ ЖИЗНИ НА ЯЗЫКЕ оджибва-алгонкин.

ПОКОЙНОЙ МИССИС ГЕНРИ Р. СКУЛКРАФТ.

1. Гайтше минно пимаудиззеюн, Гежа Монеда, гежигонг айбеюн
2. Кин, маумаувайкумиг ваочжемигоюн.
3. Кин, ка ожиеен, кин гаугегайкумиг, кай нухваунемейонг, айкообемаудиззеен.
4. Кин, кайнухваубайменг, гижиг тиббикук тибишко.
5. Кин, Кеожан-гизик-гизис, диббик-гизис, аунунгуг джиа.
6. Кин, кегеожетоан че киммевунг, джиа че аннимикиог, че сай сай юнг, че согепуг джиа.
7. Кин кау ожейонг че унневегаубовееенг, какиннук кау ожеуджиг акенг.
8. Ки, джемишемин одехаугвуг, векаукайн босигуг. Ки гемишемин кебаужиг кеввисс Иисус Христос, че за чудесный ветер.
9. Можуг иссух немуджи-инаиндунин, кагаит можуг немуджи-эки-домин; нахвудж неминваиндунин тше муджи-додумаунг.
10. Кагаитего мне кайсондже ицхауяунгебун маджи Монето.
11. Шоуайнемишинаум, Гежа Монеда.
12. Шоуайнемишинаум, Иисус Христос.
13. Майшкуджетоан не муджи-одаи-энауин.
14. Меежишенаун эдуш оушке одайюн.
15. Апайдуш на саугигсайун, джиа душ тодумаунг кау иже гугик-вайун.
16. Я ожиссинаум одайюн, она минваиндумаунг, она анна, мой автогоюн.
17. Showainim neendunahwaitmaugunenaunig unishenaubaig.

18. Шоаиним кукиннух меник пемаудиззеджиг акинг.
19. Шоуайнемишенаум кайдоку пемаудиззеонг, аппе душ ни-бойонг.
20. Покажи, что ты - Мишена, что ты -джичаугона, что ты - ижова кин.
21. Каугегайкумиг эдуш че менаваунегоз эйонг озаум не мудже-пемаудиззевин ауно уннахмёяуйонгин.
22. Каувин эдуш кевин пемаудиззевин, кишпин айтах аппайнемо ен Кеввисс, Иисус Христос.
23. Айпетайнемуд кеввисс шоуайнемишенаум. Куннах гай куннах

ПЕРЕВОД.

1. Великий благой автор Жизни, Гежа Монеда, пребывающий на небесах
2. Ты сотворил все сущее.
3. Ты — даритель, Ты, вечный хранитель жизни.
4. Ты охранял меня днем и ночью.
5. Ты сотворил солнце, и луну, и звезды.
6. Ты создаешь дождь, гром, град и снег.
7. Ты сотворил человека стоящим прямо и поставил его над всем, что есть на земле.
8. Ты дал нам души, которые никогда не умрут. Ты послал сына твоего Иисуса Христа умереть за нас.
9. Наши мысли постоянно злы, и, поистине, наши слова постоянно злы.
10. Воистину, мы заслуживаем наказания Духом Зла.
11. Сжался над нами, Гежа Монеда.
12. Сжался над нами, Иисус Христос.
13. Исправь наши порочные сердца.
14. Подари нам новые сердца.
15. Пусть мы любим тебя всем нашим сердцем и своими поступками повинемся твоим заповедям (или словам).
16. Дай нам сердца, чтобы они радовались молитве.
17. Проявите милосердие ко всем нашим сородичам, униженобайгам, или простым людям (имеются в виду исключительно краснокожие).
18. Прояви милосердие ко всем, кто живет на земле.
19. Пожалей нас и подружись с нами, живыми и умирающими.

20. И прими наши души к себе.

21. Вечно пребывать в твоём постоянном месте счастья.

22. Мы просим об этом не из-за нашей собственной хрупкой жизненной силы, но только во имя Иисуса Христа.

23. Даруй нам Свою милость, во имя Сына Твоего. Да будет так всегда.

Те, кто интересуется структурой индийских языков, могут рассматривать приведенное выше как *импровизированный* пример способности этого конкретного диалекта выражать истины священного Писания. Автор, который с ранних лет был членом церкви, сделал перевод молитвы Господней и, время от времени, когда позволяло слабое и ухудшающееся здоровье, некоторых других избранных отрывков из священных писаний и гимнов, из которых, возможно, позже будут сделаны одна или две подборки.

Различие между активным и страдательным залогом в языке оджибва определяется флексией *ego*.

Не саго, я люблю.

Не мудрствуя лукаво, меня любят.

ТРАДИЦИОННЫЕ ВОЕННЫЕ ПЕСНИ алгонкинов ОДЖИБВА.

Тот, кто слышал индийскую военную песню и был свидетелем индийского военного танца, должен быть удовлетворен тем, что это событие пробуждает весь огонь и энергию индийской души. Его сверкающий взгляд, его мускульная энергия, когда он начинает танец, его яростная жестикуляция, когда он издает свой боевой клич, — вся фигура и выражение лица мужчины демонстрируют это. И задолго до того, как приходит его очередь произнести свой посох или часть песнопения, его разум напряжен до предела возбуждения: его воображение рисует врага — засаду и наступление, — победу и истекающую кровью жертву, корчащуюся под его мощью; в воображении он уже топчет его ногами и срывает с него вонючий скальп; он видит парящих в воздухе орлов, готовых наброситься на мертвую тушу, как только сражающиеся покинут поле боя.

Потребовался бы сильный и наглядный язык, чтобы выразить в форме песни все, что он воображал, видел и чувствует по этому поводу. Сам он не прилагает таких усилий. Физическое возбуждение поглотило его энергию. Он не в настроении для спокойных и связных описаний батальных сцен. У него нет запаса размеренных рифм, к которым можно было бы прибегнуть. Все, что он может сделать, это произнести краткие и часто в высшей степени символические выражения мужества — неповиновения — неукротимой ярости. Его ноги топают по земле, как будто он хочет сотрясти ее до самого центра. Вдохновляющий барабан и мистическая погремушка придают новую энергию каждому шагу, в то время как соблюдение максимально точного времени помогает сконцентрировать его энергию. Сам его вид отражает дух ярости, а

его крики, произносимые быстро, резко и прерываемые прикладыванием руки ко рту, поражают и ужасают.

При таких обстоятельствах нескольких коротких и обрывистых предложений достаточно, чтобы сохранить тему живой в его сознании; и он, вероятно, не осознает того факта, что для бесстрастного и спокойного слушателя с блокнотом в руке сказанного недостаточно, чтобы придать песне связность. И что такая песня, действительно, под самым лучшим прикрытием, является просто дикой рапсодией воинственной мысли, изливающейся время от времени отдельными предложениями, которые, так сказать, скреплены в строки гибким припевом и известной мелодией. Песня и музыка - это единое целое. Яркие, сияющие и поэтичные картины будут плыть в таком шлейфе и часто поражать воображение своей графической правдивостью и смелостью; но поэт должен искать законченную мелодию и утонченную и продуманную композицию в другом месте.

Здесь, как и везде, следует рассматривать индейца как находящегося в наивысшем состоянии своего *физического*, а не *ментального* состояния. Однако в этих воинственных рапсодиях можно выделить такие проблески, которые указывают на благородство и независимость его мышления. Мы, по крайней мере, дадим читателю возможность судить. Следующие образцы, которые были получены от актеров в глубине леса, состоят из независимых песен или строф, каждую из которых поет другой или один и тот же воин во время танца. Эти слова были записаны молодым воином племени чиппева с озера Верхнее по имени Че че-гви-унг. Будет воспринято, что в *теме* есть единство, в то время как каждый воин проявляет самый свободный размах самовыражения. Этому единству я способствовал, выбросив те строфы, которые его нарушают, а затем объединив их вместе.

ВОЕННАЯ ПЕСНЯ.

а. Начиная эту песню, воин обратил свой взор к облакам.

О ша ван онг	(С юга)
Ун дос э вуг,	(Они приходят), <i>повторяют.</i>
Ре нă se wug,	(Птицы, <i>то есть</i> воинственные птицы.)
Ка баим вай ва зунг-иг.	(Услышьте звук их криков в эфире.)

б. Представление о хищных птицах, парящих в небе, все еще преобладает—

Tod ot to be	(Я хочу изменить себя, чтобы быть)
Ре нă se.	(Птицей.)
Ка доу ве а ве юн.	(Его быстрое тело —чтобы быть похожим на него.)

с. Теперь воин возвышается над всеми мыслями о страхе.

Не надо быть на,	(Я отбрасываю это.)
Не уходи.	(Мое тело.)
Не надо быть на,	(Повторяется.) Это высокое символическое хвастовство личным

происхождением. храбрость.

d. Он взывает к Великому Духу о необычайной силе.

На бун-а-кум иг,	(На передней части земли),
Чего бы тебе пожелать, ум.	(Сначала сияет [поражает] свет.)
В ду майн эм ик,	(Такая сила для меня),
Мон э ду,	(Боже мой)
Ша ва нем ид.	(По милости твоей дай!)

Смелостью этой фигуры он утверждает, что солнце обладает всемогущей силой видеть и обнаруживать своих врагов.

e. Он упрекает тех из своего народа, которые сдерживаются и не присоединяются к танцу, то есть не вступают в войну.

Мы идем дальше, мы побеждаем?	(Почему вы, воины,)
Будьте юны, а,	(Отойдите назад?)
Кто мы такие, мы юны.	(Вы, носящие знак Авазисов.)

Аваси - это разновидность рыбы, которая является *тотемом* клана.

f. Он заявляет о своей полной цели вступить в войну.

Ne má je, e ueh!	(Я иду на место — тропой войны!)
He надo, и да!	(Повторяет.)
He ме кун а, е йех!	(Мой боевой путь!)
Ге жиг нин ва тин,	(Мое небо чистое.) Распространенная фраза для обозначения удачи.
Нон! Не подведи нетайбуэтума, победы.	(Пусть другие задержатся. Вперед! боже мой! — мое право!)

Представляя эти образцы оригинальных высказываний некоторых наших западных воинов, нам позволено привести прилагаемые к ним версии, написанные пером одного из наших самых одаренных писателей.

ВОЕННАЯПЕСНЯ - "Пе—на се-вуг".

(Из "Алгонкинского языка Скулкрафта".)

АВТОР К.Ф. ХОФФМАН.

Я.

Разве вы не слышите их пронзительных
криков в эфире?
Вставайте! Храбрецы на битву,
готовьтесь, готовьтесь!
Разбуженные из тростниковых зарослей,
далеко на юге твоим барабаном,
С клювами, отточенными от кровавой бойни,
прилетают Боевые Птицы.

II.

О Бог моих Отцов,
так же быстро, как они,
я прошу лишь наброситься
с холмов на мою добычу:
Отдай это обрамление ветрам,
в Прерии внизу,
Но мою душу, подобную твоей стреле,
я бы метнул во врага!

III.

На чело Земли
ударяет Солнце во всей своей мощи,
О, одари меня взглядами,
проницательными, как свет.
В авангарде атаки,
по одному на каждом гребне,
Пока мой топор не покраснеет
над самыми храбрыми и лучшими.

IV.

Почему вы праздно стоите в стороне,
вы, Сыны Озер?
Те, кто хвастается пряжами скальпов,
которые вы трепещете взять.

Мечтатели о страхе могут задержаться,
мои небеса сияют -
Атакуйте—атакуйте —на Тропе Войны,
ради Бога и Справедливости.

Возьмем следующий дополнительный пример песни смерти. Все эти строфы действительно исполнялись в военных случаях и повторялись в моих ушах. Они были почерпнуты из традиционных песен чиппева на севере, чьи деревни простираются в районе озера Верхнее и до самых истоков Миссисипи. Эти племена являются наследственными врагами своих западных соседей, дакотов или сиу, которых они обычно называют, в порядке различия, Na do wä sees, то есть НАШИМИ ВРАГАМИ. Аллюзии в песнях относятся исключительно к ним. При написании оригинала я опускаю припев, поскольку он не поддается переводу и значительно увеличил бы занимаемое место.

ПЕСНЯ СМЕРТИ.

1. В начале этой песни следует представить себе воина, лежащего раненым на поле битвы.

А бе ту ге жиг, (Под центром неба),
Не ба баим ва ва. (Я произношу свой баим ва-ва-ва.)

Баймвава - это звук проходящих раскатов грома, который даст справедливое представление о жестокости этой фигуры.

2. Его мысли возвращаются к звезде его судьбы.

Айн да со гежиг (Каждый день, ты звезда!)
Ке га гун о ва бом ин. (Я смотрю на тебя.)

Здесь имеется в виду утренняя звезда.

3. Он видит хищных птиц, парящих над полем.

А бе ту гиж-иг (Половина дня)
Ай бе яун (Я остаюсь—смотрю)
Пе на се вуг (Вы, воинственные птицы).

4. Он держит в уме полет этих птиц и слышит их пронзительные крики.

Pe misk wosh (Они летают по кругу в небе.)
e wug
Pe nä se wug (Кружащие птицы)
A beh tuh (Облетает половину небесного круга.) Смысл в том, чтобы приближаться к нему
geezh ig oag. по кругу все ближе, по мере того как жизнь в нем угасает.

5. Продолжение рисунка. Он лежит, истекая кровью.

A zha waush e wug (Они пересекают линию обороны противника)
Pe nä se wug. (Птицы.)

6. Он чувствует, что призван в другой мир.

Яму, в которую она Мон е доаг (Высшие боги),
А не грязь ва ва (Моя хвала),
В которую мы не пойдем. (Они звучат.)

7. Он доволен и готов уйти.

Походка, не мин вайн дум (Полная счастья)
Не бун аи кум иг (Лежать на поле битвы)
Это желание быть науном. (За линией фронта.)

ПРЕДСМЕРТНАЯ ПЕСНЯ - "А бе ту ге жиг".

(Из "Алгонкинского языка Скулкрафта".)

К.Ф. ХОФФМАН.

I.

Под пустым небом,
Одиноко Растянувшись в Прерии, в
Центре славы, я
Истекаю кровью, презираю стоны,
Но, как боевой клич,
Издаю свой громовой стон,
Баим-ва—ва!

II.

Звезда-Утренняя звезда, чей луч
Еще с рассветом я вижу,
неугасимый полдня,
Пристально вглядываясь в меня, —
Твои птицы-бойни, они
Не пугают моего взгляда от тебя!
Баим-ва-ва!

III.

Птица, в твоих воздушных кольцах
Над линией фронта врага,
Почему твои хлопающие крылья
Так склоняются Ко мне?
Кровь Бесстрашных придает
Смелости, о Птичка, твоей!
Baim-wä-wä!

Прислушайтесь к этим Духовным нотам!
Вы, божественные Герои,
Из ваших богоподобных глоток исходит Гимн
Эта Хвалебная Песнь принадлежит мне!
Мой, чей могильный стяг реет
Над линией фронта врага!
Бам-ва-ва!

ВОЕННАЯ ПЕСНЯ.

Где мои враги? скажите, воины, где? Нет леса настолько черного,
Чтобы он мог скрыть от моего зоркого глаза следы:
Нет такого бескрайнего озера, никакая тропа, по которой может пройти человек,
Не сможет оградить их от моего стремительного преследования или спасти от моего удара.
Ветры, которые шепчутся в деревьях, облака, покрывающие небо,
Наделяют меня мягким разумом, чтобы показать мне, где они находятся,
Те самые птицы, которые парят в воздухе и кричат на ходу,
Подсказывают мне, куда идти, и ведут меня к врагу.

Солнце на рассвете поднимает голову, чтобы указать мне путь,
Луна ночью мягко смотрит вниз и подбадривает меня своим лучом.
Увенчанные войной звезды, эти сияющие огни, которые мой дух излучает ночью,
Направляют меня, когда я пробираюсь по лабиринту, и ведут меня в бой.
В священных снах в моем домике, когда я отдыхаю на земле,
возникают Яркие предзнаменования успеха и укрепляют мою воинственную руку.
Куда бы я ни повернулся, куда бы я ни пошел, слышится шепчущий звук,
Который говорит мне, что я сокрушу врага и прогоню его со своей земли.

Сияющий ЗАПАД приглашает меня вперед, с улыбками алого оттенка,
И облака обещания заполняют небо и украшают его небесную синеву,
Нет ни малейшего дуновения — ни в океане, ни на земле, ни в небе нет знака,
Который не наполнил бы мою грудь надеждой или не оживил бы мой взор.
Если я отправлюсь на штормовой берег, где играют сильные бури.
Они говорят мне, но, как храбрые воины, должны побеждать в бою.
Вся природа наполняет мое сердце огнем, который побуждает меня идти дальше,
С яростью броситься с поднятым копьём на врага моей страны.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

РАССКАЗ О ПЛЕНЕНИИ АЛЕКСАНДРА ГЕНРИ, эсквайра

НАПИСАНО ИМ САМИМ.

Когда я добрался до Мичилимакинака, я встретил нескольких других торговцев, прибывших раньше меня, из разных частей страны, и которые, в общем, заявили, что индейцы настроены враждебно по отношению к англичанам и даже опасаются какого-то нападения. мсье Лоран Дюшарм отчетливо сообщил майору Этерингтону, что был разработан план полного уничтожения его, его гарнизона и всех англичан в верхней части страны; но комендант, считая это и другие сообщения необоснованными, исходящими только от праздных или недоброжелательных лиц и склонных к причинению вреда, выразил вызвал сильное неудовольствие месье Дюшарма и пригрозил отправить следующего человека, который расскажет историю такого же рода, заключенным в Детройт.

Гарнизон в это время состоял из девяноста рядовых, двух младших офицеров и коменданта; а английских купцов в форте было четверо. Столь сильное беспокойство за индейцев, у которых не было никакого оружия, кроме стрелкового, испытывали немногие.

Тем временем индейцы со всех сторон ежедневно собирались в необычном количестве, но с видом дружбы, часто посещая форт и избавляясь от своих шкур таким образом, что почти у всех рассеивались опасения. Что касается меня, то однажды я взял на себя смелость заметить майору Этерингтону, что, по моему мнению, им не следует доверять, и что, как мне сообщили, вокруг форта находится не менее четырехсот человек.

В свою очередь майор только укрепил меня в моей робости; и следует признать, что если этот офицер пренебрег предостережением со своей стороны, то и я со своей. Вскоре после моего первого приезда в Мичилимакинак, в предыдущем году, Чипвей по имени Ваватам начал часто приходить в мой дом, демонстрируя в своем поведении явные признаки личного уважения. После того как это продолжалось некоторое время, он пришел в определенный день, приведя с собой всю свою семью и, в то же время, большой подарок, состоящий из шкур, сахара и

вяленого мяса. Сложив их в кучу, он начал речь, в которой сообщил мне, что несколько лет назад он соблюдал пост, посвятив себя, согласно обычаю своего народа, уединению и умерщвлению своего тела в надежде получить от Великого Духа защиту на все свои дни; что в этот раз он мечтал усыновить англичанина как своего сына, брата и друга; что с того момента, как он впервые увидел меня, он узнал во мне человека, на которого Великому Духу было угодно указать ему как на брата. ; что он надеется, что я не откажусь от его подарка; и что он всегда будет считать меня членом своей семьи.

Я не мог поступить иначе, как принять подарок и заявить о своей готовности заполучить такого хорошего человека, каким он оказался, в качестве моего друга и брата. Я предложил подарок взамен того, что получил, который Ваватам принял, а затем, поблагодарив меня за услугу, которую, по его словам, я ему оказал, он оставил меня и вскоре после этого отправился на свою зимнюю охоту.

С момента этого происшествия прошло двенадцать месяцев, и я почти забыл о моем *брате*, когда второго июня Ваватам снова пришел ко мне домой в явно меланхоличном и задумчивом настроении. Он сказал мне, что только что вернулся со своего *места зимовки*, и я спросил о его здоровье; но, не отвечая на мой вопрос, он продолжал говорить, что ему жаль, что я вернулся из Солта; что он намеревался сам отправиться туда сразу по прибытии в Мичилимакинак; и что он хотел бы, чтобы я отправился туда вместе с ним и его семьей на следующее утро. Ко всему этому он присоединился к расспросу, не слышал ли комендант плохих новостей, добавив, что в течение зимы его самого часто беспокоил *крик злых птиц*; и далее предположил, что поблизости от форта было много индейцев, многие из которых никогда не показывались в нем. Ваватам было около сорока пяти лет, он пользовался среди своего народа превосходной репутацией и был вождем.

Относя большую часть услышанного им к особенностям индийского характера, я не уделил мольбам и замечаниям моего посетителя всего внимания, которого они, как мы увидим, заслуживали. Я ответил, что не могу думать о том, чтобы отправиться в Солт так скоро, как на следующее утро, но последую за ним туда после прибытия моих клерков. Поняв, что ему не удастся уговорить меня, он удалился на тот день; но рано утром следующего дня он пришел снова, приведя с собой свою жену, и подарок в виде вяленого мяса. Во время этой беседы, заявив, что у него есть несколько тюков бобровой рыбы, за которую он намеревался расправиться со мной, он во второй раз выразил свои опасения по поводу многочисленных индейцев, находившихся вокруг форта, и настойчиво требовал от меня согласия на немедленный отъезд в Солт. В качестве причины для этой конкретной просьбы он заверил меня, что все индейцы намеревались в тот день всем скопом прийти в форт, чтобы потребовать у коменданта выпивки, и что он хотел бы, чтобы я ушел до того, как они опьянеют.

В тот период, о котором я сейчас говорю, я настолько продвинулся в языке, на котором обращался ко мне Ваватам, что мог вести на нем обычную беседу; но индийская манера речи настолько экстравагантно образна, что только совершенный мастер может полностью следовать за ней и понимать ее. Если бы я продвинулся дальше в этом отношении, я думаю, что я собрал бы от этого моего дружелюбного наставника столько информации, которая открыла бы мне замысел врага и позволила бы мне спасти не только себя, но и других; как бы то ни было, к сожалению, случилось так, что я остался глух ко всему, оставив Ваватама и его жену, после

долгих и терпеливых, но безрезультатных усилий, одних, с удрученными лицами, и не раньше, чем каждый из них пролил несколько слез.

В течение того же дня я заметил, что индейцы в большом количестве приходили в форт, покупая томагавки (маленькие топорики весом в один фунт) и часто желая посмотреть серебряные нарукавные повязки и другие ценные украшения, которых у меня было большое количество на продажу. Украшения, однако, они ни в коем случае не покупали, а, перевернув их, оставили, сказав, что зайдут снова на следующий день. Их мотивом, как выяснилось впоследствии, было не что иное, как очень искусное обнаружение конкретных мест их хранения путем просьбы о встрече, чтобы они могли наложить на них руки в момент грабежа с большей уверенностью и оперативностью.

По ночам я прокручивал в уме визиты Ваватама; но, хотя они были рассчитаны на то, чтобы вызвать беспокойство, ничто не заставило меня поверить, что готовится серьезная беда. На следующий день, четвертого июня, был день рождения короля.

Утро было душным. Чиппуэй пришел сказать мне, что его страна собирается сыграть в *баггативэйс* саками, другой индийской нацией, по высокой ставке. Он пригласил меня стать свидетелем этого зрелища, добавив, что там должен быть комендант и что он сделает ставку на сторону Чиппуэйз. Получив эту информацию, я отправился к коменданту и немного поспорил с ним, утверждая, что индейцы, возможно, замышляют какую-то зловещую цель; но комендант только улыбнулся моим подозрениям.

В Баггативэй, который канадцы называют *перекрестком*, играют битой и мячом. Бита около четырех футов в длину, изогнутая и заканчивается чем-то вроде ракетки. В землю воткнуты два столба на значительном расстоянии друг от друга, примерно в милю или больше. У каждой стороны есть своя стойка, и игра заключается в подбрасывании мяча к стойке противника. Мяч в начале игры помещается в середине поля, и каждая сторона старается забросить мяч как в направлении своей штанги, так и в направлении штанги противника.

Я не поехал сам, чтобы увидеть матч, который был теперь быть воспроизведены без форта, потому что, там каноэ готовится к отъезду, на следующий день в Монреале, я использовал себя в написании писем своим друзьям; и даже, когда парень-торговец, Мистер Трейси, призовет на меня, говоря, что очередная Байда только что прибыл из Детройта, и предполагая, что я должна поехать с ним на пляж, чтобы узнать новости, так получилось, что я по-прежнему осталась, чтобы закончить мои письма, обещая за мистером Трейси в течение нескольких минут. Мистер Трейси отошел не более чем на двадцать шагов от двери, когда я услышал боевой клич индейцев и шум общего замешательства.

Немедленно подойдя к своему окну, я увидел внутри форта толпу индейцев, яростно рубивших и снимавших скальпы с каждого англичанина, которого они находили. В частности, я был свидетелем судьбы лейтенанта Джеметта.

У меня в комнате, в которой я находился, было охотничье ружье, заряженное лебединой дробью. Я немедленно схватил его и держал несколько минут, ожидая услышать бой барабана в руках. В этот ужасный промежуток времени я видел, как несколько моих соотечественников упали, и не один бился между коленями индейца, который, держа его таким образом, снял с него скальп, пока он был еще жив.

Наконец, разочаровавшись в надежде увидеть сопротивление, оказанное врагу, и, конечно, понимая, что никакие усилия моей собственной руки без посторонней помощи не помогут против четырехсот индейцев, я подумал только о том, чтобы найти убежище. Посреди бушевавшей резни я заметил, что многие канадские обитатели форта спокойно наблюдали за происходящим, не сопротивляясь индейцам и не терпя увечий; и из-за этого обстоятельства у меня появилась надежда обрести безопасность в их домах.

Между дверью во двор моего собственного дома и дверью мосье Ланглада, моего ближайшего соседа, был только низкий забор, через который я легко перелез. Войдя в дом, я застал всю семью у окон, они смотрели на кровавую сцену перед ними. Я немедленно обратился к мосье Лангладу, умоляя его поместить меня в какое-нибудь безопасное место, пока не уляжется накал страстей; акт милосердия, которым он, возможно, смог бы уберечь меня от всеобщей резни; но пока я излагал свою просьбу, мосье Ланглад, который с минуту смотрел на меня, снова отвернулся к окну, пожимая плечами и давая понять, что ничего не может для меня сделать: *"Что вы имеете в виду, находясь на ферме?"*

Это был момент отчаяния; но в следующий женщина-пани, [61] рабыня мосье Ланглада, поманила меня следовать за ней. Она подвела меня к двери, которую открыла, приглашая меня войти и говоря, что она ведет на чердак, куда я должен пойти и спрятаться. Я с радостью подчинился ее указаниям, и она, проводив меня до чердачной двери, заперла ее за мной и с большим присутствием духа забрала ключ.

[61] Пани - индейский народ на юге.

Получив это убежище, если я мог надеяться его найти, я, естественно, стремился узнать, без чего еще могу обойтись. Через отверстие, открывавшее мне вид на окрестности форта, я увидел в самых отвратительных формах свирепые триумфы варваров-завоевателей. Мертвые были скальпированы и искалечены; умирающие корчились и вопили под ненасытными ножами и томагавками; а из тел некоторых, вспоротых, их мясники пили кровь, зачерпывая ее в ложбинках соединенных рук и выпивая под крики ярости и победы. Я был потрясен не только ужасом, но и трепетом. Казалось, что я вот-вот испытаю страдания, свидетелем которых я был. Не прошло много времени, как все, кого удалось найти, были уничтожены, и раздался общий крик: "Все кончено!" В тот же миг я услышал, как несколько индейцев вошли в дом, в котором я находился.

Чердак был отделен от комнаты внизу только слоем отдельных досок, служивших одновременно полом в одной и потолком в другой. Поэтому я мог слышать все, что происходило; и как только индейцы вошли, они спросили, есть ли в доме англичане. мосье Ланглад ответил, что "он не мог сказать; он ни о ком не знал"; ответы, в которых он не превзошел правды; ибо пани не только спрятала меня тайком, но сохранила мою тайну и свою собственную. Поэтому мосье Ланглад был, как я полагаю, столь же далек от желания уничтожить меня, сколь и от беспечности в отношении моего спасения, когда он добавил к этим ответам, что "они могли бы исследуйте сами и вскоре были бы удовлетворены объектом своего вопроса". Сказав это, он подвел их к чердачной двери.

Можно представить себе состояние моего ума. Когда я подошел к двери, некоторая задержка была вызвана отсутствием ключа, и таким образом мне было предоставлено несколько минут, чтобы осмотреться в поисках тайника. В одном углу чердака лежала груда сосудов из бересты, которые, как я недавно описывал, используются для приготовления кленового сахара.

Дверь была отперта и распахнута, и индейцы начали подниматься по лестнице, прежде чем я успел полностью проскользнуть в небольшое отверстие, видневшееся в одном конце кучи. Мгновение спустя в комнату вошли четверо индейцев, все вооруженные томагавками, и все они были перепачканы кровью со всех сторон.

Жребий, казалось, был брошен. Я едва мог дышать; но мне показалось, что биение моего сердца вызвало шум, достаточно громкий, чтобы выдать меня. Индейцы расхаживали по чердаку во всех направлениях, и один из них подошел ко мне так близко, что в определенный момент, если бы он протянул руку, то, должно быть, коснулся бы меня. По-прежнему я оставался нераскрытым; обстоятельство, которому, должно быть, способствовали темный цвет моей одежды и недостаток света в комнате, в которой не было окна, и в углу, в котором я находился. Короче говоря, после нескольких заходов по комнате, во время которых они рассказали месье Лангладу, скольких они убили и сколько скальпов сняли, они вернулись вниз, и я с невыразимыми чувствами услышал, как дверь, которая была преградой между мной и моей судьбой, заперлась во второй раз.

На полу лежала пуховая перина; и на нее я, измученный душевным волнением, бросился и заснул. В таком состоянии я оставался до вечерних сумерек, когда меня разбудил второй стук в дверь. Вошедшим человеком была жена месье Ланглада, которая была очень удивлена, обнаружив меня, но посоветовала мне не беспокоиться, заметив, что индейцы убили большую часть англичан, но она надеется, что я сам смогу спастись. Когда начался сильный ливень, она пришла заделать дыру в крыше. Когда она уходила, я попросил ее прислать мне немного воды напиться, что она и сделала.

Приближалась ночь, а я продолжал лежать на кровати, размышляя о своем состоянии, но не в силах найти источник, за счет которого я мог бы надеяться на жизнь. Полет в Детройт не имел никаких шансов на успех. Расстояние от Мичилимакинака составляло четыреста миль; у меня не было провизии, и весь путь лежал через индейские страны, страны вооруженного врага, где первый же человек, которого я встречу, убьет меня. Оставаться там, где мне угрожала почти та же проблема. Как и прежде, усталость ума, а не спокойствие, приостановили мои заботы и обеспечили мне дальнейший сон.

Игра в баггативэй, как можно было понять из приведенного выше описания, обязательно сопровождается большим количеством насилия и шума. В пылу соперничества мяч, как уже предлагалось, если он не может быть брошен в желаемую цель, отбивается в любом направлении, которым его можно отклонить от того, которое было задумано противником. Следовательно, в такой момент ничто не могло вызвать меньшей преждевременной тревоги, чем то, что мяч был переброшен через частокол Форты, или то, что, упав туда, за ним немедленно последовали все вовлеченные в игру, как одна сторона, так и другая, все нетерпеливые, все борющиеся, все кричащие, все в безудержном стремлении к грубым спортивным упражнениям. Ничто не могло быть менее подходящим для возбуждения преждевременной тревоги; следовательно, ничто не могло быть более удачно придумано в данных обстоятельствах, чем подобная военная хитрость; и это была, фактически, та военная хитрость, к которой прибегли индейцы, с помощью которой они овладели Фортом и с помощью которой они получили возможность перебить и подчинить себе его гарнизон и всех других его обитателей, кого им заблагорассудится. Чтобы быть еще более уверенными в успехе, они

убедили всех, кого могли, под предлогом, вызывающим наименьшие подозрения, прийти добровольно без пикетов; и особенно самих коменданта и гарнизон.

Передышке, которую давал мне сон в течение ночи, пришел конец с наступлением утра. Я снова оказался на дыбе предчувствий. На рассвете я услышал, как зашевелилась семья; и вскоре после этого послышались голоса индейцев, сообщавших мосье Лангладу, что они не нашли меня, несчастного, среди мертвых и предполагают, что я где-то спрятан. Мосье Ланглад, судя по тому, что последовало дальше, к этому времени был уже знаком с местом моего убежища, о котором, без сомнения, ему сообщила его жена. Бедная женщина, как только индейцы упомянули обо мне, заявила своему мужу на французском языке, что он больше не должен держать меня в своем доме, а должен выдать моим преследователям; мотивируя эту меру тем, что, если индейцы обнаружат его причастность к моему сокрытию, они могут отомстить за это ее детям и что лучше мне умереть, чем им. Господин Ланглад сначала воспротивился этому предложению своей жены, но вскоре позволил ей одержать верх, сообщив индейцам, что ему сказали, что я был в его доме, что я пришел сюда. там без его ведома, и что он отдаст меня в их руки. Не успел он произнести эти слова, как начал подниматься по лестнице, а индейцы следовали за ним по пятам.

Теперь я смирился с участью, которая мне угрожала, и, считая тщетными все попытки спрятаться, я встал с кровати и предстал во всей красе перед индейцами, которые входили в комнату. Все они были в состоянии алкогольного опьянения и полностью обнажены, за исключением примерно середины тела. У одного из них, по имени Веннивэй, которого я знал раньше и который был выше шести футов ростом, все лицо и тело были покрыты древесным углем и жиром, только вокруг каждого глаза было белое пятно двух дюймов в диаметре. Этот человек подошел ко мне, схватил одной рукой за воротник пальто, в то время как в другой он держал большой разделочный нож, как бы собираясь вонзить его мне в грудь; его глаза тем временем были пристально прикованы к моим. Наконец, после нескольких секунд самого тревожного ожидания, он опустил руку, сказав: "Я не убью тебя!" К этому он добавил, что часто участвовал в войнах против англичан и привез много скальпов; что однажды он потерял брата, которого звали Мусинигон, и что меня назовут в его честь.

Отсрочка на любых условиях возвращала меня к жизни и поддерживала голос надежды; но Веннивэй приказал мне спуститься вниз и там сообщил, что меня нужно отвести в его хижину, где, как, впрочем, и везде, индейцы сходили с ума от выпивки, снова грозила смерть, и не только возможная, но и неминуемая. Я поделился своими опасениями по этому поводу с месье Лангладом, умоляя его представить опасность моему хозяину. Месье Ланглад, в этом случае, не сдержал своего сочувствия, и Веннивэй немедленно согласился, чтобы я оставался там, где был, пока он не найдет другой возможности забрать меня.

Оказавшись в безопасности, я снова поднялся по лестнице на чердак, чтобы оказаться как можно дальше от места, где пьяные индейцы могли оскорблять меня; но не пробыл я там и часа, как меня позвали в комнату внизу, где находился индеец, который сказал, что я должен выйти с ним из Форта, поскольку Веннивэй послал его за мной. Этого человека, как и самого Веннивэя, я видел раньше. В предыдущем году я разрешил ему брать товары в кредит, за которые он все еще был у меня в долгу; и незадолго до неожиданного нападения на Форт он сказал, когда я упрекнул его в недостатке честности, что "он скоро заплатит мне!" Теперь эта речь свежо всплыла в моей памяти и навела меня на подозрение, что этот парень замыслил покушение на

мою жизнь. Я сообщил о своем подозрении мсье Лангладу, но вместо ответа он сказал, что "теперь я не сам себе хозяин и должен делать то, что мне приказали".

Индеец, со своей стороны, распорядился, чтобы перед тем, как я выйду из дома, я разделся сам, заявив, что мои пальто и рубашка пойдут ему лучше, чем мне. Поскольку его желание в этом отношении было удовлетворено, мне не оставалось другой альтернативы, кроме как либо выйти голым, либо надеть одежду индейца, которую он добровольно дал мне взамен. Как я узнал впоследствии, его мотивом для того, чтобы таким образом снять с меня мою собственную одежду, было не что иное, как желание, чтобы она не была запачкана кровью, когда он убьет меня.

Теперь мне было приказано ехать дальше, и мой кучер следовал за мной по пятам, пока я не миновал ворота Форта, после чего повернул к тому месту, где, как я знал, разбились лагерь индейцы. Это, однако, не соответствовало намерениям моего врага, который схватил меня за руку и яростно потащил в противоположном направлении, на расстояние пятидесяти ярдов над Фортом. Здесь, обнаружив, что приближаюсь к кустарникам и песчаным холмам, я решил не двигаться дальше, но сказал индейцу, что, по моему мнению, он намеревался убить меня, и если так, то он может нанести удар как с того места, где я был, так и с любого большего расстояния. Он хладнокровно ответил, что мои подозрения справедливы и что он намеревался таким образом заплатить мне за мой товар. В то же время он выхватил нож и удержал меня в таком положении, чтобы я мог принять намеченный удар. И это, и то, что последовало за этим, неизбежно были делом одного момента. Каким-то усилием, слишком внезапным и слишком мало зависящим от мысли, чтобы его можно было объяснить или запомнить, мне удалось схватить его за руку и резко толкнуть, чем я отвернул его от себя и высвободился из его хватки. Как только это было сделано, я побежал к Форту со всей быстротой, на какую был способен, индеец следовал за мной, и я каждую минуту ожидал, что почувствую его нож. Мне удалось спастись бегством; и, войдя в Форт, я увидел Веннивэя, стоявшего посреди площади, и поспешил к нему за защитой. Веннивэй хотел, чтобы индеец прекратил, но тот преследовал меня вокруг себя, нанеся несколько ударов ножом и с пеной у рта от ярости из-за неоднократного провала своей затеи. Наконец Веннивэй приблизился к дому мсье Ланглада, и, поскольку дверь была открыта, я вбежал в нее. Индеец последовал за мной, но, когда я вошел в дом, он добровольно отказался от преследования.

Так часто и так неожиданно, как теперь выпало на мою долю, я возвращался к себе на чердак, сильно склонный верить, что по воле всемогущей силы ни один враг-индеец не сможет причинить мне вреда; но новые испытания, как я полагал, были уже близко, когда в десять часов вечера меня разбудили и я снова захотел спуститься по лестнице. Однако, к моему не меньшему удовлетворению, чем удивлению, меня вызвали только для встречи с майором Этерингтоном, мистером Боствиком и лейтенантом Лесли, которые находились в комнате внизу.

Эти джентльмены были взяты в плен, когда смотрели игру без Форта, и немедленно сорвали с них всю одежду. Теперь их отправили в форт под присмотром канадцев, потому что индейцы решили напиться, и вожди опасались, что их убьют, если они останутся в лагере. Лейтенант Джемметт и семьдесят солдат были убиты, и только двадцать англичан, включая солдат, были еще живы. Все они находились в пределах форта, вместе с почти тремя сотнями канадцев, принадлежащих к каное, и т.д.

Учитывая нашу численность, я и другие предложили майору Этерингтону приложить усилия для восстановления владения фортом и защиты его от индейцев. Мы консультировались по этому проекту с миссионером-иезуитом, но он обескуражил нас своими заявлениями не только о безжалостном обращении, которого мы должны ожидать от индейцев, если они вернут себе свое превосходство, но и о малой зависимости, которая должна была быть возложена на наших канадских вспомогательных сил. Таким образом, форт и пленники оставались в руках индейцев, хотя в течение всей ночи пленники и белые находились в фактическом владении, и у них не было ворот.

Вся эта ночь, или большая ее часть, прошла во взаимных соболезнованиях, и мои товарищи по заключению делили со мной чердак. Утром, когда меня снова позвали вниз, я нашел своего хозяина, Веннивэя, и мне было предложено следовать за ним. Он привел меня в маленький домик на территории форта, где в узкой и почти темной комнате я нашел мистера Иезекииля Соломонса, англичанина из Детройта, и солдата, все они были пленниками. С этими словами я оставался в тягостном ожидании сцены, которая должна была произойти дальше, до десяти часов утра, когда прибыл индеец и вскоре повел нас к берегу озера, где появилось каноэ, готовое к отплытию, в которое, как мы узнали, нам предстояло сесть.

Наше путешествие, каким бы полным сомнений оно ни было, началось бы немедленно, если бы не отсутствие одного из индейцев, который должен был быть в отряде. Его прибытия следовало ждать, и это привело к очень долгой задержке, во время которой мы подвергались воздействию сильного северо-восточного ветра. Я был одет только в старую рубашку; я сильно страдал от холода; и в этой крайней ситуации, когда мсье Ланглад спустился на пляж, я попросил у него одеяло, пообещав, что, если останусь в живых, заплачу ему за это любую цену, какую он пожелает; но ответ, который я получил, был таков, что он может не давать мне одеяла, если только кто-нибудь не поручится за оплату. Что касается меня, заметил он, то у меня больше не было никакой собственности в этой стране. Мне больше нечего было сказать месье Лангладу; но вскоре, увидев другого канадца по имени Джон Кучуаз, я обратился к нему с аналогичной просьбой, и мне не было отказано. Каким бы голым я ни был и какой бы суровой ни была погода, если бы не одеяло, я, должно быть, погиб. В полдень вся наша группа была в сборе, все заключенные погрузились на борт, и мы направились к острову Кастор [остров Бивер] на озере Мичиган.

Солдат, который был нашим товарищем по несчастью, был привязан к перекладине каноэ веревкой, обвязанной вокруг его шеи, как это делают индейцы при перевозке своих пленников. Остальных не связывали, но каждому из нас дали в руки по веслу, и нас заставили ими пользоваться. Индейцев в каноэ было семеро, пленников - четверо. Как вы помните, я оставил майора Этерингтона, лейтенанта Лессли и мистера Боствика у месье Ланглада и теперь был в бедственном положении вместе с мистером Иезекиилем Соломонсом, солдатом, и англичанином, недавно прибывшим из Детройта. Это было шестого июня. Форт был взят на четвертый день; я сдался Веннивэю на пятый; и это был третий день нашего бедствия.

Как я уже говорил, мы направлялись к островам Кастор, которые лежат в устье озера Мичиган; и мы должны были бы пересечь озеро, но поднялся густой туман, из-за которого индейцы сочли более безопасным держаться берега с подветренной стороны. Таким образом, мы приблизились к землям оттавов и их деревне Л'Арбр-Крош, которая, как уже упоминалось,

находится примерно в двадцати милях к западу от Мичилимакинака, на противоположной стороне полосы суши, на которой построен Форт.

Каждые полчаса индейцы издавали свой боевой клич, по одному на каждого пленника в их каноэ. Это общепринятый обычай, с помощью которого все остальные индейцы, находящиеся в пределах слышимости, уведомляются о количестве пленников, которых они везут.

Таким образом, мы достигли Вагошенсе, Фокс-пойнт, длинного мыса, вдающегося на запад в озеро и который оттавы делают перевалочным пунктом, чтобы не огибать его. Он находится в восемнадцати милях от Мичилимакинака. После того, как индейцы, как и прежде, издали свой боевой клич, на берегу появился Оттава, который делал знаки, что нам следует высадиться. В результате мы приблизились. "Оттава" поинтересовалась новостями и поддерживала дальнейший разговор Чиппевеев, пока мы не оказались в нескольких ярдах от берега, на мелководье. В этот момент сотня человек бросилась на нас из кустов и с ужасающими криками вытащила всех пленников из каноэ.

Теперь мы думали, что приближаются наши последние страдания; но как только мы выбрались на берег и встали на ноги, к нам подошли вожди отряда и протянули каждому из нас руки, сказав, что они наши друзья и оттавы, которых Чиппевеи оскорбили, уничтожив англичан, не посоветовавшись с ними по этому делу. Они добавили, что то, что они сделали, было сделано с целью спасения наших жизней, поскольку Чиппевеи везли нас на острова Кастор только для того, чтобы убить и сожрать.

Воображение читателя здесь отвлечено разнообразием наших судеб, и он вполне может нарисовать себе душевное состояние тех, кто их пережил, кто был забавой или жертвами череды событий, больше похожих на сны, чем на реальность, больше на вымысел, чем на правду! Вскоре мы снова сели в каноэ оттавцев, которые в тот же вечер высадили нас в Мичилимакинаке, откуда они отвели нас в Форт на виду у чиппева, сбитых с толку тем, что оттава встали на сторону, противоположную их собственной.

Оттавы, которые сопровождали нас в достаточном количестве, овладели Фортом. Нас, сменивших хозяев, но все еще остававшихся пленниками, поселили в доме коменданта и строго охраняли.

Рано утром следующего дня был созван генеральный совет, на котором Чиппевеи много жаловались на поведение оттав, на то, что они отняли у них пленников; утверждали, что все индейцы, за исключением одних оттав, находятся в состоянии войны с англичанами; что Понтиак захватил Детройт; что король Франции проснулся и вернул себе Квебек и Монреаль; и что англичан ждет гибель не только в Мичилимакинаке, но и во всех других частях света. Из всего этого они сделали вывод, что оттавам подобало вернуть пленных и присоединиться к войне; и за речью последовали большие подарки, которые были частью награбленного в форте и которые ранее были свалены в кучу в центре комнаты. Индейцы редко дают свои ответы раньше, чем на следующий день после того, как выслушают выдвинутые аргументы. В этом случае они не отступили от своего обычая, и поэтому совет объявил перерыв.

Мы, пленники, судьба которых, таким образом, была предметом споров, в то время не были знакомы с этой сделкой; и поэтому наслаждались ночью сносного спокойствия, ни в малейшей степени не подозревая о готовящемся нам обратном. Какой из аргументов Чиппевеев и все ли они были признаны оттавами обоснованными, я сказать не могу; но совет возобновился рано

утром, и после того, как на нем было произнесено несколько речей, за заключенными послали, и они вернулись к Чиппевеям.

Оттавы, которые теперь передали нас в руки чиппевеев, сами заявили, что у последних не было иного намерения, кроме как убить нас и *сварить из нас бульон*. Чиппевеи, как только мы вернулись к ним, отвели нас в свою деревню, расположенную на мысе ниже Форта, и поместили нас в сторожку, уже ставшую тюрьмой для четырнадцати солдат, связанных по двое, с веревкой на шее у каждого и привязанных к столбу, который можно было бы назвать опорой здания.

Меня оставили развязанным, но я провел ночь без сна и был полон отчаяния. Моей постелью была голая земля, и я снова был одет только в старую рубашку, которая была всей моей одеждой; одеяло, которое я получил благодаря великодушию месье Кухуаза, было отобрано у меня оттавами, когда они схватили меня и других в Вагошенсе. Кроме того, мне очень хотелось есть, так как я два дня ничего не ел.

Признаюсь, в каное с Чиппевеями мне предложили хлеб; но, хлеб, в каком сопровождении? У них был хлеб, который они разрезали теми же ножами, которыми пользовались во время резни, — ножами, все еще покрытыми кровью. Кровь они смачивали слюной и, намазывая ее на хлеб, предлагали в пищу своим пленникам, советуя им есть кровь своих соотечественников.

Таково было мое положение утром седьмого июня тысяча семьсот шестьдесят третьего года; но через несколько часов произошло событие, которое придало моей участи еще новые краски.

Ближе к полудню, когда великий военачальник в компании Веннивэ сидел в противоположном конце вигвама, внезапно вошел мой друг и брат Ваватам. В течение четырех предыдущих дней я часто задавался вопросом, что с ним стало. Проходя мимо, он подал мне руку, но сразу же направился к великому вождю, рядом с которым, как и прежде, сел сам. Воцарилось самое продолжительное молчание; каждый курил свою трубку; покончив с этим, Ваватам встал и вышел из вигвама, сказав мне, проходя мимо: "Мужайся!"

Прошел час, в течение которого вошли несколько вождей и, по-видимому, велись приготовления к совету. Наконец Ваватам вернулся в хижину в сопровождении своей жены, и оба были нагружены товарами, которые они отнесли вождям и сложили перед ними грудой. Последовало несколько минут молчания, в конце которых Ваватам произнес речь, каждое слово которой представляло для меня необычайный интерес:

"Друзья и родственники, - начал он, - что я должен сказать? Вы знаете, что я чувствую. У всех вас есть друзья, братья и дети, которых вы любите, как самих себя; и что бы вы испытали, если бы вы, подобно мне, увидели своего самого дорогого друга — своего брата — в положении раба; раба, ежеминутно подвергающегося оскорблениям и угрозам смерти? Это дело, как вы все знаете, мое. Смотрите туда (*указывая на себя*), мой друг и брат среди рабов, сам раб!

"Вы все хорошо знаете, что задолго до начала войны я усыновил его как своего брата. С этого момента он стал членом моей семьи, так что никакое изменение обстоятельств не могло разорвать ту нить, которая связывала нас вместе.

"Он мой брат; и поскольку я твой родственник, следовательно, и он твой родственник тоже; и как, будучи твоим родственником, он может быть твоим рабом?

"В тот день, когда началась война, вы боялись, что именно из-за этого я раскрою вашу тайну. Следовательно, вы потребовали, чтобы я покинул Форт и даже пересек озеро. Я так и сделал, но с неохотой. Я сделал это с неохотой, несмотря на то, что ты, Менехвена, командовавший этим предприятием, дал мне обещание, что защитишь моего друга, избавишь его от любой опасности и передашь мне в целости и сохранности.

"Сейчас я требую исполнения этого обещания. Я пришел просить об этом не с пустыми руками. Тебе, Менехвена, лучше знать, сдержала ли ты свое слово, уважая себя, или нет; но я привез это добро, чтобы откупиться от всех претензий, которые кто-либо из вас может иметь на моего брата как на его пленника".

Когда Ваватам умолк, трубки были снова набиты; и после того, как они закончили, последовал еще один период молчания. В конце этого Менехвена встал и дал свой ответ:

"Мой родственник и брат, - сказал он, - то, что ты сказал, - чистая правда. Мы были знакомы с дружбой, которая существовала между вами и англичанином, от имени которого вы сейчас обратились к нам. Мы знали об опасности раскрытия нашей тайны и о последствиях, которые должны были за этим последовать; и вы искренне говорите, что мы просили вас покинуть Форт. Это мы сделали из уважения к вам и вашей семье; ибо, если бы был раскрыт наш замысел, вас бы обвинили, виновны вы или нет; и вы, таким образом, оказались бы вовлечены в трудности, из которых не смогли бы выпутаться самостоятельно.

"Это также правда, что я обещал вам позаботиться о вашем друге; и это обещание я выполнил, пожелав моему сыну в момент нападения найти его и привести в мой домик. Он пошел соответственно, но не смог его найти. На следующий день после того, как я отправил его к Лангладу, когда ему сообщили, что ваш друг в безопасности; и если бы в тот момент индейцы не пили ром, найденный в Форте, он, согласно моему приказу, привез бы его домой.

- Я очень рад узнать, что ваш друг сбежал. Мы принимаем ваш подарок, и вы можете забрать его с собой домой.

Ваватам поблагодарил собравшихся вождей и, взяв меня за руку, повел в свою сторожку, которая находилась всего в нескольких ярдах от тюремной сторожки. Мое появление, казалось, доставило радость всей семье; для меня немедленно приготовили еду, и теперь я съел первый сытный обед, который приготовил с момента своего пленения. Я почувствовал себя членом семьи; и, несмотря на то, что у меня все еще оставались опасения относительно других индейцев, я чувствовал себя настолько счастливым, насколько позволяла ситуация.

В течение следующего утра я был встревожен шумом в тюремной сторожке; и, выглянув через отверстия сторожки, в которой я находился, я увидел семь мертвых тел белых людей, вытащенных наружу. Когда я расспросил об этом случае, мне сообщили, что некий вождь, которого канадцы называют Ле Гран Сабле, незадолго до этого вернулся со своей зимней охоты; и что он отсутствовал, когда началась война, и теперь, желая продемонстрировать индейцам всем свое сердечное согласие с тем, что они сделали, зашел в тюремный домик и там своим ножом убил семерых мужчин, тела которых я видел.

Вскоре после этого двое индейцев взяли одно из мертвых тел, которое они выбрали как самое жирное, отрезали голову и разделили все на пять частей, по одной из которых положили в каждый из пяти котлов, подвешенных над таким количеством костров, разведенных для этой

цели, у дверей тюремной сторожки. Вскоре после того, как все было подготовлено, в наш домик пришло сообщение с приглашением Ваватама помочь на празднике.

Приглашение на пир дает тот, кто является его хозяином. Небольшие обрезки кедровой древесины, около четырех дюймов в длину, заменяют карточки, и предьявитель из уст в уста сообщает подробности.

Ваватам подчинился приказу, взяв с собой, как обычно, в место развлечения свою тарелку и ложку.

После получасового отсутствия он вернулся, неся на блюде человеческую руку и большой кусок мяса. Он, по-видимому, не испытывал удовольствия от угощения, но сказал мне, что тогда и всегда у всех индейских народов был обычай, возвращаясь с войны или побеждая своих врагов, устраивать военный пир из убитых. Это, по его словам, вселяло в воина отвагу в атаке и воспитывало его бесстрашно встречать смерть.

Вечером того же дня было замечено большое каноэ, подобное тем, что пришли из Монреаля, приближающееся к форту. Он был полон мужчин, и я различил нескольких пассажиров. В деревне раздался индейский клич; был объявлен общий сбор, и в количестве двухсот человек они двинулись к форту, где, как ожидалось, причалит каноэ. Каноэ, ничего не подозревая, смело подошло к форту, где пассажиров, оказавшихся английскими торговцами, схватили, протащили по воде, избили, поносили, отвели в тюремный домик, там с них сняли одежду и заперли.

Из английских торговцев, попавших в руки индейцев при взятии форта, мистер Трейси был единственным, кто погиб. Мистер Иезекииль Соломонс и мистер Генри Боствик были схвачены оттавами, а после заключения мира перевезены в Монреаль и там получили выкуп. Из девяноста солдат погибло около семидесяти; остальные, вместе с теми, кто занимал посты в заливе Пуант и на реке Сен-Жозеф, также были надежно удержаны оттавами до заключения мира, а затем либо добровольно возвращены, либо выкуплены в Монреале. Оттавы так и не преодолели своего отвращения к пренебрежению, с которым к ним относились в начале войны те, кто впоследствии нуждался в их помощи как союзников.

Утром девятого июня состоялся генеральный совет, на котором было решено перебраться на остров Мичилимакинак, как более оправданное положение в случае нападения англичан. У индейцев начали возникать опасения по поводу нехватки сил. До них не доходило никаких известий из Потаватами, что в заливе Пуантов, и они не были уверены, присоединятся к ним мономины или нет. Они даже опасались, что сиу перейдут на сторону англичан.

Приняв это решение, они приготовились к быстрому отступлению. В полдень лагерь был свернут, и мы погрузились на корабль, забрав с собой пленников, которые еще не были освобождены. Во время нашего перехода мы столкнулись с порывистым ветром, и появились некоторые признаки опасности. Чтобы предотвратить это, в озеро бросили собаку, лапы которой были предварительно связаны вместе; подношение, предназначенное для успокоения гневных страстей какого-нибудь оскорбленного манито.

Когда мы приблизились к острову, две женщины в каноэ, в котором находился я, начали издавать печальные и отвратительные крики. Каким бы шатким ни оставалось мое состояние, я испытывал некоторое чувство тревоги от этих мрачных звуков, причину которых я тогда не мог

понять. Впоследствии я узнал, что у женщин принято, проходя мимо мест захоронения родственников, никогда не забывать об обычае, свидетелем которого я сейчас был и которым они намереваются выразить свое горе.

К вечеру мы благополучно добрались до острова, и женщинам не пришлось долго возводить наши хижины. Утром состоялся сбор индейцев, на котором было обнаружено триста пятьдесят бойцов.

В течение дня прибыло каноэ из Детройта с послами, которые пытались убедить индейцев отправиться туда на помощь Понтиаку; но страх теперь был преобладающей страстью. Днем была выставлена охрана, а ночью - дозор, и очень часто поднималась тревога. Если бы появился враг, все пленники были бы преданы смерти; и я подозревал, что как англичанин разделил бы их участь.

Прошло уже несколько дней, когда однажды утром меня охватила непрекращающаяся тревога, и я увидел, что индейцы в замешательстве бегут к берегу. Вскоре я узнал, что в поле зрения появились две большие каноэ из Монреаля.

Все индейские каноэ были немедленно укомплектованы людьми, а каноэ из Монреаля окружены и захвачены, когда они поворачивали к точке, за которой скрывалась флотилия. Товары были переданы некоему мистеру Леви, и их можно было бы спасти, если бы гребцы назвали их французской собственностью; но они были напуганы и ничего не скрывали.

В каноэ находилось большое количество спиртного - опасное приобретение, которое грозило волнениями среди индейцев, вплоть до потери их самых дорогих друзей. Ваватам, всегда заботившийся о моей безопасности, как только услышал шум пьянства, которое вечером не преминуло начаться, рассказал мне об опасности оставаться в деревне и признался, что сам не мог устоять перед искушением присоединиться к своим товарищам в разврате. Поэтому, чтобы я мог избежать всяких неприятностей, он попросил меня сопровождать его на гору, где я должен был оставаться спрятанным до тех пор, пока не будет выпит ликер.

Соответственно, мы поднялись на гору. Именно эта гора образует то возвышение в середине острова, о котором я говорил ранее, поскольку фигура считается напоминающей *черепашу*, и поэтому называется *Мичилимакинак*. Он густо покрыт лесом и очень каменист к вершине. Пройдя более полумили, мы подошли к большой скале, у основания которой было темное отверстие, похожее на вход в пещеру.

Здесь Ваватам посоветовал мне снять жилье и во что бы то ни стало остаться до его возвращения.

Войдя в пещеру, вход в которую был шириной почти в десять футов, я обнаружил, что дальний конец был закруглен по форме, как печь, но с дальнейшим отверстием, слишком маленьким, однако, чтобы его можно было исследовать.

Осмотревшись таким образом вокруг, я наломал с деревьев небольших веток и разложил их как постель; затем завернулся в свое одеяло и проспал до рассвета.

Проснувшись, я почувствовал, что мне мешает какой-то предмет, на котором я лежал; и, сняв его, обнаружил, что это кость. Я предположил, что это принадлежало оленю или какому-то другому животному, и что вполне естественно искать в том месте, где оно находилось; но когда

дневной свет посетил мою комнату, я с некоторым чувством ужаса обнаружил, что лежу ни на чем ином, как на куче человеческих костей и черепов, которые покрывали весь пол!

День прошел без возвращения Ваватама и без еды. С приближением ночи я обнаружил, что не в состоянии встретить темноту в склепе, который, тем не менее, днем я рассматривал без всякого беспокойства. Поэтому я выбрал для ночлега соседний куст и спал под ним, как и прежде; но утром я проснулся голодным и подавленным и почти позавидовал сухим костям, к виду которых я вернулся. Наконец до меня донесся звук шагов, и появился мой индийский друг, принося многочисленные извинения за свое долгое отсутствие, причиной которого было досадное переизбыток спиртного.

Когда этот момент был объяснен, я упомянул о необычном зрелище, представшем в пещере, которой он описал мои сны. Он никогда раньше не слышал о ее существовании; и, осмотрев пещеру вместе, мы увидели основания полагать, что в древности она была заполнена человеческими телами.

Вернувшись в сторожку, я испытал сердечный прием со стороны семьи, которая состояла из жены моего друга, двух его сыновей, из которых старший был женат, и чья жена и тринадцатилетняя дочь завершали список.

Ваватам рассказал другим индейцам о приключении с костями. Все они выразили удивление, услышав это, и заявили, что никогда раньше не знали о содержимом этой пещеры. После посещения его, что они сразу же и сделали, почти каждый высказал свое мнение относительно его истории.

Некоторые утверждали, что в период, когда воды вышли за пределы суши (событие, которое является выдающейся фигурой в истории их мира), жители этого острова бежали в пещеру и там утонули; другие утверждали, что те же самые жители, когда гуроны начали с ними войну (как гласит предание), спрятались в пещере и, будучи обнаруженными, были там убиты. Что касается меня, то я склонен полагать, что эта пещера была древним хранилищем костей пленников, приносимых в жертву и съедаемых на военных пирах. Я всегда замечал, что индейцы уделяют особое внимание костям жертвоприношений, сохраняя их целыми и помещая в какое-нибудь место, предназначенное исключительно для этой цели.

Через несколько дней после описанных выше инцидентов Менехвена, который, как я теперь узнал, был великим вождем деревни Мичилимакинак, пришел в дом моего друга; и когда обычная церемония курения была закончена, он заметил, что теперь ежедневно прибывают индейцы из Детройта, некоторые из которых потеряли родственников или друзей на войне и которые, несомненно, отомстят любому англичанину, которого они встретят; по этой причине его поручением было посоветовать мне одеться как индеец, что позволило бы мне надеяться избежать всех неприятностей. будущее оскорбление.

Я не мог не согласиться на это предложение, и шеф был настолько любезен, что помог моему другу и его семье в тот же день совершить желаемую метаморфозу. Мои волосы были острижены, а голова выбрита, за исключением пятна на темени, примерно вдвое большего диаметра, чем коронка. Мое лицо было раскрашено тремя или четырьмя разными красками; некоторые его части были красными, другие - черными. Мне дали рубашку, выкрашенную киноварью, смешанной с жиром. На мою шею был надет большой ошейник из вампума, а другой висел у меня на груди. Обе мои руки были украшены большими серебряными лентами

выше локтя, кроме нескольких лент поменьше на запястьях; а ноги мои были обуты *вмитасы*, что-то вроде чулок, сшитых, по излюбленной моде, из алой ткани. Поверх всего я должна была надеть алое покрывало или мантию, а на голове - большой пучок перьев. Я расстался, не без некоторого сожаления, с длинными волосами, которые были естественны для меня и которые я считал украшением; но дамы семьи и деревни в целом, по-видимому, сочли, что моя внешность улучшилась, и теперь снисходили до того, чтобы называть меня красивым, даже среди индейцев.

В значительной степени защищенный этой маскировкой, я чувствовал себя более свободным, чем раньше; а поскольку наступил сезон, когда следовало ожидать моих клерков из внутренних районов, и некоторая часть моего имущества, как я имел право надеяться, была возвращена, я попросил Ваватама о милости, чтобы он позволил мне нанести короткий визит в Мичилимакинак. Он не преминул подчиниться, и мне удалось найти своих клерков; но либо из-за беспокойной обстановки в стране, как они представляли дело, либо из-за их неправомерного поведения, как у меня были основания думать, я ничего не добился; и теперь я начал думать, что ничего, или почти ничего, это все, что мне понадобится до конца моей жизни. Ловить рыбу и охотиться, собрать несколько шкурок и обменять их на предметы первой необходимости - вот и все, что мне, казалось, суждено было сделать и приобрести на будущее.

Я вернулся в индейскую деревню, где в то время царила большая нехватка продовольствия. Часто мы по двадцать четыре часа оставались без еды; и когда утром у нас не оставалось провизии на предстоящий день, у нас был обычай мазать лица жиром и древесным углем и демонстрировать, благодаря смирению, такое веселое настроение, как будто мы живем в изобилии.

Однако повторение этого несчастья вскоре побудило нас покинуть остров в поисках пищи; и соответственно мы отправились в бухту Бучитаи, расположенную на расстоянии восьми лиг, где мы нашли много дикой птицы и рыбы.

Находясь в заливе, невестка моего опекуна родила своего первенца. Ее немедленно перевели из общего вигвама, причем из маленького, потому что женщины начали и закончили ее отдельное размещение менее чем за полчаса.

На следующее утро мы услышали, что она очень больна, и семья начала сильно беспокоиться из-за нее; тем более, без сомнения, что случаи тяжелых родов среди индийских женщин очень редки. В таком отчаянии Ваватам попросил меня сопровождать его в лес; и по дороге сообщил мне, что если он сможет найти змею, то вскоре окажет помощь своей невестке.

Добравшись до какой-нибудь влажной земли, мы быстро нашли объект наших поисков в виде маленькой змеи, которая называется подвязочная змея. Ваватам схватил его за шею и, крепко держа, пока оно обвивалось вокруг его руки, он отрубил ему голову, собрав кровь в чашу, которую принес с собой. Покончив с этим, он выбросил змею и отнес домой кровь, которую смешал с небольшим количеством воды. Этой смеси он ввел сначала одну столовую ложку, а вскоре и вторую. В течение часа пациентка благополучно родила прекрасного ребенка; и впоследствии Ваватам заявил, что средство, к которому он прибегнул, никогда не подводило.

На следующий день мы покинули бухту Бучитаи, и молодая мать в приподнятом настроении помогала грузить каноэ, стоя босиком по колено в воде.

Сведения о медицине, болезнях и снадобьях индейцев часто вызывали мое любопытство в тот период, когда я был знаком с этими народами; и я воспользуюсь случаем, чтобы представить несколько подробностей, связанных с их историей.

Индейцы в целом свободны от расстройств; и мне никогда не было известно ни одного случая, чтобы они были подвержены водянке, подагре или камням. Воспаления легких относятся к числу их самых обычных жалоб, а ревматизм - тем более, особенно у пожилых людей. Их образ жизни, при котором они так часто подвергаются воздействию сырости и холода, спят на земле и вдыхают ночной воздух, в достаточной степени объясняет их подверженность этим заболеваниям. Средства, на которые они больше всего полагаются, - это рвотные, катарсические и ланцет, но особенно последнее. Кровотечение - настолько любимая операция среди женщин, что они никогда не упускают случая насладиться ею, независимо от того, больны они или здоровы. Иногда я пускал кровь дюжине женщин за утро, когда они сидели в ряд вдоль поваленного дерева, начиная с первой, вскрывая вену, затем переходя ко второй и так далее, и у трех или четырех человек кровотечение происходило одновременно.

В большинстве деревень, и особенно в Чиппуэйях, от меня требовали этой услуги, и никакие мои уговоры никогда не могли заставить женщину отказаться от нее.

Во всех частях страны и у всех народов, которые я видел, отдельные люди присваивают себе искусство врачевания, но главным образом с помощью мнимого колдовства; и операции такого рода всегда оплачиваются подарком, сделанным до их начала. Действительно, какими бы ни были недостатки оператора-самозванца, о его награде, как правило, можно сказать, что она честно заработана физическим трудом.

Однажды я присутствовал на подобном представлении, в котором пациенткой была девочка примерно двенадцати лет. Несколько старших вождей были приглашены на место происшествия; такой же комплимент был сделан и мне в связи с моим врачебным мастерством, за которое мне было приятно отдать должное.

Врач (так его звали) сел на землю; а перед ним, на новом пуховом одеяле, был поставлен таз с водой, в котором лежали три косточки, самые крупные, как мне показалось, из лебединого крыла. В руке у него была *шишикуа*, или погремушка, которой он отбивал такт своей *лекарской песни*. Больной ребенок лежал на одеяле рядом с врачом, у нее, по-видимому, была сильная лихорадка и сильное угнетение легких, дыхание было затрудненным, и проявлялись симптомы последней стадии чахотки.

Попев некоторое время, врач вынул одну из костей из таза: кость была полый; приложив один конец к груди пациента, он засунул другой ему в рот, чтобы устранить заболевание путем отсасывания. Упорствовав в этом столько, сколько считал нужным, он вдруг, казалось, засунул кость в рот и проглотил ее. Теперь он разыгрывал роль человека, испытывающего сильную боль; но вскоре, почувствовав облегчение, он произнес длинную речь, а после этого вернулся к пению под аккомпанемент своей погремушки. Последним во время своей песни он бил себя по голове, груди, бокам и спине, одновременно напрягаясь, как будто хотел вырвать кость.

Отказавшись от этой попытки, он принялся сосать во второй раз, причем второй из трех костей; и ее он тоже вскоре, казалось, проглотил.

После ее исчезновения он начал корчиться самым ужасным образом, используя все жесты, которые могли передать идею боли; наконец ему удалось, или он притворился, что удалось, подбросить одну из костей. Ее раздали зрителям и тщательно исследовали; но ничего примечательного обнаружить не удалось. После этого он вернулся к своей песне и погремушке; и через некоторое время подбросил вторую из двух костей. В этом углублении врач при осмотре обнаружил и продемонстрировал всем присутствующим небольшое белое вещество, напоминающее кусочек гусиного пера. Это заболевание передавалось по всей компании от одного к другому, и врач объявил, что именно оно вызывает расстройство у его пациента.

Многие верят, что эти врачи, которых французы называют *жонглерами*, или жонглерами, могут как вызывать, так и устранять расстройства. Они верят, что, рисуя фигуру любого человека на песке, пепле или на глине, или рассматривая любой объект как фигуру человека, а затем протыкая его острой палкой или другим веществом, или делая любым другим способом то, что может причинить боль или увечье живому телу, изображаемый или предполагаемый изображаемый человек будет соответственно страдать. С другой стороны, когда вред причинен, другой врач с такими же претензиями может удалить его путем отсасывания. К сожалению, однако, операции, которые я описал, не увенчались успехом в упомянутом случае, поскольку на следующий день после того, как они были проведены, девушка умерла.

Что касается телесных ран, то индейцы, несомненно, производят удивительные излечения. Здесь, как и выше, происходит много фантастического; но успех их практики свидетельствует о чем-то солидном.

В Су-де-Сент-Мари я знал человека, который в результате ссоры получил удар топором в бок. Удар был так силен, а топор вонзился так глубоко, что негодяй, державший его, не смог вытащить его, но оставил в ране и убежал. Вскоре после этого мужчина был найден и доставлен в форт, где несколько других индейцев пришли ему на помощь. Среди них один, который был врачом, немедленно удалился, чтобы принести свой *пенекусан*, или аптечку, с которой вскоре вернулся. Глаза страдальца были неподвижны, зубы сжаты, и его положение, по-видимому, было отчаянным.

Врач достал из своей сумки небольшой кусочек очень белого вещества, похожего на кость; он размешал его в небольшом количестве воды и, раздвинув палочкой челюсти пациента, влил смесь ему в горло. За этим последовало то, что за очень короткий промежуток времени раненый мужчина повел глазами, и его начало рвать, вырвало небольшой комочек свернувшейся крови.

Врач сейчас, а не раньше, осмотрел рану, из которой, как я мог видеть, выходило дыхание и от которой зависала часть сальника. Врач не стал возвращать его на место, а, отрезав, измельчил на мелкие кусочки и заставил своего пациента проглотить их.

Затем этого человека отнесли в его домик, где я навещал его ежедневно. На шестой день он уже мог ходить, а через месяц совсем поправился, если не считать того, что его беспокоил кашель. Через двадцать лет после своего несчастья он все еще был жив.

Другой мужчина, находясь на своем зимовье вдали от дома и охотясь на бобров, пересекал озеро, покрытое гладким льдом, с двумя бобрами на спине, когда его нога поскользнулась, и он упал. Сбоку, на поясе, висел его топор, лезвие которого пришлось по суставу его запястья; и из-за того, что вес его тела пришелся на лезвие, его кисть была полностью отделена от предплечья, за исключением небольшого кусочка кожи. Ему пришлось пройти пешком три мили до своего

домика, который находился так далеко. Кожу, которая единственная удерживала его кисть на месте, он рассек тем же топором, которым разделался с остальным; к счастью, на нем была рубашка, он снял ее, разорвал и сделал прочную перевязку выше запястья, чтобы в какой-то мере избежать потери крови. Придя в свой вигвам, он сам вылечил рану, просто используя простые лекарства. Я был свидетелем ее совершенного заживления.

Я уже говорил, что предполагается, что эти врачи, фокусники или практикующие мнимое колдовство способны вызывать болезни; и я могу добавить, что иногда они сами страдают от этого. В одном случае я видел, как один из них был убит человеком, который обвинил его в том, что он довел своего брата до смерти с помощью вредоносных искусств. Обвинитель в ярости вонзил свой нож в живот обвиняемого и вспорол его. Последний подхватил свои внутренности на руки и таким образом направился к своему вигваму, время от времени подбирая их, когда они вырывались из его хватки. Его хижина находилась недалеко, и он добрался до нее живым и умер в ней.

Наш следующий лагерь был на острове Сен-Мартен, недалеко от мыса Сен-Игнас, названного так в честь иезуитской миссии Святого Игнатия при гурунах, ранее основанной там. Нашей целью было половить осетра, что мы и сделали с большим успехом; и здесь, наслаждаясь обильным и превосходным запасом пищи, мы оставались до двадцатого дня августа. В это время, когда приближалась осень и открывалась верная перспектива усиления безопасности от враждебных индейцев, Ваватам предложил отправиться к предполагаемому месту зимовки. Это переселение было предметом величайшей радости для меня из-за частых оскорблений, с которыми мне все еще приходилось мириться, со стороны индейцев из нашего отряда или деревни, и, чтобы спастись от которых, я охотно отправился бы почти куда угодно. На нашем зимовье мы должны были быть одни, ибо индейские семьи в странах, о которых я пишу, зимой расходятся как для удобства, так и для пропитания, а также для охоты, и воссоединяются весной и летом.

При подготовке нашим первым делом было отплытие в Мичилимакинак, куда, прибыв, мы приобрели у канадского торговца в кредит кое-какие мелочи, а также боеприпасы и два бушеля кукурузы. Покончив с этим, мы направились прямо к озеру Мичиган. Однажды мы остановились в Л'Арбр-Кроше, чтобы навестить оттавов, где все жители, и особенно Окиночумаки, вождь племени, тот самый, который забрал меня у Чиппевеев, вели себя с большой вежливостью и добротой. Вождь подарил мне мешок кукурузы. Следует помнить, что именно оттава выращивают это зерно для рынка Мичилимакинака.

Покинув Л'Арбр-Крош, мы направились прямо к устью реки О-Сабль, расположенной на южной стороне озера и удаленной примерно на сто пятьдесят миль от форта Мичилимакинак. Во время нашего путешествия мы миновали несколько глубоких заливов и рек, и я обнаружил, что берега озера состоят из одних песков, без малейшего намека на зелень; песок перекачивается с одного холма на другой, как снег зимой. Следовательно, все реки, которые здесь впадают в озеро, в такой же степени заслуживают эпитета *песчаные*, как и та, к которой мы были привязаны. Их также отличает еще одна особенность, всегда наблюдаемая в подобных ситуациях. Течение ручья, встречаемое при встречном ветре волнами озера, отбрасывается назад, и в то же время прибрежный песок смывается в его устье. Вследствие этого река способна протолкнуться в озеро, ширина которого зависит только от ее предельной силы; в то

время как за песчаными отмелями она вырывает для себя котловину в одну, две или три мили в поперечнике. В этих реках мы убили много дикой птицы и бобров.

Чтобы добыть бобра, мы обычно поднимались на несколько миль вверх по реке до наступления ночи, а после того, как наступали сумерки, позволяли каноэ мягко, бесшумно дрейфовать по течению. Бобры в эту часть вечера выходят за пределы острова, чтобы раздобыть пищу или материалы для ремонта своих жилищ; и так как каноэ их не пугает, они часто проходят мимо него на расстоянии ружейного выстрела.

Пока мы таким образом охотились по пути, я наслаждался личной свободой, которой был долгое время лишен, и стал таким же знатоком индейских занятий, как и сами индейцы.

Войдя в реку О-Сабль, Ваватам взял собаку, связал ей лапы вместе и бросил в ручей, одновременно произнося длинную молитву, которую он адресовал Великому Духу, прося его благословения на охоту и помощи в поддержании семьи во время опасностей долгой зимы. Наш домик находился в пятнадцати милях выше устья ручья. Основными животными, которых добывала страна, были олень, или благородный олень, обыкновенный американский олень, медведь, енот, бобр и куница.

Бобр питается преимущественно молодой древесиной березы, осины и тополя (*populus nigra*, называемой канадцами *лиардом*), но в случае их отсутствия - любым другим деревом, за исключением сосны и ели. Эти последние он использует только для строительства плотин и домов. На обширных лугах, где нет леса, для всех своих целей он прибегает к корням камыша и водяной лилии. Он потребляет большое количество пищи, будь то корни или древесина, и поэтому часто сводится к необходимости переселения в новое место. Его дом имеет арочную куполообразную крышу эллиптической формы и возвышается на три-четыре фута над поверхностью воды. Он всегда полностью окружен водой; но на прилегающих берегах животное устраивает норы или *подмывы*, вход в которые находится ниже поверхности и в которые оно убегает при первой тревоге.

Самка бобра обычно производит на свет двух детенышей одновременно, но нередко и больше. В течение первого года детеныши остаются со своими родителями. Во втором они занимают соседнюю квартиру и помогают в строительстве и добывании пищи. В два года они расходятся и строят свои собственные дома, но часто довольно долго бродят по округе, прежде чем остановиться на каком-нибудь месте. Есть бобры, которых индейцы называют *старыми холостяками*, которые живут сами по себе, не строят домов и не работают на плотинах, а прячутся в норах. Обычный метод ловли их - ловушки, сделанные из железа или бревен, с приманкой из веток тополя.

По словам индейцев, бобр очень ревнив. Если к хижине приближается незнакомый самец, немедленно завязывается драка. При этом самка остается безучастным наблюдателем, ей безразлично, к какой стороне может быть отнесен закон завоевания. Среди бобров, которых мы убили, те, кто был со мной, делали вид, что демонстрируют этот факт; на некоторых шкурах самцов и почти на всех шкурах старших особей были следы насилия, в то время как на шкурах самок их никогда не было видно. Индейцы добавляют, что самец столь же постоянен, сколь и ревнив, никогда не привязываясь более чем к одной самке; в то время как самка, со своей стороны, всегда любит незнакомцев.

Самый распространенный способ добычи бобра - это разрушение его жилища с помощью инструментов для рытья траншей зимой, когда лед достаточно крепкий, чтобы к нему можно было подойти, и когда мех находится в наиболее ценном состоянии.

Однако разрушение дома - это лишь подготовительный шаг. Во время этой операции семья убегает в одну или несколько своих *прачечных*. Их можно обнаружить, пробивая лед вдоль берега, и там, где есть лунки, раздается глухой звук. После тщетных поисков многих из них мы часто находили всю семью вместе на одной отмели. Время от времени меня учили отличать полную раковину от пустой по движению воды над ее входом, вызванному дыханием спрятавшихся в ней животных. Из водоемов их приходится вытаскивать руками; и при этом охотник иногда получает серьезные раны от их зубов. Будучи охотником, я думал, что мясо бобра у индейцев очень вкусное; но после того, как мясо быка снова оказалось в пределах моей досягаемости, я не смог отведать его. Хвост считается роскошным лакомством.

Бобры, говорят индейцы, были некогда народом, наделенным речью не в меньшей степени, чем другими благородными способностями, которыми они обладают; но Великий Дух отнял у них это, чтобы они не превзошли человечество в понимании.

Енот был еще одним объектом нашей охоты. У меня вошло в привычку выходить вечером с собаками в сопровождении младшего сына моего опекуна охотиться на это животное. Енот никогда не покидает своего укрытия до заката.

Как только собака натывается на свежий след енота, она подает знак криком и немедленно преследует его. Его лай позволяет охотнику следовать за ней. Енот, который движется медленно и которого вскоре настигают, направляется к дереву, на котором остается до тех пор, пока его не подстрелят.

После выпадения снега для поимки енота больше ничего не требуется, кроме как идти по следу его лап. В это время года он редко покидает свое жилище и никогда не запасается пищей. Я нашел шестерых одновременно в дупле одного дерева, лежащих друг на друге и почти в оцепенелом состоянии. Более чем в одном случае я убедился, что они прожили шесть недель без пищи. Мышь - их основная добыча.

Охота на енотов была моим более частым и повседневным занятием. Обычно я уходил на рассвете и редко возвращался до захода солнца или пока не навьючивал на себя столько животных, сколько мог унести. Постепенно я свыкся с таким образом жизни; и если бы не мысль, от которой я не мог избавиться, что живу среди дикарей, и не слабая надежда, что однажды я освобожусь от нее, или если бы я мог забыть, что когда-то был не таким, каким был тогда, — я мог бы наслаждаться таким же счастьем в этой ситуации, как и в любой другой.

Однажды вечером, вернувшись с охоты, я обнаружил, что костер потушен, а отверстие в крыше вигвама закрыто шкурами; таким образом, было максимально исключено попадание внешнего света. Далее я заметил, что зола из очага была убрана, а на том месте, где она была, посыпан сухой песок. Вскоре после этого вне хижины, на открытом воздухе, развели костер и подвесили над ним чайник для кипячения.

Теперь я предположил, что готовится пир. Я только предположил это, потому что было бы неприлично допытываться о значении того, что я увидел. Ни один человек среди самих

индейцев не воспользовался бы такой свободой. Хорошее воспитание требует, чтобы зритель терпеливо ждал результата.

Как только наступила ночная тьма, всю семью, включая меня, пригласили в сторожку. Теперь меня попросили ничего не говорить, поскольку вот-вот должен был состояться пир в честь умерших, чьи души наслаждались непрерывным молчанием.

Когда мы вошли, каждому подали его деревянную тарелку и ложку, после чего мы сели. Затем дверь захлопнулась, и мы остались в полной темноте.

Хозяин семьи был хозяином пира. Все еще находясь в темноте, он попросил у каждого по очереди его блюдо и положил в каждое по два вареных початка кукурузы. Когда все было обслужено, он начал говорить. В своей речи, длившейся полчаса, он называл имена своих умерших родственников и друзей, умоляя их присутствовать, помочь ему в охоте и отведать еды, которую он приготовил для них. Когда он закончил, мы приступили к поеданию кукурузы, что проделали без шума, если не считать того, что производили наши зубы. Кукуруза не разварилась и наполовину, и мне потребовался час, чтобы съесть свою порцию. Меня попросили не ломать шипы, [початки,] так как это было бы неприятно духам ушедших из жизни их друзей.

Когда все было съедено, Ваватам произнес еще одну речь, которой церемония завершилась. Был разожжен новый костер со свежими искрами из кремня и стали; после того как трубки были раскурены, шипы были тщательно зарыты в яму, специально проделанную в земле внутри вигвама. Покончив с этим, вся семья начала танцевать, петь Ваватам и бить в барабан. Танцы продолжались большую часть ночи, к большому удовольствию вигвама. Праздничная ночь пришлась на первый день ноября.

Двадцатого декабря мы подсчитали добычу, добытую на нашей охоте, и обнаружили, что у нас было сто бобровых шкур, столько же енотов и большое количество вяленой оленины; все это было спасено от волков, когда мы поместили его на помост.

Было решено отправиться на охоту в глубь страны, и рано утром следующего дня женщины составили узлы, которые должны были нести каждый. Я заметил, что узел, который дали мне, был самым легким, а те, что несли женщины, - самыми большими и тяжелыми из всего.

В первый день нашего марша мы продвинулись примерно на двадцать миль, а затем разбили лагерь. Из-за некоторой усталости я не мог охотиться; но Ваватам убил оленя недалеко от нашего лагеря. На следующее утро мы перенесли наш вигвам к туше. На этой станции мы оставались два дня, занятые сушкой мяса. Метод состоял в том, чтобы нарезать его ломтиками толщиной со стейк, а затем подвесить над огнем в дыму. На третий день мы снялись с места и маршировали до двух часов дня.

Пока женщины возились со строительством и подготовкой шалашей, я взял ружье и ушел, сказав Ваватам, что собираюсь поискать свежего мяса на ужин. Он ответил, что сделает то же самое, и с этими словами мы оба покинули лагерь в разных направлениях.

Так как было видно солнце, я не боялся сбиться с пути; но, идя по нескольким звериным следам, в мгновенной надежде наткнуться на дичь, я отошел на значительное расстояние и только перед заходом солнца подумал о возвращении. Небо тоже затянулось тучами, и поэтому я

остался без солнца в качестве проводника. В этой ситуации я шел так быстро, как только мог, все время полагая, что приближаюсь к нашему лагерю, пока, наконец, не стало так темно, что я побежал к деревьям.

Я убедился, что заблудился; и меня встревожила мысль о том, что я нахожусь в совершенно незнакомой мне стране и мне угрожает опасность со стороны незнакомых индейцев. С помощью кремня из моего ружья я развел костер, а затем лег спать. Ночью шел сильный дождь. Я проснулся замерзшим и мокрым; и как только забрезжил свет, я возобновил свое путешествие, иногда идя, иногда бегом, не зная, куда идти, сбитый с толку и похожий на сумасшедшего.

Ближе к вечеру я добрался до берега большого озера, противоположный берег которого едва можно было разглядеть. Я никогда не слышал об озере в этой части страны и поэтому чувствовал себя еще дальше, чем когда-либо, от объекта моих поисков. Отступить назад казалось мне наиболее вероятным способом спастись; и я, соответственно, решил отвернуться прямо от озера и держаться этого направления как можно ближе.

Пошел сильный снегопад, и вскоре наступила ночь. На этом я остановился, развел костер и, сняв с дерева слой коры, лег под ним, чтобы укрыться от снега. Всю ночь, на небольшом расстоянии, вокруг выли волки, и мне казалось, что они были знакомы с моим несчастьем.

Среди самых отвлеченных мыслей я смог наконец заснуть; но прошло совсем немного времени, прежде чем я проснулся, отдохнувший и удивленный ужасом, которому я поддался. То, что я действительно мог нуждаться в средствах восстановить свой путь, казалось мне почти невероятным, и воспоминание об этом походило на сон или на обстоятельство, которое, должно быть, произошло от потери моих чувств. Если бы этого не произошло, я бы никогда, как я теперь думал, не страдал так долго, не вспоминая уроки, которые я получил от моего индийского друга, именно для того, чтобы быть полезным себе в трудностях такого рода. Они заключались в том, что, вообще говоря, верхушки сосен склоняются в сторону восхода солнца; что мох растет у корней деревьев на стороне, обращенной к северу; и что ветвей у деревьев больше всего на той стороне, которая обращена к югу.

Решив ориентироваться по этим отметкам и убедившись, что таким образом я рано или поздно достигну озера Мичиган, до которого, по моим расчетам, было около шестидесяти миль, я начал свой марш на рассвете. Я не принимал и не желал принимать никакой пищи с тех пор, как покинул лагерь; у меня было с собой ружье и боеприпасы, и поэтому я не беспокоился о еде. Снег лежал примерно на полфута глубиной.

Теперь мой взгляд был прикован к деревьям. Когда их верхушки наклонялись в разные стороны, я смотрел на мох или на ветви; и, соединяя одно с другим, я находил средство путешествовать с некоторой степенью уверенности. В четыре часа пополудни солнце, к моей невыразимой радости, выглянуло из-за облаков, и у меня больше не было необходимости разглядывать деревья.

Спускаясь по склону высокого холма, я увидел приближающееся стадо благородных оленей. Желая убить одного из них для пропитания, я спрятался в кустах и, когда приблизился крупный зверь, протянул ему свое ружье, которое не загорелось из-за того, что затравка была намочена. Животные шли, не проявляя ни малейшей тревоги; и, перезарядив ружье, я последовал за ними и представился во второй раз. Но теперь меня постигла беда самого тяжелого рода, ибо,

попытавшись выстрелить, я обнаружил, что потерял курок. Перед этим я потерял винт, которым он крепился к замку; и чтобы он тоже не потерялся, я привязал его на прежнее место кожаным шнурком. Замок, чтобы он не зацепился за ветки, я носил под своим мольтоновым пальто.

Из всех страданий, которые я испытал, это казалось мне самым тяжелым. Я был в незнакомой стране и не знал, как далеко мне предстоит зайти. Я три дня был без пищи; у меня не было средств добыть себе ни пищи, ни огня. Отчаяние почти овладело мной; но вскоре я отдал себя в руки Провидения, рука которого так часто спасала меня, и вернулся по своему следу в поисках того, что я потерял. Мои поиски оказались тщетными, и я продолжил свой путь, мокрый, замерзший, голодный и почти без одежды.

Солнце быстро садилось, когда я спустился с холма, у подножия которого было небольшое озеро, полностью замерзшее. Подойдя ближе, я увидел посредине бобровую хижину, предлагавшую слабую надежду на пропитание; но я обнаружил, что она уже разрушена. Пока я смотрел на это, мне вдруг пришло в голову, что я видел это раньше; и, окинув взглядом это место, я обнаружил небольшое деревце, которое я сам срубил осенью, когда вместе со своими друзьями добывал бобра. Я больше не терялся, но знал и расстояние, и маршрут к лагерю. Последнее заключалось всего лишь в том, чтобы следовать по течению небольшого ручейка, который бежал от лагеря к озеру, на берегу которого я стоял. Час назад я считал себя самым несчастным из людей, а теперь я прыгал от радости и называл себя самым счастливым.

Всю ночь и весь последующий день я шел вверх по ручью и на закате добрался до лагеря, где я был встречен с самыми теплыми выражениями радости семьей, которая сочла меня пропавшим после долгих и тщетных поисков в лесу.

Прошло несколько дней, в течение которых я отдыхал и набирался сил; после этого я возобновил погоню, уверенный, что, поскольку выпал снег, я всегда смогу вернуться тем же путем, каким шел.

В течение января месяца я случайно заметил, что ствол большой сосны был сильно изодран когтями медведя, нанесенными как при подъеме, так и при спуске. При дальнейшем осмотре я увидел, что в верхней части было большое отверстие, возле которого были сломаны более мелкие ветви. Судя по этим следам, а также по тому дополнительному обстоятельству, что на снегу не было следов, были основания полагать, что на дереве прятался медведь.

Вернувшись в сторожку, я сообщил о своем открытии; и было решено, что утром вся семья отправится вместе, чтобы помочь срубить дерево, обхват которого был не менее трех саженей. Женщины сначала воспротивились этому предприятию, потому что наши топоры, весившие всего полтора фунта, не были приспособлены для такой тяжелой работы; но надежда найти крупного медведя и получить из его жира большое количество масла, предмета, в котором в то время очень нуждались, в конце концов восторжествовала.

Соответственно, утром мы окружили дерево, как мужчины, так и женщины, по столько человек за раз, сколько могли удобно работать на нем; и здесь мы трудились, как бобры, до захода солнца. За этот день мы проделали примерно половину пути по стволу, а на следующее утро возобновили атаку, продолжая ее примерно до двух часов дня, когда дерево упало на землю. В течение нескольких минут все оставалось тихо, и я испугался, что все наши ожидания были обмануты; но когда я приблизился к отверстию, оттуда, к великому удовлетворению всей нашей

компании, вышла медведица необычайных размеров, которую я застрелил, прежде чем она прошла несколько ярдов.

Медведь был мертв, и все мои помощники подошли к нему, и все, но в особенности моя старая мать (как я привык называть ее), обхватили голову руками, несколько раз погладили и поцеловали ее; прося тысячу извинений за то, что отняли у нее жизнь; называя ее своей родственницей и бабушкой; и прося ее не возлагать вину на них, поскольку на самом деле ее убил англичанин.

Эта церемония длилась недолго; и если это я убил их бабушку, то они сами не остались в стороне от того, что еще предстояло совершить. Сняв кожу, мы обнаружили жир в нескольких местах глубиной в шесть дюймов. Поскольку он был разделен на две части, то нагрузил двух человек; а кусков мяса было столько, сколько могли унести четыре человека; В общей сложности туша весила, должно быть, более пятисот фунтов.

Как только мы добрались до сторожки, голова медведя была украшена всеми безделушками, имевшимися у семьи, такими как серебряные повязки на руки и запястья, а также пояса из вампума, а затем водружена на помост, установленный для ее приема внутри сторожки. Возле носа было насыпано большое количество табака.

Не успело наступить следующее утро, как начались приготовления к пиршеству для грив. Вигвам был вымыт и подметен, голова медведя приподнялась, и под ней расстелили новое шерстяное одеяло, которым раньше никогда не пользовались. Теперь трубки были раскурены, и Ваватам выпустил табачный дым в ноздри медведицы, велел мне сделать то же самое и таким образом успокоить гнев медведицы из-за того, что я убил ее. Я попытался убедить моего благодетеля и дружеского советчика, что у нее больше нет никакой жизни, и заверил его, что я не опасаюсь ее недовольства; но первое предложение не вызвало доверия, а второе принесло лишь небольшое удовлетворение.

Наконец, когда пир был готов, Ваватам начал речь, во многом напоминающую его обращение к гривам своих родственников и ушедших товарищей; но имеющую ту особенность, что здесь он сожалел о необходимости, в силу которой люди трудились таким образом, чтобы уничтожить своих друзей. Однако он утверждал, что несчастье было неизбежным, поскольку без этого они ни в коем случае не могли существовать. Речь закончилась, мы все от души поели медвежьего мяса; и даже самую голову, после трех дней пребывания на эшафоте, положили в котел.

Только медведица устраивает свои зимние жилища в верхних частях деревьев - практика, с помощью которой молодняк защищен от нападений волков и других животных. Она приносит потомство зимой и остается в своем домике до тех пор, пока детеныши не наберутся немного сил.

Самец всегда прячется в земле, под корнями деревьев. Он перебирается в это жилище, как только выпадает снег, и остается там до тех пор, пока он не сойдет. Индейцы отмечают, что медведь выходит весной с тем же жиром, который он набрал осенью, но после нескольких дней упражнений становится тощим. За исключением короткой части сезона, самец постоянно живет один.

Жир нашего медведя был растоплен, и масло залило шесть шкурок дикобраза. Часть мяса нарезали соломкой и подсушили на огне, после чего переложили в емкости с маслом, где оно прекрасно сохранялось до середины лета.

Февраль в стране и среди людей, где и среди которых я был, называется Месяцем Твердого или Покрытого Коркой снега; ибо сейчас снег может нести человека или, по крайней мере, собак, преследующих животных на охоте. В это время года на оленя очень успешно охотятся, его лапы проваливаются на каждом шагу, а снежная корка режет его ноги своими острыми краями до самой кости. Следовательно, в таком бедственном положении он становится легкой добычей; и часто случалось, что мы убивали двенадцать человек за короткий промежуток в два часа. Таким образом, мы вскоре получили в свое распоряжение четыре тысячи килограммов вяленой оленины, которую должны были нести на спине вместе со всем остальным нашим богатством семьдесят миль - расстояние нашего лагеря от той части берега озера, где осенью мы оставили наши каноэ. Это путешествие было нашим следующим заданием.

Наша оленина, меха и шкурки должны были быть утилизированы в Мичилимакинаке, и сейчас было самое время вывозить их на рынок. Поэтому женщины приготовили наши пожитки; и когда наступило утро отъезда, мы отправились в путь на рассвете и продолжали наш марш до двух часов дня. Там, где мы остановились, мы соорудили помост, на который сложили привезенные с собой узлы, и вернулись в наш лагерь, до которого добрались вечером. Утром мы привезли свежие грузы, которые были сданы на хранение вместе с остальными, и вечером вернулись во второй раз. Мы повторяли это до тех пор, пока все не было отправлено в один этап. Затем, перенеся наш вигвам на место стоянки, мы с тем же терпеливым трудом перенесли наши пожитки во второй этап; и так далее, пока не оказались недалеко от берегов озера.

Прибыв сюда, мы обратили наше внимание на производство сахара, управление которым, как я уже говорил, принадлежит женщинам, а мужчины рубят дрова для костров, занимаются охотой и рыбной ловлей. В разгар этого к нам присоединились несколько вигвамов индейцев, большинство из которых были из той семьи, к которой я принадлежал, и зимовали неподалеку от нас. Земли принадлежали этой семье, и поэтому она имела исключительное право охотиться на них. Это соответствует обычаю народа; у каждой семьи есть свои собственные земли. Все люди относились ко мне очень вежливо.

Наше общество ненадолго расширилось благодаря приезду наших друзей, когда произошло несчастье, наполнившее всю деревню тревогой и печалью. Маленький ребенок, принадлежащий одному из наших соседей, упал в котел с кипящим сиропом. Его немедленно вытащили, но без особой надежды на его выздоровление.

Однако до тех пор, пока оно жило, наблюдался непрерывный праздник; и это было сделано в честь Великого Духа и Учителя Жизни, чтобы он был доволен спасением и исцелением ребенка. На этом пиршестве я был постоянным гостем и часто испытывал трудности с употреблением в пищу большого количества еды, которую в таких случаях кладут на блюдо каждому мужчине. Индейцы приучают себя как много есть, так и много поститься с легкостью.

Также было принесено несколько жертвоприношений, среди которых были собаки, убитые и повешенные на верхушках шестов, с добавлением плащевых одеял и других предметов. Они также были даны Великому Духу в смиренной надежде, что он придаст действенность применяемым лекарствам.

Ребенок умер. Чтобы уберечь тело от волков, его поместили на эшафот, где оно оставалось до тех пор, пока мы не отправились к озеру, на берегу которого находилось место захоронения семьи.

Когда мы приехали туда, что произошло в начале апреля, я не преминул присутствовать на похоронах. Могила была сделана большого размера, а вся внутренняя сторона выстлана берестой. На кору было положено тело ребенка вместе с топором, парой снегоступов, маленьким чайником, несколькими парами обычной обуви, его собственными нитками бус, а поскольку это была девочка, ремнем для переноски и веслом. Котел был наполнен мясом.

Все это было снова покрыто корой; и примерно на два фута ближе к поверхности поперек были уложены бревна, и они снова были покрыты корой, чтобы земля ни в коем случае не попала на труп.

Последним действием перед похоронами, совершаемым матерью, оплакивающей мертвое тело своего ребенка, было то, что она брала с него прядь волос на память. Пока она делала это, я пытался утешить ее, приводя обычные аргументы: что ребенок счастлив, избавившись от страданий этой настоящей жизни, и что ей следует воздержаться от горя, потому что оно будет возвращено ей в другом мире, счастливом и вечном. Она ответила, что знает это и что по пряди волос она узнает свою дочь, потому что заберет ее с собой. В этом она намекала на тот день, когда чья-нибудь благочестивая рука положит в ее собственную могилу вместе с поясом для переноски и веслом эту маленькую реликвию, освященную материнскими слезами.

Я часто интересовался идеями и мнениями индейцев относительно будущего и всегда обнаруживал, что они несколько различаются у разных людей.

Некоторые полагают, что их души остаются в этом мире, хотя и невидимы для человеческих глаз, и сами способны видеть и слышать своих друзей, а также помогать им в минуты горя и опасности. Другие устраняют со сцены смертных невоплощенный дух и отправляют его в далекий мир или страну, где он получает награду или наказание в соответствии с той жизнью, которую он вел в своем предыдущем состоянии. Те, кто жил добродетельно, переносятся в место, изобилующее всяческой роскошью, с оленями и всеми другими животными леса и воды, и где земля производит, в их величайшем совершенстве, все свои самые сладкие плоды. В то время как, с другой стороны, те, кто нарушил или пренебрег обязанностями этой жизни, удаляются на бесплодную почву, где они бродят взад и вперед, среди камней и трясин, и их кусают мошки размером с голубя.

Пока мы оставались на берегу озера, каждую ночь выставлялась стража в ожидании скорого нападения англичан, которые, как ожидалось, отомстят за резню при Мичилимакинаке. Непосредственным основанием для этого опасения были постоянные сны на этот счет у женщин более старшего возраста. Я пытался убедить их, что ничего подобного не произойдет, но их страхи было не унять.

Среди этих тревог пришло сообщение о реальном, хотя и менее грозном противнике, обнаруженном по соседству с нами. Это была пантера, которую видел один из наших молодых людей и которая иногда нападает на индейских детей и уносит их с собой. Наш лагерь немедленно был поднят по тревоге, и мы отправились в лес, числом около двадцати человек. Мы прошли не более мили, когда собаки обнаружили пантеру и преследовали ее до дерева, на котором она была застрелена. Она была крупного размера.

Двадцать пятого апреля мы отплыли в Мичилимакинак. На Ла Гранде Траверс мы встретили большой отряд индейцев, которые, по-видимому, трудились, как и мы, в сильной тревоге и которые не осмеливались идти дальше, опасаясь быть уничтоженными англичанами. Часто проводились советы объединенных банд; и мне постоянно задавали вопросы относительно того, знал ли я о каком-либо намерении напасть на них. Я обнаружил, что они верили, что я могу предвидеть события и получать информацию из снов обо всем, что происходит на расстоянии.

Заявления о моем невежестве были восприняты без особого удовлетворения и навлекли подозрение в намерении скрыть мои знания. Поэтому по этой причине или потому, что я видел, как их терзали страхи, которые не имели под собой ничего, кроме воображения, я наконец сказал им, что, как мне известно, здесь нет врага, который мог бы их оскорбить, и что они могут проследовать в Мичилимакинак, не подвергаясь опасности со стороны англичан. Далее я с большей уверенностью заявил, что, если когда-нибудь мои соотечественники вернутся в Мичилимакинак, я буду рекомендовать их в их пользу из-за хорошего обращения, которое я получил от них. Ободренные таким образом, они рано утром следующего дня погрузились на корабль. Пересекая залив, мы попали в грозу с громом и молниями.

Нашим портом была деревня Л'Арбр-Крош, до которой мы благополучно добрались и где пробыли до следующего дня. В этой деревне мы нашли нескольких человек, которые недавно были в Мичилимакинаке, и от них мы с удовлетворением узнали, что там все спокойно. Таким образом, оставшаяся часть нашего путешествия была проделана с уверенностью.

Вечером двадцать седьмого мы высадились в форте, где теперь находились только два французских торговца. Индейцев, прибывших до нас, было очень мало, и все, кто был в нашем отряде, относились ко мне очень доброжелательно. У меня была полная свобода как в форте, так и в лагере.

Мы с Ваватамом рассчитались с нашими запасами и выплатили долги; и, сделав это, я обнаружил, что моя доля из того, что осталось, состояла из ста шкурок бобра, шестидесяти шкурок енота и шести шкурок выдры общей стоимостью около ста шестидесяти долларов. На эти деньги, заработанные моим зимним трудом, я намеревался купить одежду, в которой очень нуждался, так как шесть месяцев был без рубашки; но, осведомившись о ценах на товары, я обнаружил, что на всех моих средствах далеко не уедешь. Однако мне удалось купить две рубашки по десять фунтов бобра каждая; пару *легинсов*, или панталон, из алого сукна, которые вместе с лентой для *ихмодной* отделки обошлись мне в пятнадцать фунтов бобра; одеяло - в двадцать фунтов бобра; и некоторые другие вещи по соответствующей цене. Таким образом, мое богатство вскоре уменьшилось; но не раньше, чем я заполнил хороший запас патронов и табака. К использованию последнего я сильно привязался за зиму. Это было моим главным развлечением после возвращения с охоты, ибо мои товарищи по вигваму не привыкли проводить время в беседах. Среди индейцев тем для разговоров очень мало, и они по большей части сводятся к событиям дня, количеству убитых ими животных и тех, которые ускользнули от их преследования, а также к другим случаям охоты. В самом деле, причины молчаливости среди индейцев могут быть легко поняты, если мы примем во внимание, сколько случаев общения, которые представляются нам, им совершенно неизвестны: исторические свидетельства, занятия наукой, философские изыскания, политические системы, повседневные дела и развлечения, а также события в четырех концах света.

Прошло восемь дней в спокойствии, когда из залива Сагеном прибыл отряд индейцев. Они участвовали в осаде Детройта и приехали, чтобы набрать для этой службы как можно больше новобранцев. Что касается меня, то вскоре мне сообщили, что, поскольку я был единственным англичанином в этом заведении, они предложили убить меня, чтобы угостить своих друзей английским бульоном для поднятия их храбрости.

Это известие было не из самых приятных, и, получив его, я попросил моего друга отвезти меня в Саул-де-Сент-Мари, где, как я знал, индейцы настроены миролюбиво и что господин Кадотт пользуется сильным влиянием на их поведение. Они считали господина Кадотта своим начальником, а он был не только моим другом, но и другом англичан. Именно из-за него Чиппуэи с озера Верхнее не смогли присоединиться к Pontiac.

Ваватам не замедлил приложить все усилия для моего спасения, но, покинув ночью Мичилимакинак, перевез себя и весь свой вигвам в Пойнт Сен-Игнас, на противоположной стороне пролива. Здесь мы оставались до рассвета, а затем вошли в бухту Бучитауи, в которой провели три дня, занимаясь рыбной ловлей и охотой, и где нашли много дикой птицы. Выйдя из бухты, мы направились к острову Оутард, где были вынуждены пристать к берегу из-за надвигающегося ветра. Мы предложили отплыть в Солт на следующее утро.

Но когда наступило утро, жена Ваватама пожаловалась, что ей плохо, добавив, что ей снились плохие сны, и она знала, что если мы отправимся в Солт, то все будем уничтожены. Спорить в то время против непогрешимости снов было бы крайне неразумно, поскольку я оказался бы виновен не только в отвратительном недостатке веры, но и в еще более отвратительном недостатке чувствительности к возможным бедствиям семьи, которая так много сделала для облегчения моей участи. Я промолчал, но разочарование, казалось, решило мою судьбу. Не открылось никакой перспективы, которая могла бы меня утешить. Возвращение в Мичилимакинак могло обеспечить мне только гибель; а оставаться на острове означало подвергаться почти такой же опасности, поскольку он лежал на прямом пути между фортом и Миссисаки, по которому с часу на час должны были пройти индейцы из Детройта по делам своей миссии. Я не сомневался, что, воспользовавшись одиноким положением семьи, они приведут в исполнение свой план убить меня.

Не имея, следовательно, возможности принимать какое-либо участие в направлении нашего курса, но в то же время предаваясь самым тревожным мыслям о моем собственном состоянии, я провел весь день на самой высокой части высокого дерева, на которую только мог взобраться, откуда открывался моему взору вид на озеро по обе стороны острова. Здесь я мог бы надеяться как можно скорее узнать о приближении каноэ и таким образом быть вовремя предупрежденным, чтобы спрятаться.

На второе утро я вернулся, как только рассвело, на свою сторожевую башню, на которой пробыл незадолго до того, как заметил парус, идущий из Мичилимакинака.

Парус был белым и намного больше тех, которые обычно используют северные индейцы. Поэтому я тешил себя надеждой, что это может быть канадское каноэ, направляющееся в Монреаль; и что я смогу убедить команду взять меня с собой и таким образом избавить меня от всех моих неприятностей.

Мои надежды продолжали укрепляться, ибо вскоре я убедил себя, что способ использования весел на борту каноэ был канадским, а не индийским. Я был в приподнятом настроении, но

разочарование стало для меня таким обычным делом, что я не мог заставить себя смотреть на это событие с какой-либо уверенностью.

Однако, в конце концов, проявилось достаточно, чтобы побудить меня спуститься с дерева и отправиться в вигвам со своими новостями и планами освобождения. Семья поздравила меня с приближением столь прекрасной возможности спастись; и мой отец и брат (ибо он был попеременно каждым из них) раскурили свою трубку и подарили ее мне, сказав: "Сын мой, возможно, это последний раз, когда мы с тобой курим из одной трубки! Мне жаль расставаться с тобой. Вы знаете, какую привязанность я всегда питал к вам и каким опасностям я подвергал себя и семью, чтобы уберечь вас от ваших врагов; и я счастлив обнаружить, что мои усилия обещают быть не напрасными ". В это время в сторожку вошел мальчик и сообщил нам, что каноэ прибыло из Мичилимакинака и направляется в Су-де-Сент-Мари. В нем находились трое канадцев, и он вез домой мадам Кадотт, жену уже упомянутого месье Кадотта.

Теперь, когда мои надежды на поездку в Монреаль рассеялись, я решил сопровождать мадам Кадотт, с ее разрешения, в Сауль. Когда я передал мои пожелания мадам Кадотт, она радостно согласилась с ними. Мадам Кадотт, как я уже упоминал, была индианкой из народа Чиппуэй, и ее очень уважали.

Определившись с отъездом, я вернулся в сторожку, где собрал свой гардероб, состоящий из двух рубашек, пары леггинсов и одеяла. Помимо этого, я взял ружье и патроны, подарив хозяину то, что еще оставалось. Я также вернул серебряные нарукавные повязки, которыми семья наградила меня годом ранее.

Теперь мы попрощались с чувством, полностью взаимным. Я покинул ложу не без чувства глубочайшей благодарности за множество добрых дел, которые я пережил в ней, и не без искреннего уважения к добродетелям, которые я был свидетелем среди ее членов. Вся семья проводила меня до берега; и не успело каноэ отчалить, как Ваватам обратился к Кичи Манито, умоляя его позаботиться обо мне, его брате, до нашей следующей встречи. Это, как он сказал мне, ненадолго, так как он намеревался вернуться в Мичилимакинак лишь на короткое время, а затем последовать за мной в Солт. Мы отошли на слишком большое расстояние, чтобы услышать его голос, прежде чем Ваватам перестал возносить свои молитвы.

Поскольку я больше не живу в обществе индейцев, я сняла одежду и надела канадскую: молтон, или шерстяное пальто, поверх рубашки и носовой платок вокруг головы, шляпы в этой стране носят очень редко.

На рассвете, на второе утро нашего путешествия, мы погрузились на корабль и вскоре заметили позади себя несколько каноэ. Когда они приблизились, мы убедились, что это флот, направляющийся к Миссисаки, которого я так долго боялся. Всего было двадцать кораблей.

Поравнявшись с нами и окружив наше каноэ, среди общих расспросов о новостях, индеец назвал меня англичанином, и его спутники поддержали его, заявив, что я очень похож на англичанина; но я притворился, что не понимаю ни одного из вопросов, которые они мне задавали, и мадам Кадотт заверила их, что я канадец, которого она привезла во время его первого путешествия из Монреаля.

На следующий день мы благополучно приземлились в Соле, где месье Кадотт оказал мне щедрый прием. В этом месте находилось тридцать воинов, которых удерживало от участия в войне только влияние месье Кадотта.

Здесь в течение пяти дней я снова был спокоен; но на шестой к господину Кадотту зашел молодой индеец и сказал, что каноэ, полное воинов, только что прибыло из Мичилимакинака; что они спрашивали обо мне; и что он считает их намерения дурными. Почти в то же время пришло послание от доброго вождя деревни, в котором он просил меня спрятаться, пока он не выяснит взгляды и характер незнакомцев.

Во второй раз я нашел убежище на чердаке, и это было незадолго до того, как индейцы пришли к месье Кадотту. Мой друг немедленно сообщил Мутчикивишу, их начальнику, который был родственником его жены, о вменяемом им замысле покушения на меня. Мутчикивиш откровенно признал, что у них был такой план; но добавил, что, если он не нравится месье Кадотту, от него следует отказаться. Затем он далее заявил, что их поручением было собрать отряд воинов, чтобы вернуться с ними в Детройт; и что они намеревались взять меня с собой.

Что касается главной из двух раскрытых таким образом целей, г-н Кадотт собрал всех вождей и воинов деревни; и они, посоветовавшись некоторое время между собой, послали за незнакомцами, к которым г-н Кадотт и глава деревни обратились с речью. В этих речах, после возвращения к замыслам, которые, как я признался, вынашивались против меня, который теперь, как было объявлено, находился под защитой всех вождей, которые отомстят за любое оскорбление, которое я мог бы нанести, послан было безапелляционно сказано, что они могут отправляться обратно, как пришли, и ни один из молодых людей этой деревни не настолько глуп, чтобы присоединиться к ним.

Через мгновение после этого пришло сообщение, что с Ниагары только что прибыло каноэ. Поскольку это было место, из которого всем не терпелось услышать новости, этим новым незнакомцам было отправлено сообщение с просьбой прибыть на совет.

Незнакомцы соответственно подошли, и, когда они сели, воцарилось долгое молчание. Наконец, один из них, взяв пояс из вампума, обратился таким образом к собравшимся: "Друзья мои и братья, я пришел с этим поясом от нашего великого отца, сэра Уильяма Джонсона. Он хотел, чтобы я прибыл к вам в качестве его посла и сказал вам, что он устраивает большой пир в форте Ниагара; что все его котлы готовы и костры разожжены. Он приглашает вас принять участие в пиршестве вместе свашими друзьями, Шестью нациями, которые все заключили мир с англичанами. Он советует вам воспользоваться этой возможностью и сделать то же самое, поскольку в противном случае вы не можете не быть уничтожены; ибо англичане находятся в походе с огромной армией, к которой присоединятся различные народы Индии. Одним словом, еще до опадения листьев они будут в Мичилимакинаке, и Шесть наций вместе с ними".

Тон этой речи сильно встревожил индейцев Солта, которые после очень короткого совещания согласились послать двадцать депутатов к сэру Уильяму Джонсону на Ниагару. Этот проект был в высшей степени интересен для меня, поскольку он давал мне возможность покинуть страну. Я сообщил об этом старосте деревни и получил от него обещание, что я буду сопровождать депутацию.

Предполагалось, что для начала путешествия нужно было потерять очень мало времени; но событие было слишком значительным, чтобы не требовать чего-то большего, чем человеческие

знания и осмотрительность; и соответственно были сделаны приготовления к торжественному обращению к Большой Черепахе и консультированию с ней.

Для вызова Великой Черепахи и консультации с ней первое, что нужно было сделать, - это построить большой дом или вигвам, внутри которого было установлено нечто вроде палатки, предназначенной для использования священником и приема духа. Палатка была сделана из лосиных шкур, натянутых на деревянный каркас. Пять шестов, или, скорее, опор, из пяти различных пород дерева, около десяти футов в высоту и восьми дюймов в диаметре, были установлены по кругу диаметром около четырех футов. Ямы, проделанные для их размещения, были глубиной около двух футов; после установки столбов ямы снова были засыпаны выкопанной землей. Наверху столбы были соединены между собой круглым обручем, или балкой. По всему этому сооружению были расстелены лосиные шкуры, покрывавшие его сверху и по бокам, и скрепленные такими же ремнями; за исключением того, что с одной стороны часть была оставлена незастегнутой, чтобы впустить священника.

Церемонии начались только с наступлением ночи. Чтобы в доме было светло, вокруг палатки разожгли несколько костров. В доме собралась почти вся деревня, и я среди остальных. Вскоре появился священник, почти обнаженный. Когда он приблизился к палатке, шкуры были приподняты настолько, насколько это было необходимо, чтобы он мог проползти под ними на четвереньках. Едва его голова оказалась внутри, как здание, такое массивное, каким его описывали, начало трястись; и не успели шкуры упасть, как под ними послышались звуки множества голосов, одни вопили, другие лаяли, как собаки, третьи выли, как волки, и в этом ужасном концерте смешались крики и рыдания, полные отчаяния, муки и острейшей боли. Также была произнесена членораздельная речь, как будто человеческими устами, но на языке, неизвестном никому из собравшихся.

Через некоторое время эти непонятные и пугающие звуки сменились полной тишиной; и теперь голос, которого раньше не было слышно, казалось, свидетельствовал о появлении в палатке нового персонажа. Это был низкий и слабый голос, напоминающий крик молодого щенка. Едва раздался этот звук, как все индейцы захлопали в ладоши от радости, восклицая, что это Главный Дух, Черепаха, дух, который никогда не лжет! Другие голоса, которые они время от времени различали, они ранее шипели, признавая в них принадлежность злых и лживых духов, которые обманывают человечество.

Из палатки донеслись новые звуки. В течение получаса звучала череда песен, в которых звучало множество голосов. С момента его первого появления и до тех пор, пока эти песни не были закончены, мы ничего не слышали в надлежащем тоне священника; но теперь он обратился к толпе, объявив о присутствии Большой Черепахи и готовности духа ответить на любые вопросы, которые будут предложены.

Вопросы должны были исходить от вождя деревни, который, однако, хранил молчание до тех пор, пока не насыпал в палатку большое количество табака, вставив его в отверстие. Это было жертвоприношение духу, ибо индейцы полагают, что духи так же любят табак, как и они сами. Приняв табак, он попросил священника осведомиться, готовятся ли англичане к войне с индейцами и находится ли в форте Ниагара большое количество английских войск.

После того как священник задал эти вопросы, палатка мгновенно затряслась; и в течение нескольких секунд после этого она продолжала раскачиваться с такой силой, что я ожидал

увидеть, как она сравнивается с землей. Все это было прелюдией, как я и предполагал, к ответам, которые предстояло дать; но ужасающий крик с достаточной разборчивостью возвестил об уходе Черепахи.

Четверть часа прошла в молчании, и я с нетерпением ждал, каким будет следующий эпизод в этой сцене самозванства. Оно состояло в возвращении духа, чей голос был снова услышан и который теперь произнес продолжительную речь. Язык Большой Черепахи, как и тот, который мы слышали раньше, был совершенно непонятен для любого уха, за исключением уха его жреца; и, следовательно, только после того, как последний дал нам толкование, которое началось только после того, как дух закончил, мы узнали смысл этого необычного сообщения.

Дух, как нам теперь сообщил священник, за время своего короткого отсутствия пересек озеро Гурон и даже добрался до форта Ниагара, который находится у истоков озера Онтарио, а оттуда до Монреаля. В форте Ниагара он не видел большого количества солдат; но, спустившись по реке Святого Лаврентия до самого Монреаля, он обнаружил, что река покрыта лодками, а лодки полны солдат, которых было столько, сколько листьев на деревьях. Он встретил их на пути вверх по реке, когда они шли войной на индейцев.

Вождь хотел предложить третий вопрос, и дух, не совершая нового путешествия в форт Ниагара, смог дать мгновенный и наиболее благоприятный ответ. "Если индейцы посетят сэра Уильяма Джонсона, - спросил вождь, - будут ли они приняты как друзья?"

"Сэр Уильям Джонсон, - сказал дух (а вслед за духом - священник), - сэр Уильям Джонсон наполнит их каноэ подарками: одеялами, котлами, ружьями, порохом и дробью, а также большими бочонками рома, которые не сможет поднять самый крепкий из индейцев; и каждый мужчина в безопасности вернется к своей семье".

При этих словах восторг был всеобщим; и среди хлопанья в ладоши сотни голосов воскликнули: "Я тоже пойду! Я тоже пойду!"

Поскольку вопросы, представляющие общественный интерес, были решены, отдельным лицам теперь разрешалось воспользоваться возможностью поинтересоваться состоянием своих отсутствующих друзей и судьбой тех, кто был болен. Я заметил, что ответы, данные на эти вопросы, допускают большую свободу толкования.

Среди этого всеобщего любопытства я поддался на уговоры моего собственного беспокойства о будущем; и, сначала, как и все остальные, предложив табаку, я поинтересовался, вернусь ли я когда-нибудь в свою родную страну. После вопроса, заданного священником, палатка затряслась, как обычно; после чего я получил такой ответ: "Чтобы я набрался храбрости и не боялся никакой опасности, ибо со мной ничего не случится, чтобы причинить мне вред; и чтобы я, в конце концов, добрался до своих друзей и страны в безопасности". Эти заверения так сильно подействовали на мою благодарность, что я все больше и больше предлагал табак.

Консультации с Большой Черепахой продолжались почти до полуночи, когда вся толпа разошлась по своим вигвамам. Во время описанной мною сцены я был начеку, пытаюсь обнаружить особые ухищрения, с помощью которых осуществлялся обман; но таково было мастерство, продемонстрированное в спектакле, или таков был недостаток моей проницательности, что я не сделал никаких открытий, а ушел по ходу дела, не более чем с теми общими догадками, которые, естественно, придутся по вкусу каждому читателю.

10 июня я сел на корабль с индийской делегацией, состоящей из шестнадцати человек. Первоначально планировалось двадцать человек, и более пятидесяти действительно присоединились к совету для участия в этом предприятии, не говоря уже об общем энтузиазме в момент, когда они услышали обещания Большой Черепахи. Но исключительно из-за степени робости, которая все еще преобладала, мы должны принимать во внимание различные домашние вызовы, которые могли вытеснить все остальные и задержать многих с их семьями.

Вечером второго дня нашего путешествия мы достигли устья Миссисаки, где встретили около сорока индейцев, которые приняли нас с большой добротой, а вечером угостили большим пиром, устроенным по случаю нашего прибытия. Яство представляло собой приготовление икры осетра, взбитой и отваренной, по консистенции напоминающей кашу.

После еды перед нами было произнесено несколько речей, общей темой которых была просьба рекомендовать деревню сэру Уильяму Джонсону. Эта просьба также была специально адресована мне, и я пообещал выполнить ее.

14 июня мы проезжали деревню Ла-Клош, большая часть жителей которой отсутствовала, так как они уже были в гостях у сэра Уильяма Джонсона. Это обстоятельство очень ободрило моих спутников по путешествию, которые теперь увидели, что не они первые подверглись опасности.

На следующий день, около полудня, при очень сильном ветре мы были вынуждены пристать к берегу в Пойнт-о-Грондин, месте, некоторое описание которого было дано ранее. Пока индейцы возводили хижину, я занялся разведением костра. Когда я собирал хворост, необычный звук на мгновение привлек мое внимание; но так как он вскоре прекратился и я не увидел ничего, из чего мог бы предположить его происхождение, я продолжал свое занятие, пока, продвинувшись дальше, не был встревожен повторением. Мне показалось, что он раздался у меня над головой; но после того, как я тщетно посмотрел в ту сторону, я опустил глаза на землю и обнаружил гремучую змею не более чем в двух футах от моих обнаженных ног. Рептилия была свернута кольцом, и ее голова значительно возвышалась над телом. Если бы я продвинулся еще на шаг, прежде чем меня обнаружили, я, должно быть, наступил бы на нее.

Едва увидев змею, я поспешил к каноэ, чтобы достать свое ружье; но индейцы, заметив, что я делаю, заинтересовались, по какому поводу, и, получив информацию, попросили меня воздержаться. В то же время они последовали за мной к тому месту со своими трубками и кисетами с табаком в руках. Вернувшись, я обнаружил змею все еще свернутой.

Индейцы, со своей стороны, окружили его, обращаясь к нему по очереди и называя своим *дедушкой*, но все же держась на некотором расстоянии. Во время этой части церемонии они набили свои трубки, и теперь каждый выпустил дым в сторону змеи, которая, как мне показалось, действительно приняла его с удовольствием. Одним словом, после того, как он оставался свернутым и получал благовония в течение получаса, он растянулся на земле в видимом хорошем расположении духа. Его длина составляла от четырех до пяти футов. Некоторое время оно оставалось распростертым, наконец медленно двинулось прочь, индейцы последовали за ним и, по-прежнему обращаясь к нему "дедушка", умоляли его позаботиться об их семьях во время их отсутствия и быть довольным открытием сэру Уильяму Джонсону, чтобы он мог *проявить к ним милосердие* и наполнить их каноэ ромом.

Один из вождей добавил прошение, чтобы змей не обратил внимания на оскорбление, нанесенное ему англичанином, который даже предал бы его смерти, если бы не вмешательство

индейцев, которым, как надеялись, он не вменит никакой вины в этом преступлении. Далее они потребовали, чтобы он остался и жил в их стране, а не возвращался к англичанам, то есть отправился на восток.

После того, как гремучая змея исчезла, я узнал, что это был первый случай, когда особь этого вида была замечена так далеко к северу и западу от реки Франсе; более того, из этого обстоятельства мои спутники были склонны заключить, что этот *манито* пришел или был послан специально, чтобы встретить их; что его поручением было не что иное, как остановить их в пути; и что, следовательно, было бы наиболее целесообразно вернуться в пункт отправления. Однако мне посчастливилось уговорить их сесть на корабль, и в шесть часов вечера мы снова разбили лагерь. В течение всего вечера говорили очень мало, за исключением гремучей змеи.

Рано утром следующего дня мы отправились в путь. У нас было безмятежное небо и очень слабый ветер, и поэтому индейцы решили направиться через озеро к острову, который только что показался на горизонте, сохранив, таким курсом, расстояние в тридцать миль, которое было бы потеряно, если бы мы держались берега. В девять часов утра у нас за кормой дул легкий бриз, и, чтобы воспользоваться им, мы подняли паруса. Вскоре после этого ветер усилился, и индейцы, начиная беспокоиться, часто призывали гремучую змею прийти им на помощь. Мало-помалу волны становились все выше, а в одиннадцать часов подул ураган, и мы каждую минуту ожидали, что его поглотит вода. От молитв индейцы перешли к жертвоприношениям, которые в равной степени приносились богу гремучей змее, или *манито кинибику*. Один из вождей взял собаку и, связав ей передние лапы вместе, выбросил ее за борт, одновременно призывая змею уберечь нас от утопления и желая, чтобы он утолил свой голод собачьей тушей. Змея оказалась неподходящей, и ветер усилился. Другой вождь принес в жертву еще одну собаку, добавив немного табака. В молитве, сопровождавшей эти дары, он, как и прежде, умолял змею не мстить индейцам за оскорбление, которое он получил от меня, намереваясь предать его смерти. Он заверил змею, что я стопроцентный англичанин и не состою в родстве ни с ним, ни с ними.

В заключение этой речи индеец, сидевший рядом со мной, заметил, что если мы утонем, то только по моей вине и что я сам должен быть принесен в жертву, чтобы умиловить разгневанного манито; я также не был без опасений, что в случае крайней необходимости такая участь постигнет и меня; но, к счастью для меня, шторм наконец утих, и мы благополучно достигли острова.

Следующий день выдался спокойным, и мы прибыли ко входу в судоходный канал, который ведет к озеру О-Клэ. (Это озеро сейчас называется озером Симко.) Вскоре мы миновали два коротких перевалочных пункта, в каждом из которых находилось по несколько вигвамов индейцев (эти индейцы - чиппевеи, по особому описанию называемые миссисаки; и из их резиденции в Матчедаше, или Матчиташке, также называемых индейцами Матчедаша или Матчиташка), в которых находились только женщины и дети, мужчины ушли на совет в Ниагару. Из этого, как и из предыдущего примера, мои спутники почерпнули новую храбрость.

18 июня мы пересекли озеро О-Клэ, длина которого, казалось, превышала двадцать миль. На дальнем его конце мы добрались до перевалочного пункта в Торонто. Здесь индейцы заставили меня нести ношу весом более ста фунтов. День был очень жаркий, леса и болота изобиловали ондатрами; но индейцы шли быстрым шагом, и я ни в коем случае не мог допустить, чтобы меня оставили позади. Вся страна представляла собой густой лес, через который нашей

единственной дорогой была пешеходная тропа, или то, что в Америке называют исключительно *тропой индейцев*.

На следующее утро, в десять часов, мы достигли берега озера Онтарио. Здесь мы два дня занимались изготовлением каноэ из коры вяза, в которых нам предстояло переправиться на Ниагару. Для этой цели индейцы сначала срубали дерево; затем сдирали кору одним целым листом длиной около восемнадцати футов, причем разрез делался вдоль. Теперь каноэ было закончено с верхом, днищем и бортами. Затем его концы были закрыты путем сшивания коры вместе; после добавления нескольких ребер и перекладин архитектура была завершена. Таким образом, мы соорудили два каноэ, в одном из которых находилось восемь человек, а в другом - девять.

21-го числа мы сели в Торонто и вечером разбили лагерь в четырех милях от форта Ниагара, к которому индейцы не хотели приближаться до утра.

На рассвете индейцы проснулись и вскоре собрались на совет, все еще сомневаясь относительно судьбы, с которой им предстояло столкнуться. Я заверил их в самом дружеском приеме; и наконец, раскрасившись самыми яркими красками в знак своих миролюбивых взглядов и спев песню, которая у них в ходу, когда они идут навстречу опасности, они погрузились на корабль и направились к мысу Миссисаки, который находится на северной стороне устья реки, или Ниагарского пролива, поскольку форт находится на юге. Через несколько минут после этого я перешел границу форта, и здесь я был принят сэром Уильямом Джонсоном таким образом, за который я всегда был с благодарностью привязан к его личности и памяти.

Так завершилось мое бегство от страданий и опасностей, которым подвергло меня взятие форта Мичилимакинак; но имущество, которое я перевез в верхнюю часть страны, осталось позади. Поэтому читатель будет далек от того, чтобы приписывать мне какие-либо праздные или необъяснимые мотивы, когда увидит, что я возвращаюсь на место своих несчастий.

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ПЛЕНЕНИИ ФРЭНСИС НОУБЛ.

Джеймс Уидден, дед миссис Шут по материнской линии Был капитаном армии при взятии Кейп-Бретона в 1745 году. Ему принадлежал участок земли на острове Суон, на реке Кеннебек, где он жил со своей семьей. Одна из его дочерей вышла замуж за Лазаруса Нобла из Портсмута, который жил на острове с ее отцом. Индейцы привыкли посещать капитана. Уидден с торговыми целями. На острове был гарнизон для защиты жителей от нападений врага во время войны.

Однажды утром, примерно в 1755 году, вскоре после рассвета, два мальчика вышли из гарнизона и оставили ворота открытыми. Индейцы были начеку, и, воспользовавшись случаем, около девяноста человек проникли в гарнизон. Жители немедленно обнаружили, что враг настиг их; но спасения не было. Капитан Уидден и его жена отступили в подвал и спрятались. Ноубл и его наемник встретили индейцев на верхней площадке лестницы и открыли по ним огонь, ранив одного из них в руку. Индейцы не открыли ответный огонь, но взяли в плен Ноубла, его жену и семерых детей, а также Тимоти Уиддена и Мэри Холмс. Наемному работнику и двум

мальчикам удалось сбежать. Пленников отнесли к берегу и связали, за исключением тех, кто не мог убежать. Затем индейцы вернулись в гарнизон, сожгли сарай и разграбили дом, вспороли перины, разбросали перья по полю и унесли все серебро и золото, которые смогли найти, и столько провизии, сколько выбрали. Предполагалось, что они не стали поджигать дом из подозрений, что в нем прятались капитан и его жена, от которых они в мирное время получали много милостей. Капитан Уидден после уничтожения своего имущества на острове вернулся в Гренландию, в этот штат, который, как предполагается, был его родным местом, и там скончался.

Индейцы также захватили в лесу на острове старика по имени Померой, который занимался изготовлением черепицы. Забрав своих пленников и награбленное, они немедленно покинули остров и начали свое возвращение в Канаду, чтобы избавиться от своей добычи. Померой был стар и немощен и не мог вынести усталости похода без большей помощи, чем дикари сочли нужным оказать ему, и они убили его по дороге. Они были более внимательны к детям, так как за них, несомненно, ожидали более высокой цены или большего выкупа. Абигейл, одна из детей, погибла среди индейцев. Остальные пленники благополучно прибыли в Канаду, и от них по-разному избавились. Мистер Ноубл был продан пекарю в Квебеке, а его жена - даме из того же места в качестве горничной. Им разрешалось навещать друг друга и спать вместе. Четверо детей также были проданы в Квебеке, как и Тимоти Уидден и Мэри Холмс. Пленники в этом городе были обменены в течение года и вернулись по домам. Впоследствии мистер Уидден и мисс Холмс поженились.

Фанни Ноубл, главной героине этих мемуаров, на момент ее пленения было около тринадцати месяцев. Группа индейцев доставила ее в Монреаль. Пытаясь избавиться от нее, они однажды отвезли ее в дом месье Луи Сент-Оге Шарли, известного местного торговца, который в то время находился в поездке в Квебек. Одна из служанок позвала его супругу на кухню и увидела бедного младенца, который ползал по кафельному полу в грязи и тряпках, вытаскивая яблочную кожуру из трещин. Она вошла, и, доброжелательно заметив ребенка, Фанни немедленно схватила платье леди, накинула его на голову и разрыдалась. Леди нелегко было устоять перед этим призывом к ее состраданию. Она взяла на руки ребенка, который повис у нее на шее и несколько раз обняла ее. Индейцы предложили ей продать свою маленькую пленницу, но она отказалась от покупки, вероятно, не решившись в отсутствие мужа на такую покупку. Индейцы покинули дом и спали в ту ночь на тротуаре перед дверью. Фанни, которая снова услышала голос доброты, к которому она не привыкла от своих диких хозяев, не могла успокоиться, но нарушила сон и тронула сердце француженки своими непрекращающимися криками. Эта леди недавно потеряла ребенка и, возможно, была более склонна сочувствовать страданиям детей и любить их больше, чем это было бы в противном случае. Рано утром следующего дня индейцев позвали в дом; Фанни купили, опустили в бадью с водой и, тщательно вымыв, переодели в одежду умершего ребенка и уложили в постель. Она проснулась улыбающейся и, казалось, желала отплатить за доброту своей хозяйки своим детским лепетом и нежными ласками. Фанни так и не смогла узнать, какой ценой ее купили у индейцев, поскольку ее мать-француженка отказалась отвечать на ее вопросы на эту тему, посоветовав ей быть хорошей девочкой и радоваться, что она все еще не в их власти.

М. и Мадам ул. ОГ принимала живое участие в их маленькую пленницу, и относился к ней с нежностью и лаской. Она чувствовала, что для них сыновнюю привязанность. Когда ее родителей обменяли, ее мать, вернувшись домой, навестила Фанни и взяла ребенка на руки, но

инстинкт не научил ее радоваться материнским объятиям, и она бросилась искать защиты у своей мамы-француженки. Миссис Ноубл получила много подарков от француженки и с удовлетворением увидела, что ее дочь осталась в любящих руках.

Фанни научили называть мсье и мадам Сент-Оге своими родителями и считать их таковыми. Оге. Они крестили ее под именем Элеонора и воспитали в римско-католической религии. Она выучила "Отче наш" и "Аве Мария", ходила на мессу, крестилась святой водой и с большим благоговением перебирала четки.

Когда ей было четыре или пять лет, Уилрайт, нанятый правительством Массачусетса для поиска плененных в Канаде, увез ее от родителей-французов. Он отвез ее в Три Реки, где у него было еще несколько пленниц, и оставил ее, как он утверждал, у родственника ее отца-француза на несколько дней, когда она рассчитывала вернуться в Монреаль. Но не пробыла она в Трехречье и суток, как старая скво, продавшая ее мадам Сент. Оге приехал на санях в сопровождении молодого санюпа, схватил Фанни и отвез ее в Сен-Франсуа, где они продержали ее около двух недель. Теперь она достигла того возраста, когда осознает свои невзгоды, и горько оплакивала разлуку со своими французскими родителями. Индейцы пытались умиротворить и доставить ей удовольствие, рисуя на ее пальто фигурки оленей, волков, медведей, рыб и т. Д.; И однажды, вероятно, чтобы она выглядела так же красиво, как они сами, они раскрасили ей щеки на индейский манер, что очень огорчило ее, и старая скво заставила их стереть краску. Однажды она сбежала от дикарей и нашла убежище в самом красивом доме в деревне, принадлежавшем французскому священнику, который целовал ее, задавал много вопросов и относился к ней по-доброму, но отдал на растерзание ее индейским хозяевам. Находясь в Сен-Франсуа, ее брат Джозеф Нобл, который не был продан французам, но все еще жил с индейцами, пришел навестить ее, но она испытывала к нему большое отвращение. Он был в своей индийской одежде, и она не поверила бы, что он родственник, и не заговорила бы с ним, если бы могла избежать этого. В конце концов индейцы вернули ее в Монреаль и, к ее великому удовлетворению, передали ее отцу-французу, который вознаграждал индейцев за ее возвращение. Несомненно, именно ожидание большой награды побудило старую скво схватить ее в Трехречье, поскольку индейцы нередко похищали пленниц, чтобы вымогать подарки к их возвращению у французских джентльменов, которым те же самые пленницы были ранее проданы. До этого ее спешно увезли из Монреаля, перевезли через горы и воды и спрятали среди флагов, в то время как те, кто сопровождал ее, очевидно, преследовались и очень опасались, что их настигнут; но повод для этого бегства или связанные с ним происшествия она была слишком мала, чтобы понять или отчетливо вспомнить, и впоследствии она не могла с уверенностью сказать, увез ли ее отец-француз, чтобы держать ее вне досягаемости ее настоящих друзей, или же эти друзья схватили ее, а затем отбили, как в Трехречье, и вернули в Монреаль. Французские родители предусмотрительно избегали говорить ей на эту тему или на любую другую, которая напоминала бы ей о ее пленении, ее стране, ее родителях или друзьях, чтобы она не стала недовольна своим положением и не захотела покинуть тех, кто ее удочерил. Они держали ее в секрете от ее настоящих друзей, которые искали ее, и уклонялись от любых вопросов, которые могли привести к ее обнаружению. Однажды, когда месье Сент-Оге и большая часть его семьи были на мессе, ее отправили с другой пленницей на третий этаж дома, и слугам было предписано строго следить за ними, поскольку было известно, что некоторые из ее родственников находились в то время там, пытаясь найти ее. Об этом обстоятельстве она тогда не знала, но была недовольна своим заточением и вместе со своей маленькой спутницей нашла способ сбежать из их комнаты и спустилась вниз. Поднося чашку с водой ко рту, она

увидела мужчину, который смотрел на нее через окно и протягивал к ней руку, в то же время говоря на языке, которого она не могла понять. Она была очень встревожена, выплеснула воду и побежала со всей возможной скоростью в свою комнату. Она и не предполагала, что это был ее собственный отец, от которого она убегала в таком страхе. Он вернулся в Канаду, чтобы разыскать тех своих детей, которые остались там. Он ничего не мог слышать о своей Фанни, но, наблюдая за домом, он заметил ее, как только что было сказано, и, радостно протянув к ней руки, воскликнул: "Вот моя дочь! О! это моя дочь!" Но она отступила, и он не смог войти, потому что дом охранялся и никому постороннему не разрешалось входить. Неизвестно, как долго он продолжал увиваться за ней, но он покинул Канаду, так и не обняв ее и не увидев снова.

Ее родители-французы отдали ее в школу-интернат при женском монастыре в Монреале, где она оставалась несколько лет, и ее обучали всем видам рукоделия, включая географию, музыку, рисование и так далее. В той же школе учились две мисс Джонсонс, которые были схвачены в Чарльзтауне в 1754 году, и две мисс Фиппс, дочери миссис Хоу, которого похитили в Хинсдейле в 1755 году. Фанни была в школе, когда миссис Хоу приехала за своими дочерьми и надолго запомнила горе и причитания юных пленниц, когда им пришлось покинуть школу и товарищей, чтобы вернуться в незнакомую, хотя и родную страну, к родственникам, которых они давно забыли.

Во время учебы в школе в Монреале ее снова навестил брат Джозеф. Он все еще принадлежал к индейскому племени Святого Франциска и был одет на редкость изысканно: у него было сорок или пятьдесят брошей на рубашке, застёжки на руке и великое множество узлов и колокольчиков на одежде. Он принес своей младшей сестре Эллен, как ее тогда звали, которой тогда было недалеко от семи лет, молодого олененка, корзинку клюквы и кусок сахарного песка. Маленькой девочке очень понравился олененок, и она не испытывала большого отвращения к клюкве и сахару, но она была сильно напугана появлением Джозефа и ничего не хотела принимать из его рук, пока, по предложению ее друзей, он не смыл краску со своего лица и не внес некоторые изменения в свою одежду, когда она осмелилась принять его подношения и немедленно убежала от него. На следующий день Жозеф вернулся с индейцами в Сен-Франсуа, но некоторое время спустя г-н Сент-Оге выкупил его у дикарей и одел на французский манер; но он никогда не казался таким смелым и величественным, таким энергичным и жизнерадостным, как в своей индейской одежде и в обществе своих друзей-индейцев. Однако он сильно привязался к св. Оге, который отдал его в школу; и когда его сестра рассталась с ним, покидая Канаду, он строго-настрого наказал ей не сообщать, где он находится, чтобы ему тоже не пришлось покинуть своих друзей и вернуться на место своего рождения.

Когда Фанни было от одиннадцати до двенадцати лет, ее отправили в школу монахинь-урсулинок в Квебеке, чтобы завершить свое образование. Здесь дисциплина была гораздо более строгой и торжественной, чем в школе в Монреале. В обоих местах учительниц называли наполовину монахинями, которым, не будучи исповеданными, разрешалось входить и выходить по своему усмотрению; но в Квебеке ученицы были в значительной степени изолированы от мира, им разрешалось гулять только в маленьком саду днем, а ночью запирались в своих кельях на засовы и решетки. Эта сдержанность раздражала Фанни. Она росла недовольной, и в конце года ей разрешили вернуться к своим родителям-французам в Монреаль и снова поступить в школу в этом городе.

Когда Фанни была в женском монастыре, ей тогда шел четырнадцатый год, однажды она была в равной степени удивлена и встревожена появлением незнакомца, который потребовал ее у монахинь как выкупленную пленницу. Ее отец нанял этого человека, Арнольда, чтобы тот разыскал его дочь и забрал ее у французов, которым до сих пор удавалось ее задерживать. Арнольд был хорошо подготовлен для этой работы. Он был скрытным, утонченным, решительным и настойчивым. Он пробыл некоторое время в городе, не вызывая подозрений относительно своего бизнеса. Он выяснил, где находится пленница, раздобыл необходимые полномочия для ее охраны, и на подходе к монастырю его сопровождали сержант и шеренга солдат. Монахини не желали отдавать свою воспитанницу и потребовали объяснить, по какому праву он ее требует. Арнольд убедил их, что его полномочия исходят от губернатора, и они не посмели ослушаться. Они, однако, тянули время, насколько это было возможно, и послали весточку господину Сент-Огу, надеясь, что он сумеет тем или иным способом задержать свою приемную дочь. Арнольд, однако, не позволял себя задерживать или шутить с ним. Он строго потребовал пленницу по имени Ноубл от имени губернатора, и монахини с благоговением подчинились. Фанни, плачущая и дрожащая, была спасена теми, кто тоже плакал и дрожал. Она проводила Арнольда до ворот монастыря, но мысль о том, чтобы навсегда покинуть тех, кого она любила, и отправиться с отрядом вооруженных людей неизвестно куда, была слишком ошеломляющей, и она опустилась на землю. Ее крики и причитания собрали вокруг нее людей, и она горько возмутилась жестокости, с которой ее увезли, заявив, что не может и не хочет идти дальше в качестве пленницы с этими ужасными солдатами. В это время в толпе появился английский офицер; он поговорил с ней, успокоил и убедил прогуляться с ним, заверив, что охрану следует распустить и с ней ничего не случится. Когда они проходили мимо дверей г-на Сент-Оге, направляясь в гостиницу, ее горе и восклицания возобновились, и с большим трудом удалось убедить ее продолжать. Но стражники просто отступили и были достаточно близко, чтобы помешать спасению, если бы была предпринята попытка. Капитан Макклур, английский офицер, пообещал ей, что на следующий день ей будет разрешено навестить своих французских родителей. Она застала их в слезах, но они не смогли ее удержать. Г-н Сент-Оге дал ей пригоршню денег, обнял, благословил и выбежал из комнаты. Его супруга снабдила ее одеждой, и их расставание было самым нежным и трогательным. Она дожила дозначительно преклонного возраста, но никогда не могла говорить об этой сцене без видимых и глубоких эмоций.

Ее отнесло вниз по реке в Квебек, где она пробыла несколько дней, а затем отплыла с капитаном Уилсоном в Бостон. Она прибыла в этот порт в июле, за месяц до того, как ей исполнилось четырнадцать лет. Друзья радостно встретили ее, но отец недолго пережил ее возвращение. После его смерти она жила в семье капитана Уилсона в Бостоне, пока не овладела английским языком, которого до этого почти не знала. Затем она уехала в Ньюбери и жила в семье родственника своего отца, где обрела дом и тот покой, к которому долгое время была чужда. Ее образование дало ей возможность заниматься воспитанием молодежи, и она частично посвятила себя этому занятию. Она училась в школе в Хэмптоне, где познакомилась с мистером Джонатаном Тилтоном, джентльменом с хорошим состоянием в Кенсингтоне, за которого она вышла замуж примерно в 1776 году. Он умер в 1798 году. В 1801 году она вышла замуж за мистера Джона Шута из Нью-Маркет и жила в деревне Ньюфилдс, в этом городе, до своей смерти в сентябре 1819 года. При жизни она пользовалась большим уважением, и ее смерть, как и вся ее жизнь, была смертью христианки.

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ПЛЕНЕНИИ КВИНТИНА СТОКВЕЛЛА.

В 1677 году, 19 сентября, между заходом солнца и наступлением темноты, индейцы напали на нас. [62] Я и еще один мужчина, будучи вместе, убежали на крики индейцев, которые кричали и стреляли в других англичан, оказавшихся поблизости. Мы укрылись в болоте, которое было поблизости; враг, заметивший нас так близко от себя, побежал за нами и выстрелил в нас из множества ружей; в меня выстрелили из трех ружей, враг был в трех шагах от меня, помимо многих других до этого. Находясь в этом болоте, которое было болотистым, я оступился и упал, после чего один из врагов шагнул ко мне с поднятым топором, чтобы ударить меня по голове, полагая, что я был ранен и поэтому непригоден для какого-либо другого путешествия. Так случилось, что у меня при себе был пистолет, который, хотя и незаряженный, я вручил индейцу, который вскоре отступил назад и сказал мне, что если я сдамся, то не пострадаю; он сказал, что они уничтожили весь Хэтфилд и что леса полны индейцев, после чего я сдался и, попав к ним в руки, был уведен тремя из них туда, откуда я впервые начал свое бегство. Тут к нам подбежали два других индейца, и один поднял приклад своего ружья, чтобы ударить меня по голове, другой подставил руку для удара и сказал, что я его друг. Теперь я был у своего собственного дома, который индейцы сожгли в прошлом году, и я собирался отстроить его заново; и там у меня были некоторые надежды спастись от них. Неподалеку была лошадь, которую они попросили меня взять. Я так и сделал, но не сделал попытки убежать, потому что враг был рядом, а животное было медлительным и тупым. Тогда я надеялся, что они пошлют меня забрать моих собственных лошадей, что они и сделали; но они были так напуганы, что я не мог приблизиться к ним и поэтому все равно попал в руки врага. Теперь они схватили, связали меня и увели, и вскоре я оказался в компании других пленников, которых в тот день увезли из Хэтфилда, находившегося примерно в миле отсюда; и здесь, как мне показалось, были и радость, и печаль: радость видеть компанию и печаль о нашем положении. Затем нас связали и повели ночью через горы, темными и отвратительными путями, еще около четырех миль, прежде чем мы заняли наше место для отдыха, которое находилось в мрачном лесном месте, на восточном склоне этой горы. Нас продержали связанными всю ту ночь. Индейцы продолжали просыпаться, и мы были не прочь поспать в этом ночном путешествии. Индейцы рассеялись и по пути издавали странные звуки, похожие на крики волков, сов и других диких зверей, чтобы не потерять друг друга и, если их выследят, не быть обнаруженными англичанами.

[62] В Дирфилде, штат Массачусетс.

На рассвете мы снова двинулись в путь и переправились через ту большую реку в устье Пекомптака [Дирфилда] и там отдыхали около двух часов. Здесь индейцы отмечали на деревьях количество своих пленников и убитых, как это у них принято. Теперь я снова был в большой опасности, из-за меня возникла ссора, чьим пленником я был; ибо трое схватили меня. Я думал, что меня должны убить, чтобы положить конец спорам, поэтому, когда они спросили меня, чей я, я сказал, что меня похитили три индейца; таким образом, они согласились разделить со мной всю долю. Теперь у меня было три хозяина, и он был моим главным хозяином, который первым поднял на меня руки; и таким образом я попал в руки худшего из всей компании, как сказал мне Асфелон, индийский капитан, который все это время был очень добр ко мне и очень утешал англичан. В этом месте они дали нам немного провизии, которую привезли от англичан. Этим утром они также послали десять человек в город Дирфилд, чтобы забрать все, что смогут найти.

Кое-какую провизию, немного кукурузы с луга, они привезли нам на лошадях, которых у них там отобрали.

Отсюда мы направились к водопаду, где снова переправились через ту реку; и пока я шел, я сильно прихрамывал из-за своих старых ран, полученных на войне, и пока я думал, что поэтому буду убит индейцами и какой смертью умру, моя боль внезапно прошла, и я снова почувствовал большое воодушевление. В нашем отряде было около одиннадцати лошадей, которых индейцы использовали для перевозки грузов и женщин. Когда мы переправились через реку, был полдень. Мы поднимались по нему до ночи, а затем устроились на ночлег в мрачном месте, и были привязаны к столбам, и растянулись на спинах; и так мы пролежали всю ночь, да, так мы пролежали много ночей. Они сказали мне, что по их закону мы должны лежать так девять ночей, и к тому времени считалось, что мы должны быть вне пределов своих знаний. Способ заколачивания был таким: наши вытянутые руки и ноги были крепко привязаны к колышкам, а на шеях у нас была веревка, так что мы не могли пошевелиться ни разу. В первую ночь после заселения, будучи сильно уставшим, я спал так же спокойно, как и всегда. На следующий день мы поднялись вверх по реке, переправились через нее и на ночь остановились в Скукхигских лугах. Наши припасы вскоре были израсходованы, и пока мы лежали на тех лугах, индейцы отправились на охоту, а английская армия двинулась за нами. Затем индейцы двинулись снова, разделившись вместе с пленниками на множество отрядов, чтобы англичане не могли напасть на их след. Ночью, переправившись через реку, мы снова встретились в условленном месте. На следующий день мы снова переправились через него со стороны Скукхага и там надолго обосновались. Я предполагаю, что это могло быть примерно в тридцати милях выше Скукхага; и здесь были индейцы, совершенно не боявшиеся англичан, но очень боявшиеся могавков. Здесь они построили длинный вигвам и устроили, как они это называют, грандиозный танец, а потом решили сжечь троих из нас, и для этого у них была кора; и, как я понял позже, я был одним из тех, кого следовало сжечь, сержант Плимpton - другим, а жена Бенджамина Уэйта - третьей. Хотя я не знал, какие из них должны были быть сожжены, все же я понял, что некоторые были предназначены для этого; так много я понял из их языка. Той ночью я не мог уснуть из-за страха перед работой на следующий день. Индейцы, утомленные танцами, улеглись спать, и спали крепко. Все англичане были на свободе; тогда я вышел и принес дров, и развел огонь, и нарочно поднял шум, но никто не проснулся. Я подумал, что если кто-нибудь из англичан проснется, мы можем убить их всех спящими. Я убрал с дороги все ружья и топоры, но сердце у меня упало, и я снова положил все вещи на свои места. На следующий день, когда нас должны были сжечь, наш учитель и некоторые другие вступились за нас, и зло в этом месте было предотвращено. Примерно так мы пролежали три недели вместе. Здесь мне принесли сшить рубашку, и один индеец сказал, что ее нужно сшить так, второй - по-другому, третий - по-своему. Я сказал им, что сделаю все так, как сказал мой главный учитель, после чего один индеец ударил меня кулаком по лицу. Внезапно я вскочил в гнев, готовый ударить снова; после этого поднялся сильный шум, и индийцы и англичане окружили меня. Я был рад смириться перед своим учителем, так что этот вопрос был решен. Прежде чем я пришел в это место, трое моих хозяев ушли на охоту; я остался с другим индейцем, вся компания была в походе; я остался с этим индейцем, который заболел, так что я был вынужден нести его ружье и топор, и у меня была возможность, и я думал прикончить его и убежать; но не сделал этого, потому что английские пленники пообещали друг другу обратное; потому что, если кто-то убежит, это раззадорит индейцев и подвергнет опасности остальных, которые не могли убежать.

Пока мы были здесь, Бенджамин Стеббинс отправился с несколькими индейцами на холмы Вачусет и сбежал от них, и когда пришло известие о его побеге, нас всех немедленно вызвали и связали; один из индейцев, капитан среди них и всегда наш большой друг, встретил меня на входе и сказал, что Стеббинс сбежал; и индейцы говорили о том, чтобы сжечь нас; некоторые - чтобы просто сжечь и откусить нам пальцы, постепенно. Он сказал, что будет суд, и все выскажут свое мнение, но он будет говорить последним и скажет, что индеец, позволивший Стеббинсу сбежать, был только виноват, и поэтому нам не следует причинять вреда, и добавил: "Не бойтесь", что и подтвердилось соответствующим образом. Пока мы задерживались здесь, провизии становилось все меньше; одной медвежьей лапы хватало пятерым из нас на целый день. Мы начали есть конину и съели всего семерых; трое остались живы и не были убиты. После того, как мы были здесь, несколько индейцев спустились вниз и напали на Хэдли, их захватили англичане, согласились с ними и снова отпустили. Они должны были встретиться с англичанами на такой равнине, чтобы там заключить дальнейшие условия. Ашпалон был во многом за это, но Вахусет-сахемы, когда они пришли, были категорически против этого и были за то, чтобы мы действительно встретились с англичанами, но там напали на них, сразились с ними и захватили их. Затем Эшпалон обратился к нам по-английски, чтобы мы не говорили больше ни слова по этому поводу, потому что из этого могло получиться что-нибудь плохое. Когда эти индейцы пришли из Вачусета, с ними пришли скво и дети, около четырех десятков, которые сообщили, что англичане захватили Ункаса и всех его людей и отправили их за море. Они были очень разгневаны этим и спросили, правда ли это; мы ответили, что нет. Тогда Эшпалон рассердился и сказал, что больше не будет верить англичанам. Они обследовали нас всех по отдельности, а затем в течение сезона обращались с нами хуже, чем раньше. Провизия по-прежнему была скудной. Наконец мы добрались до места под названием река Скво Мауг; там мы надеялись поймать лосося; но пришли слишком поздно. Это место, по моим подсчетам, находится более чем в двухстах милях от Дирфилда. Теперь мы разделились на две группы; одни пошли в одну сторону, другие в другую; и мы перевалили через огромную гору, на преодоление которой у нас ушло восемь дней, и к тому же шли очень тяжело, каждый день шел либо снег, либо дождь. Мы заметили, что на этой горе вся вода течет на север. Здесь нам тоже не хватало провизии; но, наконец, мы снова встретились по другую сторону горы, а именно: на северной стороне, у реки, впадающей в озеро; и тогда мы были в половине дня пути от озера.

Мы простояли там довольно долго, мастерили каноэ, чтобы переплыть озеро. Здесь я замерз, и мы снова были на грани голодной смерти. Все индейцы отправились на охоту, но ничего не смогли добыть; несколько дней они блудили, но ничего не добыли; затем они попросили англичан помолиться и признались, что ничего не могут сделать; они хотели, чтобы мы помолились и посмотрели, что может сделать английский Бог. Я молился, то же самое делал сержант Плимpton в другом месте. Индейцы благоговейно посещали нас утром и вечером. На следующий день они добыли медведей; тогда им нужно было, чтобы мы пожелали благословения и поблагодарили за трапезой; через некоторое время им это надоело, и сахем запретил нам. Когда я замерз, они были очень жестоки ко мне, потому что я не мог поступить так, как в другое время. Когда мы пришли к озеру, нас снова, к сожалению, отправили туда за провизией. Нам очень хотелось полакомиться хворостом, обжаренным в медвежьем жире. Наконец мы нашли компанию енотов и устроили пир; по обычаю мы должны были съесть все. Я понял, что для одного раза этого будет слишком много, поэтому один индеец, сидевший рядом со мной, попросил меня сунуть немного ему под пальто, и он спрячет это для меня до другого раза. Этот индеец, как только получил мое мясо, встал и обратился с речью к остальным, и

обнаружил меня; так что индейцы очень рассердились и отрезали мне еще кусок, и дали мне выпить енотового жира, от чего меня затошнило и вырвало. Я сказал им, что с меня хватит, и с тех пор они мне ничего не давали, но все равно говорили, что с меня достаточно енотов. И так, я много страдал, был заморожен, испытывал сильную боль и мог спать лишь немного, но все же должен был выполнять свою работу. Когда они отправились к озеру, и когда они подошли к нему, они заметили лося и убили его, и стояли там, пока не съели его всего.

После того, как мы вошли в озеро, поднялся сильный шторм, и мы думали, что нас всех выбросит на берег, но в конце концов мы добрались до острова, и там они отправились отдыхать. В сообщении говорилось, что Бенджамин Уэйт и еще один человек приближались, и что была поднята буря, чтобы прогнать их. Впоследствии это оказалось правдой, хотя тогда я им не поверил. На этом острове мы пролежали еще несколько дней, а затем снова пустились в путь, но нас унес шторм, так что мы около трех недель метались туда-сюда по некоторым островам. У нас не было никакой провизии, кроме енотов, так что сами индейцы думали, что они умрут с голоду. Они ничего мне не дали, так что несколько дней я был совсем без провизии. Мы отправились дальше по озеру, на тот остров, примерно в дне пути. У нас были маленькие санки, на которые мы погрузили наш груз. К полудню я устал, и как раз в этот момент индейцы встретились с какими-то французами; затем один из индейцев, которые взяли меня в плен, подошел ко мне, обозвал меня всякими нехорошими словами и повалил на спину. Я сказал ему, что больше ничего не могу сделать; тогда он сказал, что должен убить меня. Я подумал, что он собирается это сделать, потому что он вытащил свой нож и вывернул мои карманы, обернул ими мое лицо, помог мне подняться, взял мои санки и ушел, дав мне кусок бисквита величиной с грецкий орех, который достался ему от француза, и сказал, что подарит мне трубку с табаком. Когда мои сани исчезли, я мог побежать за ним, но в конце концов не смог бежать, а перешел на шаг. Вскоре индейцы скрылись из виду. Я следовал за ним, как мог, и много раз падал на лед.

Наконец я так устал, что у меня не хватило сил снова подняться, но я подполз к дереву, которое лежало рядом, забрался на него и там лег. Была уже ночь и очень холодная погода: я не думал ни о чем другом, кроме того, что должен умереть здесь. Пока я думал о смерти, какой-то индеец окликнул меня, и я ответил ему; он подошел ко мне, обозвал меня нехорошими словами и сказал, что если я не смогу уйти, он должен стукнуть меня по голове. Я сказал ему, что тогда он должен это сделать; он увидел, как я барахтался в снегу, но не мог подняться; тогда он взял свое пальто и завернул меня в него, вернулся и послал двух индейцев с санями. Один сказал, что он должен стукнуть меня по голове, другой сказал, что нет, они унесут меня и сожгут. Затем они попросили меня пошевелить подъем ноги, чтобы посмотреть, не замерзла ли она; я так и сделал. Когда они увидели это, то сказали, что это Вурреген. Они сказали, что у французов есть хирург, который может вылечить меня; затем они посадили меня на сани, отнесли к костру и хорошенько позаботились обо мне; сняли с меня мокрую и завернули в сухую одежду и соорудили мне хорошую постель. Они убили выдру и дали мне немного бульона, приготовленного из нее, и немного мяса. Здесь я проспал до рассвета, а затем смог встать и одеться. Один из индейцев проснулся и, увидев, что я иду, закричал, радуясь этому. Как только рассвело, я и Сэмюэл Рассел отправились вперед по льду реки. Они сказали, что я должен идти туда, где смогу, пешком, иначе я замерзну. Сэмюэл Рассел одной ногой соскользнул в реку; индейцы позвали его обратно и высушили его чулки, а затем отослали нас прочь вместе с индейцем, который должен был управлять нами. Мы проехали четыре или пять миль, прежде чем они нас догнали. Тогда я был изрядно вымотан. Сэмюэл Рассел, по его словам, был слаб и недоумевал, как я могу жить, потому что у него, по его словам, было десять приемов пищи

против моего одного. Потом меня положили на сани, и они побежали со мной по льду; остальные и Сэмюэл Рассел тихо последовали за ними. Сэмюэла Рассела я больше никогда не видел и не знаю, что с ним стало. Они прошли только половину пути, и мы добрались до Шамбли около полуночи. В шести милях от Шамбли (французского городка) река была вскрыта, и, когда я начал путешествовать по этой части льда, я вскоре устал; и два индейца убежали в город, и остался только один; он приносил мне несколько удочек, а потом я ходил столько же, а потом мы торговали, и так долго шли эти шесть миль. Этот индеец был теперь добр и сказал мне, что если бы он не понес меня, я бы умер, и я бы так и сделал, конечно; и он сказал, что я должен рассказать англичанам, как он помог мне. Когда мы подошли к первому дому, там не было жителей. Индеец тоже был измотан, и оба были обескуражены; он сказал, что теперь мы должны умереть вместе. Наконец он оставил меня в покое и перешел в другой дом, а оттуда пришли несколько французов и индейцев и привели меня внутрь. Французы были добры, они окунули мои руки и ноги в холодную воду и дали мне глоток бренди и немного пудинга на скорую руку с молоком; когда я попробовал еду, я был голоден и не мог удержаться, но я не мог ее получить. Время от времени они давали мне немного, как считали нужным. В ту ночь я лежал у костра с индейцем, но не мог уснуть от боли. На следующее утро индейцы и французы поссорились из-за меня, потому что французы, как говорили индейцы, любили англичан больше, чем самих индейцев. Вскоре французы выставили индейцев за дверь, а меня оставили у себя.

Они были очень добры и заботливы и время от времени давали мне что-нибудь. Пока я был здесь, все мужчины в том городе приходили повидаться со мной. В этом доме я пробыл три или четыре дня, а потом меня пригласили в другой, а после этого еще в один. В этом месте я пробыл около тринадцати дней и получил много любезностей от молодого человека, холостяка, который пригласил меня к себе домой, с которым я провел большую часть времени. Он был так добр, что уложил меня в постель к себе, дал мне рубашку и хотел купить ее мне, но не смог, так как индейцы запросили за меня сто фунтов. Затем мы должны были отправиться в местечко под названием Сорел, и этот молодой человек должен был отправиться со мной, потому что индейцы не должны были причинить мне вреда. Этот человек нес меня по льду в течение одного дня пути, потому что теперь я вообще не мог идти, а на льду было так много воды, что мы не могли идти дальше. Итак, француз оставил меня и провизию для меня. Здесь мы простояли две ночи, а затем снова двинулись в путь, ибо теперь лед был крепким, и еще через два дня мы прибыли в Сорель. Когда мы добрались до первого дома, была поздняя ночь, и здесь люди снова были добры. На следующий день, испытывая сильную боль, я попросил индейцев отнести меня к хирургам, как они и обещали, но они рассердились, и один из них схватился за ружье, чтобы ударить меня, но француз не потерпел этого, а набросился на него и вышвырнул за дверь. Затем мы ушли оттуда в местечко в двух или трех милях отсюда, где у индейцев были вигвамы. Когда я пришел в эти вигвамы, некоторые индейцы узнали меня и, казалось, пожалели.

Пока я был здесь, а это было три или четыре дня назад, французы навестили меня; и поскольку наступило Рождество, они привезли с собой пирожные и другую провизию и угощали меня, так что я ни в чем не нуждался. Индейцы пытались вылечить меня, но не смогли. Тогда я попросил хирурга, но один из индейцев в гневе ударил меня кулаком по лицу. Проходивший мимо француз заговорил с ним, но я не понял, что он сказал, а затем пошел своей дорогой. Мало-помалу в вигвам вошел капитан этого заведения примерно с двенадцатью вооруженными людьми и спросил, где тот индеец, который ударил англичанина. Они схватили его и сказали,

что он должен отправиться к бильбо, а затем быть повешенным. Индейцы были очень напуганы этим, о чем свидетельствовали их лица и дрожь. Я бы тоже пошел, но француз сказал мне не бояться, что индейцы не посмеют причинить мне вреда. Когда тот индеец ушел, у меня все еще было два хозяина. Я попросил их отвести меня к тому капитану, чтобы я мог говорить за индейца. Они ответили: "Ты дурак. Ты думаешь, французы похожи на англичан, говорят одно, а делают другое? Они - люди своего слова". Однако я уговорил их помочь мне добраться туда, поговорил с капитаном через переводчика и сказал ему, что хочу, чтобы он освободил индейца, и рассказал ему, что он сделал для меня. Он сказал мне, что он негодяй и должен быть повешен. Затем я заговорил более конфиденциально, сославшись на то, что, поскольку все английские пленники не были доставлены, если бы его повесили, им было бы еще хуже. Капитан сказал: "Это следует обдумать". Затем он отпустил его на свободу с условием, что он никогда больше не будет бить меня и каждый день будет приводить меня к нему домой, чтобы я ел провизию. Я понял, что простым людям не нравится то, что индейцы сделали с англичанами. Когда индейца освободили, он подошел ко мне, взял меня примерно за середину и сказал, что я его брат; что я однажды спас ему жизнь, а он трижды спасал мою. Потом он велел принести бренди, напоил меня и снова увел в вигвамы. Когда я приехал туда, индейцы подходили ко мне один за другим, чтобы пожать мне руку, говоря "Вурреген Нетоп", и были очень добры, думая только о том, что я спас индейцу жизнь.

На следующий день он отнес меня в дом того капитана и опустил на землю. Они дали мне съестное и вино, и, поскольку индейцы оставили меня там ненадолго, я показал капитану свои пальцы, которые, когда он и его жена увидели, они убежали от этого зрелища, и велели мне снова лакать их, и послали за хирургом; который, когда пришел, сказал, что может вылечить меня, и взял их в руки, и перевязал. Индейцы пришли за мной ближе к ночи; я сказал им, что не могу пойти с ними. Они были недовольны, назвали меня негодяем и ушли. В ту ночь я был полон боли; французы боялись, что я умру; пять человек дежурили вместе со мной и старались подбодрить меня, потому что иногда я был готов упасть в обморок. Часто они давали мне немного бренди. На следующий день хирург пришел снова и перевязал меня; и так он делал все время, пока я был среди французов. Я приехал сюда на Рождество, а ушел оттуда второго мая.

Находясь таким образом в доме капитана, я продержался там до прихода Бенджамина Уэйта; и теперь мой хозяин-индеец, испытывая нужду в деньгах, заложил меня капитану за четырнадцать бобровых шкурок или столько, сколько они стоили, в такой-то день; если он не заплатит, он должен потерять свой залог или же продать меня за двадцать одного бобра, но он не мог добыть бобра, и поэтому я был продан. Будучи проданным таким образом, добавляет доктор Мазер, он был в благое для Бога время отпущен на свободу и снова вернулся к своим друзьям в Новую Англию.

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ПЛЕНЕНИИ ПИТЕРА УИЛЬЯМСОНА.

Я родился в десяти милях от города Абердин, на севере Шотландии, в семье уважаемых родителей. В восьмилетнем возрасте, когда я был крепким мальчиком, на меня обратили внимание двое парней с судна, нанятых (в то время это было ремесло) некоторыми почтенными купцами Абердина для осуществления злодейской и отвратительной практики похищения

маленьких детей у ихродителей и продажи их в рабство на плантациях за границей, и на борту корабля они легко уговорили меня, где меня провели между палубами к некоторым другим, которых они похитили таким же образом, и примерно через месяц отплыли в Америку. Когда мы прибыли в Филадельфию, капитан продал нас примерно по шестнадцати фунтов за голову. Что стало с моими несчастными товарищами, я так и не узнал; но мне выпало быть проданным на семь лет одному из моих соотечественников, который в юности был похищен, как и я, но из другого города.

У него не было своих детей, и, сочувствуя моему положению, он заботился обо мне, позволял мне ходить в школу, куда я ходил каждую зиму в течение пяти лет, и добился сносных успехов. У этого доброго хозяина я оставался до самой его смерти, и в награду за мою верную службу он оставил мне двести фунтов стерлингов, что составляло тогда около ста двадцати фунтов стерлингов, свою лучшую лошадь, седло и всю свою одежду.

Теперь, когда мне было семнадцать лет, я был сам себе хозяин, у меня были деньги в кармане и все остальное необходимое, и я почти семь лет занимался подработкой, после чего решил осесть и женился на дочери зажиточного плантатора. Мой тесть составил для меня дарственную на участок земли, который находился (к несчастью для меня, как впоследствии выяснилось) на границе провинции Пенсильвания, недалеко от форкса Делавэр, площадью около двухсот акров, тридцать из которых были хорошо расчищены и пригодны для немедленного использования, на котором стояли хороший дом и амбар. Место мне очень понравилось, и я остановился на нем. Свои деньги я тратил на покупку скота, домашней мебели и инвентаря для работы на улице; и, будучи счастлив с хорошей женой, мое счастье было полным: но в 1754 году индейцы, которые долгое время до этого беспрепятственно разоряли другие части Америки, начали теперь причинять большое беспокойство на границах нашей провинции, где они обычно появлялись небольшими тайными отрядами, совершая большие опустошения.

Ужасными и шокирующими для человеческой природы были варварства, ежедневно совершаемые этими дикарями! Не проходило и дня, чтобы какая-нибудь несчастная семья или другой человек не становились жертвами дикой жестокости. Действительно, это оказалось ужасным для меня, как и для многих других. Я, который теперь был счастлив в легкой жизни, благословенный любящей и нежной женой, внезапно стал одним из самых несчастных людей в мире: я едва могу выдержать потрясение, которое вечно повторяется при воспоминании о роковой секунде октября 1754 года. Моя жена в тот день ушла из дома навестить кого-то из своих родственников; так как я засиделся позже обычного, ожидая ее возвращения, и в доме никого, кроме меня, не было, то как же велики были мои удивление и ужас, когда около одиннадцати часов вечера я услышал мрачный боевой клич дикарей и обнаружил, что мой дом окружен ими. Я подлетел к окну своей комнаты и увидел, что их двенадцать. Зарядив ружье, я пригрозил им смертью, если они не уйдут. Но как тщетны и бесплодны усилия одного человека против объединенной силы стольких кровожадных чудовищ! Один из них, который мог говорить по-английски, пригрозил мне в ответ, "Что если я не выйду, они сожгут меня заживо", добавив, однако, "что если я выйду и сдамся в плен, они не убьют меня". В таких прискорбных обстоятельствах я предпочел положиться на их обещания, а не встретить смерть, отвергнув их; и соответственно вышел из дома с пистолетом в руке, не зная, что он у меня есть. Сразу же при моем приближении они набросились на меня, как тигры, и мгновенно обезоружили. Оказавшись таким образом в своей власти, они привязали меня к дереву, вошли в дом,

разграбили в нем все, что смогли унести, а затем подожгли его и сожгли то, что осталось, у меня на глазах. Не удовлетворившись этим, они подожгли мой амбар, конюшню и пристройки, в которых находилось около двухсот бушелей пшеницы, шесть коров, четыре лошади и пять овец, и все они сгорели дотла.

Закончив таким образом отвратительное дело, ради которого они пришли, одно из чудовищ подошло ко мне с томагавком и пригрозило мне худшей из смертей, если я не пойду с ними. На это я согласился, и тогда они развязали меня, дали мне поклажу, с которой я шел всю ту ночь, полный самых ужасных опасений, как бы моя несчастная жена тоже не попала в их жестокую власть. На рассвете мои адские хозяева приказали мне сложить мою ношу, когда, снова привязав мои руки к дереву, они выдавили кровь из кончиков моих пальцев. А затем, когда я разжег костер возле дерева, к которому был привязан, меня охватили самые ужасные муки, и я решил, что меня принесут в жертву их варварству. Разведя костер, они некоторое время танцевали вокруг меня на свой манер, улюлюкая, вопя ужасающим образом. Удовлетворившись таким весельем, они поступили по-другому: взяли горящие угли и палки, пылающие огнем на концах, поднесли их к моему лицу, голове, рукам и ногам и в то же время пригрозили сжечь меня целиком, если я закричу. Таким образом, замученный почти до смерти, я терпел их жестокость, не имея возможности выразить свою боль иначе, чем проливая тихие слезы; и, заметив это, они взяли свежие угли и приложили их к моим глазам, сказав, что у меня мокрое лицо и что они вытрут его для меня, что они действительно жестоко и сделали. То, как я перенес эти пытки, было для меня предметом удивления, но Бог позволил мне с большим, чем обычно, терпением ждать избавления, о котором я ежедневно молился.

Наконец они сели вокруг костра и поджарили мясо, которое украли из моего жилища. Когда они поужинали, они предложили немного мне; хотя легко представить, что у меня не было особого аппетита к еде после перенесенных мной пыток и невзгод, все же я был вынужден казаться довольным тем, что они мне предложили, чтобы, отказавшись от этого, они не возобновили свои адские занятия. То, что я не мог есть, я ухитрился спрятать, и они развязали меня, пока не вообразили, что я съел все; но затем они связали меня по-прежнему; в таком плачевном состоянии я был вынужден оставаться весь день. Когда солнце село, они погасили костер и, по своему обычаю, прикрыли пепел листьями, чтобы белые люди не обнаружили никаких следов их пребывания здесь.

Пройдя оттуда вдоль Саскуэханны на протяжении шести миль, нагруженные тем же, что и я до этого, мы прибыли в место близ Апалачских гор, или Голубых холмов, где они прятали свою добычу под бревнами. Оттуда они направились в соседний дом, занимаемый неким Джейкобом Снайдером и его несчастной семьей, состоящей из его жены, пятерых детей и молодого человека, его слуги. Вскоре они получили доступ в дом несчастного, где немедленно, без малейших угрызений совести, сняли скальпы с родителей и детей; и ни слезы, ни вопли бедных невинных детей не смогли предотвратить их ужасную расправу. Сняв с них скальпы и забрав из дома все, что было движимого, они подожгли его и бросили несчастных жертв в огонь.

Думая, что молодой человек, принадлежащий к этой несчастной семье, будет полезен им в переноске части их добычи, они сохранили ему жизнь, нагрузили его и меня тем, что они здесь раздобыли, и снова двинулись к Голубым холмам, где, как и прежде, сложили свое добро. Мой товарищ по несчастью не мог вынести жестокого обращения, которому мы были вынуждены подвергнуться, и, горько жалуясь мне на то, что он не может идти дальше, я попытался ободрить

его, но все напрасно, потому что он все еще продолжал свои стоны и слезы, которые один из дикарей, заметив, как мы продвигались вперед, подошел к нам и своим томагавком нанес ему удар по голове, который повалил несчастного юношу на землю, с которого они немедленно сняли скальп и ушли. Внезапность этого убийства потрясла меня до такой степени, что я был в некотором роде неподвижен, ожидая, что моя участь вскоре будет такой же; однако, придя в себя от рассеянных мыслей, я, насколько мог, скрыл от варваров свою тоску; но все же мой ужас был таков, что некоторое время я почти не помнил ни дней недели, ни того, что я делал.

Они все еще держались своего курса вблизи гор, где затаились на четыре или пять дней, радуясь добычей. Когда провизии стало не хватать, они направились в сторону Саскуэханны и, проходя мимо другого дома, в котором жил старик по имени Джон Адамс со своей женой и четырьмя маленькими детьми, и не встретив сопротивления, немедленно на глазах у старика сняли скальпы с матери и ее детей. Каким бы бесчеловечным и ужасным это ни было, это не удовлетворило их, потому что, убив бедную женщину, они поступили с ней таким жестоким образом, что приличия не позволяют мне упоминать. Несчастный муж, не в силах оторваться от этого зрелища, умолял их положить конец его жалкому существованию; но они были так же глухи к слезам и мольбам этого почтенного страдальца, как и к мольбам других, и продолжали жечь и уничтожать его дом, амбар, зерно, сено, скот и все, чем владел бедняга несколько часов назад. Спасая из огня то, что они сочли нужным, они дали старику, немощному и в том жалком состоянии, в каком он тогда находился, а также мне, ношу, которую нужно было нести, и, нагрузившись также хлебом и мясом, продолжили свой путь к Великому Болоту. Так они пролежали восемь или девять дней, временами проявляя варварскую жестокость по отношению к старику: иногда они раздевали его догола и раскрашивали разными красками; в другое время они выщипывали седые волосы у него на голове и насмешливо говорили ему, что он дурак, раз живет так долго, и что они проявят к нему доброту, забрав его с того света. Напрасны были все его слезы, ибо ежедневно они утомляли себя различными способами, которыми пытались мучить его; иногда привязывали его к дереву и били кнутом; в другое время обжигали его морщинистую щеку раскаленными углями и обжигали ноги до колен. Однажды ночью, после того как он подвергся таким мучениям, когда мы с ним выражали друг другу соболезнования по поводу страданий, которые мы ежедневно терпели, прибыли двадцать пять других индейцев, приведя с собой двадцать скальпов и трех пленников, которые, к несчастью, попали к ним в руки в Коногочеге, маленьком городке недалеко от реки Саскуэханна, населенном в основном ирландцами. Эти заключенные рассказали нам несколько шокирующих рассказов об убийствах и опустошениях, совершенных в их краях; несколько примеров из которых позволяют читателю догадаться о том, как обращались с провинциалами в прошлые годы. Я обнаружил, что эта группа, которая теперь присоединилась к нам, если бы не было в их власти начать свое насилие так же быстро, как те, кто посетил мое жилище; первая из их трагедий произошла 25 октября 1754 года, когда Джон Льюис со своей женой и тремя маленькими детьми были бесчеловечно скальпированы и убиты, а его дом, амбар и все, чем он владел, сожжены и разрушены. 28-го Джейкоб Миллер со своей женой и шестью членами семьи, со всем, что было на его плантациях, постигла та же участь. 30-го числа дом, мельница, амбар, двадцать голов крупного рогатого скота, две упряжки лошадей и все, что принадлежало Джорджу Фольке, подверглось подобному обращению: с него самого, жены и всей его несчастной семьи, состоящей из девяти человек, сняли скальпы, затем разрезали на куски и бросили свиньям. Один из крупных торговцев, принадлежащих к провинции, имевший дело в нескольких милях от нее, попал в руки этих негодяев, которые не только сняли с него скальп, но

и немедленно зажарили его, прежде чем он был мертв; затем, подобно каннибалам, за неимением другой пищи съели все его тело, а из его головы сделали то, что они называли индийским пудингом.

Судя по этим немногочисленным примерам дикой жестокости, плачевное положение незащищенных жителей и то, что они ежечасно переносили в этой части земного шара, должно внушать крайний ужас и вызывать в душе каждого крайнее отвращение не только к авторам, но и к тем, кто из-за невнимательности, малодушия или ошибочных принципов позволил этим дикарям поначалу, никем не замеченным или даже не тронутым, совершать такие бесчинства, грабежи и убийства.

Трое пленников, которых привели с этими дополнительными силами, постоянно сетовавшие на свою участь и почти мертвые от чрезмерно жестокого обращения, сумели, наконец, сбежать: но, находясь далеко от своих поселений и не зная местности, вскоре были встречены некоторыми другими племенами или нациями, воевавшими с нами, и возвращены обратно. Бедняги, почти умирающие от голода из-за отсутствия пищи, которой у них не было во время побега, оказались во власти варваров, как только двое из них были привязаны к дереву, а вокруг них развели большой костер, где они оставались до тех пор, пока не были ужасно обожжены; тогда один из злодеев своим ножом для снятия скальпелей вспорол им животы, вынул внутренности и сжег их у них на глазах, в то время как другие резали, протыкали и отрывали плоть с их грудей, кистей рук и ног раскаленными железами, пока они не были уничтожены. Они были мертвы. Третьей несчастной жертве оставили еще на несколько часов, чтобы, по возможности, принести в жертву более жестоким способом: его руки были привязаны близко к телу, и была вырыта яма, достаточно глубокая, чтобы он мог стоять прямо, его положили в нее, и земля была забита по всему его телу до шеи, так что над землей показалась только его голова; затем они сняли с него скальп и оставили его там на три или четыре часа в сильнейших мучениях; после чего они развели небольшой костер возле его головы, заставив его страдать от самых мучительных мучений; в то время как остальные жертвы были убиты. Бедняге оставалось только молить о пощаде, убив его немедленно, потому что мозги у него кипели в голове. Неумолимые ко всему, что он говорил, они продолжали огонь, пока его глаза не вылезли из орбит. Такие мучительные муки это несчастное существо испытывало почти два часа, прежде чем оно было совершенно мертво. Затем они отрубили ему голову и похоронили ее вместе с другими телами; моей задачей было вырыть могилы; что я и сделал, каким бы слабым и напуганным я ни был, страх постичь ту же участь позволил мне сделать.

Теперь шел сильный снег, и варвары опасались, как бы белые люди по их следам не обнаружили их тайные убежища, что вынудило их пробираться к своим зимним квартирам, расположенным примерно в двухстах милях дальше от каких-либо плантаций или жителей. После долгого и мучительного путешествия, почти умирая от голода, я прибыл с этой адской командой в Аламинго. Там я нашел несколько вигвамов, полных их женщин и детей. Танцы, пение и крики были их общими развлечениями. И на всех своих фестивалях и танцах они рассказывают, каких успехов они добились и какой ущерб понесли в своих экспедициях; в которых я теперь, к несчастью, стал частью их темы. Холод становился все сильнее, и они сняли с меня одежду для собственного пользования и дали мне то, что они обычно носили сами, а именно кусок одеяла и пару мокасин, или башмаков, с ярдом грубой ткани, чтобы я мог надеть ее вместо штанов.

В Аламинго я пробыл почти два месяца, пока с земли не сошел снег. Какие бы мысли ни возникали у меня о побеге, привести их в исполнение было неосуществимо, поскольку я находился такдалеко от каких-либо плантаций или белых людей, а суровая погода сделала мои конечности совершенно негнушимися и неподвижными; однако я ухитрился защититься от непогоды, насколько мог, соорудив себе небольшой вигвам из древесной коры, засыпав его землей, что сделало его похожим на пещеру; а чтобы предотвратить пагубные последствия холода, я всегда разводил хороший костер у двери. Моя свобода передвижения была, действительно, больше, чем я мог ожидать, но они хорошо знали о невозможности моего побега от них. Видя, что я внешне легок и покорен, они иногда давали мне немного мяса, но моей главной пищей была индийская кукуруза. Наконец пришло время, когда они готовились к новой экспедиции против плантаторов и белых людей; но прежде чем они отправились в путь, к ним присоединились многие другие индейцы.

Как только снег совсем сошел, они отправились в путь, направляясь в отдаленные районы провинции Пенсильвания; все они оставили своих жен и детей в своих вигвамах. Теперь это было внушительное войско, численностью около ста пятидесяти человек. Моим делом было нести то, чем они считали нужным меня нагрузить, но они никогда не доверяли мне оружие. Мы шли несколько дней без особых происшествий, почти умирали с голоду из-за нехватки провизии; что касается меня, то у меня не было ничего, кроме нескольких стеблей индийской кукурузы, которые я был рад съесть сухими; да и самим индейцам жилось ненамного лучше, потому что, когда мы приближались к плантациям, они боялись убивать какую-либо дичь, чтобы грохот их ружей не встревожил жителей.

Когда мы снова прибыли в Блу-хиллс, примерно в тридцати милях от упомянутых выше ирландских поселений, мы разбили лагерь на три дня, хотя, видит Бог, у нас не было ни палаток, ни чего-либо еще, что могло бы защитить нас от холодного воздуха, нам не на чем было лечь ночью, кроме травы; их обычный метод ночлега, разбивки или разбивки лагеря на ночь, заключался в том, что они собирались группами по десять-двенадцать человек у костра, где они ложились на траву или кустарник, завернувшись в одеяло, ногами к огню.

Во время нашего пребывания здесь было проведено нечто вроде военного совета, на котором было решено разделиться на роты примерно по двадцать человек в каждой; после чего каждый капитан двинулся со своим отрядом туда, куда считал нужным. Я все еще принадлежал моим старым хозяевам, но меня оставили в горах с десятью индейцами, чтобы я оставался там до возвращения остальных; они не сочли нужным везти меня ближе к Коногочеге или другим плантациям.

Здесь я начал обдумывать побег, и хотя я очень хорошо знал местность вокруг, все же я был очень осторожен, чтобы не вызвать ни малейшего подозрения о каком-либо подобном намерении. Однако на третий день после отъезда великого отряда мои спутники сочли нужным пересечь горы в поисках дичи для пропитания, оставив меня связанным таким образом, что я не мог сбежать. Ночью, когда они вернулись, отвязав меня, мы все вместе сели ужинать тем, что они убили, и вскоре после этого (будучи сильно утомленными своей дневной прогулкой) они, как обычно, расположились отдохнуть. Теперь я перепробовал различные способы проверить, был ли это план доказательства моих намерений или нет; но после того, как я пошумел и походил вокруг, иногда касаясь их ногами, я обнаружил, что в этом нет никакой логичности. Тогда я решил, если возможно, раздобыть одно из их ружей и, если меня обнаружат, умереть,

защищая себя, а не быть схваченным. С этой целью я предпринимал различные попытки вытащить один из-под их голов (где они всегда его прятали), но тщетно. Разочарованный этим, я начал отчаиваться привести свой замысел в исполнение; и все же, немного поразмыслив и доверив себя божественному покровительству, я двинулся вперед, каким бы обнаженным и беззащитным я ни был. Однако мой ужас был таков, что, уходя от них, я останавливался и останавливался через каждые четыре-пять ярдов, со страхом поглядывая в сторону того места, где я их оставил, чтобы они не проснулись и не хватились меня; но когда я был в двухстах ярдах от них, я ускорил шаг и поспешил так быстро, как только мог, к подножию гор; как вдруг я был поражен величайшим ужасом, услышав так называемый лесной вой, который издавали оставленные мной дикари, промахнувшись в атаку. Чем больше возрастал мой ужас, тем быстрее я продвигался вперед и, едва сознавая, куда ступаю, мчался через лес с предельной скоростью, иногда падая и ушибаясь, ужасно порезав ступни о камни. Но каким бы слабым и искалеченным я ни был, я продолжал свое бегство до рассвета, когда, не имея ничего, что могло бы поддержать природу, кроме небольшого количества кукурузы, я забрался в дупло дерева, где уютно устроился, и вознес свои молитвы и благодарность божественному Существо, которое до сих пор благоприятствовало моему побегу. Но через несколько часов мой покой был нарушен, когда я услышал голоса дикарей недалеко от того места, где я прятался, которые угрожали и говорили, как они воспользуются мной, если снова схватят. Однако в конце концов они покинули то место, где я их слышал, и я оставался в своей квартире весь тот день без дальнейших приставаний.

Ночью я снова рискнул двинуться вперед, испуганный; каждая веточка, прикасавшаяся ко мне, казалась дикаркой. На третий день я спрятался таким же образом, как и раньше, и ночью отправился в путь, стараясь держаться как можно дальше от главной дороги, что удлинит мое путешествие на много миль. Но как мне описать ужас, который я испытал на четвертую ночь, когда по шороху, который я произвел в листве, группа индейцев, лежавших вокруг небольшого костра, которого я не заметил, поднялась с земли и, схватив свое оружие, побежала от костра в лес. Двигаться ли мне дальше или отдохнуть там, где я был, я не знал, когда, к моему великому удивлению и радости, меня сменил выводок свиней, который направился к тому месту, где, как я предположил, находились дикари; увидев их, я вообразил, что они вызвали тревогу, очень весело вернулся к костру и снова улегся спать. Весь в синяках, искалеченный и перепуганный, я продолжал свой путь до рассвета, когда, решив, что я в безопасности, улегся под большим бревном и проспал примерно до полудня. Перед вечером я добрался до вершины большого холма и, выглянув, не смогу ли я разглядеть какие-нибудь жилища белых людей, к своей невыразимой радости, увидел несколько, которые, по моим предположениям, находились примерно в десяти милях отсюда.

Утром я продолжил свое путешествие к ближайшим расчищенным участкам, которые я видел накануне, и около четырех часов дня прибыл к дому Джона Белла, моего старого знакомого, где, постучав в дверь, его жена, которая открыла ее, увидев меня в таком ужасном состоянии, с криком вылетела от меня в дом. Это встревожило всю семью, которая немедленно бросилась к своим рукам, и вскоре ко мне подошел хозяин с пистолетом в руке. Но когда я представился (ибо до этого он принял меня за индейца), он сразу же отнесся ко мне, как и вся его семья, с необычайной дружбой, поскольку весть о том, что я был убит дикарями, дошла до них за несколько месяцев до этого. В течение двух дней и ночей они с большой любовью снабжали меня всем необходимым и заботливо ухаживали за мной, пока мое настроение и конечности не восстановились, и я не почувствовал, что могу ездить верхом, после чего я одолжил у этих

добрых людей (чья доброта заслуживает моей самой благодарной отдачи) лошадь и кое-какую одежду и отправился в дом моего тестя в графстве Честер, примерно в ста сорока милях оттуда, куда я прибыл 4 января 1755 года (но вряд ли кто-то из семьи мог поверить их глазам, полагая, вместе с людьми, которых я недавно покинул, что я влюбился). добыча индейцев), где я был принят и обнят всей семьей с большой любовью. Справившись о моей дорогой жене, я обнаружил, что она мертва уже два месяца! Это роковое известие значительно уменьшило радость, которую я в противном случае должен был бы испытывать по поводу своего избавления от ужасного состояния и общества, в котором я находился.

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ПЛЕНЕНИИ ДЖОНАТАНА КАРВЕРА.

Ген. Уэбб, командовавший английской армией в Северной Америке, которая тогда (1757 г.) стояла лагерем в форте Эдвард, получил разведанные о том, что французские войска под командованием месье Монкальма предпринимают какие-то действия в направлении форта Уильям-Генри. Он выделил корпус численностью около полутора тысяч человек, состоящий из англичан и провинциалов, для усиления гарнизона. В этот отряд я отправился добровольцем среди последних.

Опасения английского генерала были небезосновательны, ибо на следующий день после нашего прибытия мы увидели озеро Джордж (бывшее озеро Сакрамент), к которому оно примыкает, покрытое огромным количеством лодок; а через несколько часов мы обнаружили, что наши позиции атакованы французским генералом, который только что высадился с одиннадцатью тысячами регулярных войск и канадцев и двумя тысячами индейцев. Полковник Монро, храбрый офицер, командовал фортом, и с ним было не более двух тысяч трехсот человек, включая наш отряд.

С их помощью он доблестно оборонялся и, вероятно, смог бы, наконец, сохранить форт, если бы его должным образом поддерживали и позволили продолжить его усилия. На каждый призыв сдаться, направленный французским генералом, который предлагал самые почетные условия, его ответом неоднократно было, что он все еще находится в состоянии отразить самую энергичную атаку, которую осаждающие были в состоянии предпринять; и, если он сочтет свои нынешние силы недостаточными, он вскоре сможет получить большее количество из соседней армии.

Но полковник ознакомил генерала Уэбба со своим положением и пожелал, чтобы тот прислал ему свежие войска, и генерал отправил к нему гонца с письмом, в котором сообщал, что не в его силах помочь ему, и, следовательно, отдал ему приказ сдать форт на наилучших условиях, которые он мог обеспечить. Этот пакет попал в руки французского генерала, который немедленно отправил флаг перемирия, желая переговорить с губернатором.

Соответственно, они встретились в сопровождении лишь небольшой охраны в центре между линиями; когда месье Монкальм сказал полковнику, что он прибыл лично, чтобы потребовать владения фортом, поскольку он принадлежит королю, его повелителю. Полковник ответил, что он не знает, как это может быть, и не должен сдавать его, пока в его силах его защитить.

Французский генерал ответил, одновременно передавая пакет в руки полковника: "На основании этих полномочий я делаю запрос". Едва храбрый губернатор ознакомился с содержанием письма и убедился, что таковы приказы главнокомандующего, которым нельзя ослушаться, как он молча опустил голову и неохотно вступил в переговоры.

Принимая во внимание доблестную оборону гарнизона, им было разрешено выступить со всеми воинскими почестями, им были предоставлены крытые фургоны для перевозки их багажа в форт Эдвард и охрана для защиты от ярости дикарей.

На следующее утро после подписания капитуляции, как только рассвело, весь гарнизон, состоявший теперь примерно из двух тысяч мужчин, не считая женщин и детей, был выстроен в линию и собирался выступить, когда вокруг собралось большое количество индейцев и начало грабить. Сначала мы надеялись, что это была их единственная точка зрения, и позволили им действовать без сопротивления. Действительно, не в наших силах было изготовить что-либо, даже если бы мы захотели; ибо, хотя нам и разрешалось носить с собой оружие, все же нам не разрешалось иметь ни единого патрона. В этих надеждах, однако, мы были разочарованы; ибо вскоре некоторые из них начали нападать на больных и раненых, когда те, кто не мог заползти в ряды, несмотря на то, что они пытались отвратить ярость своих врагов своими криками или стонами, были вскоре убиты.

Здесь мы были полностью уверены, что беспорядки прекратятся; и наша маленькая армия начала движение; но вскоре мы увидели, что передовая дивизия отброшена назад, и обнаружили, что мы полностью окружены дикарями. Мы каждую минуту ожидали, что прибудет гвардия, которую французы согласились предоставить нам в соответствии со статьями капитуляции, и положит конец нашим опасениям; но никто не появился. Индейцы начали сдирать с всех без исключения оружие и одежду, и те, кто оказывал наименьшее сопротивление, почувствовали тяжесть их томагавков.

Мне случилось оказаться в тылу дивизии, но прошло совсем немного времени, прежде чем я разделил судьбу своих товарищей. Трое или четверо дикарей схватили меня, и пока одни держали свое оружие над моей головой, другие вскоре сняли с меня сюртук, жилет, шляпу и пряжки, не забыв забрать у меня деньги, которые были у меня в кармане. Поскольку это происходило недалеко от прохода, который вел от линии фронта к равнине, возле которой был выставлен французский часовой, я подбежал к нему и попросил его защиты; но он только обозвал меня английской собакой и с яростью толкнул обратно в гущу индейцев.

Теперь я попытался присоединиться к отряду наших войск, которые столпились на некотором расстоянии; но бесчисленными были удары, нанесенные мне различным оружием, когда я проходил мимо; к счастью, однако, дикари были так близко друг к другу, что они не могли нанести мне удар, не подвергнув опасности друг друга. Несмотря на это, один из них нашел способ ударить меня копьем, которое задело мой бок, а от другого я получил рану тем же оружием в лодыжку. Наконец я добрался до того места, где стояли мои соотечественники, и втиснулся в их гущу. Но прежде чем я вырвался так далеко из рук индейцев, от моей рубашки остались только воротник и браслеты на запястьях, а моя плоть была исцарапана и разорвана во многих местах их жестокими хватками.

К этому времени раздался боевой клич, и индейцы начали убивать тех, кто был к ним ближе всех, без различия. Не во власти слов дать сколько-нибудь сносное представление об ужасной

сцене, которая сейчас разыгралась; мужчины, женщины и дети были расправлены самым распутным и жестоким образом и немедленно скальпированы. Многие из этих дикарей пили кровь своих жертв, когда она теплой вытекала из смертельной раны.

Теперь мы поняли, хотя и слишком поздно, что помощи от французов ждать не приходилось; и что, вопреки недавно подписанному ими соглашению предоставить нам достаточные силы для защиты от этих оскорблений, они молчаливо разрешили их; ибо я мог ясно видеть французских офицеров, прогуливающих на некотором расстоянии, беседуя друг с другом с видимым безразличием. Ради чести человеческой природы, я хотел бы надеяться, что это вопиющее нарушение всех священных законов проистекало скорее из дикого нрава индейцев, который, я признаю, иногда почти невозможно контролировать, и который теперь, возможно, неожиданно достиг такой степени, что его нелегко было бы обуздать, чем из какого-либо преднамеренного замысла французского командующего. Непредвзятый наблюдатель, однако, был бы склонен заключить, что в силах десяти тысячного христианского войска — в большинстве своем христианских войск — было предотвратить массовое убийство. Но какова бы ни была причина, из-за которой это возникло, последствия этого были ужасны, и им не было аналогов в современной истории.

Поскольку круг, в который я был заключен, к этому времени сильно поредел, а смерть, казалось, приближалась быстрыми шагами, некоторые из самых решительных предложили предпринять одно энергичное усилие и попытаться проложить себе дорогу сквозь дикарей — единственный возможный способ сохранить нам жизни, который теперь оставался. На это, каким бы отчаянным оно ни было, мы решились, и около двадцати человек сразу бросились в самую гущу.

В одно мгновение мы все оказались разлучены, и какова была судьба моих товарищей, я узнал только несколько месяцев спустя, когда обнаружил, что только шестеро или семеро из них осуществили свой замысел. Думая только о своем собственном опасном положении, я старался пробиться сквозь ряды своих свирепых врагов наилучшим из возможных способов. И с тех пор я часто удивлялся, когда вспоминал, с каким хладнокровием я предпринимал все необходимые шаги для своего спасения. Некоторых я опрокидывал, будучи в то время молодым и атлетически сложенным, а других обходил стороной, ловко уклоняясь от их оружия; пока, наконец, два очень дюжих вождя самых диких племен, насколько я мог судить по их одежде, силе которых я не мог противостоять, схватили меня за обе руки и начали проталкивать сквозь толпу.

Теперь я смирился со своей судьбой, не сомневаясь ни в чем, кроме того, что они намеревались прикончить меня, а затем утолить свою месть моей кровью, поскольку обнаружил, что они торопят меня к удаленному болоту, лежащему на некотором расстоянии. Но не успели мы пройти и нескольких ярдов, как мимо нас промчался довольно знатный английский джентльмен, насколько я мог судить по его бриджам, единственному одеянию, которое на нем было, из тонкого алого бархата. Один из индейцев мгновенно ослабил хватку и, прыгнув на этот новый предмет, попытался схватить его как свою добычу; но джентльмен, будучи сильным, повалил его на землю и, вероятно, убежал бы, если бы тот, кто держал меня за другую руку, не оставил меня, чтобы помочь своему брату. Я воспользовался случаем и поспешил присоединиться к другому отряду английских войск, которые еще не были разбиты и стояли в строю на некотором расстоянии. Но не успел я сделать и нескольких шагов, как поспешно

бросил взгляд в сторону джентльмена и увидел, как томагавк индейца вонзился ему в спину, и услышал, как он издал свой последний стон. Это прибавило мне скорости и отчаяния.

Я отошел от этой ужасной сцены всего на несколько ярдов, когда прекрасный мальчик лет двенадцати, которому до сих пор удавалось спастись, подошел ко мне и попросил, чтобы я позволил ему схватить меня, чтобы у него был хоть какой-то шанс вырваться из рук дикарей. Я сказал ему, что окажу ему любую помощь, какая в моих силах, и с этой целью приказал ему держаться; но через несколько мгновений он был оторван от меня и, судя по его крикам, вскоре был уничтожен. Я не мог не забыть на минуту о своих собственных заботах, чтобы оплакать судьбу столь юной страдальцы; но для меня было совершенно невозможно предпринять какие-либо меры, чтобы предотвратить это.

Теперь я снова оказался среди друзей, но мы не могли оказать друг другу никакой помощи. Поскольку это было подразделение, продвинувшееся дальше всех от форта, я подумал, что может быть, есть возможность (хотя и весьма призрачная) мне пробиться сквозь внешние ряды индейцев и добраться до соседнего леса, который я заметил на некотором расстоянии. Почти чудесное сохранение, которое я уже пережил, все еще вселяло в меня надежду.

И мои надежды не были напрасными, а усилия, которые я прилагал, безрезультатными. Достаточно сказать, что я добрался до леса; но к тому времени, как я немного углубился в него, мое дыхание настолько истощилось, что я бросился в расщелину и несколько минут лежал, очевидно, испуская последний вздох. Наконец ко мне вернулась способность дышать; но мои опасения вернулись со всей своей прежней силой, когда я увидел, как на не очень большом расстоянии мимо прошли несколько дикарей, вероятно, преследовавших меня. В этой ситуации я не знал, что лучше - продолжать или попытаться спрятаться там, где я лежал, до наступления ночи; опасаясь, однако, что они вернутся тем же путем, я счел самым благоразумным убраться подальше от ужасного места моих мучений. Соответственно, свернув в другую часть леса, я поспешил дальше так быстро, как только позволяли мне шиповник и потеря одного из моих башмаков; и после медленного продвижения в течение нескольких часов достиг холма, возвышавшегося над равниной, которую я только что покинул, откуда я мог разглядеть, что кровавый шторм все еще бушевал с неослабевающей яростью.

Но, чтобы не утомлять моих читателей, я только добавлю, что, проведя три дня без еды и три ночи выдерживая холодную росу, я, наконец, добрался до форта Эдвард, где при должном уходе мое тело вскоре восстановило былую силу, а разум, насколько позволяли воспоминания о недавних печальных событиях, - свое обычное самообладание.

Было подсчитано, что в тот роковой день эти дикари убили или взяли в плен полторы тысячи человек. Многие из последних были уведены ими и никогда не вернулись. Некоторые из них, благодаря благоприятным случайностям, вернулись в свою родную страну после долгого и сурового плена.

Храбрый полковник . Вскоре после того, как началась неразбериха, Монро поспешил во французский лагерь, чтобы попытаться обеспечить охрану, оговоренную условиями; но его просьба оказалась безрезультатной, и он оставался там до тех пор, пока генерал Уэбб не отправил отряд войск требовать его возвращения в форт Эдвард и защищать его. Но эти несчастные случаи, которые, вероятно, были бы предотвращены, если бы ему предоставили осуществлять свои собственные планы, вместе с потерей стольких хладнокровно убитых

храбрецов, свидетелем доблести которых он так недавно был, произвели такое впечатление на его разум, что он прожил недолго. Он умер примерно через три месяца от разрыва сердца, и можно с уверенностью сказать, что он был честью для своей страны.

Я не имею в виду указывать на следующее обстоятельство как на немедленный суд Небес, задуманный как искупление за эту бойню, но я не могу умолчать о том, что очень немногие из тех различных племен индейцев, которые участвовали в ней, когда-либо дожили до возвращения домой. Оспа, благодаря их общению с европейцами, проникла к ним и произвела опустошение, равное тому, которое они сами совершили. Методы, которые они применили при первом приступе этого злокачественного заболевания, чтобы ослабить сопровождавшую его лихорадку, сделали его смертельным. Пока их кровь находилась в состоянии брожения, а природа стремилась выбросить вредные вещества, они проверяли ее действие, погружаясь в воду; в результате они умирали сотнями. Те немногие, что выжили, были превращены ею в отвратительные предметы и унесли с собой в могилу глубокие следы этой страшной болезни.

Вскоре после этого месье Монкальм пал на равнинах Квебека.

В том, что неспровоцированная жестокость этого командира не одобрялась большинством его соотечественников, я впоследствии убедился на основании многих доказательств. Однако сейчас я приведу только одно, которое я получил от человека, который был свидетелем этого. Один канадский купец, имевший некоторое влияние, услышав о сдаче английского форта, отпраздновал счастливое событие большим ликованием и гостеприимством, согласно обычаям этой страны; но как только весть о последовавшей резне достигла его ушей, он немедленно положил конец празднествам и в самых суровых выражениях возмутился против бесчеловечного разрешения, заявив в то же время, что те, кто потворствовал этому, тем самым навлекли на эту часть владений своего короля кару Небес. К этому он добавил, что очень опасался, что следствием этого вполне заслуженно станет их полная потеря. Мы хорошо знаем, насколько верно подтвердилось это предсказание.

РАССКАЗ О ПЛЕНЕНИИ МИССИС СКОТТ.

Миссис Скотт, жительница округа Вашингтон, штат Вирджиния, была взята в плен индейцами в ночь на двадцать девятое июня 1785 года. Ее муж и все ее дети были убиты, и еще до наступления утра она была вынуждена начать свой марш через пустыню.

На одиннадцатый день ее пленения, когда она присматривала за четырьмя индейцами, провизия стала скудеть, был сделан привал, и трое из них отправились на охоту. Оставшись на попечении старика, она заставила его поверить, что смирилась со своим положением, и таким образом сбила его с толку. Желая сбежать и обдумав свои планы, она как можно более бескорыстно попросила его позволить ей сходить к небольшому ручью неподалеку и постирать свой фартук, испачканный кровью одного из ее детей. Он отпустил ее, и, пока он был занят "выделкой оленьей шкуры", она отправилась в путь. Достигнув ручья, ни секунды не колеблясь, она направилась в сторону горы. Путешествуя до поздней ночи, она добралась до долины, где надеялась найти тропу, по которой ее увели похитители, и таким образом вернуться по своим следам. Поспешив через долину к берегу реки, которая, как она предположила, должна была

быть восточным ответвлением Кентукки, она обнаружила на песке следы двух мужчин, которые поднялись вверх по течению и вернулись. Решив, что это отпечатки преследователей и что они вернулись с поисков, она набралась смелости, поблагодарила Бога и была готова продолжить свое бегство.

На третий день она была очень близка к тому, чтобы попасть в руки дикарей, отряд которых, как она предположила, был отправлен в Клинч-ривер на воровскую вылазку. Услышав их приближение еще до того, как они появились в поле зрения, она спряталась, и они прошли мимо, не заметив ее. Теперь она сильно встревожилась и была настолько сбита с толку, что сбилась с пути и несколько дней блуждала наугад.

Наконец, подойдя к ручью, который, казалось, тек с востока, она пришла к выводу, что это, должно быть, Сэнди-ривер; и, решив проследить его до истока, который находился недалеко от поселения, с которым она была знакома, она продвигалась вперед несколько дней, пока не оказалась в гористой местности и на скалистых обрывах. Там, поблизости от "потрясающего водопада", она была вынуждена прыгнуть с обрыва на несколько камней и была настолько ошеломлена, что вынуждена была ненадолго задержаться в своем путешествии.

Вскоре после перевала через гору (Лавровую гору) ее укусила змея, которая, как она предполагала, была ядовитой. Она убила его и ожидала, что следующим придет ее черед умереть; но единственной травмой, которую она получила, была небольшая боль и отек одной стопы. Писатель, за повествованием которого мы следим и чьи факты более достоверны, чем его философия, считает, что, будучи "сведенной к простому скелету от усталости, голода и горя", она, вероятно, по этой причине "была спасена от воздействия ядовитых клыков".

Выйдя из реки, миссис Скотт подошла к раздвоенной долине и, наблюдая за полетом птиц, взяла ветку, которую они взяли, и через два дня увидела Нью-Гарден, поселение на реке Клинч, о котором упоминалось ранее. Таким образом, после шести долгих недель скитаний по пустыне, почти без одежды, без защитного оружия или приспособлений для добывания пропитания; подвергаясь нападению диких зверей и безжалостных дикарей; целый месяц питаясь соком молодых стеблей тростника, листьями сассафраса и подобной пищей, в молитве обращаясь к Богу за руководством днем и за защитой ночью, защищенная от серьезного вреда и ведомая невидимой Рукой, одиннадцатого августа скитания овдовевшей и бездетной пленницы подошли к концу.

ДжейСи

КОНЕЦ.

Примечания переписчика:

Орфографические вариации сохранены, за исключением очевидных случаев типографской ошибки.

Варианты транслитерации индийских слов оставлены в напечатанном виде, если ниже не указано иное.

Сноски в исходном тексте были отмечены символами на уровне страницы. Маркеры символов сносок были заменены порядковыми номерами сносок для всего текста.

Страница 10: Нумерация разделов, начинающаяся на этой странице с "№ II.", не включает раздел, помеченный как "№ I." в оригинальной публикации.

Страница 40: Расшифровано "Murphy s" как "Мерфи". Как напечатано в оригинале: "... привел нас к мистеру Мерфи С., спонсору поселения Мерфи".

Страница 55: Слово "почти" расшифровано как "высокий". Как было напечатано в оригинале: "Первый вид на эту панораму бескрайних равнин был великолепен".

Страница 100: Необычное словообразование (или ошибка набора текста) — "у нее" — оставлено как напечатано. Как напечатано в оригинале: "Она отдыхала, держа свое тело в руках..."

Страница 100: пропущена заключительная цитата (для материала, начинающегося словами "Это был только он...") после следующих слов: "Это моя похоронная песня. Прощай".

Страница 109: Отсутствует цитата в конце (для материала, начинающегося словами "если бы я приложил все свои силы") после следующих слов: "Но вы будете уважать меня и не будете есть себе подобных".

Страница 109: Транскрибировано "MASH-" как "MÄSH-" для соответствия транслитерации в остальной части этого раздела. Первоначально напечатано: "МАШ-КВА-ША-КВОНГ, был первоклассным охотником...."

Страница 119: Расшифровано "дыхание" как "широта". В оригинале напечатано: "... или побег с волосом-дыханием среди краснокожих".

Страница 145: "Mis siss ip ri". в списке слов отсутствует знак ударения в оригинальной публикации.

Страница 150: Слово "вожди" расшифровано как "принадлежащие вождю". Первоначально напечатано: "... что касается некоторых моментов, связанных с этим персонажем chiefs...."

Страница 170-1: Ссылки, включенные в текст как "№", за которыми следует цифра, приведены только на этих страницах публикации и не имеют соответствующего пояснения в тексте.

Страница 196: Цитата, начинающаяся словами "В древние времена было", не имеет заключительной цитаты в оригинальной публикации.

Страница 227: Пронумерованные строфы в английском переводе псалма начинаются с 2. В оригинальной публикации нет ссылки на 1. Цифра 2 проставлена с отступом в оригинальной публикации так, как она расшифрована здесь.

Страница 227: Текст в оригинальной публикации напечатан искаженным шрифтом, слово, заканчивающее следующее предложение, частично неразборчиво: "Мою душу он восстанавливает ag". Это предложение было расшифровано здесь как: "Душу мою он снова восстанавливает".

Страница 268: Транскрибировано "Song" как "Söng" для соответствия транслитерации на странице 267. В оригинале напечатано: "Сильная песня Иззи, Песня иззида".

Страница 271: Предложение "Минвава, приятный звук". было напечатано дважды в оригинальной публикации. В этой транскрипции удалена одна итерация повторяющегося предложения.

Страница 274: Транскрибировано "Odizzhewabizziwin" как "Odizzhewäbizziwín" для соответствия другим транслитерациям слога "-wäb" на этой странице. Первоначально напечатано: "Одизжевабицивин махмови онишишинин".

Страницы 286-8: Напечатанный текст на страницах с номерами 286 и 287 был размещен в обратном порядке. В этой транскрипции текст со страницы 287 был помещен на страницу с номером 286, а текст со страницы 286 был помещен на страницу с номером 287. Текст, начинающийся вверху страницы 288, не вытекает из текста в конце страницы 287, поэтому материал мог быть пропущен при наборе текста.

Страницы 292 и 294: Ссылки на номера страниц (например, "стр. 43") не соответствуют предыдущим страницам в этой публикации. Предположительно, они относятся к страницам исходного текста, с которых был скопирован этот отрывок.

Страница 299: Расшифровано "Медас" как "Мета". Первоначально напечатано: "... личное знакомство с одним из их Медиков...."

Страница 303: Нумерация разделов, начинающаяся на этой странице с "2.", не включает раздел, помеченный как "1." в оригинальной публикации.

Страница 304: Переписано "Rensselear" как "Ренсселер". В оригинале напечатано: "... нынешняя территория округов Ренсселер и Колумбия...."

Страница 311: Подпись "Генри Р. Колкрафт" следует за письмом в тексте, озаглавленном: "Письма о древностях Западной Страны, адресованные покойному Уильяму Л. Стоуну, редактору New York Commercial Advertiser". В выпуске периодического издания под названием "Новый мир", том 6, 13 мая 1843 г., в статье упоминается "мистер Х.Р. Колкрафт, эсквайр, более известный под именем Скулкрафт, благодаря его различным работам, касающимся наших аборигенов".

Страница 354: Расшифровано "помощь" как "succor". Первоначально напечатано: "... который когда-либо просил помощи у Бахуса..."

Страница 377: Сумма в долларах, напечатанная как "... ежегодные проценты, выплачиваемые им, составили 131,05 доллара". оставлено напечатанным, хотя, по-видимому, это ошибка набора текста.

Страница 379: Две суммы в долларах, напечатанные как "515 230 44 доллара" и "27 063 83 доллара", не имеют десятичных знаков в оригинальной публикации.

Страница 393: Здесь абзацы пронумерованы 2 и 3, но в оригинальной публикации нет предыдущего абзаца под номером 1.

Страница 394: Расшифровано "Go Nosis" как "Ho Nosis" для соответствия дополнительным переводам фразы "Ho Nosis" на этой странице. Как напечатано в оригинале: "Иди к Носису и скажи ему, что твои дяди устроили их именно так, когда они пришли с Юга".

Страница 395: Транскрибировано "Tah hau" как "Тах кау" во втором появлении на этой странице. Как напечатано в оригинале: "Тах хау (где ах!)".

Страница 415: Звездочка, напечатанная в конце фразы "Кровь Бесстрашных приносит", и символ кинжала в конце фразы "Моя, чей могильный вымпел развевается", предположительно предназначенные для обозначения сносок, были удалены, поскольку на странице нет соответствующих примечаний.